

Отраденское районное общество
историков-архивистов
во имя святого преподобного Нестора Летописца

Отраденские
историко-краеведческие
ЧТЕНИЯ
Выпуск VI

Научный редактор С.Н. Малахов
Составитель С.Г. Немченко

Армавир – Отрадная
2018

*Авторы статей и редколлегия
сборника «Отраденские историко-краеведческие чтения»
сердечно поздравляют краеведа, председателя Отраденского районного
общества историков-архивистов во имя святого преподобного
Нестора Летописца*

Сергея Гурьевича Немченко с 60-летием!

*Желают ему доброго здоровья и дальнейших творческих успехов
в его неутомимых трудах по возрождению исторической памяти
родного казачьего края – Кубани*

Сергей Гурьевич Немченко

УДК 947.1/9 (470.62)
ББК 63.3 (2 Рос-4Кра)
О 80

Научное издание

Редколлегия:

Малахов С.Н. – кандидат исторических наук,
доцент кафедры всеобщей и отечественной истории АГПУ,
с.н.с. отдела истории Института истории и археологии РСО-Алания (*науч. редактор*)

Мамиев М.Э. – кандидат исторических наук,
с.н.с. отдела истории Института истории и археологии РСО-Алания

Немченко С.Г. – краевед,
председатель Отрадненского районного общества историков-архивистов
во имя святого преподобного Нестора Летописца (*составитель*)

Плотникова В.А. – начальник архивного отдела администрации
муниципального образования Отрадненский район

Рецензенты:

Лоба В.Е. – кандидат юридических наук, доцент, начальник Управления научно-исследовательской деятельности Армавирского государственного педагогического университета

Малахова А.С. – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Армавирского лингвистического социального института

Отрадненские историко-краеведческие чтения. Вып. VI [Текст] / Науч. редактор С.Н. Малахов, составитель С.Г. Немченко. – Армавир: Издатель Шурыгин В.Е., 2018. – 301 с., ил.

В 6-й выпуск сборника «Отрадненских историко-краеведческих чтений», приуроченных к 60-летию краеведа С.Г. Немченко, вошли статьи и материалы по археологии, средневековой, новой и новейшей истории Кубани, военной истории казачества, архивоведению, этнологии, книжному делу, истории Православия на Кубани. Издание предназначено для историков, краеведов, учителей, студентов, учащихся и всех, кто интересуется историческим прошлым Отрадненского района, Карачаево-Черкесии и Краснодарского края.

На первой стороне обложки:

На концевой стороне обложки:

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
администрации Отрадненского района, администрации станицы Отрадной,
Отрадненского районного казачьего общества,
пожертвований Отрадненского благочиния
и личных средств казака станицы Отрадной Немченко С.Г.*

ISBN 978-5-91153-116-4

© Авторы статей, 2018
© Оформление. Издатель Шурыгин В.Е., 2018

СОДЕРЖАНИЕ

I. АРХЕОЛОГИЯ

<i>Пелих А.Л.</i> Серп из окрестностей х. Веселый Отрадненского района	7
<i>Цокур И.В., Пьянков А.В.</i> Погребение № 7 из могильника Трубный Отрадненского района Краснодарского края	8
<i>Пьянков А.В., Пономарев В.П.</i> Новая находка номисмы стамены Никифора III Вотаниата (1078–1081 гг.) в Закубанье	12

II. ИСТОРИЯ

<i>Емельянов Н.О., Емельянов О.Б.</i> Памятные эпизоды из боевой службы двух Сборно-Линейных полков Кавказского казачьего войска на заключительном этапе Крымской (Восточной) войны под стенами турецкой крепости Карс в 1855 г.	15
<i>Русанов К.В.</i> Укрепление Хунзах – место службы казаков 6-го Кубанского пластунского батальона	22
<i>Русанов К.В.</i> Врачи 6-го Кубанского пластунского батальона (1893–1914 гг.)	28
<i>Андреев А.О.</i> I-я Кубанская казачья дивизия в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. с кратким археографическим обзором фонда ГАКК № 438 «I-я льготная Кубанская казачья дивизия»	35
<i>Корсакова Н.А.</i> Наказный атаман Кубанского казачьего войска и Начальник Кубанской области Михаил Павлович Бабыч (К 100-летию со дня трагической гибели)	39
<i>Винокуров В.В.</i> Восстание весной 1918 г. в Ейском отделе Кубанской области	41
<i>Тёр Е.В.</i> Дом на холме (Последний бой полковника Павла Михайловича Ярошевича)	47
<i>Дюкарев А.В.</i> Родословная атамана В.Г. Науменко (Генеалогические дополнения)	51
<i>Седов О.А.</i> Женотделы как форма вовлечения женщин в общественно-политическую жизнь на Кубани в 1920–1930-е гг.	53
<i>Казанков В.И.</i> Партизанское лето 1942 года на Кубани	62
<i>Аракелян А.А.</i> Применение карточной системы распределения продовольствия на Кубани в годы Великой Отечественной войны	70

III. ИСТОРИЯ ПРАВОСЛАВИЯ НА КУБАНИ: ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

<i>Малахов С.Н.</i> К вопросу о Черкесской митрополии (вторая половина XIV–XVI в.)	73
<i>Карданова А.Х.</i> Православие в жизни черкесов	76
<i>Иеромонах Антоний (Малинский).</i> Июньская «Голгофа» приурупских станиц. К биографии протоиерея Павла Васильевича Иванова, убитого отрядом Красной армии в 1918 г.	82
Клировые ведомости станиц Удобной и Спокойной за 1914 г. <i>Публикация А.В. Бабича и С.Г. Немченко</i>	93
<i>Кияшко Н.В.</i> «Ни один из этих мучеников не совершал никакого преступления»: духовенство и красный террор в годы Гражданской войны на Юге России	104
<i>Иеромонах Антоний (Малинский).</i> К биографии священника Феодора Акимовича Березовского, убитого в 1918 году в станице Удобной Кубанской области	111
<i>Бабич А.В., Немченко С.Г.</i> Священник станицы Каменнобродской Кубанской области Серапион Георгиевич Попов	114

<i>Гетманская С.Н.</i> Православная жизнь в станицах Усть-Лабинского района Краснодарского края (конец XIX – начало XXI в.)	115
<i>Панарин А.А., Панарина Е.В.</i> Антирелигиозная политика советского государства и положение Русской Православной Церкви на Кубани в 1930-е гг.	125
<i>Бабич А.В.</i> Исторический очерк о приходах Новокубанского благочиния Кубанской епархии в советский период	128
<i>Бабич А.В.</i> Исторический очерк о приходах Успенского благочиния Кубанской епархии в советский период	140

IV. ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИЗДАТЕЛЬСКОГО И АРХИВНОГО ДЕЛА

<i>Колесников В.А.</i> Линейное казачество Кубани в интеллектуальном наследии Е.Д. Фелицына	153
<i>Матвеев О.В.</i> Станичный учитель и краевед Е.Н. Бутова	158
<i>Слуцкий А.И.</i> Периодическая печать как источник изучения истории кубанского книжного дела	172
<i>Соловьева Н.Г.</i> О традиционном жилище казаков Баталпашинского отдела	180
<i>Дорошенко Л.Н.</i> Выдающийся оперный певец В.П. Дамаев – уроженец станицы Отрадной (К 140-летию со дня рождения)	184
<i>Вотченко И.Д.</i> Документы по личному составу – составная часть Архивного фонда России (К 100-летию государственной архивной службы)	188
<i>Петрова-Хорина Н.Н.</i> Почерк добра и созидания (Слово об А.А. Хагурове)	190

V. КАЗАЧИЙ АРХИВ

<i>Громов В.П.</i> Гражданская война на Кубани в 1918–1920 годах в воспоминаниях есаула Михаила Васильевича Губы	196
<i>Стрелянов (Калабухов) П.Н.</i> Троицкое восстание: переписка с Виталием Якубовым	203
<i>Гужвенко Г.И.</i> Воспоминания. Публикация В.А. Хлебнова	228
<i>Брацун Е.В.</i> Из прошлого карачаево-балкарского народа (по документам Северо-Осетинского государственного архива)	240
<i>Росликова В.И.</i> Отраденские труженицы	244

VI. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Письма Жигайлова А.Н. Малахову С.Н.	249
<i>Немченко Г.Л.</i> Родаки и однофамильцы (Записки бродячего недоучки)	253
<i>Немченко Г.Л.</i> Необходимость национального этикета	273
<i>Решетникова Е.Л.</i> Царский Крестный ход	279

VII. MEMORIA

<i>Виноградов Е.А.</i> Памяти Виталия Васильевича Якубова	284
<i>Слуцкий А.И.</i> «Виктор Кириллович Чумаченко, которого я знаю давно...»	287
<i>Лукаш С.Н.</i> Памяти Евгении Васильевны Бондаревской	290
<i>Орёл Л.Г.</i> Литературовед В.Н. Орёл: память сквозь годы	294
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	298
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	299

I. АРХЕОЛОГИЯ

А.Л. Пелих

**Серп из окрестностей х. Веселый
Отраденского района**

Отраденский район Краснодарского края в эпоху поздней бронзы (далее – ПБВ) был достаточно плотно заселен, свидетельством чему являются, в частности, неоднократные находки бронзовых серпов [1; 2].

Благодаря помощи С.Г. Немченко удалось ознакомиться с еще одной находкой подобного серпа.

Описываемый серп был найден при распашке поля Николаем Ивановичем Черноволовым в 1978–1980-м гг. недалеко (не более 0,5 км) от х. Веселый, в 2-2,5 км от х. Отрадо-Солдатский, в Отраденском районе Краснодарского края.

Серп дуговидный, лезвие на всем протяжении примерно одинаковой ширины, к концу сужается. Черенок в разрезе подквадратный. Изделие литое, покрытое патиной. Длина серпа от носа до конца стержня 21,6 см, длина от носа до основания стержня (длина по хорде) 16,1 см, максимальная ширина лезвия 4,1 см. Серп был отлит в одностворчатой форме, лезвие после литья подверглось дополнительной проковке. Черенок также формировался проковкой. Следы нескольких ударов видны и на кромке спинки. Ближе к рукояти – мелкие заусеницы на режущей кромке. Кромка лезвия – со следами использования. Масса серпа 201,13 г.

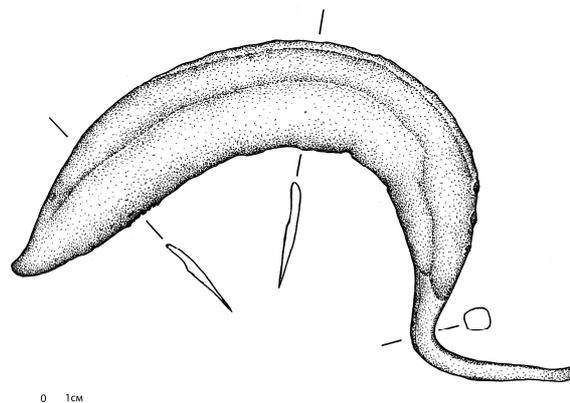
Данный серп по своим параметрам наиболее близок к серпу из пос. Садовый Отраденского района [2], к серпу из х. Вестник Анапского района [3] и к некоторым серпам из Таманского клада [4].

В целом серп из х. Веселый относится ко 2 группе прикубанских позднебронзовых серпов по А.А. Иессену – серпы с равномерно изогнутой спинкой, без резкого ее перегиба [5]. Подобные рассматриваемому изделию серпы В.С. Бочкарев и В.А. Дергачев относили, учитывая как форму, так и размеры, к типу Коблево/KoblevoB, варианту Батарейка/Batarejka3 [6].

Серпы облика, похожего с обнаруженным у х. Веселый, относятся нами с В.С. Бочкаревым к 1 варианту I типа серпов прикубанского очага металлургии и металлообработки ПБВ – симметрично-дуговидные серпы. Подобные серпы относятся к I-II позднебронзовым группам ПОММ, что синхронизируется с лобойковским и сабатиновским периодами степей. В абсолютных датах – это пределы XV-XIII вв. до н.э. [7].

Примечания:

1. *Анфимов Н.В.* Находки предметов эпохи поздней бронзы близ станции Удобной // СА. 1957. № 4. С. 155–157.
2. *Пелих А.Л., Ложкин М.Н.* Материалы позднебронзового времени из Отраденского музея // III Минаевские чтения: Материалы научной конференции. Ставрополь, 1999. С. 46–50.
3. *Новичихин А.М.* Новая находка бронзового серпа в Закубанье // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. – V в. н.э. Тирасполь, 1994. С. 133–135.
4. *Сокольский Н.И.* Таманский клад бронзовых орудий // СА. 1980. № 2. С. 144–150.
5. *Иессен А.А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // МИА 23. М.-Л., 1951. С. 75–124.
6. *Дергачев В.А., Бочкарев В.С.* Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2002. 348 с.
7. *Бочкарев В.С., Пелих А.Л.* К хронологии памятников прикубанского очага металлургии и металлообработки // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий (XXV Юбилейные «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа): Тезисы докладов Международной научной конференции. Владикавказ, 2008. С. 64–66.

**Рисунок 1: Серп из окрестностей
х. Веселый**

И.В. Цокур, А.В. Пьянков

**Погребение № 7 из могильника Трубный
Отраденского района
Краснодарского края**

Восточно-Закубанская археологическая экспедиция Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына (далее – КГИАМЗ) в июле-августе 1994 г. провела охранно-спасательные работы на могильнике «Трубный» в Отраденском районе Краснодарского края. Начальником экспедиции была И.В. Каминская (И.В. Цокур), одна из авторов настоящей публикации [1].

Могильник находится в двух километрах к юго-западу от южной окраины хутора Ильич на правом берегу реки Уруп, в ущелье Трубное, получившее название по скалам, напоминающим по форме цилиндрические трубы. Скалы расположены на противоположном берегу реки против ущелья. Погребения располагались ступенчато по склону. Все могильные сооружения имели на поверхности западины от грабительских перекопов. Было доследовано 15 погребений, которые оказались ограбленными, а их заполнение – выброшено. В отдельных захоронениях инвентарь сохранился, но не полностью. Примером служит погребение 7, которое содержало интересный в научном плане инвентарь и заслуживает отдельной публикации.

Погребение 7 открыто к СВ от Ро (аз. 90) на расстоянии 6 м от Ро и 0,2 м от поверхности земли в слое суглинка тёмно-серого цвета с большим содержанием щебня и корней деревьев и травянистых растений. Оно было ограблено. Погребение совершено в каменном ящике (рис. 1). Южной стенкой служил каменный блок и несколько крупных камней. Северная стенка состояла из обработанной и вертикально поставленной известковой каменной плиты и колотых камней меньшего размера. Их размеры от 1,40х0,6х0,1 м до 0,25х0,18х0,1 м. Восточная торцовая стенка состоит из небольших колотых камней 0,20х0,16х0,08 м. Западная торцовая стенка отсутствовала (была разрушена корнем дерева). Длинная ось погребения ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Размеры гробницы: 1,7х0,7 м. Высота сохранившихся стенок до 0,3 м.

Заполнение гробницы – суглинок тёмно-серого цвета с большим содержанием щебня, корней деревьев и травянистых растений вперемежку с угольками. Дно плоское. Восточный угол ящика выложен плиткой из обработанного известняка. Костяк не сохранился. В СВ части гробницы вдоль стенки зафиксированы фрагменты плечевой кости правой руки (рис. 1, 1). Видимо, костяк был ориентирован по линии З–В, скорее всего, лежал вытянуто на спине, головой на СВ.

В заполнении обнаружен инвентарь погребения.

1. Накладка ременная в форме щита прямоугольной формы с закруглённой нижней стороной, прессованная из тонкой серебряной пластинки, украшенная по краю рядом круглых выпуклостей, в центре находилась площадка по форме соответствующая контурам накладки с перевёрнутым изображением стилизованного колоса из 3 пар остей. На оборотной стороне имеются следы припоя, детали крепления утрачены. Размеры: 22х20х3 мм (рис. 2, 1).

2, 3. Накладка ременная (2 экз.), овальной формы, прессованная из тонкой серебряной пластинки, украшенная по всему краю рядом круглых выпуклостей, ещё одна линия круглых выпуклостей делит накладку на две неравные части, нижняя половина более крупная, в деталях повторяет накладку со стилизованным изображением колоса, а верхняя имеет несколько меньшие размеры и повторяет нижнюю часть накладки, но в перевёрнутом виде. На оборотной стороне имеются следы припоя, детали крепления утрачены. Размеры: 35х22х3,5 мм и 36х24х3 мм (рис. 2, 2, 3).

4. Накладка ременная трехчастная, по форме ряд полусфер, прессованная из тонкой серебряной пластинки, с отверстием в центре; одна полусфера и часть центральной утрачены, детали крепления не сохранились. Размеры: 13х9х4 мм (рис. 2, 4).

5. Фрагмент пластинчатого предмета неправильной формы из тонкого серебряного листа, прессованная, изображение не определяется. Размеры: 10-9 мм (рис. 2, 7).

6. Наконечник ременный, коробчатый, состоящий из двух прямоугольных серебряных пластинок с закруглёнными торцами с одной стороны, с противоположной стороны соединённых двумя штифтами через два отверстия у ровно обрезанного торца; прямо-

угольные пластины соединялись с помощью пайки узкой пластинкой с трёх сторон. Узкая пластинка отсоединена и деформирована. Размеры: 32x11 мм (рис. 2, 5, 6).

7. Кольцо овальное из серебряной проволоки, разомкнутое, с одетой на него подвеской, пластинчатой и спаянной у кольца; пластинки, орнаментированные продольными рядами точек, обломлены. (Вероятно, фрагмент целого предмета, возможно, серьги). Размеры: d кольца: 15 мм, l подвески: 10 мм, s подвески: 2,5 мм (рис. 2, 8).

8. Петля из узкой бронзовой пластины, сложенная вдвое и с расходящимися в разные стороны концами. (Вероятно, механизм крепления ремennых накладок, припаявшийся на оборотной стороне). Размеры: 10x7 мм, толщина пластинки: 2x1 мм. (рис. 2, 9).

9. Бусина сердоликовая в форме дважды усечённого эллипса. Размеры: h: 7 мм, d: 7 мм, d отверстия: 1 мм (рис. 3, 5).

10. Бусина сердоликовая в форме усечённой полусферы. Размеры: h: 8 мм, d: 7 мм, d отверстия: 1 мм (рис. 3, 6).

11. Бусина сердоликовая, в форме усечённого шара. Размеры: h: 8 мм, d: 7 мм, d отверстия: 1 мм (рис. 3, 8).

12. Бусина гагатовая (2 экз.), биконической формы, дважды усечённая параллельно. Размеры: длина: 9 мм, d: 10 мм, d отверстия: 1 мм (рис. 3, 1, 2).

13. Бусина непрозрачного стекла чёрного цвета цилиндрической формы, украшена спиральным орнаментом жёлтого цвета. Размеры: h: 14 мм, d: 7 мм, d отверстия: 3 мм (рис. 3, 3).

14. Бусина непрозрачного стекла синего цвета в форме призмы с закруглёнными углами, с чёрными глазками и жёлтыми поясками. Размеры: 9x7x7 мм (рис. 3, 4).

15. Бусина непрозрачного стекла зелёного цвета, эллипсоидная, дважды параллельно усечённая. Размеры: h: 5 мм, d: 5 мм, d отверстия: 2 мм (рис. 3, 9).

16. Бусина непрозрачного стекла голубого цвета (3 экз.), эллипсоидная, дважды параллельно усечённая. Размеры: h: 6 мм, d: 5 мм, d отверстия: 2 мм (рис. 3, 10, 14, 16).

17. Бусина непрозрачного стекла чёрного цвета, биконической формы, дважды параллельно усечённая, с продольными полосками белого цвета. Размеры: 6x5 мм, d отверстия: 2 мм (рис. 3, 15).

18. Бусина непрозрачного стекла белого цвета (2 экз.), конической формы, одно-

кратно параллельно усечённая. Размеры: 1) h: 5 мм, d: 7 мм, d отверстия 1 мм, 2) h: 6 мм, d: 8 мм, d отверстия: 1 мм (рис. 3, 11, 12).

19. Пронизь непрозрачного стекла чёрного цвета, двухчастная из уплощённых сфер. Размеры: длина: 4 мм, d: 3 мм, d отверстия: 1 мм (рис. 3, 23).

20. Бусина полупрозрачного стекла, цилиндрической формы, жёлтого цвета, с металлической прокладкой внутри. Размеры: h: 5 мм, d: 5 мм, d отв.: 1 мм (рис. 3, 13).

21. Бусина прозрачного стекла жёлтого цвета с металлической прокладкой внутри, двухчастная, цилиндрической формы. Размеры: длина: 11 мм, d: 5 мм (рис. 3, 7).

22. Бисер стеклянный шаровидной формы, дважды параллельно усечённый, разного цвета. Размеры: h: 1,5 мм, d: 3 мм, d отв.: 1-0,5 мм (рис. 3, 17-22).

Датировку погребения № 7 определяют ремennые накладки. Близкие аналогии нашим ремennым бляхам опубликованы П.С. Уваровой в известном труде «Могильники Северного Кавказа», в котором, кроме прочего, дано общее описание некрополей у села Камунта в Осетии и инвентаря из захоронений. Среди иллюстраций вещей приведены снимки материалов из раскопок В.Б. Антоновича и из приобретений К.И. Ольшевского во Владикавказе у местных жителей. Снимки ремennых накладок обеих форм (в виде щита и сдвоенных щитов) даны без описания и пояснения обстоятельств их находки [2]. Это затрудняет датировку предметов. Судя по цветной иллюстрации, прессованные накладки были серебряными, как и публикуемые. Предметы из Камунты имеют небольшие отличия от накладок из Трубногo. Например, не все внутренние щиты накладок имеют изображение стилизованного колоса.

Другие близкие по деталям прессованные ремennые накладки известны в Перещепинском кладе. Здесь присутствовал поясной набор, состоящий из псевдопряжек и накладок т-образных, овальных, щитовидных, а также наконечника пояса. Все поясные детали орнаментированы по краю округлыми выпуклостями, такими же, как и у публикуемых предметов [3]. Правда, щитки накладок имеют в центре касты для стеклянных вставок и изготовлены из золота. Известны такие предметы и в других памятниках Перещепинского круга [4].

Ременные накладки в подобном стиле (обрамлённые по краю линией круглых выпуклостей) доживают в Венгрии до времени древностей типа Тарнамера [5]. Восточнее орнаменты в виде линии круглых полых выпуклостей и стилизованного колоса известны на поясном наконечнике из Новых Санжар и в других более поздних памятниках [6].

В науке нет устоявшихся датировок археологических памятников VII в. Например, З.А. Львова и Б.И. Маршак, одни из авторов, подробно и полно опубликовавших комплекс Перещепинского клада, датируют его сокрытие второй третью VII в., хотя и признают спорность такой датировки [7]. А более поздний Вознесенский комплекс Н. Хрисимов датировал 20-30 гг. VII в. [8]. С дополнительной информацией о хронологии этого периода можно познакомиться в работах И. Вернера и А.В. Комара [9].

Авторам ближе аргументация И.О. Гавритухина, который датирует горизонт Перещепины: 620/640 – 660/680 гг., а горизонт Вознесенки: 660/680 – 690/710 гг. [10]. Этим периодом должны датироваться публикуемые ременные накладки, а следовательно, и само погребение № 7 могильника Трубный. Остальной инвентарь не противоречит такой датировке.

Единственное опубликованное погребение этого могильника датировано серединой VII в., с допущением расширения его даты в сторону омоложения [11]. Остаётся добавить, что оба захоронения могильника (пп. № 7 и № 13), судя по сохранившимся инвентарю, чертам погребального обряда и погребальному сооружению, относятся к западному варианту археологической культуры кавказской Алании.

Примечания:

1. Каминская И.В. Отчет об охранно-спасательных раскопках могильника городища Куньша в Лабинском районе и могильника Трубный в Отраденском районе Краснодарского края в 1994 г. Краснодар, 1995 // НА КГИАМЗ. № 528; Каминская И.В. Альбом № 2 к отчету И.В. Каминской об охранно-спасательных раскопках могильника городища Куньша в Лабинском районе и могильника Трубный в Отраденском районе Краснодарского края в 1994 г.

2. Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа // МАК. Вып. VIII. М., 1900. С. 316. Табл. СХХIV, 14, 15.

3. Залеская В.Н., Львова З.А., Маршак Б.И. и др. Сокровища хана Кубрата. Перещепинский комплекс. Санкт-

Петербург: АО «Славия», 1997. С. 140–154. Кат. №№ 30–37.

4. Комар А.В. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VI – нач. VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 5. Хазарское время: Сб. науч. работ / Гл. ред. А.В. Евглевский (Труды по археологии). Донецк: ДонГУ, 2006. Рис. 7, 1, 3–8, 10, 12–15, 17–20.

5. Гавритухин И.О. Хронология «среднеаварского периода» // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 2. Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евглевский (Труды по археологии). Донецк: ДонГУ, 2001. С. 117. Рис. 39, 28, 31.

6. Комар А.В., Хардаев В.М. Зачепиловский («Новосанжарский») комплекс рубежа VII–VIII вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 5. Хазарское время: Сб. науч. работ / Гл. ред. А.В. Евглевский (Труды по археологии). Донецк: ДонГУ, 2006. С. 267. Рис. 2, 29; 14, 2.

7. Залеская В.Н., Львова З.А., Маршак Б.И. и др. Сокровища ..., 1997. С. 99, 100.

8. Хрисимов Н. Вознесенский комплекс: проблемы хронологии и интерпретации // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 7. Хазарское время: Сб. науч. работ / Гл. ред. А.В. Евглевский (Труды по археологии). Донецкий нац. ун-т. Донецк: ДонГУ, 2009. С. 37.

9. Werner J. Neueszu Kuvratund Malaja Perescsepina // Germania, 70. 2. Halbband, 1992; Комар А.В. Перещепинский комплекс ..., 2006. С. 7–240.

10. Гавритухин И.О. Хронология эпохи становления Хазарского каганата (Элементы ременной гарнитуры) // Хазары: Евреи и славяне. Том 16. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры; М., 2005. С. 409, 411.

11. Цокур И.В., Пьянков А.В. Индикация византийского солида из мог. Трубный Отраденского района Краснодарского края // Отраденские историко-краеведческие чтения. Выпуск III: Материалы Международной научной конференции, посвящённой 105-летию со дня рождения краеведа Михаила Николаевича Ложкина / Науч. редактор С.Н. Малахов, составитель С.Г. Немченко. Армавир – Отрадная: Издатель Шурыгин В.Е., 2015. С. 58–60.

Подписанные подписи:

Рис. 1. Скальный могильник Трубный, раскопки 1994 г., план погребения № 7; хут. Ильич, Отраденский р-н, Краснодарский край.

Рис. 2. Инвентарь из заполнения погребения № 7: 1–4 – ременные накладки; 5, 6 – наконечник пояса, 7 – предмет не ясного назначения, фр-нт, 8 – кольцо с подвеской (серьга?), фр-нт, 9 – петля для крепления ременных накладок к ремню; 1–8 – серебро, 9 – бронза.

Рис. 3. Бусы из заполнения погребения № 7: 1–16, 22 – бусы, 17–21 – бисер; 1, 2 – гагат, 5, 6, 8 – сердолик, 3, 4, 15 – полихромное стекло, 9–12, 14, 16, 23 – монохромное стекло, 7, 13 – полупрозрачное стекло, с металлической прокладкой жёлтого цвета.

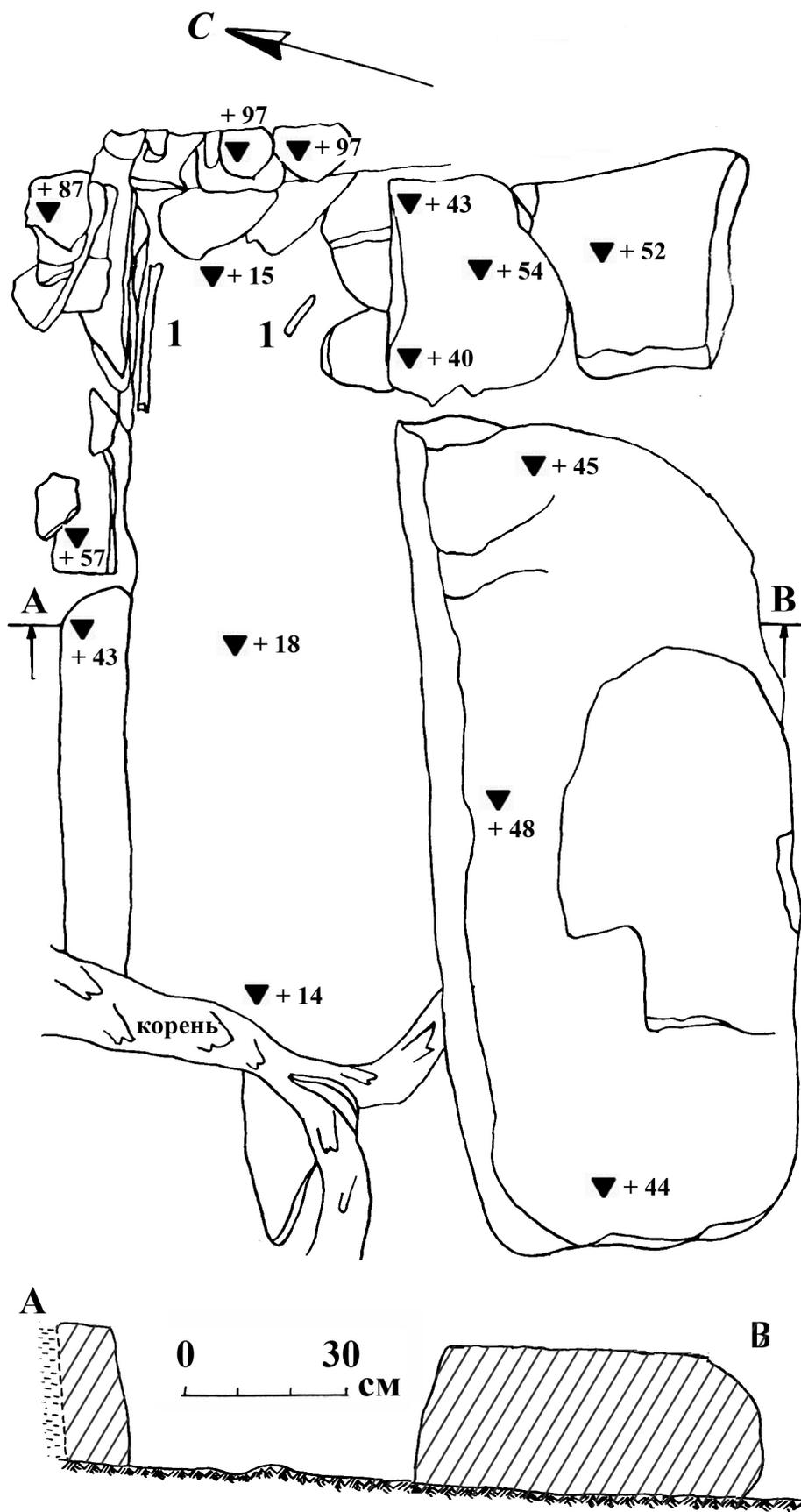

Рис. 1.

А.В. Пьянков, В.П. Пономарев

Новая находка номисмы стамены
Никифора III Вотаниата (1078–1081 гг.)
в Закубанье

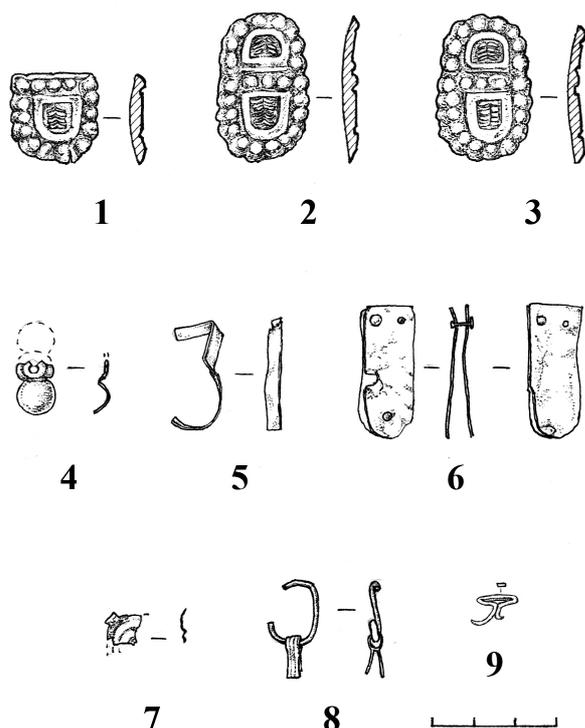

Рис. 2.

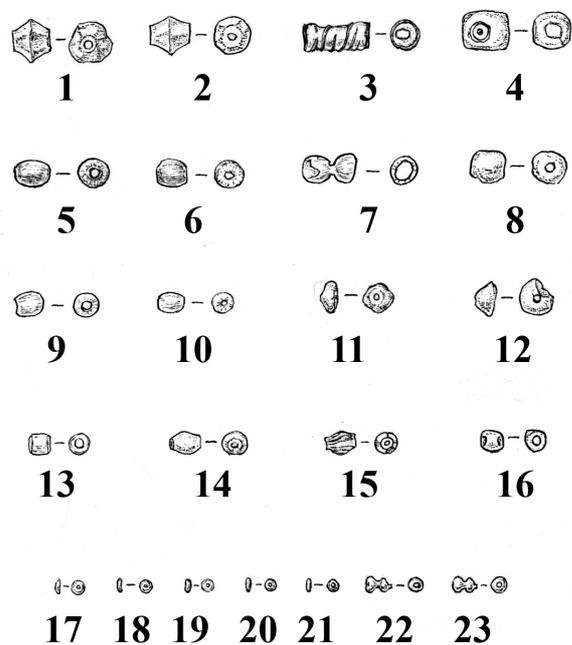

Рис. 3.

Монетная находка, о которой пойдёт речь, была кратко упомянута при публикации второй номисмы стамены Никифора III Вотаниата из фондов Краснодарского музея-заповедника [1]. Публикуемая монета была зафиксирована одним из авторов статьи в г. Абинске в начале 2017 г. Тогда же монета была взвешена, её диаметр был измерен, и также проведена фотосъёмка цифровой камерой, правда, без штатива и дополнительного освещения, что сказалось на качестве снимка.

Первоначально владелец номисмы сообщил, что она была найдена в Анапском районе, но позднее место находки было названо иное. Хозяин монеты заявил, что находка была сделана в Абинском районе на распаханном поле, расположенном между селами Варнавинским и Мерчанским (ближе к юго-западной окраине с. Варнавинского). Учитывая более подробные сведения о месте находки и тот факт, что номисмы у находчика ко времени второго заявления уже не было, последнюю информацию можно считать достоверной. По времени это событие произошло в конце 2016 – начале 2017 гг.

Далее приводится описание и данные публикуемой монеты.

Описание монеты: номисма стамена (рис. 1, а, b) императора Никифора III Вотаниата (1078–1081 гг.), чекан Константинополя, выпукло-вогнутая форма, судя по внешнему виду – электр, не апробирована. Вес: 4,43 г, диаметр: 28 x 25 мм, соотношение осей: 6 часов.

Л.с.: погрудное изображение Иисуса Христа анфас в нимбе с крестом из двойных линий, внутри трёх ветвей по две «жемчужины», одет в тунику и гиматий; правая рука поднята для «благословления» (или отстраняет край гиматия), левая держит Евангелие; по сторонам бюста: «IC-XC» под титлами; двойной точечный ободок.

О.с.: погрудное изображение императора Никифора Вотаниата анфас, с бородой и усами, в короне с подвесками, увенчанной крестом, одет в лорос; в правой руке – крест на длинном древке, в левой – держава

с крестом; легенда: «+[NIK] H ΦP [ΔΕCΠ]T»; двойной точечный ободок.

Сохранность: на обеих сторонах заметны участки нарушения оттиска штемпеля: на аверсе смазаны линии креста и буква «X» в буквосочетании «XC»; на реверсе смазаны руки императора, крест на державе, большая часть легенды и не оттиснута нижняя часть двойного ободка. Имеются две небольшие трещины монетного кружка.

Номисма стамена с бюстом Христа на лицевой стороне и бюстом императора Никифора Вотаниата на оборотной стороне относится к одному из трёх типов стамены, выпускавшихся этим императором. Наш тип выделен А.Р. Беллинджером и Ф. Грирсоном, составителями каталога коллекций Думбартон Оукс и Виттемора, в класс I, датирующийся всем периодом правления императора Никифора III, то есть апрелем 1078 – апрелем 1081 гг. [2].

На юге России сегодня известны следующие экземпляры электровых монет Никифора III Вотаниата этого класса:

– один экземпляр находится в собрании И.И. Толстого, был куплен в Крыму [3], сегодня эта коллекция хранится в Эрмитаже;

– второй экземпляр найден на территории городища Фанагории в 1950 г., приобретён Государственным музеем изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, опубликован Л.П. Харко в 1968 г. [4] (правда, в каталоге С.А. Коваленко, в котором издано собрание византийских монет ГМИИ им. А.С. Пушкина, эту же монету сопровождает краткая запись – «Происхождение неизвестно, поступила в 1950-е») [5];

– третий экземпляр, найденный в 1963 г. на ул. Гребенской г. Анапы, хранящийся в музее этого города, недавно был опубликован А.М. Новичихиным [6];

– четвёртый экземпляр происходит из храма № 1 Ильичёвского городища в Отрадненском районе в 1968 г., был впервые упомянут в статье М.Н. Ложкина в 1973 г. и полноценно введён в научный оборот в 2016 г. А.В. Пьянковым и Т.В. Юрченко, хранится в Краснодарском музее-заповеднике [7];

– пятый экземпляр был обнаружен в дельте Дона в разрушенном кочевническом погребении № 1 могильника Бубнов Ерик IV в 1985 г., опубликован И.Н. Парусимовым, хранится в РОИМК [8];

– шестой экземпляр происходит из потревоженной гробницы «В» пещерного комплекса на мысе Виноградный в окрестностях Херсонеса, раскопки Т.Ю. Яшаевой 1993 г., хранится в музее «Херсонес Таврический», дважды публиковался в научной печати [9];

– седьмой экземпляр поступил в Краснодарский музей-заповедник в 2011 г., переданный правоохранными органами вместе с другими конфискованными предметами антиквариата, изъятыми ранее у грабителей древностей и контрабандистов, был опубликован А.В. Пьянковым и Т.В. Юрченко в 2017 г. [10].

Публикуемая монета является восьмым экземпляром номисмы стамены Никифора III Вотаниата I класса по классификации А. Беллинджера и Ф. Грирсона.

По непроверенным сведениям на месте находки публикуемой монеты ранее были найдены ещё 4 такие же монеты: 2 целые и 2 четвертинки. Но действительно ли более ранние находки являлись электровыми монетами Никифора III Вотаниата и относились к I классу, не известно.

Необходимо упомянуть, что в собрании византийских монет ГМИИ им. А.С. Пушкина хранятся 7 номисм императора Никифора III. Из них 4 относятся к I классу [11]. Правда, их происхождение, судя по сведениям каталога, остаётся неизвестным.

Номисмы стамены Никифора III Вотаниата этого класса хорошо известны за пределами России. Они хранятся в музеях мира, и часть из них найдена во время археологических раскопок. О таких монетах из собраний Франции писал Ж. Сабатье [12]. В Британском музее хранятся 4 номисмы стамены Вотаниата I класса [13]. Ещё 4 электровые монеты Никифора III этого же класса находятся в собрании Думбартон Оукс и коллекции Виттемора, опубликованные в известном нумизматическом каталоге [14]. Номисмы этого класса найдены в двух кладах на Балканах [15] и т.д.

Таким образом, на юге России зафиксировано заметное количество электровых монет одного императора, правившего недолго, всего 3 года.

Чем объяснить увеличение в регионе монет Никифора III, когда находки номисм других византийских императоров XI в. единичны? Можно предположить, что увеличение поступлений электровых монет

упомянутого императора произошло после восстановления византийской власти над Таматархой (Тмутараканью) в 1079 г. после захвата жителями города узурпатора князя Олега (Михаила) Святославича и отправки его в Константинополь. Вероятно, эти события сказались на политической и экономической активности византийцев в регионе. Но возможны и другие объяснения событий, о которых свидетельствуют нумизматические находки. Этот вопрос требует дальнейшего изучения.

Примечания:

1. Пьянков А.В., Юрченко Т.В. Номисма стамена Никифора III Вотаниата (1078–1081 гг.) из новых поступлений в КГИАМЗ // Отраденские историко-краеведческие чтения. Вып. V: Материалы международной научной конференции, посвящённой 160-летию основания станицы Отрадной / Науч. редактор С.Н. Малахов, составитель С.Г. Немченко. Армавир: Издатель Шурыгин В.Е., 2017. С. 48, 49. Рис. 1, а, б.

2. Catalogue of the Byzantine coins in the Dumbarton Oaks Collection and in the Whittemore Collection. Edited by A.R. Bellindger and P. Grierson. Vol. 3. Leo III to Nicephorus III 717–1081 by P. Grierson. Part II. Basil I to Nicephorus III (867–1081). Washington: Dumbarton Oaks, 1993 P. 821, 822, 824. Кат. 1.1–4. Pl. LXIX, 1.3; 1.4.

3. Толстой И.И. Византийские монеты. Вып. 10. Барнаул, 1991. С. 98. № 1. Табл. 85, 1.

4. Харко Л.П. Монетные находки из Фанагории // Сообщения государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. / Под ред. Н.А. Сидоровой. Вып. IV. М., 1968. С. 97, 98. Рис. 3, 2.

5. Коваленко С.А. Византийские монеты в собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина: Каталог коллекции. М.: ГМИИ им. А.С. Пушкина, 2015. С. 362. Кат. 1484.

6. Новичихин А.М. Номисма Никифора III Вотаниата из собрания Анапского археологического музея // ЛЕПТОН: Сборник статей в честь археолога Алексея Васильевича Пьянкова / Ред.-сост. С.Н. Малахов. Армавир – Краснодар: Издатель В.Е. Шурыгин, 2018. С. 70, 71. Рис. 1.

7. Пьянков А.В., Юрченко Т.В. О номисме Никифора III Вотаниата, найденной на Ильичёвском городище // Отраденские историко-краеведческие чтения. Выпуск IV: Материалы Международной научной конференции, посвящённой 130-летию со дня рождения краеведа П.М. Галушко / Науч. ред. С.Н. Малахов, сост. С.Г. Немченко. Армавир – Отрадная: Издатель Шурыгин В.Е., 2016. С. 34–38. Рис. 1, а, б.

8. Парусимов И.Н. Воинские позднекочевнические погребения с левобережья и дельты Дона // Средневековые древности Дона: Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. II / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. М. – Иерусалим: Гешарим, 2007. С. 315, 317. Рис. 6, 5.

9. Яшаева Т.Ю. Пещерный комплекс в округе Херсонеса // Проблемы истории и археологии Крыма: Сбор. науч. трудов / Ред.-сост. Ю.М. Могаричев. Симферополь, 1994. С. 78. Рис. 9; Яшаева Т., Денисова Е., Гинькут Н., Залеская В., Журавлёв Д. Наследие византийского Херсона / Автор проекта Т. Яшаева. Севастополь – Остин, 2011. С. 182, 469. Кат. 90.

10. Пьянков А.В., Юрченко Т.В. Номисма стамена Никифора III Вотаниата... . 2017. С. 48, 49. Рис. 1, а, б.

11. Коваленко С.А. Византийские монеты..., 2015. С. 361–362. Кат. 1481–1484.

12. Sabatier J. Description Generale des Monnaies Bisantines. Т. II. Paris, 1862. P. 180. Tabl. LI, 14.

13. Wroth W. Catalogue of the Imperial Byzantine coins in the British Museum. Vol. 2. London, 1908. С. 535. №№ 1–4. Pl. LXIII, 4.

14. Catalogue of the Byzantine..., 1993. P. 821, 822, 824. Кат. 1.1–4.

15. Рашковић, Д. Појединачни налази римског и византијског новца Народног музеја Крушевац, Нумизматичар. 1998. № 21. С. 63–116; *Перица Шпехар*. Централни Балкан од 7. До 11. века Археолошка сведочанства. Београд, 2017. С. 212. Стл. 52, 9.

Рис 1. Номисма стамена византийского императора Никифора III Вотаниата (1078–1081 гг.), а, б – лицевая и оборотная стороны. Частная коллекция. Фото В.П. Пономорёва

II. ИСТОРИЯ

Н.О. Емельянов, О.Б. Емельянов

**Памятные эпизоды из боевой службы
двух Сборно-Линейных полков
Кавказского казачьего войска
на заключительном этапе
Крымской (Восточной) войны
под стенами турецкой крепости Карс
в 1855 году**

*К 165-летию начала
Крымской войны*

С самого начала боевых столкновений на русско-турецкой границе, еще до официального объявления войны, линейные казаки с Кавказской линии приняли участие в нескольких кровопролитных сражениях. В дальнейшем, когда их количество существенно возросло, они стали непосредственными участниками важнейших битв в Закавказье, в корне переменявших соотношение сил на малоазиатском театре военных действий. С назначением на пост главнокомандующего генерала Н.Н. Муравьева основные события были перенесены на вражескую территорию к одной из лучших цитаделей региона, укрепленной западноевропейскими военными специалистами.

К середине августа 1855 г. вокруг многокилометровых стен Карса подножный корм для лошадей был полностью уничтожен. По этой причине осажденным приходилось организовывать масштабные военные экспедиции со всеми возможными предосторожностями. Так, 13 августа они попытались накосить травы вдали от южной стороны крепостных стен, но 2 сотни линейцев под командой подполковника В.А. Петрова, поддержанные донскими казаками генерала Я.П. Бакланова, после непродолжительной перестрелки ударили в шашки. «Изрубили 21 человека, взяли 2 регулярных солдат в плен», один из которых оказался из конвойной команды мушира, и захватили кроме сабель и пистолетов еще и 21 ружье, не понеся никаких потерь [1]. В ночь с 14 на 15 августа охотники из Сборно-Линейного казачьего полка № 2 вплотную подкрались к вражескому лагерю, «подскакав к невысокой куртине, соединявшей два укрепления против луговой стороны», и

дали прицельный залп, чем вызвали тревогу во всем турецком войске. Через два дня, 17 августа, линейцы перебрались в новый лагерь у селения Бозгалы под начальство князя А.М. Дондукова-Корсакова, всего в четырех верстах от турецких укреплений Шораха, и сразу же совместно с всадниками Новороссийского драгунского полка пресекли очередную фуражировку противника. На следующий день командир Сборно-Линейного казачьего полка № 2 подполковник В.А. Петров во главе своих подчиненных после небольшой перестрелки снова атаковал фуражиров. Вражеская кавалерия, не желая нести напрасные потери, попыталась уйти под защиту крепостной артиллерии, но была настигнута вне пределов ее досягаемости. Казаки зарубили на месте двух замешкавшихся турецких всадников и еще одного захватили в плен, вместе с двумя лошадьми и разнообразным военным снаряжением [2].

Проанализировав неудачные попытки добыть пропитание для строевых лошадей, коалиционное командование решило действовать иначе. Ранним утром 20 августа осажденные вышли за пределы крепости Карс большими силами со стороны южных укреплений, в результате чего несколько драгунских подразделений и сотни Сборно-Линейного казачьего полка № 2 оказались перед 28 турецкими эскадронами уланов. Однако подоспевшая помощь со стороны соседних конных частей «Александропольского отряда» помогла отогнать регулярную кавалерию противника обратно за крепостные укрепления. На следующий день, прощупывая бдительность российских войск, вражеские всадники вновь попытались произвести фуражировку, уже на левом берегу реки Карс-Чая. Линейные казаки и на этот раз разогнали многочисленных фуражиров и вырубали регулярную турецкую конницу, захватив несколько пленных и всевозможную военную амуницию. В результате чего комендант осажденной цитадели распорядился немедленно увести бесполезную конницу, которую уже нечем было прокормить, подальше от крепостных стен Карса в темную ночь с 22 на 23 августа [3].

Совершенно неожиданно в предрассветной мгле с юго-восточной стороны

показалась вся неприятельская кавалерия, но, как только наперерез ей выступили 6 эскадронов Нижегородского драгунского полка, поддержанные 4 сотнями Сборно-Линейного казачьего полка № 2 с 4 конными орудиями, под общим командованием генерала графа А.Е. Нирода, турецкая конница без малейшей задержки устремилась вперед. Неприятель намеревался одним ударом опрокинуть российских всадников и уйти в ближайшие горные отроги, после чего соединиться с корпусом Вели-паши, тем самым реально угрожая растянутым коммуникационным линиям «Александропольского отряда». В завязавшейся рукопашной схватке башибузуки, несмотря на яростный порыв, не выдержали и были вынуждены возвратиться за высокие стены Карса, понеся чувствительные потери. Немного оправившись от поражения, 27 августа неприятель попытался накормить лошадей, ведя их в поводу, удаляясь все дальше от крепостных стен. Ободренные отсутствием вблизи российской кавалерии, турки пересекли линию, за которой их пушки оказались бессильны поддержать их действенным огнем. Выбрав подходящий момент, 3 сотни линейцев бросились на противника так молодецки, что противник быстро отступил, даже не успев забрать с собой «вьюков надерганного с вытоптаных полей хлеба» [4].

Поскольку очередная попытка прорыва турецкой регулярной конницы и местных ополченцев в сторону крепости Эрзерум могла повториться в любой момент, то всем передовым подразделениям «Александропольского отряда» было строго приказано удвоить меры предосторожности и «людям не иначе спать, как в амуниции, а лошадей держать оседланными». В последующие дни вражеская кавалерия, надежно блокированная в цитадели, более не предпринимала широкомасштабных акций, все более превращаясь в обузу для осажденного гарнизона, стремительно исчезала как полноценная боевая единица Анатолийской армии. Сами же казаки, драгуны и отряды милиции систематически проводили фуражировки, в том числе и в непосредственной близости от турецких позиций, не встречая какого-либо противодействия со стороны деморализованного противника. В то же время, в ночь с 28 на 29 августа войска под начальством командира 13-й пехотной ди-

визии генерала П.П. Ковалевского под покровом темноты тихо вышли из лагеря при реке Чивтли-Чай и наиболее удобной дорогой направились в сторону селения Аджи-Кала. В составе прикрывающих подразделений в числе других находились 3 сотни от Сборно-Линейного казачьего полка № 1 и еще 2 сотни от Сборно-Линейного казачьего полка № 2, которые должны были не только охранять роты пехотинцев, заготовлявшие сено для гужевого животного отряда, но и сами на несколько дней запастись фуражом [5].

Между тем, пока казацкие сотни совместно с драгунами успешно действовали под крепостными укреплениями Карса, войска под начальством генерала П.П. Ковалевского, совершив более чем шестидесятикилометровый переход, к полудню прибыли к селению Аджи-Кала. Однако всем подразделениям в полном составе не удалось приступить к назначенным работам по заготовке сена, так как командир отряда получил срочное сообщение о приближении вражеских войск, которые пытались доставить в осажденную цитадель большой караван. В сложившейся ситуации Пётр Петрович получил приказ немедленно отправить наиболее подвижные части на перехват большого турецкого транспорта. После кратковременного отдыха уже на рассвете 30 августа кавалерия, в состав которой вошли 3 линейные сотни казачьего полка № 1 и 2 сотни казачьего полка № 2, устремилась на рысях к селению Пеняк через горный перевал Аллах-Экбер. Князь А.М. Дондуков-Корсаков, хорошо осведомленный о подробностях знаменательного события, упоминал в воспоминаниях о том, как линейцы, имевшие богатый опыт передвижения верхом по кавказским ущельям, всего за шесть часов проскакали с необычайной скоростью по горным отрогам десятки километров и уже около полудня взобрались по труднопроходимым тропинкам на перевал, откуда открывалось скалистое и частью покрытое лесом ущелье Пеняк-Су. В самом его конце простиралась широкая горная долина, на которой расположился походный лагерь турецких войск [6].

Передовые линейные сотни, не зная точного количества противника, долго не раздумывали и ускоренным аллюром стали спускаться в каменистое ущелье к деревне Арсеник. Тропинка, на которую вступили

линейцы, проходила вдоль крутого скального обрыва и была такой узкой, что по ней можно было продвигаться только не торопясь, в цепочку. Участники военной кампании в Малой Азии еще долго сомневались, что в подобном месте можно не только промчаться на бешеной скорости, но еще и не сорваться в пропасть. Однако, как ни быстро линейцы преодолели расстояние до вражеского лагеря, они были встречены ружейным огнем пехоты у входа в долину и спешными уланами с покатоности ближайшего пригорка. Не останавливаясь, казахи сотни ринулись вперед, с наскока выбили турок с занимаемых позиций и взобрались на первый хребет, после чего влетели на полном скаку на окраину селения Пеняк. В течение нескольких минут линейцы полностью очистили все закоулки от противника, многократно превосходившего их численно. Башибузки в панике отхлынули влево по направлению к реке Пеняк-Су, где у турок еще имелись резервы и откуда был открыт беглый орудийный огонь. Войсковой старшина Н.М. Демидовский из Владикавказского полка, как старший по званию, остановил продвижение вперед и приказал начальнику ракетной команды сотнику Вакульскому произвести залп. Линейцы так удачно запустили несколько огненных снарядов, что турецкая регулярная кавалерия дрогнула и быстро попятилась назад, тем самым оголив один из флангов и оставив свою артиллерию без прикрытия. Добившись желаемого результата, Николай Михайлович сразу же повел линейцев в стремительную атаку на вражескую батарею и после небольшой рукопашной схватки захватил ее. Лишившись последней огневой поддержки, турки начали повсеместное беспорядочное отступление к ущелью реки Ольты-Чай и по дороге к селению Котык [7].

Линейные сотни преследовали бегущих еще несколько километров, но из-за изнуренности лошадей были вынуждены остановиться и приступить к сбору брошенного военного имущества. К 10 часам вечера вражеский отряд в 2500 человек рассеялся по окрестностям и перестал существовать, а его начальник Али-Паша, будучи раненым, до последнего пытался остановить бегущих солдат, но был пленен и доставлен к главнокомандующему Н.Н. Муравьеву, чему долго отказывались верить турецкие офицеры в осажденном Карсе.

Всего же противник потерял убитыми около 300 человек, пленными 1 офицера и 45 нижних чинов, 1 знамя, 2 эстандарта, 4 горных орудия, 55 патронных и 68 выучных зарядных ящиков, «весь лагерь, разные планы и бумаги, а также множество оружия, лошадей, скота и имущества». У линейцев же, которым принадлежала вся слава блистательной победы, выбыли из строя только 2 легко раненых казака, а также 13 убитых и 9 раненых строевых лошадей.

Узнав подробности побоища у селения Пеняк, Александр II распорядился выдать всем нижним чинам по 1 руб. серебром, а «трем полкам № 1 и двум полкам № 2, принадлежавшим полкам Кавказского Линейного казачьего войска: 2-му Хоперскому, 1-му и 2-му Волгскому, Моздокскому, Владикавказскому, Гребенскому и Сунженскому» были пожалованы на головные уборы памятные надписи [8].

Закончив подсчет трофеев и дав точный отдых лошадям, линейцы 2 сентября отправились в сторону осажденного Карса через перевал Кизиль-Гядук. Казахи сотни едва успели соединиться со своими полками, как во время благодарственного молебствования 5 сентября, по случаю одержанной победы под селением Пеняк, стало известно, что вся оставшаяся еще вражеская кавалерия вышла за стены и стоит около Канны-Кёя. Одновременно с другой стороны была предпринята попытка фуражировки, но подполковник В.А. Петров, «постоянно гарцующий со своими казаками на равнине перед Карсом, улучил удобную минуту и бросился на нескольких турок, вышедших из-под выстрелов Карских батарей». Противник обратился в беспорядочное бегство, но 6 человек были уничтожены, а 1 – пленен [9].

Вскоре от перебежчиков стало известно о катастрофическом положении остатков турецкой конницы, которая все еще собиралась предпринять последнее усилие для прорыва между деревнями Магараджих и Визин-Кёв. Поскольку из-за отсутствия достаточных запасов воды этот участок охранялся только разъездами, то было принято решение направить туда конный отряд под командованием генерала графа А.Е. Нирода, в который вошли и 2 сотни Сборно-Линейного казачьего полка № 2. В свою очередь казаки из Линейного полка № 1 вошли в отряд генерала И.А. Базина и заняли

новые позиции у местечка Мелу-Кёй. Новые лагерь не только заставили изменить планы врага, но и еще больше сдавили кольцо блокады. 11 сентября солдаты осажденного гарнизона вновь отправились за травой у Карадагских высот. Однако иррегулярная конница устроила хорошо продуманную засаду, и, как только турецкая колонна вышла за ворота, казаки бросились на нее со всех сторон. В считанные минуты кавалерия загнала фуражиров обратно, уложив на месте 6 человек и пленив 3 солдат, причем в обоих последних случаях у линейцев не было никаких потерь в личном составе [10].

Между тем 27 августа 1855 г., после героического 11-месячного сопротивления русских войск, коалиционные силы в Крыму захватили господствующую высоту – Малахов курган, после чего дальнейшая оборона Севастополя становилась бессмысленной. С ближайшей оказией из Тифлиса это печальное событие стало известно главнокомандующему войсками в Малой Азии, а утром 11 сентября «вслед за густыми клубами дыма раздались пушечные выстрелы со всех карских батарей». Подобным салютом осажденный гарнизон праздновал взятие русской военно-морской базы, и вскоре следовало ожидать освободившиеся неприятельские полки на Черноморском побережье Кавказа. Времени на раздумья больше не оставалось, и для выправления ситуации во всем ходе Крымской (Восточной) войны генералу Н.Н. Муравьеву нужно было принимать кардинальное решение. На состоявшемся совещании руководства «Александропольского отряда» он, что называется, продавил свое решение о начале подготовки к общему штурму одной из самых лучших крепостей Евразии. Имеющиеся воинские силы были разделены на четыре колонны и отдельный резерв под начальством генерала князя А.И. Гагарина, которые к 16 сентября выдвинулись на определенные им позиции вокруг Карса [11].

Иррегулярная кавалерия, состоящая из 6-ти сотенных Сборно-Линейных полков № 1 и № 2, 8-ми сотен Донских полков № 4 и № 20, сотни сборной команды линейных казаков, составляющих конвой главнокомандующего, а также 8-ми конных орудий Кавказского Линейного войска, находилась под руководством генерала Я.П. Бакланова. Согласно выработанной диспозиции, весь

Сборно-Линейный казачий полк № 1 остался в распоряжении донского военачальника у селения Мелик-Кёв, а 5 сотен (по другим сведениям – 2 сотни) Сборно-Линейного казачьего полка № 2 выдвинулись к Шорахским высотам и встали к двум часам ночи за Обсервационной горой, поступив в левую колонну под начальство генерала П.П. Ковалевского [12]. Во время общего штурма турецкой твердыни 17 сентября 1855 г. кавалерии отводилась вспомогательная роль, но и в этой ситуации казачьи сотни сумели проявить свои лучшие качества. По свидетельству прославленного донского генерала Я.П. Бакланова, у которого в наличии находилось 10 казачьих сотен, ему мало приходилось видеть атаки, проведенные с такой неукротимой энергией. «Рубя беспощадно пехоту, линейцы буквально втоптали ее в самый редут». Не столь успешно развивались события в первой колонне под руководством генерала П.П. Ковалевского, так как уже в первые минуты штурма из 148 нижних чинов 59 человек были убиты и ранены, в том числе потери понесли и линейцы, находившиеся в арьергарде [13].

Вместе с тем передовые пехотные подразделения прорвались на окраины крепости Карс, где завязались ожесточенные штыковые атаки с переменным успехом. Турецкий гарнизон защищался с яростным остервенением, и в самый решающий момент штурма, когда оставалось захватить укрепление Вели-Табия, главнокомандующий, уже зная о больших потерях в рядах атакующих, не решился ввести в сражение последние резервы. Штурмовые части получили приказ отступить, и для их прикрытия были выдвинуты все кавалерийские подразделения. Колонну генерала П.П. Ковалевского, получившего смертельное ранение в этот день, прикрывали 2 дивизиона Нижегородского драгунского полка и Сборно-Линейный казачий полк № 2. Генерал Н.Н. Муравьев вспоминал, как «доблестные всадники сии отважно выезжали поодиночке на место боя, откуда выводили наших раненых, почти из под самых укреплений» [14], и особенно выделил смелые действия линейцев. В завершение кровопролитного сражения, по инерции продолжавшегося на различных участках протяженного фронта, 5 сотен Сборно-Линейного казачьего полка № 2 были подведены

поближе к покинутому жителями селению Шорах, в окрестностях которого солдаты из резервной колонны генерала князя А.И. Гагарина, получившего тяжелейшее ранение в левое предплечье, с огромным трудом сдерживали контратакующих турок. Одно появление всадников в черкесках сдержало наиболее ретивых турок от дальнейшего продвижения к Шорахским высотам, тем самым препятствуя башибузукам добывать солдат [15].

Об ожесточенности штурма 17 сентября свидетельствует тот факт, что, несмотря на то что казаки находились во втором эшелоне, строевые сотни Сборно-Линейного полка № 1 израсходовали 9194 боевых ружейных зарядов, а в Сборно-Линейном полку № 2 расстреляли по противнику 3073 патрона, предпочитая действовать холодным оружием. При этом в Сборно-Линейном полку № 1 выбыли из строя ранеными войсковой старшина Тришатный, есаул Соколов, а есаул Колосов получил контузию, из нижних чинов – 1 убитый, 21 раненый, 10 контуженых. В Сборно-Линейном полку № 2 сотник И.Е. Анопкин и хорунжий Кузьмин были ранены под самыми крепостными стенами, а также линейцы потеряли 4 казаков убитыми, 16 ранеными и 6 контужеными. В отдельной конвойной линейной сотне главкомандующего еще 1 казак погиб и 1 получил ранение, что значительно больше по сравнению с предыдущими месяцами Крымской войны [16].

По завершении неудачного штурма подразделения «Александропольского отряда» отошли на исходные позиции, восстанавливая боевой порядок. Вместе с тем в Анатолийской армии начались серьезные проблемы с продовольствием, вследствие чего возникла реальная угроза массового бегства турецких военнослужащих из городских казарм. По этой причине блокада стала еще плотнее, и конные разъезды были усилены по всему периметру крепостных стен, а в темное время суток вся оставшаяся в наличие кавалерия отправлялась на заставы, количество которых заметно увеличилось. Меры оказались не напрасными, и, по свидетельству участников осады, казаки постоянно приводили в селение Бозгалы пленных, рассказывавших о все ухудшающемся положении в Карсе. Почти ежедневно происходили скоротечные поединки с

фуражирами и отдельными партиями неприятельских солдат. Линейцы, зорко следившие за противником, при первой же возможности атаковали отдалившихся башибузуков и зачастую захватывали пленных, в большинстве своем уже не проявлявших большого желания сражаться, так как экспедиционный корпус Омер-паши не смог пробиться к осажденным со стороны Кутаиса [17].

С наступлением октября не только вражеский гарнизон не проявлял заметной активности, но и российские войска, из-за ранней зимы в Малой Азии с 10 градусными морозами, все более находились у круглосуточных костров рядом с обычными армейскими палатками. Кавалерия, несмотря на позднее время года, из-за отсутствия подвоза необходимого фуража интендантскими службами продолжала довольствоваться всего лишь подножным кормом, за которым приходилось отправляться на расстояние до сорока километров только в одну сторону, набирая сухой травы не более чем на два-три дня. По этой причине значительная часть строевых лошадей похудела, в том числе и в иррегулярных полках, поэтому линейцы более не могли производить стремительные перемещения и неожиданные нападения [18]. Однако как только осажденные время от времени пытались выбраться из обреченной турецкой твердыни, в которой свирепствовал страшный голод, сильный холод и многочисленные болезни, то, по свидетельству участника событий, линейцы пресекали любые попытки прорыва с оружием и преследовали неприятельских солдат вплоть до самых крепостных ворот Карса.

Командование Анатолийской армии еще надеялось, что генерал Н.Н. Муравьев с наступлением морозов снимет осаду и отойдет на зимние квартиры за реку Аракс [19]. Радужным мечтам английского генерала У.Ф. Вильямса не суждено было сбыться, так как в конце октября во всех временных лагерях началось демонстративное устройство землянок вокруг протяженного периметра Карса. Причем каждый офицер получил на обустройство теплого жилища по полуимператору из армейских средств, а нижние чины устраивались на зимовку из подручных материалов, и «скоро целый город домиков, барачков и конюшен заменил палатки» [20].

С каждым днем положение осажденной крепости все больше ухудшалось и, несмотря на предпринимаемые строгие меры контроля, ежедневно «жители и солдаты турецкие толпами бежали из Карса в наш лагерь в самом жалком виде». В рядах российского воинства росло убеждение, что развязка близка, и 13 ноября в русский лагерь прибыл для предварительных условий сдачи турецкой крепости английский бригадный генерал У.Ф. Вильямс, возглавлявший союзные войска в Малой Азии [21]. Обговорив все условия капитуляции, 16 ноября гарнизон Карса сложил оружие, о чем сразу же сообщили в Санкт-Петербург. По прибытии императора из Бахчисарая в Царское Село 31 ноября он узнал, что тридцатитысячной Анатолийской армии больше не существует, а ее мушир Вассиф-паша с 8 пашами, тысячами военнослужащих, а также всеми офицерами коалиционных войск находятся в плену. Победителям досталось 20 турецких знамен, крепостной флаг, огромные запасы оружия, включая 130 пушек, все военное имущество и др. В ответном рескрипте на имя главнокомандующего «Александропольского отряда» Александр II сообщил: «Поручаю Вам передать мое искреннее спасибо всем войскам, участвовавшим в блокаде Карса. Я ими горжусь, как гордился всегда Кавказскими молодцами» [22].

После капитуляции крепости боевая служба линейцев не закончилась в Малой Азии, а продолжилась на сильно пересеченной местности, вдоль протяженной турецкой границы. В первую очередь войска, в число которых вошли боеспособные иррегулярные подразделения, заняли ущелья Соганлугских гор, тем самым прекратив всякое сообщение турецких властей с Карским пашалыком. Казаки приступили к привычной патрульно-постовой службе, которая нередко заканчивалась перестрелкой со всевозможными шайками, наводившими прифронтовую полосу. К 1 декабря линейные сотни перешли на «зимовые квартиры», но продолжали содержать кордоны в наиболее важных пунктах. Однако это не помешало местному правителю Аслан-паше и его брату Изет-беку скрытно сосредоточить в отдаленных местах своих приверженцев [23]. В ночь на 20 декабря они попытались осуществить набег со стороны селения Ольты через Панжрутский

хребет к местечку Сейнот. Срочно по тревоге были подняты все ближайшие казачьи посты, на которых оказались небольшие подразделения линейцев. Они отличились при «совершенном разбитии партии турок, состоящие из 400 человек, при селениях Хоровик, Чуль-Пеняк и Сейнот, 3 сотнями казаков с “Ардаганского поста” под начальством Войска Донского есаула А.П. Кульгачёва. Причем, неприятель оставил на месте до 60 тел, сверх того нами взяты 10 человек в плен и отбито 30 лошадей и много оружия». Среди пленных оказался знаменосец рассеянного отряда, подтвердивший, что турецкий паша получил ранение пикой и с трудом ускакал от погони [24].

На короткое время установилось относительное спокойствие, но вскоре пришлось выставлять усиленные посты и пикеты на основных дорогах и горных тропинках, так как конные шайки курдов повсеместно занялись грабежами и разбоями. Положение усугублялось тем обстоятельством, что большая часть отечественной конницы уже не могла нести полноценную службу. Из доклада князя В.О. Бебутова за № 54 главнокомандующему Н.Н. Муравьеву от 27 декабря известно, что многие донские и линейные сотни находились в «расстроенном состоянии» и даже, если вызвать новые подразделения с Кавказской линии, то из-за недостатка фуража «всякая прибывшая сюда кавалерийская часть скоро придет в упадок» [25].

Рутинная служба иррегулярных подразделений продолжилась и после подписания Парижского мирного договора 18 (30) марта 1856 г., поэтому еще несколько месяцев линейцы находились в Малой Азии. Только в середине августа 1856 г., когда вопрос о новом Кавказском наместнике был окончательно решен, граф Н.Н. Муравьев-Карский предложил военному министру генералу Н.О. Сухозанету отправить Сборно-Линейный казачий полк № 1 на Кавказскую линию, а Сборно-Линейный казачий полк № 2 оставить в Эриванской губернии «по квартирам в деревнях, дабы иметь под рукою в сборе хотя один легкий кавалерийский полк на случай какой-либо непредвиденной в нем надобности». В дальнейшем предполагалось осуществлять плановую замену и постоянно держать линейцев в Закавказье, как это было принято в Варшаве. Однако новый главнокомандующий

князь А.И. Бярятинский отказался от этой идеи. Еще несколько недель ушло на согласование дальнейших действий, потому только в конце осени 1856 г. последние линейные сотни отправились на Кавказскую линию [26].

Вместе с тем, пока решался вопрос о дальнейшей судьбе Сборно-линейных казачьих полков на турецкой границе, в Царском Селе готовились к коронации Александра II. От северокавказского казачества, по рекомендации Наказных атаманов, отобрали начальника штаба Черноморского казачьего войска генерала Я.Г. Кухаренко и начальника Ейского округа полковника А.М. Дорошенко, а в случае болезни одного из них – командира 1-го пешего батальона полковника П.Д. Бабица. От Кавказского Линейного казачьего войска на торжественную церемонию в Москву направились командир Кубанского полка войсковой старшина В.Г. Перепеловский, а также командир Сборно-Линейного казачьего полка № 2 гребенской полковник А.Ф. Камков, принявший первый бой в начавшейся Крымской войне и еще не раз отличившийся на полях сражений с турками. За отличия в Крымской войне иррегулярные сотни получили Большое войсковое знамя с надписью «За храбрость и примерную службу в войну против французов, англичан и турок в 1853, 1854, 1855 и 1856 годах», пожалованные Кавказскому Линейному казачьему войску при Высочайшей грамоте 26 августа 1856 г., которое хранилось в городе Владикавказе в доме Наказного атамана. Вместе с тем все военнослужащие, принимавшие участие в сражениях в Малой Азии, получили медали «В память войны 1853-1854-1855-1856» на почетной Георгиевской ленте [27].

Таким образом, линейцы принимали самое активное участие во всех значимых битвах, развернувшихся в Азиатской Турции, и, по нашему мнению, события, происходившие в Малой Азии в период Крымской (Восточной) войны, и участие в них линейного казачества остались незаслуженно забытыми и практически не упоминаются в отечественной историографии. Тем не менее нам не удалось во всех подробностях восстановить весь ход военных действий на протяженной российско-турецкой границе. Не все вернулись в родные станицы, многие навсегда остались лежать на полях былых сражений. Но еще

большее число линейцев отличилось в многочисленных сражениях, что в конечном итоге совместно с успешными действиями остальных российских войск привело к падению хорошо укрепленной турецкой крепости Карс, являвшейся ключом к Малой Азии. Подобное развитие событий, в войне с сильной коалицией западноевропейских государств, дало отечественным дипломатам несомненный козырь на мирных переговорах в феврале-марте 1856 г. в Париже, что позволило в кратчайшие сроки вернуть военно-морскую базу и город русской военной славы – Севастополь.

Примечания:

1. *Писарский И.* Под Карсом со 2-го августа по 1-ое декабря 1855 года (Из записок топографа очевидца) // Военный сборник (далее – ВС). СПб., 1859. № 3. С. 127; Блокада Карса. Письма очевидцев о походе 1855 года в Азиатскую Турцию. Тифлис, 1856. С. 70; *Дондуков-Корсаков А.* Воспоминания о кампании 1855 года в Азиатской Турции (с картами) // Кавказский сборник. Тифлис, 1876. Т. I. С. 318; Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею (далее – АКАК). Т. XI. Тифлис, 1888. С. 388.
2. *Муравьев Н.Н.* Война за Кавказом в 1855 году: В 2 томах. СПб., 1877. Т. I. С. 316; АКАК. Т. XI. Тифлис, 1888. С. 390; *Петров А.В.* Из истории Гребенского казачьего полка. Самара, 2015. С. 142.
3. *Потто В.А.* Блокада и штурм Карса (по неизданным запискам Я.П. Бакланова и рассказам прочих участников событий) // Русская старина. СПб., 1870. Т. II. Вып. 7–12. С. 583; *Петров А.В.* Указ. соч. С. 142.
4. *Муравьев Н.Н.* Указ. соч. С. 238; *Потто В.А.* Блокада и штурм... С. 583.
5. *Потто В.* История Новороссийского драгунского полка. 1803–1865. СПб., 1866. С. 241–243; *Муравьев Н.Н.* Указ. соч. С. 317; АКАК. Т. XI. Тифлис, 1888. С. 86.
6. *Дондуков-Корсаков А.* Указ. соч. С. 318; *Писарский И.* Указ. соч. С. 123; *Муравьев Н.Н.* Указ. соч. С. 246–247.
7. *Дондуков-Корсаков А.* Указ. соч. С. 318–319; *Муравьев Н.Н.* Указ. соч. С. 247–248.
8. *Дондуков-Корсаков А.* Указ. соч. С. 325; *Писарский И.* Указ. соч. С. 123; *Муравьев Н.Н.* Указ. соч. С. 249; *Исарлов Л.С.* Воспоминания о генерале Муравьеве, бывшем Кавказском наместнике // Кавказский вестник. Тифлис, 1901. № 12. С. 107; АКАК. Т. XI. Тифлис, 1888. С. 321–322, 403.
9. *Дондуков-Корсаков А.* Указ. соч. С. 328; *Муравьев Н.Н.* Указ. соч. С. 318; АКАК. Т. XI. Тифлис, 1888. С. 91–92; *Потто В.А.* История Новороссийского... С. 244.
10. АКАК. Т. XI. Тифлис, 1888. С. 91; *Потто В.А.* Блокада и штурм... С. 584–585; Блокада Карса... С. 83, 85; *Дроздов И.И.* Записки кавказца // Русский архив (далее – РА). № 9–12. М., 1896. С. 259; Собрание донесений о военных действиях и дипломатических бумаг и актов, относящихся до войны 1853, 1854, 1855 и 1856 годов. СПб., 1858. С. 483.
11. АКАК. Т. XI. Тифлис, 1888. С. 92; *П.Ф.К.* Штурм Карса 17-го сентября 1855 года (Из записок очевидца полковника де-Саже) // Исторический вестник. СПб., 1898. Июль. Т. LXXII. С. 93; *Потто В.* История 44-го драгунского... С. 90.
12. *Муравьев Н.Н.* Указ. соч. С. 22–23, 29–30; *Потто В.* История 44-го драгунского... С. 90; *Дондуков-Корсаков А.* Указ. соч. С. 335–336.
13. *Потто В.А.* Блокада и штурм... С. 595–596; *Дроздов И.И.* Записки кавказца // РА. М., 1896. № 9–12. С. 259; *Муравьев Н.Н.* Указ. соч. С. 41.
14. Собрание донесений... С. 496; *Муравьев Н.Н.* Указ. соч. С. 47.

15. Дондуков-Корсаков А. Указ. соч. С. 338; Муравьев Н.Н. Указ. соч. С. 55.

16. Муравьев Н.Н. Указ. соч. С. 345, 347, 360; АКАК. Т. XI. Тифлис, 1888. С. 171, 179.

17. Собрание донесений... С. 504, 507; Потто В. История 44-го драгунского... С. 96, 98.

18. Потто В. История 44-го драгунского... С. 246–247; Лихутин М.Д. Русские в Азиатской Турции в 1854 и 1855 годах. СПб., 1863. С. 416.

19. Блокада Карса... С. 96; Потто В. История 44-го драгунского... С. 247.

20. А.О. Воспоминание о штурме Карса // ВС. СПб., 1861. № 3. С. 117–118; П.Ф.К. Указ. соч. С. 110.

21. Исарлов Л.С. Указ. соч. С. 107; Потто В. История 44-го драгунского... С. 247–248.

22. Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. В 2-х томах. СПб., 1903. Т. I. С. 170; Цит. по: Потто В. История 44-го драгунского... С. 249; Исарлов Л.С. Указ. соч. С. 107.

23. Исарлов Л.С. Указ. соч. С. 109; Муравьев Н.Н. Указ. соч. С. 245.

24. АКАК. Т. XI. Тифлис, 1888. С. 203; Муравьев Н.Н. Указ. соч. С. 246; Центральный государственный архив республики Северная Осетия-Алания Ф. 53. Оп. 1. Д. 2039. Л. 117об., 119об., 133, 158об.–159.

25. Писарский И. Указ. соч. С. 127; АКАК. Т. XI. Тифлис, 1888. С. 201.

26. Исарлов Л.С. Указ. соч. С. 110; АКАК. Т. XI. Тифлис, 1888. С. 318–319.

27. АКАК. Т. XI. Тифлис, 1888. С. 711; Из дневника генерал-лейтенанта И.Д. Попко // РА. М., 1909. № 12. С. 440; Гизетти А.Л. Сборник сведений о георгиевских кавалерах и боевых знаках отличий Кавказских войск. В 2 частях. Тифлис, 1901. Ч. II. С. 145.

К.В. Русанов

Укрепление Хунзах – место службы казаков 6-го Кубанского пластунского батальона

В публикациях кубанских авторов [1] довольно полно описана история формирования в 1892 г. 6-го пешего пластунского батальона Кубанского казачьего войска, сначала временно расквартированного в г. Екатеринодаре. Осенью 1894 г. батальон, получив теперь имя 6-го Кубанского пластунского, был направлен к постоянным местам службы – в горы Дагестанской области.

Не вдаваясь в подробности ранней истории части, отметим лишь, что 6-й батальон комплектовался в значительной степени казаками Баталпашинского отдела, куда входила и станица Отрадная. Ниже рассказано о месте, где уроженцы станицы служили России в 1894–1907 гг.

Дагестан был местом наиболее ожесточенных сражений Кавказской войны; он оставался «областью риска» и позже. В начале войны с Турцией 1877–1878 гг. в Дагестане и Чечне снова вспыхнули антирусские

восстания, с которыми, однако, командование на Кавказе быстро справилось. Важнейшую роль в этом сыграла система укреплений, построенных в ключевых точках Дагестана во второй половине 1860-х гг. и связанных колесными дорогами, где имелись даже железные мосты. Укрепления имели артиллерию, прочную каменную кладку стен и казематов, сильные гарнизоны.

В 1880-е гг. зона ответственности Кавказского военного округа расширилась на вновь присоединенные области в Закавказье (Карскую, Батумскую и др.) и в Закаспии. Войска передислоцировались к новым границам империи. При этом было признано целесообразным постепенно заменять полки Донского казачьего войска, традиционно охранявшие южные рубежи России, казаками Кубанского и Терского войска, более привычными к горам.

В силу этого число частей Кубанского казачьего войска на действительной службе стало расти; их значительную долю теперь посылали служить за пределы родной области. Формирование 6-го пластунского батальона и отправка его в Дагестан были частью данного процесса.

По данным публикаций [1], командованием было приказано штабу и двум сотням батальона прибыть к 20.09.1894 г. в укрепление Хунзах Аварского округа, а остальным двум сотням пластунов к 25 сентября – в укрепление Карадах Гунибского округа и в с. Ботлих Андийского округа (по одной). В Ботлихе было предписано открыть лазаретное отделение на 10 коек.

До этого в Хунзахе квартировали Аварский (в 1883–1891 гг. – Дагестанский) резервный батальон 4-й Кавказской резервной бригады, с 27.08.1894 г. переведенный в Чир-Юрт (у переправы через р. Сулак), и рота 84-го Ширванского пехотного полка. Теперь гарнизон составили кубанские пластуны, рота Терско-Дагестанской крепостной артиллерии, военный лазарет иармейский продовольственный магазин.

О Хунзахском укреплении на рубеже XIX–XX вв. и о жизни его гарнизона писали современники. Коллежский асессор Исай Моисеевич Ланда (род. в 1863 г., лекарь с 1892 г.) состоял младшим врачом в здешнем лазарете и опубликовал сообщение об эпидемии брюшного тифа в укреплении [2]. Но пластунов в то время в Хунзахе еще не было, поэтому останавливаться на этом

труде И.М. Ланды и на написанной здесь же статье «К казуистике острого сочленовного ревматизма» (СПб., 1893) мы не будем. Тем более что Исая Моисеевич вскоре покинул Кавказ и военное ведомство. Он переехал в Херсон, где прослужил ординатором губернской земской лечебницы около 20 лет.

Менее года провел в Хунзахе Александр Георгиевич Передельский (1876–1940). Этот уроженец Кубани окончил медицинский факультет Харьковского университета и в марте 1902 г. был определен на службу младшим врачом Георгиевского военного лазарета. А с августа 1902 г. по июнь 1903 г. А.Г. Передельский исполнял должность старшего врача лазарета в Хунзахе [3].

Молодой врач сумел взглянуть на укрепление шире – не только как медик, но и как краевед. Поэтому его публикации представляют интерес [4, 5].

По словам А.Г. Передельского, укрепление Хунзах состояло из казарм, флигелей с офицерскими квартирами и построек для нужд гарнизона. Внешне укрепление напоминало громадный каземат – серые каменные стены с бойницами для ружей, по углам оборонительные башни с отверстиями для пушек, закрытыми обычно чугунными ставнями. Ворота после «вечерней зари» запирались, и никто не мог войти в укрепление, не зная пароля.

С северо-востока от укрепления на расстоянии около 60 сажен располагалась слободка, где находились офицерское собрание, почтово-телеграфное отделение, несколько частных домов и лавок. В 2-3 верстах от укрепления – большой аул Хунзах, рядом – управление Аварского округа (обширного плоскогорья высотой в среднем около 6 тыс. футов) с квартирами для служащих, одноклассное нормальное училище с небольшим пансионом.

Растительности не было никакой, если не считать небольшого гарнизонного сада. Здесь могли бы с успехом произрастать деревья средней полосы России – при внимательном уходе за ними; полив необходим только в самый разгар лета, потому что жары здесь не бывает. На базаре у гарнизонного сада располагался источник питьевой воды с каменным бассейном.

Возле самого укрепления имелся еще один источник питьевой воды с крытым ходом к нему; он был защищен каменными

стенками с бойницами и железной крышей. Вэтом источнике имелся насос.

Как видно на рис. 1, укрепление Хунзах стояло на плато в сотне метров от обрыва в огромный каньон, куда стекали водопадами речки Тобот (слева) и Итляляр (справа). Над оборонительным периметром возвышались купол и колокольня гарнизонной церкви.

В гарнизоне укрепления общим числом около 1000 человек в сумме за год бывало по 200-300 больных, помещаемых в лазарет. Преобладающий процент заболеваемости давала перемежающаяся лихорадка (малярия). А.Г. Передельский подчеркивал, что эту болезнь казаки 6-го Кубанского пластунского батальона привозили с собой из родных станиц.

За 10 лет, по данным автора [4, 5], в лазарете умерло всего 17 человек. Уровень смертности в укрепление Хунзах был втрое меньше, чем в среднем по Кавказской армии. Вклад медиков лазарета в сбережение жизни кубанских пластун, мы полагаем, достаточен для того, чтобы вспомнить имена врачей.

Местный (гарнизонный) военный лазарет заработал в укрепление Хунзах вскоре после завершения строительства. В начале 1880-х гг. он назывался «лазарет Дагестанского местного батальона», а с 1.01.1885 г. был переименован в Хунзахский местный лазарет, о чем сообщалось в циркуляре Главного штаба от 7.02.1885 г. № 31 (Военно-медицинский журнал. 1885. Ч. 152. Март).

В это время его старшим врачом служил надворный советник Альберт Людвигович Белланже. Этот медик, родившийся в 1851 г. и ставший лекарем в военном 1877 г., возглавлял Хунзахский лазарет до 1889 г. Покинув его коллежским советником, А.Л. Белланже продолжил службу старшим врачом 149-го Черноморского пехотного полка в Кутаисе. Выйдя к 1900-м гг. в отставку, он занимался частной практикой там же, а позже – в Тифлисе.

В Хунзахе его сменил надворный советник Кондратий Фортунатович Каперницкий (в «Кавказских календарях» он именовался так).

В первый раз этот немолодой медик (род. в 1851 г., лекарь с 1879 г.) был упомянут справочником в 1888 г. как старший врач Дагестанского местного батальона,

стоявшего в Хунзахе (см. выше). А в 1889 г., став старшим врачом военного лазарета, он прослужил в укреплении более 10 лет – до начала нового века.

В 1891 г. переформирование местных войск на Кавказе и новая их дислокация вызвали необходимость соответствующего изменения и в составе военно-врачебных заведений округа. В частности, число мест

в Хунзахском военном лазарете было увеличено до 50, а лазарет в Ботлихе упразднили.

Возможно, тогда в штате Хунзахского лазарета и появился младший врач, каковым состоял в 1893 г. вышеупомянутый И.М. Ланда. Но фамилии младших врачей лазарета стали упоминаться в «Кавказских календарях» лишь с 1909 г.

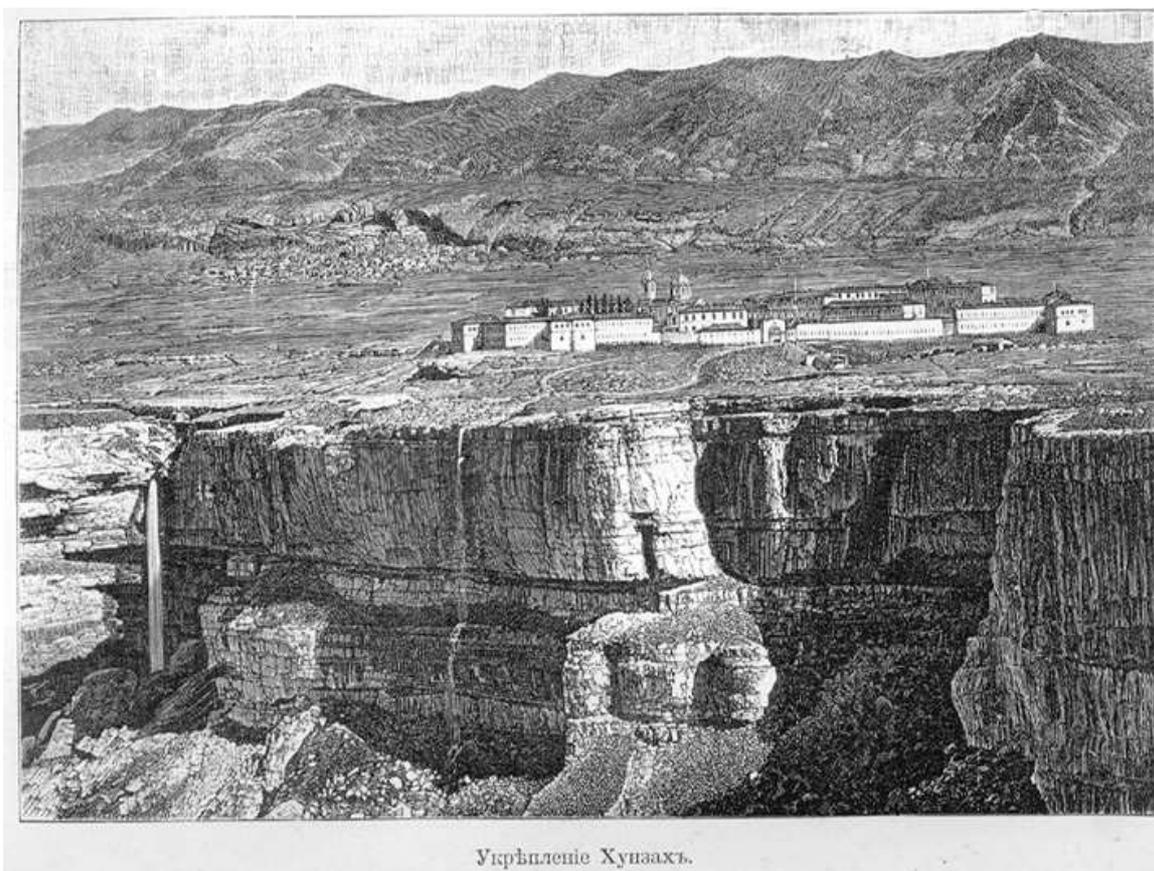

Рис. 1.

В петербургских «Российских медицинских списках» (далее – РМС) старший врач лазарета в укреплении Хунзах именовался Коперницким Конрадом Фортунатовичем. Столичные справочники свидетельствуют о том, что не позднее 1894 г. он был произведен в чин коллежского советника и еще в 1900 г. состоял старшим врачом Хунзахского лазарета.

Затем К.Ф. Коперницкий был переведен из Дагестана в Чечню, служил в 1901–1902 гг. старшим врачом 84-го Ширванского пехотного полка в Хасав-Юрте, в 1903 г. – в укреплении Шатой Грозненского уезда Терской области.

В 1905–1909 гг. в «Российских меди-

цинских списках» упоминалось лишь место пребывания К.Ф. Коперницкого – укрепления Чикишляр в Закаспийской области, но без указания рода занятий и должности. Здесь, на восточном берегу Каспия, в 250 верстах южнее Красноводска, были гарнизон, погранотряд, таможня, военный лазарет, где опыт старого врача мог найти применение. При лазарете создавалась грязелечебница, и не исключено, что К.Ф. Коперницкий был к этому причастен. Но к 1910 г. он был произведен в статские советники (вероятно, при отставке) и далее упоминался в РМС как врач, проживающий в Новороссийске, но не служащий и не вольнопрактикующий.

В 1901 г. старшим врачом Хунзахского военного лазарета стал коллежский советник Григорий Григорьевич Соколовский (род. в 1863 г., лекарь с 1888 г.). Он имел степень доктора медицины, которой удостоился в 1891 г. после защиты в столичной Военно-медицинской академии диссертации «Геометрические и морфологические изменения крови под влиянием хлороформных ингаляций». Перед назначением в Хунзах Г.Г. Соколовский был младшим врачом Пятигорского военного лазарета.

Впрочем, пластунов 6-го батальона он лечил недолго: в 1902 г. Г.Г. Соколовский перешел старшим врачом в Шемахинский военный лазарет. А в 1906 г. он навсегда убыл с Кавказа. Теперь Соколовский, уже статский советник, служил старшим врачом 2-й артиллерийской бригады в Седлецкой губернии, а с 1909 г. – 8-го Донского казачьего полка в Одессе.

С лета 1902 г. до лета 1903 г. должность старшего врача в Хунзахском военном лазарете временно исполнял А.Г. Передельский (см. выше), а затем, в 1903–1906 гг., старшим врачом был коллежский советник Иван Казимирович Поцюс (род. в 1858 г., лекарь в 1883 г.). На Кавказ он приехал с Востока, где состоял старшим врачом лазарета в укреплении Уильском Уральской области.

В 1907 г. И.К. Поцюса перевели в Екатеринославскую губернию, в г. Павлоград – старшим врачом 135-го Керчь-Еникальского пехотного полка.

В 1907 и, возможно, в 1908 гг. старшего врача в Хунзахском лазарете не было. Наконец, в 1909 г. на этот пост определили коллежского советника Иосифа Владиславовича Чаевского. Хотя этот врач уже выслужил сроки для отставки (род. в 1848 г., лекарь по внутренним болезням с 1880 г.), его переместили в Хунзах из Тифлиса, где Чаевский состоял старшим врачом 2-го Кавказского стрелкового батальона. Младшим врачом назначили Иллариона Гавриловича Тогонидзе (род. в 1881 г.), только что получившего диплом.

Но уже через год статус обоих изменился. И.Л. Тогонидзе стал служить сельским врачом – в Батумской области, в Кутаисской губернии. И.В. Чаевский остался в Хунзахе как частное лицо, а в 1914 г. переселился в Тифлис.

Желающих подробнее выяснить биографию Иосифа Владиславовича Чаевского мы отсылаем в Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА), к фонду 1304 «Окружное военно-санитарное управление Кавказского военного округа», делам 563 описи 8 и 172 описи 5.

С 1910 г. старшим врачом Хунзахского военного лазарета стал коллежский советник Юлиан Викторович Блажеевич, а младшим ординатором – Николай Максимилианович Назаревич; заведовал хозяйством надворный советник Сергей Федорович Верховский.

Ю.В. Блажеевич родился в 1859 г., в 1886 г. получил лекарский диплом по специальности «хирургия». В 1894 г. он защитил в столице докторскую диссертацию «Материалы к вопросу о влиянии велосипедной езды на организм и, в особенности, на органы кровообращения и дыхания». Данные о Блажеевиче также имеются в вышеупомянутом фонде 1304 РГВИА (дело 37 описи 8).

Перед Хунзахом этот медик служил старшим врачом в 255-м Аварском резервном пехотном батальоне, стоявшем теперь в Петровске на берегу Каспия.

Его помощник Н.М. Назаревич (тоже, вероятно, поляк) только начинал профессиональную карьеру – он стал лекарем в 1909 г., а родился в 1891 г.

Между тем история лазарета в укреплении Хунзах подошла к концу: Военный совет журналом от 28.07.1911 г. предложил его упразднить, о чем было объявлено в том же году в приказе по военному ведомству № 503 (Военно-медицинский журнал. 1912. Т. 233. Январь). Начиная с 1912 г., Хунзахский военный (местный) лазарет больше не упоминался в справочниках.

Доктор медицины Ю.В. Блажеевич, получив отставку с чином статского советника, остался жить в Хунзахе как вольнопрактикующий врач. А Н.М. Назаревича послали служить младшим врачом военного лазарета в Карсе.

Судьба этих двух последних врачей Хунзахского военного лазарета осталась неизвестной. А.Г. Передельский в 1920 г. эмигрировал на Балканы. К.Ф. Коперницкий погиб в самом начале Гражданской войны [6]. Остальные пятеро благополучно пережили лихолетье: их фамилии значились в «Списке медицинских врачей СССР на 1 января 1924 года».

А.Л. Белланже теперь состоял амбулаторным врачом в Тифлисе, И.В. Чаевский – там же, врачом по внутренним болезням. И.М. Ланда служил санитарным врачом в Гомеле, а Г.Г. Соколовский – в Екатеринославе врачом по хирургическим и заразным болезням. И.Л. Тогонидзе тоже был упомянут в числе живых, хоть и без определенного места жительства.

Вернемся теперь к истории Хунзахского укрепления, возведенного в 1867–1868 гг. Строили тогда на совесть: даже через полтора века оно неплохо сохранилось (рис. 2); сегодня здесь имеется историче-

ский музей. Власти Дагестана, рассматривая укрепление как перспективный туристический объект, запланировали на 2018 г. его масштабную реконструкцию.

В этой связи об истории Хунзаха много пишут местные авторы; она была изложена в монографии Б.И. Гаджиева [7]. Правда, в Дагестане принято именовать укрепление Аранинской крепостью. Действительно, возвели его на месте с. Арани Аул, а не в собственно Хунзахе. Это место было не только стратегически важным (контролировало дорогу!), но и весьма живописным.

Рис. 2.

Крепость над пропастью с водопадами нашла богатое отражение в здешнем фольклоре: обрыв манил к себе желавших быстрой и легкой смерти. Пишут, что бросались с него в каньон не только жертвы любовных страстей, но и нижние чины гарнизона, не вынесшие тягот и невзгод военной службы.

Будто бы был среди самоубийц и пластун. Местные авторы уточняют: «Когда обокрали аранинского мануфактурщика, по приказу командира 6-го пластунского батальона Мартынова началось следствие, и вором оказался казак этой воинской части. Понимая, что он изобличен, служивый со словами «Прощай, Дагестан!» нашел себе успокоение на дне пропасти».

А пропасть была, и верно, глубока!

Впрочем, для истории укрепления важнее другие факты, сообщаемые в [7]. Началась она с обращения Государя Александра II «к геничутлинскому джамаату (сельскому обществу) с прошением продать

часть земельного участка в местности Арани для строительства военной крепости и арсенала».

Укрепление строили русские и греческие мастера, а также местные каменотесы, помогали им солдаты. Лес привозили из Астрахани в порт Петровска (ныне – Махачкала), после чего за полторы сотни верст по горам доставляли в Хунзах. Дерево того стоило – потолочные балки и перекрытия, изготовленные из бревен и брусьев, а также полы из досок толщиной 65–70 мм неплохо сохранились в зданиях крепости до сих пор.

Стены клали из бутового камня на известковом растворе. Толщина стен нижних этажей составляла более метра, вторых этажей – 85–90 см. Оборонительный периметр имел в длину около 200 саженей, ширину – 60. Значительную часть его составляли двухэтажные здания казарм (казематов) с железными крышами. Наружу смотрели около 600 узких бойниц для ружейного обстрела. Углы периметра оборонялись

башнями, имевшими внизу амбразуры для орудий, а сверху – пулеметные площадки. Лицевая часть крепостных стен, башен и выступающих казематов с бойницами и амбразурами была выложена из больших, чисто отесанных камней.

Значительное количество капитальных каменных зданий было возведено и внутри периметра, имевшего площадь более 1,5 га. Среди этих построек выделялся православный храм с колокольной. Двухэтажными были здания штаба, лазарета и ряд других. Имелись цейхгауз, пороховой погреб, склады, конюшня и проч. вспомогательные помещения. На дагестанских Интернет-сайтах [7] можно найти план Хунзахского укрепления (рис. 3), но, к сожалению, «немой» – без расшифровки назначения того или иного здания; в музее имеется макет этого фортификационного сооружения.

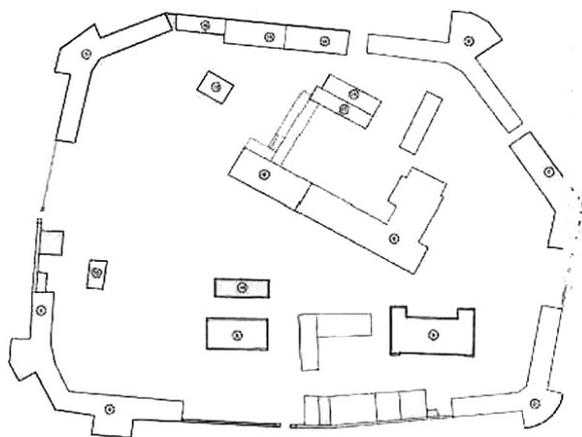

Рис. 3.

Кстати, 13.09.1871 г. укрепление Хунзах лично проинспектировал Государь Александр II; Император остался доволен увиденным и переночевал в русской твердыне, смело возведенной над обрывом.

В комплекс оборонительных сооружений укрепления входила также сторожевая башня круглой формы – его аванпост у дороги в сотне метров от основного периметра; на предыдущих иллюстрациях ее не видно.

С круглой башней, также неплохо сохранившейся, связаны рассказы о ссылке в Хунзах десятков или даже двух сотен матросов Черноморского флота, осужденных за участие в вооруженных мятежах 1905–1906 гг. Одни авторы, как Б.И. Гаджиев, называют их участниками восстания на крейсере «Очаков», часть которых похоронены на хунзахской земле. Другие, как Г.Г. Газимагомедов, пишут: «В двух километрах от Хунзаха находится Аранинская крепость, один из самых больших и хорошо сохранившихся в Дагестане памятников истории. Рядом огромная круглая башня XIX в. (рис. 4), где отбывали ссылку матросы легендарного броненосца «Потемкин» [7].

По-видимому, эти рассказы имели под собой фактическую основу, и именно превращение укрепления в арестантско-исправительное учреждение повлекло за собой в 1907 г. уход штаб-квартиры и двух сотен 6-го Кубанского пластунского батальона из Хунзаха в укрепление Гуниб.

Рис. 4

Впрочем, данная версия требует документального подтверждения – как и сообщение о дислокации в Хунзахе «особого Кромского пехотного полка». Ведь обычно 217-й Кромский резервный пехотный полк стоял в Орловской губернии.

Словом, в истории Хунзахского укрепления и его гарнизона, прежде всего кубанских казаков-пластун, еще немало неясных мест. Они давно ожидают своего исследователя, располагающего возможностями (в отличие от автора настоящего сообщения) поработать в архивах России – местных и столичных.

Примечания:

1. См., например, *Шкуро В.И.* 6-й Кубанский Его Императорского Величества Государя Николая II пластунский батальон. URL: <https://kazachiy-krug.ru/forum/viewtopic.php?p=3131>; *Пластун.* Памятка 6-го Кубанского пластунского Его Императорского Величества батальона // Вольная станица. Пластуны. URL: <http://forum.fstanitsa.ru/viewtopic.php?f=38&p=16330>; и др.

2. *Ланда И.* Эпидемия брюшного тифа в укреплении Дагестанской области в 1893 г. // Военно-медицинский журнал. 1894. Часть 179, февраль. С. 215–233.

3. *Русанов К.В.* Жизнь и научное наследие Александра Передельского – военного врача и исследователя Северного Кавказа // «Желавший истинно славы Отечества своего»...: Материалы XII Международных дворянских чтений. Краснодар: Экоинвест, 2016. С. 129–141.

4. *Передельский А.Г.* Укрепление Хунзах и Аварский округ Дагестанской области. Санитарно-географический очерк // Журнал Русского общества охранения народного здравия. 1903. № 5-6. С. 211–240.

5. Укрепление Хунзах и Аварский округ глазами доктора А.Г. Передельского в 1904 году // Кавказ (Тифлис). 1904. № 7.

6. *Латин Е.О.* Родственница императора встретила с новороссийцами // Новороссийский рабочий (Новороссийск). 30.12.2010 г. URL: novorab.ru/Публикации/Details/1955.

7. *Гаджиев Б.И.* Царские и шамилевские крепости в Дагестане. Махачкала: Эпоха. 2006. 255 с. См. также недавние печатные *Газимагомедов Г.Г.* Роль народных художественных промыслов Дагестана в закреплении и расширении туристско-экскурсионных маршрутов // Юг России: экология, развитие (Махачкала). 2017. Т. 12. № 1. С. 161–175) и сетевые (Крепость в с. Арани, близ с. Хунзах. URL: etoretro.ru/pic109568.htm; Аранинская крепость – фортификационное сооружение XIX века. URL: pro-derbent.ru/samoe-interesnoe-o-dagestane/190-araninskaya-krepost и др.) публикации.

Подписи к иллюстрациям:

Рис. 1. Общий вид укрепления Хунзах в период службы в нем казаков 6-го Кубанского пластунского батальона. Эти фото, как и представленные на остальных иллюстрациях, взяты из сети Интернет.

Рис. 2. Современный вид Хунзахского укрепления.

Рис. 3. План Хунзахского укрепления.

Рис. 4. Современный вид круглой башни Хунзахского укрепления.

К.В. Русанов

Врачи 6-го Кубанского пластунского батальона (1893–1914 гг.)

Об истории 6-го Кубанского пластунского батальона, отчасти комплектовавшегося казаками станиц Баталпашинского отдела, написано немало – см., например, статью А.М. Галича и А.В. Петровского «Материалы к истории 6-го Кубанского пластунского батальона (1914–1915 гг.)» в вып. III Отраденских историко-краеведческих чтений (2015) и работу В.И. Шкуро «6-й Кубанский Его Императорского Величества Государя Николая II пластунский батальон» (URL: <https://kazachiy-krug.ru/forum/viewtopic.php?p=3131>). Однако авторы этих и др. публикаций ничего не пишут о врачах батальона. Лишь на сайте «Офицеры русской Императорской армии» (URL: [http://ria1914.info/index.php?title=6-й Кубанский пластунский батальон](http://ria1914.info/index.php?title=6-й_Кубанский_пластунский_батальон)) указаны фамилии старших врачей по данным «Кавказских календарей» (далее – КК) на 1894–1908 и 1912–1914 гг.; фамилии младших врачей даны на 1912–1914 гг.

Мы попытались восполнить имеющиеся пробелы по ежегодным «Российским медицинским спискам» (далее – РМС) и сообщениям «Военно-медицинского журнала» (далее – ВМЖ) о назначениях, перемещениях и увольнениях врачей в отставку, их награждении и производстве в чины.

Старшие батальонные врачи

Первое сообщение об их назначении в формируемые 5-й и 6-й пешие пластунские батальоны Кубанского казачьего войска датировано 14.10.1892 г. Старший врач 1-го Сунженско-Владикавказского конного полка Терского казачьего войска коллежский советник Агапов был перемещен в 5-й, а старший врач Наурской войсковой больницы того же войска коллежский советник Румянцев – в 6-й пеший пластунский батальон, старшими же врачами [1].

Трофим Иванович Румянцев (иногда – Румянцов, род. в 1852 или 1853 г., лекарь с 1880 г.) начинал службу в Русской Польше; к концу 1880-х гг. он был старшим врачом 4-го стрелкового полка в Варшавской губернии. В 1890 г. его назначили старшим врачом Ботлихского местного лазарета в Дагестане, а в 1891 г. – войсковой больницы в станице Наурской (см. выше).

В 1892–1897 гг. Т.И. Румянцев упоминался в РМС, выходявших в Петербурге, как старший врач 6-го пластунского батальона [2]. Таковым он был назван и при награждении его орденом св. Анны 3-й ст. 30.08.1894 г. [3].

Однако справочники КК, издававшиеся в Тифлисе, утверждали, что Т.И. Румянцев состоял старшим врачом 5-го пешего (позже – Кубанского) пластунского батальона с 1893 по 1899 гг. [4] – главным образом в Майкопе.

РМС стал называть его старшим врачом 5-го батальона с 1898 г., а ВМЖ впервые упомянул Т.И. Румянцева в таком статусе 6.12.1899 г. в связи с награждением орденом св. Станислава 2-й ст. Наконец, 10.07.1900 г. старший врач 5-го Кубанского пластунского батальона коллежский советник Т.И. Румянцев был перемещен тем же званием в Лорийский пехотный резервный полк, в с. Лагодехи. С 1903 г. он служил в Карсе – старшим врачом крепостного пехотного полка, затем 2-го Кавказского железнодорожного батальона. Здесь Т.И. Румянцев жил и после выхода в отставку в 1911 г.

Согласно автобиографии [5] **Петра Антоновича Агапова**, сына диакона Кубанской области, он родился в 1848 г., окончил Кавказскую духовную семинарию (1870), а в 1875 г. как стипендиат военного ведомства – Императорскую медико-хирургическую академию (далее – ИМХА). П.А. Агапова определили в службу младшим ординатором в Усть-Лабинский военный госпиталь [6]. Летом 1879 г. он стал младшим врачом 2-го Кавказского саперного батальона, в 1881 г. – Владикавказского казачьего конного полка, а затем – старшим врачом 1-го Сунженско-Владикавказского казачьего конного полка (в ст. Ардонской и во Владикавказе).

В 1880-е гг. П.А. Агапов привлек внимание командования рядом публикаций. В сентябре 1890 г. он был прикомандирован к Императорской военно-медицинской академии (далее – ИВМА) «для усовершенствования в медицинских науках». В столице П.А. Агапов сдал экзамены, защитил диссертацию [5] и в августе 1892 г. получил степень доктора медицины.

Однако далее его биография тоже «раздвоилась» на тифлисскую и столичную версии. КК с 1893 г. (впервые упомянув 5-й и 6-й пластунские батальоны) называли

П.А. Агапова старшим врачом 6-го батальона [7]. Согласно же данным РМС, старший врач Агапов служил в 5-м пластунском батальоне с 1892 по 1896 гг., недолго в Екатеринодаре, а затем в Майкопе [8]. Вместе с тем, 9.10.1894 г. в ВМЖ был опубликован приказ о назначении коллежского советника старшего врача 6-го пластунского батальона Агапова старшим ординатором Екатеринодарской войсковой больницы [9].

В Екатеринодаре он проработал 4 года (с 23.06.1897 г. – старшим врачом Екатеринодарского местного лазарета). В начале 1898 г. П.А. Агапов навсегда покинул Кавказ. Он служил старшим врачом пехотного полка, военного лазарета в Херсоне, пехотной дивизии в Минске, стал действительным статским советником (1905). Агапов вышел в отставку в 1913 г. с поста главного врача военного госпиталя в Польше и поселился в Путивле.

Причинами вышеописанных противоречий могли быть описки и опечатки, задержка с подачей информации. Но думается, что старшими врачами 6-го батальона побывали и Румянцев (в 1892 г.), и Агапов (в 1893–1894 гг.). Их «рокировку» между батальонами совершило своей властью командование Кавказского округа, не сообщив об этом в Петербург.

Третий старший врач 6-го Кубанского пластунского батальона прослужил в части только полгода. На эту должность назначили 9.10.1894 г. коллежского советника **Дмитрия Павловича Бантышева** [9], приехавшего на Кавказ в 1866 г., успевшего послужить и младшим, и старшим врачом в линейных батальонах, конных казачьих полках и войсковых больницах, в Казикумухском округе Дагестана, а с 1880-х гг. – ординатором в Екатеринодарской войсковой больнице и преподавателем в Екатеринодарской военно-фельдшерской школе.

Проведя в Нагорном Дагестане трудную зиму (батальон только что перебазировался в укрепления Хунзах, Ботлих и Карадах), Д.П. Бантышев, человек уже пожилой (род. в 1842 г.), подал прошение об отставке, получил ее 9.04.1895 г. и вернулся в Екатеринодар [10]. Здесь старый врач еще пару лет занимался вольной практикой, здесь его, по-видимому, и похоронили в 1898 г.

Менее месяца состоял старшим врачом 6-го Кубанского пластунского батальона статский советник **Леви**: 17 августа 1895 г.

его назначили сюда с должности младшего врача Ярославской военной школы [11], но уже 16 сентября вернули в Ярославль – младшим врачом кадетского корпуса [12]!

Идентифицировать имя-отчество Леви оказалось не просто: в РМС значились почти два десятка носителей этой фамилии. Один из них, Герш Шлемович Леви, долго служил старшим врачом 4-го Кубанского пластунского батальона. Но «наш» Леви был **Эдуард Ошеревич** (позже – Семенович). Нашлось и сообщение о смерти этого статского советника в 1898 г. после тяжелой продолжительной болезни (сахарный диабет и инсульт) в Новочеркасске, где он был старшим врачом Донского кадетского корпуса и преподавал естественную историю [13]. Э.С. Леви родился в 1850 г., в 27 лет стал доктором медицины, принял евангелическо-лютеранское вероисповедание, служил военным врачом, в том числе старшим ординатором госпиталя.

Данные РМС подтверждают эти даты его рождения и остепенения (через год после получения диплома лекаря по внутренним болезням!). Но о местах службы Э.С.Леви и его должностной карьере информации практически нет – точно известно лишь, что в 1881 г. он служил в Баку, в 1890 г был статским советником, врачом Ярославской военной школы. А в Хунзах Леви, скорее всего, даже не ездил – самое большее – в столичное министерство...

Следующим старшим врачом 6-го Кубанского пластунского батальона стал надворный советник **Григорий Иванович Хохлов**, назначенный 20.09.1895 г. [12] и вскоре произведенный в чин коллежского советника. По данным [14], он родился в 1858 г. в семье купца, учился на казенный счет в ИМХА и еще студентом начал печататься. Получив диплом в 1883 г., молодой врач начал службу в 6-м Кавказском резервном батальоне. Потом Г.И. Хохлов состоял младшим врачом крепостных пехотных батальонов – в Александрополе (Гюмри, Ленинакан) Эриванской губернии, в Карсе.

Его служба старшим врачом в Хунзахе по 1897 г. подтверждается справочниками [15]. Отсюда Г.И. Хохлов был перемещен в Георгиевский военный лазарет, а РМС начал упоминать его как доктора медицины. Русский врач Хохлов без колебаний ехал туда, где был нужнее России.

В 1902–1911 гг. Григорий Иванович служил на Дальнем Востоке, в Чите и в Иркутске, стал действительным статским советником. Мировую войну он встретил старшим врачом кавалерийской дивизии на границе с Восточной Пруссией, а в июле 1915 г. его фамилия встретилась в списках раненых. Старый доктор, когда-то лечивший пластунов 6-го Кубанского батальона, пережил и революции, и Гражданскую войну; в конце 1923 г. Г.И. Хохлов оставался врачом по внутренним болезням в Петрограде/Ленинграде [16].

Совсем иным человеком был коллежский советник **Андрей Яковлевич Громаковский**, назначенный старшим врачом 6-го Кубанского пластунского батальона в конце 1897 г. Этот потомок полонизированных украинцев или белоруссов выдержал в Хунзахе также лишь одну зиму и 10.05.1898 г. был уволен от службы по прошению [17]. По данным РМС, А.Я. Громаковский родился в 1837 г., звание лекаря по венерическим болезням и хирургии получил в 1862 или в 1863 гг., после чего служил на Кавказе – главным образом в Георгиевске, с недолгими отлучками в менее комфортные места. В Георгиевск старый врач вернулся и после отставки, прожив здесь до 1910 г.

После него среди старших врачей 6-го Кубанского пластунского батальона преобладали уже совсем не русские люди. Следующим эту должность занял **Оттон** (в КК – Антон) **Войцехович де-Мезер**, из дворян Могилевской губернии. Этот род французских гугенотов (чаще – де-Мезьер) переселился в Пруссию в XVII ст. и дал Германии в XX-XXI вв. ряд политиков.

О.В. де-Мезер родился в 1851 или 1852 гг., а диплом лекаря получил только в 1881 г. (или даже в 1884 г.). Вероятно, причиной долгой учебы было увлечение Оттона идеями социализма; его брат Сигизмунд, студент-технолог, сидел в тюрьме и был выслан в Абакан и Минусинск.

В 1880-е гг. О.В. де-Мезер служил на Кавказе в военных госпиталях и в войсках. В 1890–1898 гг. он состоял младшим врачом 155-го Кубинского пехотного полка в Карсе, а назначение старшим врачом в 6-й Кубанский пластунский батальон надворный советник де-Мезер получил 20.06.1898 г. [18]. Его службу в Хунзахе с производством в 1899 г. в коллежские советники подтверждают данные справочников [19] и сетевая публикация [20].

3 марта 1901 г. О.В. де-Мезер был переведен отсюда старшим врачом в Ордубатский военный лазарет [21] (Ордубат, Ордубад – город в Нахичеванском уезде Эриванской губернии). Этим лазаретом де-Мезер заведовал до отставки в 1908 г. (с понижением в чине до надворного советника!).

Непростой была студенческая молодость и у следующего старшего врача 6-го Кубанского пластуна батальона – **Владимира Николаевича Нордстрема** (в КК – Нордштрема), родившегося в 1855 г., а звание лекаря получившего в 1883 г. в ИВМА. Сына чиновника Саратовской губернии увольняли из академии за участие в беспорядках; он находился под следствием, и от ареста Владимира спасла лишь болезнь. Но ему позволили окончить образование, и Нордстрем честно служил России в Закавказье (младшим врачом для командировок окружного военно-медицинского управления, в гренадерских полках), но больше в Закаспийской области.

Молодой лекарь побывал Тедженским уездным врачом, однако главным образом он служил в конных полках Кубанского казачьего войска – 1-м Таманском и 1-м Кавказском, стоявшем в Мерве (ныне Мары). В конце XIX в. этот городок в дельте реки Мургаб отобрал у самых гиблых мест Кавказа неофициальный титул «маярийной столицы Российской империи».

Именно оттуда коллежский советник В.Н. Нордстрем был перемещен 3.03.1901 г. на должность старшего врача 6-го Кубанского пластуна батальона [21]. Факт его службы в Хунзахе подтверждается данными КК [22], но она оказалась недолгой: 3 сентября того же года Владимира Николаевича перевели старшим врачом в 261-й Шемахинский пехотный резервный полк [23]. Здесь Нордстрем служил до 1904 г., после которого его «нордическая» фамилия больше не встречалась в справочниках – вероятно, старые болезни и мервская злокачественная лихорадка доконали ее носителя.

Больше повезло сменившему Нордстрема в Хунзахе поляку-римокатолику **Казимиру Симплициевичу Иржиковичу**. Этот медик родился в 1857 г., а звание лекаря по сифилису и кожным болезням получил в 1884 г. С конца 1880-х и по 1901 г. К.С. Иржикович служил младшим врачом в пехотных полках в Темир-Хан-Шуре, Чир-Юрте и, наконец, в Грозном.

Отсюда он был перемещен в октябре 1901 г. старшим врачом в 6-й Кубанский пластуна батальон [24], а 5.05.1902 г. – произведен за выслугу лет в коллежские советники. Службу К.С. Иржиковича в Хунзахе по 1903 г. включительно подтверждают данные ежегодных справочников [25].

Новое назначение он получил 18.11.1903 г. в Петровск (ныне – Махачкалу), на должность старшего врача Терско-Дагестанской крепостной артиллерии [26]. На берегу Каспия Иржикович прослужил до 1915 г. Интересующихся его биографией отсылаем в Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА), к делу 212 описи 8 фонда 1304 «Окружное военно-санитарное управление Кавказского военного округа».

Следующим старшим врачом 6-го Кубанского пластуна батальона стал надворный советник **Николай Эдуардович Ридель**, родившийся в 1865 или 1866 гг. Получив в 1890 г. диплом лекаря по внутренним и детским болезням, он начал службу младшим врачом в том же пехотном полку, что и Иржикович, в ст. Екатериноградской и Владикавказе, а продолжил ее в Пятигорске – младшим врачом военного лазарета.

Назначение в Хунзах Н.Э. Ридель получил 26.11.1903 г. [26], а весной следующего года стал коллежским советником. Он значился в РМС и КК старшим врачом 6-го Кубанского пластуна батальона по 1906 г. включительно [27]. Однако далеко не все это время Ридель лечил пластунов. Он успел побывать на Дальнем Востоке и получить орден св. Станислава 2-й ст. «За отлично-усердную службу и труды, понесенные во время военных действий». Труды не помешали Николаю Эдуардовичу прикомандироваться к ИВМА «для научного усовершенствования», выполнить у фармаколога проф. Н.П. Кравкова докторскую диссертацию и защитить ее [28].

Наконец, 20.10.1906 г. Н.Э. Ридель был переведен из 6-го батальона, где все еще номинально числился, на должность врача для командировок военно-медицинского управления Кавказского военного округа [29]. К началу 1910-х гг. он вернулся в Европейскую Россию, служил старшим полковым врачом, стал статским советником. А при большевиках скромно подвизался в заводской больнице в Киевской губернии [16].

После него старшим врачом 6-го Кубанского пластуновского батальона был надворный советник **Павел Митрофанович Городцев** (Городцов), назначенный 24.11.1906 г. [29]. Этот медик (род. в 1859 г., лекарь с 1887 г.) прежде служил в 82-м Дагестанском пехотном полку – в Чир-Юрте, затем в Грозном. На рубеже веков с Городцевым что-то случилось: РМС именовал его живущим во Владикавказе врачом без места, с пометкой: «Отпуск лекарств по его рецептам запрещен». Однако позже ему возвратили все права и назначили младшим врачом Асландузского резервного батальона в Елисаветполе (Гянджа, Кировабад). Отсюда П.М. Городцев и отправился в Хунзах.

Факт его службы в этом укреплении подтвержден данными КК [30]. Здесь старший врач 6-го Кубанского пластуновского батальона П.М. Городцев был произведен 8.04.1907 г. за выслугу лет в коллежские советники. Но уже 5 сентября его «для пользы службы» переместили старшим врачом в 250-й Ахульгинский пехотный резервный батальон в ст. Воздвиженской Терской области [31]. Впрочем, ненадолго: в 1909-1910 гг. Городцев снова упоминался как не служащий, а с 1912 г. – навсегда исчез со страниц РМС.

К сожалению, фамилии врачей 6-го Кубанского пластуновского батальона в 1908–1910 гг. не известны. Данных об этом нет как в КК, так и в ВМЖ.

В 1907 г. штаб-квартира 6-го батальона находилась в укреплении Гуниб (две сотни оставались в Карадахе и Ботлихе). Передислокацию, скорее всего, вызвал перевод в Хунзах дисциплинарного подразделения из матросов, осужденных за мятежи в 1905–1906 гг. Об этом событии пишут дагестанские авторы (см.: Гаджиев Б.И. Царские и шамилевские крепости в Дагестане. Махачкала: Эпоха, 2006. 255 с.), не приводя, однако, документальных подтверждений пребывания в Хунзахе «очаковцев» или «потемкинцев».

А летом 1910 г. началось новое перебазирование: 2-ю сотню 6-го Кубанского пластуновского батальона командировали из Гуниба в урочище Лагодехи Сигнахского уезда Тифлисской губернии для принятия казарм и имущества от Лорийского пехотного полка. Но еще 30.04.1910 г. старшим врачом назначили надворного советника **Станислава-Казимира Иосифович Пан-**

кевич [32] (род. в 1874 г., лекарь по внутренним болезням с 1901 г.), до этого состоявшего младшим врачом 4-го Кубанского пластуновского батальона.

На время его службы и пришлось переход 6-го батальона из Дагестана в Лагодехи; при нем торжественно провожали пластунов на льготу, как описано в [33]. Но вряд ли русский воинский ритуал трогал сердце поляка...

Старший врач 6-го Кубанского пластуновского батальона Панкевич 21.04.1913 г. был произведен за выслугу лет в коллежские советники. Его служба в Лагодехи подтверждается данными ежегодников [34].

Наконец, в октябре 1913 г. С.И. Панкевич был перемещен старшим врачом в 6-й Кавказский стрелковый полк [35]. Всю мировую войну этот полк действовал на левом фланге Кавказского фронта – в Персии. А к 1924 г. Станислав-Казимир вернулся в полюбившееся ему урочище Лагодехи [16].

Список известных нам старших врачей 6-го Кубанского пластуновского батальона завершает **Симеон Николаевич Цинамзгваров (Цинамдзгваров)** – вероятно, грузин. Он родился в 1877 г. и, став лекарем по внутренним болезням в 1901 или 1903 г., состоял младшим врачом 1-го Кубанского пластуновского батальона в Артвине Кутаисской губернии (ныне это Турция).

23.10.1913 г. надворный советник С.Н. Цинамзгваров был назначен старшим врачом 6-го Кубанского пластуновского батальона в урочище Лагодехи [35]. Вместе с пластунами 6-го батальона он встретил Первую мировую войну. По данным РМС, в 1915 г. Симеон Николаевич, уже коллежский советник, еще состоял старшим врачом батальона [36].

Он не покинул родину и при большевиках: в 1924 г. врач С.Н. Цинамзгваров проживал в Борчалинском уезде Грузии [16; 24].

Младшие батальонные врачи

Они в 6-м Кубанском пластуновском батальоне менялись не так часто, но и их набралось немало – 7 человек. Первым младшим врачом батальона стал 4.04.1893 г. лекарь **Владимир Адольфович Фиданца**, только что окончивший ИВМА по специальности «хирургия» [37]. Данные РМС подтверждают, что В.А. Фиданца (1866 г. рожд.) служил в 1894–1896 гг. младшим

врачом 6-го Кубанского пластунского батальона в укреплении Хунзах [38]. Этот факт отмечен и в [20], где итальянскую фамилию лекаря переделали на «Фиданец».

Отслужив с пластунами 4 года, В.А.Фиданца 17.05.1897 г. был перемещен младшим врачом в Пятигорский отдел Терской области [39], исполнял должность городского врача в Моздоке. А в 1902 г. его послали на Дальний Восток. Фиданца провел в Манчжурии всю войну с Японией, удостоился боевых орденов – св. Станислава 3-й и 2-й степеней с мечами. С 1907 г. он переехал в Европейскую Россию, был прикомандирован к ИВМА «для изучения полевой хирургии» и стажировки в Клиническом военном госпитале, но доктором медицины не стал.

До Мировой войны В.А. Фиданца служил старшим врачом пехотных полков, артиллерийской бригады, стал статским советником. Во время войны состоял старшим врачом лазарета в Царском Селе. И даже в 1924 он значился в справочнике «военным врачом в Московском округе» [16].

Сменивший Фиданцу 17.05.1897 г. в должности младшего врача 6-го Кубанского пластунского батальона **Викентий Краевский** [39] родился в 1868 г. и стал лекарем по внутренним болезням в 1893 г. Поначалу его отчество было **Гиляриевич**, потом – **Илариевич (Илларионович?)**. По данным РМС, до Хунзаха он служил младшим врачом Пятигорского лазарета.

С пластунами 6-го батальона В.Г.Краевский провел год с небольшим: 31.07.1898 г. этот коллежский асессор поменялся местами службы с младшим врачом 1-го Сунженско-Владикавказского полка Терского казачьего войска Френкелем [40]. Целеустремленный поляк не задержался надолго и в карабахском с. Хан-Кенды: его властно влекли столица и медицинская наука.

В 1902 г. В.Г. Краевский защитил при ИВМА докторскую диссертацию [41]. Занимаясь в Петербурге доходной частной практикой, он находил время выполнять задания Медицинского департамента и Управления главного врачебного инспектора, и к 1910 г. был уже статским советником. В годы Мировой войны В.И. Краевский, конечно, остался в столице, читая лекции на различных курсах и переиздавая свое «Краткое руководство к изучению ухода за больными и ранеными и подачи первой помощи».

Третий по порядку младший врач 6-го Кубанского пластунского батальона, **Виктор Александрович Френкель**, был старше своих предшественников. Он родился в 1860 г., звание лекаря получил в 1885 г., служил по земству в селах Курской губернии. В начале 1890-х гг. В.А. Френкель вольнопрактиковал в ст. Михайловской Терской области, а с 1894 г. служил младшим врачом в 1-й Сунженско-Владикавказском конном полку Терского казачьего войска. Наконец 31.07.1898 г. он получил назначение в Хунзах [40].

После года с небольшим службы в 6-м Кубанском пластунском батальоне В.А. Френкель в чине надворного советника навсегда покинул Кавказ по приказу от 15.10.1899 г. [42]. Он состоял врачом пехотных полков на Украине и кавалерийского училища в Елисаветграде (с 1934 г. – Кировоград).

Был в биографии Френкеля и яркий боевой период – он оборонял Порт-Артур, будучи старшим врачом 27-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, и попал в плен. А по возвращении на родину получил чин коллежского советника и боевые ордена – св. Анны 3-й ст. и св. Станислава 2-й ст. с мечами.

В Мировой войне В.А. Френкель не участвовал – выйдя в отставку статским советником, он занялся частной практикой в Жмеринке.

Менее 2 месяцев пробыл в статусе младшего врача 6-го Кубанского пластунского батальона **Павел Иванович Шерман**. Окончив ИВМА, он был 28.11.1899 г. определен в службу на эту должность [43]. Но уже 26.01.1900 г. молодому хирургу (род. в 1873 г.) приказали отправиться в Самарканд, где он несколько лет состоял младшим врачом ряда резервных батальонов [44].

Лишь в 1905 г. П.И. Шерман вернулся в Европейскую Россию. Недолго послужив в Польше в запасном кавалерийском полку, он занял должность младшего врача Михайловского порохового завода в Шостке. Фактически же Павел Иванович готовил при Императорском институте экспериментальной медицины и акушерско-гинекологической клинике ИВМА докторскую диссертацию, которую успешно защитил [45].

Перед Мировой войной П.И. Шерман служил младшим врачом пехотного полка в Смоленске. Пережив и ее, и Гражданскую

войну, он осел в Петрограде/Ленинграде, практикуя по хирургическим и нервным болезням [16].

Дольше всех коллег младшим врачом 6-го Кубанского пластуна батальона состоял **Григорий Иванович Дементьев**. Сын штабс-капитана, он родился в 1875 г. Получив диплом в ИВМА в конце 1899 г., Г.И. Дементьев был определен младшим врачом в 1-ю резервную артиллерийскую бригаду. Но уже 26.01.1900 г. Петербург перенаправил его в 6-й пластуна батальон [44].

Григорий Иванович исправно тянул лекарскую лямку в Хунзахе, что подтверждается и в сообщении [20]. 6 мая 1905 г. младшего врача 6-го Кубанского пластуна батальона произвели в надворные советники.

Наконец, 18.08.1906 г. Г.И. Дементьев был назначен младшим врачом в Ломжинский местный лазарет [46] (Ломжа – городок в Русской Польше), но тогда же перевелся из армии в Отдельный корпус пограничной стражи. Он много лет служил на границе – в Нахичевани, потом в Килии на Дунае, а 10.07.1916 г. был награжден орденом св. Станислава 3-й ст. «За отлично-усердную службу и труды, понесенные в условиях военного времени».

Данных о том, кто стал младшим врачом 6-го Кубанского пластуна батальона после Г.И. Дементьева и кто занимал эту должность в 1907–1910 гг., найти не удалось (как и о старших врачах – см. выше).

Предпоследним известным нам младшим врачом был **Николай Афиногенович Плышевский**, сын чиновника Черниговской губернии (вероятно – потомка поляков). Николай родился в 1884 г. и, окончив лекарем ИВМА (по другим источникам – Киевский университет), получил 12.12.1910 г. назначение в с. Лагодехи, куда перебазировался 6-й пластуна батальон [47].

Служба Н.А. Плышевского здесь отмечена и в справочниках [48]. Но 22.02.1912 г. он был перемещен младшим ординатором в Сурамский военный лазарет в Горийском уезде Тифлисской губернии [49], где и встретил коллежским асессором Миртовую войну. Другой информации о нем нет.

В 1912 г. младшим врачом 6-го Кубанского пластуна батальона стал армянин **Георгий Николаевич Цициков**, 1882 г. рождения, лекар с 1909 г. по внут-

ренним болезням. До Лагодех он три года служил младшим врачом пехотного полка в Александрополе. Факт назначения Цицикова в 6-й батальон подтверждается рядом источников [50]. В 1914 г. ВМЖ сообщил о производстве младшего врача 6-го пластуна батальона Георгия Цицикова в коллежские асессоры и о награждении его орденом св. Станислава 3-й ст.

По данным РМС на 1916 г., Г.Н. Цициков все еще состоял в прежнем статусе, находясь в урочище Лагодехи [51]. Революции и войны, смены режимов не сдвинули его с насиженного места: советские списки врачей упоминали Георгия Николаевича живущим в Сигнахском уезде Грузии [16].

* * *

В заключение – о возможной причине долгого невнимания историков к медикам 6-го Кубанского пластуна батальона. Из 20 фамилий врачей только 6 можно причислить к чисто русским. Лишь трое из 20 (Г.И. Дементьев, В.А. Фиданца и, с натяжкой, К.И. Панкевич) прослужили в батальоне срок, близкий к времени действительной службы пластунов. Зато шестеро пробыли здесь недолго и вряд ли успели даже познакомиться со своим контингентом.

А не став для казака подлинным сослуживцем, в части не запомнишься, в ее истории – не останешься...

Примечания:

1. Военно-медицинский журнал (ВМЖ). 1892. Часть 175. Ноябрь.
2. Российский медицинский список (РМС), изданный Медицинским департаментом Министерства внутренних дел (МВД) на 1893 год (по сведениям к 15 мая 1893 г.). СПб., 1893. С. 213; РМС, изданный Медицинским департаментом МВД на 1898 год (по сведениям к 15 мая 1898 г.). СПб., 1898. С. 253.
3. ВМЖ. 1894. Часть 181. Сентябрь.
4. Кавказский календарь (КК) на 1894 г. / Под ред. Е. Кондратенко. Адрес-календарь. Тифлис, 1893. С. 352; КК на 1900 г. / Под ред. Е. Кондратенко. Адрес-календарь. Тифлис, 1899. С. 477.
5. *Аганов П.А.* Об оперативном лечении haematocoles retrouterinae: Диссертация на степень доктора медицины. СПб., 1892. 45 с.
6. *Русанов К.В.* Усть-Лабинский военный госпиталь в 1835–1887 гг. // Кубанский сборник. Т. VI (27). Краснодар: Книга, 2015. С. 129–154.
7. КК на 1894 г. / Под ред. Е. Кондратенко. Адрес-календарь. Тифлис, 1893. С. 352; КК на 1895 г. / Под ред. Е. Кондратенко. Адрес-календарь. Тифлис, 1894. С. 370.
8. РМС, изданный Медицинским департаментом МВД на 1893 год (по сведениям к 15 мая 1893 г.). СПб., 1893. С. 2; РМС, изданный Медицинским департаментом МВД на 1897 год (по сведениям к 15 мая 1897 г.). СПб., 1897. С. 3.
9. ВМЖ. 1894. Часть 181. Ноябрь.
10. ВМЖ. 1895. Часть 183. Май.
11. ВМЖ. 1895. Часть 184. Сентябрь.
12. ВМЖ. 1895. Часть 184. Октябрь.

13. *Гонтмахер М.А.* Евреи на донской земле: История. Факты. Биографии. Издание 2-е, исправленное и дополненное. Ростов н/Д.: Ростиздат, 2007. 857 с.

14. *Змеев Л.Ф.* Русские врачи-писатели. Тетрадь 5. СПб., 1889. С. 185.

15. КК на 1898 г. / Под ред. Е. Кондратенко. Адрес-календарь. Тифлис, 1897. С. 437; РМС, изданный Медицинским департаментом МВД на 1898 год (по сведениям к 15 мая 1898 г.). СПб., 1898. С. 312.

16. Список медицинских врачей СССР на 1 января 1924 года. Москва. Наркомздрав РСФСР. 1925. 827 с.

17. ВМЖ. 1898. Часть 192. Июнь.

18. ВМЖ. 1898. Часть 192. Август.

19. КК на 1899 г. / Под ред. Е. Кондратенко. Адрес-календарь. Тифлис, 1898. С. 454; РМС, изданный Медицинским департаментом МВД на 1900 год (по сведениям к 1 мая 1900 г.). СПб., 1900. С. 98.

20. *Plastun.* Памятка 6-го Кубанского пластуна Его Императорского Величества батальона // Вольная станица. Пластуны. URL: <http://forum.fstanitsa.ru/viewtopic.php?f=38&p=16330>.

21. ВМЖ. 1901. Часть 79. Апрель.

22. КК на 1902 год / Под ред. Е. Кондратенко. Адрес-календарь. Тифлис, 1891. С. 489.

23. ВМЖ. 1901. Часть 79. Октябрь.

24. ВМЖ. 1901. Часть 79. Ноябрь.

25. КК на 1904 год / Под ред. Е. Кондратенко. Адрес-календарь. Тифлис, 1903. С. 527; РМС, изданный Медицинским департаментом МВД на 1904 год (по сведениям к 1 апреля 1904 г.). СПб., 1904. С. 143.

26. ВМЖ. 1904. Часть 82. Январь.

27. РМС, изданный Управлением главного врачебного инспектора МВД на 1907 год (по сведениям к 15 мая 1907 г.). СПб., 1907. С. 328; КК на 1907 год / Под ред. Д.Д. Пагирева. Адрес-календарь. Тифлис, 1906. С. 319.

28. *Ридель Н.Э.* О действии атропина на движение кишечника: Диссертация на степень доктора медицины. СПб., 1905. 145 с.

29. ВМЖ. 1907. Т. ССХVIII. Январь.

30. КК на 1908 год / Под ред. Д.Д. Пагирева. Адрес-календарь. Тифлис, 1907. С. 316.

31. ВМЖ. 1907. Т. ССXX. Октябрь.

32. ВМЖ. 1910. Т. ССXXVIII. Июнь.

33. *Згонников П.* Крым-Шамхалов, Чичинадзе и другие пластуны; Проводы уходящих на льготу пластунов. URL: <http://www.lagodekhi.net/>.

34. РМС, изданный Управлением главного врачебного инспектора МВД на 1913 год (по сведениям на 20 апреля 1913 г.). СПб., 1913. С. 329; КК на 1914 год / Под ред. А.А. Эльзенгера и Н.П. Стельмашука. Адрес-календарь. Тифлис, 1913. С. 567.

35. ВМЖ. 1914. Т. ССXXXIX. Январь.

36. РМС, изданный Управлением главного врачебного инспектора МВД на 1916 год (по сведениям на 1 мая 1916 г.). Петроград, 1916. С. 516.

37. ВМЖ. 1893. Часть 177. Май.

38. РМС, изданный Медицинским департаментов МВД на 1895 год (по сведениям к 15 марта 1895 г.). СПб., 1895. С. 269; РМС, изданный Медицинским департаментов МВД на 1897 год (по сведениям к 15 мая 1897 г.). СПб., 1897. С. 297.

39. ВМЖ. 1897. Часть 189. Июль.

40. ВМЖ. 1898. Часть 193. Сентябрь.

41. *Краевский В.Г.* О сравнительном влиянии морфия и различных его производных (героина, перонина, дионина и кодеина) на дыхательную деятельность и общее состояние организма: Диссертация на степень доктора медицины. СПб., 1902. 248 с.

42. ВМЖ. 1899. Часть 198. Ноябрь.

43. ВМЖ. 1900. Часть 78. Январь.

44. ВМЖ. 1900. Часть 78. Март.

45. *Шерман П.И.* Роль сальника и брюшины при попадании инородных тел в брюшную полость: Диссертация на степень доктора медицины. СПб., 1910. 146 с.

46. ВМЖ. 1906. Т. ССХVII. Октябрь.

47. ВМЖ. 1911. Т. ССXXX. Февраль.

48. КК на 1912 год. Адрес-календарь. Тифлис, 1911. С.

496; РМС, изданный Управлением главного врачебного инспектора МВД на 1911 год (по сведениям к 10 марта 1911 г.). СПб., 1911. С. 313.

49. ВМЖ. 1912. Т. ССXXXIII. Апрель.

50. РМС, изданный Управлением главного врачебного инспектора МВД на 1913 год (по сведениям на 20 апреля 1913 г.). СПб., 1913. С. 478; КК на 1913 год / Под ред. А.А. Эльзенгера и Н.П. Стельмашука. Адрес-календарь. Тифлис, 1912. С. 496.

51. РМС, изданный Управлением главного врачебного инспектора МВД на 1916 год (по сведениям на 1 мая 1916 г.). Петроград, 1916. С. 517.

А.О. Андреев

І-я Кубанская казачья дивизия в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. с кратким археографическим обзором фонда ГАКК № 438 «І-я льготная Кубанская казачья дивизия»

І-я Кубанская казачья дивизия была сформирована с началом Первой мировой войны 1914–1918 гг. из льготных полков 2-й очереди Кубанского казачьего войска. В состав дивизии вошли: І-я бригада в составе 2-го Таманского и 2-го Полтавского полков, ІІ-я бригада в составе 2-го Запорожского и 2-го Уманского полков, 2-й конно-горный артиллерийский дивизион; кроме того при штабе дивизии находилась конно-сапёрная сотня. Впоследствии вместо конно-горного артиллерийского дивизиона в состав дивизии с 25 ноября 1914 года вошла 20-я Донская батарея, которая выбыла 14 мая 1915 года, а вместо неё в состав дивизии была включена 17-я Донская батарея [1].

Приказ о мобилизации частей дивизии атаманы отделов получили в ночь с 17 на 18 июля 1914 года. С 31 июля по 2 августа полки дивизии были погружены в эшелоны и отправлены на Юго-Западный фронт. Полки І-й бригады и штаб дивизии грузились в г. Екатеринодаре, а полки ІІ-й бригады – на станции Кисляковка. С 6 по 8 августа части дивизии прибыли на фронт в район г. Проскурова и вошли в состав знаменитой 8-й армии под командованием одного из самых известных полководцев Первой мировой войны генерала от кавалерии А.А. Брусилова [2].

Первое боевое столкновение произошло уже 6 августа близ селения Дунаевцы в районе Каменецка, когда 1-я и 2-я сотни 2-го Запорожского полка были посланы на разведку и атаковали в конном строю два эскадрона спешенных австрийских гусар,

часть из них изрубили, остальных обратили в бегство, но поскольку в атаке погибли оба сотенных командира, отошли к дунаевцам. Австрийские гусары, отступая, смяли свой же батальон пехоты, шедший к ним на помощь, и очистили всю территорию от Каменца до Збруча [3].

В течение последующих месяцев дивизия вместе с остальными войсками 8-й армии была в почти непрерывном наступлении с боями на территории противника в Галиции и Венгрии. С 15 августа 1914 года согласно приказу командующего 8-й армией она была подчинена 24-му корпусу генерала Цурикова, а согласно приказу от 7 сентября вошла в состав Днестровского отряда под командованием генерала Вебеля, который для выполнения поставленных перед дивизией задач временно подчинил ей 283-й Павлоградский пехотный полк и батарею 71-й артиллерийской бригады. 5 декабря 1914 года на базе Днестровского отряда был сформирован 30-й армейский корпус под командованием генерал-лейтенанта Ф.М. Вебеля [4].

К середине января 1915 года русское наступление остановилось, а с конца января начались бои с переменным успехом, когда части русской армии то были вынуждены отходить, то вновь контратаковали. В связи с необходимостью боевой обстановки отдельные части дивизии для выполнения задач неоднократно временно передавались в состав других частей, в то же время командиру дивизии генералу Стаховичу так же постоянно в подчинение передавались донские, терские, армейские и пограничные части для выполнения конкретных боевых задач. Так, в феврале-мае 1915 года одна бригада дивизии входила в состав 9-й армии, а другая – в состав кавалерийского корпуса хана Нахичеванского. Отдельные полки дивизии временно входили в состав 6-го, 11-го, 18-го и других корпусов. Приказом от 4 мая 1915 года дивизия была подчинена командующему 11-й армией генералу от инфантерии Д.Г. Щербачеву [5].

За бои с августа 1914 года до июля 1915 года 1 офицер дивизии был награжден орденом Св. Георгия 4 ст., 9 офицеров – Георгиевским оружием, 1214 казаков – Георгиевскими крестами различных степеней и 816 казаков – Георгиевскими медалями. Частями дивизии было взято в плен 11 офицеров и 1580 нижних чинов противника,

в виде трофеев захвачено 1050 винтовок, 18 орудий, несколько паровозов, несколько сотен вагонов, склады с обмундированием, продовольствием и с несколькими сотнями тысяч патронов. Потери дивизии составили 19 офицеров и 289 казаков убитыми и 35 офицеров и 1011 казаков ранеными [6].

Вечером 16 июля 1915 года штаб дивизии получил приказ о её переброске с Юго-Западного на Северо-Западный фронт. На следующий день полки дивизии были погружены в эшелоны на станциях Злочев и Зборов и с 21 июля стали сосредотачиваться в районе Вильно, откуда части были направлены в район Вилькомира и Янова, где дивизия вошла в состав 34-го корпуса под командованием генерал-лейтенанта Ф.М. Вебеля.

23-го июля в дивизию прибыл новый командир генерал-лейтенант А.Д. Кузьмин-Караваев, назначенный вместо генерал-лейтенанта П.А. Стаховича. На следующий день дивизия заняла передовые позиции, а с 25 июля началось наступление и бои в районе г. Коварска, потом озера Дубинки и с. Трескуны, а в сентябре у с. Лопец. При этом 30 августа дивизия временно вошла в состав 3-го Сибирского корпуса, а уже 7 сентября на основе дивизии был создан отряд А.Д. Кузьмина-Караваева, которому до 11 сентября также была подчинена Гвардейская казачья бригада. К середине сентября дивизия была отведена в армейский резерв, при этом отдельные её части были спешены и приданы 26-й пехотной дивизии, в составе которой стояли на позиции до 20 октября 1915 года, после чего дивизия была отведена с фронта в район г. Орши. Приказом от 24 сентября 1915 года дивизия формально была подчинена 38-му корпусу 10-й армии – командующий генерал от инфантерии Е.А. Радкевич. 4 ноября 1915 года августейшим походным атаманом великим князем Борисом Владимировичем частям дивизии был произведен строевой смотр [7].

В последующем дивизия участвовала в позиционных боях на германском фронте. Не позднее января 1917 года дивизия была переброшена на Юго-Западный фронт, где вошла в состав 31-го армейского корпуса под командованием генерала от артиллерии, генерал-адъютанта П.И. Мищенко [8].

С момента формирования дивизии и до 28 июня 1915 года дивизией командовал генерал-лейтенант Павел Александрович Стахович (1865–?). Происходил из

потомственных дворян Московской губернии. Окончил Пажеский корпус по I разряду и Николаевскую академию генерального штаба. Был произведен в первый офицерский чин корнета в 1884 году, в апреле 1889 года – в поручики, в мае 1890 года – в штаб-ротмистры, в декабре 1895 через чин сразу в подполковники, в декабре 1899 – в полковники. В 1899-1900 годах «с высочайшего соизволения» был командирован в Южную Африку для наблюдения за действиями английских войск в англо-бурской войне. В 1904 году участвовал в русско-японской войне. В декабре 1906 года был произведен в генерал-майоры, а 14 апреля 1913 г. – в генерал-лейтенанты. С 25 мая 1913 года – член совета Главного управления государственного коннозаводства. Был награжден русскими орденами Св. Владимира 3 и 4 степени, Св. Станислава 1 и 3 степени, Св. Анны 3 степени, Белого Орла с мечами и Золотым оружием, и иностранными – офицерским крестом французского ордена Почетного Легиона, а также наградами Великобритании, Болгарии и Бухарского эмирата. В июне 1915 года был назначен управляющим, а с января 1917 года главноуправляющим Государственным коннозаводством. После Октября 1917 года эмигрировал [9].

С 23 июня 1915 года дивизией командовал генерал-лейтенант Аглай Дмитриевич Кузьмин-Караваев (1864–1918) – представитель известного аристократического рода, ведущего свою родословную от князя Михаила Прусского, «въехавшего» в Новгород в конце XIII – начале XIV веков, потомки которого были новгородскими, а с 1478 года московскими боярами. Представители рода продолжали играть видную роль и в начале XX века: один старший брат генерал-лейтенант Владимир Дмитриевич (1859–1927) – заслуженный профессор Николаевской академии Генерального штаба, один из создателей энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, депутат Государственной Думы 1-го и 2-го созывов, другой старший брат генерал от артиллерии Дмитрий Дмитриевич (1856–1950) с 1905 года товарищ генерал-фельдцейхмейстера, с 1909 по 1915 начальник Главного артиллерийского управления, потом член Военного совета до 21 марта 1918 года, добровольно вступил в Красную армию. С 1924 года персональный пенсионер от Реввоен-

совета, в ноябре 1944 года был награжден орденом Ленина в связи с учреждением в СССР Дня артиллериста [10].

До назначения в I-ю Кубанскую казачью дивизию А.Д. Кузьмин-Караваев с июля 1914 года командовал I-й Донской дивизией. Имел полный бант ордена Св. Анны (1-3 ст.), Св. Станислава 1-3 степени и Св. Владимира 3 ст. с мечами. 14 марта 1917 года принял в командование 31-й корпус, в который к тому времени входила дивизия. 17 августа 1917 года уволен по болезни в отставку с мундиром и пенсией. В отставке жил безвыездно в своем бессарабском имении, где в 1918 году был расстрелян большевиками, пришедшими реквизировать имение. Жену и детей спас крестьянин, вывезший их на подводе, засыпав сверху сеном [11].

После А.Д. Кузьмина-Караваева, с 14 марта 1917 года, дивизией временно командовал командир 1-й бригады генерал-майор Гавриил Фёдорович Бабиев, 10 мая 1917 года дивизию принял генерал-майор Пётр Николаевич Краснов, которого 26 сентября 1917 года сменил генерал-майор Иван Никифорович Колесников [12].

В результате начавшегося развала фронта после переворота 25 октября 1917 года в г. Петрограде дивизия снялась с позиций и к середине декабря 1917 года прибыла на Кубань, где была расформирована, точнее реорганизована приказом по Кубанскому казачьему войску от 23 декабря 1917 года № 618; при этом большая часть казаков была отпущена по домам, но был сохранен штаб дивизии, и в январе 1918 года она начала заново формироваться. Новым начальником дивизии был назначен генерал-майор Филимонов. По состоянию на январь 1918 года в состав I-й Кубанской казачьей дивизии вошли штаб дивизии и её интендантское управление, 1-я бригада (командир генерал-майор Стопчанский) в составе 1-го Таманского и 1-го Полтавского полков, 2-я бригада (командир полковник Земцов) в составе 1-го Екатеринодарского и 1-го Черноморского полков, пластунский батальон дивизии и 1-й конно-артиллерийский дивизион в составе двух батарей [13].

В составе фонда документы дивизии отложились по 15 октября 1918 года [14]. I-я Кубанская казачья дивизия Кубанской армии Вооруженных сил Юга России (ранее Добровольческая армия) прекратила свое

существование при капитуляции Кубанской армии под г. Новороссийском 2 мая 1920 года [15].

В досоветский период документы поступали на хранение в войсковой архив. 15 мая 1920 года фонды войскового архива Кубанского казачьего войска поступили на государственное хранение в Архивную комиссию (с 4 октября управление) Кубано-Черноморского областного исполкома. Впоследствии вошли в состав фондов Краснодарского исторического архива, а с января 1940 года – Государственного архива Краснодарского края [16].

Перед Великой Отечественной войной 1941–1945 годов в архивном фонде № 438 «I-я Кубанская казачья дивизия» по двум описям (оп. 1 на 58 ед.хр. и оп. 2 на 24 ед.хр.) числилось 82 ед.хр. за 1914–1918 годы. При послевоенных проверках наличия было выявлено отсутствие 11 ед.хр. по описи № 1, которые к 1960 году были сняты с государственного хранения и в фонде стала числиться 71 ед.хр. [17].

На 01.01.2017 на государственном хранении в архивном фонде 438 «I-я Кубанская казачья дивизия» значилось 72 ед.хр. за 1914–1918 годы. Документы фонда относительно хорошо отражают боевой путь дивизии [18].

Состав архивного фонда 438 «I-я Кубанская казачья дивизия» представлен следующими документами:

– приказы Верховного главнокомандующего, Временного правительства, по Кубанскому казачьему войску, а также по армиям и корпусам, в состав которых входила дивизия;

– приказы по дивизии, по полкам и другим частям в её составе по строевой и хозяйственной части;

– протоколы, приговоры военно-полевых судов и документы к ним;

– журналы (перечни) боевых действий; штаты частей дивизии;

– строевые рапорты частей и отчёты об инспекторских смотрах;

– рапорты, документы, сведения, переписка и телеграммы о формировании частей, боевых действиях, людских потерях в ходе боев, реквизициях и уничтожении имущества в прифронтовой зоне у местного населения, взятии пленных и трофеях, состоянии воинских частей и их комплектовании личным и конским составом, воору-

жении, наличии и расходе боеприпасов, производстве дознаний по уголовным и дисциплинарным проступкам, дезертирах, по вопросам интендантского снабжения и удовлетворении различными видами довольствия, состоянии и расходе денежных сумм и другим финансово-хозяйственным вопросам, борьбе с эпидемией сыпного тифа, больных, раненых и их эвакуации;

– сводки сведений о противнике и расположении его частей;

– документы об использовании военной авиации, автомобилей, взрывных веществ, собрании предметов для войскового музея, относящихся к войне;

– переписка по вопросам награждения с наградными листами офицеров и нижних чинов, отпусках офицеров, откомандировании нижних чинов, наличии и распределении писарей, переводах и повышениях по службе, направлении унтер-офицеров в школы прапорщиков, расходе оружия и боеприпасов в частях дивизии, газовых атаках;

– послужные списки и списки по старшинству генералов и офицеров дивизии, полков и других, входивших в неё частей; списки награжденных орденами и медалями, в том числе кавалеров ордена Св. Георгия.

Документы по истории дивизии также отложились в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА): фонды №№ 5171, 5172, 15985; в Российском государственном военном архиве (РГВА) имеются архивные фонды «Управление 1-й Кубанской казачьей дивизии» и фонды 2-го Запорожского и 2-го Таманского полков, входивших в её состав; в ГАКК сведения по истории дивизии, кроме фонда № 438 имеются в фонде № 670 дела №№ 41, 43, 44.

Примечания:

1. ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 41. Л. 1–4.
2. ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 41. Л. 5.
3. ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 41. Л. 5–6.
4. ГАКК. Ф. 671. Оп. 1. Д. 41. Л. 6–12; *Залесский К.А.* Кто был кто в первой мировой войне. Биографический энциклопедический словарь. М., 2003. С. 817.
5. ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 41. Л. 13–19; Ф. 438. Оп. 1. Д. 3; *Залесский К.А.* Указ. соч. С. 794.
6. ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 41. Л. 2–3.
7. ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 41. Л. 19–27; *Залесский К.А.* Указ. соч. С. 793.
8. ГАКК. Ф. 438. Оп. 1. Д. 23, 31, 51, 54; *Залесский К.А.* Указ. соч. С. 417.
9. ГАКК. Ф. 438. Оп. 1. Д. 8. Л. 21–30; Д. 9. Л. 40–41.
10. ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 41. Л. 31–38; Ф. 438. Оп. 1. Д. 8. Л. 21–30; Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.

- СПб., 1895. Т. XVI. С. 932–933; Военная энциклопедия. СПб., 1914. Т. XIV. С. 371–372; *Залесский К.А.* Указ. соч. С. 335–336; Семь веков служат Отечеству // Истоки. 1995. № 5.
 11. ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 41. Л. 31–38; Ф. 438. Оп. 1. Д. 8; Семь веков служат Отечеству // Истоки. 1995. № 5.
 12. ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 41. Л. 36–44; Ф. 438. Оп. 1. Д. 54; *Залесский К.А.* Указ. соч. С. 878.
 13. ГАКК. Ф. 438. Оп. 1. Д. 65, 66, 68, 71.
 14. ГАКК. Ф. 438. Оп. 1. Д. 69, 71.
 15. Энциклопедический словарь по истории Кубани. Краснодар, 1997. С. 234.
 16. ГАКК. Ф. Р-1700. Оп. 1. Д. 5326.
 17. ГАКК. Ф. Р-1700. Оп. 2. Д. 49. Л. 17об–18; Ф. 438. Дело фонда Л. 1–11.
 18. ГАКК. Л. 438. Оп. 1.

Н.А. Корсакова

**Наказный атаман
Кубанского казачьего войска
И Начальник Кубанской области
Михаил Павлович Бабыч**
(К 100-летию со дня трагической гибели)

Михаил Павлович Бабыч (1844–1918) стал последним Наказным атаманом Кубанского казачьего войска в период с 1908 по 1917 гг. Как природный кубанский казак, он был назначен на эту должность Высочайшим приказом императора Николая II в сложный момент политической жизни в Российской империи, потрясаемой революционными событиями. В обращении к кубанцам Бабыч сказал: «Я направляю дорогое мне войско только по дороге любви к Великой родине России и матери Кубани, к славе, сохранению и укреплению казачества».

В 90-е годы прошлого века историки стали изучать жизнь и деятельность этого знаменитого кубанца, но очень мало было известно о его трагической гибели в августе 1918 года. Впервые эти трагические события были описаны в эмиграции кубанским казаком, уроженцем станицы Кавказской Фёдором Ивановичем Елисеевым (1892–1987) в изданной им брошюре «Наказный атаман Кубанского казачьего войска генерал Бабыч» [1].

Подробности расправы большевиками над старым атаманом Елисееву сообщила его вдова София Иосифовна Бабыч (1871–1964), проживавшая в Лондоне. На протяжении многих лет с 1951 по 1964 годы Елисеев с нею переписывался. В своей брошюре он написал не только о гибели атамана, но и его блестящей административной деятельности.

Наместник Кавказа граф Воронцов-Дашков в письме императору Николаю II, предлагая его кандидатуру на должность атамана, писал: «Я определяю личность Бабыча как человека честного, не знающего кумовства, и его происхождение является громадным преимуществом. Должность Начальника Кубанской области есть главным образом административная. Нельзя поручать управление областью в такое горячее время лицу с нею не знакомому. Надо действовать, а для этого надо знать» [2].

В своём труде Елисеев впервые опубликовал послужной список атамана, его награды: ордена св. Станислава 2-й и 3-й степени, св. Анны 1, 2 и 3 степеней, св. Владимира 2, 3 и 4 степеней, св. Александра Невского и «Белого орла». Из иностранных орденов М.П. Бабыч имел персидский орден «Льва и Солнца» 4-й степени и греческий крест «Высоких Командоров Королевского Легиона Спасителей». Также Бабыч за боевые походы, административную деятельность был награжден 14 серебряными и бронзовыми медалями [3].

В переписке с Елисеевым С.И. Бабыч рассказала о жизни всех слоёв общества в Кубанской области в период управления ею М.П. Бабычем. Это освоение плодородных земель, водных ресурсов, строительство железных дорог и портов, открытие более 200 средних учебных заведений, 2 тысяч народных школ, 3-х учительских и одной духовной семинарий, открытие исторических памятников, театров, консерватории, строительство церквей, создание музеев [4]. Процветали Войсковой певческий хор, симфонический оркестр.

В Кубанской области действовали около 100 благотворительных обществ, в 30 из них состояли супруги Бабыч [5]. Многое было разрушено в годы гражданской войны. Все то, чем была сильна Россия, то, что мы сейчас пытаемся восстановить.

Переписка Ф.И. Елисеева и С.И. Бабыч, как ценный исторический источник, была найдена и стала известна в первое десятилетие XXI века [6]. Большой наградой в моей музейной деятельности стала дружба с лучшими представителями русской эмиграции в лице дочери атамана Кубанского казачьего войска в зарубежье В.Г. Науменко – Натальей Вячеславовной Назаренко (1919–2012), участие с нею в возвращении Кубанских казачьих регалий и архивов на

Родину. Также дружба с сыном Ф.И. Елисеева Георгием и внучкой атамана М.П. Бабыча – Софией Брансон (1923–2010) и многими другими. После длительной переписки с Георгием Елисеевым в начале 2001 года я получила приглашение посетить его в штате Нью-Йорк (США) и познакомиться с архивом его отца. Ровно через неделю после падения «знаменитых» башен в Нью-Йорке (билет на рейс был куплен за полгода), я полетела в далекую Америку. Меня встретила Наталия Вячеславовна на своей старенькой спортивной машине. На ней мы проехали по многим местам в США в поисках потомков казачьей эмиграции, вплоть до границы с Канадой, где тогда проживал сын Елисеева. Изучая архив Фёдора Ивановича, мы нашли папку, на которой было написано: «Давно ушедшие... письма вдовы последнего Наказного атамана, генерала от инфантерии Михаила Павловича Бабыча, Софии Иосифовны Бабыч из Англии с 1951 по день ее смерти 3 июня 1964 года. Умерла на 94 году своей жизни».

Письма супруги атамана, или как её называли «маты атаманша», это печальная повесть о трагедии России, судьбе в изгнании, воспоминания о прекрасных годах семейного счастья. «В 1917 году, – писала София Иосифовна, – по прошедшей революции, будучи верным вековым традициям казачества, государства и 300-летней государственной власти, утвержденной и освященной церковным собором, возмущаясь безвластием Временного правительства и изменой, атаман Бабыч спросил разрешения у Его Величества наместника Кавказа Николая Николаевича оставить службу. Решено было ехать в Кисловодск, до некоторого успокоения в стране. В роковой день 13 марта 1917 года Екатеринодар был оставлен» [7].

В августе 1918 года в г. Пятигорск прибыла комиссия большевиков в составе Лещинского, Аксельрода, Мансурова. Ночью 6 августа по их распоряжению были арестованы многие известные военные и общественные деятели, в том числе М.П. Бабыч. Всех арестованных поместили в гостинице под охраной. Прошёл слух, что эта комиссия предлагала вывезти арестованных то ли в Армавир, то ли в Георгиевск и там предать их военно-революционному трибуналу как военных преступников. Но комитет солдатских и рабочих депутатов

ночью 7 августа вывез М.П. Бабыча в лес, и у горы Бештау он был зарублен шашками. «Все мои хлопоты и просьбы, – писала София Иосифовна, – выдать тело мужа, были тщетны». В сентябре полковник А.Г. Шкуро со своим отрядом захватил г. Кисловодск. В местном соборе была отслужена панихида в память убитого атамана. Шкуро помог Софии Иосифовне с двумя дочерьми выехать сначала в ст. Баталпашинскую, затем в г. Екатеринодар, где он разместил их под охраной в своём доме по ул. Графской. «Вечно вспоминаю Андрея Григорьевича Шкуро, – писала София Иосифовна, – принявшего деятельное участие в моей судьбе, жалею его. Вечная ему память и молитва за упокой» [8].

В Екатеринодаре вдова атамана обратилась к генералу А.И. Деникину с просьбой разыскать тело Бабыча. Расследование было поручено генерал-лейтенанту Игнатьеву, председателю Кавказского окружного военного суда. Дело о рассмотрении убийства атамана Бабыча и арестованных в августе 1918 года, состоящее из 300 страниц, в настоящее время хранится в частном архиве за рубежом. Из этого дела София Иосифовна узнала подробности гибели супруга.

Сторож кладбища г. Пятигорска показал место захоронения Бабыча. Ночью 7 августа обнажённое, обезображенное и порубленное шашками тело атамана, прикрытое ветвями, привезли на линейке. «Оно было брошено в чужую могилу с надписью, что здесь похоронен красноармеец, умерший от тифа, – писала София Иосифовна. – Опознали его по зубам, бороде, волосам на голове. Останки положили в цинковый гроб и привезли в г. Екатеринодар» [9].

На опознании присутствовали сестры М.П. Бабыча, корнет Шарданов, есаул Табаев, полковник Венеровский [10]. Гроб с телом атамана 3 апреля 1919 года был торжественно помещен в нишу Свято-Екатерининского собора с установлением бронзовой таблички [11]. «Мой возраст такой, – писала София Иосифовна, – что не дождусь я моей родной обожаемой России, чтобы лечь недалеко от моего любимого супруга...» [12]. К счастью, София Иосифовна никогда не узнала, что в начале 1921 года останки атамана просто были выброшены из собора. Об этом рассказали когда-то ещё живые старожилы города краеведу В.П. Бардадыму.

В одном из писем Елисееву София Иосифовна написала о расправе в станице Уманской в апреле 1918 года с братом атамана Иваном Павловичем Бабычем, служившим в конвое императора Николая II, и командиром 2-го Запорожского полка полковником Ярошевичем – его сожгли вместе с семьёй в своём доме. Семье атамана удалось в 1919 году уйти в эмиграцию, через Константинополь сначала во Францию, затем в Англию. Старшая дочь Елена (1899–1980) работала в английском консульстве переводчиком. Офицеры английской миссии помогли покинуть Екатеринодар. Впоследствии в 1921 году Елена вышла замуж за одного из них. Другая дочь – Екатерина (1904–1961) также в конце 20-х годов вышла замуж за офицера Королевского флота Великобритании.

К сожалению, в Константинополе у Софии Иосифовны были украдены два больших деревянных чемодана, в которых были документы, награды супруга, семейные альбомы, письма императора Николая II.

Свою старость София Иосифовна провела в семье дочери Елены. 18 мая 1971 года Елисеев получил последнее письмо, в котором Елена писала: «Моя единственная сестра Катя скоропостижно скончалась от рака в 1961 году. Мама умерла 3 июня 1964 года в моем доме, ей шёл 94-й год» [13].

На этом, казалось, сведения о судьбе семьи М.П. Бабыча исчерпаны. Но 27 июля 2009 года я получила письмо из Великобритании от Софии Брансон, внучки атамана. Как оказалось, оно уже два месяца находилось на почте и был поставлен штамп к возврату. На конверте написан мой адрес на английском языке: «Мадам Н.А. Корсаковой. Россия. Город Краснодар. 350000» [14]. Я очень признательна работникам почты за то, что они меня разыскали и принесли письмо в музей!

Почти два года я переписывалась с Софией Брансон, получила редкие сведения, фотографии, в том числе свадебные снимки 20-х годов... Много было планов, приглашение посетить её, а главное – эти письма были такие тёплые, и от них так веяло старой Россией. Для историков и биографов атамана М.П. Бабыча поздние письма Софии Иосифовны станут документом незаживающей русской трагедии.

Примечания:

1. Елисеев Ф.И. Наказный атаман Кубанского казачьего войска генерал Бабыч. Нью-Йорк, 1970.

2. Елисеев Ф.И. Указ.соч. С. 9–10.
3. Там же. С. 11–12.
4. Там же. С. 14–18.
5. Корсакова Н.А. Благотворительная деятельность дворянской семьи Бабыч на Кубани в конце XIX – нач. XX вв. // Материалы научно-практической конференции. Краснодар, 2002. С. 60–64.
6. Лихоносов В.И. Все это очень грустно // Родная Кубань. 2002. № 1.
7. Письмо С.И. Бабыч. 26 июня 1951 г. Архив автора.
8. Письмо С.И. Бабыч. 22 августа 1953 г. Архив автора.
9. Письмо С.И. Бабыч. Октябрь 1961 г. Архив автора.
10. ГАКК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 91. Л. 158–166.
11. Там же. Л. 166–168.
12. Письмо С.И. Бабыч. 28 февраля 1957 г. Архив автора.
13. Письмо Елены Бабыч. 18 мая 1971 г. Архив автора.
14. Письмо С. Брансон. 27 июля 2009 г. Архив автора.

В.В. Виокуров

Восстание весной 1918 г. в Ейском отделе Кубанской области

«Жутко было смотреть на казака, униженного, прибитого.

Вставал вопрос – за что?

Не за то ли, что Кубань была житницей России?

Не за то ли, что Кубань, как все остальные казачьи Войска, дала невероятный процент казаков на внешний фронт и затратила чудовищные материальные средства на снаряжение полков, батальонов и батарей?

Не за то ли, что Кубанские пластуны спасают положение целого Кавказского фронта /Сарыкамыш/, а потом затыкают ими прорехи в других местах и на других фронтах?

Не за то ли, что Кубанские полки гнили в Пинских болотах, заменяя пехоту, которая не выдерживала там сидеть?

Не за то ли, что казаками зачастую пользовались для «погнания» пехоты из окопов при наступлении, посылая их впереди?

Не то ли...? Мысли роились одна за другою, хотелось найти ответ, почему судьба приготовила казаку такую черную неблагодарность за верную службу и жертвенность государству, за его трудолюбие, хозяйственность и примерное поведение в мирной обстановке [1].

Весной 1918 года в Кубанской области произошёл целый ряд восстаний казаков против только что установившейся Советской власти. Эти выступления были вызваны той ситуацией, которая сложилась во всей России на местах.

В советское время подлинные причины этих выступлений скрывались и трактовались однозначно – всему виной белогвардейское подполье, во главе которого стояли казаки-офицеры. Вот как разъясняет причины восстания советский генерал, ейский

мещанин Хижняк И.Л. (1893–1980), в 1918 году один из красных командиров, руководитель обороны Ейска: «Белые, после разгрома их 31-го марта 1918 года под г. Екатеринодаром, пользуясь самым напряженным обострением между казаками и иногородними, в ряд станиц выслали значительное количество офицеров для организации и подготовки в них восстания» [2].

О том, какие напряженные отношения между иногородними и казаками в конце 1917 – весной 1918 года складывались на Кубани, подробно изложил 16.10.1918 г. в своем рапорте атаман станицы Усть-Лабинской подхорунжий Колодкин. Очень интересна его, очевидца оценка сложившейся ситуации: «Разрушитель русских военных устоев Керенский, подписал Приказ № 1, спустя некоторое время в станицу стали самовольно прибывать солдаты, а спустя некоторое время – и казаки, покинув фронты на произвол судьбы, и открыв внешнему врагу ворота к русскому простору и богатству.

К октябрю месяцу прошлого 1917 года этих дезертиров в станице было уже много и тогда же они начали сеять семя ненависти к господам офицерам, к чиновникам и к интеллигенции; внушая населению станицы о необходимости ввести чуждую казачеству “советскую власть”» [3].

«Крылатые вести о будущей прекрасной жизни при «советской власти» многих соблазнили, в особенности иногородних. И последние уже в ноябре месяце стали определенно высказываться за упразднение чинов и привилегий и о передаче всей власти народу; основываясь на Декрете, изданным на сей предмет Лениным, политическим авантюристом.

В январе месяце сего года все иногороднее население, проживающее в станице Усть-Лабинской, стало открыто проявлять свое недружелюбное отношение к казакам. Солдаты открыто высказывали свое недоверие к казакам» [4].

«В апреле казакам пришлось переименовать свою администрацию, атаман стал комиссаром, писарь секретарем. Сделано это было потому, что Ростовские и Ейские революционные комитеты перестали отпускать товары, если на удостоверениях, выданных местными властями, стояла подпись атамана. Без удостоверения нельзя было шагу ступить.

Затем было предъявлено, все под предлогом экономических выгод, требование переизбрать комиссара и непременно с участием иногородних, затем потребовали составить вместо станичных сходо станичные советы, затем потребовали подчинения станичных советов окружному революционному Ейскому совету. Началось обложение то хлебом, то лошадьми, и к маю (все числа по старому стилю) казачье население оказалось накаленным до того, что стали втихомолку поговаривать: «Так дальше терпеть нельзя» [5].

Иногороднее население Кубани мечтало о наделении их землей, казаками это воспринималось как нарушение их вековых прав и традиций, как угроза их собственного благополучия. Ведь земля для них – это жалование за службу Отечеству. Да и восстание не случайно началось в конце апреля. Именно в это время в станицу Ясенскую прибыли комиссар земледелия уезда тов. Гордиенко и председатель Ейского Ревкома Луценко М.К. для того чтобы начать выделение земли иногородним. Казаки станицы Ясенской арестовали их. Так казачье население станиц Ясенской и Копанской оказались в эпицентре этого восстания.

Казаки станицы Копанской рассказали об этих событиях через четыре месяца, своем приговоре от 5 сентября 1918 года [6], который сохранился в ГАКК: «Наша станица в апреле месяце сего года выйдя из терпения от насильников и грабителей, чинимых набегу на Родную Кубань большевистскими бандами, восстала против этих негодяев. И при помощи откликнувшихся соседних станиц Ясенской, Новодеревянской, Привольной, Бриньковской, Ольгинской и Новоминской повела наступление на город Ейск, где возможно, скорее всего, можно было добыть оружие».

А в это время в Москве большевистское правительство ведет переговоры с Германией, войска которой оккупировали Украину, и им в этом никто не мешал, так как армии у России практически не было. На юге немецкие войска уже взяли Ростов-на-Дону. Вместе с германцами, писал Н. Гульй, «идут украинские отряды, так называемые «гайдамаки», которые состояли из офицеров и военной молодежи. Гайдамаки были более беспощадными врагами комиссаров – погромщиков и всяких углубителей революции, более чем сами немцы» [7]. Такая обстановка

на Украине выдавливала с ее территории всякие банды, многие из которых просто прикрывались революционными лозунгами, чтобы заниматься грабежом. «Стоило немцам приблизиться, как эти банды хлынули на Кубань. Комиссары и матросы с деловым видом спешили на Екатеринодар, а остальной сброд оседал в станицах», – писал Николай Иванович Гулый. Он станет одним из организаторов и руководителем восстания казаков на Таманском полуострове в мае 1918 года. А в 1933 году, в эмиграции, им будут опубликованы эти воспоминания.

Н.И. Гулый, как очевидец этих событий, так рассказал о ситуации на Кубани: «В своей родной Ахтанизовской станице, кроме нахлынувшего сброда из Крыма, я застал банды из Темрюка, состоявшие из рыбаков и босяков. В станице происходил разгул, дебоши, погром со стороны советской рвани. Казаки были терроризированы. Им запрещалось выезжать на полевые работы, обрабатывать виноградники, ловить рыбу. На их обязанности была поставка подвод, кормежка и обслуживание красной нечисти, как тогда называли большевиков» [8].

В Гуверовском архиве П.Н. Врангеля, что находится в США, сохранилось «Постановление общего собрания командиров всех конных и пеших рот отряда фронта», где они решают обложить контрибуцией те кубанские станицы, которые не соглашались с проведением в жизнь Декретов СНК». Они решили: по 100 тысяч рублей затребовать от Ведмедовской, Старонижестеблиевской, Поповической, Старовеличковской, Стародеревянковской, Новоджерелиевской, Роговской, Новокорсунской, Батуриной станиц. 150 тысяч с Каневской, 50 тысяч с Дядьковской и Новотитаровской и 25 тысяч с Сергиевской. Этот документ появился 29 марта 1918 года, во время «Ледяного похода» Л.Г. Корнилова [9]. До восстания казаков Ейского отдела еще целый месяц.

А вот еще один документ из Гуверовского архива, датированный 15 апреля 1918 года: «Военно-революционный трибунал станицы Приморско-Ахтарской постановил: «Гражданина станицы Приморско-Ахтарской, Таманского отдела, Кубанской области Даниила Лаврентьевича Ляхно подвергнуть смертной казни чрез расстреляние» [10]. Вся вина которого состояла в том, что он «противодействовал распространению Советской власти» не вооруженным, а мир-

ным путем. «Ляхно для приведения приговора в исполнения отправить в 1-й Ахтарский военно-революционный отряд». Вот в каких условиях оказались жители своей родной Кубани уже весной 1918 года, т.е. с первых же дней установления «народной» власти. Вот где надо искать причины массовых выступлений казаков. А до восстания оставалось еще две недели.

В последние дни апреля 1918 г. из Ейска через Ясенскую на подводах провозили оружие – около 400 шт. винтовок и несколько тысяч патронов к ним, предназначенных для Приморско-Ахтарского «революционного» отряда. Это оружие было захвачено казаками [11]. Так началось восстание.

Здесь следует объяснить, что у казаков на руках огнестрельного оружия не было, т.к. его выдавало Войско при уходе на службу или войну. Кубанские казаки организованно вернулись с фронтов Первой Мировой войны, сдали знамена, полковые кассы, оружие и только после этого разошлись по своим станицам. Солдаты и другие военнослужащие российской армии дезертировали, самовольно покидали фронт, свои части и шли в родные места с тем оружием, с которым воевали.

Говоря об участниках восстания, И.Л. Хижняк в своих воспоминаниях утверждал, что в восстании участвовали казаки и офицеры (в скобках) следующих станиц: Ясенской 1000 казаков (из них 7 офицеров), Копанской 400 (3), Новошербиновской 250 (6), Новодеревянковской 425 (4), Камышевской 600 (13), Должанской 475 (7), Привольной 280 (2), Ольгинской 250 (3), Бриньковской 300 (3), пос. Кухаривский 70 (1) и хутора Широфанского 80 (1). В целом, по данным И.Л. Хижняка, это почти 5 тыс. казаков [12].

В их числе значатся 300 бриньковчан, якобы принимавших участие в этом восстании. Подтвердить или опровергнуть данные цифры мы долго не могли, пока не нашли в Архиве Управления ФСБ по Краснодарскому краю сборник «Деятели контрреволюции на Кубани периода 1917–1920 гг.» [13]. Так вот, в этом труде приведены фамилии всего лишь 24-х бриньковчан, организаторов и участников восстания. Приводим их фамилии.

Деятели контрреволюции 1917–1920 гг.

1. Авраменко Сергей Дмитриевич, казак, активный участник контрреволюционной

подпольной организации в ст. Бриньковской в 1918 г.

2. Авраменко Стефан Михайлович, сотник, организатор контрреволюционной подпольной организации и восстания в ст. Бриньковской, убит.

3. Белоус Степан Михайлович, казак, активный участник

4. Бойко Петр Илларионович, приказный, активный участник

5. Бутков Федор, хорунжий, организатор контрреволюционного подполья

6. Гречаный Василий Мартынович, урядник, организатор

7. Демяник Василий Михайлович, приказный, организатор

8. Дикий Диомид Леонтьевич, урядник, организатор

9. Ефименко Василий Иванович, активный участник

10. Ефименко Никита Иванович, урядник, организатор

11. Задорожный Павел Николаевич, ст. урядник, участник

12. Кича Савва Андреевич, урядник, активный участник

13. Колесник Иван Мартынович, казак, активный участник

14. Лукаш Петр Ефимович, казак, активный участник

15. Мамай Терентий Андронович, казак, активный участник

16. Мамай Василий Андронович, казак, активный участник

17. Нецадим Михаил Константинович, урядник, организатор

18. Носак Михаил Константинович, приказный, организатор

19. Профатило Андрей Владимирович, урядник. Избран членом Чрезвычайной Краевой Рады в 1918 г.

20. Садым Иван Евстафьевич, урядник, активный участник

21. Садым Петр Илларионович, казак, организатор

22. Тарасов Петр Филиппович, поручик, начальник пехоты во время контрреволюционного восстания в 1918 г.

23. Чайка Михаил Яковлевич, сотник, активный участник

24. Бойко Игнат Никанорович, активный участник.

Всего 24 казака, если прибавить к ним 19 убитых в ходе восстания бриньков-

чан, которые значатся в метрических книгах церковной станицы Бриньковской, получается 43 человека.

Грубо говоря, силы восставших казаков-бриньковчан почти в 8 раз преувеличены; по всей видимости, и по другим станицам такая же ситуация. Ведь власть все это приветствовала, а опровергнуть невозможно было даже теоретически, никто бы не напечатал, а автора еще бы примерно наказали.

Среди организаторов восстания в этом сборнике называются фамилии восьми казаков: сотник Чайка Михаил Яковлевич, сотник Авраменко Стефан Михайлович и хорунжий Бутков Федор. Урядник Гречаный Василий Максимович, приказный Демяник Василий Михайлович, урядник Ефименко Никита Иванович, урядник Нецадим Михаил Константинович, приказный Носак Михаил Константинович, казак Садым Петр Илларионович. Сотник С.М. Авраменко – организатор, сотник М. Чайка в этом сборнике проходит как активный участник контрреволюционной подпольной организации.

Некоторые из участников восстания покинули родные места, опасаясь преследований со стороны новой власти. Оставшиеся же были уничтожены в 1920–1921 годах, а их родственники были репрессированы в 20-30-х годах.

В 1938 году, через 20 лет после восстания, Приморско-Ахтарская районная газета «Колхозный Ударник» опубликовала статью «Ейский бой», записанную со слов красного партизана, председателя Приморско-Ахтарского ревкома в 1920 году, Василия Ивановича Чернецкого. Вот что он «воспоминал»:

«Белобандиты организовали большую повстанческую бригаду из кулацко-зажиточной верхушки станиц Должанской, Копанской, Староминской, Ясенской и ряда других. В стратегический план белых входил захват Ейска. Для осуществления этой задачи была брошена на захват Ейска кулацко-повстанческая банда в 30 тысяч штыков. ...Красные части могли противопоставить только 600 вооруженных человек и 3 гаубицы. Решить участь Ейска должен был Ахтарский революционный полк, численностью в 400 человек, под командованием грузчика Евдокима Никифоровича Шевченко. Ахтарцы неожиданным ударом выбили белобандитов из садов» [14].

И в этой статье количество восставших было преувеличено в 8 раз, видимо, у страха были «велики глаза», как говорит поговорка, да и восхваление большевизма в те годы приветствовалось. А сам В. Чернецкий всячески замалчивал тот факт, что в царской армии он дослужился до фельдфебеля [15] – старшего унтер-офицера. Замалчивал не случайно, ведь не только офицеры были поголовно уничтожены на Кубани, как и по всей России, но и все урядники, и унтер-офицеры дореволюционной Армии. Вот почему В. Чернецкий всячески скрывал свое воинское звание, и только заполняя анкету в Особом Отделе 9-й армии, он побоялся скрыть этот факт из своей биографии, ведь на бланке анкеты стояло предупреждение об ответственности «за сокрытие истинных о себе сведений», где он корявым подчерком запишет «фельдфебель». В историческом очерке о Приморско-Ахтарске, написанном П.К. Пичугиным со слов В. Чернецкого записано, что тот пришел с «империалистической рядовым» [16].

О том, какими силами располагали в Ейске Красные, казаки не знали, а силы были немалые. П.К. Пичугин в «Историческом очерке Приморско-Ахтарска» [17] подробно нам об этом рассказывает: «К концу апреля Ахтарский полк прибыл в Ейск, в составе трех пехотных батальонов, 2-х эскадронов кавалерии, артиллерийской батареи, пулеметной команды и вошел в состав 2-й внеочередной дивизии (командир Клово) [18].

А вообще Ейский боевой участок располагал внушительными силами, кроме Ахтарского полка в него входили: 1-й и 2-й Ейские полки, украинский отряд И.Ф. Федько, Таганрогский, 3-й Советский латышский и 1-й Северо-Кубанский полки, а также эсминец «Керчь» [19].

О жертвах среди жителей станицы Бриньковской рассказали Метрические книги, где также имеются записи об умерших в мае 1918 года. Запись № 19 о том, что 2 мая умер, а 5 мая похоронен иногородний, Полтавской губернии, Хорольского уезда, Балаклейской волости и села, Трофим Данилович Хоружко, 20 лет. В графе о причине смерти написано – «убит».

1 или 2 мая умерли, а 15 мая похоронены:
– казак Иван Устинович Хлевовай, 27 лет;
– хорунжий Иван Семенович Говоруский, 27 лет;
– казак Александр Александрович Белоус, 18 лет;

– казак Корнелий Федорович Диденко;
– казак Афанасий Яковлевич Чайка, 23 лет;
– казак Михаил Константинович Нещадим, 28 лет;
– казак Никита Данилович Кочура, 40 лет;
– казак Филимон Ефремович Дикий, 17 лет;
– казак Игнатий Евдокимович Мищенко, 37 лет;
– казак Андрей Козьмин Бутко, 38 лет;
– казак Симеон Иванов Клименко, 28 лет;
– казак Андрей Николаевич Чайка, 22 лет;
– казак Семен Владимирович Бутко, 19 лет, 5 мая убит, 6 мая похоронен, «от огнестрельной раны»;
– казак Емельян Иванович Зикрань, 46 лет, 6 мая убит, 7 похоронен, «от огнестрельной раны»;
– мещанин г. Екатеринодара Георгий Емельянович Чернецкий, 20 лет, «от огнестрельной раны»;
– сотник Стефан Михайлович Авраменко, 38 лет, «убит в сражении с большевиками»;
– казак Корнелий Сидорович Диденко, 22 лет;
– казак Василий Иванович Макаренко, 28 лет [20].

Запись о смерти «1 мая», скорее всего, говорит о том, что эти казаки участвовали в атаке восставших на город Ейск. Они были убиты во время боя или захвачены в плен и расстреляны в числе 132 человек в садах в городе Ейске [21]. Тела погибших родственникам не отдали, а только 14 мая разрешили произвести церковный обряд отпевания убитых, без присутствия их тел в церкви.

В Метрической книге за 1918 год подшит следующий документ, выписка из постановления № 49, параграф 20 постановления Совета крестьянских и казачьих депутатов станицы Бриньковской, следующего содержания [22]: «Во время контрреволюционных выступлений, убитых граждан ст. Бриньковской, Кубанской области, разрешается печатать по христианскому образцу в церкви, но не брать его тела с места его смерти.

С подлинным верно.

За Председателя Совета народных депутатов (подпись)
Совета секретарь (подпись)» [23].

В Бриньковском станичном музее имеются «Списки станичников, погибших в 1918 году за Советскую власть», в котором 166 человек. В основном это бойцы Ахтарского революционного полка (160 чел.), но в конце этого списка есть список из шести человек: «Расстрелянные в станице в 1918 г. за принадлежность к большевизму». Это Селедченко Павел Захарович, Севастьянов Семен Митрофанович, Цупило Василий, Карнаухова Марфа, Стешенко Степан, Мосьпан [24].

Для подавления восстания этих пяти станиц (Ольгинская, Ясенская, Бриньковская, Привольная и Копанская) Областным Советом был назначен отряд Рогачева. Собранный по тревоге, отряд погрузился в поезд на станции Старовеличковская и двинулся к железнодорожной станции станицы Ольгинской. Отряд выгрузился, толпою ворвался в эту станицу и начал громить собравшуюся возле станичного правления толпу казаков, казаки бежали в соседние восставшие станицы [25].

Репрессии обрушились на восставшие станицы. «Нашим героям пришлось еще пострадать лучшими людьми, взятыми заложниками восстания, жизнь которых закончилась зверскими выходками узурпаторов» – записали казаки станицы Копанской в своем приговоре [26].

О расправе над восставшими упоминал И.Л. Хижняк. В 1959 году он написал в своих воспоминаниях, что «захваченные в

плен ворвавшиеся в г. Ейск казаки и офицеры, в числе 178 человек с полковником Топорковым [27] были расстреляны в садах Ейска» [28].

В боях под Ейском было убито до 350 человек одних ясенских казаков, расстреляно в садах 132 человека, ранено до 75.

Зачинщики восстания и участники такового офицеры, священники, урядники и другие лица, в числе до 300 человек, после подавления восстания были в станицах арестованы и направлены в Ейскую тюрьму. Часть из них, организаторы восстания и атаманы станиц: Камышеватовской – сотник Чипчиковский, Должанской – атаманы Дорошенко Ф.М., вахмистр Шелест Д.И., Долбиш М., священник Краснов [29], сотник Муравицкий Ф.И., Рева Я., кузнец Широков и другие, были расстреляны [30].

«На участников восстания обрушились жестокие репрессии. Об этом свидетельствовали сами сторонники Советской власти: «...убитые люди убранны в огромные ямы, куда свалено 22 подводы человеческих трупов... Начальник Приморско-Ахтарского отряда расстреливал из пулемета группами, а именно по 20 и более человек» [31].

Но и этого приморско-ахтарцам показалось мало, «от Совета в станицу Ясенскую посылают представителей Ревтрибунала во главе с Войтенко Н.Д., чтобы найти зачинщиков. Их привезли в Ахтари и после суда расстреляли» [32].

Через неделю после подавления казачьего восстания, т.е. числа 8-9 мая 1918 года, власти заставили «население станиц Ясенской и Камышеватской, около 2500 человек стариков, молодежи и детей от каждой из этих станиц, признавая свою ошибку в участии в восстании, прийти пешком в г. Ейск с красными платками и флагами, чтобы на могилах павших от восстания товарищей принести рабочему классу раскаяние о той ошибке, какую они совершили перед своими же братьями. По прибытии в Ейск население этих станиц было встречено Ейским партийным и революционным комитетами и населением г. Ейска. На площади, около городской больницы, по поручению Комитета партии, – вспоминал И. Хижняк, – мной был открыт общий митинг, на котором выступили городские жители, а от упомянутых станиц старики, женщины и дети, которые покались, что они больше никогда не будут выступать против советской власти. И в знак своей солидарности и выполнения своего обещания на том митинге через меня Советской власти были переданы хлеб-соль и I Ейскому революционному полку красное знамя» [33]. Надо было запугать население восставших станиц, сломать свободолюбие казаков, утопив в крови кубанские станицы, да и российский народ в целом.

Примечания:

1. Сотник Н.И. Гулый, организатор и руководитель восстания казаков на Таманском полуострове весной 1918 года: *Гулый Н.И.* Восстание казаков на Таманском полуострове в мае 1918 года // Науменко В. Кубанский исторический и литературный сборник. № 10. Май-июнь 1961 г. Оранжебург (США). С. 18.
2. *Хижняк И.Л.* Воспоминания о Гражданской войне и борьбе за Советскую власть на Кубани, в частности в Ейске и его отделе. ЦНД. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 1492. Л. 41.
3. Приказ № 1 – Приказ Временного правительства о переходе власти к выборным солдатским комитетам. Был нарушен принцип единоначалия, в результате произошло резкое падение дисциплины и боеспособности русской армии, что в конечном итоге способствовало её развалу.
4. ГАКК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 338. Л. 71–72.
5. Из автобиографии священника Давида Антоновича Чубова. URL: yaseni.ru/str_2, которого в н. вр. нет.
6. ГАКК. Ф. 395. Оп. 5. Д. 165. Л. 165.
7. *Гулый В.И.* Указ. соч. С. 16.
8. Там же. С. 17.
9. ГАРФ. Ф. 10003. Кат. 137. К. 740.
10. ГАРФ. Ф. 10003. Кат. 137. К. 749.
11. *Хижняк И.Л.* Указ. соч. Л. 41.
12. Там же. Л. 43, 47.
13. Архив Управления ФСБ по Краснодарскому краю (далее – АУФСБКК). Ф. 13. Д. 242. Т. 1. Т. 2. Деятели контрреволюции на Кубани. Периода 1917–1920 гг. Ростов-на-Дону, 1934.
14. *Черненко В.И.* Ейский бой // Колхозный Ударник. 1938. 23 февраля.

15. ГАКК. Ф. Р-406. Оп. 1. Д. 1492. Л. 31–32.
16. *Пичугин П.К.* Приморско-Ахтарск. Исторический очерк: Рукопись. 1963 // МКУК «МСБ им. Г.Я. Бахчиванджи».
17. Там же. Л. 31.
18. Там же. Л. 53.
19. Там же. Л. 53.
20. Архивный отдел Управления делами МО Приморско-Ахтарский район (далее – АОУДПАР). Ф. 158. Оп. 1. Св. 19. Д. 87.
21. *Хижняк И.Л.* Указ. соч. Л. 44.
22. АОУДПАР. Ф. 158. Оп. 1. Св. 19. Д. 87. Л. 74.
23. Там же.
24. МКУК «Музей станицы Бриньковской».
25. *Пархоменко В.С.* Они были первыми. К истории антибольшевистских повстанческих движений на Кубани в 1918 году // Белая гвардия: альманах № 8: Казачество России в Белом движении. М.: Посев. С. 88–90.
26. ГАКК. Ф. 395. Оп. 5. Д. 165. Л. 167.
27. *Хижняк И.Л.* Указ. соч. Л. 44.
28. *Хижняк И.Л.* Указ. соч. Л. 44–45.
29. Священник Краснов был сожжен в топке эсминца «Керчь».
30. *Хижняк И.Л.* Указ. соч. Л. 45.
31. Память жива в веках. Возвращение к истокам: об участии казаков в войнах XVIII–XX вв. Краснодар: Диапазон-В, 2006. С. 221.
32. *Пичугин П.К.* Указ. соч. Л. 49–50.
33. *Хижняк И.Л.* Указ. соч. Л. 46.

Е.В. Тёр

Дом на холме (Последний бой полковника Павла Михайловича Ярошевича)

В 2007 году в «Открытом письме моим землякам» известный писатель и историк Борис Евгеньевич Тумасов писал: «Станица, боль моя и моя радость. Пусть ее с 30-х годов назвали Ленинградской, но для меня она навсегда осталась Уманской.

Там я пошел в школу. 27-я начальная, что окнами смотрела на площадь и разрушенное двухэтажное здание Ейского отдела, а другими на холм, где, по рассказам старожил, стоял дом войскового старшины, какой с семьей яростно отбивался от наступающих красноармейцев...» [1]. Кто этот войсковой старшина, что о нём сохранилось в памяти нашего земляка?

12 марта 1918 года в станице Уманской (ныне – Ленинградская) была установлена советская власть. Раньше эта дата постоянно отмечалась, на страницах районной газеты публиковались статьи о событиях того времени. Однако все они носили односторонний характер. Герои были только со стороны красных бойцов, тогда как белогвардейцы рисовались в отрицательных тонах. Зачастую рассказы очевидцев были противоречивы, и желаемое

выдавалось за действительное [2]. Цель этой статьи не делать подробный разбор того, что происходило сто лет назад. Мы расскажем о том, что произошло уже после того, как казачество станицы капитулировало, о трагедии в центре Уманской, связанной с последним боем полковника (по другим источникам – войскового старшины) П.М. Ярошевича.

Начнем с того, что осенью 1917 года в Уманской состоялся съезд казачьих сторонников монархии. По его итогам был создан «Казачий союз», призванный организовать борьбу против большевистской опасности. Его возглавил атаман Ейского отдела П.И. Кокунько, а его товарищем (заместителем) был избран Я.И. Лопух [3].

В конце 1917 года сложилось двоевластие – с одной стороны местный ревком, с другой – атаманская власть. Следует сказать, что Уманская являлась отдельским административным центром.

Участник тех событий, будущий генерал-лейтенант Иван Лукич Хижняк в своей книге «Годы боевые» пишет о том, что Ейский революционный комитет неоднократно требовал сдать оружие и распустить расквартированные в Уманской воинские части по домам. Однако новый атаман Ейского отдела генерал-майор Н.Л. Закладный игнорировал эти требования. В станице расположился батальон под командованием Орлова, передислоцированный из Ейска, другие военные подразделения. Имелось 4 орудия, 12 пулемётов.

Приморско-ахтарские красновардейцы под командованием Пантелея Кузьмича Зоненко стали костяком специального отряда, в который вошли железнодорожные рабочие и грузчики Ейска. Руководили этой операцией Хижняк, Зоненко и Балабанов. Соорудили «бронепоезд» – на открытые вагоны установили мешки с песком в качестве защиты, пулемёты, два орудия. По дороге к отряду присоединились другие красновардейцы. Дорогу на станицы Староминскую и Старощербиновскую перекрыли заградительными отрядами, чтобы отсечь возможную помощь контрреволюционерам со стороны. В лоб штурмовать не решились – силы были неравны. Ночью, по сигналу красной ракеты, красновардейцы захватили орудия, находящиеся в центре станицы, и откатали их на станцию, к бронепоезду.

В 7 часов утра начал бить церковный колокол, сзывая казаков к обороне. После выстрела шрапнельным снарядом красными по колокольне набат прекратился. И только после второго ультиматума к отряду направилась делегация с крестом и хоругвями. К 12 часам стали свозить подводы с оружием гарнизона. В час дня со стороны станицы Сосыка подошёл бронепоезд под командованием Дмитрия Жлобы.

Прочитируем дословно: «Мы двинулись в станицу обезоруживать офицеров. Они открыли по нас стрельбу, убили несколько красновардейцев. В центре станицы отдельные каменные дома, в которых засели офицеры, пришлось брать штурмом. Так, например, полковник Ярошевич засел в своём доме с группой офицеров, вооружённых винтовками и пулемётом. Мы долго не могли сломить его сопротивление. Пришлось в ход пустить артиллерию» [4].

Вот как описывает это участник тех событий Г.П. Почёма. «Во время Октябрьской революции солдаты эскадрона, в котором я служил, избрали меня своим командиром. После подавления контрреволюционных мятежей в городах Баку, Дербенте и Елизаветполе я взял отпуск и поехал к матери в станицу Уманскую. Однако на станции Сосыка от знакомого станичника Малинина я узнал, что в станице Уманской контрреволюционное казачество свергло советскую власть и объявило белый террор.

Ясно стало, что проехать в станицу было невозможно, и ввиду создавшегося положения я явился к т. Жлобе, командовавшему в то время II революционным полком, находившимся на станции Сосыка. Он назначил меня командиром правого фланга полка. И вот 24 февраля 1918 года три эшелона двинулись в поход на станицу Уманскую. Тогда повстанцы начали взрывать железнодорожные мосты и пути.

Не доходя пяти километров до станицы, мы восстановили мост, а затем походным порядком начали наступление. Завязался бой. У нас было явное превосходство в людях и в вооружении, так что в скором времени белые прислали нам своего представителя с белым флажком. Повстанцы капитулировали, и т. Жлоба дал приказ о прекращении огня. Но при входе в станицу, на площади у старой церкви, на нас градом посыпались пули с трёх сторон: с колокольни церкви, с бывшего высшего начального

училища, со здания отдела и дома генерала Ярышевича (так в тексте. – *Авт.*). Я сразу привёл в боевой порядок группу бойцов и подавил пулемётный огонь противника, однако генерал Ярышевич продолжал сопротивляться, сам он стрелял из окна своего дома, а сын, дочь и жена его били по нас из винтовок. Брошенной мною гранатой генерал был убит. Запалив свой дом, сын, дочь и жена генерала набросились с оружием в руках на нас, но наши бойцы дали им отпор и всех троих уничтожили» [5]. С точки зрения сторонников установления советской власти, белые открыли огонь по не подозревавшим красноармейцам, и только затем была применена артиллерия. В воспоминаниях Г.П. Почёмы, повторюсь, дом спалили сами Ярышевичи (!!!).

Однако есть свидетельства и с другой стороны.

Бывший, трижды избиравшийся на пост атамана станицы Уманской, а в 1918 году член Кубанской Рады Даниил Кириллович Павлоградский [6] на одном из заседаний сказал следующее: «В этом пункте не упомянут целый ряд лиц и общественных организаций, принимавших активное участие в борьбе с большевиками и заплативших свою жизнь и кровью за право называться свободными казаками. Ейский отдел почти весь с первых чисел января начал организовывать станичные отряды, и эти отряды с первых шагов большевистского натиска стали оказывать вооруженное сопротивление большевикам. Станица за станицей выступала против них, и станица за станицей падала, не получая помощи ни идейной, ни физической из центра. Я могу указать на целый ряд станиц, где произошли поистине изумительные героические подвиги, в частности – в станице Уманской. Там 28 февраля начались бои с семью большевистскими эшелонами, которые были встречены станицей вооруженным выступлением для того, чтобы дать возможность прорваться Добровольческой армии на юг, сюда, к кубанским отрядам. Когда вечером после усиленного артиллерийского боя отряд станичный стал отходить к станице и в нем начался естественный в таких случаях распад, то некоторые лица заявили, что лучше смерть, чем позор большевистского засилья. Полковник Ярошевич со своей женой и семьей, запершись в своем доме, открыл огонь по вступающим в ста-

ницу большевикам. Дом был разграблен и зажжен, и полковник Ярошевич, отстреливавшийся до последней минуты, будучи несколько раз ранен, погиб вместе с семьей; каким-то чудом спасся только маленький ребенок. Разве такие подвиги можно не отметить? Разве наши отряды, поднимая восстание и не получая поддержки из центра, разве они не могут быть причислены к числу спасителей Кубани? Есть много охотников на ампулу спасителей, но есть и такие лица, которые не могут говорить. Они обращают к нам свои взоры с молчаливым упреком: «А о нас, душу свою положивших за казачество, кровь проливших, о нас забыли?» [7].

Один из лидеров антибольшевистского движения бывший атаман Ейского отдела, член Кубанской Рады П.И. Кокунько, которого в статьях советского периода якобы расстреляли после установления новой власти в Уманской, в эмиграции писал, что с рассветом 1 марта были расстреляны около вокзала: генералы Зеньковский, Иван Павлович Бабыч, есаулы Повалаев и Рыштога и казак Евко, а затем начались вылавливание по станице офицеров и расстрелы их на месте. Никак не могли найти Ярошевича. Наконец, кто-то из местных большевиков указал его квартиру. Отряд, численностью человек 20-30, подошел к угловому домику, занимаемому Ярошевичем, и нашли двери и окна в нем наглухо закрытыми и запертыми. На крик и стук никто не откликнулся. Несколько человек начали выламывать двери. Из дома в ответ последовали выстрелы, которыми был убит один и один ранен. Началась стрельба в ответ. Так продолжалось около часа. Более 10 трупов уже лежало около дома. Наконец, командир красных, очевидно потеряв терпение, а за ним и несколько бойцов бросились к дверям, но в это время двери отворились, и на пороге появилась девушка лет примерно 20, с винтовкой в руках. Это была старшая дочь Ярошевича, а за нею отец и мать, и моментально грянули три выстрела разом, от которых пал командир и ещё два бойца. Двери опять неожиданно захлопнулись на запор. Наступило минутное оцепенение толпы и полная тишина, после чего большевики подняли частую и беспорядочную стрельбу по дому во что попало. Группы сторонников новой власти рассыпались по станице для вылавливания офицеров и лиц,

враждебных большевизму, а также и для грабежа; слыша усилившуюся перестрелку, хлынули к вокзалу, некоторые их жертвы скрылись из станицы. Наконец, красные подожгли дом, и когда пламя охватило его с двух сторон и пробилось внутрь, осажденные, исключая самого Ярошевича, выскочили на двор и в ту же минуту были расстреляны, кроме 10-летнего кадета, которого каким-то образом умудрилась захватить и спрятать хозяйка подворья. Сам Ярошевич остался в доме, и неизвестно, сгорел ли он живым или же застрелился. Обгорелые кости его были после найдены в пепелище пожара.

Трупы были оставлены неприкосновенными под открытым небом, на дворе. Только дня через три истерзанные тела зарыли в землю по настоянию местных жителей. И осенью того года, после освобождения станицы от большевиков, надлежащим образом похоронены [8].

Что нам известно о погибшем. Согласно некоторым интернет-ресурсам, **Ярошевич Павел Михайлович:** 15.01.1864–01.03.1918 гг.

Православный. В службу вступил 01.01.1882. Окончил Ставропольское каз. юнкерское училище. Хорунжий (ст. 07.03.1887). Сотник (ст. 07.03.1891). Подъесаул (ст. 06.05.1900). Есаул (ст. 06.05.1901). Войсковой Старшина (ст. 06.05.1913). На 15.05.1913 в том же чине в кадре 2-го Запорожского полка ККВ. Участник мировой войны. На 12.1914 и 30.08.1915 в том же чине в 1-м Линейном полку ККВ. Полковник (пр. 30.08.1915; ст. 22.04.1915; за отличия в делах...). Командир 2-го Запорожского полка Кубанского каз. войска (с 15.10.1915). На 01.08.1916 в том же чине и должности. Участник восстания казаков. Убит большевиками в своем доме в ст. Уманской Кубанской обл.

Награды: Св. Станислава 3-й ст. (14.04.1895); Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (ВП 12.1914); Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (ВП 12.1914); Св. Анны 4-й ст. (ВП 12.1914); мечи и бант к ордену Св. Станислава 3-й ст. (ВП 30.06.1915) [9].

П.И. Кокунько в статье о Ярошевиче пишет о том, что в годы Первой мировой войны Павел Михайлович был неоднократно ранен. Один из его сыновей погиб на Западном фронте. Удалось найти документы того времени из Российского государст-

венного военно-исторического архива. Карточка о ранении гласит: «Ярошевич Павел Михайлович. Ранен. О.в.стр. Каз. Кубан. обл. ж(жена), 4с(сына), 1 д(очь). Войсковой старшина 1-го Линейного полка Кубанского казачьего войска 22 апреля 1915 г. у с. Ленковка. Описание при рапорте Нач. Штаба / 11 армии ген. м(айора) Дабровольского от 11 мая 1915 г. № 28846/125346» [10]. Встречаются документы и на сына Ярошевича Вячеслава Павловича, сотника 1 Запорожского полка, раненого в феврале 1915 года под селом Ангеловкой. В последующем он, подъесаул, военный лётчик 2 Сибирского корпуса авиационного отряда, поступил 5 октября 1916 г. в Киевский дворянский госпиталь как больной [11].

В нынешнем году мы перешагнули вековой барьер, отделяющий нас от событий того времени. Осознать и переосмыслить прошлое, где все были и правые, и виноватые, – наш долг!

Примечания:

1. *Тумасов Б.Е.* Открытое письмо моим землякам. 06.04.2007г. / Тёр В. Тихие вечера: Историко-литературное повествование. Ленинградская, 2016. С. 27.

2. *Катречко Т.Т.* Заре навстречу // Степные зори (станица Ленинградская). 1987. 7 ноября. С. 2; *Саенко Я.* Дмитрий Жлоба: Историко-биографический очерк. Краснодарское книжное издательство, 1964. 112 с.; *Мартыненко Г.А.* Комкор Дмитрий Жлоба: Документально-биографическая повесть. М.: Воениздат, 1985. 176 с.

3. *Чумаченко В.К.* Незвестные письма казачьего фольклориста А.Е. Пивня Ф.А. Щербине // Научно-творческое наследие Фёдора Андреевича Щербины и современность: Сборник материалов XII международной научно-практической конференции. Краснодар, 2012. С. 35.

4. *Хижняк И.Л.* Годы боевые. [Воспоминания. Лит. обработка П.К. Иншакова]. Кн.1: Краснодар, Кн. изд-во, 1973. С. 72.

5. Степные зори (Станица Ленинградская). 1957. 5 июня.

6. См.: *Тёр В.В.* Атаман Павлоградский // Вестник архивиста Кубани: Историко-архивный альманах. Диапазон-В, Краснодар, 2007. С. 36–40; *Тёр В.В.* Атаман Павлоградский // Кубанский Сборник. Гипанис. 2012. Том 4 (25); *Фаль А.В.* Архивы приходят на помощь // Вестник архивиста Кубани. № 7. 2012. С. 183–184; *Беловолов В.Н.* Очерки по истории станицы Уманской. 2002.

7. Протоколы и стенограммы заседаний Кубанских краевой и Законодательной Рады. 1917–1920 гг.: Сборник документов: в 6 т. / под ред. А.А. Зайцева (Проект «Библиотека Кубанского края»). Краснодар: Перспективы образования. Т. 3. Краснодар, 2016. С. 46–47. URL: <http://www.slavakubani.ru> (дата обращения: 20.12.2017 г.).

8. *Кокунько П.И.* Войсковой старшина Ярошевич (из недавнего прошлого) // Вольное казачество (Прага). № 54. 1930. 25 марта.

9. Материалы сайта. URL: http://ria1914.info/index.php?title=Ярошевич_Павел_Михайлович&oldid=409404 (дата обращения: 12.03.2018 г.).

10. *Кокунько П.И.* Войсковой старшина Ярошевич (из недавнего прошлого) // Вольное казачество (Прага). № 54. 1930. 25 марта.

11. Материалы сайта. URL: www.gwar.ru (дата обращения: 12.03.2018 г.).

А.В. Дюкарев

**Родословная атамана В.Г. Науменко
(Генеалогические дополнения)**

Семейная история и генеалогия Войскового атамана Кубанского казачьего войска Вячеслава Григорьевича Науменко уже становилась предметом рассмотрения и научного анализа [1], что позволило определить закономерности развития кубанских казачьих родов [2]. Дальнейшие исследования выявили новую информацию, позволяющую дополнить картину генеалогических связей казачьего рода Науменко.

Как известно, одним из родословных корней генеалогического древа атамана В.Г. Науменко является казачий род Мельниковских, с которым он связан через свою матушку Веру Исаакиевну, в девичестве Мельниковскую. «Посемейный список жителям Новонижестеблиевской станицы Таманского округа и лицам Духовного звания за 1862 год» позволяет составить более полную картину рода Мельниковских – в разделе «Войсковые старшины» под № 1 значатся: «Исакий Зотов Мельниковский, 60 лет, военнослужащий. Сыновья его урядники: Прокофий 21 год, военнослужащий, Стефан 24 года, военнослужащий. Исакия Зотова жена Александра 45 лет. Дочери их: Мария 17 лет, Надежда 14 лет, Вера 12 лет, Александра 4 года, Екатерина 1 год» [3].

Таким образом, у В.Г. Науменко по материнской линии было два дяди и четыре тети. На данный момент выявлены сведения о продолжении рода Мельниковских через Прокофия Исаакиевича (1841 г.р.). В 1867 году он значится заседателем в «Списке личного состава чинов служащих в Таманском окружном сыском начальстве», в чине сотника [4], а в 1868 году Наказной атаман Кубанского казачьего войска объявил ему благодарность: «...Я имел случай убедиться в неусыпной заботливости Таманского окружного Сыского Начальника, есаула Белого и заседателя 1-го участка Сыского Начальства, сотника Мельниковского – об улучшении состояния народных школ в станицах Таманского округа... которых, не будучи обязаны по службе становиться горячими деятелями в школьном деле, выказывают себя сторонниками народной грамотности в войске Кубанском,

добрым влиянием на окружающую их среду, которая еще достаточно не прониклась мыслью, что грамотность доступна и необходима всем...» [5]. Через два года, согласно «Посемейному списку жителям станицы Новонижестеблиевской за 1870 год», Прокофий Исаакиевич Мельниковский значится уже хорунжим [6].

Помимо роста в чинах, Прокофий Исаакиевич Мельниковский с годами преуспел и в хозяйственных делах. «Подворный список жителям станицы Новонижестеблиевской Темрюкского уезда» сообщает нам, что согласно записи № 339 в его домохозяйстве числилось 4 мужчин, 3 женщины, 3 лошади, 1 голова рогатого скота, 2 пары волов. Рыболовный завод на Сладком лимане, торговая лавка на улице, идущей по берегу Протоки в ст. Гривенской [7]. Запись под № 609 содержит сведения, что есаулу Прокофию Мельниковскому принадлежит торговая лавка и питейное заведение, часть принадлежащего ему дома сдается ростовскому мещанину Максиму Курилову, а в другой – торговая лавка, в которой торгует нахичеванский мещанин Аракел Харсиев [8].

Одним из продолжателей рода Мельниковских был сын Прокофия Исаакиевича – Афанасий, урядник станицы Должанской, у которого в браке с Ольгой Павловой родилось две дочери – Мария и Анна.

Мельниковская Мария Афанасьевна родилась 4 июня 1893 года, окончила курс Славянской женской гимназии с золотой медалью. После чего 18 августа 1912 г. была зачислена в Екатеринодарскую женскую гимназию по личному прошению урядника из дворян Мельниковского Афанасия Прокофьевича. 5 августа 1913 года получила право на звание домашней наставницы по истории и географии [9].

Другая дочь Прокофия Исаакиевича – Анна, согласно выписке из метрической книги Данииловской церкви станицы Гривенской Кубанской области, родилась в 1897 году [10], в сентябре 1915 года поступила в 6-й класс Екатеринодарской частной женской гимназии Н.Г. Исаевой, в которой и воспитывалась до 1 июня 1916 года, после чего была уволена из числа учениц гимназии по прошению родителей [11].

По линии отца Григория Потаповича Науменко (1841–1922 гг.) у атамана В.Г. Науменко также имелся широкий круг

двоюродных родственников: четыре дяди – Федор (1845 г.р.), Василий (1846 г.р.), Константин (1860 г.р.), Александр (1861 г.р.) и тетья Елизавета (1852 г.р.).

На данный момент удалось выявить наличие у Константина Григорьевича Науменко двоих детей. Согласно метрической книги Александро-Невского собора от 1917 года: «29 января 1917 года сочетались браком жених: канцелярский служитель Екатеринодарской казенной палаты Николай Павлович Скобелкин, православный, холост, 32 лет; невеста: потомственная дворянка Елена Константиновна Науменко, православная, девица, 18 лет» [12].

А в частной переписке самого атамана В.Г. Науменко, в письме от 12 декабря 1957 года к одному из соратников по вынужденной эмиграции, имеются сведения о Евгении Константиновиче Науменко. Вспоминаемый Вячеславом Григорьевичем Науменко эпизод имеет трагический характер, но тоже является страницей в семейной истории рода Науменко: «...19 февраля 1919 года зарублен под Анастасиевской не племянник мой Петр Зайцев, а двоюродный брат, Евгений Науменко, сын брата моего отца Константина Потаповича... в станицу он поехал по моей просьбе, чтобы привести мне мою кобылицу «Ракету», на которой он и был зарублен. «Ракета» после этого попала к какому-то комиссару, а при Таманском восстании комиссар тот был казаками ликвидирован, кобылу они доставили в станицу моему отцу» [13]. Очевидно, Евгений Константинович Науменко состоял на службе в составе белой Добровольческой армии и выполнял просьбу В.Г. Науменко, которая для него закончилась трагически.

Помимо разветвленной системы кровного родства, генеалогия атамана В.Г. Науменко включала в себя и свойственные связи, установленные в результате бракосочетания его сестер Софьи (1876 г.р.) и Ларисы. Как известно, Софья Григорьевна Науменко вышла замуж за Зайцева Сергея Лукича (1860–? гг.) (в других источниках Евсея). Согласно «Списка казаков ст. Петровской, родившихся и умерших в 1866–1870 гг.», у него было два брата: Григорий Лукич Зайцев, родившийся 18 января 1866 года, и Илья Лукич Зайцев, родившийся 16 июня 1868 года [14].

Как известно, в 1920–1930 гг. Зайцев Сергей Лукич находился под надзором ОГ-

ПУ и характеризовался как зять атамана В.Г. Науменко и его пособник [15]. В период 1945–1950 гг., в рамках оперативного делопроизводства, отмечалось, что «...родная сестра разыскиваемого (В.Г. Науменко – прим. авт.), Зайцева София Григорьевна, 1876 года рождения и ее сын Зайцев Георгий Сергеевич, 1915 года рождения по данным 1941 года проживали в г. Темрюке...» [16]. Сам Сергей Лукич Зайцев к этому времени, очевидно, уже был репрессирован.

Другая сестра В.Г. Науменко – Лариса Григорьевна в 1911 году вышла замуж за Николая Васильевича Михайловского, выпускника 1-й Кубанской учительской семинарии, учителя математики и впоследствии заведующего Петровским Северо-Западным станичным мужским одноклассным начальным училищем. В 1912 году 18 января у них родился сын Борис, о чем имеется запись в метрической книге Пантелеймоновской церкви станицы Славянской [17], а в 1916 году родился сын Николай. В 1935 году Н.В. Михайловский был осужден как враг народа, с обвинением в том, что он якобы помогал скрываться В.Г. Науменко, скончался в заключении в 1944 г. Лариса Григорьевна Михайловская (Науменко) переехала на место жительства в Азербайджан, где работала учительницей. Скончалась в 1940 году и похоронена в селе Ново-Саратовка Кедабекского района в Азербайджане [18].

В семейной истории Вячеслава Григорьевича Науменко прослеживается еще одна генеалогическая линия свойства, через его жену Нину Михайловну, в девичестве Кончину, с ее семьей. Это позволяют сделать уникальные источники из архивного дела «Личные фотографии семьи Науменко 1909 г.», хранящиеся в Государственном архиве Краснодарского края [19].

Вячеслав Григорьевич Науменко сочетался браком с Кончиной Ниной Михайловной 5 ноября 1908 года в Александро-Невской церкви г. Майкопа [20]. Знакомство их произошло в период службы В.Г. Науменко в 1-м Полтавском Кошевого атамана Сидора Белого полку, в котором отец Н.М. Кончиной, Михаил Николаевич Кончин, служил полковым врачом.

Фотографические снимки, сделанные в июле 1909 году в г. Майкопе, когда молодая чета Науменко гостила у родителей

Нины Михайловны Науменко (Кончиной), позволяют визуально воспроизвести еще одну генеалогическую линию родословной атамана В.Г. Науменко. Кончин Михаил Николаевич, отец Н.М. Науменко (Кончиной), Кончина Клавдия Ивановна, в девичестве Туранская – ее мать, и Кончина Валентина, которая была намного младше Нины Михайловны. Сведений о дальнейшей их судьбе в революционные и постреволюционные годы не обнаружено ни в дневниках, ни в переписке В.Г. Науменко, ни в архивных источниках.

Приведенные генеалогические открытия и находки позволяют дополнить родословную атамана В.Г. Науменко новыми именами и подробностями семейной истории. Кроме того, это в очередной раз подтвердило, что офицерская прослойка Кубанского казачьего войска предпочитала вступать в семейно-родственные отношения с социально близкими представителями своей корпоративной среды. Сыновья казачьей социальной «верхушки» выбирали своей стезей военную службу, последовательно проходя все ступеньки офицерской карьеры в казачьих частях российской армии. В то время как дочери штаб-офицерской казачьей среды получали образование, становились учителями в станичных училищах, вполне допускалось вступление их в брак с представителями как войскового, так и невойскового сословия из учителей, инженеров, служащих различных учреждений. К концу XIX – началу XX веков именно представители казачьей офицерской среды формировали общественно-культурное пространство и давали импульс развития провинциального Юга России.

Примечания:

1. *Дюкарев А.В.* К вопросу о генеалогии атамана В.Г. Науменко // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: Материалы Второй Международной Кубанско-Терской научно-просветительской конференции. Армавир, 2000. С. 67–69; *Дюкарев А.В.* Дворянский род Науменко в истории Кубани и Кубанского казачьего войска // Из истории дворянских родов Кубани: Материалы научно-теоретической конференции. Краснодар, 2001. Ч. 1. С. 208–216; *Дюкарев А.В.* Атаман В.Г. Науменко и его род в истории Кубани. Славянск-на-Кубани, 2001. 68 с.; *Дюкарева И.А.* Реконструкция родословной В.Г. Науменко – Войскового атамана Кубанского казачьего войска в Зарубежье // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д., 2013. № 2. С. 65–69.

2. *Дюкарев А.В.* Казачьи генеалогии в историко-культурном контексте Кубани (на материалах родословной атамана В.Г. Науменко): дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2017. 211 с.

3. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 252. Оп. 2. Д. 1397. Л. 108.

4. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2728. Л. 37об.
 5. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 2966. Л. 1–2.
 6. ГАКК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 3752. Т. 1. Л. 208.
 7. ГАКК. Ф. 668. Оп. 1. Д. 317. Л. 17.
 8. Там же. Л. 31.
 9. ГАКК. Ф. 495. Оп. 1. Д. 1061. Л. 1–4.
 10. ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 1655. Л. 70.
 11. Там же. Л. 68.
 12. ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 44. Л. 50об.–51.
 13. ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 15. Л. 64.
 14. ГАКК. Ф. 574. Оп. 1. Д. 5705. Л. 208, 213об.
 15. *Дюкарев А.В.* Казачьи генеалогии в историко-культурном контексте Кубани (на материалах родословной атамана В.Г. Науменко): дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2017. С. 116.
 16. Архив автора. Копия служебной записки 4-го управления МГБ СССР (1950 г.)
 17. Из архива Михайловской Марианны Анатольевны. Копия записи в метрической книге Пантелеевской церкви ст. Славянской за 1912 год.
 18. Архив автора. Письмо Михайловской Марианны Анатольевны от 26.02.2012 г.
 19. ГАКК. Ф. Р-1864. Оп. 1. Д. 29. Л. 1–16.
 20. Архив автора. Ф. Запись интервью с Ивановой Любовью Валентиновной. 1933 г.р. ст. Петровская.

О.А. Седов

Женотделы как форма вовлечения женщин в общественно-политическую жизнь на Кубани в 1920–1930-е гг.

Состоявшийся весной 1920 г. IX съезд РКП(б) признал "работу среди женского пролетариата одной из неотложных задач момента и необходимой частью нашей общепартийной работы". Съезд обязал губкомы и укомы организовать женотделы там, где их еще не было, и усилить работу существующих, выделяя заведующих отделами из среды лучших партийных работников. Первой заведующей женотделом ЦК РКП(б) была утверждена И. Арманд. Старые большевички возглавили женотделы в Москве (С.Н. Смидович), на Украине (К.Н. Самойлова), на Урале (С.И. Дерябина). В большинстве республик и губерний выдвигалась молодежь, не имевшая большого опыта партийной работы. Методы политической работы с женщинами центральных губерний России были перенесены на Юг после окончания Гражданской войны.

"Самое серьезное отношение к работе среди женского пролетариата города и деревни и активное участие в ней всех членов Коммунистической партии, – указывалось в решениях IX съезда РКП(б), – увеличат ее ряды новыми неиспользованными силами, новыми работниками во всех областях советского строительства и борцами за осуществление коммунистического строя [1].

17 июля 1920 года "Правда" обнародовала статью "Казачки Дона и Кубани", в которой сообщила, что при партийных комитетах начали действовать женотделы. Распространенной формой вовлечения тружениц в общественную работу стал институт женделегаток. В 1921 году на Северном Кавказе впервые широко отмечался Международный женский день. В том же году с целью подготовки женщин к государственной деятельности на двухмесячный срок к отделам Советов стали прикрепляться практикантки из работниц [2].

В 1921 г. ЦК партии утвердил Положение о женотделах. В нем к прежним задачам добавлялось "участие в разработке вопросов общепартийного, советского и профессионального строительства и внесение предложений по вопросам, связанным с фактическим раскрепощением женщин и задачами материнства" [3].

Окончание гражданской войны, переход к нэпу, голод 1921/22 гг. внес изменения и организационную неразбериху в работу среди женщин. В 1919–1921 гг. состоялись 4 совещания заведующих губернскими женотделами. В ряде губерний работу среди женщин сворачивали и передавали в агитотделы партийных организаций [4].

Это был период новых трудностей для работы женотделов. На предприятиях, переходивших на хозяйственный расчет, производились большие сокращения рабочей силы, и это коснулось в первую очередь женщин, большинство которых не имело достаточной квалификации. Росла женская безработица. Приостановился рост сети детских садов и яслей, а кое-где произошло ее сокращение. Губернии Поволжья поразила невероятная засуха, принесящая голод, эпидемии, рост детской беспризорности.

Ветеран делегатского движения на Кубани Ксения Ефремовна Немцева вспоминала о тех годах: "Для массовой работы с женщинами были созданы делегатские собрания, ставшие прекрасной школой коммунистического воспитания" [5]. Путь, пройденный К.Е. Немцевой, во многом типичен для делегатки тех лет. На Кубани она оказалась после переселения родителей из Закавказья в годы Первой мировой войны, батрачила. В 1921 г. в хут. Романовском (г. Кропоткин) при отдельском комитете партии был создан женский отдел. Из-за отсутствия женщин-коммунисток к работе жен-

отдела привлекали комсомолок. Такой выдвигенкой оказалась К.Е. Немцева. Вначале она организовала курсы кройки и шитья, ликвидировала безграмотность, организовывала женщину работу с беспризорными и голодающими: "Ежедневно на вокзале и в проходящих поездах мы подбирали детей-беспризорников: оборванных, грязных, голодных и определяли их в детские приемники. Часть женщин-активисток помогали обслуживающему персоналу в детских приемниках обмывать их, кормить и проводить воспитательную работу" [6].

В 1922 г. К. Немцевой в совхозе "Кубань" в одной из комнат помещичьего дома был создан клуб, здесь работали драмкружок, библиотека, выписывали газеты и журналы, было 50-60 книг. Проводилась громкая читка газет, обучались грамоте, велись беседы о советской власти, женщины вовлекались в общественную жизнь. После поездки на сельхозвыставку в 1922 г. в Москву инициативную делегатку Немцеву направили для работы в Петропавловскую женскую волостную организацию. Здесь К.Е. Немцева создавала делегатские собрания по станицам и хуторам, была "ярким агитатором среди крестьянского населения". Привлекать к делегатской работе удавалось в основном две возрастные категории женщин: комсомолок и вдов. "Делегатские собрания приходилось создавать из женщин-активисток: вдов, у которых мужья погибли в период первой империалистической войны, во время революции и в период гражданской войны", – пишет К. Немцева [7].

Четвертое (Всероссийское) совещание (ноябрь 1921 г.) работников женского движения собрало 160 делегатов от 56 губерний 18 областей и 11 республик. Оно покончило с ликвидационными настроениями, явилось переломным и, как говорится в отчете ЦК РКП(б), "внесло оживление во всю работу".

Окончательно положил конец недооценке работы женотделов XI партийный съезд. В своем постановлении "По вопросу о работе среди работниц и крестьянок" съезд указал: "В обстановке мелкобуржуазного окружения, безработицы, опасности деклассирования – подход к женским пролетарским массам должен быть наиболее внимателен.

В силу этого специальные отделы по работе среди женской пролетарской и

крестьянской массы должны быть сохранены как самостоятельные отделы партийных комитетов и усилены квалифицированными работниками [8].

XI съезд партии указал также, что работа женотделов должна быть тесно связана с другими отделами партийных комитетов и вестись в контакте с профсоюзами. Через год XII съезд в резолюции "О работе РКП(б) среди работниц и крестьянок отметил, что XI партсъезд своими решениями положил "конец колебаниям в партийной среде по вопросу о сохранении женотделов наравне с другими отделами парткомов, создал необходимые условия для углубления и усиления работы среди работниц и крестьянок". Признавая "значительные достижения в области работы среди женщин" [9], XII съезд напомнил партийным организациям, что условия для этой работы продолжают оставаться сложными.

Женотделы вели широкую агитацию и пропаганду в самых различных формах: индивидуальные и групповые беседы, женские собрания, съезды и конференции, выступления в общей и женской печати. Регулярно выпускались "Странички женщины-работницы" в "Правде", "Бедноте" и большинстве губернских газет. С 1922 г. начал выходить массовый журнал "Крестьянка", с 1923 г. возобновилось издание "Работницы". Были созданы и местные журналы для женщин: "Делегатка" (в Москве), "Работница и крестьянка" (в Ленинграде), "Коммунарка Украины", "Красная сибирячка" и др.; 6 журналов издавались для женщин Советского Востока. Выпускалась серия популярных брошюр "Библиотечка работницы и крестьянки".

Особенностью работы женотделов было сочетание агитации и пропаганды с практическим делом, с вовлечением работниц и крестьянок в политическую деятельность советов. Осуществлялось это главным образом через делегатские собрания.

XII съезд партии отметил "значение делегатских собраний, как самого существенного аппарата, соединяющего партию с широкими массами беспартийных работниц и крестьянок..." [10]. Четыре раза Центральный Комитет рассматривал и утверждал Положение о делегатских собраниях: 27 июля 1923 г., 19 июня 1925 г., 8 июля 1927 г. и 2 августа 1929 г. [11]. Вносившиеся в него изменения в основном сводились

к систематизации и углублению содержания делегатских собраний, более широкому вовлечению делегатов в практическую деятельность и увязке их работы с местными условиями и задачами, к повышению роли делегатских собраний в проводимых партией политических кампаниях. Уточнялась также организационная сторона: количественный состав, нормы выборов, порядок учета работы и т.д.

Избирались делегатки на собраниях работниц, крестьянок, жен рабочих – домашних хозяек. Выборы производились под руководством партийных комитетов, их женотделов и местных ячеек партии ежегодно, одновременно по всей стране как массовая политическая кампания: в городах – в сентябре, на селе – после окончания полевых работ.

Созывались делегатские собрания на предприятиях, в селах, а также в масштабе района (где мелкие предприятия), волости и даже квартала. Численный состав каждого делегатского собрания, как показала практика, не должен был превышать 70-80 человек, а на селе – даже 50-60, чтобы обеспечить наиболее продуктивную их работу.

В 1922 году на Кубани имелось до 1300 делегатов, из них более 600 – на селе. В 1923 году на 1336 кубанских делегатов казачек было только 25. А в 1924 году, после XIII партсъезда, по 14 районам Кубанского округа было избрано 2530 делегатов, из них казачек – 709. К 1926 году в Северо-Кавказском крае были созданы первые 30 детских яслей, 32 медицинских консультационных пункта для детей [12].

В целях повышения политического и общеобразовательного уровня жизни женщин организовывались кружки, функционировали краевые курсы казачек и горянок. В Ростове-на-Дону издавались журналы "Труженица Северного Кавказа", в Дагестане – журнал "Красная горянка". В 1923 году Кубано-Черноморская область дала 92 кандидатов в члены РКП(б) из женщин-работниц. В дни ленинского призыва только по Краснодару в партию было принято 68 делегатов. Рост политической активности женщин выразился в участии их в деятельности государственных и общественных учреждений. Если осенью 1922 года на Кубани в Советы было избрано 145 женщин, то к марту 1923 года их избрали в горсоветы 126, сельсоветы – 435, месткомы – 150,

комиссии охраны труда – 162, культкомиссии – 141 и т.д. В 1925 году в станичных Советах Кубанского округа насчитывалось уже до 1130 крестьянок и казачек [13].

В течение годового срока делегатки занимались по программе, разработанной отделом работниц и Агитационно-пропагандистским отделом ЦК партии. Она включала не только политическую тематику, но и доклады о практической деятельности различных учреждений, организаций и самих делегаток. Занятия проводились два раза в месяц, и обязательно на каждом ставились два вопроса: политический и практический.

Вот, например, какие вопросы заслушивались делегатскими собраниями работниц в 1927–1928 гг. [14]: состояние и очередные задачи нашего предприятия; задачи индустриализации СССР; сельское хозяйство и промышленность; кооперация и торговля; зачем работнице нужно быть организованной в профсоюз; что такое Советская власть; кому нужна вражда народов; партия и рабочий класс; учение Ленина о рабоче-крестьянском союзе; как партия ведет работу в деревне; положение работниц в капиталистических странах и компартия.

После каждого из этих вопросов ставился практический доклад. Так, первая тема "Состояние и очередные задачи нашего предприятия" сопровождалась докладом директора "Как можно увеличить доходность нашего предприятия". После обсуждения вопроса "Кооперация и торговля" заслушивался отчет правления местного кооператива. Тема "Что такое Советская власть" дополнялась докладом о практической деятельности того или иного отдела Совета по обсуждению нужд работниц и т.д. Итоговое делегатское собрание обычно проходило в торжественной обстановке [15].

Так же строились и программы делегатских собраний крестьянок. В национальных республиках в программы вносились необходимые изменения с учетом местных особенностей. Цели и задачи делегатской деятельности определялись в специальных делегатских карточках. Одна из таких карточек, изданная в Армавирской типографии в 1928 г. Отделом по работе среди работниц и крестьянок Армавирского окружного комитета ВКП(б), хранится в краеведческом музее [16].

Карточка выдавалась сроком на 1 год, в ней отмечалось: посещаемость делегатских собраний, название секций или комиссия, в которых принимала участие делегатка, тема доклада делегатки на станичном собрании. Чаще всего отмечалась посещаемость. Собрания проводились один-два раза в месяц.

В памятке для делегатки подчеркивалось, что ей надо быть организованной, сознательной, следовать за партией и вести за собой менее сознательных тружениц, "приложить все силы, чтобы оправдать надежды рабоче-крестьянского государства". Для участниц движения вводилась обязательная деятельность: помогать работе воллесполкома, комитету взаимопомощи, участвовать в школьном совете. Отчетность о проделанной работе предполагалось осуществлять публично, на собрании. Пропустившие собрание три раза считались выбывшими.

Судя по записям в книжке делегатки-активистки, в организациях были проблемы с конкретными заданиями, регулярным посещением собраний, политическая активность таких делегаток имела эпизодический характер, а у крестьянок заканчивалась с началом весенних сельхозработ. Более одного года в движении состояли в основном штатные комсомольские и партийные работницы.

Для прохождения практики делегатки направлялись в советские и хозяйственные учреждения и организации, руководители которых обязаны были знакомить их с текущей работой. Охотнее всего делегатки шли в отделы здравоохранения, народного образования, социального обеспечения, продовольственный и другие соответствующие секции советов. Во время практики они участвовали в обследованиях, приеме посетителей и разборе различного рода заявлении и жалоб. Выявляя недостатки, помогали их устранять, ставили вопросы на делегатских собраниях. И не было такого участка советского строительства, где бы ни принимали участия делегатки – передовой актив работниц и крестьянок.

В 1924 г. был создан Армавирский округ в составе нескольких районов. В мае 1925 г. прошла II-я Армавирская районная женская беспартийная конференция, а затем I-ое окружное совещание районных работниц среди женщин Армавирского

округа и 1-е совещание организаторов по работе среди женщин Армавирского района.

25 августа 1925 г. состоялось совещание женорганизаторов (работников среди крестьянок и казачек), в котором приняло участие около 77 человек.

Делегатки включались в политическую борьбу с "классовым врагом". И для многих из них эта борьба оканчивалась трагически. За разоблачение кулака в печати делегатке Акулине Брилевой с хутора Выселки Армавирского округа было нанесено 16 ран, а ее дочь-пионерка была убита. Это событие было использовано для разжигания антикулацких настроений через "Комсомольскую правду" и газету "Известия". В селе Ольгинском была убита комсомолка Нина Санько, участвовавшая в ликвидации неграмотности [17].

Женщин-делегаток привлекали в период "хлебозаготовок" к выявлению скрытых запасов. К. Немцева вспоминает об этом: "Мы разбивали женщин-активисток по десятидворкам. Они находили огромные замаскированные ямы, наполненные зерном. Об этом сообщали сельсовету, на место посылались комсомольцы, вскрывали ямы и забирали зерно для отправки в города" [18]. В это время Немцева возглавляла женотдел в станице Темиргоевской, центре Петропавловского района Армавирского округа.

В своих поступках и деятельности делегатки руководствовались политическими лозунгами своего времени, искренне верили в правильность и справедливость своих позиций и с гордостью вспоминали: "В эти годы посчастливилось пройти, – пишет одна из них, – большую политическую школу делегатских собраний. Чем только не занимались тогда делегатки! С энтузиазмом хозяйничали они в бывших особняках богачей: открывали в них ясли, дома младенца, столовые для детей. Сами мыли помещения, вставляли стекла, шили и стирали белье. Делегатки были самыми строгими контролерами. С их помощью наводился порядок в общественных столовых, продуктовых лавках. Они шли в тифозные бараки, ухаживали за больными. А как горячо воевали они против бюрократизма, грубости, моральной грязи!" [19].

Делегатские собрания были большим общественным явлением. О них писали М. Горький, В. Маяковский, их запечатлели мастера изобразительного искусства. Пере-

довая советская женщина тех лет навсегда сохранится в образе делегатки в красном платочке.

Миллионы женщин прошли через своеобразную школу делегатских собраний. В 1922 г. было 95 тыс. делегаток, в 1923–1924 гг. – 208700, в 1924–1925 гг. – 378200, в 1925–1926 гг. – 500 тыс., в 1926–1927 гг. – 620 тыс. [20]. В следующем году число делегаток выросло до 747 тыс. В составе делегаток 1927–1928 гг. было [21] работниц производства и транспорта 117340, батрачек и сельскохозяйственных работниц – 38860, домашних работниц – 8970, крестьянок, занятых в своем или колхозном хозяйстве, и кустарок – 446950, домашних хозяек – 54560, служащих и пр. – 80720.

Какая практическая работа осуществлялась среди женщин, видно по материалам армавирской прессы, в частности газеты "Трудовой путь", которая как окружная газета давала на своих страницах подробные отчеты о делегатском движении.

В газете существовал "Уголок работницы и крестьянки", в котором регулярно помещалась информация с мест. Работа среди женщин проводилась под лозунгами: "Только советская власть может раскрепостить женщину-мать", "Освобождение женщин-работниц должно быть делом самих работниц". Среди делегаток в Армавирском округе в 1926–1927 году только по городу числилось 183 работницы, 88 служащих и 193 домохозяйек. Участие женщин в пере выборах в советы поднялось с 29,5% в 1926 до 35,1% в 1927 г. Доля женщин, избранных в советы, увеличилась до 17,7% [22]. Процент явки в ходе выборов в делегатских станицах увеличился с 33% до 55% за счет политической активности женщин [23]. Тем не менее органы ВКП(б) вынуждены были признать, что "казачка только просыпается". В окружной парторганизации на учете состояло только 633 женщины, или 11,8% от общего состава партийцев на 1927 г. Органы Советской власти признавали, что женщина еще недостаточно вовлечена в производственную сферу, находится в "домашнем рабстве", а там, где женщина занимается физическим трудом, квалифицированный составляет 11%, а неквалифицированный – 64%. В этом видели главное препятствие для вовлечения женщин в общественную жизнь и "строительство социалистического хозяйства" [24].

Политическую активность женщин поднимали через делегатские собрания, избы-читальни, курсы кройки и шитья, ликбезы. Серьезным препятствием для политической пропаганды стала неграмотность женщин.

В декабре 1920 года, руководствуясь выступлением В.И. Ленина на Всероссийском совещании политпросветов 3 ноября, Кубано-Черноморский ревком принял широкую программу деятельности. Было решено вести в школе пропаганду идей диктатуры пролетариата, обеспечить общедоступность обучения, привлечь к руководству народным просвещением массы через советы, профсоюзы, отделы женщин-работниц. Большое значение для народного образования имели решения состоявшегося в конце 1920 года при ЦК РКП(б) партийного совещания по вопросам просвещения. Вскоре в Кубано-Черноморской области было открыто 2100 начальных и 300 средних школ, в которых обучалось до 252 тысяч учащихся [25]. Однако жажда знаний и размах вызванной ею работы превосходили имевшиеся в то время скудные материальные ресурсы. Резко ощущалась нехватка кадров преподавателей. Одной из причин такой нехватки была «чистка» учительских кадров по идеологическим мотивам. В результате школьную сеть пришлось значительно сократить.

Одним из центральных участков социалистического культурного строительства являлась борьба с массовой неграмотностью. Проведенная в 1920 году перепись показала, что если в некоторых русских районах число неграмотных достигало трети населения, то, например, в Кабардино-Балкарии умело читать и писать 7%, в Ингушетии – 3%, а в Чечне – 0,9% жителей [26].

Было подсчитано, что среди крестьян, засевавших от 1,1 до 2 десятин пашни, грамотных имелось 23,6%, от 8,1 до 10 десятин – 30,6%, от 13,1 до 16 десятин – 33,9%, свыше 25 десятин – 40,6% [27]. Парторганизации справедливо рассматривали ликвидацию неграмотности как важнейшую социально-политическую задачу.

Наибольшее распространение получили курсы по обучению грамоте с 3-месячным сроком – широко известные в нашей стране ликпункты. Открывались и обычные школы 1-й и 2-й ступеней для взрослых. К концу восстановительного периода только на современной территории

Краснодарского края имелось 900 пунктов ликвидации неграмотности и 70 школ малограмотных. В них училось до 34 тысяч человек. По автономным областям было около 200 национальных ликпунктов. В горских районах приходилось создавать отдельные мужские и женские кружки. Это вызывалось стародавней привычкой мужчин-горцев и женщин-горянок работать раздельно [28].

На Северный Кавказ от ВЧКликбеза поступали учебные пособия, литература: буквари и книги "Долой неграмотность", "Наша сила – наша нива", "Стройте новую жизнь", "Наше народное хозяйство", "СССР и другие страны" и т.д. В Краснодаре в 1921 году для малограмотных выходила газета "Грамотей". При агитации за всенародную учебу ставились пьесы "Неграмотный – что слепой", "Сила великая", "Рассказ Авдотьи о том, как чрезвычайка обучила ее грамоте". Торжественные выпуски обученных приурочивались к революционным праздникам.

С начала 1924 года на Северном Кавказе стали организовываться отделения общества "Долой неграмотность" (ОДН). Их ячейки, объединявшие трудящихся, интеллигенцию, студентов, приняли самое активное участие в ликвидации неграмотности. Осенью 1924 года образовался краевой совет ОДН. 14–15 марта 1925 года в Ростове состоялся краевой съезд этой общественной организации.

По статистическим сведениям Кубанского окружного политпросвета о грамотности населения за октябрь-декабрь 1924 г. в возрасте от 19 до 30 лет грамотность в Кубанском округе была также невысока. На 1 тысячу мужчин приходилось 257 неграмотных, на каждую тыс. женщин – 544 неграмотных. Неграмотность крайне неравномерно распределялась по городам и сельским местностям. На каждую тысячу жителей обоего пола неграмотных в городе приходилось 180 чел., а в станицах – 466 чел. Таким образом, неграмотного сельского населения в 2,6 раза было больше, чем городского [29].

Организация кружков, клубов, ликбезовских ячеек сталкивалась с материальными и кадровыми проблемами. В ст. Темиргоевской вначале были организованы спектакли, а затем на вырученные деньги 30 руб. 50 коп. был открыт кружок кройки и шитья.

Зачастую специалистов, умеющих преподавать и объяснять не было. В газете "Трудовой путь" отмечалось, что необходимо создавать школы, где ликбез совмещался бы с политехучебой. Но и политехграмоту некому было преподавать из-за отсутствия "свободных" пропагандистов. Армавирский райком ВКП(б) организовал в ст. Прочноокопской в 1927 г. курсы политехграмоты для немецких женщин-делегаток. В этой же станице при избе-читальне действовал кружок кройки и шитья. Он был рассчитан на женщин-делегаток, но вместо 60 на курсы ходило около 20 человек. Занятия (3 дня в неделю, с 9 до 12 часов кройка и шитье, а с 12 до 15 часов – политехграмота) явно не способствовали посещаемости и созданию "станичного актива" среди женщин.

Участие в таких кружках было обязательным для делегаток. Как правило, до 50% их слушательниц составляли именно делегатки. Так было в станицах Урупской, Григорополисской, Барсуковской. К работе со слушательницами привлекались учителя, санврачи, партийные работники. Всего в Армавирском округе в 1925 г. было свыше 30 кружков кройки и шитья с числом учениц и слушательниц около 1200 чел., из них около 1200 женщин-делегаток [30].

В партийных отчетах вынуждены были отмечать негативные моменты в организации работы среди женщин: отсутствие помещений, швейных материалов, отопления, штатных преподавателей.

Провалы в организации женского движения списывались на самих делегаток, их пассивность и пр. Партийные работники отмечают "недостаточную тягу в школы" со стороны девушек, женщин-крестьянок и казачек по причине "слабой популяризации" этих заведений как самими женщинами-делегатками, так и органами, ответственными за этот участок работы. Иногда складывались ситуации, когда в школах было больше казачек и крестьянок, чем делегаток [31].

Активность делегатских собраний зависела от организаторов. В ст. Петропавловской в 1927 г. в делегатское собрание было избрано 60 женщин, занятия проходили еженедельно по программе, присланной из округа. Работало несколько секций, лекции читали врач, агроном. В кооперативной секции было проведено 7 бесед и 2 спектакля. Привлекали внимание женщин спек-

такли об алиментах, постановки "синеблузников" на антирелигиозную тему, хоровое пение, танцы. Делегаток "прорабатывали" на общих собраниях при выдвижении их кандидатур в советы, прикрепляли к организациям и учреждениям.

Работа с активистками велась под лозунгом "Женщине дорога не от печи до порога, а в общественной работе" [32].

В январе 1927 г. были подведены итоги женского движения в Армавирском округе на съезде, в котором приняли участие около 120 работниц и крестьянок. Были рекомендованы основные направления работы: 1) увеличение процента участия женщин в перевыборной кампании; 2) ликвидация сословной розни между казачками и крестьянками-иногородними; 3) усиление политического руководства среди делегаток; 4) организация рабселькоровского движения женщин; 5) охрана материнства и детства; 6) привлечение женщин в члены потребкооперации. В числе причин, препятствовавших женской активности, были названы "косность со стороны мужей", сословная рознь, "закоренелый быт" деревни [33].

Перевыборная кампания в делегатских собраниях была проведена в декабре 1926 г., имела массовый характер и власть констатировала, что движение женщин было подввергнуто большому "коммунистическому влиянию". Женскими конференциями было охвачено 4481 чел. в 87 станицах. Если в 1925 г. на собрания было избрано 5032 чел., то уже в 1927 г. – 3627 делегаток [34].

Последним годом периода нэпа был 1927. В 1928–1929 гг. началась коллективизация сельского хозяйства и форсированная индустриализация, положившие начало ломке еще во многом традиционного социального уклада. Советская власть нуждалась в расширении своей социальной опоры в представительных органах накануне "решающего рывка" в построении экономических основ социалистического общества. Немалая роль в политической борьбе отводилась женщине, поэтому во второй половине 20-х годов женский вопрос все чаще выносится на страницы прессы, и решение его "по-социалистически" рассматривается официальной идеологией как неременное условие успешного продвижения к коммунизму.

Представляет значительный интерес аргументация и разъяснение партийных

директив, их восприятие населением, конкретные действия местных властей по части "женского вопроса" и отражение этой политики в местной печати. Содержательной в этом отношении является газета "Трудовой путь", печатавшаяся в Армавире. По переписи 1926 г. в г. Армавире числилось 37970 женщин, а в целом по городам и поселениям городского типа Армавирского округа на конец 1926 г. – 79 442. Потенциально женщины составляли половину избирателей от их общей численности, но были наименее активны. На 1927 г. в Армавирском округе проживало 926335 чел. Партийные органы ставили задачу на очередных выборах в советы довести число участия женщин в голосовании с 19,5% до 39% и больше. В ходе избирательной кампании предполагалось выдвигать "сознательных делегатов", исключить ошибки 1926 г., когда крестьянки не все принимали участие в перевыборах по вине избирательных комиссий, которые выдавали листы для голосования только вдовам, а не всем крестьянкам. Пропаганда проводилась под лозунгом "Выбирай хороший совет – сам увидишь свет". Во всех невзгодах и тяготах жизни обвинялись кулаки, препятствовавшие работе советов. "Хороший" совет, разъяснялось на страницах газеты, покончит с "дальноземельем", чересполосицей, защитит батрачек и не допустит их закабаления кулаком. Делегатки и общественницы должны были привлекать батрачек и беднячек к совместной работе с партиячками и комсомолом, чтобы общим усилием провести своих представителей в совет и дать отпор кулаку [35].

Однако политическая активность крестьянок и работниц наталкивалась на непонимание и открытую враждебность мужчин. Письма в газету рисуют довольно яркую картину. В станице Баклановской из 15 кандидаток, выставленных в совет, не прошла ни одна; "да еще вволю поиздевались над ними", как отмечает активистка. Она призывает "пристыдить наших мужчин". Делегатов называли "непутевыми", угрожали побоями, разводами ("Если пойдешь на собрание..., то жить с тобой не буду", – заявил один из мужей). Создавшееся положение резюмируют следующие слова из корреспонденции: "Приходится работать втайне от мужа, подпольно, словно при капитализме. Таких вещей у нас в Советском Союзе не должно быть!" [36].

Изменения в социальном положении женщин в прессе напрямую связывались с их политической активностью, с тем, что "женщин больше, чем мужчин", "именно они смогут противостоять классовому врагу". "Каждая женщина должна помнить, – отмечалось в январе 1927 г. в "Трудовом пути", – что если кулаки, торговцы, спекулянты и попы и прочая антисоветская публика захватят власть в свои руки, то немислимо осуществление нашей основной задачи – социализма" [37].

Женщинам предлагалась следующая программа действий: через своих представительниц в советах добиваться улучшения положения женщин путем открытия яслей, детских площадок, садов, общественных прачечных, хлебопекарен, коммун и артелей, пунктов по охране материнства и детства. В конечном итоге, женщина должна была получить больше свободного времени для участия в общественной и культурной жизни, а также "поднятия производительности своего труда".

На усиление работы среди женского населения нацеливали решения XV и XVI съездов партии, а также резолюции ряда краевых съездов и совещаний. Серьезность этой деятельности возрастала в связи с многочисленными попытками кулаков использовать в своих интересах еще сохраняющуюся отсталость женщин. Так, в 1928 году в ауле Егарукай они собрали из 12 селений сход женщин, прошедший под антисоветскими лозунгами.

Такие же выступления, "бабьи бунты", прокатились по казачьим станицам. Женщин-делегаток использовали для переговоров с недовольными казачками и крестьянками. В станице Прочноокопской в конце апреля 1928 г. был собран посевной фонд, но женщины собрались в центре станицы, окружили здание сельсовета и потребовали вернуть зерно. Для "урезонивания" женщин в Прочноокопскую были направлены зав. окружным женотделом А.И. Бойко, делегатки А.Г. Горшкова, Е.И. Грибенникова, Г.Е. Немцева и работники ГПУ. В течение всей ночи, по воспоминаниям К. Немцевой, делегатки вели разъяснительную работу среди женщин, и была начата посевная. Немцева участвовала в разъяснительной работе среди населения станиц Расшеватской, Гулькевичи, села Марьино, куда ее направлял окружком ВКП(б). Делегатка

вспоминает: "В ст. Гулькевичи женщины не давали колхозникам положить первую колхозную борозду. Когда колхозники выехали в поле пахать, толпа женщин выбежала в поле и пыталась забрать лошадей, которые были обобществлены. Мне пришлось целый день уговаривать их, и только на второй день они отступили, и колхозники провели первую борозду" [38].

Женские бунты весной 1928 г. были стихийными выступлениями против конфискационной заготовительной кампании.

За делегатским движением был усилен политический контроль. В 1927 году в перевыборных делегатских собраниях на Северном Кавказе участвовало более 213 тысяч женщин. 8 тысяч женщин вошли в состав Советов, а 8 – стали председателями сельсоветов. Представительницы станиц и аулов побывали на Всесоюзном съезде работниц и крестьянок в октябре 1927 года.

В Северо-Кавказской краевой парторганизации в 1928 году было 8665 женщин, в 1929 году – 10532, в 1931 году – 20340. Число женщин – членов профсоюзов приближалось к 140 тысячам человек. В 1928-1929 годах действовал 31 клуб горянки, а в 1931 году – 57 [39].

С конца 20-х годов в женском движении усиливается тенденция к более широкому и действенному участию в хозяйственной жизни. А на рубеже нового десятилетия эта направленность стала определяющей. На основании решений XVI съезда ВКП(б) местные парторганизации выдвинули линию на переход от "женотдельских" методов к тесной и постоянной связи женщин с общественным производством. Крайисполком утвердил "Положение о женских сельскохозяйственных производственных совещаниях при сельских, станичных и аульных Советах". Женщины вовлекались в деятельность института агрозоветуполномоченных. Постановление ЦК ВКП(б) "О коллективизации на Северном Кавказе" от 10 января 1931 года одобрило решение крайкома партии об организации женских производственных совещаний и о решительном выдвижении женщин на руководящую работу [40].

В 1929–1930 годах в МТС по краю работало 757, а в 1931-м – 1805 трактористок. 28 женщин стали бригадирами, 3 – директорами МТС. В прополочную страда женщины выполняли 80% всего объема ра-

бот. В колхозе "Красный таманец" на уборке хлопка в 1931 году героически трудились Евдокия Марченко, Евдокия Жалло, Александра Корошко. Образцов самоотверженного труда работниц совхозов и колхозниц-ударниц было очень много.

К началу 1932 года, как отмечалось на 7-й партконференции Северного Кавказа, по 51 району имелось женщин-председателей колхозов 48, членов правлений – 2873, заведующих молочно-товарными фермами – 1100, бригадиров – 62, трактористок – 1800, членов ревизионных комиссий – 970 и т.д. В Кабарде 121 горянка руководила колхозным производством. Только в Адыгее было 350 горянок-членов Советов, 163 женщины учились в вузах и техникумах. "Темная, поработанная (в прошлом)... черкешенка-беднячка, середнячка стала сейчас в ряды активных строителей социализма" – сообщал Адыгейский обком партии в ЦК ВКП(б) [41].

Новая обстановка и новые задачи в конце 20-х годов выдвинули необходимость организационной перестройки работы среди женщин. Женотделы уже выполнили свою задачу, подняв к активной политической жизни огромные женские массы. Переход к развернутому строительству социализма потребовал еще более широкой и разносторонней работы среди женщин, которая могла быть выполнена лишь всем партийным аппаратом, а не одним отделом. В постановлении ЦК ВКП(б) "О реорганизации аппарата ЦК ВКП(б)" говорилось: "Ввиду того, что работа среди работниц и крестьянок приобретает в нынешний период важнейшее значение, она должна вестись всеми отделами ЦК. Особая агитационно-массовая работа среди женщин должна продолжаться главным образом под углом зрения успешного осуществления тех массовых кампаний, которые партия организует в городе и в деревне. В связи с этим женотдел реорганизуется в женский сектор отдела агитации и массовых кампаний" [42].

С 1930 г. женотделы перестали существовать. В отделах агитации и массовых кампаний партийных комитетов были созданы сектора для проведения массовой работы среди женщин.

Примечания:

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦУ. 8-е изд. М., 1980. Т. 1. С. 503; Любимова С.Т. Из истории деятельности женотделов // Вопросы истории КПСС. 1969. № 9. С. 70.

2. Куценко И.Я. Революция и культура. Краснодар, 1973. С. 101.
3. Женщины Страны Советов. Краткий исторический очерк. М., 1977. С. 99–100.
4. Там же.
5. Немцева К.Е. Воспоминания // Научный архив Армавирского краеведческого музея. Д. 65/7. Л. 1.
6. Там же. Л. 2.
7. Там же. Л. 1.
8. Любимова С.Г. Указ. соч. С. 72.
9. КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 348.
10. Там же. Т. 2. С. 348, 355.
11. Любимова С.Т. Указ. соч. С. 73; Женщины Страны Советов. С. 106–107.
12. Куценко И.Я. Указ. соч. С. 103.
13. История Кубани. XX век. Очерки / Под ред. В.С. Щетнёва. Краснодар, 1998. С. 43.
14. Материалы и методические указания к программной и практической работе делегатских собраний работниц. Сборник. М., 1927.
15. Любимова С.Т. Указ. соч. С. 73.
16. Основной фонд Армавирского краеведческого музея. № 3843.
17. Немцева К.Е. Воспоминания. Л. 3.
18. Там же.
19. Участницы великого созидания. Сб. воспоминаний. М., 1964. С. 155.
20. Всегда с вами: Сборник. М., 1964. С. 155.
21. Материалы к перевыборам делегатских собраний работниц и крестьянок на 1927–1928 гг. М., 1927. С. 18.
22. Трудовой путь. 1927. № 55. С. 2.
23. Трудовой путь. 1927. № 49. С. 3.
24. Трудовой путь. 1927. № 54. С. 3–4.
25. Отчет Совету Труда и Оборона на 1 апреля 1922 года. Вып. 1. Раздел 32. Краснодар, 1922. С. 24.
26. Статистический справочник по Северо-Кавказскому краю. Ростов-на-Дону, 1925. С. 77.
27. Скворцов. С.А. Грамотность на Кубани. Кубано-Черноморское областное статбюро. Без даты. С. 9.
28. Куценко И.Я. Указ. соч. С. 110.
29. Культурное строительство на Кубани (1918–1940). Краснодар, 1978. С. 94–95.
30. Трудовой путь. 1927. № 49. С. 2; № 13. С. 3.
31. Трудовой путь. 1927. № 45. С. 3.
32. Трудовой путь. 1927. № 50. С. 2.
33. Трудовой путь. 1927. № 5. С. 4.
34. Трудовой путь. 1927. № 12. С. 3.
35. Трудовой путь. 1927. № 15. С. 2.
36. Трудовой путь. 1927. № 35. С. 4.
37. Трудовой путь. 1927. № 10. С. 3.
38. Немцева К.Е. Воспоминания. С. 5.
39. Куценко И.Я. Указ. соч. С. 179.
40. Парработник Северного Кавказа. 1931. № 2. С. 29.
41. Великий Октябрь и раскрепощение женщин. С. 135.
42. Партийное строительство. 1930. № 2. С. 71.

В.И. Казанков

Партизанское лето 1942 года на Кубани

«...Дубина народной войны поднялась со всей своей грозной и величественной силой и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, с глупой простотой, но с целесообразностью, не разбирая ничего, поднималась, опускалась и гвоздила...».

Л.Н. Толстой

Все дальше уходят от нас события Великой Отечественной войны. Однако минувшие со времени её окончания годы так и не внесли полной ясности в некоторые составные моменты общенародной борьбы против фашистских захватчиков. Что, к примеру, нам известно о партизанском движении? Надо сказать, известно нам о партизанах удивительно немного – причём преимущественно из их собственных восторженных сочинений... источник, как понимаете, не самый надёжный.

Увы, доступ к документам по этой «проблемной» тематике истории Великой Отечественной войны, каким является партизанское движение, по-прежнему ограничен. Между тем, анализ даже только тех рассекреченных новых источников, доступ к которым стал возможен в 90-х гг., уже вправе предположить: вопреки растиражированному канону, в реальности партизанская жизнь выглядела намного сложнее и чаще всего не вписывается в придуманные в 60-70-е годы романтические «красочно-художественные» схемы изложения их противоречивых подвигов.

Общезвестно, что окрестности моей родной станицы Бесскорбной ввиду открытости местности испокон веков никогда не позволяли народным мстителям открывать здесь «фронт в тылу врага». Легко догадаться: в узенькой полоске леса вдоль Урупа не спрячешься, да и в степи не сильно повоюешь – всё простреливаются насквозь винтовочным выстрелом! Откуда же тогда партизаны?!

Согласно источникам, предыстория подготовки партизанских отрядов на Кубани началась ещё осенью 1941 года, когда немцы первый раз близко приблизились к границам края. Однако сделано в этом направлении оказалось далеко не всё. После взятия Ростова «обратно» не слишком бойко исполняемая затея затормозилась, а потом и вовсе прекратилась. Про партизан всерьёз спохватились, когда немец снова взял Ростов (23 июля 1942 г.). Жарким летом 42-го, в условиях всеобщей суматохи, когда грозные танковые авангарды армейской группы «А» фельдмаршала Клейста уже неслись по северным пределам края [1], пришлось фактически заново проводить весь перечень поставленных задач по развертыванию сети партизанских формирований. Из-за стремительного продвижения

фронта не все проблемы были решены до конца. Одно то, что крайком ВКП(б) утвердил представленную Управлением НКВД дислокацию и состав партизанских отрядов, согласно которой создавалось семь кустов только 27 июля 1942 г. [2], говорит о многом. Как покажут дальнейшие события, то, что было сделано, – сделано на удивление коряво, неотвественно, непродуманно – с предсказуемыми трагическими последствиями...

«Отряд» (правильнее было бы – группа)¹ в Бесскорбной, как и все партизанские отряды на Кубани, затевался впопыхах практически накануне немецкого вторжения. О каком-то всенародном характере партизанского движения применительно к Кубани, и в частности к Бесскорбной, ни по количеству партизан, ни по их социальному составу говорить не приходится.

Источники прямо твердят: никаких добровольцев не было. Уж слишком очевидно было: трудящиеся массы, с которыми власть обходилась довольно неласково, отнюдь не беззаветно были преданы системе, и не сильно горели желанием сражаться с врагом из патриотических побуждений. Поэтому, как водится по советскому обыкновению, районные комитеты ВКП(б), совместно с отделами НКВД, ведавшие подбором кадров в партизаны, ограничатся лишь людьми, имевшими прямое отношение к режиму. Ни сном ни духом не ведавшему узкому кругу проверенных людей буквально за день объявили: вы партизаны!..

Согласно «разнарядке» как командный, так и личный состав бесскорбненского отряда был представлен местным «партийно-советским активом», имеющим «бронь» от призыва в РККА, а также представителями доблестных НКВД и милиции, без них никак! Сколько на самом деле было партизан из Бесскорбной, сегодня никто не знает. «По семейным обстоятельствам» некоторые прихватили с собой ещё и ближайших сродников – жён, детей и т.д. Вся эта почтенная публика – в основном люди никогда пороха не нюхавшие и в лес ходили до этого разве что по грибы или на «маёвку»! Жизни в лесу под открытым небом и навыкам партизанского дела, безусловно, их никто не учил. А зря...

¹ Понятное на многих языках французское слово *partie* означает «часть» – отдельный элемент целого. Первые русские партизаны называли свои отряды «*партиями*».

Заметим, несмотря на то, что основные задачи партизанского движения были исчерпывающе изложены ещё 29 июня 1941 года в соответствующей Директиве Совнаркома СССР № 624², ясного представления о том, что такое партизанская война, никто не имел, и «готовить» партизан в сущности было – некому! Дело в том, что в 1937 году ЦК ВКП(б) заявил, что заблаговременная подготовка к партизанской войне на случай агрессии врагов – затея врагов народа... Говорить об обороне, и готовить «банды» было признано неверным. Репрессиям подверглись поголовно все офицеры, имевшие опыт и тем более специальную партизанскую подготовку, книги (учебники) изъяты, склады оружия и мин ликвидированы. Итог: к партизанской войне оказались абсолютно не готовы буквально все.

Согласно территориальному принципу формирования и плану по дислокации и составу партизанских отрядов, представленным Управлением НКВД и утверждённым крайкомом ВКП(б) от 27 июля 1942 г., – на район один отряд, отряд Бесскорбной «влился» в Советский районный отряд (командир Мусин Иван Филиппович, комиссар Карахаенко И.И.). Советский отряд [3], в свою очередь, должен был влиться в Московский территориальный куст.

Итак, как бы там ни было, в первых числах августа полное энтузиазма партизанское воинство, незаметно для «широких масс», погрузив свой нехитрый скарб на подводку, подымая клубы пыли, по степным дорогам, гоня перед собой колхозных коров, потянулось к месту первоначального сбора: в район ст. Бесстрашной – Спокойной [4]...

Не вдаваясь в детали, сообщим: воплощение партийно-партизанской стратегии не заладилось изначально. Отцы-командиры из краевых партийных органов чуть не сгубили дело. Оказавшись на месте, партизаны вдруг с изумлением обнаружат, что «спокойненские леса», отведённые как место дислокации Советского районного отряда, категорически непригодны для партизанской деятельности [5]. Дело в том, что

² В частности, пятый пункт Директивы обязывал: «...5) В занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т.д. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия». Всё ясно и понятно!..

укрыться такому количеству народа, как партизанский отряд, в условиях «спокойненского» редколесья, изрезанного дорогами, можно только от августовской жары, но никак не от немцев! Завзятые «инструктора ВКП(б)» из крайкома, радея над планом, легкомысленно не удосужились даже посмотреть на карту и сопоставить с ней своё нелепое творение! Воистину: «воевать» в кабинетах и воевать за линией фронта – две очень большие разницы. Чудеса, да и только!

Разумеется, исправлять эту досадную «оплошность» пришлось самим партизанам. Не теряя времени, отряд обосновался у самых отрогов Главного Кавказского хребта: в густых лесах «преграденских» – район горы Большой Беден в междуречье рек Урупа и Большая Лаба. И тогда и ныне территория Карачаево-Черкесии.

Согласно источникам, в упомянутом географическом пространстве помимо Советского отряда обретались ещё отряды Отраденского, Спокойненского, Удобненского, Успенского, Армавирского городского отрядов. Помимо них ещё два отряда из красноармейцев (полковника Гамзина и капитана Лукьянова), оказавшихся в окружении, а также три отряда Ставропольского края – Преграденского, Кировского и Ново-Александровского районов. Если приплюсовать сюда ещё Упорненский отряд, прозябавший почти рядом, да ещё цыганский табор, беженцев-евреев и другую разную публику, то по самым скромным подсчётам под партизанскими знамёнами окажется более полторы тысячи человек. Все они стали не только на довольствие, но и представляли теперь для отрядов большую проблему, а попросту были обузой, сковывающая его действия своим присутствием.

Пару слов о Мостовском территориальном кусте: по необъятным задумкам краевого начальства в него должны были войти ещё целых четырнадцать отрядов, сформированных в районах, располагавшихся на востоке Краснодарского края [6]. Примечательно, что Штаб «куста» будет создан и утверждён спустя месяц – 3 сентября 1942 г. Ещё примечательней – краевой Штаб сформируют в этот день!.. Но более всего примечательно, что организационное оформление созданного ещё 3 августа 1942 г. высшего руководящего органа по управлению партизанскими формированиями, действовавшими на территории Се-

верного Кавказа, – Южного штаба партизанского движения (ЮШПД), растянется на целый месяц, родится он только 30 августа. Заседать и подбадривать партизан штаб будет под пальмами г. Сочи.

«Штабная свистопляска» на этом не закончится, через несколько дней после создания ЮШПД началась его реорганизация. В начале сентября 1942 г. новым начальником ЮШПД становится первый секретарь Краснодарского крайкома ВКП(б) П.И. Селезнев [7]. Собственно, только с этого времени штаб начинает осуществлять первые мероприятия по контролю за действиями партизанских отрядов. Поэтому можно смело утверждать, что все это время, с начала августа 1942 г., т.е. фактически почти месяц, партизанские формирования края боролись с оккупантами, не имея централизованного руководства.

Штаб Мостовского куста возглавит член бюро крайкома, заведующий политическим сектором краевого земельного отдела Н.В. Степанов. Но должного руководства не произошло. Когда он прибывает в район предполагаемого расположения партизанских отрядов, он их не найдёт [8]. Найдёт только отряды Курганинского, Лабинского, Кропоткинского и Мостовского районов, но почему-то оказавшиеся на территории Майкопского куста. В общем, в конце октября 1942 г. Мостовский куст краевым решением упразднят, не ведая, что там воюют брошенные на произвол судьбы 12 отрядов!

Добавим ещё: о каком-либо едином руководстве и контроле над действиями партизанских отрядов на Северном Кавказе со стороны ГКО и ЦШПД говорить тоже не приходится. Причина такого положения заключалась в том, что в Москве партизанское движение на Северном Кавказе не включали в перечень главных партизанских сил, действовавших в тылу врага [9].

Тем временем, не имея контактов с высшим руководством, в условиях полной неразберихи партизанам пришлось действовать по собственному усмотрению. Впрочем, отряды это не смутит и не помешает, прежде всего, сплотиться. Сплочение, правда, было в основном на бумаге, но тем не менее... Соединение получит неформальное название Армавирского (официально это название «куст» получит лишь в декабре). Кадровые вопросы пришлось

решать самим, командиром соединения стал первый секретарь Армавирского горкома ВКП(б) Л.М. Кривенко, как самый влиятельный партийный руководитель в преградненских лесах, комиссаром – председатель Армавирского горисполкома В.П. Малых, до этого девятнадцать лет прослуживший в РККА, начальником штаба – подполковник-танкист М.И. Колдубов, начальником особого отдела – начальник отдела НКГБ Советского района В.Г. Древянский [10]. Здесь стоит отметить, веское слово всегда оставалось за НКВД: «Работники органов НКВД были автономны в своей работе и в оперативном отношении подчинялись только Управлению НКВД». «Лишь с санкции НКВД они могли быть перемещены со своей должности» [11]. Это говорит о многом и многое ставит на свои места...

Был избран и специальный руководящий орган – Горный окружной комитет ВКП(б), первым секретарем которого стал Л.М. Кривенко, его заместителями-секретарями – Коробков и Карахаенко [12]. Жизнь..., вернее, борьба за неё продолжалась.

Жизнь действительно текла самым непредсказуемым образом, постоянно «внося коррективы»... Война в горах – дело тяжёлое. Как показало дальнейшее развитие событий, с передислокацией партизаны лишились самого главного – продовольственных баз и тайников. Впрочем, большинство этих наспех закопанных «тайников», с предполагаемым полугодовым запасом, были разграблены еще до прихода немцев! Архивные документы свидетельствуют: еще до выхода отрядов в лес были допущены «грубейшие ошибки», нарушены «самые элементарные правила конспирации». Продукты и боеприпасы в лес к месту закладки возили колхозники-волонтеры, «которые в отряде не состояли, а при оккупации районов остались на оккупированной территории», некоторые из них впоследствии служили в полиции [13].

На счастье, в новой зоне дислокации находилось несколько животноводческих объектов – летних ферм, кошар, плюс ещё пригнанные с собой колхозные коровки и лошадки. Всё это потихоньку пришлось подьедать! Так или иначе, определенные продовольственные трудности отряды начали испытывать с самого начала. Прежде всего это хлеб, полное отсутствие которого стало настоящим бедствием. Негусто было да-

же с самой обыкновенной солью, злободневны были спички, табак, сахар. Более-менее с питанием было только первый месяц, а потом что Бог (а точнее – лес!) пошлёт...

Безрадостная по своей сути ситуация сложилась также с оружием и боеприпасами. Многочисленные архивные документы свидетельствуют о широких масштабах этой критической ситуации. Проще говоря, «косить» гитлеровских автоматчиков и полицаев банально было нечем... Ни один отряд не имел полного комплекта винтовок, не говоря уже об автоматах: «...на более чем 1000 партизан было всего 25 американских автоматов» [14], само собой, практически без патронов! Опять же, полностью отсутствовали противотанковые и противопехотные мины; разумеется, также взрывчатка. Так что народным мстителям с первого дня больше приходилось рассчитывать только на свои собственные силы и возможности, добывая оружие в бою. Однако в действительности, в силу разного рода причин, сделать это народным мстителям было крайне сложно...

Однако не похлёбками и оружием едиными!.. Другая беда заключалась практически в полном отсутствии радиосвязи [15]. Заметим, упоминаемые в документах Южного штаба партизанского движения радиостанции-коротковолновки «Север», «Белка», «РБ» – были исключительно телеграфные аппараты, отличались сложностью в эксплуатации, большой массой и неудобствами кварцеванной системы. Но самое главное – батареи питания! Без них рация просто металлолом, а заброска батарей в тыл врага, как известно, была связана с большими трудностями. Так что числящиеся за Армавирским кустом две рации были абсолютно бесполезны. В сущности, основным видом связи партизан были устные и письменные донесения, доставлявшиеся пешими и конными разведчиками-курьерами. Как показали многочисленные документы, деятельность таких посыльных не всегда могла быть успешной...

Та же история была и с разведкой. Разведки не организовывали решительно никакой, ни местной, ни за линией фронта. Топографических карт местности у наших партизан не было, максимум школьные. Всем понятно – не то что воевать, просто передвигаться по трудно пересечённой горной местности без карт – курам на смех!

И если бы только это... Лёгкая, летняя одежда народных мстителей в экстремальных условиях сурового горного климата закономерно изнашивалась буквально в считанные дни. Ладно бы если только одежда, но и обувь тоже. В августе-сентябре, конечно, это не смертельно, а вот спустя какой-то месяц погода уже не баловала, само собой, начались первые заморозки, первые обморожения... А с началом зимы дела пошли совсем плохо, когда уходили в августе в партизаны, уходили ведь не в тулупах и валенках...

Грустно и печально было и с медицинской, лечить народных мстителей в тех условиях, естественно, было нечем и некому. Врачевались в основном народными средствами.

Что тут скажешь? Анализ проделанной работы партийным руководством края оставляет двойное впечатление, которое характеризует степень понимания этим мудрым руководством сущности и тонкости такого сложного дела, каким являлась партизанская борьба.

Поэтому называть эти отряды организованной силой, оказывающей влияние на обстановку в оккупированной территории, – это, мягко говоря, несерьёзно. Согласно докладам самих же партизан: «...отряды представляли собою сплошь неорганизованную сырую массу, в военном отношении не обученную, не обстрелянную и, естественно, прямо к боевым операциям не пригодную. В отрядах появилась «партизанщина», так как в их составе преобладали районные руководители – «начальники», которых надо было приучить, то есть перестроить их на партизанскую военную жизнь, заставить понять, что они бойцы, а не командиры прежнего мирного периода. Районный «феодализм» сказывался на каждом шагу» [16].

Относительно боеспособным отрядом был лишь один – Армавирский. Собственно, отряд образовался уже после оккупации, а боеспособность получил только благодаря тому, что к нему присоединилось 205 бойцов с командирами из числа «окруженцев». Главными действующими лицами стали именно эти бойцы. Если поверить партизанам, то они крепко побили немцев: провели ни много ни мало 33 боевых операции, уничтожили свыше 800 военнослужащих вермахта, взорвали мосты через Лабу и

Уруп, вырезали свыше 5 км проводов связи [17]. Вот как!

Забегая вперёд, упомянем: мнение Крайкома ВКП(б) по поводу этих «славных викторий» было не столь оптимистично. Основания для этого у Крайкома ВКП(б), видимо, имелись! Приводимое количество уничтоженных солдат и офицеров противника вызвало серьезные сомнения. В специально принятом постановлении «О действиях партизанских отрядов Армавирского куста» от 27 ноября, неумолимые скептики из Крайкома беспристрастно посчитали военную бухгалтерию партизан крайне неудовлетворительной, то есть с грехом пополам – на двоичку... [18].

Остальные отряды не слишком рвались в драку, и сказать о них практически нечего. Не желая чрезмерно испытывать своё воинское счастье, они всячески уклонялись от деятельности, присущей партизанам, скромно скитались по лесам или коротали дни, играя в домино, не учинив по своей инициативе, мягко говоря, серьезного беспокойства захватчикам.

Наличие внушительной номенклатурной аномалии в отрядах отнюдь не стало залогом успехов в борьбе с фашистами. Подчиненным свою тактику они объясняли просто: «...Действовать мы будем, но ещё не время, вот начнётся наступление Красной Армии, тогда мы и начнём бить немцев. Вы же знаете о приказе немцев, что за одного убитого нами немецкого солдата будет расстреляно 50, а за одного офицера – 100 колхозников. Мы ещё своё возьмём» [19].

Об эффективности и действенности боевых операций партизан Северного Кавказа против врага можно судить также по отзывам командования Закавказского фронта. А они не всегда были благоприятными для партизанских сил. Заместитель начальника отдела кадров ЦШПД майор Хижняк, возглавлявший оперативную группу по проверке деятельности партизанских отрядов, 3 марта 1943 г. отмечал в своем отчете: «Генерал-полковник Масленников, член Военного совета Фоминых и другие военные работники самым нелестным образом отзывались о деятельности партизанских отрядов на Кавказе. Они также возмущались поведением ЮШПД, который даже связаться с ними не попытался» [20]. По их свидетельству, во время наступления Красной Армии зимой 1943 г. партизанские отряды Северного

Кавказа не провели ни одной серьезной операции, которая бы помешала немецкому командованию осуществить планомерный отход своих войск.

Откровенно истощающе высказался и один из руководителей штаба партизанских отрядов генерал-майор А.И. Лисицын в феврале 1971 года на встрече в Краснодаре: «...Штаб получал сведения в тылу врага и передавал в Москву. В октябре из Москвы пришла телеграмма за подписью Сталина. В ней говорилось, что согласно поступающим от нас сведениям по уничтожению живой силы и техники противника, немецкие войска на Кубани уже давно разбиты и уничтожены. Не пора ли партизанам спуститься с гор и браться за сельское хозяйство?» [21].

Сложные отношения партизан с местным населением – статья особая... Партизаны воевали с местным населением... Не со старостами и полицейскими, а сиречь с простым людом. Это не фантазии недобросовестных исследователей, существует масса свидетельств о конфликтных ситуациях, вызванных непродуманными, а порой и откровенно враждебными по отношению к населению действиями как отдельных партизан, так и отрядов в целом. Во многих случаях эта деятельность вызывает сомнения с точки зрения её законности и обоснованности.

Так, перед самым «уходом в партизаны» народные мстители произвели ряд убийств так называемых неблагонадёжных лиц («врагов народа»), в том числе и в Бескорбной. Другим прямым свидетельством противоречий действий партизанского руководства и интересов местного населения является эпизод о подготовке В.Г. Древлянским и Б.М. Файманом к взрыву мельниц в станицах Советской и Бескорбной [22]. Легко понять, что такие акции симпатий к партизанам явно не добавляли... Последствия просчитать несложно.

Что касается противника, то немцы практически полностью контролировали ситуацию. В зимнем оголившемся лесу не спрятаться, не скрыться – позиции партизан хорошо просматривались авиацией противника [23]. Немецкие «рамы» буквально засыпали народных мстителей тоннами листовок, в которых в обмен на жизнь предлагалось сложить оружие. Правда, борьбу с партизанами и обеспечение «порядка» нем-

цы возлагали в основном на полицейские отряды – «...в каждом населенном пункте несколько десятков вооруженных бандитов по борьбе с партизанами» [24].

Пропуская целый ряд драматических событий этой военной кампании, отметим: из-за ряда просчётов и несогласованности как штаба куста, так и самого командования отрядов, но более всего из-за голода, холода и жесточайшей дизентерии все возможности ведения эффективной дальнейшей борьбы с гитлеровскими оккупантами к ноябрю 1942 г. оказались практически полностью исчерпанными. Одним словом, судьба отрядов висела на волоске...

Судьбу искушать не стали, решили «...спуститься с высоких гор Карачая под Майкоп, с тем, чтобы действовать на линии фронта и в то же время установить связь с советской стороной, с частями Красной Армии. Таким образом, эта обстановка заставила принять решение о переходе отрядов с прежних мест базирования» [25].

Итоги совещания 22 октября таковы: поскольку было очевидно, что наиболее слабые бойцы не выдержат перехода через линию фронта, командование куста пошло на тяжелое решение, постановив «очистить» отряды от больных, оставив их за заставой перед уходом за Лабу [26]. Всем раненым, пожилым и ослабевшим партизанам приказали разойтись на все четыре стороны – по окрестным населенным пунктам... [27]. Этот отчаянный замысел, к сожалению, закончился полной неудачей, которую, скорее, можно с полным правом и с большим сожалением охарактеризовать как настоящую трагедию. Мало кто из них выжил, почти всех их ждала безжалостная гибель...

Выйти к своим удалось не всем. Повезло только Армавирскому, Успенскому и Советскому отрядам. 9 ноября 1942 г. колонна после более чем двухнедельных странствий перешла по висячему мосту на левый берег Белой и вышла к поселку Хамышки, где располагался штаб Майкопского куста [28]. Партизаны наконец-то получили долгожданную помощь. Отдых, правда, несколько затянулся.

Подустав созерцать на бесцельное «сиденье» партизан в своём тылу, краевой штаб постановлением от 3 декабря 1942 г. издал приказ № 009 о создании Армавирского партизанского куста, местах его базирования и боевых задачах. Командованию куста

предписывалось: «...обеспечить вывод всех отрядов в тыл противника, активизировать их действия, сурово пресекать боязливость и неуверенность». Отдельным, трудноисполнимым пунктом было записано: «Предупредить командование отрядов, что в дальнейшем обеспечение отрядов боеприпасами, продовольствием и обмундированием должно производиться исключительно из трофеев, отбитых отрядами у противника» [29].

В силу ряда обстоятельств из этой затеи ничего не выйдет. В первую очередь по причине того, что часть отрядов, с которыми так и не установили связь, вскоре погибла, остальные выполняли различные боевые задачи в составе других кустов³.

Став жертвой амбиций и сдвиг, отряды Армавирского куста не оставили существенного следа и фактически развалились, потери при этом оказались поистине катастрофические. Особенно показательна судьба отрядов Спокойненского, Удобненского, Отраденского и Упорненского районов: при общей численности 450 партизан безвозвратные потери составили 362 человека [30]. Погибло практически всё руководство отрядов. К примеру, в Упорненском отряде погибли или пропали без вести 9 руководящих работников, в Спокойненском районе – 12.

Что касается Бесскорбной, бесследно исчезли при таинственных обстоятельствах начальник угро РО НКВД Файман Борис Михайлович (ноябрь 1942 г.) и молодой боец – Галустов Яков Леонтьевич (24 октября 1942 г.) [31].

К слову, определённая часть изуродованных, истощённых и обносившихся партизан перед самым Новым годом, в конце концов, инкогнито вернулась и в Бесскорбную. Надо сказать, жители встретили на-

родных мстителей плохо, попросту – выдали немцам... Одних немцы сочли возможным простить и отпустить под поручительство, а вот судьба двоих сложилась трагически. Это Шутов Павел Васильевич – председатель колхоза «им. 12 годовщины» и Ткаченко Андрей Игнатьевич [32].

Между прочим, по данным разведсводок краевого НКВД, в тот момент, т.е. в декабре 1942 года, немцев в станице, можно сказать, не было, они только периодически наезжали из Армавира, власть полностью была в руках местной полиции [33]. Так что...

Впрочем, не рискуем судить жителей с позиций патриотической морали, да и детали недостаточно известны. Добавим только, что произошедшее лишней раз подчёркивает трагизм того сурового времени и преступность большевистского правления, приведшего к глубочайшему расколу общества. Причина таких поступков станичников, вне всякого сомнения, кроется в памяти о трагических событиях 20-30-х гг. – рассказывание, раскулачивание, коллективизация и т.д. Подтверждения были перед глазами, в 42-м был ещё слишком маленький срок, чтобы стереть из памяти хотя бы тот же 33-й – как на плодороднейших землях организовали массовый голод, заставивший людей есть друг друга...

Естественно, после освобождения территории Кубани расследованием деятельности и гибели партизан Спокойненского, Удобненского, Упорненского и Отраденского отрядов будет заниматься специальная комиссия. Действия Краснодарского краевого штаба партизанского движения и командования Армавирского куста были признаны ошибочными, не обеспечившими «контроля за выполнением своего приказа о выводе отрядов из вражеского тыла», и самих отрядов, принявших «неправильное решение о роспуске», – «вместо мобилизации отрядов партизан на выполнение указаний ЦК ВКП(б) и приказа тов. Сталина о дезорганизации тыла противника и вместо установления связи с краевыми организациями вывели половину партизанских отрядов из тыла врага на советскую территорию». Организацию Горного комитета ВКП(б) также признали нецелесообразной [34].

Лиц, признанных ответственными за разгром отрядов, накажут. Правда, по тем

³ Самый героический и одновременно трагический эпизод истории армавирских партизан случился в самом что ни на есть конце 1942 г. – это бой за село Новопрехладное. В ночь на 31 декабря Майкопский куст, куда входили армавирцы, задумал совершить налет на станицу Баговскую. Однако всё пошло не по плану, как это нередко случается – подвела конспирация. Прознав об этом, противник сам решил приструнить партизан. Перевес сил был явно на стороне немцев. Однако партизаны выдержали натиск! Причём вышло так, что выдержали его только одни армавирцы. Лабинский, Кропоткинский, Тульский, Шовгенковский, Ярославский партизанские отряды и часть Курганинского отрядов от личного участия в битве уклонялись... Не имея поддержки и прикрытия, армавирцы более трёх часов сражались практически в окружении. Вырваться удалось чудом. В упорном, кровопролитном бою отряд потерял убитыми 26 человек, 2 пропали без вести.

суровым временам наказали их как-то удивительно – под раздачу угодят в основном командиры рангом пониже, а также погибшие. А вот VIP-командиров даже наградят! Командира Армавирского соединения, первого секретаря Армавирского горкома ВКП(б) Л.М. Кривенко – орденом Красного Знамени, а в конце марта, с повышением, назначат 1-м секретарём Областного комитета ВКП(б) Адыгейской автономной области [35]. Наградят и его заместителя – НКГБиста В.Г. Древлянского, он тоже получит орден Красного Знамени... [36]. Впрочем, это не было чем-то из ряда вон выходящим: награждение непричастных — столь же непременный атрибут военной жизни, как и наказание невиновных.

Многие события и обстоятельства горьких партизанских лета-зимы 1942 г. долгое время оставались в тени. С другой стороны, появился какой-то определённый шаблон, который подменял трагическую правду «партизанского движения» художественным вымыслом. Все бы ничего, но почти все были без наград, расписывать подвиги как-то не получалось. Вопрос награждения партизан становится реальностью только после 1965 г., когда спустя четверть века при Леониде Ильиче Брежнев появились различные льготы и первые массовые юбилейные награды для ветеранов. А вот ключевые медали «За оборону Кавказа» и «Партизану Отечественной войны» многие так и не увидели.

В заключение хотелось бы сказать следующее. Всё вышесказанное отнюдь не ставит целью умалить доблести партизан Кубани. Однако памятное всем нам со школьной скамьи приведённое в эпиграфе высказывание графа Льва Толстого о партизанах вряд ли в реальности применимо к партизанам Армавирского куста. И всё же винить строго партизан, несомненно, нельзя. День Победы они приближали, как могли, и долг Родине они заплатили собственной кровью, лишний раз доказав: одного патриотизма и желания драться с врагом явно недостаточно.

В том, что всё закончилось самым прескорбным образом, повинна, прежде всего, противоречивая и непоследовательная политика советского руководства в данном вопросе. В истории существует немало свидетельств – «дубина народной войны» успешна тогда, когда находится в

умелых руках!..

P.S.: Картина будет неполной без упоминания о «золотом чемодане»! Дело в том, что помимо всего прочего, в «армавирском кусте» ещё «растворились» 80 килограммов музейного золота из Керченского историко-археологического музея [37]. Чемодан, который в официальных бумагах назывался «золотым», так как в нём находилось 719 уникальных в своем роде предметов, историческую и художественную ценность которых деньгами не измерить... при невыясненных обстоятельствах осенью 1942 года исчез, и судьба его до сих пор покрыта тайной. Впрочем, это – совсем другая история.

Примечания:

1. 25 июля 1942 года немецкие войска начали наступление на Кавказ (История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. В 6 т. / Редколл.: П.Н. Поспелов и др. Т. 2. М.: Воениздат, 1961. С. 456).
2. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Рассекреченные документы. Хроника событий. Кн. 1. Хроника событий 1941–1942 гг. Краснодар, 2000. С. 310.
3. Материалы сайта. URL: <http://forum.fstanitsa.ru/view-topic.php?f=72&t=2859>.
4. Там же.
5. Кринко Е.Ф. Трагедия в предгорьях Кавказа: судьба Армавирского партизанского соединения (1942–1943 гг.) // Русская старина. 2013. № 1 (7). URL: http://ejournal15.com/journals_n/1402739483.pdf.
6. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Рассекреченные документы. Хроника событий. Кн. 1. Хроника событий 1941–1942 гг. Краснодар, 2000. С. 310.
7. Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Рассекреченные документы. Хроника событий. В 3 кн. Кн. 1. Краснодар, 2000. С. 49.
8. Кринко Е.Ф. Трагедия в предгорьях Кавказа: судьба Армавирского партизанского соединения (1942–1943 гг.) // Русская старина. 2013. № 1 (7). URL: http://ejournal15.com/journals_n/1402739483.pdf.
9. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации. URL: <http://dogend.ru/docs/index-419174.html?page=28>
10. Архивный отдел администрации г. Армавир (АО АА). Ф. Р-1271. Оп. 1. Д. 32. Л. 2.
11. Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Рассекреченные документы. Хроника событий. В 3 кн. Кн. 1. Краснодар, 2000. С. 541–542.
12. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 4372. Оп. 1. Д. 43. Л. 6.
13. Кринко Е.Ф. Трагедия в предгорьях Кавказа: судьба Армавирского партизанского соединения (1942–1943 гг.) // Русская старина. 2013. № 1 (7). URL: http://ejournal15.com/journals_n/1402739483.pdf.
14. Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Рассекреченные документы. Хроника событий. В 3 кн. Кн. 1. Краснодар, 2000. С. 590.
15. ЦДНИКК. Ф. 4372. Оп. 1. Д. 17а. Л. 21.
16. Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Рассекреченные документы. Хроника событий. В 3 кн. Кн. 1. Краснодар, 2000. С. 541.
17. Там же. С. 590.
18. Там же. С. 593.
19. Там же. С. 592.
20. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фа-

шистской оккупации. С. 30. URL: <http://dogend.ru/docs/index-419174.html?page=30>.

21. Валерий и Александр Харченко, Алексей Кистрев. «Между Илем и Шебшем» URL: http://budetinteresno.info/kraeved/il_shebsh_4_33.htm.

22. ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Д. 899. Оп. 2.

23. ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 956. Л. 17.

24. Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Рассекреченные документы. Хроника событий. В 3 кн. Кн. 1. Краснодар, 2000. С. 18.

25. Там же. С. 591.

26. Там же. С. 591.

27. Там же. С. 591.

28. Там же. С. 589.

29. Там же. С. 593–594.

30. ЦДНИКК. Ф. 4372. Оп. 1. Д. 43. Л. 9.

31. Материалы сайта. URL: <http://forum.fstanitsa.ru/view-topic.php?f=72&t=2859>.

32. Материалы сайта. URL: <http://forum.fstanitsa.ru/view-topic.php?f=72&t=2859>.

33. Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Рассекреченные документы. Хроника событий. В 3 кн. Кн. 1. Краснодар, 2000. С. 645.

34. *Кринко Е.Ф.* Трагедия в предгорьях Кавказа: судьба Армавирского партизанского соединения (1942–1943 гг.) // Русская старина. 2013. № 1 (7). URL: http://ejournal15.com/journals_n/1402739483.pdf.

35. Материалы сайта. URL: <http://www.knowbysight.info/KKK/11092.asp>.

36. Материалы сайта. URL: http://nkvd.memo.ru/index.php/Древлянский_Валентин_Гаврилович.

37. Материалы сайта. URL: <https://crimeanblog.blogspot.com/2010/05/zoloto.html>; <http://www.newkuban.ru/10.10.00/KX0AA007.html>.

А.А. Аракелян

Применение карточной системы распределения продовольствия на Кубани в годы Великой Отечественной войны

Среди целого ряда социальных проблем в годы Великой Отечественной войны наиболее острой являлась продовольственная проблема. От степени ее решения зависело физическое состояние тружеников тыла, а также демографическая ситуация, связанная с показателями смертности и рождаемости, перспективами восстановления людских ресурсов, подорванных в результате войны.

Уже в первые месяцы войны продовольственное снабжение населения стало сталкиваться с большими трудностями объективного характера. Вследствие отступления Красной Армии и оккупации врага произошла потеря значительной части европейской территории страны, богатой сельскохозяйственными ресурсами. На территории, попавшей под оккупацию, находилось 47% посевных площадей, производилось 52% зерна, более 4/5 сахара, большое количество

других сельхозпродуктов [1].

Трудности в снабжении армии и городских жителей были вызваны и серьезными просчетами высшего руководства страны в размещении мобилизационных запасов вблизи западных границ страны. Быстрое продвижение противника в глубину территории СССР в начале войны привело к тому, что значительное количество материальных ценностей пришлось уничтожить. Из приграничных областей не удалось вывезти 70% мобилизационных запасов продовольствия, фуража и много других материальных средств [2].

В прифронтовых районах ожесточенные бои, бомбежки и артобстрелы наносили огромный ущерб сельскому хозяйству. Ослабление аграрного сектора экономики было вызвано также существенным оттоком материальных и людских ресурсов колхозов и совхозов в военную сферу, в целях усиления армии и обороноспособности страны. В силу указанных причин стало происходить неуклонное снижение производства сельхозпродукции.

В условиях ограниченности продовольственных ресурсов основным средством обеспечения продуктами питания не занятого в сельском хозяйстве населения стала централизованная система распределения продовольствия. Источниками пополнения централизованных фондов являлись продукция колхозов и совхозов, поступающая в соответствии с государственными заданиями, а также частично продукты подсобных хозяйств колхозников, предприятий и учреждений, получаемые в порядке обязательных поставок.

Принятие решения о введении карточной системы происходило по мере нарастания продовольственных трудностей. Уже в первые дни войны стремление населения запастись продовольствием впрок привело к дестабилизации в торговле хлебом и другими продуктами питания в большинстве городов Кубани. «Ежедневно, – сообщал Сочинский горком ВКП(б), – части населения в количестве 2500-3000 человек не достается. Это порождает громадные очереди, которые выстраиваются с 3-4 часов утра, и вызывает ухудшение политико-морального настроения населения» [3].

В то же время возможности государства к удовлетворению потребностей населения в продуктах питания все больше

ограничивались вследствие постоянного сокращения продовольственных ресурсов. По данным ЦСУ СССР и Наркомата торговли СССР, возглавляемого А.В. Любимовым, в 1942 г. по сравнению с 1940 г. для личного потребления граждан государственные фонды сократились по мясным продуктам в 2,8 раза, по рыбопродуктам – в 3,1 раза, по сахару – в 6,6 раза [4].

В такой ситуации правительство было вынуждено ввести карточную систему распределения продовольствия. На Кубани применение этой системы началось в сентябре 1941 г., после издания постановления СНК СССР от 20 августа 1941 г. 19 октября 1941 г. СНК СССР установил дифференцированные нормы снабжения мясом, рыбой, жирами и другими продуктами питания различных категорий населения. Было установлено четыре группы населения: рабочие и приравненные к ним; служащие и приравненные к ним; иждивенцы и приравненные к ним; дети (в возрасте до 12 лет) [5].

Внутри указанных групп население учитывалось по двум категориям: к первой относились рабочие, инженерно-технические работники, служащие (а также их иждивенцы) оборонных и других ведущих отраслей промышленности, ко второй – работники прочих отраслей народного хозяйства и остальное городское население. Отпуск хлеба был дифференцирован по категориям и группам работников: для первой категории – от 400 (детям и иждивенцам) до 800 г в день, для второй категории – от 400 до 600 г. Примерно в таких же объемах и пропорциях были установлены нормы снабжения другими продуктами питания.

Для Кубани, где преобладал аграрный сектор экономики, а также пищевая и перерабатывающая промышленность, повышенные нормы снабжения продовольствием коснулись небольшой части населения, прежде всего, рабочих и служащих ряда крупных предприятий, железнодорожников, руководящих партийных и советских работников.

В последующем в нормы снабжения вносились поправки в зависимости от складывающейся ситуации на фронте и в тылу. До 1944 г. они, как правило, пересматривались в сторону снижения. Наиболее тяжелым в этом отношении являлся 1942 г. Военные действия и захват врагом значительной части сельскохозяйственных районов

привели в это время к резкому снижению производства основных видов продовольствия. В целом по стране производство зерна по сравнению с 1940 г. упало с 95,5 до 29,7 млн. т, сахарной свеклы с 18 до 2,1 млн. т, картофеля с 75,9 до 23,8 млн. т, мяса с 4,7 до 1,8 млн. т, молока с 33,6 до 15,8 млн. т [6]. Эти обстоятельства повлияли на дальнейшее снижение объемов снабжения населения. В 1942 г. по сравнению с 1940 г. доля рыночных фондов уменьшилась: сахара – в 6,6 раза, кондитерских изделий – в 4,8, жиров – в 2, мясных продуктов – в 2,8 раза [7].

Всю тяжесть ситуации испытало на себе население Кубани. Так, в ноябре 1943 г. нормы на хлеб были снижены ввиду необходимости выделения ресурсов для населения освобожденных районов и, кроме того, низкого урожая, полученного на юге России. Краснодарскому краю в декабре было выделено 6500 т хлеба, в том числе 510 т картофеля в переводе на 150 т муки. Этот «рыночный фонд хлеба», помимо зерна и картофеля, включал в себя жмых, т.е. остатки семян масличных растений после выжимания масла, которые обычно использовались на корм скоту. Так, г. Армавиру полагалось 230 т муки, 150 т зерна, 60 т жмыха и 30 т картофеля [8].

Важно отметить, что снижение качества питания наблюдалось при повышенных физических и морально-психологических нагрузках людей. На многих промышленных предприятиях работали в две смены по 11 часов без выходных дней. Рабочие оборонных заводов не уходили домой даже на ночь, отдыхали прямо около станков. Плохое питание и большие нагрузки у большинства населения порождали истощение, авитаминоз, желудочно-кишечные болезни, способствовали распространению легочных и инфекционных заболеваний [9].

В то же время большая часть населения испытывала постоянные трудности в обеспечении продуктами питания. В частности, непросто решались вопросы с продовольственным обеспечением эвакуированного населения. В периоды наибольшего притока беженцев несвоевременное изменение объемов поступления продовольствия из централизованных фондов и организационные трудности приводили к острой нехватке продуктов питания. Серьезные проблемы нередко возникали при снабже-

нии продовольствием потребителей на селе. В их число входило примерно 16-17% от всего населения сельской местности, прежде всего представители интеллигенции и воспитанники детских домов, а также рабочие совхозов и расположенных в сельских районах предприятий.

Серьезной проблемой централизованного снабжения хлебом и другими продовольственными товарами являлись нарушения в деятельности карточных бюро и торговых организаций. Следствием этого стали случаи дезорганизации снабжения, нарушения принципов социальной справедливости. В связи с этим со стороны местных органов власти систематически осуществлялись проверки состояния и организации снабжения населения. Большую роль в контроле за деятельностью карточных бюро, борьбе со злоупотреблениями должностных лиц играли также профсоюзные организации.

По результатам проверок выявлялось большое количество нарушений и преступной деятельности ряда торговых работников. Постановление ГКО СССР № 2780 от 22 января 1943 г. «Об усилении борьбы с расхищением и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров» ужесточало наказания для лиц, виновных в хищении государственного имущества. Аналогичное постановление ВЦСПС от 1 февраля 1943 г. обязало комитеты профсоюзов организовать массовый контроль

над работой ОРСов, складов, магазинов, столовых [10]. Принятые меры способствовали усилению борьбы с негативными явлениями в сфере производства и распределения продовольственных товаров, что привело к улучшению организации централизованного снабжения населения.

В целом, применение карточной системы привело к положительным результатам. Принятые правительством и местными органами меры позволили обеспечить достаточно слаженную работу по обеспечению населения продуктами питания. С помощью карточной системы удалось не допустить случаев массовой голодной смерти в советском тылу, ослабить последствия демографической катастрофы военного времени.

Примечания:

1. История социалистической экономики СССР. Т. 5. М., 1978. С. 410.
2. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Т. 10. Государство, общество и война. М., 2014. С. 181.
3. Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Хроника событий. Кн. 1. Краснодар, 2000. С. 53.
4. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. С. 182.
5. *Любимов А.В.* Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М., 1969. С. 27.
6. Экономический фундамент Победы // *Экономист*. 2004. № 5. С. 18.
7. Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны. М., 1988. С. 313.
8. Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Кн. 2. Ч. 1. 1943 г. Краснодар, 2003. С. 713.
9. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. С. 295.
10. Профсоюзы СССР. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 3. М., 1963. С. 383–386.

III. ИСТОРИЯ ПРАВОСЛАВИЯ НА КУБАНИ: ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

С.Н. Малахов

К вопросу о Черкесской митрополии (вторая половина XIV–XVI в.)

В истории Аланской митрополии (ок. 920-х – 1590-е гг.) остается открытым вопрос о ее церковно-административной структуре. Известно из источников X–XII вв., что в этой епархии не предусматривалось епископий, что, видимо, было связано с отсутствием крупных городских центров. Условное выделение «епископий» на основании концентрации в ряде мест церковно-археологических памятников умозрительно и не подкрепляется данными источников. В то же время, в 1360-х гг. в актах Константинопольского патриархата, в связи с делом митрополита Алании Симеона, упоминаются хоронимы Ахохия и Кавкасия (вероятно, на начальном этапе епископии или архиепископии), локализация которых вызывает споры. Предложенная В.А. Кузнецовым версия по идентификации области Ахохии и территории Осетии представляется неубедительной с лингвистической стороны [1].

Новые данные из русских летописей позволяют уточнить гипотезу, высказанную автором несколько лет назад о том, что Ахохией могла быть часть Аланской митрополии, выделившаяся из нее после монгольского нашествия и заселявшаяся ранними кабардинцами (черкесами) [2]. Таким образом, речь идет о реальном существовании до сих пор неизвестной по письменным источникам Черкесской епархии Константинопольского патриархата. Можно предположить, что границами новой церковно-административной единицы были пределы этнического расселения кабардинцев в Предкавказье, и эти границы были подвижными. Молчат источники и об иерархах Черкесской архиепископии или митрополии в XIV–XVI вв. Скорее всего, они были греки, получавшие назначение в Константинополе, но не всегда добравшиеся до границ своей митрополии.

Учреждение новообразованной Черкесской епархии можно относить к 50–60-м гг. XIV в. Реальное административное

влияние Константинопольской Церкви в Предкавказье сходит на нет уже к середине XV в., и Черкесский диоцез не составлял исключения. Тем не менее христианские традиции у кабардинцев («черкесов») в форме «народного православия» поддерживались и сохранились до конца XVII в.

Можно утверждать, что Черкесская епархия как особая церковно-административная единица уже была известна современникам в середине XIV в. Осенью 1360 г. синодальным решением вновь был восстановлен в правах митрополита Аланского и Сотиропольского (Сотириупольского) Симеон. Он получил все свои права и имущества, относящиеся к городу Трапезунду, в частности на клир и церковь Богородицы Утешительницы, а также другие «права и имущества», которыми владела Аланская митрополия в городе Трапезунде и подведомственных ему местах, а также «в святой церкви Сотиропольской», а именно в церкви Пречистой Богородицы Афинской (она же Лазская), и кроме этого «места около Алании, Кавкасии и Ахохии» [3]. Вынесенное решение было окончательно утверждено синодальным актом в сентябре 1365 года [4]. Упомянутые здесь Алания – территория Аланской митрополии, Кавкасия и Ахохия, – скорее всего, в то время епископии (архиепископии?), сопредельные Аланской митрополии на Северном Кавказе, но ранее находившиеся на территории, канонически подконтрольной аланскому митрополиту. Здесь Ахохия – в контексте церковного акта – упоминается как устойчивый хороним (название области), название, которое было явно хорошо известно как в канцелярии аланского митрополита, так и патриарха. Причем клирики калькировали северокавказский экзотоним, превратив его в название области, с которой они, вероятно, были достаточно хорошо знакомы и не раз в ней бывали. По причине нечеткости и подвижности границ этнического расселения в междуречье Кубани и Терека аланский митрополит и мог претендовать на «места около Алании, Кавкасии и Ахохии». Несмотря на различные версии, предложенные исследователями, местоположение Кавкасии и

Ахохии, время существования этих церковных областей остаются спорными в работах современных исследователей [5].

Новое подтверждение гипотезы о реальном существовании Черкесской епархии Константинопольского патриархата можно найти в недавно изданном тексте Новгородской Карамзинской летописи, в котором под 1394 г. сохранился перевод послания константинопольского патриарха Антония к христианскому населению Великого Новгорода [6]. В этом письме содержится редкое (кажется, единственное в письменных источниках) упоминание о владыке Черкасском, участвовавшем в заседании «священного собора», состоявшемся при патриархе Антонии IV (12 января 1389 – июль 1390, март 1391 – май 1397) и византийском императоре Мануиле II (1391–1425). Здесь необходимо напомнить, что сведения о владыке Черкасском/Черкесском, митрополите или архиепископе) имеют важное значение для истории христианства на Северном Кавказе, поскольку иных сведений о Черкесской епархии (времени ее учреждения, ее церковно-административном статусе в системе Константинопольского патриархата, времени прекращения ее деятельности, владыках Черкасских и пр.) в письменных источниках не сохранилось. В то же время в различных позднесредневековых источниках, не только византийских, западных, но и восточных, постоянно акцентируется христианская вероисповедальная принадлежность «черкесов».

Так, египетский энциклопедист мамлюкской эпохи ал-Калкашанди (1355–1418) отмечает, что черкесы живут к востоку от Понтийского моря в округе ал-Джаркас, население живет в нужде, но среди них преобладает христианская религия, при этом православные аланы Северного Кавказа им уже не отмечаются, а в этнографических экскурсах, посвященных народам Восточной Европы, автор указывает четко только на христианское вероисповедание «черкесов» и русских [7].

Участие черкесского митрополита в 1393–1394 гг. в работе церковного собора могло объясняться не только его возросшим церковно-административным «весом» с точки зрения патриархата, но и обострением военно-политических противоречий в Орде из-за соперничества Тохтамыша и Тимура. Начавшиеся военные действия ме-

жду ними заставили иерарха искать спасение в Константинополе. В любом случае, авторитет Черкесского владыки для патриаршей канцелярии был уже выше статуса митрополита Алании. Митрополия Зихия, окормлявшая «низовых черкесов» – зихов (адыгское население в Причерноморье), упоминается последний раз в документе патриаршей канцелярии в 1396 году [8]. Считать, что древнерусский переводчик патриаршей грамоты принял Зихского владыку за Черкесского, оснований нет. Мы можем утверждать, что в конце XIV в. существовало две православные митрополии, в которых было представлено в основном адыгоязычное население: Зихская митрополия (Тамань и северо-восточное Причерноморье) и Черкесская митрополия (Пятигорье и верхнее течение р. Кумы).

Уточнить этническую принадлежность населения и границы Черкесской митрополии в рамках середины-конца XIV в. в определенной мере позволяет адыгская этнонимика XVI–XVIII вв. Этноним «черкесы» в восточных письменных источниках уже фиксируется в XIII в. Ясы (аланы) и «черкасы» рядопологаются в русских источниках: «великие горы Ясские и Черкасские», расположенные «за рекою за Теркою», упоминаются в Житии князя Михаила Тверского, когда рассказывается о событиях 1319 г. [9]. Хан-Гирей в своем труде «Записки о Черкесии» пишет: «Племена, составляющие здесь описываемый народ, в настоящее время имеют два общих главнейших наименования: *адгхе* и *черкесы*. Первыми они сами себя именуют, разумея под этим колена, говорящие одним черкесским языком, несмотря на различие наречий оного. Второе (т.е. экзоэтноним «черкесы». – С.М.) дают им: россияне, турки, грузины и другие народы. Кроме этих наименований, осетинцы и абхазы, поколения, с ними соседственные, называют их: первых «кассах», и последних «акуккао»» [10].

Важное дополнение Хан-Гирея к сведениям С. Броневского, работой которого он пользовался при составлении «Записок о Черкесии», заключалось в том, что автор впервые в качестве экзоэтнонима именно черкесов упоминает старинное абазинское название *акуккао*. Именно так черкесов, обитавших в Пятигорье, называли сопредельные народы (осетины, абазины и др.). Это заставляет вспомнить уникальный

этнотопоним «Ахохия», только однажды попавший в акты Константинопольского патриархата в связи с Аланской митрополией.

Лексикографические источники косвенно указывают на вероятную локализацию области *Ахохия* и ее населения, «черкесов», носивших название *акуккао*. В абазинском языке сохранился старинный экзоэтноним кабардинцев – *агвхъауа* [11]. Возможно, указывающий на места расселения ранних кабардинцев – бассейн р. Кумы в верхнем течении [12]. На этом основании можно предполагать, что изначальная территория церковно-административной единицы Константинопольского патриархата Ахохии, выделившейся из территории Аланской митрополии к середине XIV в., располагалась по долине реки Кумы, границы епархии были подвижны и могли в зависимости от политической ситуации простирались от Лабы до среднего течения Кумы и охватывать все Пятигорье, в зависимости от перемещения населения, занимавшегося преимущественно скотоводством. Вероятно, здесь и располагались земли, подконтрольные «Черкасскому» митрополиту до конца XIV в. Это был период максимального укрепления относительно недавно образованной архиепископии (вероятно, не ранее первой четверти XIV в.) или митрополии, которая, как и владения Аланской епархии, была опустошена в ходе нашествия Тимура Тамерлана. По более поздним письменным источникам историческая судьба Черкесской митрополии (Ахохии) не прослеживается. Сведения о ней не попали и в нотиции (рописи кафедр) Константинопольского патриархата. Население Ахохии состояло из христиан-черкесов, позднее упоминавшихся в источниках как «пятигорские черкасы», в дальнейшем которые уже ничем не отличались от кабардинцев в XVI–XVII вв. и не выделялись современниками в особую этническую группу.

По данным «Книги Большому чертежу», сведения которой относятся к концу XVI – началу XVII в., можно уточнить границы пятигорских черкесов: в ней название Кабарда отнесено к местности по левому берегу Терека (от р. Ардон до р. Кизыл), а земли севернее, но также по левым притокам Терека, до впадения в Терек Малки, названы землями «пятигорских черкас» [13]. Как отметила Е.Н. Кушева, в русских и

польских источниках XVI в. название «пятигорские черкасы» или «черкесы» в равной мере применялось как к кабардинцам, так и бесленейцам и западным адыгам, но район Пятигорья уже не был местом плотного заселения кабардинцев во второй половине XVI и в XVII в. из-за нападений ногайцев Малой Ногайской Орды и крымских татар, а позднее – калмыков. Пятигорские черкесы сдвигаются ближе к горам и на восток. Бесленейцы ещё в XV в. отсоединились от кабардинцев и жили между Лабой и Кубанью, на значительном расстоянии от основной территории Большой Кабарды. Основные угодья Большой Кабарды располагались по Баксану [14].

Таким образом, на основании сведений из византийских, восточных и древнерусских источников можно утверждать, что не ранее середины XIV века в западных и северо-западных областях Аланской митрополии возникает новая епархия Константинопольского патриархата – Черкесская митрополия, образованная по этническому принципу. Этот диоцез, возможно, не был своевременно занесен в росписи кафедр, подчинявшихся Константинопольскому патриархату, или сведения о нем не сохранились в греческих источниках. Черкесский владыка участвовал в заседаниях синода в Константинополе в 1392–1394 гг. Титулярное звание владыки указывало на то, что его полномочия могли распространяться не только на территорию Черкесии, но и Зихии. Значение этой епархии, как обширной православной северокавказской территории, осознавалось вселенским патриархом и его окружением. Полиэтническое население митрополии сохраняло православные традиции, сформировавшиеся ранее у населения предгорных областей средневековой Алании. Основным территориальным ядром митрополии становятся Пятигорье, а затем Кабарда. Территория некогда обширной Аланской митрополии оказалась в значительной степени урезана в ходе военных, демографических и этнополитических процессов, охвативших Северный Кавказ в XIII–XVI вв. и фактически изолирована от внешнего мира, оказавшись в его горной части. Сведения о христианской Черкесии (округе ал-Джаркас восточных источников) и ее православном населении – «пятигорах», «пятигорских черкесах» – в письменных источниках встречаются до

конца XVII в. Имена черкесских владык не сохранились, возможно, по той причине, что кафедра Черкесской митрополии длительное время была вакантной. Сведения же об иерархах сопредельной Аланской митрополии сохранились более полно. Последним известным владыкой Аланской митрополии был Пахомий, имя которого стоит в грамоте 1590 г. по учреждению патриаршества в России.

Примечания:

1. См.: Кузнецов В.А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977. С. 160–161; *Он же*. История христианства на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ, 2002. С. 80–82.
2. Малахов С.Н. К локализации Ахохии // XX Юбилейные международные Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов. Железноводск, Ставрополь, 1998. С. 83–84.
3. Darrouzès J. Les registes des Actes des patriarches de Constantinople. Vol. I, fasc.5: les registes de 1310 à 1376. Paris, 1977. P. 349–351. N. 2423.
4. Ibid. P. 420–422. N. 2502.
5. См.: Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ, 2002. С. 80–86; Горст А., Овчинникова Б.Б. Из истории Кавказской митрополии // История Церкви: изучение и преподавание: Материалы науч. конф., посвященной 2000-летию христианства. 22–25 ноября 1999. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та, 1999. С. 36–38; Малахов С.Н. Алания и Византия: Источниковедческие аспекты политических и церковных связей: изб. статьи. М., 2015. С. 68–72.
6. ПСРЛ. Т. 42: Новгородская Карамзиновская летопись. СПб., 2002. С. 162–163.
7. Григорьев А.Г. Фролова О.Б. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // Тюркологический сборник. 2001. Золотая Орда и ее наследие / Редколлегия: С.Г. Кляшторный (пред.) и др. М., 2002. С. 288, 291.
8. Байер Г.-В. Митрополии Херсона, Сугдеи, Готии и Зихии по данным просопографического лексикона времени Палеологов // Византия и Средневековый Крым. Симферополь, 1995. С. 73–74.
9. ПСРЛ. Т. X: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (продолжение). М., 2000. С. 184.
10. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Вступ. статья и подготовка текста к печати В.К. Гарданова и Г.Х. Мамбетова. Нальчик, 2008. С. 124–125.
11. Абазинско-русский словарь. М., 1967. С. 30.
12. Ионова С.Х. Абазинская топонимия. Черкесск, 1993. С. 6.
13. Книга Большому чертежу. М.-Л., 1950. С. 90.
14. См.: Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII в.). М., 1963. С. 92–95.

А.Х. Карданова

Православие в жизни черкесов

Черкесы являются древнейшими жителями Северного Кавказа, а их родина считается одним из центров развития особой, так называемой кавказской цивилизации. Этноним «адыга» является самоназванием

народа, а этноним «черкес» – иноназвание этого же народа. Предки их были известны в III–I тыс. до нашей эры. По некоторым данным черкесы состояли из 18 субэтносов, но в истории сохранилось 12. В.К. Гарданов пишет, что на протяжении первой половины XIX века ряд мелких подразделений стал быстро исчезать, поглощаясь более крупными.

Черкесы по антропологическому типу относятся к европеоидной расе, имеют кавказское происхождение и являются древним местным населением. Они являются носителями наиболее известной древней культуры на этой земле – майкопской культуры. Памятники этой культуры простираются по всей территории исторической Черкесии. По данным археологов, очаги майкопской культуры обнаружены в районах Майкопа, Пятигорья, Нальчика, Усть-Джегуты и др.

Современные этнонимы «кабардинцы», «черкесы», «адыгейцы», которыми обозначаются жители трёх северокавказских республик (Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская и Адыгея) имеют один корень. Они представители одного народа – черкесского. Кабардинцы сохранили этноним крупнейшего черкесского субэтноса – кабардинского, черкесами называют жителей Карачаево-Черкесии по иноназванию адыгского народа, адыгейцев по самоназванию народа «адыга».

Черкесы одними из первых на территории современной России приняли православие. Христианство, принятое черкесами, как и аланами, на несколько веков раньше Руси, сыграло определённую роль в развитии их духовной культуры, установлении связей с другими странами.

Земли черкесов простирались на востоке до Терека, на западе это – побережье Черного моря, на юге упиралась в Кавказский хребет, на севере – в устье Кубани и Азовское море. Опубликованные карты Черкесии XV–XVIII веков дают четкую картину расселения черкесов на этой обширной территории.

Джиованни Лукка – итальянский монах Доминиканского ордена, автор описания крымских татар, ногайцев, черкесов, абхазов и грузин, которое, скорее всего, было составлено около 1634 года. В то время он находился в качестве префекта доминиканской миссии в Крыму и Кафе. Д. Лукка подробно

описывает территорию Черкесии, начиная от Темрюка до Кабарды. Он считает, что «страна черкесов тянется на 26 дней пути, простираясь до берегов Каспийского моря» [1]. Лукка несколько раз упоминает о Кабарде и называет ее Черкесской областью, которая «очень населена» и что от неё до Темрюка 18 дней пути. Естественно, такую огромную территорию не смог бы освоить малочисленный народ. Генрих Клапрот – русский академик – указывает, что в начале XIX века черкесы были достаточно многочисленны [2]. Сами же черкесы своё обращение к «властителям Европы» за помощью в разгар Кавказской войны начинают со слов «Нас четыре миллиона...». Цифры о численности черкесов разнятся, но однозначно, что черкесов было несколько миллионов.

Важно отметить, что черкесы с X века начали осознавать себя единым этносом с самоназванием «адыге». Они пользовались единым черкесским (адыгским) языком. Начиная с этого же времени, черкесы по праву считают указанную выше территорию своей исторической родиной, а народ-носителем единой духовной культуры. Наиболее раннее упоминание, что черкесы были христианами, мы встречаем в повествовании «Рассказ римского католического миссионера доминиканца Юлиана о путешествии в страну приволжских венгров, совершённом перед 1235 годом».

Отправившиеся на поиски древней родины венгров католические монахи прибыли на Северный Кавказ как раз накануне завоевания его монголами. «Выйдя там на море, они через 33 дня прибыли в страну, что назовется Зихия, в город, что именуется Матрика, где вождь и народ (черкесы. – *Авт.*) называют себя христианами, имея греческое писание и греческих священников» [3]. Что черкесы православные, подтверждает Иоганн (Ганс) Шильтбергер, который в силу обстоятельств имел возможность ознакомиться со многими странами Европы и Азии, в том числе и Кавказом «...земли черкесов, также при Чёрном море, населённые христианами, исповедующими греческую веру» [4].

Иосафат Барбаро, который принадлежал к старинному дворянскому роду, длительное время жил в Тане, колонии в устье Дона, что позволило Барбаро собрать ценные сведения о населении прилегающих

к этому городу областей. Среди немногочисленных упоминаний о черкесах в его работе «Пребывание в Тане» наибольшую ценность для нас представляют материалы, где речь идет о черкесской области Кремух (она находилась в трех днях пути от Таны, и Барбаро посетил её лично) и сопредельных с ней черкесских народах, в их числе названы кевертейцы (кабардинцы), далее Барбаро, характеризуя религию алан, пишет: «Все они, равно как и черкесы, исповедуют греческую веру» [5]. Замечание Барбаро о том, что черкесы в его время (первая половина XV в.) еще исповедовали христианство и не знали мусульманства, подтверждает для II половины XV века Интериано.

Джоржио Интериано – путешественник, географ и этнограф эпохи итальянского Возрождения, впервые в средневековой литературе описал Черкесию в монографии «Быт и страны зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование». Это как бы своеобразная энциклопедия черкесской жизни второй половины XV века. О религиозных воззрениях черкесов Интериано пишет: «Они исповедуют христианскую религию и имеют священников по греческому обряду. Крещение же принимают лишь по достижении восьмилетнего возраста, и крестят у них по несколько человек зараз простым окроплением святой водой, причем священник произносит краткое благословение. Знатные не входят в храм до шестидесятилетнего возраста, ибо, живя как все они, грабежом, считают это недопустимым, дабы не осквернять церкви, по прошествии этого срока, или около того времени, они оставляют грабеж и тогда начинают посещать богослужение, которое в молодости слушают не иначе, как у дверей церкви и не слезая с коня. Священники у них служат по-своему, употребляя греческие слова и начертания, не понимая их смысла. Когда случается им писать кому-нибудь, хотя это бывает редко, то большею частью пользуются услугами евреев и еврейским письмом, но чаще передают друг другу на словах, через посланцев» [6].

Северный Кавказ, в том числе и историческая Черкесия, издревле привлекал пристальное внимание таких ведущих держав, как Англия, Франция, Турция, Россия и др. Начиная с XVI века здесь особо остро сталкиваются интересы Османской империи и России за сферу своего влияния на

Северный Кавказ. Турция противостояла России через коалицию четырех ханств – Казанского, Ногайского, Астраханского и Крымского, поддерживая их и периодически натравливая их на российское государство. Ивану IV пришлось на пике успешных военных действий в Ливонской войне пойти на перемирие, чтобы дать отпор крымчанам, совершавшим набеги на Русь. В 1552 году Ивану Васильевичу пришлось на несколько месяцев отложить поход на Казань опять-таки по вине Крымского ханства. И таких примеров в истории много. Перед Россией остро стоял вопрос о необходимости укрепления своих южных границ. Народы Северного Кавказа не менее страдали от Османской империи. Бесконечны были разорительные походы крымчан на историческую Черкессию. Черкесы прекрасно понимали, что им одним трудно противостоять агрессии Турции и что им нужен мощный союзник, которого они видели в лице России.

Состоявшиеся три делегации из Черкесии к российскому царю Ивану IV с 1552 по 1557 гг. завершились заключением обоюдого военного-политического союза между двумя странами, закрепленного династическим браком между Иваном IV и кабардинской княжной Гущеней. Когда черкесская делегация и Иван IV заключали военно-политический союз, черкесы давали клятву, поцеловав крест. Это подтверждает, что черкесы в XVI веке оставались христианами.

«Соперничество между Россией и татарами-мусульманами в Черкесии привело к открытой борьбе между христианством и исламом в этой стране, каждая из двух могущественных стран стремилась влиять на народ посредством религиозных идей, и эта борьба продолжалась до наших дней», – пишет известный ученый – геолог, натуралист и археолог Фредерик Дюбуа де Монпере. Он же отмечал: «Черкесы с побережья всё ещё по традиции празднуют пасху...» [7].

Попытки внедрить ислам в Черкессию были предприняты ещё в XIII веке. К. Кох – известный учёный-естественник – дважды побывал на Кавказе (1835–1838 гг. и 1843–1844 гг.), в том числе и в Черкесии. Кох утверждает, что черкесы в XIII веке оставались глубоко убежденными христианами. Он подчёркивает: «Татаро-монголам, стремившимся огнём и мечом внедрить на Кавказе ислам, не удалось склонить черкесов в свою веру» [8].

На противостояние поборников христианства и ислама указывает генерал-лейтенант русской службы И.Ф. Бларамберг: «...черкесские народности так же, как и абхазы, некогда исповедовали христианскую религию по греческому обряду. Вторжение татар и влияние крымских ханов на народы, проживающие в районе Кубани, привели постепенно к проникновению ислама. Тем не менее, черкесы всегда склонялись более в пользу христианской религии, поскольку у них до сих пор сохранились руины древних церквей, которые до сего дня почитаются как священные и неприкосновенные убежища» [9].

Ксаверио Главани в своей работе «Описание Черкесии» пишет: «О религии их (черкесов. – *Авт.*) я не могу ничего сказать, так как их верования смешанные: они чтут субботу, воскресенье и пятницу, празднуют пасху с христианами и байрам с турками, утверждая, что всё хорошо» [10].

Упомянутый выше Дж. Лукка в своей работе «Описание Перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин» подчеркивает, что в первой половине XVII века часть черкесов исповедовала еще христианство. Он пишет: «Между Таманью и Темрюком находится коса земли, на берегу которой несколько деревень. Говорят они по-черкесски и по-турецки. Одни из них магометане, другие следуют греческому обряду, но первых больше. Хотя еще священник, живущий в Терки, приходит иногда к ним совершать таинство крещения, но он мало наставляет их в (христианском) законе, так что они постоянно мусульманиятся; они от греческой веры только сохранили обычай носить съестные припасы на могилы покойников, да соблюдают некоторые посты» [11].

Фредерик Дюбуа де Монпере задаёт вопрос: «Но к каким результатам она (борьба, противостояние поборников двух религий) привела», – и отвечает: «Результатом было явное безразличие как к той, так и к другой религии и полный возврат к древним суевериям». Далее он пишет: «История не знает примеров того, чтобы одна религия заменяла другую в чистом виде, без заимствований у своей предшественницы: всегда новая религия прививается на старую, и проповедники новой системы вынуждены мириться с подобным смешением из политических соображений, чтобы не напугать

население, не склонное сразу же воспринимать нововведения. Тот, кто внимательно проследит развитие христианства, увидит, что оно видоизменилось на тысячу ладов.

У черкесов только князья и знать являются мусульманами и соблюдают его обряды, но делают они это для очистки совести, без всякого рвения и зачастую посмеиваются над этими религиозными церемониями. Черкесы с побережья все еще по традиции празднуют Пасху, хотя уже не помнят, в честь чего этот праздник, и за пятнадцать дней до праздника, наподобие поста, воздерживаются от употребления в пищу яиц. Еще сегодня, если верить рассказу Тэбу де Мариньи, в окрестностях Геленджика священники, одетые в простую «бурку» (накидка из фетра), простирая руки к кресту, освящающему лес, посреди толпы, хранящей глубокое молчание, шлют свои молитвы создателю, прося его охранить их поля, дать богатый урожай и избавить их от чумы» [12].

В своей книге «Путешествие в Черкесию» де Мариньи подчеркивает: «Во время путешествий я обратил внимание на то, что черкесы магометане весьма равнодушны к своей религии. Я видел, как сыновья и дочери князя Мехмета между собой смеялись над церемониями, принятыми во время молитвы, а часто вообще забывали о самих молитвах. Вид маленького крестика, висевшего на шее у одной дамы, как-то сопровождавшей меня в путешествии в Черкесию, доставил большое удовольствие этой семье, которая сказала, что у черкесов тоже есть такие крестики» [13]. Веками исповедовавшие православие, черкесы не сразу приняли ислам. Он постепенно оттеснял православие, но ещё долгое время черкесы соблюдали обряды христианства наряду с обрядами ислама. Долгое время во многих черкесских семьях сохранялись кресты даже после принятия ислама.

Жан-Шарль де Бесс – венгерский учёный, автор книги «Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Малую Азию и в Константинополь в 1829 и 1830 гг.», пишет: «Непростительно безразличие Рима, который до сих пор не удосужился направить в эти края своих миссионеров, которые во многих здесь обнаружили бы крест, почитаемый черкесами как символ культа подлинного бога. До сих пор ещё можно встретить прекрасно выполненные и

тщательно охраняемые кресты в районе истоков Кубани и особенно вблизи Каменного моста, а также увидеть древнюю церковь за Кубанью, чудесно сохранившуюся» [14].

Следы христианской религии у черкесов прослеживает и видный французский ученый, дипломат и политический деятель Карл Пейсонель. В 1755 году им было отправлено французскому двору обстоятельное донесение о черкесах, включенное в «Записку о Малой Татарии». В этой записке Пейсонель сообщал, в частности, о делении черкесов на отдельные племена и княжеские владения, об их политическом и социальном строе, системе административного управления, религии, правах и обычаях: «Племена адда, адемиевцы, бесленевцы, бжедуги и темиргоевцы единственные, у которых магометанство водворилось с некоторой прочностью. Трудно было бы дать точное представление о религии других племен; у одних находят остатки христианства, у других следы язычества» [15].

О смешении религий у черкесов Дюбуа де Монпере пишет: «У них (черкесов – *авт.*) есть деревья, отмеченные крестом, которые они почитают и которых никогда не касался топор; эти деревья находятся в священных рощах, пользующихся всеобщим уважением; в определенные дни перед этими деревьями бывают религиозные празднества». Пейсонель среди прочих упоминает одно такое дерево, росшее в центре страны и называвшееся «Панагиясан»: «однако же культ, который отправлялся у этого дерева, был совершеннейшим идолопоклонством...». В большей или меньшей мере это сохранившееся с античных времен уважение и поклонение деревьям соединилось с христианством. В Колхиде нет ни одной церкви или часовни, которую бы не окружали и не прятали в своей тени деревья. Абхазцы, которые сохранили больше черт христианства, чем черкесы, также имеют священные деревья.

Можно допустить, что апостолы христианства, использовав это уважение к деревьям, вырезали на коре деревьев кресты; не исключено, что построенные поблизости деревянные часовни исчезли, и таким образом получилось, что обычаи христианства ассимилировались с древним друидизмом» [16].

О том, что христианская религия достаточно долго сохранялась у черкесов,

подчеркивает И. Бларамберг: «Народ (черкесы. – *Авт.*) в целом привержен магометанской религии менее, нежели князья и уздени, и нет никакого сомнения в том, что народ, если появится к тому возможность, охотно возвратится к своим прежним верованиям, чему всячески препятствуют князья и уздени из боязни того, что Россия может завладеть этим регионом путем налаживания религиозных связей с их подданными.

Вот несколько черкесских обычаев, свидетельствующих о том, что у них существовала христианская религия. Когда они везут груженные арбы или перевозят домой собранную пшеницу, и когда случается так, что они вынуждены в силу каких-то обстоятельств покинуть свои повозки или свои скирды, и им некого оставить посторожить их, они укрепляют деревянный крест на повозке или на скирде в твердом убеждении, что их никто не посмеет тронуть и что их имущество таким образом становится неприкосновенным. У черкесов много праздников в честь Пресвятой Девы, которые падают на те же дни, что и у русских, хотя у них совершенно нет календаря и они определяют день праздников в соответствии со своими обычаями. Они называют четверг днем Малого поста, пятницу – днем Большого поста, а воскресенье – Господним днем, в эти дни они не занимаются какой-либо большой работой. Известно, что часть черкесов соблюдает большой пост, наподобие того, как это делается у русских, после чего у них наступает праздник – такой же, как у русских Пасха. По случаю этого праздника они делают друг другу подарки, едят яйца – это единственный день в году, когда женщины могут молиться Богу вместе с мужчинами. Черкесы называют этот праздник днем появления Бога. Они празднуют также и первый день нового года, почти в то же время, когда это делаем мы. В каждом доме, где еще не окончательно восторжествовал ислам, на одной из стен имеется дощечка, на которую повешено полотенце и поставлен кусочек воска, в каждый праздник черкесы делают свечку, зажигают ее и молятся перед дощечкой, стоя на коленях с непокрытой головой. Когда воск кончается, добавляют еще» [17].

Джеймс Белл – английский политический агент, представлявший наиболее агрессивные круги английской буржуазии, заинтересованные в захвате причерномор-

ских земель, в том числе и Черкесии, в 1837–1839 годы прожил среди черкесов, пытаясь организовать их борьбу против России. Он главным образом жил среди причерноморских племен Черкесии и только наезжал в более восточные области Черкесии, а также к другим черкесским субэтносам, обитавшим по северным склонам Главного Кавказского хребта, между Кубанью и Лабой. Им, по возвращении в Англию, был опубликован дневник, в котором представлен исключительно ценный материал о жизни черкесов первой половины XIX века. Затрагивая вопросы религии черкесов, Белл неоднократно подчеркивает, что в первой половине XIX века у черкесов сохранились ещё элементы христианства.

Он подчеркивает, что одним из особо почитаемых религиозных праздников у черкесов был праздник, посвященный Мерем (матери Христа Марии). «В это время года в течение двух недель совершается праздник, называемый Мерем... Часть церемонии состоит в том, что кучка людей, в то время как они держат в руках пироги с запеченным сыром и раскачивают ими, вместе с окружающими громкими криками взывают к Мерем и просят ниспослать им счастье, здоровье и изобилие во всем. На севере Натухая этот праздник уже не в обычае, за исключением данной местности, но еще распространен на юге и востоке. Черкесы утверждают, что праздник этот установлен в те времена, когда в Черкесии господствовало христианство, в честь матери Христа».

Белл в своем дневнике неоднократно описывает празднование черкесами праздника Мерем. Таким образом, можно утверждать, что часть черкесов даже в первой половине XIX оставалась приверженцем христианской религии. Это подтверждается и другими материалами Белла, в частности, о кресте. «...Сегодня утром (1 октября 1838 года. – *Авт.*) я поехал, чтобы присутствовать на одном из религиозных праздников, который особо возбуждал моё любопытство, частью благодаря своим особенностям, частью благодаря соединению людей обоюдопола, которое бывает обыкновенно в таких случаях... Местом общего собрания опять служил луг в Пшадской долине, где группа почтенных дубов составляла один из естественных храмов, которые возносят душу к почитанию природы. Посредине этой

маленькой роши находился крест, к которому были прислонены другие, изношенные временем, и снова перед ними стояли столы, покрытые хлебом и пастой, принесенные жителями соседних аулов. Я заметил, что многие (но не из приносивших и передававших их мулле) снимали шапки, становились на колени перед крестом и касались лбом земли... Главный священник произносил молитву, простирал правую руку с деревянной чашей (точно же такой формы, какие употребляются у нас в церковных богослужениях), наполненную шуатом, к кресту, а в левой держал пресный хлеб... Жертвы же, а именно теленок, овца и две козы были приведены к кресту, причем каждую жертву держали два человека; над каждой из жертв священник произносил благословение, проливал на голову несколько капель шуата из одной из чаш, ожигая затем несколько волосков на стоящей у подножья дерева, позади креста, горящей восковой свече» [18].

Противоборство двух держав – России и Турции – за сферы влияния на Северный Кавказ, как мы подчеркнули выше, не могло не повлиять на религиозные воззрения черкесов. На протяжении столетий турки проводили огромную работу среди черкесов по внедрению ислама среди них. Эта была политика, направленная на привлечение на свою сторону черкесов. Сказанное выше, что черкесы достаточно долго оставались приверженцами христианства, подтверждается и полевым материалом. И сегодня черкесы, живущие в районе г. Моздока, исповедуют христианство. Их называют «адыгэ-черлистан», т.е. черкесы-христиане.

С усилением феодально-крепостнических порядков внутри России, осложнявшихся развитием капиталистических отношений, меняется политика царизма, который стал ограничивать свободу соседних народов, захватывая земли и воздвигая военные крепости и укрепления, устанавливая жесткое военно-феодалное управление. Ответом на колониальную экспансию явились антиколониальные выступления, которые жестоко подавлялись. Наибольшую остроту эта борьба приняла в XVIII–XIX веках, получив официальное название «Кавказская война». Никакими государственными интересами нельзя оправдать те жертвы, которые понесли в этой войне как народы Северного Кавказа, так и русский народ.

Несмотря на мужество и героизм горцев, ценой своей жизни защищавших свою родину, сломить мощь русской армии они не смогли. «Только культурным развитием края (завоёванной Черкесии. – *Авт.*) можно заглаживать ряд исторических ошибок, благодаря которым мы сначала оттолкнули родственное нам по религии население (черкесов. – *Авт.*), допустили на своих глазах обратить его в мусульманство и фанатически вооружить против нас, а потом десятки лет с ним воевали и закончили почти полным истреблением этого населения и уничтожением созданной им культуры» [19], – писал в начале XX века Л.В. Македонов.

По мере продвижения царских войск создавались военные линии, укрепления, станицы, заселявшиеся казаками и крестьянами из внутренних губерний страны. Между казаками новых станиц, русским населением и местными жителями – черкесами, карачаевцами, абазинами, ногайцами стали устанавливаться дружественные отношения, возник обмен местными товарами, скотом и продуктами земледелия т.д. История не знает ни одного факта противостояния между этими народами на религиозной почве. Многоконфессиональная Карачаево-Черкесская республика живёт, сохраняя нарабатанные веками чувства уважения, доброе отношение друг к другу.

Примечания:

1. Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. (далее – АБКИЕА). Нальчик, 1974. С. 69.
2. АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 235–236.
3. АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 31.
4. АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 38.
5. АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 42.
6. *Интерьяно Д.* Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 47–54.
7. *Дюбуа де Монпере.* Путешествие на Кавказ, к черкесам и абхазцам, в Колхиду, Грузию, Армению и в Крым // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 449.
8. *Кох К.* Путешествие по России и в Кавказские земли // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 625.
9. *Бларамберг И.* Историческое топографическое статистическое этнографическое и военное описание Кавказа. М., 2005. С. 372.
10. АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 161–162.
11. *Лука Д.* Описание Перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 70.
12. *Жак-Виктор-Эдуард Тебу де Мариньи* // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 449–450.
13. *Жак-Виктор-Эдуард Тебу де Мариньи* // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 303–304.
14. *Жан-Шарль де Бесс.* Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Малую Азию и в Константинополь в 1829 и 1830 гг. // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 339–340.
15. *Пейсонель К.* Записки о Малой Черкесии // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 201.

16. *Пейсонель К.* Записки о Малой Черкесии // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 449–450.

17. *Бларамберг И.* Историческое топографическое статистическое этнографическое и военное описание Кавказа. М., 2005. С. 147–148.

18. *Джемс Белл.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 гг. // АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 489–510.

19. *Македонов Л.В.* В горах Кубанского края. Быт и хозяйство нагорной полосы Кубанской области. Воронеж, 1908. С. 204.

Иеромонах Антоний (Малинский)

Июньская «Голгофа» приурупских станиц.

К биографии протоиерея Павла Васильевича Иванова, убитого отрядом Красной армии в 1918 г. [1]

Для исследователя истории Гражданской войны на Кубани до настоящего времени остаются нерешенными вопросы, касающиеся обстоятельств гибели священнослужителей и церковнослужителей, погибших в кровавой бане 1918 года. Для отраденских станиц настоящей Голгофой стал июнь этого года, когда казачьи хаты охватила стихия Троицкого восстания, начавшегося еще в мае в станицах Попутной, Спокойной, Надёжной, Подгорной.

Отрядами большевиков, стремившихся вернуть себе власть над городами и станицами, были «совершены многочисленные и часто бесчеловечные по своей жестокости насилия над целым рядом лиц духовного звания» [2]. Так описывает судьбу духовенства на Ставрополье и Кубани Особая комиссия по расследованию злодеяний большевиков, состоявшая при главнокомандующем вооруженными силами Юга России.

В июне 1918 года в станице Попутная Кубанской области (Отраденский район) красноармейцами был убит протоиерей Павел Васильевич Иванов [3]. Священник родился 22 мая 1858 года в станице Новогеоргиевская Терской области в семье священника Василия Евстигнеевича и Ольги Никифоровны Ивановых. Таинство Крещения над новорожденным было совершено в Троицкой церкви станицы иереем Петром Кичевым, священником Николаевского собора города Георгиевск. Восприемниками Павла стали купец 3-й гильдии города Пятигорск Стефан Николаевич Смирнов и жена губернского секретаря Ефрема Ивановича Пупкова Надежда Васильевна [4].

Отец Павла – священник Василий Иванов – был священническим сыном «из Кавказского линейного казачьего духовенства ... с 1847 г. обучался в духовном училище и в 1854 г. окончил курс ... семинарии» [5].

1 мая 1855 года Василий Евстигнеевич был рукоположен в священники Преосвященным Иоанникием (Образцовым), епископом Кавказским и Черноморским, и назначен в вышеназванную станицу по распоряжению обер-священника Кавказского округа протоиерея Лаврентия Михайловского [6].

В 1858 году в числе других отец Василий был «удостоен бронзовым наперсным крестом на Владимирской ленте» [7]. К моменту рождения Павла в семье уже воспитывалась дочь Александра, родившаяся 23 мая 1856 года. Крестной матерью старшей сестры Павла была также Надежда Васильевна Пупкова [8].

Опираясь на имеющиеся документы, можно утверждать, что в семье отца Василия было девять детей. После Павла у священнической четы родились сыновья Федор (род. ок. 1860 г.) [9] и Петр (род. 25.07.1862 г.) [10], дочери Неонилла (род. ок. 1864 г.) [11], Анна (род. 09.12.1866 г.), Ольга (род. ок. 1870 г.), а также сыновья Константин (род. ок. 1873 г.) [12] и Владимир (род. ок. 1874 г.) [13].

Согласно документам, Александра Васильевна впоследствии вышла замуж за псаломщика Стефана Афанасиевича Хомякова, который в 1877 году служил в Николаевской церкви станицы Чамлыкская. У четы Хомяковых была дочь Александра, упомянутая в этом году уже как покойная [14].

Федор, окончив Ставропольское Духовное училище в 1875 году, был определен псаломщиком в Иоанно-Богословскую церковь станицы Каладжинская [15], а в 1879 году был перемещен в имение Воронцовское [16]. В Послужном списке священника Василия Иванова за 1886 год имеются сведения о том, что «Федор уволен от должности псаломщика и находится при родителях» [17].

Петр по окончании в 1879 году Ставропольского Духовного училища [18] был призван на воинскую службу [19], после чего служил псаломщиком в Покровской церкви станицы Бесстрашная. В семье Петра Васильевича и его супруги Веры Сергеевны (род. 15.09.1865 г.) были дети: Нина

(род. ок. 1882 г.), Валерий (род. ок. 1885 г.), Елена (род. 14.03.1893 г.), Константин (род. 08.05.1895 г.), Александр (род. 20.09.1897 г.), Александра (род. 08.04.1909 г.) [20].

Неонила в 1881 году окончила Ставропольское Епархиальное женское училище и жила с родителями, занимая должность учительницы в церковно-приходской школе [21].

Анна окончила то же учебное заведение в 1882 году и состояла в нем в должности наставницы, а затем вышла замуж за Иоакима Бондаренко, впоследствии ставшего священником [22].

Ольга окончила курс Ставропольского Епархиального женского училища в 1886 году, также жила с родителями, занимая должность учительницы церковно-приходской школы. После она вышла замуж за хорунжего Саввина, в 1902 году уже числилась вдовой, имея детей Серафиму (род. ок. 1891 г.) и Андрея (род. ок. 1893 г.) [23].

Сыновья Константин и Владимир отсутствуют в Послужных списках священника Василия за 1878 и 1886 годы – вероятно, по причине ранней кончины, являя пример высокой детской смертности того времени.

В 1860 году, по определению Грузино-Имеретинской конторы Святейшего Синода, Главным священником Кавказской Армии протоиереем Стефаном Гумелевским отец Василий был перемещен в станицу Солдатскую, куда переехала вся семья Ивановых [24].

В 1863 году семья переезжает в станицу Чамлыкскую, куда отец Василий был переведен к Николаевской церкви. Вероятно, именно в станице Чамлыкской старший из сыновей отца Василий Павел получил начальное образование, после чего поступил в Ставропольское Духовное училище, где обучался на средства отца [25].

В 1874 году Павел поступил в Кавказскую Духовную семинарию, ректором которой в то время был выпускник Санкт-Петербургской Духовной Академии архимандрит Тихон (Троицкий-Донебин).

Имя Павла Иванова имеется в «Классном журнале III класса за 1876–1877 учебный год» [26], Списке учеников 6 класса за 1880 год и Классном журнале за 1879–1880 учебный год [27]. Учебное заведение Павел Иванов окончил 18 июня 1880 года по второму разряду.

После окончания семинарии 19 августа 1880 года определением Преосвященно-

го Исаакия (Положенского), епископа Моздокского, викария Кавказской епархии, Павел Васильевич был назначен псаломщиком в станицу Успенская Кубанской области [28].

24 мая 1881 года Павел Васильевич сочетался браком с Евдокией Иоакимовной [29].

В 1882 году в семье Павла Иванова родился первый ребенок – сын Вячеслав [30]. Ввиду того, что Метрические книги станицы Успенская (Белоглининский район Краснодарского края) не сохранились, установить дату рождения и крещения первенца не удалось.

31 октября 1882 года Преосвященный Герман (Осецкий), епископ Кавказский и Екатеринодарский, рукоположил Павла Васильевича во диакона, а 1 ноября 1882 года – во пресвитера. После хиротонии молодой пастырь был назначен штатным священником в станицу Баговская [31].

18 августа 1883 года в семье отца Павла и матушки Евдокии родилась второй ребенок Надежда [32], которая была крещена 21 августа. Восприемниками младенца стали священник Николай Герасимович Сперанский и родная сестра отца Павла Неонила Васильевна Иванова (согласно документам, «дочь священника станицы Зассовской») [33]. Два года спустя, 4 августа 1885 г., в семье появился третий ребенок – дочь Людмила [34]. Таинство Крещения 9 августа совершил «священник станицы Беслеевской Иосиф Копачевский» [35]. Восприемниками стали священник станицы Царской Георгий Георгиевич Бойко и вновь Неонила Васильевна Иванова [36].

5 октября 1885 года отец Павел стал священником храма святых равноапостольных Константина и Елены станицы Попутная [37], где ему предстояло спустя годы трагически встретить смерть.

Вступив в должность, отец Павел стремился не только совершать положенные богослужения, но и вносить личный вклад в дело народного просвещения. В Ставрополе существовало Андреевское братство, которое специализировалось на просветительских программах Кавказской епархии и способствовало распространению традиции внебогослужебных бесед приходских священников с паствой. Известно, что в 1886 году священник Павел Иванов ввел практику таких собеседований с прихожанами в станице Попутная, получив от братства методическую литературу

на общую сумму 20 рублей [38]. Также священник неукоснительно проповедовал в храме – например, в 1886 году отец Павел «проповедей собственного сочинения произнес 14, а печатных – 44» [39].

Значительный период жизни и деятельности священника был связан с преподаванием. В Послужном списке мы находим сведения о том, что отец Павел Иванов был членом Баталпашинского отделения Ставропольского епархиального училищного совета. В период с 1883 по 1916 г. священник был законоучителем школ Министерства народного просвещения [40], с 1886 г. отец Павел заведовал церковно-приходскими школами.

Несмотря на большую занятость, семья молодого священника разрасталась. 9 августа 1887 года в семье отца Павла появилась четвертый ребенок – дочь Юлия [41], крещенная Иулианией 15 августа того же года. Восприемниками были священник Максим Иванович Сапежко и сестра отца Павла – Ольга Васильевна Иванова.

В 1889 году было получено разрешение консистории на расширение церковной сторожки в Попутной, где помещалась школа грамотности. Реконструкция была произведена на пожертвования урядника Петра Выдры (250 руб.) и казака Карпа Буланщина (100 руб.) [42]. Можно предположить, что, будучи заинтересован в повышении качества образовательного процесса, отец Павел оказал влияние на это событие.

6 марта 1889 года у отца Павла родилась пятый ребенок – дочь Антонина. 8 марта девочку крестили, крестным отцом стал священник станицы Отрадной Максим Иванович Сапежко, крестной матерью стала сестра священника – Неонила Васильевна Иванова [43].

25 марта 1891 года в семье отца Павла родилась шестой ребенок – Лидия [44]. Метрические данные утеряны, поэтому определить дату крещения, имена совершителя Таинства и восприемников не представляется возможным.

Большая семья не мешала деятельности молодого пастыря. Так, в Послужном списке отца Павла за 1891 год имеются сведения о том, что он «проповедей собственного сочинения произнес 10–ть, печатные же произносит неукоснительно. Независимо от сего поучает прихожан своих в небогослужбных собеседованиях, проповедует

каждый праздничный и преимущественно воскресный день. В богослужениях благоговеен, по службе весьма исправен» [45].

Имея таланты приходского священника и педагога, отец Павел за период своей деятельности получил множество наград и поощрений. Так, за усердную службу 30 мая 1890 г. иерей удостоился Архипастырского благословения и признательности, и 2 марта 1892 года Преосвященным Евгением (Шерешиловым), епископом Ставропольским и Екатеринодарским, за усердную службу он был награжден набедренником [46].

Документы подтверждают, что эти награды были заслуженными. Благочинный X округа Кубанской области священник Максим Иванович Сапежко в отчете за 1892 год указывает, что отец Павел Иванов, в числе других ревностных пастырей, отличается «особым достоинством, деятельностью в <...> благочинническом округе, как в назидательных проповеданиях слова Божия, так и в приобретении особого доверия и уважения от прихожан» [47]. В отчете о состоянии церковно-приходских школ за 1893 год Попутненская школа была названа одной из лучших «в учебно-воспитательном отношении» [48].

В Послужном списке за 1891 год имя супруги священника Евдокии Иоакимовны Ивановой внесено в последний раз. В документе за 1892 год священник назван вдовцом. Метрические книги Константино-Еленинской церкви станицы Попутная за эти годы не сохранились, поэтому причина безвременной кончины матушки неизвестна. Вполне вероятно, что трагедией, унесшей жизнь Евдокии Иоакимовны, стала эпидемия холеры, бушевавшей в станице Попутная в 1892 году. Имеющиеся исторические источники позволяют представить масштаб эпидемии: так, в срок с 17 июля по 4 сентября в станице заболели 299 человек, из которых 107 человек скончались [49].

Однако личное горе не сломило священника – после трагических событий он продолжает активную деятельность на пастырском поприще, епархиальные власти доверяли священнику ответственные послушания.

В 1894 году отец Павел был назначен заведующим Окружной Благочиннической библиотекой, проработав в этой должности вплоть до 1916 года [50].

11 августа 1894 года настоятель храма Константина и Елены станицы Попутная

«резолуцией Его Преосвященства, Преосвященнейшего Агафодора, Епископа Ставропольского и Екатеринодарского, утвержден в должности депутата по училищным делам на окружных и епархиальных съездах» [51].

После смерти матушки в жизни отца Павла начались пастырские искушения. Из обвинительного дела по жалобе, поданной урядником станицы Попутной Кириллом Петровичем Адаменко в 1894 году, следует, что священник Павел Иванов был обвинен «во 1-х в том, что ... вымогал плату за совершение приходских треб и грубо обращался с прихожанами, во 2-х в том, что не окрестил у казака ст. Попутной Евдокима Краморова слаборожденных детей двойнят, которые и умерли неокрещенными священником, в 3-х в том, что будто священник Иванов, будучи пьян, венчал казака Стефана Михальцова с казачкой Агафьей Каламойцевой неправильно и брак был неокончен» [52].

Расследованием данного дела по указу Ставропольской Духовной консистории № 379 от 1 сентября 1894 года занимался благочинный 10 округа Кубанской области священник Максим Сапежко [53].

В ходе расследования были опрошены как сам отец Павел, так и многие другие свидетели. Как удалось выяснить в процессе следствия, первый пункт обвинения оказался «ложь и клевета со стороны жалобщика урядника Кирилла Адаменко» [54].

Обвинение в том, что священник Павел Иванов не совершил Крещение детей казака Евдокима Краморова, подтверждается свидетельскими показаниями, однако сам священник вину не признал. В донесении священник Максим Сапежко свидетельствует об отце Павле, что «за всю священническую службу в станице Попутной он никогда не позволял себе подобных упущений по службе, что видно из 20-ти свидетельских показаний, а напротив являл себя всегда примерно-ревностным по службе пастырской» [55].

В деле сохранилось следующее описание произошедшего с описанием действий отца Павла: «по выходе [священника] <...> из церкви <...> бабка (повитуха) казачка Елена Даньшина обращалась с просьбою <...> окрестить младенцев, но в руках их не имела, да и кумовьев не было при ней; поэтому священник Иванов и сказал ей: хо-

рошо, хорошо сделаю то, что ты просишь, полагая, что бабка принесет младенцев к тому времени, когда он возвратится от вдовы. Когда священник возвратился от вдовы Ивановой, то около Церкви не было никого, и <...> никто ему не докладывал о крестинах у Евдокима Краморова; после он возвратился к себе в дом. На другой же день казак Евдоким Краморов, когда заявлял бабке о смерти своих детей, не сказал никакого упрека священнику своему в том, что дети его умерли не крещенными по его вине... Священник Иванов дозволил каз[аку] Евдокиму Краморову похоронить детей, как окрещенных бабушкою, на приходском кладбище. Что дети были крещены бабушкою, она это подтверждает, говоря, что мальчику дала имя Иван, а девочке Анна» [56].

Обвинение в совершении Таинства Венчания в нетрезвом состоянии и в сокращении богослужения отец Павел также не признал. Невинность священника Павла Иванова подтвердил под присягой псаломщик Владимир Миловидов. Согласно документам, свидетели со стороны жалобщиков хоть и утверждают, что «священник венчал выпивши и читал неявственно, но не показывают того, что не все было выполнено по Церковному уставу, указывая на свое незнание в этих делах» [57].

В Постановлении № 4 от 23 сентября 1895 года священник станицы Вознесенской Иоанн Красовский постановил: «следственное дело по жалобе урядника станицы Попутной Кирилла Адаменко и казака Стефана Михальцова и жены его Агафьи на священника Павла Иванова как оконченное <...> ещё 5-го Августа. Однако, по причине «неполучения ещё двух свидетельских показаний: 1.) урядника Василия Золотарева, проживающего в селе Ново-Михайловском, куда было отправлено на имя священника отношение 6 Августа за № 73 и 2.) Подъесаула Ивана Захаркина, служащего в 1-м Черноморском полку, который находится в станице Крымской, куда на имя священника были отправлены мною опросные пункты для снятия показаний по оным с подъесаула Захаркина при моем отношении от 6 Августа за № 74, но ответы от священников ст. Крымской и села Ново-Михайловского до сего времени мною не получены», дело было предоставлено в Ставропольскую Духовную консисторию как неоконченное [58].

Документы, находящиеся в деле на лл. 141–158, находятся в плохом физическом состоянии, поэтому судить о дальнейшем развитии дела мы можем только по документам, датированным уже 1904 годом. Как можно судить, расследование тянулось около десяти лет, но это не помешало священнику ревностно трудиться на пастырском поприще, получать должностные назначения, награды и поощрения. Так, 27 ноября 1895 года отец Павел был «вновь избран на должность депутата» [59].

Немногим ранее, 7 сентября 1895 года Константино-Еленинскую церковь станицы Попутная посетил сам Преосвященный епископ Агафодор. Сохранилось описание визита Преосвященного Агафодора в Попутную его спутником [60]. Согласно свидетельству очевидца: отец Павел «приветствовал Владыку речью, в которой просил его молитв «да вразумит Господь заблудших от пути правого» (из его пасомых) и воссоединит их с болезнующею о них всегда Материю Церковию» ... В ризнице Владыка обратил внимание на особый шкаф с благочиннической противосектантской библиотекой, которою заведует по избранию окружного съезда о. Павел. Библиотека открыта только два года тому назад на средства духовенства благочиния (по 10 р. с причта в год); но в настоящее время имеет важнейшие пособия для борьбы с сектантством и расколом... По выходе из храма Владыка осматривал здание церковно-приходской школы, в церковной ограде выстроенное на средства, изысканные священником... По словам о. благочинного (свящ. Максима Сапезко. – *и.А.*), местное общество казаков долго сопротивлялось постройке школы в ограде, хотя средства для этого были изысканы помимо казаков» [61]. Говоря о позиции казаков в вопросе строительства школы, автор статьи отмечает это как «факт печальный» [62].

После визита Владыки 2 октября 1895 года в Константино-Еленинскую церковь Попутной был назначен «диакон Иоаким Сильвестрович Бондаренко, сын урядника станицы Зассовской» [63]. Окончивший Кубанскую учительскую семинарию, Иоаким Сильвестрович служил в должности народного учителя. Женившись на сестре отца Павла Ольге [64], он был 10 марта 1893 рукоположен к Михаило-Архангельской церкви станицы Зассовская [65]. К

моменту этого назначения в семье диакона было четверо детей.

В начале 1896 года большую семью Ивановых и Бондаренко вновь посетили скорби. 21 января от тифа умер четырехлетний племянник отца Павла Анатолий Бондаренко, который был погребен 22 числа того же месяца [66]. 12 февраля умер от скарлатины и был погребен десятилетний племянник Всеволод Бондаренко [67], а менее чем через неделю, 18 февраля, та же болезнь стала причиной смерти племянника Бориса Бондаренко, который был погребен на следующий день после кончины [68].

15 апреля 1896 года в возрасте 8 лет скончалась от скарлатины дочь отца Павла Иулиания, 16 апреля она была погребена на приходском кладбище [69].

30 апреля 1896 года по предложению епископа Агафодора (Преображенского) духовной консистории за № 3104 отец Павел «по вниманию к отлично усердной и полезной службе» был награжден бархатной фиолетовой скуфьей [70]. Сложно сказать, принесла ли эта награда какое-то утешение скорбящему отцу.

26 июня от скоротечной чахотки в возрасте 14 лет скончался единственный сын священника Вячеслав, погребенный отцом Павлом 28 июня на приходском кладбище [71].

В 1897 году священник был удостоен ряда наград. 3 апреля 1897 года по распоряжению Епархиального совета «за усердную и полезную деятельность» отец Павел был удостоен денежной награды в размере 30 рублей [72]. В этом же году священнику Высочайше была пожалована темно-бронзовая медаль «За участие в народной переписи» (свидетельство № 23036-м от 30 апреля 1897 года). 1 августа иерей «через министра Внутренних дел Всемиловитейше удостоился благодарности Его Величества» [73] за труды во всеобщей переписи населения.

21 сентября 1899 года он вновь был избран на депутатскую должность [74].

24 марта 1898 года за особо усердную и ревностную деятельность на пользу церковно-приходских школ священник получил благодарность Епархиального училищного Совета.

В 1902 году Святейшим Синодом по представлению епископа Агафодора за заслуги по духовному ведомству отец Павел был награжден камилавкой.

В период со второй половины 1902 года до первой половины 1903 года дочь отца Павла Людмила вышла замуж за Феодора Львовича Уманцева, выпускника Ставропольской семинарии, окончившего учебное заведение по второму разряду [75]. До замужества Людмила окончила Ставропольское епархиальное женское училище. Документы свидетельствуют о ее слабом здоровье – так, в Послужном списке отца Павла сказано, что в 1896 году девочка «взята домой для поправления здоровья» [76].

1904 год был наполнен для семьи Ивановых не только радостными, но и полными тревоги и горя событиями.

15 января в семье Уманцевых появился сын Павел, внук отца Павла Иванова [77].

В этом же году в биографии священника Павла Иванова появляются сведения о судимости [78]. По определению епархиального начальства от 21-26 января по делу от 1894 года священник, будучи уличен «в допущении смерти слаборожденных близнецов казака Краморова, покрещенных бабкою <...> и в повенчании супругов Михальцевых с поспешностью и без надевания венцов, присужден к отбытию трехмесячной монастырской епитимии, с запрещением в священнослужении, рукоблагословении, рясоношении, и ношении иерейского креста» [79].

Облик отца Павла в описываемое время позднее карикатурно «изобразил» С.П. Плачинда. По мнению автора повести «Таня Соломаха», батюшка «отбывал сорокадневную епитимию, наложенную архиереем за прелюбодеяние» [80]. Изложенная выше суть обвинительного дела позволяет отвергнуть сведения С.П. Плачинды о характере проступка, повлекшего за собой епитимию в отношении отца Павла.

Недостоверным является указание автора повести о ношении священником «серебряного колечка» на мизинце [81], так как священнослужители традиционно не носили на руках украшений, включая обручальные кольца. Достоверным в повести можно считать разве что описание внешности отца Павла Иванова, который назван «тучным» [82] с рыжими волосами. На фотографии, найденной жителями станицы Попутной, помимо представителей станичного общества изображен священник, внешний вид которого схож с описанием у С.П. Плачинды.

Священник просил Епархиальное начальство о сокращении срока епитимии и о невнесении судимости в его формулярный список, однако в ответ на прошение ему было отказано [83].

Во исполнение указа Ставропольской Духовной консистории от 4 июня 1904 за №14635 настоятель Свято-Александровской Зеленчукской общежительной пустыни архимандрит Ефрем в рапорте от 14 июня 1904 года за № 274 пишет о том, что отец Павел «во все время прохождения епитимии вел себя безукоризненно, аккуратно посещая богослужения и участвуя в церковном чтении и пении. В обращении с братиею отличался скромностью и вежливостью» [84].

К сожалению, сохранившиеся документы не позволяют утверждать, принимал ли отец Павел участие в похоронах своего отца, священника станицы Келермесской иерея Василия Иванова, скончавшегося 10 мая 1904 года [85].

1 июля 1904 года был почислен за штат брат отца Павла, псаломщик Покровской церкви станицы Бесстрашная Кубанской области Петр Васильевич Иванов, прослужив на названном приходе с 1879 года (он был назначен в Покровский храм сразу после окончания Ставропольского духовного училища).

Известно, что 12 июля 1904 года отец Павел принял участие в юбилейных торжествах по случаю 50-летия служения в священном сане протоиерея Максима Ивановича Сапежко, настоятеля храма Рождества Пресвятой Богородицы станицы Отрадная. Священником Павлом Ивановым была произнесена речь, в которой он «от избытка сердца, излил в довольно-пространной и поэтической картине воодушевлявшие его чувства любви и признательности к виновнику торжества» [86].

Вероятно, после кончины родителя протоиерей Максим заменил священнику отца, будучи не только его духовником, но и крестным отцом его дочери.

18 ноября того же 1904 года за добросовестное отношение к церковно-школьному делу и неустанное попечение о школах отец Павел был удостоен благодарности Баталпашинского отделения [87].

14 мая 1905 года дочь отца Павла Антонина Павловна Иванова получила аттестат № 277 Ставропольского епархиального

женского училища. Начальством учебного заведения Антонина была охарактеризована «при отличном поведении» как показавшая успехи: «по священной истории ветхаго и новаго заветов отличные, по православному катехизису отличные, по церковному богослужению отличные, по церковной истории общей и русской отличные, по русскому языку с церковно-славянским весьма хорошие, по теории словесности весьма хорошие, по истории русской словесности весьма хорошие, по истории русской литературы отличные, по географии общей и русской отличные, по математической географии отличные, по арифметике отличные, по геометрии отличные, по дидактике отличные, по физике отличные, по церковному пению хорошие, по чистописанию отличные, по черчению отличные, по музыке отличные; сверх того, в продолжении училищного курса обучалась рукоделию и кулинарному искусству» [88].

По окончании Епархиального училища Антонина Павловна с 1905 по 1906 гг. слушала курс VII дополнительного класса Ставропольского епархиального женского училища, где помимо прочих дисциплин изучала предметы по естествознанию и гигиене, показав отличные результаты. 13 мая 1906 года ей было выдано свидетельство домашней учительницы [89].

Ранее Антонины образование получила дочь отца Павла Надежда. В Послужном списке священника за 1896 год имеются сведения об обучении Надежды Павловны в Ставропольском епархиальном женском училище. Окончание курса подтверждают материалы Государственного Архива Краснодарского края: в документах Попутного начального училища среди педагогического состава значится Надежда Павловна Иванова, которая согласно сведениям о личном составе служащих окончила епархиальное училище, основанием для преподавания назван полученный ею статус домашней учительницы [90].

В 1906 году отец Павел был назначен на должность духовника X округа Кубанской области, исполняя данное послушание до 1914 года.

1906 годом датирован документ Государственного Архива Ставропольского края «О перемещении священника Павла Иванова из прихода станицы Попутной за неблагоприятные поступки». Данный доку-

мент плохо сохранился. Из приговора № 92 сбора должностных и выборных лиц станицы следует, что у отца Павла был конфликт со станичниками, которых он, согласно документу, оскорбил в храме. По мнению подписавшихся жителей станицы, священника надлежало перевести в другое место, поскольку только «этим можно успокоить ... общество» [91]. Каким образом удалось преодолеть конфликт, не представляется возможным выяснить, однако отец Павел продолжил свою пастырскую деятельность в Попутной.

Вероятно, в 1907 году в Дирекцию народных училищ было направлено Ходатайство об удалении отца Павла от законоучительства в двухклассном училище станицы Попутная. В ответ на запрос дирекции от 3 декабря 1907 года, архиепископ Ставропольский и Екатеринодарский Агафодор пишет, что «епархиальное начальство не находит возможным исполнить ни в чем не основанное желание общества станицы Попутной об удалении законоучителя двухклассного училища, священника Павла Иванова от участия в учрежденном при названном училище школьном попечительстве», вместе с тем архиерей считал необходимым предупредить «священника Павла Иванова, что, если он окажется в чем-либо виновным, будет привлечен к ответственности» [92].

Вслед за подачей и рассмотрением данного ходатайства отец Павел получает ряд наград. Так, 22 августа 1908 года за особое усердие и ревность в деле благоустройства церковных школ он был удостоен Архипастырского благословения и грамоты.

2 мая 1911 года за особые труды, усердие и ревность по благоустройству местных церковно-приходских школ Святейшим Синодом священник был награжден Библией.

С 1911 по 1915 год отец Павел был председателем школьного попечительства школ Министерства Народного Просвещения станицы Попутная [93].

Перечисленные награды по линии школьного ведомства позволяют полагать, что вышеупомянутая «вина» отца Павла не была доказана.

В период с середины 1906 до второй половины 1908 года дочь отца Павла Лидия вышла замуж за выпускника Ставропольской духовной семинарии Василия

Даниловича Погуляева. 25 ноября 1910 года у молодой семьи родилась дочь Людмила.

Деятельное участие отец Павел принимал в деле просветительской миссии. В Известиях Ставропольских Епархиальных ведомостей сообщается, что в «Ставрополе открыт Епархиальный Комитет Православного Миссионерского Общества с целью содействовать обращению в христианскую веру находящихся в епархии язычников и магометан... Для осуществления этих высоких целей Православного Миссионерского Общества необходимо деятельное сочувствие православных христиан... причем лицам, изъявившим желание вносить ежегодно в пользу Общества не менее трех (3) рублей, присвоится звание действительных членов Миссионерского Общества» [94]. Далее приводится список всех внесших свое пожертвование на нужды вышеназванного общества, среди которых священник Павел Иванов, пожертвовавший на дело миссии 3 рубля.

В «Послужном списке» за 1908 год имеются сведения, что отец Павел «в течение пастырской деятельности своей обратил на путь правый из хлыстовства 14 и из штундизма 4 лица...» [95]. В борьбе со станичным сектантством отцом Павлом из числа прихожан были воспитаны усердные единомышленники. В фондах Государственного Архива Ставропольского края имеется удостоверение, которое отец Павел выдал Феодору Яковлевичу Ивахнику, свидетельствуя, что он «искренний ревнитель православия, усердный посетитель храма, преданный сын церкви, человек высокой нравственности и благочестивой настроенности» [96]. Под «руководством и надзором» [97] отца Павла Федор Ивахник выступал в устной беседе с местными сектантами.

Указом Святейшего Синода от 20 мая 1909 года за № 6907, на основании положительных характеристик начальства, судимость отца Павла было признано «не считать препятствием к награждению его установленными для духовенства знаками отличия» [98].

22 ноября 1912 года семью священника постигло горе – скончался его зять, священник станицы Бесскорбная иерей Василий Погуляев [99], оставив свою дочь Людмилу на попечение отца Павла, в доме которого она проживала после смерти отца [100].

6 мая 1913 года Святейшим Синодом за заслуги по духовному ведомству священник Павел Иванов был награжден правом ношения наперсного креста [101].

В связи с переименованием 2-классного училища Министерства Народного Просвещения станицы Попутной в Высшее Начальное училище 25 августа 1913 года отцом Павлом Ивановым был подан рапорт на имя инспектора народных училищ о назначении его законоучителем переименованного учебного заведения. 20 сентября 1913 года рапорт священника был удовлетворен [102].

Будучи законоучителем Попутненского Высшего Начального училища [103], отец Павел имел попечение не только об умах воспитанников, но и об их душах. Известно, что отец Павел не только нес труды педагога, но и делал подарки на нужды училища, в деле священника есть благодарность директора «за подаренные им три иконы» общей стоимостью 4 руб. [104].

Помимо указанных наград протоиерей Павел Иванов имел знак на Владимирской ленте и светло-бронзовую медаль в память юбилейного года 300-летия дома Романовых; серебряную медаль в память 20-летия церковно-приходских школ и серебряную медаль на Александровской ленте в память Императора Александра III.

К 1915 году отец Павел имел свой дом в станице Попутная, проживая в нем с семьей. Вероятно, с отцом Павлом проживали: Лидия, вдова покойного священника Василия Погуляева; Надежда, учительница одноклассного училища Министерства Народного Образования станицы Попутная; младшая дочь Антонина, учительница в Высшем начальном училище станицы Попутная. Достоверно известно также, что с отцом Павлом проживала его внучка, дочь отца Василия Погуляева Людмила [105].

Жалование отец Павел получал из сумм Кубанского казачьего войска [106].

В Наградном списке священника Павла Иванова из фондов Российского государственного исторического архива (далее – РГИА) содержатся данные о том, что епархиальное начальство представляло отца Павла к награждению орденом Святой Анны 3-й степени [107]. Список был составлен 31 января 1917 года. Награждению, скорее всего, помешали революционные события и отречение Императора Николая II от престола.

К моменту своей смерти в 1918 г. отец Павел был удостоен сана протоиерея. Отсутствие сведений о данном награждении в Канцелярии Святейшего Правительствующего Синода, по мнению сотрудников РГИА [108], свидетельствует о том, что священник был удостоен данной награды после упразднения Святейшего Синода в феврале 1918 года, то есть незадолго до своей трагической кончины.

Сведения о событиях, связанных с его кончиной, содержатся в ряде источников, имеющих некоторые разночтения.

Так, согласно списку убитых священников, хранящемуся в Государственном Архиве Российской Федерации, отец Павел был убит 8 июня 1918 года [109], однако запись метрической книги Константино-Еленинской церкви станицы Попутная свидетельствует о том, что трагическое событие произошло 9 июня [110]. Данные последнего источника подтверждает «Дело дирекции народных училищ Кубанской области о службе законоучителя Попутного высшего начального училища о. Павла Иванова», где сказано, что он был убит большевиками 9 июня 1918 г. [111].

По сведениям из источников Государственного Архива Российской Федерации, священник высказывался о том, что «красные ведут Россию к гибели» [112].

В сопроводительном рапорте инспектора Попутненского Высшего училища на ходатайство дочери Антонины Павловны Ивановой от 17 июля 1919 года о выдаче ей жалования, причитающегося за 1918 год её отцу [113], сказано, что «убитый большевиками ... протоиерей Павел Иванов был не удовлетворен пятилетками, которых имел четыре, с 1 января по 9 июня 1918 года» [114].

Что имел в виду чиновник, говоря о «пятилетках», не ясно, скорее всего, речь шла о неких материальных контрибуциях, накладываемых на священников отрядами красноармейцев. Подобные контрибуции налагались на священников соседней станицы Удобной, о чем свидетельствуют архивные документы. Так, «карательным отрядом была наложена на станицу (Удобную. – и.А.) контрибуция в размере 150 000 руб. В этом числе со свящ. Успенской церкви Александра Острикова взять 5000 р., со свящ. Ф. Березовского 2000 р.» [115].

Если основываться на этом предположении, то следует признать, что убийство священника было связано, прежде всего, с материальными интересами новой власти.

Архивные документы свидетельствуют не только о крепких связях отца Павла со станичниками, но также о том, что он получал доход из бюджета Кубанского войска. Все это, по-видимому, делало отца Павла врагом нового политического строя в глазах красноармейцев.

Нет согласия среди источников и в отношении других деталей самой трагедии.

В источниках Государственного Архива Российской Федерации значится, что священник «был заколот» [116]. Подтверждает этот факт и автор повести «Таня Соломаха» С.П. Плачинда, который описывает момент убийства священника таким образом: «Таня, закусив до крови нижнюю губу, взмахнула саблей... Удар был резкий, с потягом..., и отец Павел грохнулся в пыль...» [117].

Автор повести приписывает отцу Павлу авторство «анафемы от кубанского священства большевикам» [118], документально оформленную в соавторстве с «дьячком Леонидом», под которым, вероятнее всего, воспринимался священник Леонид Воскресенский, поскольку другого священнослужителя или церковнослужителя под этим именем в Попутной не было.

Жители станицы Попутная, сохранившие воспоминания своих предков о гибели протоиерея Павла, утверждают, что священник был расстрелян. По сведениям настоятеля храма святых равноапостольных Константина и Елены протоиерея Иоанна Жеботинского священник был расстрелян на пороге дома Гапоненко, где прятался от отряда Красной армии [119].

По сведениям Л.П. Потаповой (Клименко), протоиерей Павел был убит у храма. «После подавления Троицкого восстания в церкви шла служба. Вошли трое красноармейцев с винтовками. Сообщили отцу Павлу, что пришли его убивать. Дослужив литургию и в проповеди простившись с прихожанами, священник вышел на улицу. Спустившись со ступенек и немного отойдя, он повернулся лицом к храму. Красноармейцы расположились напротив, на ступеньках, спиной к храму, подняли винтовки и дали один за другим два залпа, после которых протоиерей продолжал стоять. Лишь

после третьего он упал на колени, как бы отдавая поклон храму. После четвертого залпа священник наклонился так, что коснулся лбом земли. Таким образом, он отдал второй поклон храму» [120].

Из сведений, которые сохранили в памяти местные жители, отец Павел перед смертью успел совершить последнюю Божественную Литургию [121]. Данные сведения архивными источниками не подтверждаются.

Похоронен отец Павел был в тот же день, 9 июня 1918 года [122]. По воспоминаниям местных жителей, хоронили отца Павла, соблюдая конспирацию. По сообщению отца Иоанна Жеботинского, погребальная процессия прошла к кладбищу через реку Бей-Мурза-Чехрак, прячась среди стада коров. По сохранившимся преданиям похоронен священник был в одной могиле с расстрелянным в тот же день купцом Дудка, по воспоминаниям местных жителей, довольно достойным человеком. Занявшие станицу представители белого движения позволили перезахоронить отца Павла на храмовом погосте. Вскрыв могилу, очевидцы увидели нетленное тело убитого протоиерея.

Приведенные здесь устные предания требуют некоторых документальных поправок. Так, под именем купца Дудки в метрической книге записей об умерших за 1918 год Константино-Еленовской церкви станицы Попутной значится убитый отрядом большевиков крестьянин Курской губернии Федор Иванович Дудкин. Он не мог быть похоронен в одной могиле с отцом Павлом, поскольку дата его погребения 10 июня 1918 года – то есть на следующий день после убийства и погребения священника [123].

Из воспоминаний Л.П. Потаповой (Клименко) следует, что «во время подавления Троицкого восстания погиб командир Красной Армии отряда Я. Балахонова. Для его похорон красноармейцам нужна была бричка и упряжь для двух лошадей» [124]. Казак Харитон Клименко через сына Александра, писаря красноармейского отряда, предложил красноармейцам доставить тело красного командира на кладбище.

«Пока красноармейцы у могилы ждали тело командира, казаки привезли священника. К этому времени наступили сумерки, похороны состоялись быстро, с

большими воинскими почестями. Уловка красными не была распознана, тем более, что в этот момент разведка донесла, что к окраине Попутной со стороны Отрадной подходят белоказаки, и красноармейцам нужно было срочно ринуться в бой. Тем временем Харитон вместе с казаками спешно перебрался к месту другой могилы, предназначенной для священника, и они захоронили в ней привезенного на этой же бричке красного командира» [125].

Семья отца Павла после его трагической гибели, по всей видимости, покинула станицу Попутную. В фондах Государственного архива Краснодарского края сохранилось заявление Антонины Павловны Ивановой от 17 июля 1919 года на имя инспектора высшего начального училища станицы Попутной с ходатайством о выдаче ей жалования, причитающегося отцу Павлу за 1918 год. В данном документе Антонина Павловна называет себя учительницей Новороссийского 4-го высшего начального училища (училище находилось в Мефодиевском посёлке на углу улиц Салтыковской и Новобазарной) [126]. Новороссийск в указанный период находился под властью белогвардейцев.

Дальнейший жизненный путь многочисленных родственников отца Павла требует тщательных исследовательских поисков.

Примечания:

1. Часть материалов была ранее опубликована в общественно-политической газете Отраденского района Краснодарского края: Антоний (Малинский), иеромонах. Июньская «голгофа» Отраденских станиц // Сельская жизнь [Общественно-политическая газета Отраденского района Краснодарского края]. 2016. 28 июня. № 77.

2. Красный террор в годы Гражданской войны: По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / Под ред. д.и.н. Ю. Фельштинского и Г.Чернявского. М.: ТЕРРА Книжный клуб, 2004. С. 81.

3. Архивный отдел администрации муниципального образования Отраденский район Краснодарского края (далее – АООР). Ф. 303. Оп. 1. Д. 56. Л. 179об.–180; Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 470. Оп. 2. Д. 10. Л. 150; ГАРФ. Ф. 470. Оп. 2. Д. 10. Л. 230; ГАРФ. Ф. 470. Оп. 2. Д. 26. Л. 4об.–5.

4. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 135. Оп. 78. Д. 276А. Ч. 2. Л. 469об.–470.

5. ГАСК. Ф. 135. Оп. 17. Д. 1080. Л. 519об.

6. ГАСК. Ф. 135. Оп. 60. Д. 485. Л. 110об.

7. ГАСК. Ф. 135. Оп. 19. Д. 894. Л. 606об.

8. ГАСК. Ф. 135. Оп. 78. Д. 276А. Ч. 2. Л. 277об.–278об.

9. ГАСК. Ф. 135. Оп. 31. Д. 613. Л. 82об.

10. ГАСК. Ф. 135. Оп. 72. Д. 165. Л. 118об.

11. ГАСК. Ф. 135. Оп. 31. Д. 613. Л. 82об.

12. ГАСК. Ф. 135. Оп. 34. Д. 609. Л. 182об.–183 об.

13. Там же.

14. ГАСК. Ф. 135. Оп. 35. Д. 411. Л. 156об.–159.

15. ГАСК. Ф. 135. Оп. 34. Д. 609. Л. 2012об.

16. ГАСК. Ф. 135. Оп. 36. Д. 673. Л. 210об.
17. ГАСК. Ф. 135. Оп. 44. Д. 761. Л. 292об.
18. ГАСК. Ф. 135. Оп. 72. Д. 165. Л. 118об.
19. ГАСК. Ф. 135. Оп. 44. Д. 761. Л. 216об.
20. ГАСК. Ф. 135. Оп. 72. Д. 165. Л. 118об.
21. ГАСК. Ф. 135. Оп. 44. Д. 761. Л. 293об.
22. Там же.
23. Там же.
24. ГАСК. Ф. 135. Оп. 19. Д. 894. Л. 606 об.; ГАСК. Ф. 135. Оп. 60. Д. 485. Л. 110об.
25. ГАСК. Ф. 135. Оп. 31. Д. 613. Л. 88об.
26. ГАСК. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1838. Л. 1.
27. ГАСК. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1876. Л. 1.
28. ГАСК. Ф. 135. Оп. 58. Д. 471. Л. 33, 35об.–40.
29. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. 470. Оп. 2. Д. 3476. Л. 11.
30. ГАСК. Ф. 135. Оп. 49. Д. 251. Л. 25об.
31. ГАСК. Ф. 135. Оп. 44. Д. 761. Л. 22об.
32. АОАМР. Ф. Р.-123. Оп. 1. Д. 2. Л. 178.
33. Там же.
34. Архивный отдел администрации муниципального образования Мостовской район Краснодарского края (далее – АОАМР). Ф. Р.-123. Оп. 1. Д. 3. Л. 58. В послужном списке супруга Людмилы Павловны священника Феодора Львовича Уманцева как дата рождения Людмилы значится 1 января 1885 года (См.: ГАСК. Ф. 135. Оп. 73. Д. 877. Лл. 174, 176 об.–177 об.). Данные этого источника противоречат сведениям Метрической книги, и их, вероятно, нужно признать ошибочными.
35. АОАМР. Ф. Р.-123. Оп. 1. Д. 3. Л. 58.
36. Там же.
37. ГАСК. Ф. 135. Оп. 73. Д. 1245. Л. 59–61.
38. Ставропольские Епархиальные ведомости. 1887. № 1. С. 15.
39. ГАСК. Ф. 135. Оп. 44. Д. 761. Л. 22об.
40. Законоучителем Попутненского народного училища отец Павел был назначен 12 декабря 1885 года. См.: Кавказские Епархиальные ведомости. 1886. № 1. С. 8.
41. АОАМР. Ф. 303. Оп. 1. Д. 31. Л. 42об.–43.
42. Там же.
43. АОАОР. Ф. 303. Оп. 1. Д. 33. Л. 17об.–18.
44. ГАСК. Ф. 135. Оп. 49. Д. 251. Л. 25об.
45. ГАСК. Ф. 135. Оп. 49. Д. 251. Л. 26.
46. ГАСК. Ф. 135. Оп. 73. Д. 1245. Л. 59–61.
47. ГАСК. Ф. 135. Оп. 50. Д. 655. Л. 220.
48. Ставропольские Епархиальные ведомости. 1894. № 1. С. 27.
49. Кубанские областные ведомости. 18 июля 1892 г. № 29; 25 июля 1892 г. № 30; 1 августа 1892 г. № 31; 8 августа 1892 г. № 32; 15 августа 1892 г. № 33; 22 августа 1892 г. № 34; 29 августа 1892 г. № 35; 5 сентября 1892 г. № 36; 19 сентября 1892 г. № 38.
50. ГАСК. Ф. 135. Оп. 73. Д. 1245. Л. 59–61.
51. ГАСК. Ф. 135. Оп. 58. Д. 471. Л. 36об.
52. ГАСК. Ф. 135. Оп. 52. Д. 365. Л. 138.
53. ГАСК. Ф. 135. Оп. 52. Д. 365. Л. 10–11об.
54. ГАСК. Ф. 135. Оп. 52. Д. 365. Л. 138об.
55. Там же.
56. ГАСК. Ф. 135. Оп. 52. Д. 365. Л. 139.
57. ГАСК. Ф. 135. Оп. 52. Д. 365. Л. 139об.
58. ГАСК. Ф. 135. Оп. 52. Д. 365. Л. 140.
59. Там же.
60. Ставропольские Епархиальные ведомости. 1895. № 19. С. 977–978.
61. Там же.
62. Там же.
63. ГАСК. Ф. 135. Оп. 58. Д. 471. Л. 39.
64. В августе 1887 года Ольга названа ещё незамужней девицей.
65. ГАСК. Ф. 135. Оп. 58. Д. 471. Л. 33, 35об.–40.
66. АОАОР. Ф. 303. Оп. 1. Д. 37. Л. 148об.–149.
67. АОАОР. Ф. 303. Оп. 1. Д. 37. Л. 152об.–153.
68. АОАОР. Ф. 303. Оп. 1. Д. 37. Л. 154об.–155.
69. АОАОР. Ф. 303. Оп. 1. Д. 37. Л. 165–166об.
70. ГАСК. Ф. 135. Оп. 73. Д. 1245. Л. 59–61; Ставропольские Епархиальные ведомости. 1896. № 9. С. 452.
71. АОАОР. Ф. 303. Оп. 1. Д. 37. Л. 175–176об.
72. ГАСК. Ф. 135. Оп. 73. Д. 1245. Л. 59–61.
73. ГАСК. Ф. 135. Оп. 58. Д. 471. Л. 33, 35об.–40.
74. ГАСК. Ф. 135. Оп. 58. Д. 471. Л. 36об.
75. ГАСК. Ф. 135. Оп. 73. Д. 877. Л. 176об.–177об.
76. ГАСК. Ф. 135. Оп. 54. Д. 404. Л. 39.
77. ГАСК. Ф. 135. Оп. 73. Д. 877. Л. 174, 176об.–177об.
78. ГАСК. Ф. 135. Оп. 73. Д. 1245. Л. 59–61.
79. ГАСК. Ф. 135. Оп. 52. Д. 365. Л. 159.
80. *Плачинда С.П.* Тая Соломаха. М.: Молодая гвардия, 1961. С. 28.
81. Там же.
82. Там же.
83. ГАСК. Ф. 135. Оп. 52. Д. 365. Л. 159об.
84. Там же. Л. 170.
85. Ставропольские Епархиальные ведомости. 1904. № 13. С. 712, 716.
86. Ставропольские Епархиальные ведомости. 1904. № 16. С. 952.
87. ГАСК. Ф. 135. Оп. 73. Д. 1245. Л. 59–61.
88. ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 3455. Л. 4.
89. Там же. Л. 3.
90. ГАКК. Ф. 472. Оп. 1. Д. 15. Л. 216.
91. ГАСК. Ф. 135. Оп. 64. Д. 647. Л. 49, 50.
92. ГАСК. Ф. 135. Оп. 65. Д. 1673. Л. 8–9.
93. ГАСК. Ф. 135. Оп. 79. Д. 1245. Л. 59–61.
94. Ставропольские Епархиальные ведомости. 1900. № 11. С. 622–624.
95. ГАСК. Ф. 135. Оп. 66. Д. 649. Л. 40.
96. ГАСК. Ф. 439. Оп. 1. Д. 66. Л. 4.
97. Там же.
98. ГАСК. Ф. 135. Оп. 73. Д. 1245. Л. 59–61.
99. Ставропольские Епархиальные ведомости. 1912. № 50. С. 1678.
100. ГАСК. Ф. 135. Оп. 73. Д. 1245. Л. 59–61.
101. Там же.
102. ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 3476. Л. 1–5.
103. Там же. Л. 1–8, 10–13; ГАСК. Ф. 135. Оп. 73. Д. 1245. Л. 59–61.
104. ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 3476. Л. 7–8.
105. Там же.
106. Там же.
107. Российский Государственный Исторический архив (далее – РГИА). Ф. 796. Оп. 446. Д. 117. Л. 98–99.
108. Информационное письмо РГИА № 4212 от 19.10.2016 г. Л. 1–2.
109. ГАРФ. Ф. 470. Оп. 2. Д. 10. Л. 150.
110. АОАОР. Ф. 303. Оп. 1. Д. 56. Л. 179об.–180.
111. ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 3476. Л. 13.
112. ГАРФ. Ф. 470. Оп. 2. Д. 10. Л. 230; ГАРФ. Ф. 470. Оп. 2. Д. 25. Л. 4об.–5.
113. ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 3479. Л. 1.
114. ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 3476. Л. 13.
115. ГАРФ. Ф. 470. Оп. 2. Д. 10. Л. 216.
116. Там же.
117. *Плачинда С.П.* Указ. соч. С. 139.
118. Там же. С. 130.
119. Опросный лист прот. Иоанна Жеботинского // Архив Комиссии по канонизации святых Армавирской епархии. Дело протоиерея Павла Васильевича Иванова (1868–1918 гг.). Л. 1–2.
120. Тайны семьи Клименко // Сельская жизнь [Общественно-политическая газета Отраденского района]. 2014. 1 июля. С. 3.
121. Опросный лист прот. Иоанна Жеботинского... Л. 1–2; Тайны семьи Клименко... С. 3.
122. АОАОР. Ф. 303. Оп. 1. Д. 56. Л. 179об.–180.
123. АОАОР. Ф. 303. Оп. 1. Д. 56. Л. 179об.–180.
124. Тайны семьи Клименко... С. 3.
125. Там же.
126. ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 3479. Л. 1.

Клировые ведомости станиц Удобной и Спокойной за 1914 г.

Публикация А.В. Бабича, С.Г. Немченко

В 2015 году, в выпуске III Отрадненских историко-краеведческих чтений, вышла публикация, посвященная православным приходам Отрадненского благочиния Краснодарской и Кубанской епархии в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и в послевоенный период.

В настоящем номере сборника представлен материал по станицам Удобной и Спокойной. В 2016 году С.Г. Немченко в Государственном архиве Ставропольского края были выявлены Клировые ведомости упомянутых станиц, которые и предлагаются вниманию читателей как дополнение к публикации 2015 года.

КЛИРОВАЯ ВЕДОМОСТЬ молитвенного дома во имя Успения Пресвятой Богородицы станции Удобной Кубанской области Ставропольской епархии за 1914 год⁴

I. Ведомость о церкви Успенской, состоящей в Баталпашинском отделе Кубанской области Ставропольской епархии в станице Удобной за 1914 год

1. *Молитвенный дом построен* в 1912 году тщанием прихожан станицы Удобной. Стоимостью с колокольной и иконостасом 4000 рублей.

2. *Зданием* молитвенный дом деревянный на каменном фундаменте, покрытый железом. Колокольня отдельно на столбах, крыта железом.

3. *Престолов* в нем один во имя Успения Божией Матери.

4. *Утварию* не достаточна.

5. *По штату при ней положены:* 2 священника, 1 диакон, два псаломщика и просфорня.

6. *Жалования положено:* старшему священнику 200 рублей 70 копеек от Кубанского войска.

7. *Кружечных доходов за 1914-й год*

получено: 2340 руб.

8. *Другие источники содержания членов причта и количество поступающего от них дохода:* за законоучительство в школах М.Н.П.⁵ один священник получает 120 руб., а другой 75 руб.

9. *Земли при церкви состоит:* усадебной нет, вместе с погостом церковным – десят., пахотной 150 десятин – квадрат. саж., сенокосной 22 десят. – квадрат. саж., в расстоянии 18 верст от церкви. Всего 172 десят. – квадрат. саж. Земля отведена приговором общества от 22 февраля 1909 г. за № 28, согласно положению Военного Совета от 17 декабря 1875 г.; плана межевой книги на церковную землю не имеется.

10. *Качество церковной земли:* 150 десятин удобной и 22 неудобной.

11. *Средний доход ею приносимый:* – сдана в аренду по домашнему условию на один год по 6 р. 25 к. за десятину, а всего за 1075 руб.

12. *Дома для священно и церковнослужителей на церковной усадебной земле* в – год, и составляет собственность –.

Другие здания, принадлежащие церкви: Дома: у старшего священника собственный, деревянный, построенный на усадьбе общества, церкви принадлежат здания: церковный дом деревянный, крытый железом с деревянными крытыми железом сараем, амбаром, баней и погребом, пожертвованные по завещанию диаконом Михаилом Николаевым, построенные на станичной общественной усадьбе; церковно-приходская школа, деревянная, крытая железом, и церковная сторожка, деревянная, крытая железом.

13. *Состояние домов:* в хорошем состоянии, но требуется покраска крыш церковной школы и дома священника с надворными постройками.

14. *Расстоянием сия церковь от консистории* в 120 верстах, от местного благочиния в станице Зеленчукской в 45 верстах, от уездного города Баталпашинска в 45 верстах, от почтово-телеграфной станции в 22 верстах; почтовый адрес церкви: Удобное почтовое отделение Кубанской области.

15. *Ближайшие к сей церкви:* Михайло-Архангельская в ст. Надежной в 15 верстах и Дмитриевская станицы Передовой в 10 верстах.

⁴ История прихода опубликована в сборнике: Отрадненские историко-краеведческие чтения. Выпуск. III / Армавир – Отрадная. 2015. С. 155–156.

⁵ Министерство Народного Просвещения.

16. *Приписанных к сей церкви церквей, часовен – нет.*

17. *Домов кладбищных и молитвенных домов, к сей церкви приписанных нет.*

18. *Опись церковному имуществу заведена с 1912 года, хранится в целости, проверена в 1914 году.*

19. *Приходо-расходные книги о суммах свечной и церковной за шнуром и печатью, Духовной консисторий даны за № 45300 – 1912 года, ведутся исправно и хранятся в целости.*

20. *Копии с метрических книг хранятся в целости с 1893 года по 1907 и 1912, 1913 и 1914 гг.*

21. В обыскной книге, выданной в 1914 году, апреля 17 дня, за шнуром и печатью, 46 писанных листов, 154 не писанных.

22. *Исповедные росписи находятся в целости с 1912 года.*

23. *Книги, до церковного круга подлежащие, имеются в достаточном количестве.*

В церковной библиотеке находится книг, для чтения предназначенных, нет.

24. *Церковные деньги в целости за ключом ктитора и печатью церковною. Неподвижной суммы состоит в кредитных учреждениях 1000 рублей – коп., а билет находится в целости за № 53512 на 53512 и 7301 р. в Баталпашинской сберегательной кассе, по книжкам на имя церкви станицы № 682, № 106 и № 6639.*

25. *Имеющиеся в приходе школы одна церковно-приходская, смешанная; одна мужская при 4 классах станичная М.Н.П.; одна женская Екатеринодарского благотворительного общества; учреждены: церковно-приходская в 1897 г., мужская в 1885 г. и женская в 1898 г.*

Церковная школа помещается в доме собственном, на содержание ее отпускается от церкви 50 рублей и от родителей учеников 94 руб. – коп. В сем году в ней обучается 37 мальчиков [и] 14 девочек.

26. *При церкви состоит старостой церковным казак Алексей Капустян, который должность свою проходит с 1913 года.*

27. *Преосвященный в последний раз посетил приход в 1899 году.*

II. Послужные списки священно-церковно-служителей с их семействами и церковных старост, и сведения о вдовах и сиротах, подведомственных церкви⁶

Сан, чин или звание, должность, имя отчество, фамилия, лета от роду; когда и чем награжден и сколько получает содержания из казны и из других источников, и каких именно.

Священник Александр Михайлов **Остриков**. сын священника села Кириллова Тульской губернии, родился в 1868 г. 9 апреля. 29 ноября 1893 г., постановлением Ставропольского епархиального Училищного Совета, за усердие и отличное ведение школьного дела выражена благодарность со внесением в формуляр.

9 апреля 1902 г. за усердное исполнение пастырских обязанностей награжден набедренником.

2 апреля 1906 г. ко вниманию к отлочно-усердной пастырской службе награжден фиолетовой скуфьей. Определением Святейшего Синода от 14-го марта 1912 г. за № 2280 за усердное пастырское служение награжден камилавкой.

Имеет серебряные медали: в память царствования Императора Александра III, в память 25-летия церковно-приходских школ и нагрудный знак в память 300-летия Дома Романовых.

Содержание получает: от Кубанского войска 200 р. 70 коп., за законоучительство от станичного правления 120 р., за аренду церковного участка 287 р. 50 коп. и за совершение треб у прихожан 702 р. – коп., а всего 1310 р. 20 коп.

*Из какого звания происходит.
Духовного.*

Есть ли недвижимое имение: у самого или у жены, и какое именно.

Имеет деревянный дом, крытый железом с необходимыми при нем службами.

Где получил образование и окончил ли полный курс наук в учебном заведении: когда поступил в службу, в каких должностях и где проходил оную: какие проходил и проходит особенные должности.

Окончил полный курс наук в Тульской духовной семинарии по второму разряду 28 июня 1888 г.

Определением Тульского Епархиального училищного Совета определен учителем Левенской церковно-приходской школы 20 сентября 1888 г.

⁶ Подлинник изложен в виде таблицы.

Резолюцией Преосвященнейшего Владимира, Епископа Ставропольского и Екатеринодарского определен псаломщиком к церкви села Новогригорьевского 20 сентября 1889 г.

С 1 октября 1889 г. по 1 июля 1890 г., состоя псаломщиком, проходил должность учителя при Новогригорьевской одноклассной церковно-приходской школе. 29 августа 1890 г. Преосвященнейшим Евгением Епископом Ставропольским и Екатеринодарским определен, а 13 октября того же года рукоположен во диакона к Покровской церкви села Песчанокопского.

С 1 ноября 1890 г. по 1 января 1894 г. состоял учителем Песчанокопской одноклассной церковно-приходской школы.

18 декабря 1893 г. Преосвященнейшим Агафодором, Епископом Ставропольским и Екатеринодарским, определен, а 23 января 1894 г. рукоположен во священника к Рождество-Богородицкой церкви села Арзгир.

С 3 марта 1894 г. резолюцией Преосвященнейшего Агафодора за № 1440 утвержден в должности законоучителя Арзгирского одноклассного М.Н.П. училища, каковую должность проходил по 1 декабря 1897 г.

Определением Ставропольского Епархиального Училищного Совета утвержден в должности заведующего и законоучителя Арзгирской одноклассной церковно-приходской школы, каковые должности проходил с 1-го февраля 1894 г. по 1 декабря 1897 г.

Определением Епархиального Начальства от 11 ноября 1897 г. перемещен к Успенской церкви станицы Удобной.

С 1 апреля 1898 г. по 1 октября 1906 г. состоял заведующим и законоучителем Удобненской одноклассной церковно-приходской школы.

С 1 сентября 1898 г. по утверждению Преосвященнейшим Агафодором, резолюцией за № 5276, и по настоящее время проходит должность законоучителя при Удобном одноклассном М.Н.П. училище.

С 1903 г. по 19 авг. по выбору духовенства состоял депутатом на общепархиальные и окружные съезды.

Определением епархиального начальства от 1 октября 1905 г. назначен духовным следователем и членом благочиннического совета, каковые должности проходит по настоящее время.

С 1909 г. по 1911 г. по выбору духовенства состоял кандидатом по депутатам на общепархиальные и окружные съезды.

С 1911 г. и по настоящее время состоит депутатом на общепархиальные и окружные съезды.

Грамоту и указ имеет.

Холост или женат, кого имеет в семействе: год, месяц и день рождения членам семейств: где, кто находятся.

Жена Екатерина Павлова 43 лет. Дочь Нина 22 лет в замужестве за офицером Бреус.

Сведения благочиннического надзора о поведении священно-церковно-служителей с их семействами, сообщаемые для епархиального начальства.

Поведения весьма хорошего.

Сан, чин или звание, должность, имя, отчество, фамилия, лета от роду; когда и чем награжден и сколько получает содержания из казны и из других источников, и каких именно.

Священник Феодор Иоакимович **Безрезовский**, сын мещанина г. Ставрополя, родился 17 февраля 1863 года.

В 1884 г. Преосвященнейшим Германом Епископом Ставропольским и Екатеринодарским посвящен в стихарь.

26 июля 1900 г. за усердное ведение учительских обязанностей преподано архипастырское благословение с выдачею грамоты за № 1318.

Имеет серебряные медали: в память царствования Императора Александра III, в память 25-летия церковно-приходских школ и нагрудный знак в память 300-летия царствования Дома Романовых.

Содержания получает: за законоучительство в женском М.Н.П. училище от Екатеринодарского благотворительного общества 75 р. в год, за аренду церковного участка 287 р. 50 коп. из братской кружки за совершение треб у прихожан 702 р. – коп., а всего 1064 р. 50 коп.

Где получил образование и окончил ли полный курс наук в учебном заведении: когда поступил в службу, в каких должностях и где проходил оную: какие проходил и проходит особенные должности.

Обучался в Ставропольской духовной семинарии и уволился из 1 класса оной.

30 октября 1881 г. Преосвященнейшим Германом назначен исправляющим должность псаломщика к Михаило-Архангельской церкви посада Даховского Черноморского округа 30 октября 1881 г.

10 июня 1883 г. Преосвященнейшим Германом Епископом Ставропольским и Екатеринодарским перемещен на таковую же должность в ст. Темнолесскую Кубанской области.

13 мая 1885 г. Преосвященнейшим Германом по прошению перемещен на таковую же должность в село Кистинское.

30 августа 1889 г. Преосвященнейшим Владимиром рукоположен во диакона к Рождество-Богородицкой церкви села Арзгир.

С 1889 по 1 июня 1899 г. состоял учителем при Арзгирской одноклассной церковно-приходской школе.

6 ноября 1899 г. согласно прошению перемещен диаконом к Спасо-Преображенской церкви села Воронцово-Александровского.

с 1 декабря 1899 г. по 1 июня 1902 г. проходил должность учителя при Воронцово-Александровской церковно-приходской школе.

15 мая 1902 Преосвященнейшим Агафодором определен, а 3 июня того же года рукоположен во священника к церкви села Суркульского.

С 1 сентября 1902 года по 1 июня 1907 г. состоял заведующим и законоучителем Суркульской церковно-приходской школы.

С 11 июня 1902 г. состоял законоучителем в Суркульском М.Н.П. училище по 31 августа 1907 г.

31 августа 1907 г. Преосвященнейшим Агафодором по прошению перемещен священником к Николаевской церкви ст. Сторожевой.

С 1 октября 1907 г. по 12 ноября 1911 г. состоял заведующим и законоучителем Сторожевской церковно-приходской школы.

С 1 октября 1907 г. по 12 ноября 1911 г. состоял законоучителем Сторожевской М.Н.П. 2-классной школы.

С 1909 г. по выбору духовенства состоит духовником XI благочиннического округа по настоящее время.

12 ноября 1911 г. Высокопреосвященнейшим Агафодором по прошению перемещен к настоящей Успенской церкви ст. Удобной.

С 15 декабря 1911 г. проходит должность заведующего и законоучителя Удобной одноклассной школы.

С 17 декабря 1911 г. и по настоящее время состоит законоучителем Удобной женской М.Н.П. одноклассной школы.

Грамоту и указы имеет.

Подвергался ли взысканиям по суду, и каких именно, или не состоит ли под следствием или судом.

Подвергался взысканию по суду [и] месячному служению в монастыре.

Холост или женат, кого имеет в семействе: год, месяц и день рождения членам семейств: где, кто находятся.

Жена Екатерина Алексеева, 50 лет. Дети: Валентина, 23 лет в замужестве за преподавателем гимназии Кучеренко. Нина 18 лет и Анфиса 14 лет обучаются в Ставропольском епархиальном училище на средства отца.

Сведения благочиннического надзора о поведении священно-церковно-служителей с их семействами, сообщаемые для епархиального начальства.

Поведения весьма хорошего.

Сан, чин или звание, должность, имя отчество, фамилия, лета от роду; когда и чем награжден и сколько получает содержания из казны и из других источников, и каких именно.

Диакон Гавриил Яковлев **Фурса**, сын крестьянина м. Драбова Полтавской губ., родился 25 марта 1879 г. Имеет бронзовую медаль в память 300-летия царствования Дома Романовых. Содержания получает за аренду церковного участка 212 р. 90 коп. и из братской кружки за совершение треб у прихожан 468 руб., а всего 680 руб. 90 коп.

Из какого звания происходит.

Сын крестьянина.

Где получил образование и окончил ли полный курс наук в учебном заведении: когда поступил в службу, в каких должностях и где проходил оную: какие проходил и проходит особенные должности.

Окончил педагогический класс при Екатеринодарском городском 6-классном училище 1 июня 1901 г.

С 1 сентября 1901 г. состоял учителем в Вербинском М.Н.П. училище по 1 июня 1909 г.

С 1 сентября 1906 г. по 1 июня 1909 г. согласно резолюции Преосвященнейшего епископа Агафодора преподавал Закон Божий в Вербинском хуторе в сем училище.

Резолюцией Высокопреосвященнейшего архиепископа Агафодора 2 июня 1909 г. переведен, а 11 июня того же года Преосвященнейшим епископом Ейским Иоанном рукоположен во диакона к Успенской церкви ст. Удобной.

С 1 сентября 1909 г. по 1 октября 1914 г. состоял учителем Удобной одно-классной церковно-приходской школы.

Грамоту на сан имеет.

Холост или женат, кого имеет в семье: год, месяц и день рождения членам семейств: где, кто находятся.

Жена Матрона Петрова, 32 лет. Дети: Анна, 5 лет, Вера, 3 лет, Петр, 1 ½ года.

Кто, кому, в каком родстве.

Свояк псаломщику Михаилу Чулкову.

Сведения благочиннического надзора о поведении священно-церковно-служителей с их семействами, сообщаемые для епархиального начальства.

Поведения весьма хорошего.

Сан, чин или звание, должность, имя отчество, фамилия, лета от роду; когда и чем награжден и сколько получает содержания из казны и из других источников, и каких именно.

Псаломщик Павел Григорьев **Борисенко**, сын казака станицы Барсуковской Кубанской области, родился 1883 г. 6 ноября.

Имеет бронзовую медаль в память 300-летия царствования Дома Романовых.

Содержания получает за аренду церковного участка 143 руб. 75 коп. и из братской кружки за совершение треб у прихожан 234 руб., а всего – 377 руб. 75 коп.

Из какого звания происходит.

Сын казака.

Есть ли недвижимое имение: у самого или у жены, и какое именно.

Деревянный дом, крытый железом с надворными постройками.

Где получил образование и окончил ли полный курс наук в учебном заведении: когда поступил в службу, в каких должностях и где проходил оную: какие проходил и проходит особенные должности.

Окончил курс в Лабинском военно-ремесленном начальном училище 1 июля 1909 г.

Был на псаломщицких курсах в г.Ставрополе в 1905 г.

Резолюцией Преосвященнейшего Агафодора епископа Ставропольского и Екатеринодарского определен псаломщиком к Успенской церкви ст. Удобной 24 июля 1906 г.

Холост или женат, кого имеет в семье: год, месяц и день рождения членам семейств: где, кто находятся.

Женат по второму браку, жена Агриппина Григорьева 24 лет. Дети: Капитолина 2 г. 3 мес., Борис, ½ г.

Сведения благочиннического надзора о поведении священно-церковно-служителей с их семействами, сообщаемые для епархиального начальства.

Поведения очень хорошего.

Сан, чин или звание, должность, имя отчество, фамилия, лета от роду; когда и чем награжден и сколько получает содержания из казны и из других источников, и каких именно.

Псаломщик Михаил Павлов **Чулков**, сын псаломщика с. Крым-Гиреевского Ставропольской губ., род. 1186 г. 13 сентября.

Имеет бронзовую медаль в память 300-летия царствования Дома Романовых.

Содержания получает за аренду церковного участка 143 руб. 75 коп. и из братской кружки за совершение треб у прихожан 234 руб., а всего – 377 руб. 75 коп.

Из какого звания происходит.

Сын псаломщика.

Где получил образование и окончил ли полный курс наук в учебном заведении: когда поступил в службу, в каких должностях и где проходил оную: какие проходил и проходит особенные должности.

Обучался в Ставропольской духовной семинарии и уволился из 1-го класса оной в 1903 г.

Резолюцией Его Высокопреосвященства Архиепископа Агафодора определен псаломщиком к Успенской церкви ст. Удобной 24 ноября 1907 г.

Указ имеет.

Холост или женат, кого имеет в семье: год, месяц и день рождения членам семейств: где, кто находятся.

Жена Евдокия Петрова, 23 лет. Дочь Клавдия 1 г. 2 мес.

Кто, кому, в каком родстве.

Свояк диакону Гавриилу Фурсе.

Сведения благочиннического надзора о поведении священно-церковно-служителей с их семьями, сообщаемые для епархиального начальства.

Поведения очень хорошего.

Сан, чин или звание, должность, имя отчество, фамилия, лета от роду; когда и чем награжден и сколько получает содержания из казны и из других источников, и каких именно.

Вдовы и сироты:

а) Просфорня, вдова почетного гражданина Александра Сергеева Аристова, 54 лет.

Получает за печение просфор от церкви 25 руб. в год.

При ней круглые сироты – дети умершего псаломщика с. Ивановского Кубанской обл., Александра Кириллова Промовендова: Валентина, 10 лет, Николай 12 лет, обучается в Ставропольском духовном училище на казенном содержании.

Сироты Промовендовы получают из эмеритальной кассы⁷ 50 руб. и из Ставропольского духовного попечительства со второй половины 1910 г. 40 руб. в год.

б) Сирота дочь умершего священника станицы Удобной Вера Павлова Вознесенская 47 лет, получает эмеритурных 150 руб. в год.

Есть ли недвижимое имение: у самого или у жены, и какое именно.

а) Имеет деревянный дом крытый соломой.

б) Имеет деревянный дом, крытый железом с надворными постройками.

Где получил образование и окончил ли полный курс наук в учебном заведении: когда поступил в службу, в каких должностях и где проходил оную: какие проходил и проходит особенные должности

а) Утверждена в должности Преосвященнейшим Иоанном, епископом Ейским, резолюцией за № 1329 29 сентября 1908 г.

Указ имеет.

б) Утверждена в должности Преосвященнейшим Иоанном, епископом Ейским, резолюцией за № 1329 29 сентября 1908 г.

Указ имеет.

Сведения благочиннического надзора о поведении священно-церковно-служителей с их семьями, сообщаемые для епархиального начальства.

Поведения весьма хорошего.

III. Ведомость о приходе

Какого звания прихожане и в каких местах и сколько где лиц иноверных и инославных исповеданий, старообрядцев и сектантов	Число домов или хозяйств	Число душ		В каком расстоянии от церкви, и нет ли препятствий в сообщении
		муж.	жен.	
В станице Удобной	601	3207	3104	При церкви
В деревне: – Чухрак	48	264	248	в 10 верст. в 18 верст.
– Зеленчукско-Мостовом	47	204	167	
Итого в приходе:	696	3675	3519	Хлыстов муж. 27 жен. 26
<i>В том числе:</i> духовных	7	8	14	Баптистов:
военных	612	3378	3032	муж. 30 жен. 32
мещан	19	64	64	
крестьян	58	205	209	
Кроме того, в пределах прихода имеет жительство: иноверцев (евреев, магометан и др.) инославных (Армяно-Григориан) раскольников (поповцев) сектантов (Новый Израиль)	38	70	76	Новый Израиль: муж. 12. жен. 17. Адвентистов: муж. 1. жен. 1
Итого:	734	3745	3595	

⁷ В дореволюционной России и в некоторых капиталистических странах: страховые кассы служащих, учреждаемые для обеспечения участников и членов их семей пенсиями и пособиями.

Священник Александр Остриков,
Священник Федор Березовский
Диакон Гавриил Фурса
Псаломщик Пав. Борисенко
Псаломщик Мих. Чулков
Свидетельствовал благочинный про-
тоиерей Николай Кудрявцев.

*Публикуется по: ГКАУ «Государст-
венный архив Ставропольского края». Ф.
338. Оп. 3. Д. 23. Л. 1-16. Рукописный под-
линник.*

**КЛИРОВАЯ ВЕДОМОСТЬ
церкви во имя Святителя Николая
Архиепископа Мир Ликийских
Чудотворца станицы Спокойной
Ставропольской епархии
за 1914 год⁸**

***1. Ведомость о церкви Николаевской,
состоящей в Баталпашинском отделе
Кубанской области
Ставропольской епархии
в станице Спокойной за 1914 год***

1. *Церковь построена* в 1876 году тщанием прихожан при пособии Кубанской области в количестве 9000 рублей, а остальные 13000 руб. собраны прихожанами.

2. *Зданием* деревянная, на каменном фундаменте, покрыта железом, с колокольной, ограда вокруг церкви каменная с железными решеткой [и] воротами

3. *Престолов* в ней один во имя Святителя и Чудотворца Николая [...].

4. *Утварью* и Богослужбными книгами достаточна.

5. *По штату в ней положены:* два священника, диакон и два псаломщика.

6. *Жалования положено:* одному священнику 1-го причта из войска 200 руб. 70 коп., а остальной причт жалованья не получает.

7. *Кружечных доходов* за 1914-й год получено: 2236 руб. 96 к.

8. *Другие источники содержания членов причта и количество поступающего от них дохода:* в пользовании причта обществом станицы отведено 150 десятин земли, которая арендуется ежегодно причтом по домашнему условию, в сем году земля не заарендована.

9. *Земли при церкви состоит:* усадебной вместе с погостом церковным 4 десятины 720 квадр. саж., пахотной 150 десятин – квадр. – саж., сенокосной – десят. – саж., находящейся в пользовании причта. Пахотная земля – в расстоянии 30 верст от церкви. Всего 15 десят. 720 квадр. саж.

10. *Качество церковной земли:* среднего достоинства.

11. *Средний доход ею приносимый:* –

12. *Дома для священно и церковнослужителей на церковной усадебной земле* 1 дом для 2-го священника построен тщанием прихожан и пожертвован церкви в 1910 году, и составляет собственность церкви.

Другие здания, принадлежащие церкви: церковная сторожка и женская церковно-приходская школа.

На пожертвованный обществом дом имеется общественный приговор, составленный 1 марта 1910 года за № 25-м, который утвержден Атаманом Баталпашинского отдела 13 марта 1910 года, приговор этот отослан через благочинного 10 округа Кубанской области в Ставропольскую Духовную консисторию, а опись дома хранится в церковном архиве.

Остальные члены причта: священник и диакон помещаются в наемных квартирах, а псаломщики – в собственных домах.

13. *Состояние домов:* церковный дом и сторожка требуют капитального ремонта.

14. *Расстоянием сия церковь от консистории* в 120 верстах, от местного благочиния в станице Надежной в 5 верстах, от уездного города Баталпашинска в 70 верстах, от Богословской железнодорожной станции в 60 верстах; почтовый адрес церкви: Спокойненское почтовое отделение Кубанской области.

15. *Ближайшие к сей церкви:* одноштатная Михаило-Архангельская церковь в ст. Надежной в 5 верстах и одноштатная Георгиевская церковь в ст. Подгорной в 7 верстах.

16. *Приписанных к сей церкви церковей* нет, часовен – есть часовня, находящаяся на приходском кладбище, построена в память девятистолетия Крещения Руси.

17. *Домов кладбищных и молитвенных домов, к сей церкви приписанных* нет.

18. *Опись церковному имуществу заведена* с 1876 года, хранится в целости, проверена в 1910 году.

⁸ История прихода опубликована в сборнике: Отрадненские историко-краеведческие чтения. Выпуск. III / Армавир – Отрадная. 2015. С. 155.

19. *Приходо-расходные книги о суммах свечной и церковной за шнуром и печатью, Ставропольской духовной консистории, даны на 1913-й, 1914-й, 1915-й года, ведутся исправно и хранятся в целости.*

20. *Копии с метрических книг хранятся в целости с 1860 года.*

21. В обыскной книге, выданной в 1911 году, Октября дня, за шнуром и печатью, 192 писанных листов, 8 не писанных.

22. *Исповедные росписи находятся в целости с 1838 года по 1856 год, и с 1860 года по настоящий год хранятся в целости.*

23. *Книги, до церковного круга подлежащие, имеются в достаточном количестве.*

В церковной библиотеке находится книг, для чтения предназначенных, 60 томов.

24. *Церковные деньги в целости за ключем церковного старосты и печатью церковною. Неподвижной суммы состоит в кредитных учреждениях на 2000 рублей – коп., а билет находится в целости на 2000 рублей в Армавирской государственной кассе, на имя Николаевской церкви станицы Спокойной Кубанской области.*

25. *Имеющиеся в приходе школы Министерства Народного Просвещения 1) одна двухклассная, в ней обучается 174 мальчика, Закон Божий преподает священник Александр Бубнов; 2) одна одноклассная, в ней обучается 64 мальчика и 24 девочки и 3) одна одноклассная иногородняя, в ней обучается 33 мальчика и 2 девочки, в них Закон Божий преподает священник Николай Дудников. В приходе также есть одноклассная школа на хуторе Сенюшинском, в ней обучается 34 мальчика и 14 девочек, а всего в школах обучается 305 мальчиков и 40 девочек.*

Церковная школа помещается в доме церковной сторожки, на содержание ее отпускается от церкви девятнадцать (19) рублей 59 коп. В сем году в ней обучается 27 мальчиков, – девочек, Закон Божий преподает священник Николай Рудников.

В приходе имеется женская двухклассная церковно-приходская школа. Заведующий в ней священник Александр Бубнов. На содержание школы отпущено обществом 100 десятин земли, которая арендуется за 1021 руб. В сем году в ней обучается 140 девочек, окончили курс со свидетельством, 7 девочек. Поступило на приход 1406 руб. 82 коп., израсходовано – 1083 руб. 63 коп.

26. *При церкви состоит старостою церковным казак Яков Кабаненко, который должность свою проходит с 1912 года.*

27. *Преосвященный в последний раз посетил приход в 1910 году.*

II. Послужные списки священно-церковно-служителей с их семействами и церковных старост, и сведения о вдовах и сиротах, подведомственных церкви⁹

Сан, чин или звание, должность, имя отчество, фамилия, лета от роду; когда и чем награжден и сколько получает содержания из казны и из других источников, и каких именно.

Священник Александр Иванов **Бубнов**. 50 лет.

В 1890 году получил благодарность за педагогическую деятельность попечителя Кавказского учебного округа 12 февраля за № 9019-м.

В 1897 году 12-го апреля за № 988 получил благодарность от Ставропольского училищного Совета за успешное и усердное преподавание Закона Божия.

В память 25-летия церковно-приходских школ имеет установленную медаль с удостоверением за № 751-м.

За Всероссийскую народную перепись имеет медаль и свидетельство за № 33492-м.

Имеет медаль общества «Красного Креста» и свидетельство за № 66546-м.

В память 300-летия Дома Романовых имеет установленную медаль и свидетельство за № 37963-м.

Казенного жалованья получает 200 руб. 70 коп.

Кружечного дохода получает 670 руб. 7 коп.

За преподавание Закона Божия в двухклассном училище получает 240 рублей.

От аренды земли не получает.

Из какого звания происходит.
Военного.

Есть ли недвижимое имение: у самого или у жены, и какое именно.

Нет.

⁹ Подлинник изложен в виде таблицы.

Где получил образование и окончил ли полный курс наук в учебном заведении: когда поступил в службу, в каких должностях и где проходил оную: какие проходил и проходит особенные должности.

Воспитывался в Ставропольской гимназии, по выходе из 5-го класса выдержал экзамен на звание учителя в 1882 г.

С 5 февраля 1883 года по 15-е мая 1893 года состоял учителем школ в Ставропольской дирекции.

Резолюцией Его Преосвященства Преосвященнейшего епископа Евгения назначен на диаконско-учительское место к Троицкой церкви села Белой Глины. 2 июня 1893 г.

Рукоположен в сан диакона 6 января 1895 г.

С 1 сентября 1893 года состоял учителем церковно-приходской школы при той же церкви по 28 ноября 1901 года.

С 28 ноября 1901 года по 1 сентября 1907 года, согласно предложения Ставропольского Епархиального Училищного Совета и общего постановления причтов Троицкой, Николаевской и Покровской церквей села Белой Глины, состоял законоучителем в 3-х церковно-приходских школах того же села.

С 1-го сентября 1907 года был снова учителем и законоучителем церковно-приходской школы по 9 февраля 1910 года, Резолюцией Его Высокопреосвященства Архиепископа Агафодора допущен к испытанию по Богословским наукам на сан священника, от 15 мая 1909 года за № 292 9 января 1910 года выдержал испытания.

11 февраля 1910 года, согласно прошения, назначен на 2-е священническое место в станицу Спокойную к Николаевской церкви.

21 февраля 1910 г. рукоположен во священника.

21 января 1914 года перемещен на 1-е священническое место той же станицы.

Состоит законоучителем в 2-классном Министерском училище.

Должность проходил и проходит на штатных местах.

Холост или женат, кого имеет в семье: год, месяц и день рождения членам семейств: где, кто находятся.

В семействе у него жена Мария Стефанова, рождения 8 сентября 1870 года. Де-

ти их: Виктор, рожд. 4 марта 1892 года, заштатный диакон. Сергей, рожд. 12 сентября 1892 г., учитель церковно-приходской школы стан. Удобной. Раиса, рожд. 3 августа 1897 г., обучается в Ставропольском Епархиальном училище. Илия, рожд. 10 июля 1900 г., воспитывается в Вознесенской гимназии. Владимир, рожд. 2 июля 1902 г., воспитывается в Лабинской гимназии. Михаил, рожд. 1 ноября 1904 г. Николай, рожд. 1 мая 1913 г., оба живут при родителях.

Сведения благочиннического надзора о поведении священно-церковно-служителей с их семьями, сообщаемые для епархиального начальства.

Поведения отличного.

Сан, чин или звание, должность, имя отчество, фамилия, лета от роду; когда и чем награжден и сколько получает содержания из казны и из других источников, и каких именно.

Священник Николай Дмитриев **Рудников**, 25 лет.

В память трехсотлетия Дома Романовых имеет установленную медаль.

Казенного жалованья не получает.

Кружечного дохода получил 670 руб. 7 коп.

От аренды земли не получает.

За преподавание Закона Божия в одноклассном станичном училище получает 100 рублей.

В иногороднем училище за то же 60 руб.

В церковно-приходской мужской школе за то же 60 руб.

Из какого звания происходит.

Сын священника.

Где получил образование и окончил ли полный курс наук в учебном заведении: когда поступил в службу, в каких должностях и где проходил оную: какие проходил и проходит особенные должности.

Окончил курс в Ставропольской духовной семинарии со званием студента в 1911 году.

Согласно прошению Преосвященнейшим Иоанном Епископом Ейским был назначен псаломщиком в стан. Тенгинскую Кубанской области 10 сентября 1911 г.

Согласно прошению Высокопреосвященнейшим Агафодором Архиепископом Ставропольским и Екатеринодарским был определен на диаконское место к церкви стан. Каменнородской Кубанской области 11 июня 1912 г.

Согласно прошения тем же Архиепископом определен на священническое место к Николаевской церкви стан. Спокойной Кубанской области 21 января 1914 г.

Состоит заведующим и законоучителем в мужской церковно-приходской школе и законоучителем в одноклассном станичном училище и иногороднем училище с 1914 г.

Должности проходил и проходит на штатных местах.

Холост или женат, кого имеет в семействе: год, месяц и день рождения членам семейств: где, кто находятся.

В семействе у него жена Вера Владимировна, рожд. 9 сентября 1888 г. Дети их: Людмила рожд. 9 мая 1914 г.

Сведения благочиннического надзора о поведении священно-церковно-служителей с их семействами, сообщаемые для епархиального начальства.

Поведения отличного.

Сан, чин или звание, должность, имя отчество, фамилия, лета от роду; когда и чем награжден и сколько получает содержания из казны и из других источников, и каких именно.

Диакон Иоанн Дмитриев **Масалов**, 21 года.

Казенного жалованья не получает.

Кружечного дохода получил 447 руб. 38 коп.

От аренды земли не получает.

За учительство получает 360 рублей.

Из какого звания происходит.

Сын псаломщика.

Где получил образование и окончил ли полный курс наук в учебном заведении: когда поступил в службу, в каких должностях и где проходил оную: какие проходил и проходит особенные должности.

Окончил курс в Ставропольской духовной семинарии 8 июня 1914 г.

Резолюцией Его Преосвященства Преосвященнейшего Михаила, епископа Александровского назначен на диаконское место к Николаевской церкви станицы Спокойной Кубанской области 30 июня 1914 г.

Рукоположен во диакона 10 августа [1914 г.].

Состоит учителем в мужской церковно-приходской школе с 1 сентября [1914 г.].

Состоит на штатном месте.

Указ имеет.

Резолюцией архиепископа Агафодора от 4 декабря 1915 г. за № 5205, согласно прошения, перемещен к церкви с Жуковско-го [Ставропольской губернии], а на его место резолюцией Агафодора от 2 января 1916 г. перемещен диакон г. Св. Креста [Ставропольской губернии] Александр Парадиев.

Холост или женат, кого имеет в семействе: год, месяц и день рождения членам семейств: где, кто находятся.

В семействе у него жена Анна Андреевна, рожд. 23-го августа 1895 года.

Сведения благочиннического надзора о поведении священно-церковно-служителей с их семействами, сообщаемые для епархиального начальства.

[поведения] Отличного.

Сан, чин или звание, должность, имя отчество, фамилия, лета от роду; когда и чем награжден и сколько получает содержания из казны и из других источников, и каких именно.

Псаломщик Игнатий Иванов **Лещуков**, рожд. 18 декабря 1874 года.

В память 300-летия Дома Романовых имеет установленную медаль и свидетельство за № 37963.

Казенного жалования не получает.

Кружечного дохода получил 223 руб. 69 коп.

От аренды земли не получает.

Из какого звания происходит.

Сын казака станицы Надежной Кубанской области.

Есть ли недвижимое имущество; у самого или у жены, и какое именно.

Имеет собственный дом, в котором и живет.

Где получил образование и окончил ли полный курс наук в учебном заведении: когда поступил в службу, в каких должностях и где проходил оную: какие проходил и проходит особенные должности.

Окончил курс в одноклассной школе Министерства Народного Просвещения.

По выдержании экзамена на звание псаломщика и согласно прошению Высокопреосвященнейшим архиепископом Агафодором назначен исполняющим должность псаломщика к Покровской церкви станицы Черноморской Кубанской области 14 июля 1903 г.

Согласно прошению тем же архиепископом перемещен к Николаевской церкви станицы Спокойной Кубанской области 14 февраля 1905 г.

В 1910 году 19 июля Преосвященнейшим Иоанном епископом Ейским утвержден в должности псаломщика.

В апреле месяце тем же епископом перемещен на первый штат.

Должность проходил и проходит на штатном месте.

Указы имеет.

Был ли в отпусках, когда и на сколько именно времени; являлся ли в срок и, если просрочил, то когда именно явился, и была ли причина просрочки признана уважительной.

В 1911 году пользовался отпуском для лечения с 1-го августа по 1-е сентября, из коего возвратился своевременно.

В 1912 году был в отпуске для лечения с 1 августа по 1-е сентября, из коего возвратился своевременно.

Холост или женат, кого имеет в семействе: год, месяц и день рождения членам семейств: где, кто находятся.

В семействе у него жена Анна Александрова, рожд. 2 февраля 1884 года. Дети их: Валентина 8 апреля 1906 г., Ольга, рожд. 20 февраля 1910 г., Нина, рожд. 23 июля 1911 г., София, рожд. 7 октября 1912 г., Алексей рожд. 11 февраля 1914 г., живут при родителях.

Сведения благочиннического надзора о поведении священно-церковно-служителей с их семействами, сообщаемые для епархиального начальства.

[поведения] Отличного.

Сан, чин или звание, должность, имя отчество, фамилия, лета от роду; когда и чем награжден и сколько получает содержания из казны и из других источников, и каких именно.

Псаломщик Андрей Александрович Коноплев, рожд. 30 ноября 1854 года.

В память 300-летия Дома Романовых имеет установленную медаль и свидетельство за № 37963.

Казенного жалования не получает.

Кружечного дохода получил 223 руб. 69 коп.

От аренды деньги не получает.

Из какого звания происходит.

Сын священника.

Есть ли недвижимое имение: у самого или у жены, и какое именно.

Имеет собственный дом, в котором живет.

Где получил образование и окончил ли полный курс наук в учебном заведении: когда поступил в службу, в каких должностях и где проходил оную: какие проходил и проходит особенные должности.

Воспитывался в Ставропольском духовном училище, по болезни и собственному прошению уволен из 4-го класса.

По прошению Его Преосвященством Епископом Исаакием назначен на должность и[сполняющим] д[олжность] псаломщика в станицу Курскую Терской области в сентябре 1872 г.

Тем же епископом перемещен к Успенской церкви города Моздока в 1873 г.

По жребию принят на военную службу в ноябре 1875 г.

По окончании турецкой кампании в звании унтер-офицера уволен со службы в декабре 1878 г.

Тем же епископом по прошению определен псаломщиком в станицу Надежную Кубанской области в ноябре 1879 г.

Тем же епископом перемещен к Ставропольскому кафедральному собору в декабре 1882 г.

По прошению, епископом Германом перемещен в ст. Вельяминовскую Черноморского округа в июне 1883 г.

Тем же епископом перемещен в село Бурукшун-Гашун Ставропольской губернии в декабре 1883 г.

Тем же епископом перемещен в станицу Ново-Александровскую Кубанской области в 1885 г.

Перемещен в ст. Ильинскую в декабре 1886 г.

Епископом Евгением перемещен в село Горько-Балковское в 1890 г.

По прошению, тем же епископом, перемещен в село Благодарное в 1896 г.

По прошению епископом Агафодором перемещен в станицу Суворовскую Кубанской области в 1897 г.

Тем же епископом перемещен в село Куршавское Ставропольской губернии в 1904 г.

По прошению Преосвященнейшим Михаилом Епископом Александровским перемещен в станицу Спокойную Кубанской области 11 августа 1911 г.

Должность проходил и проходит на штатных местах.

Указы имеет.

Был ли в походах против неприятеля и в самых сражениях, и когда именно: не было каких особых поручений или отличий.

Находился в Турецкой кампании 1877 и 1878 годов. Нес службу партионного начальника.

Холост или женат, кого имеет в семье: год, месяц и день рождения членам семейств: где, кто находятся.

В семействе у него жена Феодора Яковлева, рожд. 11 сентября 1858 г.

Сын их Кирилл, рожд. 18 марта 1890 года, преподаватель С.-Петроградской гимназии.

Сведения благочиннического надзора о поведении священно-церковно-служителей с их семействами, сообщаемые для епархиального начальства.

[поведения] Отличного.

III. Ведомость о приходе

Какого звания прихожане и в каких местах и сколько где лиц иноверных и инославных исповеданий, старообрядцев и сектантов	Число домов или хозяйств	Число душ		В каком расстоянии от церкви, и нет ли препятствий в сообщении
		муж.	жен	
В станице Спокойной	843	3138	3171	При церкви
В хуторах:				
– Солдатском	1	2	7	в 15 верст. в 20 верст.
– Синюхинском	52	168	178	
Итого в приходе:	916	3398	3426	
<i>В том числе:</i>				
духовных	5	3	11	
дворян	–	–	–	
мещан	12	34	28	
крестьян	246	747	701	
казаков	653	2607	2686	
Кроме того, в пределах прихода имеет жительство:				
<i>иноверцев</i> (евреев, магометан и др.)	3	2	2	
<i>инославных</i> (Армяно-Григориан)	2	11	3	
<i>раскольников</i> (поповцев)	2	5	4	
<i>сектантов</i> (Новый Израиль)	3	2	2	
Итого:	926	3418	3437	

Священник Александр Бубнов,
Священник Николай Рудников
Диакон Иоанн Маслов
Псаломщик Игнатий Лещуков
Псаломщик Андрей Коноплев

Публикуется по: ГКАУ «Государственный архив Ставропольского края». Ф. 338. Оп. 3. Д. 22. Л. 21-32. Рукописный подлинник.

Н.В. Кияшко

**«Ни один из этих мучеников не совершал никакого преступления»:
духовенство и красный террор в годы
Гражданской войны на Юге России**

В 2018 году наступило 100-летие красного террора – трагической страницы отечественной истории, периода кровопролитной Гражданской войны, которая вскрыла самые болезненные стороны российского общества. Вместе с этим 1918 год явил свидетельство об истине Христовой:

множество мучеников и исповедников, путем страданий и ценой своей жизни возвести миру Евангельскую проповедь. Ужасы кровавых расправ в центре и на периферии страны – обширная тема, заслуживающая самого пристального внимания нашего общества в год столетия террора.

Антагонизм казачьего населения регионов Юга России к социалистической идеологии не мог не вызвать ответный красный террор большевиков, жестоко каравших своих противников. Новых правителей не могла не раздражать и Церковь, которая воспринималась ими как часть восставшего «черносотенного» мира. Только этим могут быть объяснены зверские расправы красных над священнослужителями, не имевшими никакого отношения к политической борьбе.

Обращаясь к проблеме красного террора против православного духовенства на Юге России, необходимо отметить существенный вклад в ее изучение Ю.А. Бирюковой, посвятившей отдельную статью анализу этого явления в пределах Области Войска Донского и Донской епархии [1]. О некоторых жертвах сообщается в статьях священника А.А. Небавского и С.Н. Гетманской [2]. В регионах с казачьим населением интенсивность красного террора и направление импульсов насилия в сравнении с другими регионами приобретали особые масштабы. Отсутствие исследования красного террора против духовенства в пределах Кубанской области, основанного на комплексном анализе исторических источников, обусловило цель написания данной статьи.

В отечественной историографии в отношении начала красного террора существуют два подхода: первая группа историков рассматривает террор как репрессивную политику советской власти, начавшуюся с локальных самосудов 1917 г. [3], вторая же видит его началом постановление Совета народных комиссаров РСФСР от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре». Позиция второй группы историков продолжает традицию советской политизированной историографии, объяснявшей начало красного террора как вынужденную ответную меру на белый террор [4]. Представляется более оправданным историческими документами утверждение первой группы исследователей.

По данным протопресвитера М. Польского, только в 1918 г. в Кубанской области было убито 43 священника [5]. Однако эту цифру следует считать неточной. В своем исследовании отец Михаил, видимо, не владея достаточным объемом информации, о некоторых священниках ограничился упоминанием только имен, а других вовсе не назвал. Этот неполный список священнослужителей (автором перечислены далеко не все 43 имени) на долгие годы вошел в региональную историографию, но, к сожалению, никто из исследователей не предпринимал попыток к его более широкому изучению с привлечением новых архивных документов [6]. Существенной проблемой всех опубликованных исследований является узкий подход в формировании корпуса рассматриваемых источников. Их характерными чертами является цитирование одного и того же списка жертв М. Польского, отсутствие материалов периодической печати или же опора только на факты из нарративных источников.

Некоторые аспекты темы, вынесенной в заглавие настоящей статьи, рассматривались в более ранних публикациях автора [7]. В рамках настоящего исследования предпринята скромная попытка восполнить существующий локус с привлечением новых документов, и, думается, проблема красного террора против православного духовенства на Кубани и Черноморье еще привлечет своих авторов.

Красный террор как бессистемное явление, возникшее в период глубокого кризиса, гражданского противостояния и войны, на периферии, по выражению С.П. Мельгунова, принял характер разнузданной кровавой бойни [8]. Расстрелы и зверские убийства, проводимые большевиками при установлении советской власти, носили характер стихийной расправы, доходившей до нечеловеческой «жажды крови». Классовый ландшафт террора включал в себя не только светских лиц, но и духовенство: как православное, так и инославное. Для эскалации большевистского красного террора характерно то, что он намеренно направлялся против наиболее «слабых» противников – священнослужителей. Лишенные возможности физически противостоять факторам террора, они становились первыми жертвами. Особенно жестоким образом расправы проводились в районах боевых действий,

превращаясь в нечто «безжалостно механистическое» [9]. Справедлив тезис А.Л. Литвина о беспощадности террора в регионах или участках фронта, где сопротивление большевикам угрожало их существованию [10]. Из постановления ЦК РКП(б) от 26 ноября 1918 г., принятого во время успешного наступления войск А.И. Деникина на юге: «Красный террор сейчас обязателен, чем где бы то ни было и когда бы то ни было, на Южном фронте – не только против прямых изменников и саботажников, но и против всех трусов, шкурников, попустителей и укрывателей. Ни одно преступление против дисциплины и революционного воинского духа не должно оставаться безнаказанным...» [11].

Невозможно не согласиться с В.П. Булдаковым, который, сравнивая природу красного и белого террора, отмечает кардинальное отличие террора большевиков, не случайно принявшего со временем масштабы, соответствующие классовой репрессивности государства [12].

Общий тон классовому красному террору задавало руководство большевиков, в т.ч. и председатель Революционного военного трибунала К. Данишевский, который говорил: «Военные трибуналы не руководствуются и не должны руководствоваться никакими юридическими нормами. Это карающие органы, созданные в процессе напряженной борьбы, которые постановляют свои приговоры, руководствуясь принципом политической целесообразности и правосознанием коммунистов» [13].

Революционные боевые отряды, устанавливавшие в первой половине 1918 г. советскую власть в населенных пунктах Кубани, после их захвата в первую очередь проводили аресты местного духовенства. Осознавая нестабильность своей власти на местах и постоянную опасность наступления Добровольческой армии, большевики устраивали кровавые расправы с целью запугать население региона. В ряде случаев боевые командиры устраивали целенаправленную охоту на священников, но чаще всего это была «низовая» инициатива, принимавшая образ неконтролируемой бойни. Волна красного террора накрыла духовенство Юга России, в основной его части, в период с февраля по июнь 1918 г.

18 февраля 1918 г. [14] во время штурма большевиками станицы Коренов-

ской священник Петр Максимович Назаренко, стремясь остановить кровопролитие, совершал в храме молебен об умиротворении междоусобной брани. Как только большевики прорвали оборону казаков и ворвались в Кореновскую, был пущен слух, что священник служит молебен о даровании победы «кадетам», т.е. местным казакам. В священническом облачении его вытащили из храма на площадь, где он, узнав о готовящихся расстрелах местных казаков, на коленях, с крестом в руках умолял прекратить убийства. Ему закричали, чтобы он бросил крест, но он ответил, что умрет с крестом у груди, тогда один из красноармейцев выхватил у него крест из рук и застрелил священника в упор [15]. Погребение отца Петра состоялось через два дня, 20 февраля, о чем свидетельствует запись в метрической книге.

В это же время на железнодорожной станции Ладожской были убиты священники Адагумо-Азовского полка Кубанского казачьего войска Михаил Антонович Пендо и Екатеринославского полка Николай Федорович Домбровский [16]. 27 февраля прибывший на железнодорожную станцию Армавир Адагумо-Азовский полк был разрушен, а офицеры штаба вместе со священником М. Пендо были арестованы и заключены в тюрьму. Впоследствии, при переезде большевистского Кубанского областного исполнительного комитета из Армавира в Екатеринодар, 6 марта, члены командного состава обоих полков вместе со священниками М. Пендо и Н. Домбровским были расстреляны на станции Ладожской солдатами 2-го Северо-Кубанского полка [17].

26 февраля на железнодорожной станции Выселки был убит наступавшими красными священник Иоанн Кондратьевич Максимов, находившийся при Добровольческом отряде (Кубанской армии) полковника (впоследствии – генерала) В.Л. Покровского. В связи со спешным отступлением отряда отпели и похоронили священника на следующий день в братской могиле, вблизи станицы Новосуворовской [18].

14 мая, после захвата станицы Незамаевской, толпой большевиков был выведен из храма священномученик Иоанн Емельянович Пригорювский (прославлен в лике святых Русской Православной Церкви) на площадь, где после жестоких избиений и глумлений ему выкололи глаза, отрезали

уши и нос. В завершение издевательств священнику раздробили голову [19].

18 мая в станице Новошербиновской, по решению штаба красной дивизии, местным советом были арестованы 12 казаков и местные священники Алексей Мелиоранский и Давид Чубов, в связи с подавленным восстанием казаков против большевизма, получившего название «Ейского». Для контроля за судом над арестованными в станицу 19 мая прибыл карательный отряд под командованием Лебедева. По свидетельству самого священника Д. Чубова, «в 7 час. слышался шум в правлении и мы услышали: «А арестованные где?», и к каземату подошла группа красных. «Отпирай», – и при этом оч. крутое нецензурное ругательство, вошли в каземат. «А, орлы Кубани!». «Ты кто?» – ответ арестованного и реплика: «будешь расстрелян». Когда дошла очередь до меня, то, не спрашивая – кто я, большевик сказал: «А ты поп?». «Нет, – отвечаю, – священник». «Тебя сейчас пристрелю», – и красный вояка вынул револьвер, приложил дуло к моему виску, а потом почему-то раздумал и сказал: «Не хочу мараться, завтра получишь свою порцию» [20]. В 12 ч. ночи начались допросы, которые проводил местный совет с участием представителей отряда: вначале был вызван отец Алексей, а затем отец Давид. В отсутствие последнего в здание станичного правления, где размещались арестованные, ворвалась группа из 5 казаков, во главе с разъяренным сотенным командиром по фамилии Замота, который приказал охране вывести священника А. Мелиоранского и застрелил его в упор из револьвера. Как рассказывали свидетели, кровожадный командир вскоре вернулся и стал спрашивать: «Где другой поп?». Все арестованные молчали, видя стремление расправиться над священником. Тогда Замота стал выводить арестованных одного за другим и за молчание на вопрос о священнике убивать. Лишь третьему удалось вырваться из рук палача. Не найдя второго священника среди арестованных, кровожадная группа ворвалась на заседание местного совета, где успокоить их удалось только командиру Лебедеву. Уже выходя после допроса под усиленным конвоем, приставленным для предотвращения самосуда, священник Д. Чубов услышал громкие выкрики: «найдем проклятого попа, на котлеты порубим» [21].

27 июня в Черноморском Мариэ-Магдалинском женском монастыре после совершения Божественной Литургии в храме был схвачен и убит за стенами обители монастырский священник Григорий Николаевич Никольский. Перед смертью его долго избивали прикладами и сапогами, а затем убили выстрелом из револьвера в рот с криками «мы тебя приобщим» [22].

В том же июне был убит священник станицы Убинской Аркадий Захарьевич Добровольский. 14 июня отрядом большевиков, захвативших станицу Убинскую, он был арестован и, по свидетельству священника, прибывшего на его замену, «отправлен в г. Екатеринодар». Но по пути солдаты, конвоировавшие отца Аркадия, изменили движение и отправились совсем в другую сторону. Проехав находившуюся на пути станицу Северскую и остановившись на середине пути к Ильской, каратели зверски убили отца Аркадия. Через несколько дней после убийства зарытое тело священника было обнаружено собаками, а о виде захоронения в документах указывалось – «закопан согнутый (голова в коленях)». Атаман станицы Северской позже сообщил, что «из освидетельствования ямы, в которой был зарыт священник, можно полагать, что он был сломан, так как яма представляла собой квадратную яму в длину и ширину не больше аршина» [23].

12 сентября в станице Вознесенской во время похорон убитого комиссара А.И. Гурского его соратники устроили кровавую резню, казнив над могилой трех казаков. В этот же день на станичной площади был убит священник Алексей Венедиктович Ивлев. Карателям для расправы было достаточно того, что отец Алексей, до принятия сана священника служивший на действительной военной службе с 1864 по 1884 гг., участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и происходил из казачьей семьи станицы Ханской. По некоторым сведениям, неподтвержденным документально, в этот же день в станице были зарублены до 90 человек местных казаков [24]. Основываясь на записи в метрической книге станицы Вознесенской, можно утверждать, что около месяца тела священника Алексея Ивлева и убитых в один день с ним казаков Гавриила и Иоанна Лаптевых и Меркурия Троянова оставались без погребения и были отпеты только 6 октября [25].

13 октября был убит священник станицы Каменнородской Серапион Георгиевич Попов, погребенный спустя два дня в станице Отрадной. Служивший с 1911 г. в станице Успенской Лабинского отдела отец Серапион в 1915 г. был переведен в станицу Каменнородскую [26].

После т.н. «Троицкого восстания» казачков станиц Лабинского отдела в мае-июне 1918 г. в результате карательных экспедиций разъяренных большевиков погибло более 1000 человек, среди которых и священнослужители [27]. Кровавые рейды большевиков в июне унесли жизнь священника станицы Спокойной Александра Ивановича Бубнова. Предположительно, эта экспедиция проводилась Тихорецким революционным полком, входившим в состав IX армии. Ужасы расправ солдат над мирными жителями и участниками восстания стали известны из рассказов красноармейцев, взятых в плен в августе 1918 г.: «Казнь осужденных в большинстве случаев производилась следующим образом: арестованных сажали в подвал, после суда звери палачи в подвале издевались над несчастными и полуживых, зачастую с выпавшими внутренностями, отвозили, а кто мог идти, гнали на протяжении полуверсты к кладбищу и там добивали и сбрасывали в вырытую яму, пересыпая каждую очередь землей». «Подобным образом казнены инспектор местного высшего начального училища С.В. Товпекин и священник Ф.Ал. Бубнов», заключал автор статьи В. Добренко [28].

Вслед за смертью священника А.Бубнова в этом же месяце последовали расправы в других станицах: 9 июня были убиты священники станицы Попутной Павел Васильевич Иванов, а 13 июня [29] станицы Удобной Феодор Березовский [30]. Всех их вершители «справедливости» даже без формального суда казнили на месте в день вступления в станицу с обвинением в поддержке восставших казаков. Причем вместе со священником Ф. Березовским, обвиненным в неодобрительных высказываниях о большевиках, были убиты 22 станичника, и тела расстрелянных жертв долгое время оставались без погребения [31]. В станице Зассовской карательным отрядом (вероятно, Тихорецким) в один день были казнены 92 казака, среди которых «были больные и дряхлые старики, не имевшие никакого отношения к восстанию», причем некоторых закапывали живыми [32].

Жестокая кровавая расправа была совершена в станице Владимирской: за служение молебна перед выступлением казаков против красноармейцев был зверски убит священник Александр Подольский, которого перед смертью публично водили по станице, страшно избивали и унижали. Выведя за станицу, революционеры зарубили отца Александра шашками, бросив его тело в свалочном месте. С наступлением ночи пожилой прихожанин отправился на место расправы, надеясь похоронить тело священника-мученика, но замеченный пьяными красноармейцами, был тут же зарублен на месте [33]. В эти же дни за участие в восстании были жестоко зарублены и расстреляны 200 казаков станицы [34].

Вооруженная борьба «рабоче-крестьянской» власти с неприемлемым для нее демократическим и сепаратистским настроением (по характеристике самих красных, «черносотенным») коренного населения Кубанского края в виде красного террора должна была предотвратить ожидаемые протесты против новой власти. Красная власть чувствовала себя неуютно среди казачьего населения, десятилетиями воспринимавшегося как опора монарха и пользовавшегося в связи с этим особыми льготами при старом режиме. Несмотря на то, что восстания действительно произошли, их природа находилась исключительно в политической плоскости. Однако стихийно формируемые суды и юридически нелегитимные тройки во время проведения карательных операций по подавлению восстаний, для террора против духовенства умело использовали намеренно придаваемую им религиозную окраску. Она же была использована и позднее, в репрессиях 1937–1938 гг. в формулировке обвинений: за создание и деятельность «церковно-монархических организаций».

Гонения на периферии против Русской православной церкви и духовенства в 1918 г. нельзя назвать отдельным направлением красного террора: по выражению В.П. Булдакова, насилие против священнослужителей было частью «общего стихийно-разнузданного поношения “старого мира”» [35]. При этом необходимо отметить ряд случаев, когда советская власть, декларируя свою «народность», стремилась продемонстрировать справедливость, показательно «прислушиваясь» к мнению прихожан.

22 февраля в станице Атаманской священника Д. Покровского судили за «контрреволюционную» деятельность: он публично осудил расстрел офицера Кокунько, но был оправдан. Уже вскоре вновь над ним состоялся суд за церковные проповеди с осуждением действий карательного отряда Д.П. Жлобы, однако все обвинения были сняты [36]. В станице Лабинской священник Г. Стрельбицкий в течение 4 дней был под судом, а затем на митинге решением народа был отпущен [37]. В марте в станице Имеретинской священника А.Виноградова судили, но затем он был оправдан; повторно был осужден в августе, причем даже его выводили на казнь, но большевики «встретили энергичное сопротивление населения» [38]. В станице Пашковской священномученика Григория Троицкого (прославлен в лике святых) дважды приговаривали к смерти за проповедь «против фронтовиков, изменивших долгу присяги», и лишь заступничество прихожан спасло его от зверской расправы [39]. На хуторе Скобелевском священника П. Пятницкого арестовали за «контрреволюцию» местные большевики и солдаты военно-революционного комитета и отправили в тюрьму хутора Романовского, где он «подвергался насилиям и издевательствам», но после ходатайств прихожан был освобожден [40]. Священник станицы Саратовской Ф. Шаповалов и псаломщик М. Горелов, приговоренные к смерти местными большевиками, остались живыми только «по просьбам прихожан» [41]. В станице Ладожской местных священников, арестовав, немедленно повели на расстрел, «но прихожане отстояли» [42].

Совершенно несоответствующим идейным опасениям большевиков представляется решение о мобилизации священников села Казьминского в карательный отряд, наступавший на станицу Баталпашинскую, причем они «должны были с крестом идти впереди отряда». Как известно, вскоре постановление было отменено [43]. В мае священник И. Бутович в станице Новопластуновской был арестован за служение молебна в честь Добровольческой армии. После 11-го допроса начальник карательного отряда Лебедев неожиданно объявил: «Эти штыки (красноармейцев) вас оправдали, просим, отец, поддержать советскую власть» [44].

Невозможно обойти стороной и совершенно девиантные случаи поведения

большевиков. В станице Тульской проводили в августе обыск местного храма, стремясь обнаружить якобы сокрытое оружие. «Они держали себя вполне благопристойно в церкви, осеняли себя крестным знаменем» [45]. Через неделю после захвата большевиками станицы Баталпашинской (взята 17 марта 1918 г.) по приказу начальника революционного отряда прапорщика Балахонова на базарной площади был отслужен благодарственный молебен, а на страстной неделе «все начальствующие лица, окруженные свитой», присутствовали на богослужениях, причем сам командир читал и пел на клиросе и вообще «очень любил церковь», и просил епархиальное начальство «разрешить ему держать экзамен на псаломщика» [46].

Из сообщения священника станицы Косякинской Симеона Крыгина известно, что однажды в станичный храм прибыл комиссар одного из отрядов. Пораженный чистотой и красотой храма комиссар истово перекрестился, сказав: «Я хотя и не верующий человек, видел много храмов, но такого храма я нигде не встречал, и разорять такой храм нельзя», – и дал в благодарность денег церковному сторожу, приказав никого из отряда не впускать [47].

На фоне вооруженных столкновений большевиков, ценой крови устанавливавших советскую власть в регионе, существенной проблемой среди населения стали сословные конфликты между казаками и иногородними (приезжими крестьянами, симпатизировавшими большевикам). Приходские священники, выступая индифферентными к политической борьбе, в своих проповедях стремились призвать враждующих к миру и любви.

Еще с 1917 г. священник станицы Новолабинской Василий Тимофеевский неоднократно обращался к жителям станицы с увещанием и призывами прекратить вражду: «Вы, казаки, протяните руку своим братьям иногородним, а вы, иногородние, не оставьте висеть в воздухе протянутую вам братскую руку. Не надо ссор! Общими силами сплотитесь и поддержите Временное Правительство и Краевую раду, избранную вами же всеми. Ваш враг один – немцы, которые хотят воспользоваться вашей враждой».

Отец Василий был истинным исповедником, претерпевшим во время красного

террора ужасные мучения за свой сан. С установлением советской власти в станице, как указывал очевидец тех событий, «батюшку арестовали за проповедь любви к ближнему, за призыв повиноваться Раде» [48]. Здесь говорится об аресте 23 февраля, когда захватившие станицу большевики священника «били прикладами винтовок, держали двое суток в заключении при станичном карцере, где он перенес всевозможные издевательства и насмешки, сопровождаемые нецензурными выражениями, ежеминутно ожидая смерти от разъяренной пьяной стражи и других таких же солдат» [49]. Важно отметить влияние проповедей отца Василия на население, которое даже в условиях господства советской власти и опасности за жизнь отстаивало перед ревкомом своего настоятеля: «грозили [большевики] много раз расправиться с ним, но боялись все-таки прихожан, которые героически оберегали жизнь о. Василия», – писал современник [50].

С призывом прекратить вражду и распри 18 февраля 1918 г. выступил на тысячном митинге священник станицы Темнолесской Василий Кудрявцев, собравшемся вследствие обострения отношений между фронтовиками-большевиками и населением станицы [51].

Исследуя красный террор против духовенства в 1918 г., невозможно остаться равнодушным к судьбам священнослужителей, уже церковный сан которых был в глазах большевиков веским основанием для вынесения смертного приговора. Кровавая война большевиков против «старого мира», начавшаяся в январе 1918 г. на Юге России, велась в т.ч. и против Православной Церкви и ее духовенства. Созданная в 1919 г. при А.И. Деникине Особая следственная комиссия по расследованию злодеяний большевиков, проведя анализ сведений о терроре против духовенства, сообщала: «Ни один из этих мучеников не совершал никакого преступления, хотя бы и против большевиков» [52]. Учитывая отсутствие каких-либо материалов Чрезвычайных комиссий большевиков, С.П. Мельгунов отмечал высокую ценность материалов Особой комиссии как источника, имеющего «первостепенное значение для характеристики большевизма в период 1918–1919 гг. и единственного для описания террора на Юге за этот период времени» [53]. Однако создание целостной

исторической картины красного террора, как справедливо утверждает Ю.А. Бирюкова, возможно при успешном анализе не только материалов самой комиссии, но и сопутствующих документальных источников (метрических книг, материалов периодической печати и нарративного характера), коррелирующих с результатами и выводами комиссии [54]. В связи с этим исследования красного террора против духовенства на Юге России призваны восполнить существующие в историографии лакуны и стать ресурсом для формирования государственной политики памяти.

Примечания:

1. Бирюкова Ю.А. Документы Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России как источник по истории Русской Православной Церкви // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. № 79. 2017. С. 55–67.

2. Гетманская С.Н. Православное духовенство Кубани (1918–1920 гг.) // Антропология конфликта и мира: революции и перевороты XX в. в исторической и культурной памяти народов Юга России: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (г. Краснодар, 24 ноября 2017 г.) / науч. ред., сост. Н.И. Бондарь, А.И. Зудин. Краснодар, 2017. С. 49–59; Небавский А.А. Репрессии против духовенства в годы Гражданской войны // «Гром победы, раздавайся!»: материалы XI Международных Дворянских чтений. Краснодар, 2015. С. 213–224.

3. Красный террор в годы гражданской войны: по материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. Overseas Publications Interchange Ltd – London, 1992.

4. Спиринов Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917–1920 гг.). М., 1968. С. 210, 213.

5. Польский М., протопресв. Новые мученики Российские. Т. I. Jordanville, 1949. С. 207–208.

6. Гетманская С.Н. Из истории православной жизни населения станиц Лабинского района (конец XIX – начало XX в.) // Отраденские историко-краеведческие чтения. Вып. IV: Материалы международной научной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения краеведа П.М. Галушко / Науч. ред. С.Н. Малахов, сост. С.Г. Немченко. Армавир, 2016. С. 206–211; Горожанина М.Ю. Православное духовенство Кубани в годы политических репрессий // Материалы X Международной научной конференции «Государство, Общество, Церковь в истории России XX века». Иваново, 2011. С. 132–139.

7. Кияшко Н.В. Особенности епархиального управления и церковной жизни на Кубани в 1919 году // Вопросы южнороссийской истории: научный сборник. Вып. 19. Армавир, 2015. С. 179–191; Его же. Система церковного управления и положение духовенства на Юге России в 1918–1919 гг. // Материалы VIII международной студенческой научно-богословской конференции 18–19 мая 2016 г.: сборник докладов / Санкт-Петербургская духовная академия. СПб., 2016. С. 226–233; Небавский А.А., Кияшко Н.В. Положение Церкви на Кубани в период Гражданской войны: мученические подвиги духовенства // «Желавший истинно славы Отечества своего...»: материалы XII Международных Дворянских чтений. Краснодар, 2016. С. 214–225.

8. Мельгунов С.П. Красный террор в России. Нью-Йорк, 1979. С. 39.

9. Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 475.

10. Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. М., 2004. С. 65.

11. Из истории гражданской войны в СССР: Сб. док. и материалов. М., 1960. Т. 1. С. 465–466.

12. Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 473.

13. Известия ВЦИК. 1919. 3 января.

14. Все даты приводятся по старому стилю.

15. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-3134. Оп. 1. Д. 563. Л. 446–446об.

16. См. подробнее: *Небавский А.А., Кияшко Н.В.* Положение Церкви на Кубани в период Гражданской войны: мученические подвиги духовенства // «Желавший истинно славы Отечества своего...»: материалы XII Международных Дворянских чтений. Краснодар, 2016. С. 214–225.

17. Вольная Кубань. 1919. 16 февраля. № 39.

18. ГАРФ. Ф. Р-3696. Оп. 1. Д. 14. Л. 33–36.

19. ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 10. Л. 238, 243; Д. 25. Л. 50об.

20. The Museum-Archive of Russian Culture, San Francisco, USA. Чубов Д., прот. Краткое изложение биографических сведений (автобиография) о протоиерее Давиде Чубове. Брюссель, 1936. Рукопись. С. 18.

21. Там же. С. 21–22; ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 10. Л. 235.

22. ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 10. Л. 146.

23. ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 10. Л. 177; Д. 41. Л. 26.

24. ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 25. Л. 5; Д. 10. Л. 156; Государственный архив Ставропольского края. Ф. 135. Оп. 74. Д. 1037. Л. 78об.; *Брославская А.* Троицкое восстание // Провинциальная газета. 2004. 24 мая. С. 2.

25. Архив МО Лабинский район. Ф. Р-441. Оп. 1. Д. 219. Л. 164об.–165.

26. Архивный отдел Администрации МО Отрадненский район. Ф. 303. Оп. 1. Д. 97. Л. 183об.–184. Информация предоставлена С.Г. Немченко.

27. Красный террор в годы Гражданской войны / Сост., вступ. ст. Ю. Фельштинского, Г. Чернявского. М., 2013. С. 156.

28. Очевидно, автор статьи перепутал имя священника А.И. Бубнова.

29. По другим сведениям – 18 июня.

30. ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 10. Л. 150.

31. Там же. Л. 216.

32. Там же. Л. 148.

33. Там же. Д. 25. Л. 5.

34. Там же. Д. 10. Л. 171.

35. Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 451.

36. ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 10. Л. 152.

37. Там же. Л. 149.

38. Там же.

39. ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 10. Л. 214.

40. Там же. Л. 154.

41. Там же. Л. 157

42. Там же. Л. 170.

43. ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 10. Л. 150.

44. Там же. Л. 151.

45. Там же. Л. 214.

46. Там же. Л. 10об.–11.

47. Там же. Л. 51об.–52.

48. Вольная Кубань. 1919. 4 мая. № 96.

49. ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 10. Л. 2–2об.

50. Вольная Кубань. 1919. 4 мая. № 96.

51. ГАРФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 10. Л. 53об.

52. Там же. Д. 25. Л. 6.

53. Мельгунов С.П. Красный террор в России. Нью-Йорк, 1979. С. 16.

54. Бирюкова Ю.А. Документы Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков при Главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России как источник по истории Русской Православной Церкви // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. № 79. 2017. С. 58.

Иеромонах Антоний (Малинский)

К биографии священника Феодора Акимовича Березовского, убитого в 1918 году в станице Удобной Кубанской области

«Кто же мученики российские?» [1] – это вопрос протоиерея Михаила Польского, которым были предприняты титанические усилия по сохранению той скудной информации, которую мы сегодня имеем о жизненном подвиге и трагической кончине священнослужителей, окончивших свой жизненный путь в 20–30 гг. XX столетия.

Отвечая на него, отец Михаил писал: «Из миллионов убитых многие миллионы и сотни тысяч умерли с верою, молитвою и покаянием на устах и в сердце. И они прощены, и покрыли свои грехи мученичеством, и, как кающийся разбойник на кресте, в день своей смерти получили со Христом Царство Небесное» [2].

Среди священников, погибших на Кубани в 1918 году, был иерей Феодор Березовский, священник Успенской церкви станицы Удобной Кубанской области. Данная статья представляет собой биографию убитого пастыря, созданную на основе архивных материалов.

Священник Феодор Иоакимович Березовский, сын мещанина города Ставрополя Иоакима Евдокимовича Березовского и его супруги Феклы Алексеевны, родился 18 февраля 1863 года [3].

Ревизская сказка 1858 года позволяет уточнить происхождение Иоакима Евдокимовича, который был из государственных крестьян села Ново-Егорлыкского, основанного в 1808 году из переселенцев Харьковской и Воронежской областей. Жена Иоакима Евдокимовича – Фекла Алексеевна, так же как их дочери Надежда, Анна и Прасковья, названы в документе крестьянками [4].

Крестили новорожденного Феодора на следующий день, 19 февраля 1863 года, в каменной кладбищенской Варваринской церкви города Ставрополь, построенной в 1848 году на деньги купца Федора Стасенкова по проекту архитектора Павла Григорьевича Воскресенского (сейчас на этом месте располагается строительный техникум). Таинство Крещения совершил протоиерей Феодор Постинов. Восприемниками при

крещении стали ставропольские мещане Марк Петрович Гончаров и Меланья Исаевна Еременкова [5].

Имя новорожденный Феодор получил, вероятнее всего, в честь св.вмч. Феодора Тирона, празднуемого 17 февраля. Именно дата именин, на наш взгляд, повлияла на имеющиеся в документах разночтения относительно даты рождения. Так, в Послужном списке за 1910 год датой рождения названо 16 февраля [6], а в том же документе за 1914 год – 17 февраля [7].

Обучался Феодор в Ставропольской духовной семинарии, 5 декабря 1879 года уволился из 1 класса вышеназванного учебного заведения [8].

30 октября 1881 года Преосвященным епископом Кавказским и Екатеринодарским Германом (Осмецким) Феодор был назначен исправляющим должность псаломщика в Михаило-Архангельской церкви посада Даховского Черноморского округа.

10 июня 1883 года Преосвященным Владыкой Германом «по прошению» перемещен на такую же должность в станицу Темнолесскую Кубанской области. В 1884 году Феодор Иоакимович был посвящен в стихарь [9].

13 мая 1885 года Преосвященным епископом Германом в соответствии с поданным прошением переведен на должность псаломщика в село Кистинское.

Вероятно, в 1888 году в семье Феодора Иоакимовича появился первый ребенок – Мария.

30 августа 1889 года Преосвященным епископом Ставропольским и Екатеринодарским Владимиром (Петровым) рукоположен во диакона к Рождество-Богородицкой церкви села Арзгир.

21 января 1891 года в семье отца Феодора родилась вторая дочь – Валентина. Крещение младенца было совершено 27 января священником Иосифом Александровым. Восприемниками стали «псаломщик местной церкви Феодор Петров Проселков и жена священника Лидия Егорова Александрова» [10].

С 1889 года по 1 июня 1899 года состоял учителем при Арзгирской одноклассной церковно-приходской школе.

В 1890 году у отца Федора начались пастырские искушения. В Послужном списке отца диакона за вышеназванный год имеется запись о том, что за венчание «со-

вместно со священником станицы Темнолесской Козьмой Архангельским чужеприходного брака пр[ихожан] села Надеждинского Алексея и Натальи Ореховых, состоящих между собою во второй степени двухродного свойства без соблюдения предбрачных предосторожностей резолюцией Его Преосвященства от 24 июля 1889 г. за № 4089 последовавшей на определение консистории утвержденной св[ятейшим] Синодом принужден к трехмесячной эпитимии (так в тексте документа) при Крестовоздвиженской Церкви Ставр[опольского] Архиерейского дома с тем, чтобы он, Березовский, один месяц ежедневно после утрени клал 10 поклонов в Церкви и за сим по очищении совести исповедью перед Духовником остальные 2 месяца совершал Богослужение на клиросе как псаломщик без череды» [11].

3 июня 1892 года в семье Березовских родился сын Сергей, который был крещен священником Иосифом Александровым 12 июня 1892 года. Крестными младенца стали Царицынский мещанин Арэф Васильевич Татарников и супруга отца Иосифа Лидия Георгиевна [12]. Родительская радость была недолгой, 20 марта 1893 года Сергей скончался от простуды и был 21 марта после отпевания, совершенного священником Иосифом Александровым, погребен на местном приходском кладбище [13].

11 апреля от дифтерии скончалась и старшая дочь отца Феодора Мария, погребение 12 апреля совершил священник Евфимий Малинский [14].

В Послужном списке диакона Феодора Березовского за 1894 год в семье священнослужителя значатся супруга Екатерина Алексеевна, дочь Валентина шести лет и сын Григорий двух лет [15]. В Метрической книге храма Рождества Богородицы за 1893 год сведений о рождении Григория не найдено, вероятнее всего, ребенок родился в 1894 году. Метрическая книга за вышеуказанный год не сохранилась.

Последний раз имя Григория Федоровича включено в Послужной список отца Феодора в 1896 году. Так как Послужного списка и Метрической книги за 1897 год не сохранилось, скорее всего, смерть Григория последовала именно в 1897 году.

В 1898 году в Послужном списке диакона Феодора Березовского появляется дочь Нина одного года [16], рождение которой логично датировать так же 1897 годом.

С ноября 1899 г. согласно прошению диакон был перемещен к Спасо-Преображенской церкви села Воронцово-Александровского.

С 1 декабря 1899 года по 1 июня 1902 года отец Феодор Березовский состоял в должности учителя при Воронцово-Александровской церковно-приходской школе.

26 июня 1900 «за усердное отношение к учительским обязанностям преподано ему Архипастырское благословение с выдачею грамоты за № 1318» [17].

Вероятнее всего, в 1901 году в семье отца Феодора родилась дочь Анфиса [18].

15 мая 1902 года Преосвященным епископом Ставропольским и Екатеринодарским Агафодором (Преображенским) определен, а 3 июня того же года диакон Феодор Березовский был рукоположен в сан священника к Казанской церкви села Суркуль.

С 1 сентября 1902 года по 1 июня 1907 года пастырь состоял заведующим и законоучителем Суркульской церковно-приходской школы.

С 11 июня 1902 года по 31 августа 1907 года отец Феодор состоял законоучителем в Суркульском училище Министерства Народного Просвещения.

31 августа 1907 года Преосвященным Владыкой Агафодором священник вследствие поданного прошения был перемещен к Николаевской церкви станицы Сторожевой.

С 1 октября 1907 года по 12 ноября 1911 года отец Феодор состоял заведующим и законоучителем Сторожевской церковно-приходской школы.

С 1 октября 1907 года по 12 ноября 1911 года священник состоял законоучителем Сторожевской 2-классной школы Министерства Народного Просвещения.

В 1908 году по выбору духовенства отец Феодор был избран духовником XI благочиннического округа и 23 августа утвержден в этой должности Преосвященным архиепископом Агафодором [19].

12 ноября 1911 года Высокопреосвященным Владыкой Агафодором священнослужитель в соответствии с поданным прошением был переведен к Успенской церкви станицы Удобной.

С 15 декабря 1911 года священник состоял в должности заведующего и законоучителя Удобненской одноклассной церковно-приходской школы.

Помимо грамоты отец Феодор имел медаль в память царствования Императора Александра III, учрежденную его сыном 26 февраля 1896 года. Медаль в память 25-летия церковно-приходских школ, учрежденную Императором Николаем II 29 мая 1909 года. Также священник был удостоен нагрудного знака в память 300-летия царствования дома Романовых, учрежденного 18 февраля 1913 года. К награждению представлялись лица, лично поздравившие монаршую чету с юбилеем 21–24 февраля 1913 года.

Станица Удобная «признала Советскую власть, когда к ней подошел отряд Балахонова 4 марта 1918 г. Карательным отрядом была наложена на станицу контрибуция в размере 150 000 руб. В этом числе со свящ. Успенской церкви Александра Острикова ... 5000 р., со свящ. Ф. Березовского 2000 р. 18 июля 1918 [г.] боль[шевики] расстреляли вместе с 22 прихожанами свящ. Феодора Березовского. О. Острикова с двое суток подвергли аресту» [20].

Другой документ Государственного архива Российской Федерации свидетельствует, что отец Феодор был «убит красноармейцами, ... с запрещением погребать его тело, за то, что высказывался неодобрительно о большевиках».

Нина Ильинична Пельцам помнит, как бабушка и мама, со слов очевидца события – Павла Агафоновича Пельского, рассказывали о том, что отец Феодор был расстрелян на берегу реки Макрянки среди многих других. После расстрела на месте гибели Павлом Агафоновичем был поставлен памятный крест [21].

Ксения Никитична Корецкая, сохранившая воспоминания Василия Михайловича Гордиенко, сообщает, что, когда отца Феодора вели на расстрел, он сам совершил по себе чин погребения. Когда палачи начали стрелять, пули пролетали мимо священника, тогда его закололи штыком. Убийство совершил некто красноармеец Бибик, живший в станице Удобной, уроженец Ставропольского края. Впоследствии он хвастался, что убил батюшку. По рассказам очевидца, убивали отца Феодора по религиозным соображениям [22].

Среди убитых вместе с отцом Феодором, как свидетельствуют источники, «прихожане»: урядник ст. Удобной – Дмитрий Тимофеевич Сухинов (50 л.), казак Ананий Филиппович Дубинский (60 л.), казак Константин Тимофеевич Зенченко (50 л.), казак

Петр Евстафиевич Лащ (50 л.), фельдфебель Гавриил Парфентиевич Владимиров (48 л.), урядник Сергей Парфентиевич Владимиров (48 л.), казак Василий Яковлевич Фисенко (48 л.), казак Гавриил Косминич Картавый (36 л.), казак Каллиник Григориевич Осинный (56 л.), казак Архип Нестерович Кирильчук (48 л.), казак Иннокентий Алексеевич Ульянов (60 л.), урядник Стефан Даниилович Терещенко (37 л.), писарь Иосиф Васильевич Мацак (60 л.), казак Демьян Иванович Кунин (55 л.), казак Максим Петрович Сухинов (55 л.), казак Михаил Кондратович Мащенко (58 л.), казак Феодор Акимович Кияшко (45 л.), казак Алексей Антониевич Логвинов (76 л.) [23].

Первым был погребен Д.Т. Сухинов, датой его похорон стало 15 июля. А.Ф. Дубинский, К.Т. Зенченко, П.Е. Лащ, Г.П. и С.П. Владимировы, В.Я. Фисенко, Г.К. Картавый, К.Г. Осинный и А.Н. Кирильчук были погребены 20 июля.

Священник Феодор Березовский был погребен вместе с остальными погибшими на местном кладбище 26 июля 1918 года. Чин погребения «совершал священник Александр Остриков с причтом» [24].

Примечания:

1. *Польский Михаил*, протопресвитер. Новые мученики Российские. 1949. С.4
2. Там же.
3. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 135. Оп. 21. Д. 877. Л. 8об.–9.
4. ГАСК. Ф. 459. Оп.1. Д. 424. Л. 253об.–254
5. ГАСК. Ф. 135. Оп. 21. Д. 877. Л. 8об.–9.
6. ГАСК. Ф. 135. Оп. 68. Д. 598. Л. 57об.
7. ГАСК. Ф. 135. Оп. 72. Д. 1261. Л. 7об.–10 об.
8. ГАСК. Ф. 135. Оп. 44. Д. 766. Л. 710об.
9. ГАСК. Ф. 135. Оп. 68. Д. 877. Л. 57об.
10. ГАСК. Ф. 135. Оп. 78. Д. 9. Л. 8об.–9.
11. ГАСК. Ф. 135. Оп. 48. Д. 246. Л. 70, 71.
12. ГАСК. Ф. 135. Оп. 78. Д. 10. Л. 41об.–42.
13. ГАСК. Ф. 135. Оп. 78. Д. 11. Л. 117об.–118.
14. ГАСК. Ф. 135. Оп. 78. Д. 11. Л. 120об.–121.
15. ГАСК. Ф. 135. Оп. 52. Д. 87/94. Л. 58об.–59 об.
16. ГАСК. Ф. 135. Оп. 56. Д. 292/20. Л. 58об.
17. ГАСК. Ф. 135. Оп. 58. Д. 446. Л. 24об.
18. ГАСК. Ф. 135. Оп. 52. Д. 87/94. Л. 58об.–59об.
19. Ставропольские Епархиальные ведомости. 1908. С. 1123–1124.
20. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 470. Оп. 2. Д. 10. Л. 216.
21. ГАРФ. Ф. 470. Оп. 2. Д. 25. Л. 5. Об этом свидетельствует также другой документ: ГАРФ. Ф. 470. Оп. 2. Д. 10. Л. 227.
22. Опросный лист Н.И. Пельцам // Архив Комиссии по канонизации святых Армавирской епархии. Дело священника Феодора Акимовича Березовского (1863–1918 гг.). Л. 1.
23. Опросный лист К.Н. Корецкой // Архив Комиссии по канонизации святых Армавирской епархии. Дело священника Феодора Акимовича Березовского (1863–1918 гг.). Л. 1–2.
24. Архивный отдел администрации муниципального образования Отраденский район (далее – АОАОР). Ф. 303. Оп. 1. Д. 124. Л. 196об.–200.
25. АОАОР. Ф. 303. Оп. 1. Д. 124. Л. 198об.–199.

А.В. Бабич, С.Г. Немченко

Священник станицы Каменнобродской Кубанской области Серапион Георгиевич Попов

Разрушение Русской Соборной идеи, на которой около тысячелетия зиждилось государство Российское, происшедшее в результате проникновения в русское национальное самосознание западно-европейской «просветительской» философии, привело к глубокому расколу российского общества, следствием которого явилась трагедия 1917 года и гражданская война 1918–1920 гг., похоронившие Империю и открывшие Россию «всем ветрам»...

Мощный удар кровавого молоха обрушился и на российское духовенство, которое, в числе лучших его представителей, являлось носителем православно-монархической государственности и национального самосознания.

Праха многих и многих священнослужителей Кубани нашел упокоение в родной земле, а души их вознеслись ко Господу. О ком-то из них остались многочисленные документальные свидетельства, о ком-то лишь несколько скупых строк «убит...», «расстрелян...», «изрублен шашками...».

В этой небольшой заметке хотелось бы поведать о священнике ст. Каменнобродской Кубанской области Серапионе Георгиевиче Попове, погибшем в 1918 году в ст. Отрадной Кубанской области, после подавления большевиками Троицкого восстания.

Итак, Попов Серапион Георгиевич родился в 1878 году в семье священника Георгия Попова, в 1899 году окончил полный курс Ставропольской духовной семинарии по 2-му разряду и в сентябре этого же года поступил на службу диаконом-учителем в ст. Курганную Кубанской области. С 1910 г. по 1913 г. состоял духовным следователем.

24 ноября 1911 г. Ставропольским Епархиальным училищным Советом избран сверхштатным членом Кавказского отделения Совета за церковно-школьную деятельность и утвержден в этой должности Высокопреосвященнейшим Агафодором № 4501.

21 марта он был назначен священником в ст. Успенскую Кубанской области, где и служил вплоть до апреля 1915 года, после чего, 15 апреля этого же года, переведен

к Свято-Николаевской церкви в ст. Каменнобродскую. В этой должности он и оставался вплоть до своей кончины в 1918 году.

С 15 сентября 1916 г. состоял законоучителем одноклассного станичного училища. С 1 ноября 1916 г. состоял законоучителем высшего начального училища в ст. Каменнобродской Кубанской области.

Состав семьи: жена, Екатерина Александровна Попова, род. 29 ноября 1879 г.; дети: Анатолий, род. 24 ноября 1901 г., Милица, род. 15 июля 1905 г., обучается в Ставропольской Ольгинской гимназии на собственном содержании; Михаил, род. 22 ноября 1907 г., Виктор, род. 2 января 1910 г. (сыновья находились при родителях) [1. Л. 158–159].

В метрической книге Рождество-Богородицкой церкви ст. Отрадной Кубанской области об умерших за 1918 год имеется запись № 375 о том, что священник ст. Каменнобродской Серапион Георгиевич Попов, возраст 40 лет, убит 13 октября 1918 года, погребен на приходском кладбище ст. Отрадной 15 октября 1918 года. Погребение совершал священник Николай Кислов с причтом [2. Л. 183об.–184].

Покойся с миром, о. Серапион, православный батюшка, мученически погибший в годы кровавого лихолетья...

Примечания:

1. ГКАУ «Государственный архив Ставропольского края». Ф. 135. Оп. 74. Д. 1047.

2. Архивный отдел администрации муниципального образования Отрадненский район Краснодарского края. Ф. 303. Оп. 1. Д. 97.

С.Н. Гетманская

Православная жизнь в станицах Усть-Лабинского района Краснодарского края (конец XIX – начало XXI в.)

Заселение Старой и Новой линии шло постепенно и сопровождалось храмовым строительством. В 1794 г. донские казаки основали ст. Усть-Лабинскую. В 1802 г. на участок между станицами Усть-Лабинской и Кавказской были переселены семьи Екатеринославского казачьего войска. Так появилась ст. Ладожская. В 1804 г. переселившиеся на Кубань украинские однодворцы

основали ст. Воронежскую. В междуречье рек Лабы и Белой в числе других станиц, кордонов и укреплений в 1843 г. возникли ст. Некрасовская и Тенгинская [1]. В 1852 г. между Некрасовской и Тенгинской была основана ст. Новолабинская [2].

В этих и других рассматриваемых ниже населённых пунктах храмы представляли собой деревянные молитвенные дома, крытые камышом. По прошествии нескольких лет стали возводиться церкви больших размеров. Так, в ст. Ладожской в 1826 г. на средства прихожан была построена кирпичная однопрестольная церковь. В Тенгинской и Некрасовской в 1867 г., а в Новолабинской в 1868 г. были открыты деревянные церкви на каменном фундаменте с колокольной, крытые железом. На постройку каждой были выделены девять тысяч рублей из войсковых средств и внесены пожертвования прихожан. 30 августа 1904 г. был заложен двухпрестольный каменный храм в ст. Некрасовской (Некр4084А). В 1862 г. была построена деревянная церковь в ст. Усть-Лабинской (в 1958 г. станице Усть-Лабинской был присвоен статус города. – С.Г.). В слободе¹⁰ Усть-Лабинской в 1883 г. уже имелась однопрестольная кирпичная церковь. В 1838 г. построена и освящена деревянная однопрестольная церковь с колокольной в ст. Воронежской. Служащие в ней священники окормляли хутора на реках Кирпили и Бейсужок. В х. Кирпильском (в 1906 г. хутор был преобразован в ст. Кирпильскую. – С.Г.) в 1889 г. была выстроена стараниями прихожан деревянная церковь с колокольной на каменном фундаменте. В х. Братском и х. Александровский в 1896 г. были построены молитвенные дома на средства прихожан. Они были бедны утварью. В 1899 г. в х. Зубове был возведён деревянный храм на каменном фундаменте, с железной крышей. Такой же храм в 1900 г. был построен в х. Ладожском (в 1912 г. хутор был преобразован в ст. Восточную. – С.Г.). В этом же году на средства Санкт-Петербургского купца П.А. Чуксанова (пять тысяч рублей) и пожертвования прихожан (две тысячи рублей), была построена деревянная церковь на кирпичном цоколе в с. Штурбино. В х. Третья Речка Кочеты (в 1962 г. хутор был переименован

¹⁰ Сельское поселение, основу которого составляли жены-солдаты бывшей Усть-Лабинской крепости.

в с. Суворовское. – С.Г.) в 1910 г. «тщанием обществ» ст. Васюринской и Пластуновской была выстроена кирпичная церковь. Прихожане также посещали деревянный храм, построенный в 1898 г. и располагавшийся на территории Казанского мужского монастыря, который находился на берегу р. Кочеты между станицами Пластуновской и Васюринской.

Жители рассматриваемых селений посвящали свои храмы и великим православным праздникам, и почитаемым святым. Так, в честь Святой Троицы был освящён храм в х. Ладожском; Рождества Пресвятой Богородицы – в ст. Воронежской и с. Штурбино; Успения Божьей Матери – в ст. Ладожской; Покрова Пресвятой Богородицы – в ст. Новолабинской; Архистратига Божия Михаила и прочих Небесных Сил Бесплотных – в ст. Тенгинской и х. Кирпильском; Святителя Николая – в станицах Усть-Лабинской, Некрасовской и х. Зубове; преподобного Сергия, игумена Радонежского – в слободе Усть-Лабинской; святых равноапостольных Кирилла и Мефодия – в х. Александровском; Казанской иконы Божьей Матери и благоверного великого князя Александра Невского – в х. Третья Речка Кочеты; часовня святой великомученицы Параскевы Пятницы на источнике и придел Никольского храма – в ст. Некрасовской¹¹.

Нужно отметить, что духовенство Кавказского корпуса, церкви и духовенство Линейного казачьего войска с 1846 г. подчинялось обер-священнику Кавказского корпуса, местопребывание которого находилось в г. Тифлисе. С 1867 г. они перешли в ведомство Кавказской и Екатеринодарской епархии с центром в г. Ставрополе.

Клировые ведомости сохранили имена и фамилии батюшек, служивших с момента основания вышеназванных станиц. Жизнь каждого из них интересна и значима для истории прихода. Отметим тех, кто особенно запомнился прихожанами. Это отец Евфимий Тимофеевский, известный летописец истории приходской жизни, просветитель и благотворитель. Под его председательством было организовано церковно-приходское попечительство при Свято-Никольском храме ст. Усть-Лабинской, за-

ботящееся о благоустройстве приходской церкви и причта, начальном обучении детей, благотворительности [3]. С 1896 по 1906 гг. в ст. Воронежской трудился отец Михаил Лекторский. Он выполнял должность заведующего и законоучителя одноклассной церковно-приходской школы, законоучителя двухклассной и одноклассной женских школ, находившихся в ведомстве Министерства народного просвещения. Имел множество наград за труды на благо Церкви, открыл библиотеку-читальню на собранные им средства, собирал пожертвования в пользу пострадавших от неурожая, принимал участие в Первой Всероссийской переписи населения. Имел четверых детей [4].

С момента открытия храма в х. Кирпильском до 1890 г. прихожан окормлял Иоанн Иоаннович Восторгов. В то время ему было 23 года. В хуторе на свои средства он построил церковно-приходскую школу, открыл общество трезвости, вёл миссионерскую деятельность [5]. После того как он был переведён в другой населённый пункт, церковная жизнь в хуторе стала угасать. Корреспондент отмечал отсутствие единомыслия и согласия на приходе, пререкания между казаками и иногородними в деле строительства нового храма, «не вмещающего всех говеющих». Восемь лет шёл сбор средств, но касса оставалась пустой. Отговорки были разные, в том числе и такие: «иногородние позабегутся раньше нас в храм и приходится нам торчать в ограде, поэтому и тесно» [6].

Ценили прихожане ревность не только своих пастырей, но и их помощников. Например, дьякону ст. Усть-Лабинской Петру Соболеву общество казаков преподнесло дорогое Евангелие. Отцу диакону была дана такая характеристика: «безукоризненный, нравственный и добрый отец, не обладая и сам достаточными материальными средствами, делится ими по возможности с бедняками, не откажет в добром совете, со всеми обходителен и ласков. Около 10 лет своей службы в ст. Усть-Лабинской, сначала псаломщиком, а затем дьяконом провёл не заслужив ни одного упрека в своей служебной и частной деятельности» [7].

Многие из вышеперечисленных служителей церкви погибли за веру мученической смертью. В 1918 г. был убит священник Свято-Никольской церкви ст. Усть-

¹¹ Автор выражает благодарность О.В. Матвееву и В.В. Воронину за любезно предоставленный материал.

Лабинской Михаил Лисицын. «...Был мучим в течение трех дней – с пятницы до воскресенья. Когда тело его было найдено, то на нём оказалось более 10 ран, голова была изрублена в куски». Согласно данным Особой комиссии, после его смерти красноармейцы препятствовали родственникам и жителям станицы совершать погребение убитого. Лишь затребовав от жены священника выкуп 600 рублей, они отдали тело [8]. В 1918 г. псаломщик Свято-Троицкой церкви ст. Восточной Александр Михайлович Донецкий был присуждён за «принадлежность к кадетской партии» к заключению в тюрьме, но по дороге убит сопровождавшим его отрядом [9].

С 1927 по 1937 гг. настоятелем Ладужской Свято-Успенской церкви являлся прот. Смирнов Никандр Александрович, 1874 г.р. В 1937 г. он был арестован и осуждён тройкой УНКВД. Приговор «расстрел» приведён в исполнение 16 февраля 1938 г. [10]. В этом же храме с 1921 по 1924 гг. служил Павел Георгиевич Ансимов. Расстрелян на Бутовском полигоне в Москве в 1937 г. (на момент смерти служил в храме Рождества Христова в подмосковном селе Измайлово. – С.Г.). В сонме святых новомучеников и исповедников Церкви Русской, помимо отца Павла Ансимова, прославлены протоиерей Михаил Лекторский (убит в 1921 г. в период служения настоятелем храма ст. Новотитаровской Динского района. – С.Г.), протоиерей Иоанн Восторгов (убит в 1918 г. в период служения настоятелем храма Василия Блаженного на Красной площади. – С.Г.) и иерей Михаил Лисицын.

В советское время преследования за веру не прекращались. Арестованным предъявлялось обвинение по 58-й статье УК РСФСР, в основном по пунктам 10 и 11 («антисоветская агитация», «контрреволюционная деятельность»). Среди приговорённых и отбывавших ссылку по указанной статье были: священник, работавший в должности псаломщика в ст. Воронежской с 1945 г., Матросов Даниил Самойлович 1895 г.р.; Печников Александр Дмитриевич, 1882 г.р., являвшийся священником ст. Тенгинской с 1947 г.; служивший в этом же приходе с 1942 по 1947 г. Иванов Виктор Витальевич, в 1955 г. был оправдан; Кочегаров Николай Петрович, 1889 г.р., настоятель храма ст. Новолабинской с 1953 г.р.; настоятель этого же храма с 1945 г. Иоаким Максимович Лазаренко 1900 г.р. [11].

В станицах с начала 30-х гг. XX в. началось разрушение храмов. Наши собеседники вспоминали: «колокол свалили, как гунула, ужас, гунула вся станица», «когда стали колокол валять, буря поднялась страшная» (Тенг4023В, Нов4051А). По словам жителей ст. Некрасовской, были подделаны документы, в которых говорилось, что станичники хотят убрать церковь (Некр4062). До окончательного разрушения некоторые храмы использовались под зернохранилища (Тенг4021В).

Народная память хранит воспоминания о благолепии разрушенных храмов. «Такой храм красивый был в Киеве и у нас. На всю Россию два храма» (Некр4075А); «За тридцать километров колокол было слышно. Когда Пасха, тут же ж перезвоны такие, со всех хуторов приезжают, празднуют» (Тенг4023В). «Когда хоронили, по звону знали, «что это на сход души» (Нов4051А). «Красивей нашей церкви нигде не был... Иконы красавицы были» (Нов4058).

Материал (кирпичи, доски) после разрушения церковей в советское время использовали для строительства корпусов для свиней и коров, других хозяйственных построек. Люди разбирали оставшиеся куски от икон: «иконы жгли – прямо костры» (устраивали. – С.Г.) (Нов4047, Некр4085). Одно из немногих церковных сооружений XIX века, которое не было разрушено на Кубани, находилось в ст. Воронежской. Этот храм действовал вплоть до начала Великой Отечественной войны [12]. Лишь после войны колокола, звон которых был слышен в х. Железном, «посбрасывали на переплавку» (Вор19).

Богослужения были возобновлены во всех рассматриваемых станицах в период немецкой оккупации или после неё, как, например, в ст. Кирпильской. При открытии церковей к обновленческой ориентации принадлежали приходы станиц Кирпильской, Ладужской, Тенгинской. Часть священников-обновленцев, служивших в этих населённых пунктах, были приняты в общение с Православной церковью до 1944 г. епископом Краснодарским и Кубанским Фотием. Другие прослужили в обновленчестве до июня 1945 г., а потом приняты в Патриаршую церковь вместе со своим архиепископом Владимиром (Ивановым). Станичников не интересовало, к какой ориентации

принадлежит их приход. Для людей было важно, чтобы в приходе был священник, к которому можно было бы обратиться в случае той или иной жизненной необходимости. Так, по просьбе верующих во время войны был рукоположен в сан обновленческим архиепископом Андрей Григорьевич Рожнов (ст. Ладожская).

В 50-е гг. XX в. священники добивались разрешения Уполномоченного по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР по Краснодарскому краю на исполнение треб в хуторах, относящихся к тому или иному приходу. Так, отцу Александру Голубинскому (ст. Ладожская) было разрешено совершать требы в хуторах Габаев и Красный; отцу Леониду Бухареву (ст. Некрасовская) – в хуторах Макаровский, Путь к коммунизму, Свободный Труд, Ковалёв, Хлебный рынок, Имени Ленина, Мухин, Пустосёлов, Малый Сидоров, Пульхеров, Догужиев, Киевский, Саратовский; отцу Андрею Рожнову (ст. Воронежская) в хуторах Третья Речка Кочеты, Железный, Красно-Матвеевский. Отец Андрей в письме к Уполномоченному писал, что жители этих хуторов за дальностью расстояния не могут посещать храм, «особенно нуждаются в исполнении духовных треб старики и старухи, ...обслужить их нужно только три раза в год..., в Великий пост, когда старики говеют, что займёт два дня... На Третьей речке Кочеты престольный праздник Александра Невского 12 сентября, Железный хутор – престольный праздник 4 ноября, и третья треба служба после Пасхи на гробках» [13].

Всё это говорит о том, что вера в 40-50-е гг. XX в. сохранялась, конечно, не в той степени, что в 1920-1930-х гг. Это подтверждают количественные показатели. Уполномоченный сообщал, что «даже в 1925 году, в день 9-й пятницы, сюда (на источник св. Параскевы Пятницы возле ст. Некрасовской. – С.Г.) приезжал архиепископ Кубанский Михаил Орлинский, совершал богослужение в Некрасовском соборе, и молящихся у родника было до 15 тыс. человек». Многотысячные крестные ходы проводились здесь вплоть до 1936 г. Прекратились они лишь в 1937 г., когда собор во имя Святителея Николая Чудотворца с приделом во имя мученицы Параскевы в ст. Некрасовской был разрушен, а вместе с ним разобрана и часовня, возвышавшаяся

над родником [14]. В период фашистской оккупации в 1942 г. церковная община ст. Некрасовской была восстановлена, и крестные ходы на родник возобновились. Так, в 1950 г. здесь было около 200 человек из Краснодара, Армавира, Майкопа, Новороссийска и соседних станиц и хуторов [15].

Среди священников послевоенного периода служили люди с высшим богословским образованием. Это протоиерей Николай Павлович Ермолаев (ст. Кирпильская), окончивший курс Московской духовной академии; протоиерей Леонид Владимирович Бухарев (ст. Ладожская, ст. Некрасовская), окончивший полный курс Тверской духовной семинарии. Последний ходатайствовал перед Уполномоченным о покупке дома в ст. Ладожской под церковь и добился, чтобы он стал церковной собственностью.

В приходах служили священники, прошедшие дорогами Великой Отечественной войны. Это настоятель храма ст. Воронежской Кожевин Пётр Васильевич, 1906 г. р.; ст. Тенгинской – Петришин Евграф Антонович, 1887 г.р., инвалид войны второй группы; ст. Ладожской – Массальский Андрей Николаевич, 1909 г.р., имевший правительственную награду «Медаль за победу над Германией»; ст. Некрасовской – Голубинский Александр Петрович, в качестве рядового прослужил с 1942 по 1945 г. [16].

С теплом отзывались прихожане о своих настоятелях, например, отце Валериане Степановиче Маляревском (ст. Воронежская). В письме Уполномоченному они писали: «...никаких претензий не имеем, напротив выражаем ему искреннюю благодарность за его ревностную пастырскую службу и неусыпную заботу о благоустройстве храма и прихода, в знак чего преподносим фелонь (бархатную, коричневую), купленную на специально собранные средства» [17].

Незадолго до освобождения станицы гитлеровцы, несмотря на протесты отца Валериана, согнали в храм 940 человек советских военнопленных. Стоны умирающих и крики о помощи день и ночь неслись из церкви, но жители станицы не могли помочь, т.к. здание было окружено автоматчиками «и приближение к нему было запрещено под страхом расстрела» [18]. Старожилы до сих пор вспоминают эти события: «*Кто просится в туалет, не пускали, стреляли через дверь... Церковь всё-таки,*

грех... В церкви человек понимает, что нельзя. Нет, всё-равно не выпустят...» (Вор19).

Ладожцам особенно запомнился отец Андрей Массальский. Он своими руками вместе с прихожанами в 1954–1955 гг. переоборудовал приобретённый дом под церковь (Ил. № 1). После того, как на крыше появился купол с крестом, батюшка по указу Уполномоченного был переведён в ст. Костромскую, но по просьбе верующих его вернули в 1956 г. на прежнее место служения [19].

Негативное отношение к священнику складывалось у прихожан, когда он шёл против их воли. Так, священник храма в честь св. Сергия Радонежского (ст. Усть-Лабинская) Иоанн Васильев, в отличие от предыдущих настоятелей, был вынужден в 1947 г. под нажимом благочинного и Уполномоченного переселиться с церковным имуществом из храмового здания в другое помещение по ул. Демьяна Бедного, д. 127. Станичники не помогали отцу Иоанну в переезде, бойкотировали его и не ходили на службы. Батюшка сам по указанию благочинного проводил благоустройство нового молитвенного дома. А благочинный в своём отчёте Уполномоченному отмечал, что такое сопротивление верующих Сергиевского прихода является результатом «тяжёлого наследия слабого руководства предшествующих настоятелей» [20].

Православные жители района с глубоким почитанием относились к святым угодникам Божиим, в том числе великомученице Параскеве Пятнице. По преданию, недалеко от ст. Некрасовской пастухи пасли коров и обнаружили в воде икону святой. Перенесли в церковь: «*Придут утром у церкву – ей нема, а обнаруживают её в ентъем опять источнике*». Это повторялось несколько раз. «*Ну и построили тогда там часовню*» (Некр4061А). В дореволюционный период к целебному источнику, в 9-ю пятницу после Пасхи, собирався в огромном количестве народ для совершения крестного хода и проведения торжественной службы. Шли с Урала, Украины, Киева и исцелялись этой водой, «*знали о нём и на севере*» (Тенг4023В, Нов4053, Некр4061А, Некр4062, Некр4084А). «Место почиталось в народе, но официальная церковь долго считала это суеверием. Лишь в самом конце XIX в. отношение к народному почитанию источника было изменено» [21].

В народе считалось, что в святые места, к святым источникам идти нужно только пешком (Тенг4023В). Уроженка ст. Некрасовской рассказывала, как «*бабка её бабки со станицы шла в Иерусалим пешиком*». Отсутствовала она год. С собой ничего паломники не брали: «*в селениях покормят, всё дадут, пошла дальше*» (Некр4062). Если в семье долго не было детей, «*ходили на богомолье в Новый Афон*» [22].

Во время церковной службы строго соблюдался принцип размещения прихожан внутри церковного пространства по половозрастному признаку: «*посередине молодёжь, детишки, девчата*», мужчины – справа, женщины – слева (Некр4064). Церкви не вмещали прихожан, приходилось стоять на улице или в церковной ограде. «*Детей много ходило, церковь обожали*» (Нов4045).

Семья, или «малая церковь», являлись продолжением храма. Старшее поколение передавало церковные традиции своим детям и внукам. Прежде всего, в семье учили детей основным молитвам, рассказывали о вере, о Боге (Нов3196, Тенг4009). Молились утром и вечером, перед едой и после (Тенг4005, Тенг4016В, Нов4054, Некр4064). Перед началом любой работы в семье молились, обычно краткой молитвой: «*Господи, поможи мне!*» (Нов4048). Перед выгоном коровы крестили её и говорили: «*Господи, храни мою коровочку от всяких бед и напастей*», или от сглаза коровы: «*Спаси, Господи, от злых глаз, злых языков, коровку мою*» (Некр4075А). «*После Пасхи до Троицы, – вспоминает жительница ст. Тенгинской, – всегда читали «Христос Воскрес», «Отче наш», «Богородицу»*» (Тенг4009). Родители приучали детей почитать старших: на большие праздники, а именно под Рождество Христово, дети несли кутью крёстным, бабушке и дедушке, а затем соседям и старшим братьям, сёстрам, имевшим свои семьи (Тенг4016А). На Пасху, после ночной службы, около 10-11 часов утра шли на кладбище, помянуть родителей (Нов4047, Некр4064), при этом на кладбище не ели, не выпивали, всё раздавали нищим (Нов4047). На Провода ходили повторно.

Невестки всегда помогали родителям мужа, «*свекрух боялись и покорялись*». «*В доме всё делали невестки*», в частности работали по хозяйству, когда родители уходили в гости или в церковь. Следуя пятой заповеди Закона Божьего, дети считали

своим долгом досмотреть родителей, уважали старших, родителей, обращались к ним на «вы». Во время еды первыми брали пищу отец и мать, потом дети. Со старшими здоровались, уступали место, чтобы перегнать на дороге, спрашивали у него разрешение. Наши собеседники вспоминают: «*Старший сказал, хочишь, не хочишь делай*» (Тенг4011А), «*только по-родительскому всё решалось*» [23]. Нельзя было курить в присутствии старших или сидеть, когда те стоят.

Особое отношение было к нищим, старцам. Ходили они по домам и просили милостыню, особенно на Пасху (Некр4075А). У входа на кладбище в день Пасхи всегда сидело множество нищих, «*им обязательно раздавали, чтобы они поминали наших родителей*» (Нов4047). Нищих и калек в дом брали ночевать (Нов4054). Считалось большим грехом не подать просящему: «*Господь нам дал – значит надо давать людям*» (Нов4047).

К разряду греха относилось и мелкое воровство. Детей за это ставили на колени на горох, оставляли без обеда, «*лупили за это*». Взрослых, «*шо вкрал, то на шею*» и по станице водили, «*люди следам за ним гурьбой бегут, ему тада стыдно станет*» (Нов4048). Взрослых также могли «*лупить кнутами*». Если украли кур, то мазали дёгтем и перьями и водили по станице (Тенг4016В). Существовали самосуды, в том числе «*за воровство отрубали руки*» (Тенг4011А).

В народной среде аборт приравнивался к тяжкому греху (Жел5). Женщину, сделавшую аборт, сравнивали со змеей, которая поела своих детей. А дети эти «*ангальтки, они там в раю все в цветах живут*» (Нов4048).

Осуждался грех прелюбодеяния. Мужа и вообще мужчин женщины уважали: «*Жена ухаживала за мужем, мыла ему ноги, голову*» (Нов4048). Об отношении к гулящим девушкам информанты говорят: «*Тада их не было*» (Тенг4015В, 4016В). Редко, но встречается такой факт, что многие верующие грехом считали фотографироваться (Нов4054).

Даже в советский период детей посылали в церковь причащаться, освящать паски и яйца, сало. Ходили во время войны «*со святостями*» на Иордань. Тайно крестили, венчали, служили погребение, посещали вместе с бабушками моленные дома.

Поскольку богослужений в будние дни не было, а лишь в воскресные и праздничные, то праздник начинался с субботы вечера – вечерня. На другой день в 6 часов утра – утренняя. Затем небольшой перерыв, примерно 30 мин., и около 9 часов – литургия, которая заканчивалась в обед. В перерыве люди выходили во двор храма, мужчины общались только с мужчинами, женщины – с женщинами. Исповедь проходила накануне вечером [24]. Отличие с современностью состояло не только во внешнем выражении религиозности, имеется в виду смещения частей церковной службы, но в её качестве. «*Веры больше было раньше у людей*», – говорят наши информанты.

Станичники остерегались работать в большие праздники, т.к. верили в Божье наказание: «*Три дня ничего, только ухаживать за скотиной*» (Лад149ШС, Некр4064). Перед праздником до обеда работали, а «*с обеда уже готовились*» (мылись, одевались. – С.Г.) (Некр4085).

Когда в семье заболел ребёнок, родители обращались, как правило, за помощью к «*бабушкам*», но нередко прибегали к помощи церковных святынь. Лечились освящённой вербой, заваривая её с чаем (Нов4053) и троицкой травой, которую высушивали и мыли голову её отваром при головных болях (Тенг4024) [25], купали в ней детей [26]. Для этих же целей использовали воду из святого источника (Тенг4023В, Некр4061А, 4062). На Ивана Купала (Рождество Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна – С.Г.) бегали по росе (Нов4053), водили купать в речку больных. Если болел ребёнок, его накрывали венчальным платьем (Лад149ША).

В годы советской власти (за исключением военного и первых лет послевоенного периода – С.Г.) запрещалось ходить по станице на «святки» с шедровками и колясками, нательные крестики школьники хранили в коробочке (Тенг4015В). На месте разрушенных храмов сооружались школы, стадионы, спортплощадки, дома культуры (Тенг4011А) [27]. Народу объясняли так чудодейственную силу крещенской воды: «*Серебряный крест убивает микробы, поп его в воду опускает, она и не портится*» (Нов3196).

Люди, разрушавшие храм, по словам информантов, были местными. По наблюдению односельчан, кто-то из них жил долго,

растил внуков, кто-то преждевременно оканчивал свою жизнь от тяжких болезней (Тенг4021А). Наши собеседники в основном относятся к ним с сочувствием: «*А при чём тут те люди, они невиноватые, их заставляли*» (Нов4047).

Жизнь человека строилась согласно календарному году, включавшему в себя великие двенадцатые и малые праздники, посты, дни поминовения усопших. Со слов своих родителей, бабушек и дедушек наши информанты вспоминают, что в семьях обязательно держали посты не только многодневные, но и однодневные (пятница и среда) (Вор18, Некр4064, 4085), Но маленьким детям давали скоромную пищу: «*Они же ангелы, а подросткам уже грех*» (Нов4047). Вечерять начинали всей семьёй лишь после того, как из церкви приносили освящённую воду под праздник Крещения Господня: «*До двух часов дня ничего не ели, а под Рождество ели постное*» (Некр4085). После 12 ночи, на Рождество Христово, старались не спать, мужчины по станице ходили «христаславить». Вообще всегда садились за стол после того, как в церкви пройдёт служба (Нов4054).

На Крещение после литургии «*шли на Иордань*», там ставились столы и начинался водосвятный молебен, «*кто хотел, тот окунался*» (Нов4047). Во время пения тропаря праздника, после слов «*и Дух в виде голубине*», выпускали голубей (Тенг4004, Некр4064) и стреляли (Нов4053).

На Пасху, кто мог, шел в церковь: «*Часов с девяти-десяти (вечера – С.Г.) ..., там на всю ночь... На рассвете берут эти знамёна (хоругви. – С.Г.), иконы и вокруг церкви значить три раза обойдут..., тихоничко так движутся и поют*». Затем начиналось освящение. Освящали обычно яйца, сало, паски. После прихода домой разговлялись: «*Особенно большой едой не занимались... Всё порезали по кусочку и разговелись*». После разговения ложились спать, а утром начинались гулянья: ходили в гости, на качели, «*на горку ходили гулять*» (Лад149ПС).

В традиционной культуре духовная жизнь станичников и её проявления могли не соответствовать религиозности «просвещённых» людей. Отметим лишь некоторые проявления народной религиозности на примере календарных праздников. Запретным действием было брать в руки нож в

день Усекновения главы Иоанна Крестителя: «*Грех ножикам резать в этот день*». Кушать готовили накануне, а в сам день памяти этого события за обедом ломали пирог, хлеб руками (Нов4047). На Благовещение Пресвятой Богородицы не сажали квочку на яйца: «*обязательно калечки будут*». Не ложили под квочку и яиц, снесённых в день Светлого Христова Воскресенья (Нов4047). До Яблочного Спаса женщины, у которых умерли дети, не вкушали яблок: «*Ежли скушаю, ему на том свете не достанется*» (Нов4048, Некр4064).

Святой угол в доме преображался в связи с тем или иным праздником. Под Рождество Христово туда клали сено, на него – кутью, приготовленную из пшеницы, куда вставлялся крестик, сделанный из сена (Нов4047). В святой угол сыпали пшеницу во время посева. Колядовали также стоя перед святыми образами (Нов4053). Рядом с образами, на стене или на матке, коптили крест свечой, принесённой из церкви после прочтения 12-ти Евангелий, т.е. под Страстную пятницу и на праздник Крещение Господне (Нов4047, Некр4064). В Вербное воскресенье ставили в святой угол «*за божничку*» освящённую ветку вербы на целый год (Тенг4031, Нов4053); на Троицу – травку и веточки с деревьев; на Пасху – крашенные яйца и паски, куда вставлялся кусочек веточки с освящённой вербы (Некр4064). На Первый Спас, по словам информанта, жители святили мак. Им обсыпали коров от «*дурного глаза*» (Некр4075А). На праздник в святом углу всегда горела лампада или зажжённая свеча. При входе в дом крестились на иконы (Нов4047). Здесь всегда хранилась святая вода, «*ею брызгали скот, чтоб не болел, хатки брызгали*» (Нов3196, 4047). Окропление дома, хозяйства начиналось со святого угла (Нов4047). Каравай во время празднования свадьбы также мог стоять на угольнике в святом углу [28].

С благоговением относились люди ко всему освящённому в церкви или лежавшему в святом углу. Например, троичная трава, сено, на котором стояла кутья, освящённая яичная скорлупа не выбрасывались «*под ноги*». Троичную травку клали «*под голову покойнику*» или при посадке огорода клали в лунку, «*шоб родилось*». Некоторые сено и траву постилали курам (Нов4053, Некр4064) [29].

В период поста жизнь людей менялась. Перед началом Великого поста, после «*масляной*» недели родственники и соседи «*приходили прощаться*» (Лад149ШС), при этом говорили такие слова: «*Простите, может, я когда обидела*» (Некр4064). В субботу вечером остатки скоромной пищи «*раздавали соседям*» (Некр4064). В «*жиловый понедельник*» (первый день Великого поста. – С.Г.) не работали, «*только начинали, занесли в дом ткацкие станки*» (Некр4064), пекли пресные пышки без соды (Некр4064) или доедали скоромное, а потом постились до Пасхи [30]. В пост не ели мясного, только рыбу (Некр4085). В посты существовал запрет на свадьбы, гулянья, игры и пение. Пели в основном назидательные псалмы, располагающие душу человека к осознанию своих грехов и покаянию, читали Псалтирь. Духовные стихи или псалмы известны на Руси с давних времен. Слово «псалма» происходит от греч. «псалом» – так называлась бытовая многоголосная песня духовного содержания. На средокрестную неделю (четвертая неделя Великого поста. – С.Г.) пекли крестики по числу членов семьи и ели их (Некр4064). В «*чистый*» четверг купались до восхода солнца, а потом шли в церковь.

Большую роль в жизни станиц Усть-Лабинского района играли престольные праздники, которые отмечались весело и дружно. Приезжали люди с близлежащих станиц, хуторов и останавливались с ночёвкой у родственников. Кто не имел родных в станице, располагались на ночлег возле церкви. Местные готовили общий обед в ограде церкви для своих и приезжих (Нов4047, Некр4075А). К престольному празднику жители станиц жертвовали продукты в церковь и готовили дома, «*насколько позволяли средства*» [31]. В советское время, когда запрещалось празднование престольных дней, станичники и приезжие шли в церковь, а после расходились по домам, где накрывали стол. Собирались родственники и соседи. В прошлом именно в престольный день съезжались женихи из хуторов и соседних станиц, чтобы выбрать себе избранницу (Лад149ШВ).

В традиционной культуре, в обрядах жизненного цикла (родильно-крестильный, свадебный и похоронный) и окказиональных обрядах мы наблюдаем синкретизм церковных и народных норм, обрядов и обычаев.

Выбор невест происходил в церкви (Тенг4021В, Лад149ШВ, Нов4047, Некр4064). Сватались до праздника Покрова Пресвятой Богородицы, «*как управятся*», «*с Покрова свадьбы*» (Лад149ША). До свадьбы молодые не вступали в близкие отношения. «*Честность*» невесты всегда отмечалась на свадьбе. Например, её матери могли подарить красную подушку, носили калину – символ невинности, девственности, привязав её на палке (Лад149ША), «*выбрасывали*» (устанавливали. – С.Г.) красный флаг на крыше [32]. Проверка нравственности девушки имела место на свадьбах и в советское время. Если невеста оказалась «*нечестной*», жених был вправе отказаться от свадьбы, ворота, где жили её родители, мазали дёгтем [33]. По словам О.В. Матвеева, «*всенародное оглашение о честности или нечестности было вызвано необходимостью, заботой казачьего общества о нравственном здоровье семьи, стимулом для подрастающих невест заслужить уважение стариков, родителей, подруг*» [34].

В свадебном обряде в первый день свадьбы, перед тем как ехать к венцу, обязательным являлось благословение родителей. Мать благословляла иконой, а отец хлебом, осеняя жениха и невесту крестным знаменем. Во время свадьбы молодых сажали в святой угол на шубу, «*шуб богатаи были*». Были случаи, когда жениха и невесту вели после венчания домой в венцах [35]. В станице Воронежской при этом невеста в руках держала образ «*преимущественно Божьей Матери или Николая Угодника*» [36]. Перед родами роженица с молитвой обращалась к Божьей Матери [37].

Окрестить ребёнка в досоветский период старались в первые дни его рождения, что объяснялось высокой смертностью новорождённых и воцерковлённостью станичников. Новорождённого могла окрестить бабушка повитуха (Нов4048). В советский период крещение откладывалось на неопределённое время. Чаще детей «*октябрили*», а после всё равно крестили, но тайно. Во время таинства крещения кровные отец и мать в церковь не заходили. В обязанности крёстного отца входила материальная часть вопроса – покупка крестика и вознаграждение священника. Крёстная мать обычно держала ребёнка на руках во время таинства.

В похоронном обряде посмертное определение души связывалось с тем, как человек жил на этом свете. В народном представлении смерть на Пасху или в другой большой праздник считалась *«хорошей»*. Это *«святый человек»*, имевший небольшие грехи (Вор18)

В досоветский период напутственным молебном на церковной площади провожали казаков на службу, а благодарственным встречали. В благодарность о благополучном возвращении со службы казаки заказывали иконы, делали пожертвования в церковь.

Православная символика прослеживается и в окказиональных обрядах. Приведённые ниже обычаи не являются распространёнными во всех станицах рассматриваемого района, однако сохраняются до сих пор.

Верили, что в каждом доме есть домовый, и отождествляли его с нечистой силой: *«Когда он налегает и дышать нечем, нужно Богу молиться, Бога вспоминать»* (Нов4048). Во время засухи жители станиц района собирались около своего храма и крестным ходом шли на поле, где служили молебен, *«просили дождя»* (Нов4053), *«ходили по степи со святостями, слушали молебны с акафистами и водосвятиями»*. При продолжительной засухе, как правило, женщины устраивали обливание водой. При *«повальных»* болезнях также служились молебны [38]. До революции существовала традиция окропления скота в день его первого выгона весной, который приходился на какой-либо праздник. В ст. Некрасовской, например, в день святого Георгия Победоносца батюшка служил молебен и кропил скот святой водой, который предварительно сводили в одно место (Нек4075А). В советское время хозяйка могла сама перед первым выгоном окропить *«скотину»* крещенской водой.

Таким образом, православное население Усть-Лабинского района свою жизнь строило на незыблемых ценностях: почитание Бога, уважение к родителям и старшим, воспитание детей в вере, помощь нищим и обездоленным и т.д. В календарном круге и обрядах жизненного цикла отражена особая народная религиозность, продиктованная этими ценностями и нормами принятыми в общине.

С началом антирелигиозной кампании многие жители станиц и хуторов поднялись на защиту традиционных ценностей. Они требовали остановить закрытие и разрушение храмов, использование их под зернохранилища и развлекательные учреждения. Местные власти сельского и районного уровней, совершая незаконные действия в отношении православных общин, игнорировали их требования. К 1938 г. храмы в рассматриваемых населённых пунктах были закрыты или разрушены, богослужения прекращены. Подавляющее большинство духовенства патриаршей Церкви было расстреляно ещё во время карательной операции 1937 г.

С 1941 по 1948 гг. начался подъём религиозной жизни жителей района: открылись оставшиеся церкви, приобретались молитвенные дома, возобновились богослужения, совершались требы по просьбе прихожан, причащение Христовых Таин на Пасху. Отмечались церковные и традиционные народные празднования: ходили крестными ходами *«на Иордань»*, колядовали, щедровали, посевали.

С 1958 г. политика государства приняла жёсткие формы. Возобновились незаконные действия со стороны местных и краевых властей. Религиозные общины путём обмана, подделывания цифр и изменений слов в документах снимались с регистрации *«как маломощные»* или *«прекратившие свою деятельность»* [39].

С 1990-х гг. открылась новая страница благожелательного отношения руководящих органов власти по отношению к Церкви. Началось строительство новых храмов практически во всех населённых пунктах района. Однако глубокий след в сознании наших информантов оставила жестокость советской номенклатуры: разрушение красивейших храмов, строившихся десятилетиями, изощрённость в убийствах православных священников и мирян. Удалось разрушить и традиционные духовные ценности.

Современные православные, регулярно участвующие в богослужении, отличаются от своих предшественников досоветского и первых десятилетий советского периодов. Они несут на себе отпечаток советской идеологии, ценностей западного мира. Костяк церковной общины составляют женщины от 40 до 70 лет. Благодаря им

действуют настоящие православные приходы района. Воскресную литургию посещает из 6 тыс. жителей ст. Некрасовской 15-20 человек (Некр4084А). Такую же картину мы наблюдали во всех исследуемых станицах.

Однако традиции прошлого возрождаются, например, хождение после службы крестным ходом на источник святой великомученицы Параскевы Пятницы на р. Лаба. У поклонного креста духовенство служит водосвятный молебен. Это происходит каждый год в 9-ю пятницу после праздника Пасхи. Как и в прежние времена, приезжает много паломников на престольный день. Задача сегодняшнего поколения состоит в том, чтобы не допустить уничтожения новых храмов, местных народных обычаев и традиций, сохранить преданность своей вере и культуре.

Примечания:

1. Очерки истории Кубани с древнейших времён по 1920 гг. под ред. проф. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 1996. С. 183–185.
2. Матвеев О.В. Из дореволюционного прошлого ст. Новолабинской // Кубанский сборник. Краснодар, 2015. № 6 (27). С. 155.
3. Ставропольские епархиальные ведомости (далее – СЕВ). 1884. № 8. С. 283.
4. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. Р-135. Оп. 72. Д. 1288. Л. 225–226; там же. Оп. 60. Д. 507. Л. 125об.
5. Там же. Оп. 47. Д. 676. Л. 114об.
6. Кубанские областные ведомости (далее – КОВ). 1899. № 254. Л. 1–2.
7. Там же. 1890. № 50. Л. 1.
8. Материалы сайта. URL: <http://kanonkuban.ru/represii-protiv-duhovenstva-v-gody-grazhdanskoj-vojni/>.
9. Материалы сайта. URL: <http://azbyka.ru/otechnik/zhitija>.
10. Ансимов Г.П. Уроки отца протонерея Павла Ансимова, новомученика Российского. М., 2005. С. 43.
11. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 398. Л. 14–15.; Д. 231. Л. 28; Д. 230. Л. 90; Оп. 2. Д. 476. Л. 63.
12. Бабич А.В. Православные приходы Усть-Лабинского благочиния Краснодарской и Кубанской епархии в военный и послевоенный периоды // Мир славян Северного Кавказа. Краснодар, 2016. Вып. 9. С. 257.
13. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 398. Л. 60–61.
14. Там же. Оп. 1. Д. 59. Л. 81.
15. Там же. Л. 82.
16. Там же. Оп. 2. Д. 400. Л. 62–63; Д. 398. Л. 20–21; Д. 231. Л. 45–45об.
17. Там же. Д. 398. Л. 19.
18. Бабич А.В. Православные приходы Усть-Лабинского благочиния Краснодарской и Кубанской епархии в военный и послевоенный периоды // Мир славян Северного Кавказа. Краснодар, 2016. Вып. 9. С. 257.
19. КФЭЭ – 2016. Полевой дневник автора.
20. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 397. Л. 30.
21. Матвеев О.В. Из истории религиозной жизни славянского населения Кубано-Лабинского междуречья // Историко-культурное и цивилизационное значение славянской письменности. Майкоп, 2015. С. 207.
22. Полевые материалы Н.И. Бондаря – 1981–1984, ст. Некрасовская (рукопись). С. 221.
23. ПМ Воронина В.В. 2014. ст. Кирпильская. Инф.: Г.Г. Коростылева, 1946 г.р. Иссл.: Воронин В.В.

24. Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох // Журнал Московской Патриархии (далее – ЖМП). 1993. № 3. С. 92.
25. ПМ Воронина В.В. 2014. ст. Кирпильская. Инф.: В.И. Савина, 1935 г.р. Иссл.: Воронин В.В.
26. ПМ Воронина В.В. 2014. ст. Ладожская. Инф.: О.З. Полянская, 1929 г.р. Иссл.: Воронин В.В.
27. Там же.
28. Бондарь Н.И. Фольклор и этнография Кубани. Материалы I Кубанской Интернациональной ФЭЭ. 1987. ст. Ладожская (рукопись). С. 69.
29. ПМ Воронина В.В. 2014. ст. Кирпильская. Инф.: В.И. Савина, 1935 г.р. Иссл.: Воронин В.В.
30. ПМ Воронина В.В. 2014. ст. Ладожская. Инф.: О.З. Полянская, 1929 г.р. Иссл.: Воронин В.В.
31. Шахов Д.В. Воронежская станица. Статистико-этнографическое описание // Кубанский сборник. Т. 1. Екатеринбург, 1883. С. 655.
32. ПМ Воронина В.В. 2014. ст. Кирпильская. Инф.: Г.Г. Коростылева, 1946 г.р. Иссл.: Воронин В.В.
33. ПМ Воронина В.В. 2014. ст. Кирпильская. Инф.: В.И. Савина, 1935 г.р. Иссл.: Воронин В.В.
34. Матвеев О.В. Из дореволюционного прошлого... С. 164.
35. КФЭЭ – 2016. ст. Воронежская. Ханина М.М., 1939 г.р. Полевой дневник автора.
36. Шахов Д.В. Указ. соч. С. 659.
37. Полевые материалы Н.И. Бондаря. 1981–1984. ст. Некрасовская (рукопись). С. 222.
38. Шахов Д.В. Указ. соч. С. 656.
39. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 398. Л. 84.

Список полевых материалов

- Жел5 – ПМ КФЭЭ – 2016. А/т Жел5, х. Железный. Инф.: Т.Г. Таранцова (1930 г.р.). Иссл.: С.Н. Гетманская.
- Жел12 – ПМ КФЭЭ – 2016. А/т Жел5, х. Железный. Инф.: Т.Г. Таранцова (1930 г.р.). Иссл.: С.Н. Гетманская.
- Вор18 – ПМ КФЭЭ – 2016. А/т Вор18, ст. Воронежская. Инф.: М.И. Жданова (1938 г.р.). Иссл.: И.А. Кузнецова.
- Вор19 – ПМ КФЭЭ – 2016. А/т Вор19, ст. Воронежская. Инф.: А.И. Воротникова (1936 г.р.). Иссл.: И.А. Кузнецова.
- Лад149ПА – ПМ Интернациональной ФЭЭ – 1987. А/т Лад149П, ст. Ладожская. Инф.: И. Сапунов (1903 г.р.). Иссл. Нефляшева, В.Ю. Кремнинская.
- Лад149ПВ – ПМ Интернациональной ФЭЭ – 1987. А/т Лад149П, ст. Ладожская. Инф.: М.Ф. Пучкова (1906 г.р.). Иссл. Нефляшева, В.Ю. Кремнинская.
- Лад149ПА – ПМ Интернациональной ФЭЭ – 1987. А/т Лад149П, ст. Ладожская. Инф.: М.Ф. Пучкова (1906 г.р.). Иссл. В.Ю. Кремнинская.
- Лад149ПС – ПМ Интернациональной ФЭЭ – 1987. А/т Лад149П, ст. Ладожская. Инф.: Ф.М. Рябцев (1913 г.р.). Иссл. В.Ю. Кремнинская.
- Нов3196 – 2005. А/к № 3196, ст. Новолабинская. Инф.: Т.Я. Гусева (1923 г.р.). Иссл.: М. Попова.
- Тен4002 – ПМ КФЭЭ – 2008. А/к № 4002, ст. Тенгинская. Инф.: А.И. Горб, Д.М. Позднякова (1931 г.р.), О.М. Андриянова (1942 г.р.). Иссл.: Н.И. Бондарь.
- Тен4004 – ПМ КФЭЭ – 2008. А/к № 4004, ст. Тенгинская. Инф.: К.Н. Трухачёва (1926 г.р.), З.И. Яковлева (1924 г.р.). Иссл.: В.В. Воронин.
- Тен4005 – ПМ КФЭЭ – 2008. А/к № 4004, ст. Тенгинская. Инф.: К.Н. Трухачёва (1926 г.р.), З.И. Яковлева (1924 г.р.). Иссл.: В.В. Воронин.
- Тен4009 – ПМ КФЭЭ – 2008. А/к № 4009, ст. Тенгинская. Инф.: Р.И. Малтызова (1937 г.р.). Иссл. О.В. Матвеев.
- Тен4011А – ПМ КФЭЭ – 2008. А/к № 4011, ст. Тенгинская. Инф.: В.Г. Ярыгин (1927 г.р.). Иссл. О.В. Матвеев.
- Тен4015В – ПМ КФЭЭ – 2008. А/к № 4015, ст. Тенгинская. Инф.: Д.М. Позднякова (1931 г.р.). Иссл.: А.И. Зудин.
- Тен4016А – ПМ КФЭЭ – 2008. А/к № 4016, ст. Тенгинская. Инф.: Д.М. Позднякова (1931 г.р.). Иссл.: А.И. Зудин.
- Тен4016В – ПМ КФЭЭ – 2008. А/к № 4016, ст. Тенгинская. Инф.: А.Т. Жакова (1923 г.р.), Л.В. Бондарчук (1941 г.р.), Л.В. Поминова (1939 г.р.). Иссл.: А.И. Зудин.
- Тен4021А – ПМ КФЭЭ – 2008. А/к № 4021, ст. Тенгинская. Инф.: Л.С. Жилова (1930 г.р.), Н.М. Кочетова (1957 г.р.). Иссл.: С.Н. Рыбко.

- Тен4021В – ПМ КФЭЭ – 2008. А/к № 4021, ст. Тенгинская. Инф.: А.П. Пенчук (1931 г.р.). Иссл.: С.Н. Рыбко.
- Тен4023А – ПМ КФЭЭ – 2008. А/к № 4023, ст. Тенгинская. Инф.: А.П. Пенчук (1931 г.р.). Иссл.: С.Н. Рыбко.
- Тен4023В – ПМ КФЭЭ – 2008. А/к № 4023, ст. Тенгинская. Инф.: А.М. Воткулова (1915 г.р.). Иссл.: С.Н. Рыбко.
- Тен4024 – ПМ КФЭЭ – 2008. А/к № 4024, ст. Тенгинская. Инф.: А.М. Воткулова (1915 г.р.). Иссл.: С.Н. Рыбко.
- Тен4027 – ПМ КФЭЭ – 2008. А/к №4027, ст. Тенгинская. Инф.: В.А. Беднов (1936 г.р.), А.Т. Руденко (1924 г.р.). Иссл.: И.Ю. Васильев.
- Тен4030А – ПМ КФЭЭ – 2008. А/к №4030, ст. Тенгинская. Инф.: Р.Т. Латынина (1929 г.р.). Иссл.: И.Ю. Васильев.
- Тен4031 – ПМ КФЭЭ – 2008. А/к №4004, ст. Тенгинская. Инф.: В.Д. Фетисов (1935 г.р.). Иссл.: И.Ю. Васильев.
- Нов4045 – ПМ КФЭЭ – 2008. А/к №4045, ст. Новолабинская. Инф.: Н.И. Саюстов (1937 г.р.). Иссл. О.В. Матвеев.
- Нов4047 – ПМ КФЭЭ – 2008. А/к №4047, ст. Новолабинская. Инф.: А.А. Щурова (1920 г.р.). Иссл.: А.И. Зудин.
- Нов4048 – ПМ КФЭЭ – 2008. А/к №4048, ст. Новолабинская. Инф.: А.А. Щурова (1920 г.р.). Иссл.: А.И. Зудин.
- Нов4051А – ПМ КФЭЭ – 2008. А/к № 4051, ст. Новолабинская. Инф.: З.П. Семёнова (1927 г.р.). Иссл.: С.Н. Рыбко.
- Нов4053 – ПМ КФЭЭ – 2008. А/к № 4053, ст. Новолабинская. Инф.: Н.Г. Курачева (1947 г.р.). Иссл.: С.Н. Рыбко.
- Нов4054 – ПМ КФЭЭ – 2008. А/к № 4054, ст. Новолабинская. Инф.: М.С. Гойколова (1927 г.р.). Иссл.: С.Н. Рыбко.
- Нов4058 – ПМ КФЭЭ – 2008. А/к №4048, ст. Новолабинская. Инф.: М.П. Сопелкина (1924 г.р.). Иссл.: И.Ю. Васильев.
- Нек4061А – ПМ КФЭЭ – 2008. А/к № 4061, ст. Некрасовская. Инф.: А.А. Мухин, М.Ф. Агеева (1926 г.р.). Иссл.: Н.И. Бондарь.
- Нек4062 – ПМ КФЭЭ – 2008. А/к № 4062, ст. Некрасовская. Инф.: В.А. Мокшин, Н.А. Мокшина (1927 г.р.). Иссл.: Н.И. Бондарь.
- Нек4064 – ПМ КФЭЭ – 2008. А/к №4064, ст. Некрасовская. Инф.: Е.Н. Протасова (1914 г.р.). Иссл.: В.В. Воронин.
- Нек4065 – ПМ КФЭЭ – 2008. А/к №4065, ст. Некрасовская. Инф.: Е.Н. Протасова (1914 г.р.). Иссл.: В.В. Воронин.
- Нек4075А – ПМ КФЭЭ – 2008. А/к № 4075, ст. Некрасовская. Инф.: В.И. Малахова (1917 г.р.). Иссл.: А.И. Зудин.
- Нек4084А – ПМ КФЭЭ – 2008. А/к № 4084, ст. Некрасовская. Инф.: Сергей Гулин, свящ., настоятель Свято-Никольского храма ст. Некрасовской. Иссл.: С.Н. Рыбко.
- Нек4084В – ПМ КФЭЭ – 2008. А/к № 4084, ст. Некрасовская. Инф.: Е.А. Берлова (1925 г.р.), А.Н. Васильева (1929 г.р.). Иссл.: С.Н. Рыбко.
- Нек4085 – ПМ КФЭЭ – 1992. А/к № 4085, ст. Некрасовская. Инф.: А.Н. Васильева (1929 г.р.). Иссл.: С.Н. Рыбко.
- Нек4087 – ПМ КФЭЭ – 2008. А/к № 4087, ст. Некрасовская. Инф.: Н.Д. Степанова (1949 г.р.). Иссл.: С.Н. Рыбко.

А.А. Панарин, Е.В. Панарина

**Антирелигиозная политика
советского государства и положение
Русской Православной Церкви
на Кубани в 1930-е гг.**

1930-е годы характеризуются проявлением откровенно агрессивной политики советского государства по отношению к религии вообще и в особенности к православной церкви, по-прежнему объединяющей значительную часть верующих в стране, а в таких регионах, как Кубань, играющей определяющую роль в религиозной

жизни. Главной целью этой политики стало полное уничтожение Русской Православной Церкви (РПЦ) и неуклонное сокращение количества верующих с перспективой окончательного обезбоживания советского общества.

Активизация антирелигиозной политики происходила в русле наступления социализма по всему фронту, в процессе которого, в соответствии с руководящими указаниями ЦК ВКП(б), происходило уничтожение всех контрреволюционных, антисоветских элементов, в состав которых помимо кулаков, нэпманов и других чуждых большевистской идеологии социальных групп включались и священнослужители. Церковь как организация стала рассматриваться в ряду других контрреволюционных организаций, мешающих делу социалистического строительства.

В связи с этим стала происходить широкомасштабная кампания по закрытию церквей, которая охватила территорию всей страны. В результате к 1935 г. в Советской России оставалось не более 25 тыс. действующих храмов.

Власти развернули также активную деятельность по закрытию ещё оставшихся монастырей. Одновременно резко усилились репрессии против священнослужителей, которых в массовом порядке стали подвергать арестам, заключению, ссылкам, а иногда и расстрелу. За 1929–1933 гг. было репрессировано около 40 тыс. священнослужителей, что привело к существенному сокращению служащего духовенства. К началу 1935 г. число зарегистрированных священнослужителей РПЦ не превышало 20 тыс. человек [1].

Для Кубани особенно тяжелым стал 1933 г., когда перед следствием предстал архиепископ Феофил (Богоявленский Г.С.), а также свыше 30 других лиц духовного звания. Среди них: протоиерей А.М. Темномеров – настоятель молитвенного дома на Дубинке, протоиерей М.Г. Кодацкий – настоятель Георгиевского собора, И.М. Гавевский – настоятель Крестовоздвиженской церкви, И.Г. Сахаров – священник Георгиевской церкви и многие другие. Архиепископ Феофил, как и многие тихоновцы, был приговорен к расстрелу [2].

Наибольший размах гонений против РПЦ и репрессий против священнослужителей и верующих стал происходить во

второй половине 1930-х гг., в условиях нарастания политических репрессий. Используя самые разные предлоги, от заключений об аварийном состоянии зданий церковей до обвинений их настоятелей в антисоветской деятельности, местные органы осуществляли практику массового закрытия храмов. За 1935–1936 гг. по всей стране было закрыто около 10 тыс. храмов [3].

Неправомерность закрытия церковей признавалась даже Комиссией по вопросам культов. В ноябре 1936 г. Комиссия передала докладную записку в ЦК ВКП(б), в которой отмечалось, что «большинство церковей закрывается без проведения достаточной антирелигиозной работы среди населения, без учета степени религиозности населения. В районах, зараженных сектантством, не учитывается то обстоятельство, что после закрытия всех церковей часть православных переходит в сектантство» [4].

Тем не менее процесс закрытия церковей продолжался, и в 1937 г. перестали действовать 8 тыс., а в 1938 г. более 6 тыс. храмов. Непосредственно перед войной, по современным уточненным данным М.В. Шкаровского, из дореволюционных российских храмов действовало примерно 350–400 церковей [5].

На территории Кубани было также закрыто большинство церковей. В таких крупных районах, как Отраденский, церковей не осталось совсем. Так, в 1937 г. была закрыта церковь в хуторе Братково-Опочиновском, в 1941 г. здание церкви передали колхозу «Большевик» под клуб. В 1934 г. была закрыта церковь в станице Подгорной, а в 1935 г. станице Надежной, а ее здание передано под клуб. В 1934 г. также была закрыта церковь в станице Подгорной, а в 1938 г. в станице Попутной. В 1936 г. был закрыт и переоборудован под кинотеатр храм в станице Удобной [6].

Подобные процессы происходили и в Курганинском районе. В 1933 г. был закрыт грандиозный Вознесенский храм в станице Курганной, построенный в 1916 г. О его величине и великолепии пишет А.В. Селиверстов: «Основной объем Вознесенского храма – четырехстолпный крестообразный в плане двухэтажный четверик; греческий крест основного объема образован массивными северным и южным притворами-ризалитами с рундуками над входами. Общее число окон в здании составляет 112;

обилие окон наполняет храм светом, создает «эффект легкости», «нематериальности» стен. Чрезвычайно искусно и богато украшенный экстерьер – то, что делает этот храм безусловным памятником русского церковного зодчества» [7].

Во время закрытия храма с него сняли колокола (самый большой из них весил 5 тонн), «со временем был растащен пол из храма, разобрана часть крыши и некоторые архитектурные детали. Кресты куполов были сброшены», утрачены иконостас и церковная утварь. За несколько лет до Великой Отечественной войны здание закрытого храма стало зернохранилищем, в связи с чем в его сводах были пробиты отверстия для вентиляции, – и было засыпано зерном на 3–4 метра от пола [8].

В 1935 г. в станице Петропавловской была закрыта Свято-Димитриевская церковь, переоборудованная затем под общеобразовательную школу. В декабре 1936 г. Косьмодамиановская церковь в станице Родниковской была также закрыта и переоборудована под сельский клуб. Казанский приход в станице Темиргоевской действовал до 1935 г., затем был закрыт, а здание церкви разрушено. Часть лесоматериалов разрушенной церкви пошла на строительство клуба [9].

В 1930-е гг. прекратил свою деятельность Троицкий храм в поселке Гулькевичи. Здание храма использовалось как склад для зерна, после войны в нем поочередно размещались спортивный зал средней школы № 5, Дом пионеров, филиал Краснодарского художественного комбината, склад школьного имущества. По воспоминаниям очевидцев, бывших воспитанников Дома пионеров, после покраски расписанных стен бывшего храма, которую они делали по указанию руководства, покрашенные образы все равно проявлялись [10].

Процесс закрытия церковей коснулся и центра юго-восточной части Кубани – г. Армавира. После установления в Армавире советской власти для совершения богослужений в Николаевском соборе прихожане были вынуждены арендовать его здание. Однако в 1939 г. договор аренды по инициативе Армавирского городского совета «в связи с... невыполнением распоряжения горсовета о производстве необходимого ремонта здания культа» был расторгнут, а здание собора решено «использовать под

культурно-просветительные цели». Несмотря на последнее, в том же году согласно принятому богоборцами из горсовета постановлению Николаевский храм был разрушен. Прихожане соборного храма для проведения служб стали арендовать часть помещений армянского Успенского храма [11].

Незадолго до этого, в феврале 1938 г., в Армавире был закрыт Троицкий храм «из-за неуплаты налогов со строений». В 1938–1939 гг., уже после того как с помощью двух тракторов с яруса звона его колокольни богоборцы сорвали колокол, была уничтожена и сама колокольня. Здание храма было разобрано до карнизов и стало использоваться как склад для пшеницы [12].

Нередко верующих заставляли насильно участвовать в этом безумном шабаше распоясавшихся безбожников. Так, в 1937 г. был снесен до самого фундамента храм во имя Архангела Михаила в станице Староджерелиевской. К его разрушению местные власти привлекли жителей станицы, чтобы «наглядно» показать, как потомки православного казачества, которым революция «открыла глаза» на религию, борются с «опиумом для народа». Однако среди джерелиевцев нашлись люди, которые украдкой подбирали выброшенные из храма иконы и прятали их в своих домах и сараях. Вскоре на месте храма широко раскинулся парк с увеселительными местами для отдыха трудящихся, а на территории, входившей раньше в ограду храма, поставлен общественный туалет. В 1990-е годы, когда туалет решили почистить, в отхожем месте обнаружили церковные ризы... [13].

В это же время усилились гонения против представителей духовенства. Хотя по Конституции СССР 1936 г. духовенство получило избирательные права наравне со всеми гражданами, однако обращает на себя внимание тот факт, что священнослужители по переписи 1937 г. были отнесены в одну группу с нетрудящимися категориями населения. В то время как в переписях 1920-х годов священно- и церковнослужители были включены в категорию лиц «свободных профессий», то есть отнесены к интеллигенции, не состоящей на государственной службе [14].

Это стало одним из оснований для усиления репрессий против священнослужителей, последствия которых к концу 1930-х гг. были поистине трагичны. По

данным О.Ю. Васильевой, в 1929–1936 гг. было осуждено 50 тыс. священнослужителей и мирян, из них казнено – 5 тыс., в 1937–1938 гг. было репрессировано 200 тыс. и казнено 100 тыс., в 1939–1940-х гг. было расстреляно около 2 тыс. [15].

Как видно из этих данных, в конце 1930-х гг. отношение к РПЦ стало постепенно смягчаться, что было связано как с общим спадом репрессивной политики, так и с устойчивостью православной веры в сознании большинства населения, что пришлось признать руководству большевистской партии. По итогам переписи 1937 г. выяснилось, что среди грамотного населения верующие составляли 44%, а среди неграмотного – 84% [16]. Самой распространенной религией было христианство разных направлений, ведущим среди которых было православие: православных оказалось среди неграмотных и грамотных 41.621.572 человек относительно 56.095.420 верующих, т.е. 74,1% [17].

Сохранение огромного количества православных верующих вступало в противоречие с почти полной ликвидацией РПЦ как крупнейшей религиозной организации страны. Эти негативные для РПЦ процессы в полной мере проявились и на Кубани, где количество церквей также резко сократилось. Если в 1917 г. на Кубани насчитывалось 667 церквей, а в 1926 г. – 501, то перед началом Великой Отечественной войны на территории Краснодарского края действовало всего лишь 7 храмов, из них – 4 обновленческих и 3 тихоновских, причем в Краснодаре была одна тихоновская община и одна обновленческая, располагавшиеся в единственном действовавшем в городе Георгиевском храме [18]. В такой сложной ситуации большинство православных верующих было лишено возможности посещать церковные службы.

Таким образом, антирелигиозная политика советского государства в 1930-е гг. проявилась в жестоких гонениях церкви, массовых репрессиях против священнослужителей и верующих. Последствия этих негативных процессов на Кубани привели к сокращению до минимальных значений православных храмов и служащего духовенства. Несмотря на это, православная вера продолжала являться духовной основой жизни большей части населения, что способствовало в дальнейшем возрождению Русской Православной Церкви.

Примечания:

1. Гонения на Русскую православную церковь 1920–1930-е гг. URL: <http://biofile.ru/his/27326.html>.
2. *Горожанина М.Ю.* Православное духовенство Кубани в годы политических репрессий // Материалы X Международной научной конференции «Государство, Общество, Церковь в истории России XX века». Иваново, 2011. С. 138.
3. *Бердиев З.П.* Политика ВКП (б) в «церковном вопросе» и массовое религиозное сознание в 1930-е годы // Отраденские историко-краеведческие чтения. Вып. V: Материалы международной научной конференции, посвящённой 160-летию основания станции Отрадной / науч. ред. С.Н. Малахов, сост. С.Г. Немченко. Армавир: Издатель Шурыгин В.Е., 2017. С. 173.
4. Там же.
5. Там же. С. 174.
6. *Бабич А.В.* Православные приходы Краснодарской и Кубанской епархии в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и в послевоенный период на примере Отраденского благочиния // Отраденские историко-краеведческие чтения. Вып. III: Материалы Международной научной конференции, посвящённой 105-летию со дня рождения краеведа Михаила Николаевича Ложкина / Науч. ред. С.Н. Малахов, сост. С.Г. Немченко. Армавир: Издатель Шурыгин В.Е., 2015. С. 148, 152, 153, 155.
7. *Селиверстов А.В.* Все храмы края. В 2-х т. Т. 1. Краснодар: Традиция, 2016. С. 316.
8. Там же.
9. *Бабич А.В.* Исторический очерк о приходах Курганского благочиния Кубанской епархии в советский период // Отраденские историко-краеведческие чтения. Вып. V: Материалы международной научной конференции, посвящённой 160-летию основания станции Отрадной / науч. ред. С.Н. Малахов, составитель С.Г. Немченко. Армавир: Издатель Шурыгин В.Е., 2017. С. 182, 185, 188, 190.
10. *Селиверстов А.В.* Указ. соч. С. 144.
11. Там же. С. 54.
12. Там же. С. 60.
13. *Бабич А.В., Гетманская С.Н.* Православные приходы Кубани 1920–1941 гг. URL: <http://www.proza.ru/2016/07/05/1207>.
14. *Бердиев З.П.* Указ. соч. С. 174.
15. *Васькина О.Ю.* Государственно-церковные отношения советского периода: периодизация и содержание. URL: <http://www.pravoslavie.ru/archiv/sovietstate-church.htm>.
16. Всесоюзная перепись населения. 1937 г. Краткие итоги. М.: Институт истории АН СССР, 1991. С. 106–115.
17. Там же.
18. *Бабич А.В., Гетманская С.Н.* Указ. соч.

А.В. Бабич

Исторический очерк о приходах Новокубанского благочиния Кубанской епархии в советский период

Введение

На территории современного Новокубанского района Краснодарского края в период гитлеровской оккупации и после окончания Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. действовало всего 4 православных прихода: в г. Новокубанске, в станицах Бесскорбной и Советской и в хуторе Ковалевском.

Об этих приходах и пойдет речь в данном очерке.

§ 1. Молитвенный дом во имя Святого Апостола Иоанна Богослова в г. Новокубанске

В дореволюционный период и в 1920-е годы в селе Новокубанском (с 1966 г. – г. Новокубанск) [1] действовало 2 православных храма – Иоанно-Богословский и Казанский (во имя иконы Казанской Божьей Матери), построенные еще в 1873 году.

Иоанно-Богословский храм первоначально был деревянным (освящен 29 июня 1873 г.), на каменном фундаменте, с колокольней. Однако уже в 1901 г., тщанием прихожан, был возведен новый кирпичный храм с деревянным верхом. В связи с постройкой нового каменного здания Казанский храм был закрыт, однако уже в 1906 г. он возобновил свою деятельность [2].

Накануне событий 1917 года в селе Новокубанском служили священники Георгий Осецкий (благочинный) и Николай Покровский [3].

В 1930-е годы оба храма были закрыты (точная дата не установлена), однако в октябре 1942 г., после оккупации села гитлеровцами, группа верующих патриаршей ориентации заняла под молитвенный дом здание столовой правления райпотребсоюза. Данные о священнике, служившем на тот момент в молитвенном доме, отсутствуют.

31 октября 1944 г. епископ Фотий (Топиро) назначил настоятелем молитвенного дома ст. Новокубанской священника Иоанна Попова. 5 декабря 1944 г. Иоанно-Богословская община официально зарегистрирована уполномоченным Совета по делам РПЦ при Краснодарском крайисполкоме тов. Кирилловым.

Попов Иван Дмитриевич родился в 1890 г. в слободе Гончаровке Острогожского уезда Воронежской губернии. В 1906 г. окончил курс Павловского духовного училища; в 1915 г. при этом же училище выдержал экзамен на звание учителя.

С 1909 по 1920 гг. служил псаломщиком в слободе Гончаровке Воронежской губернии; с 1920 по 1922 гг. служил псаломщиком при церкви во имя Рождества Христова г. Каменска Донской области; с 1922 г. по 1924 г. служил священником в ст. Тишанской Нехаевского района Хоперского округа Донской (с 1936 г. Сталинградской) области; с 1924 по 1930 гг. служил священником в ст. Бурацкой того же округа; с 1930 по 1932 гг.

– безработный; с 1932 по 1937 гг. служил священником в хут. Грачика Тарасовского района Сталинградской области; с 1937 по 1939 г. работал на стекольном заводе г. Армавира Краснодарского края; с 1939 по 1942 гг. работал на плодоконсервном заводе г. Армавира заведующим по горючему; с 1943 г. служил священником в ст. Григориполисской Ставропольского края; с ноября 1944 г. – священник в селе Новокубанском.

Состав семьи: жена Анна Тимофеевна Попова, 1889 г.р., сын Евгений, 1918 г.р., служил в действующей армии [5].

С июля 1948 г. в молитвенном доме служил священник Иоанн Васильев. Иван Александрович Васильев родился 26 апреля 1888 г. в с. Лысье Горы Саратовской губернии; русский; в 1908 г. окончил Аткарское реальное училище; в 1910 г. – регентскую школу в г. Саратове; женат; не судим; был в обновленческом расколе, принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви в 1944 г.; прибыл в Краснодарский край из сел. Пенделки Кузнецкого уезда в 1931 г.; во время оккупации служил хористом при Свято-Ильинской церкви г. Краснодара; организовал православную общину в ст. Афипской Северского района и служил там настоятелем.

Сведения о службе: с 1912 г. служил псаломщиком в Свято-Вознесенской церкви г. Кузнецка Саратовской епархии; с 1915 г. служил псаломщиком-диаконом в Свято-Покровской церкви г. Вольска Саратовской епархии; с 1921 г. служил диаконом в сел. Барсуковке Вольского уезда Саратовской губернии; с 1922 г. – служил священником в с. Пенделки Кузнецкого уезда Саратовской области; с 1930 г. – счетовод-табельщик в г. Краснодаре; с 1931 г. – помощник бухгалтера в пригородном хозяйстве г. Краснодара, плановик-экономист на Краснодарском кондитерском комбинате; с 1943 г. – настоятель Свято-Троицкой церкви в г. Краснодаре; с 1945 г. – настоятель Свято-Успенского молитвенного дома в г. Лабинске; с 1947 г. – настоятель Свято-Сергиевского молитвенного дома в ст. Усть-Лабинской; с 1948 г. – настоятель Свято-Иоанно-Богословского молитвенного дома в сел. Новокубанском; с ноября 1952 г. – настоятель Свято-Покровского молитвенного дома в ст. Новотитаровской Динского района Краснодарского края [6].

В 1952 г. на смену о. Иоанну Васильеву пришел о. Иоанн Бекетов. Иван Васильевич Бекетов родился 12 октября 1888 г. в ст. Николаевской Кавказского отдела Кубанской области; русский; обучался в 3-классной станичной школе, но обучение не окончил; в 1916 г. окончил 3 курса Московской консерватории; вдов; не судим; был в обновленческом расколе, принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви в 1932 г.; во время оккупации находился в г. Кисловодске.

Сведения о службе: с 1907 г. служил хористом в Войсковом певческом хоре Кубанского казачьего войска в г. Екатеринодаре; с 1913 по 1916 гг. учился в г. Москве в консерватории по классу пения; с 1916 г. – служил солистом в оперном коллективе в г. Екатеринодаре; с 1923 г. работал сапожником в ст. Николаевской Кубано-Черноморской области; с 1926 г. работал мастером асфальто-укладочных работ в г. Кисловодске; с 1938 г. работал в артеле «Каргужтранс» в г. Кисловодске завхозом; с 1940 г. служил солистом в ансамбле Терских казаков в г. Кисловодске; в период гитлеровской оккупации находился при ансамбле, затем, до прихода Советской армии, вынужден был скрываться в ставропольских степях; с 1943 г. работал заготовителем в государственной филармонии в г. Кисловодске; с 1944 г. завхозом в учреждении «Заготзерно»; с 1946 г. – заготовителем в сельпо; с 1947 г. – в Крестовоздвиженской церкви г. Ставрополя; с 1948 г. – в Екатерининском соборе г. Краснодара; с 1 октября 1951 г. – священник в Свято-Николаевской церкви г. Ейска; с 10 июня 1952 г. – настоятель Свято-Вознесенской церкви ст. Курганной; с 20 ноября 1952 г. в ст. Новокубанской; с 7 июня 1954 г. служил настоятелем Свято-Покровской церкви в ст. Черниговской Белореченского района Краснодарского края; 23 ноября 1955 г. ушел за штат [7].

В 1954 г. настоятелем прихода в селе Новокубанском назначается священник Василий Скляр. Родился 1 августа 1893 г. в с. Апанасенковском Ставропольской губернии; русский; образование низшее; в 1921 г. окончил псаломщицкие курсы в г. Ставрополе; вдов; не судим; был в обновленческом расколе, в 1945 г. принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви; в Краснодарский

край прибыл из Ставропольского края в 1946 г.; во время оккупации служил диаконом в ст. Невинномысской Ставропольского края.

Награды: в 1950 г. награжден набедренником.

Сведения о службе: с 1921 по 1929 гг. служил диаконо-псаломщиком и штатным диаконом в Кафедральном соборе г. Ставрополя; с 1929 г. – в Свято-Покровской церкви г. Черкесска; с 1934 г. – в Свято-Михаило-Архангельской церкви ст. Казанской Кубанского округа Азово-Черноморского края; с 1935 г. на гражданской работе в г. Орджоникидзе (в санитарной инспекции, затем в музыкальной школе, учителем пения); с 1938 г. работал плотником на лесопильном заводе в г. Черкесске; с 1941 г. служил диаконом в г. Невинномыске; с 1942 г. по указу бывшего Митрополита Ставропольского и Северо-Кавказского Василия Кожина служил протодиаконом Свято-Андреевского собора в г. Ставрополе; в 1945 г. Архиепископом Ставропольским и Бакинским Антонием принят в каноническое общение с Московской Патриархией и назначен диаконо-псаломщиком в Свято-Успенскую церковь г. Ставрополя; с августа 1946 г. на службе в Краснодарской епархии, в Свято-Николаевской церкви г. Армавира; 9 марта 1947 г. рукоположен в сан священника и назначен настоятелем Михаило-Архангельского молитвенного дома ст. Николаевской Успенского района Краснодарского края, в котором служил до декабря 1949 г.

По состоянию на 1952 г. служил в ст. Успенской Успенского района; с февраля 1957 г. по март 1958 г. служил настоятелем в Свято-Покровском молитвенном доме ст. Ханской Майкопского района Адыгейской АО [8].

В 1957 г. настоятелем прихода становится протоиерей Капитон Васильевич Рождественский. К.В. Рождественский родился 6 июля 1892 г. в с. Донском Ставропольской губернии; русский; в 1913 г. окончил Ставропольскую духовную семинарию; был женат; в 1931 г. осужден по ст. 66 ч. 3 УПК на 3 года ссылки (за неуплату культурного налога); в обновленческом расколе не состоял; в Краснодарский край прибыл из Ставропольского края в 1950 г.; во время оккупации находился в Свердловской области.

Сведения о службе: с 1913 г. служил диаконо-учителем и законо-учителем в ст.

Попутной Кубанской области; с 1914 г. служил священником в сел. Шабано-Тхатахинском Кубанской области; с 1916 г. – священником в хут. Братском Кавказского отдела Кубанской области; с 1920 г. – священником в сел. Ивановском Кубано-Черноморской области; с 1922 г. – священником в хут. Новокиевском Ставропольского края; с 1923 г. – в сел. Тищенском Ставропольского края; с 1929 г. – в ст. Ярославской Северо-Кавказского края; с 1931 г. – вышел за штат, был на разных работах, затем в ссылке в г. Соликамске Уральской области; с 1934 г. – бухгалтером в г. Кутаиси и Сухуми на строительстве аэродромов гражданской авиации; с 1937 г. – бухгалтером транспортно-хозяйственного отдела на Медном руднике (г. Свердловск); с 1939 г. – бухгалтером на Уралсибспецстрое (г. Свердловск); с 1943 г. – настоятель молитвенного дома с. Баклановского Ставропольского края; с 1944 г. – настоятель молитвенного дома в ст. Екатеринградской Ставропольского края; с 1945 г. – в сел. Казьминском; с 1947 г. – в сел. Кармалиновском; с 1949 г. – в сел. Овоши; с 1950 г. – в сел. Староматвеевском Ставропольского края; с 12 июня 1951 г. – настоятель Свято-Варваринского молитвенного дома в ст. Старовеличковской Кагановичского района Краснодарского края. По состоянию на 1952 год служил в с. Гулькевичи; с ноября 1956 г. на месте второго священника Свято-Успенской церкви г. Лабинска [9].

С июля 1958 по май 1959 г. настоятелем прихода служил протоиерей Алексей Иванов. Алексей Иванович Иванов родился в 1898 г. в ст. Пшехской Майкопского отдела Кубанской области; русский; в 1914 г. окончил Екатеринодарское духовное училище; в 1915 г. окончил Белоглинскую учительскую школу; в 1917 г. окончил Казанские годовичные педагогические курсы; вдов; в 1937 г. осужден по ст. 58. П. «А» в Ростовской области и до 1947 г. находился в лагерях Коми АССР; реабилитирован в 1956 г.

Сведения о службе: с 1919 г. служил псаломщиком в Свято-Дмитриевской церкви с. Безопасного Ставропольской губернии; с 1920 г. служил диаконом в Свято-Николаевской церкви с. Белая Глина Ставропольской губернии (ныне Краснодарского края); с 1930 г. – священник в Трех-Святительской церкви с. Средний Егорлык Ростовской области; с 1937 г. «священник в лагерях» (так в

документе) Коми АССР; с 1947 г. служил священником в Трех-Святительской церкви сел. Средний Егорлык Ростовской области; с 1949 г. – в Ильинской церкви ст. Белая Калитва Ростовской области; с 1951 г. – священник Казанской церкви ст. Соликараторы Ростовской области; 10 сентября 1951 уволен за штат; с 1951 г. служил священником Свято-Покровской церкви с. Бешпагир Ставропольского края; с 1952 г. – в с. Кугульта; с 1954 г. – в ст. Незлобной; с 1955 – в ст. Безопасной; с 1956 г. – протоиереем-благодичным в сел. Александровском Ставропольского края; с 4 марта 1957 г. по июль 1958 г. – настоятель Свято-Покровского молитвенного дома [10].

С мая 1959 г. настоятелем священник Виктор Андреевич Уткин, через год священник Иван Павлович Пономарев; в феврале 1964 г. – Трофим Константинович Лозовой, в июне 1965 г. – протоиерей Петр Григорьевич Костенко, в декабре этого же года – протоиерей Сергей Петрович Баранов, в октябре 1966 – священник Феодор Матвеевич Новицкий, в июле 1967 г. – протоиерей Петр Григорьевич Костенко [11].

По состоянию на 27 июня 1969 г. Иоанно-Богословской православной общине, с учетом износа, принадлежало: кирпичное здание молитвенного дома, стоимостью 8260 рублей, саманный жилой двухкомнатный дом, стоимостью 1865 руб., кирпичная пристройка к молитвенному дому стоимостью в 119 рублей, колодец, бассейн, штaketная изгородь, деревянные столы, шкафы для книг, больших икон – 15, средних икон – 21, малых – 21, медный колокол и пр. [12].

С 24 октября 1972 г. по 4 марта 1974 г. настоятелем Иоанно-Богословского прихода служил протоиерей Василий Андреевич Соболев; с 4 марта по 1 сентября 1974 г. – священник Александр Петрович Атьман (родился в 1937 г., уроженец дер. Дорогяны Грозненской области, окончил духовную семинарию); с 10 марта по 20 июля 1976 г. – священник Виктор Иванович Федоренко, с 9 марта 1977 г. – священник Петр Васильевич Долганов (умер 30 апреля 1977 г.), с 20 августа 1977 г. – протоиерей Михаил Иосифович Варжавин, с 23 октября 1979 г. – священник Евгений Андреевич Шуклинов [13].

7 января 1980 г. был заключен договор между Иоанно-Богословской православной общиной и Новокубанским райис-

полкомом о передаче в пользование общине кирпичного здания молитвенного дома по ул. Дзержинского, д. 59 в г. Новокубанске, а также помещения сторожки, находившейся на территории молитвенного дома, площадью 18,5 кв. м.

В 1980-е годы в Иоанно-Богословском молитвенном доме г. Новокубанска служил священник Александр Мудрик; 1 января 1990 г. настоятелем прихода становится священник Петр Мудрик [14].

Как видно из представленного материала, Иоанно-Богословская православная община в г. Новокубанске, после ее возобновления в 1942 году, более не закрывалась и продолжает действовать в настоящее время по тому же адресу [15].

§ 2. Молитвенный дом во имя иконы Божьей Матери «Всех Скорбящих Радость» в ст. Бесскорбной

Деревянное здание Скорбященской церкви в ст. Бесскорбной Лабинского отдела Кубанской области было построено на каменном фундаменте тщанием прихожан в 1858 г., затем перестроено на средства Кубанского казачьего войска с добавлением средств прихожан в 1866 г., а в 1894 г. вновь перестроена по новому проекту.

В предреволюционную эпоху здесь служили священники Андрей Алешковский и Василий Тимофеевский [16].

Известно, что священник Василий Евфимович Тимофеевский в 1917–1918 гг. служил в ст. Новолабинской Кубанской области и по долгу совести, ревностно, выступал с проповедью примирения, призывая казаков и иногородних к братской любви.

По словам прихожанина станичной церкви, он говорил: «Вы, казаки, протяните руку своим братьям иногородним, а вы, иногородние, не оставьте висеть в воздухе протянутую вам братскую руку. Не надо ссор! Общими силами сплотитесь и поддержите Временное Правительство и Краевую раду, избранную самими вами же всеми. Ваш враг один – немцы, которые хотят воспользоваться вашей враждой...».

В период правления большевиков на Кубани весной 1918 г. за призывы повиноваться Раде о. Василий подвергся аресту, ему грозила суровая расправа, но прихожане не дали в обиду своего батюшку и отстояли его.

После установления на Кубани власти Краевой Рады Василий Тимофеевский получил место священника в ст. Старокорсунской, однако на этом месте ему довелось прослужить недолго: 27 марта 1919 г. он был застрелен неизвестными, которые под предлогом вызова к больному, под покровом темноты, застрелили его прямо у порога собственной квартиры. После ранения о. Василий прожил всего один час, но до последнего вдоха он находился в полном сознании, сподобившись соборования и причастия Святых Христовых Таин [17].

В 1922 г. в ст. Бесскорбной служил священник Виктор Тихонович Ключарев, о котором известно, что родился он 26 января 1892 г. в с. Березовском Медвежинского уезда Ставропольской губернии; русский; в 1910 г. окончил 4 класса Ставропольской духовной семинарии; в 1915 г. окончил экстерном 8 классов гимназии в г. Армавире; в 1918 г. окончил 3 курса медицинского факультета Киевского университета; женат (в 1911 г. повенчан первым браком с девицей Жигайловой Варварой Николаевной); не судим; был в обновленческом расколе, принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви 5 марта 1945 г.; во время оккупации служил священником в ст. Переправной Мостовского района.

В 1951 г., по указу архиепископа Гермогена, награжден саном протоиерея.

Сведения о службе: с июня 1915 по август 1918 гг., после окончания Армавирской гимназии, учился в Киевском университете на медицинском факультете; с 1 сентября 1918 г. работал медицинским фельдшером в сел. Березовка Ставропольской губернии; с октября 1921 г. – в Медвежинском райздравотделе; с октября 1921 г. учился в медицинском институте; в мае 1922 г. выбыл из института и поступил священником в ст. Бесскорбную Кубано-Черноморской области; в 1922 г. служил священником в ст. Передовой и Каладжинской Северо-Кавказского края; с 1931 г. – медицинским фельдшером в ст. Лабинской, Владимирской, Союзе 16-ти хуторов, в ст. Переправной Краснодарского края; с ноября 1942 г. служил священником в ст. Переправной; со 2 апреля 1946 г. – священником в ст. Новопокровской; с 1949 г. – священником в г. Майкопе; с 1952 г. – священником в ст. Отрадной; с 10 ноября 1952 – снова в г. Майкопе [18].

В 1933 г. (по другим данным – в 1936-1939 гг.) храм в ст. Бесскорбной был закрыт, с него сняли купола и переоборудовали под клуб, однако фактически бывшее здание храма использовалось под зернохранилище. 7 января 1943 г. здание бывшей церкви было занято православной общиной и там возобновились Богослужения. По просьбе верующих в молитвенный дом был приглашен священник Даниил Гайдашев.

Даниил Николаевич Гайдашев родился 10 декабря 1892 г. в пос. Куршавском Александровского уезда Ставропольской губернии; в 1907 г. окончил 6 классов гимназии в г. Армавире. С 1907 по 1923 г. занимался сапожным ремеслом и сельским хозяйством по месту рождения и жительства; с 1923 г. состоял псаломщиком в сел. Солуно-Дмитриевском Ставропольского края; 18 декабря 1924 г. поступил псаломщиком к Свято-Софиевской церкви ст. Суворовской Ессентукского района Орджоникидзевского края; с 1926 г. служил диаконом в ст. Бекешевской Ессентукского района; с 1928 г. – диаконом в ст. Ессентуки при Свято-Троицкой церкви; с 1933 г. служил священником в ст. Ессентукской Орджоникидзевского края; с 1938 г. работал на строительстве кофеинового завода в г. Зугдиди (Грузинская ССР); с 1939 г. работал в нефтепроводной конторе Майнефтекомбината, завскладом в ст. Апшеронской Краснодарского края; с августа 1942 г. не работал, проживал в г. Ессентуки.

В составе семьи о. Даниила значились: жена Елена Матвеевна, сыновья Владимир, 1929 г.р., Николай, 1940 г.р., дочери: Татьяна, 1929 г.р. и Евгения, 1933 г.р. [19].

В июне 1946 г. настоятелем Скорбященского молитвенного дома становится священник Андрей Амвросиевич Парашевин. А.А. Парашевин родился 22 февраля 1888 г. в с. Богатырь Александровского уезда Екатеринославской губернии; русский; в 1907 г. окончил церковную учительскую школу; в 1910 г. – двухгодичные регентские курсы; был женат; не судим; в обновленческом расколе не состоял; в Краснодарский край прибыл в 1931 г. из с. Самарского Ростовской области; во время оккупации служил священником в ст. Псебайской.

Сведения о службе: до 1937 года – священник, затем, до 1945 года, на гражданской работе; с 1945 г. – священник. По состоянию на 1952 г. служил в ст. Гривенская Красноармейского района [20].

В мае 1950 г. настоятелем молитвенного дома становится священник Иоанн Васильевич Леньшин. И.В. Леньшин родился в 1907 г. в сел. Медведском Благодаринского уезда Ставропольской губернии; в 1931 г. окончил Государственный институт практических знаний по специальности «гражданское строительство»; в 1938 г. окончил специальные музыкальные курсы при Московском Центральном Доме Искусств имени Н.К. Крупской; в этом же году прошел аттестацию на звание учителя средней школы по физике, математике и черчению с правом преподавания в 5–7 классах; был женат; не судим; во время оккупации проживал в ст. Лабинской Краснодарского края; в Краснодарский край прибыл в 1931 году.

Сведения о службе: с 1924 г. работал бухгалтером Медведского потребительского общества Петровского района Ставропольского края; с 1930 г. – бухгалтером в колхозе «Победа», затем на МТС Петровского района Ставропольского округа; с 1931 г. – учителем в ст. Лабинской Краснодарского края; в период оккупации не работал, занимаясь подсобным хозяйством; с 1943 г. (после оккупации) – пчеловодом в колхозе «Политбюро» Владимирского сельсовета Лабинского района; 19 декабря 1944 г. рукоположен в сан священника и назначен настоятелем молитвенного дома в с. Кулешовка Белоглинского района, во время службы получил благодарность за сбор пожертвований; с 16 июня 1945 г. – настоятель церкви в ст. Пластуновской; с 12 мая 1947 г. – настоятель Рождество-Богородицкой церкви в ст. Воронежской Усть-Лабинского района [21].

В начале 1951 г. местные органы власти поднимают вопрос о необходимости переселения Скорбященской православной общины в другое здание (решение Советского райисполкома от 2 февраля 1951 г. № 96, протокол № 5). 12 мая этого же года уполномоченный Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР по Краснодарскому краю, Лев Никифорович Полуниин составляет заключение, в котором сообщает о том, что на центральной площади ст. Бесскорбной находится молитвенный дом, вокруг которого расположены: сельский Совет, семилетняя школа, три здания детского дома, аптека, магазин сельпо, клуб, кинотеатр и библиотека, и что все это, по сути,

несовместимо с нахождением здесь молитвенного дома.

Здание же, занимаемое молитвенным домом, – продолжает уполномоченный, – действительно ранее принадлежало Русской Православной Церкви, но, по решению общественного схода было закрыто и капитально переоборудовано. До Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. здесь размещалась станичная библиотека, радиоузел и зрительный зал. Вокруг здания сохранилась ограда с железными решетками на кирпичном основании. Внутри же ограды сохранилось просторное здание бывшей церковной сторожки.

Поэтому, исходя из вышеизложенного, тов. Л.Н. Полуниин поддержал решение райисполкома и обратился в Совет по делам РПЦ, чтобы тот дал согласие на перемещение общины в другое здание.

В ответ на решение исполкома и заключение уполномоченного 11 мая 1951 г. церковный совет Скорбященской общины обратился к Патриарху Алексию I и Уполномоченному Совета по делам РПЦ тов. Г.Г. Карпову, обращая внимание на то, что ситуация выглядит совершенно иначе. В жалобе отмечалось, что с момента постройки церкви и до 1936 г. церковь использовалась для исполнения религиозных обрядов Русской Православной Церкви. С 1936 г. по 1939 г. здание использовалось местными властями ст. Бесскорбной как складское помещение. В 1941 г. (возможно, это ошибка, речь идет о 1942 г.) его вновь предоставили православной общине. Община произвела капитальный ремонт, и здание было вновь перестроено под церковь. После освобождения ст. Бесскорбной от гитлеровцев местными органами власти церковное здание передано верующим в бессрочное пользование. В марте месяце Бесскорбненский стансовет предложил верующим очистить помещение молитвенного дома и переселиться в здание, находящееся на самой окраине станицы и принадлежащее колхозу им. Сталина, это здание было меньшего размера и имело довольно низкие потолки.

Кроме того, в своей жалобе церковный совет обращал внимание на то, что после того, как началась кампания по изъятию церковного здания, священник оставил свой приход, а другого священника епископ прислать отказался до тех пор, пока не будет решен вопрос с церковным помещением.

Учитывая, что в ст. Бесскорбной на тот момент проживало около 30 тыс. жителей, в том числе большое количество верующих, представители православной общины просили оставить это помещение верующим и не отдавать его под культурные учреждения [22].

Тогда, 17 мая 1951 г., в приход был все же направлен священник Алексей Воронов, а 22 августа 1951 г. Совет по делам РПЦ при Совете Министров СССР постановил «согласиться с решением Краснодарского крайисполкома о возвращении Бесскорбненскому сельсовету клубного здания (бывшего церковного здания), занятого в период немецкой оккупации под молитвенный дом церковной общиной ст. Бесскорбной Советского района, с предоставлением общине верующих другого помещения» [23].

Теперь несколько слов о священнике А. Воронове. Алексей Иванович Воронов родился 17 марта 1889 г. в с. Средняя Луковка Грязненского уезда Воронежской губернии; русский; в 1911 г. окончил Тамбовскую духовную семинарию; был женат; осужден гражданским судом по ст. 112 и отбывал наказание в трудовых лагерях с 1930 по 1935 гг.; в обновленческом расколе не состоял; в Краснодарский край прибыл из с. Сселки Липецкого р-на Воронежской области в 1944 г.; во время оккупации жил в с. Сселки Липецкого р-на Воронежской области.

В соответствии с указами епископа Ставропольского Иннокентия в 1925 году был награжден камилавкой и архиепископа Краснодарского и Кубанского Гермогена в 1951 г. – наперсным крестом.

Сведения о службе: после окончания семинарии с сентября 1911 г. служил учителем начальной школы в сел. Ивановском Ставропольской губернии; с сентября 1912 г. служил диаконом в сел. Орловском Прасковейского уезда; с июля 1913 г. по 1925 г. служил священником в сел. Бурукшуне Ипатьевского района Ставропольского края; с июля 1925 г. – священник в сел. Михайловском того же района; с 1930 г. по 1935 г. отбывал наказание в исправительно-трудовых лагерях по 112 ст.; с 1935 г. – рабочий на строительстве карбидного завода в г. Липецке Воронежской области; с 1937 г. – рабочий на свекло-сахарном пункте Новопокровского сахарного завода той же области; с 1939 г. – рабочий в доме отдыха

имени Калинина Мичуринского района Тамбовской области; с 1941 г. жил на иждивении детей в с. Сселки Липецкого района Воронежской области; с 1943 г. – в ст. Усть-Лабинской Краснодарского края; с 1946 г. – служил священником в хут. Братко-Опочиновском Отраденского района Краснодарского края.

Семейное положение: жена Вертоградская Наталья Стефановна (обвенчаны в 1912 г.).

В связи с тем, что Бесскорбненский сельсовет не выполнил решение Совета по делам РПЦ и предоставил общине колхозное здание, община вынуждена была купить для молитвенного дома небольшое здание и пристроить к нему алтарь размером 4х5 кв. метров, а также расширить место для молящихся и даже пристроить сторожку [24].

С 1969 г. настоятелем Скорбященского молитвенного дома служил священник Софроний Журавлев; с апреля 1974 г. – священник Борис Васильевич Малинка, род в 1939 г., уроженец села Сорочинцы Полтавской области, окончил духовную семинарию.

9 октября 1980 г. Скорбященская православная община заключила договор с Новокубанским райисполкомом о передаче в пользование общине деревянного молитвенного здания площадью 56 кв.м, обнесенного деревянной оградой и расположенного по ул. Советской, 18 в ст. Бесскорбной и деревянной сторожки по ул. Советской, 18-а [25].

20 мая 1983 г. настоятелем Скорбященского молитвенного дома становится протоиерей Сергей Леонтиевич Хачатурьянц, а с 1 октября 1986 г. – протоиерей Владимир Иванович Есипенко [26].

В настоящее время в ст. Бесскорбной Новокубанского района действует храм во имя иконы Божьей Матери «Всех Скорбящих Радость».

**§ 3. Молитвенный дом
во имя Святителя Николая, Архиепископа
Мир Ликийских Чудотворца,
в ст. Советской (до 1933 г. ст. Урупская)**

До революции в ст. Урупской (с 1933 г. ст. Советская) действовало два деревянных храма, возведенных на каменном фундаменте: во имя иконы Казанской Божьей Матери (построен в 1855 г. и освящен 15

марта 1856 г.) и во имя Святителя Николая Чудотворца (построен в 1889 г. и освящен 5 октября того же года).

В 1908–1909 гг. тщанием прихожан и казачьего станичного общества на бетонном фундаменте сооружено новое деревянное здание Свято-Николаевского храма с такою же колокольней.

В предреволюционный период в Казанском храме ст. Урупской служили священники Павел Садовский и Тихон Ивко (Ф. 470. Оп. 2. Д. 3522), а в Николаевском – Григорий Гремяченский [27].

В 1930-е годы оба храма были закрыты, однако 20 октября 1942 г. (в период гитлеровской оккупации) Свято-Николаевский приход патриаршей ориентации был возрожден в здании бывшей церковной сторожки, так как здание храма было разрушено. В это время в молитвенном доме служил священник Василий Алексеевич Струнов [28].

С 1947 по 1959 гг. настоятелем прихода был священник Николай Алексеевич Антонов. Н.А. Антонов родился 1 декабря 1879 г. в с. Елшанка Хвалынского уезда Саратовской губернии; русский; окончил двухклассную церковно-приходскую школу в 1894 г.; был женат (жена Антонова Ольга Тимофеевна, дочь Айвазова Татьяна Николаевна, у нее сын Юрий; дочь Федосья Николаевна, у нее сын Олег); в 1937 г. осужден по ст. 58-10; находился в ссылке в Архангельской области с 1937 до 1944 гг.; был в обновленческом расколе, принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви в 1944 г.; в Краснодарский край прибыл из Архангельской области в 1944 г.

Сведения о службе: с 1894 по 1900 гг. жил при отце, занимался крестьянским хозяйством; с 1900 г. служил псаломщиком в храмах г. Баку; в 1918 г. был переведен в Кубанскую епархию на должность псаломщика Свято-Троицкой церкви г. Армавира; 13 ноября 1918 г. рукоположен в сан диакона-псаломщика; с 1937 по 1944 гг. согласно постановлению «тройки» НКВД находился в ссылке (в трудовых лагерях) в Архангельской области; 20 июня 1944 вернулся в г. Армавир, жил на иждивении семьи; 30 октября 1944 г. назначен диаконом-псаломщиком к молитвенному дому в сел. Новомихайловка Гулькевичского района Краснодарского края; в 1945 г. перемещен к мо-

литвенному дому хут. Ковалевского Новокубанского района; 7 декабря 1945 г. рукоположен епископом Краснодарским и Кубанским Флавианом в сан священника и назначен настоятелем к молитвенному дому ст. Николаевской Успенского района [29].

21 марта 1952 г. исполнительный комитет Советского районного Совета депутатов трудящихся¹² принял решение № 165 (протокол № 10) об открытии средней школы в ст. Советской на базе семилетней школы № 4. В решении предлагалось просить уполномоченного по делам РПЦ при Краснодарском крайисполкоме тов. Полунина возбудить ходатайство об освобождении школьного здания, занятого в период немецкой оккупации под молитвенный дом, с предложением предоставить Свято-Николаевской общине взамен другое помещение [30].

Несмотря на то, что бывшая церковная сторожка была предоставлена станичным Советом православной общине для совершения Богослужений на основании договора от 1 декабря 1944 г. в бесплатное и бессрочное пользование, о чем напоминал тов. Полунину настоятель прихода священник Николай Антонов, уполномоченный все же согласился с просьбой Советского райисполкома и предложил исполкому предоставить общине новое здание для молитвенных целей, а также выделить верующим срок для ремонта и внутреннего переоборудования этого помещения. Здесь следует обратить внимание на то, что в изучаемый период наблюдается активное стремление властных структур к перенесению молитвенных домов на окраины населенных пунктов, дабы они, церковным пением и колокольным звоном, не мешали работе советских учреждений.

В результате этого 6 октября 1952 г. православная община ст. Советской заключила нотариальный договор № 14240 о покупке нового помещения для молитвенного дома, о чем было доложено уполномоченному. При этом священник Николай Антонов обращал внимание на то, что к купленному зданию необходимо пристроить алтарь.

¹² Советский район был упразднен 28 апреля 1962 г., а его территория полностью вошла в состав Новокубанского района Краснодарского края // Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985). Краснодар, 1986. С. 177.

1 декабря 1952 г. Свято-Николаевская православная община перешла в новое здание, расположенное по ул. Ленина, 105 и к тому времени уже переоборудованное под молитвенный дом.

Как отмечалось ранее, священник Николай Антонов возглавлял православный приход в ст. Советской вплоть до 1959 года. В связи с чем хотелось бы отметить одно любопытное событие, связанное с его службой во главе прихода. В мае-июне 1959 года о. Николай с помощью инициативной группы организовал по населенным пунктам района и даже за его пределами сбор денег и сельскохозяйственных продуктов (фактически было собрано 50 пудов муки, 70 кг растительного масла, большое количество яиц и сахара, а также значительная денежная сумма), после чего в последних числах мая этого же года в церковной ограде был дан большой обед, в котором приняли участие до 600 человек. При этом председатель советского райисполкома тов. Елисеев М.П. занял «созерцательную позицию», что вызвало крайнее возмущение руководства Краснодарского крайисполкома, направившего тов. Елисееву гневное письмо, в котором просило его учесть, что нарушение «церковниками» советских законов недопустимо, а в случае необходимости ему следует консультироваться по церковным вопросам с уполномоченным Совета по делам РПЦ по Краснодарскому краю [31].

Здесь следует пояснить, что на Кубани в дореволюционный период существовала славная традиция, в соответствии с которой священники во дни великих церковных или престольных праздников устраивали торжественные обеды внутри церковной ограды и собирали при этом значительные количества православного населения, что сплачивало кубанцев и духовно их укрепляло. Возрождение этой традиции началось в послевоенный период, однако советская власть упорно боролась с ней, чтобы не допустить распространение влияния Русской Православной Церкви среди советских граждан, а священники, осмеливавшиеся устраивать обеды, строго предупреждались о недопустимости таких действий или даже снимались со своих приходов. Можно предположить, что и о. Николай Антонов был снят с прихода в наказание за устроенный им обед (к сожалению, данных об этом в документах не содержится). После о. Николая настоятелем прихода назна-

чается священник Валентин Николаевич Листов (дата его назначения не установлена), прослуживший здесь до октября 1960 года. В 1966 г. в ст. Советской служил священник Петр Алексеевич Богдан, которого в октябре 1967 г. сменил священник Евграф Антонович Петришин (см. статью об Успенском благочинии), в сентябре 1972 г. – священник Софроний Степанович Журавлев, а в октябре 1974 г. – Григорий Мефодьевич Харибин (см. статью об Успенском благочинии), служивший здесь до 1 февраля 1980 г.

10 сентября 1980 г. настоятелем Свято-Николаевского молитвенного дома назначается протоиерей Андрей Никитович Пашук и служит там до мая 1981 года, после чего освобождается от должности по болезни, а на его место приходит протоиерей Тимофей Васильевич Ушев, которого в декабре этого же года сменяет священник Петр Поликарпович Бородюк [32].

В настоящее время в ст. Советской Новокубанского района действует Свято-Никольский храм, расположенный по ул. Ленина, 171.

§ 4. Молитвенный дом во имя Покрова Пресвятой Богородицы в хут. Ковалевском

В справочных изданиях и Кубанских календарях за 1898–1920 годы данных о храме во имя Покрова Пресвятой Богородицы в хут. Ковалевском Кубанской области не содержится.

Однако в фонде Государственного архива Краснодарского края «Уполномоченный по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР по Краснодарскому краю» имеются сведения о деятельности Свято-Покровской православной общины в указанном населенном пункте в период с 1944 по 1960 годы.

Впервые действующий храм упоминается здесь в 1922 году, в связи с назначением к нему священника Василия Никульчева, прослужившего в приходе хут. Ковалевского с 1922 по 1927 годы.

Василий Тимофеевич Никульчев родился в 1876 г. в сел. Ивановское Епифанского уезда Тульской губернии; русский; в 1897 г. выбыл из 1-го класса Ставропольской духовной семинарии; холост; во время оккупации служил священником в Свято-Успенской церкви г. Кропоткина.

Сведения о службе: с 1897 по 1901 г. служил учителем в церковно-приходской школе села Преображенского Ставропольской губернии; в 1901 г. рукоположен в сан диакона к Свято-Успенской церкви хут. Романовского Кубанской области; в 1914 г. рукоположен в сан священника к Свято-Николаевской церкви сел. Михайловского; с 1922 г. переведен к Свято-Покровской церкви сел. Ковалевского; с 1927 г. переведен к Рождество-Богородицкой церкви сел. Пшехского Северо-Кавказского края; с 1930 г. вышел за штат и переехал в г. Кропоткин, жил на иждивении сына, умершего от ран в 1942 г. В 1942 г. назначен священником к Свято-Успенской церкви г. Кропоткина; с 1943 г. служил священником в г. Мариуполе при Свято-Николаевской церкви; с 5 сентября 1943 г. служил священником в г. Одессе при Свято-Михайло-Архангельской церкви; 7 апреля 1944 г. был угнан гитлеровцами в Румынию (г. Браилов), заключен в лагерь; в мае 1944 г. вместе с другими заключенными переведен в Германию, где работал чернорабочим в селе [...], в каменном карьере, до прихода советских войск; 5 июля 1945 г. отправлен в г. Кропоткин, куда прибыл 17 июля 1945 г.; 12 декабря 1945 г. назначен Епископом Флавианом (Ивановым) священником в Свято-Николаевский молитвенный дом ст. Кавказской [33].

В 1930-е годы храм был закрыт и, очевидно, разрушен. Данных о возобновлении прихода в период гитлеровской оккупации в документах не содержится, известно только, что в 1944 году в приход был назначен священник Михаил Григорьевский.

Михаил Тимофеевич Григорьевский родился 21 октября 1875 г. в г. Уразово Воронежской губернии; русский; в 1898 г. окончил Ставропольскую духовную семинарию; женат (жена Иванова Е.А., брак заключен в 1898 г.); не судим; был в обновленческом расколе, принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви в 1943 г. Епископом Фотием (Топиро).

В 1922 г. в соответствии с указом епископа Армавирского Михаила награжден саном протоиерея; в 1951 г. указом архиепископа Краснодарского и Кубанского Гермогена – палицей.

Сведения о службе: в 1898 г. назначен диаконом в ст. Чамлыкскую Кубанской области; с 1900 г. служил священником в хут.

Новопашковском; с 1905 г. – в ст. Камышевской; с 1917 г. служил священником в Свято-Троицкой церкви в г. Армавире; с 1924 г. – в г. Туапсе; с 1928 г. – священником в Свято-Николаевской церкви г. Армавира; с 1930 г. – в г. Кропоткине; в 1932 г. вышел за штат, работал счетоводом в Партизанской коммуне г. Краснодара; с 1934 г. работал на Северном Урале в Верхнемуллинском районе Молотовской (ныне Пермской) области учителем средней школы, преподавал физику, естествознание, немецкий язык; с 1943 г. служил священником в сел. Старомихайловском Ставропольского края; с 1944 г. – в хут. Ковалевском Новокубанского района Краснодарского края; с 1949 по март 1953 г. – в ст. Абадзехской Тульского района Краснодарского края [34].

В 1945 г. настоятелем ненадолго становится священник Николай Антонов (см. выше), а в июле 1946 г. – священник Е.А. Петришин (см. выше).

Затем, в этом же году, настоятелем прихода становится священник Андрей Никитович Пашук. А.Н. Пашук родился 27 сентября 1900 г. в ст. Попутной Лабинского отдела Кубанской области; русский; в 1909 г. окончил церковно-приходскую школу в ст. Попутной Кубанской области; женат; не судим; был в обновленческом расколе, принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви в 1946 г.; во время оккупации служил псаломщиком в ст. Успенской Ильинского района.

Сведения о службе: с 1919 г. занимался сельским хозяйством (хлебороб); с 1926 г. служил псаломщиком в ст. Воздвиженской Кубанской области; с 1928 г. – в ст. Казанской; с 1930 г. – в хут. Зубов; с 1933 г. работал плотником в г. Сочи; с 1940 г. служил псаломщиком в хут. Лосеве Краснодарского края; с 1946 г. служил священником в хут. Ковалевском; с 1947 г. – в с. Петровском; с 1949 г. – в ст. Андрюковской; с 1950 г. – в ст. Новолабинской; с 1953 г. – в ст. Костромской; с 1953 г. – в ст. Стародеревянской; с 9 июня 1955 г. служил настоятелем Александро-Невского молитвенного дома ст. Новомалороссийской Выселковского района Краснодарского края.

В 1948 г. настоятелем и председателем церковного Совета в хут. Ковалевском служил священник Максим Степанович Коробкин, церковным старостой в январе

этого же года зарегистрирован Чуприн Дмитрий Лаврентьевич. Священник Максим Коробкин служил настоятелем прихода вплоть до своей смерти 23 января 1951 г., после его смерти настоятелем прихода был назначен священник Феодор Новицкий.

Феодор Матвеевич Новицкий родился 5 февраля 1898 г. в ст. Переясловской Кавказского отдела Кубанской области; русский; образование низшее; женат; не судим; в обновленческом расколе не состоял; в Краснодарский край прибыл из Полтавской области в 1945 г.; во время оккупации служил священником в Полтавской области.

Служебная деятельность: до 1937 года – псаломщик, затем на гражданской работе; с 1937 по 1941 гг. – на гражданской работе; с 1941 по 1945 гг. – служба в РККА; с 1945 – священник. По состоянию на 1952 г. служил в ст. Роговской Роговского района [35].

В 1951 г. новым настоятелем становится священник Авраам Тимошкин. Авраам Васильевич Тимошкин родился 19 октября 1878 г. в деревне Ивановка Темниковского уезда Азовской губернии (Мордовия); мордвин; образование домашнее; женат; не судим; был в обновленческом расколе, принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви в 1945 г.; в Краснодарский край прибыл из Тобольской епархии в 1939 г.; во время оккупации жил в г. Апшеронске, не работал.

Сведения о службе: с 1908 г. служил псаломщиком в Спасской церкви сел. Бронниковского Тобольской губернии; с 1914 г. служил диаконом той же церкви; с 1921 г. служил священником Свято-Троицкой церкви с. Нового Тобольского района; с 1939 г. на гражданской работе – работал сторожем в колхозе «Красный нацмен» ст. Апшеронской Краснодарского края; с 1944 г. служил священником в Казанской церкви ст. Чернореченской Краснодарского края; с 1947 г. служил священником в Петропавловской церкви хут. Гречаная Балка Кагановичского района; с 1951 г. – священником в Покровском молитвенном доме хут. Ковалевского Новокубанского района; с 8 декабря 1952 г. по 21 февраля 1958 г. – настоятель Покровского молитвенного дома в ст. Келермесской Гиагинского района Краснодарского края [36].

С декабря 1952 г. настоятелем прихода значится священник Николай Соловьев. Николай Иванович Соловьев родился 20 ноября 1877 г. в с. Наумово Даниловского уезда Ярославской губернии; русский; в 1898 г. окончил Поливановскую учительскую семинарию (Московская губерния); 1944 г. экстерном держал [экзамен] на звание священника; женат; не судим; в обновленческом расколе не состоял; в Краснодарский край прибыл из Ярославской области в 1939 г.; во время оккупации служил псаломщиком в сел. Воронцово-Дашковском Белореченского района.

Сведения о службе: с 1898 г. служил учителем Новоселебенского земского училища Тульской губернии; с 1899 г. – учителем Сергиево-Посадского училища Московской губернии; с 1900 г. – учителем-псаломщиком там же; с 1903 г. – учителем; с 1906 г. – инспектором Нарофоминского высшего начального училища Московской губернии; с 1918 г. – заведующим в том же училище; с 1920 г. – школой 2-й ступени в сел. Таширово Московской губернии; с 1922 г. – учителем средней школы в г. Загорске Московской области; с 1929 г. – учителем школы в г. Катта-Кургане Узбекской ССР; с 1930 г. учителем кооперативного техникума в г. Кашире Московской области; с 1931 г. – учитель неполной средней школы СОНО (ОГПУ) в г. Москве (так в документе); с 1933 г. – учитель Пестовской школы Ярославской области; с 1934 г. – учителем Ярославской райколхозшколы; с 1936 г. – учитель русского языка и литературы на курсах мастеров соцтруда Ярославского автозавода в г. Ярославле; с 1937 г. – учитель школы в г. Кизляре Дагестанской ССР; с 1937 г. – учитель 47-й средней школы в г. Ярославле; с 1939 г. – учитель Воронцово-Дашковской неполной средней школы в Белореченском районе Краснодарского края; с 3 апреля 1945 г. служил настоятелем Свято-Троицкого молитвенного дома ст. Воздвиженской Темиргоевского района; с 28 ноября 1947 г. – настоятелем Свято-Покровского молитвенного дома ст. Тбилисской; с 3 октября 1949 г. – настоятель Рождество-Богородицкого молитвенного дома ст. Севастопольской Тульского района; с 15 сентября 1952 г. – настоятель Свято-Георгиевской церкви ст. Казанской Кавказского района Краснодарского края [37].

С июня 1956 г. по август 1957 г. настоятелем назначен священник Петр Алексеевич Ивановский [38]; с ноября 1957 г. по октябрь 1958 г. – священник Иван Андреевич Костенко. И.А. Костенко, родился 5 января 1884 г. в Слободе Ольшана Лебединского уезда Харьковской губернии, украинец; в 1901 г. окончил 6 классов Купянской мужской гимназии и богословские курсы при Харьковском епархиальном управлении; в 1922 г. окончил бухгалтерские курсы, вдов; не судим, в обновленческом расколе не состоял; во время оккупации жил в с. Новоблагодарном Ставропольского края, работал в колхозе счетоводом.

Служебная деятельность: с 1901 по 1905 гг. служил псаломщиком по месту рождения; с 1905 по 1918 гг. служил в Русской Императорской армии; с 1919 по 1925 г. служил в РККА; с 1925 по 1943 гг. служил в гражданских учреждениях г. Ставрополя; с 1943 по 1947 гг. служил псаломщиком в ст. Николаевской Успенского района Краснодарского края; 10 октября 1947 г. рукоположен в сан священника и назначен в ст. Упорную Краснодарского края; с октября 1950 г. г. служил настоятелем Свято-Михайло-Архангельского молитвенного дома в ст. Константиновской Курганинского района; с декабря 1959 г. служил в ст. Чамлыкской [39].

В марте 1959 г. настоятелем Покровской общины становится священник Евгений Николаевич Воинов. Е.И. Воинов родился 20 января 1893 г. в ст. Тимашевской Кавказского отдела Кубанской области, русский; в 1916 г. окончил Ставропольскую духовную семинарию; в 1938 г. окончил курсы счетоводов; женат (жена Жигайлова Анна Николаевна, в браке с 1938 г.); не судим; был в обновленческом расколе, принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви в 1945 г.; во время оккупации жил и работал в Чаквинском чайсовхозе и на чайной фабрике № 1 в г. Чаква Кобулетского района Аджарской АССР.

В 1951 награжден набедренником по указу архиепископа Краснодарского и Кубанского Гермогена.

Сведения о службе: до 1937 года – псаломщик; с 1937 по 1941 гг. – гражданская работа; с 1941 по 1945 гг. служба в РККА, диакон, священник; с 1945 по 1952 гг. – священник. По состоянию на 1952 год

служил в ст. Вознесенской Лабинского района [40].

В соответствии с постановлением Совета по делам Русской Православной Церкви от 30 мая 1960 года православная община в хут. Ковалевском была снята с регистрации. К моменту ликвидации общины молитвенное здание церковного прихода хут. Ковалевского располагалось в саманной хате, крытой камышом, полезной площадью без алтаря 50 кв. м. В 1959 г. молитвенный дом посещало в воскресные дни от 30 до 50 чел., церковный доход составлял в 1957 г. 56 тыс. руб., в 1958 г. – 29 тыс. руб., в 1959 г. – 30 тыс. руб. Последнее Богослужение в хут. Ковалевском проводилось в октябре 1959 г. [41].

В настоящее время в селе Ковалевском Новокубанского района действуют храм и приход во имя иконы Казанской Божьей Матери [42].

* * *

Таким образом, мы видим, что во время Великой Отечественной войны и в послевоенный период на территории современного Новокубанского района действовало 4 молитвенных дома, один из них (в хут. Ковалевском) был закрыт в 1960 году, однако в настоящее время все они являются действующими, включая храм в селе Ковалевском, который в 1990-е годы получил наименование во имя иконы Казанской Божьей Матери.

Примечания:

1. Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985). Краснодар, 1986. С. 259.
2. Храмы и монастыри Ставропольской епархии (1843–1920 гг.): справочник / сост. В.В. Белоконь; Комитет Ставропольского края по делам архивов. Ставрополь: Бюро новостей, 2012. С. 268–269.
3. Кубанский календарь на 1916 год. Екатеринодар, 1916. С. 189.
4. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 349. Л. 12–15.
5. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 349. Л. 24–25об.
6. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53. Оп. 2. Д. 334. Л. 9.
7. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53. Оп. 2. Д. 274. Л. 61–62; Д. 278. Л. 53–54об., 61.
8. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53; Оп. 2. Д. 266. Л. 32–32об., 45; Д. 344. Л. 77, 78; Д. 395. Л. 52.
9. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 20–28; Оп. 2. Д. 307. Л. 68–69об.; Д. 334. Л. 24.
10. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 268. Л. 57–58об.; Д. 349. Л. 43.
11. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 349. Л. 44, 45, 46, 55, 56, 57, 58.
12. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 349. Л. 61–63.
13. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 349. Л. 64–72, 81, 84, 91, 94, 95, 108.

14. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 349. Л. 119–121, 149, 162, 171.

15. Православная церковь на Кубани в конце XVIII – начале XX в.: Сборник документов. Краснодар, 2001. С. 705.

16. Храмы и монастыри Ставропольской епархии (1843–1920 гг.): справочник / сост. В.В. Белоконов; Комитет Ставропольского края по делам архивов. Ставрополь: Бюро новостей, 2012. С. 258; Кубанский календарь на 1916 год. Екатеринодар, 1916. С. 186.

17. Вольная Кубань. 1919. 4 мая. № 96.

18. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53; Оп. 2. Д. 258. Л. 100–101об.; Д. 345. Л. 52–53об.

19. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 350. Л. 8–10; 12–12об., 31.

20. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53; Оп. 2. Д. 350. Л. 20.

21. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 350. Л. 27; Д. 398. Л. 38–40.

22. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 350. Л. 33–34.

23. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 350. Л. 44.

24. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 20–28; Оп. 2. Д. 350. Л. 36–36об., 54, 49–53, 63, 72.

25. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 350. Л. 56, 67, 105, 106.

26. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 350. Л. 113, 153.

27. Храмы и монастыри Ставропольской епархии (1843–1920 гг.): справочник / сост. В.В. Белоконов; Комитет Ставропольского края по делам архивов. Ставрополь: Бюро новостей, 2012. С. 284–285; Кубанский календарь на 1916 год. Екатеринодар, 1916. С. 186.

28. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 351. Л. 1.

29. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 20–28; Оп. 2. Д. 266. Л. 20–21; Д. 351. Л. 30–32.

30. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 351. Л. 18–19.

31. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 351. Л. 23, 25–27; 31–3.

32. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 351. Л. 33–39, 55, 62, 69, 79–80, 85.

33. Храмы и монастыри Ставропольской епархии (1843–1920 гг.): справочник / сост. В. В. Белоконов; Комитет Ставропольского края по делам архивов. Ставрополь: Бюро новостей, 2012; Справочник по Ставропольской епархии / Сост. Н.Т. Михайлов. Екатеринодар, 1911; Кубанские календари на 1898–1916 гг.

33. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 301. Л. 35–35об.

34. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 20–28; Д. 343. Л. 82–84; Д. 394. Л. 1.

35. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53; Оп. 2. Д. 287. Л. 46–47; Д. 352. Л. 9, 15.

36. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53. Оп. 2. Д. 291. Л. 78–79об., 86.

37. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53; Оп. 2. Д. 304. Л. 62, 63–63об.

38. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 352. Л. 31–32.

39. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53; Оп. 2. Д. 338. Л. 24; Д. 445. Л. 122; Д. 329. Л. 29–30об. Д. 352. Л. 37–39.

40. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 20–28; Оп. 2. Д. 335. Л. 2; Д. 352. Л. 45.

41. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 352. Л. 52–53.

42. Православная церковь на Кубани в конце XVIII – начале XX в.: Сборник документов. Краснодар, 2001. С. 699.

А.В. Бабич

Исторический очерк о приходах Успенского благочиния Кубанской епархии в советский период

Введение

На территории современного Успенского района Краснодарского края в период гитлеровской оккупации и после окончания Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

действовало всего 4 православных прихода: в сел. Успенском, в сел. Коноково, в ст. Николаевской и в ст. Убежденской.

Об этих приходах и пойдет речь в данном очерке.

§ 1. Молитвенный дом во имя Успения Пресвятой Богородицы в селе Успенском

В 1870 г. в ст. Попутной был приобретен деревянный молитвенный дом на каменном фундаменте, без иконостаса. В приобретенном здании селяне решили устроить престол в честь Успения Пресвятой Богородицы. Таким образом, в 1873 г. в селе Успенском уже действовал временный деревянный храм, а в 1892 г., на добровольные пожертвования прихожан, на каменном фундаменте возвели новое деревянное церковное здание в честь Успения Пресвятой Богородицы, освященное 9 декабря этого же года [1].

Накануне печальных событий 1917 года в селе Успенском служил священник о. Николай Терновский [2].

Пережив революционное лихолетье, приход продолжал действовать и в 1920-е годы. В 1927 г. настоятелем в село Успенское Армавирского округа Северо-Кавказского края был назначен протоиерей Александр Николаевич Безсонов, уроженец ст. Приближенной Терской области.

Безсонов А.Н. родился 10 августа 1885 г., в 1906 г. окончил Ставропольскую духовную семинарию. С 1933 г. о. Александр служил благочинным и настоятелем церкви в ст. Удобной Отраденского района, на тот момент еще Северо-Кавказского края, с 1934 по 1936 гг. он служил благочинным и настоятелем в ст. Отрадной. Настоятелем же в сел. Успенском о. Александр прослужил до 1929 г. Известно также, что о. Александр до 1945 г. пребывал в обновленческом расколе, а во время оккупации служил священником в молитвенном доме ст. Усть-Лабинской [3].

В 1930-е гг. (к сожалению, точная дата не установлена) Свято-Успенский храм был закрыт, а затем разрушен, поскольку в 1942 г., в период гитлеровской оккупации, православный приход во имя Успения Пресвятой Богородицы патриаршей ориентации был открыт не в бывшем здании церкви и даже не в церковной сторожке, а в частном

доме. Эти же данные подтверждает в 1944 г. и председатель Успенского райисполкома тов. Демидов, сообщавший уполномоченному по делам Русской Православной Церкви по Краснодарскому краю тов. Кириллову, что, по состоянию на 25 февраля 1944 г., в селе Успенском «зданий церквей и церковных сторожек не имеется» [4].

В августе 1942 г., после начала гитлеровской оккупации, в селе Успенском организовал православную общину патриаршей ориентации и служил там до марта 1943 г. священник Симеон Николаевич Бондаренко.

Бондаренко С.Н. родился 17 апреля 1887 г. в г. Армавире Кубанской области, русский; в 1899 г. окончил Армавирскую церковно-приходскую школу; женат (в 1905 г. повенчан первым браком с девицей Игнатъевой Натальей Ивановной); не судим; был в обновленческом расколе, но в 1925 г. епископом Ставропольским Иннокентием принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви.

В 1931 г. митрополит Ставропольский Серафим наградил о. Симеона скуфьей; а в 1950 г. – архиепископ Краснодарский и Кубанский Гермоген наградил его камилавкой.

Сведения о службе: до 1899 г. занимался сельскохозяйственными работами; в 1922 г. принял звание священнодиакона и был причислен сверх штата к собору г. Армавира; в 1923 г. рукоположен в сан иерея и назначен в хут. Алексеевский Петропавловского района Армавирского округа Северо-Кавказского края; в 1925 г. переведен на приход в сел. Натырбово Адыгейской АО; затем в хут. Рощинский Невинномысского района Северо-Кавказского края; с 1934 г. работал строителем в хут. Рощинском и в МТС ст. Беломечетской; в 1936 г. работал на швейной фабрике г. Армавира по устройству вентиляционных систем и ремонту построек; в 1937 г. перешёл на работу в плодоовощной техникум г. Армавира; в 1939 г. работал в квартирно-эксплуатационной части (КЭЧ) г. Армавира. С марта 1943 г. служил священником в ст. Попутной; с июля 1950 г. – в ст. Нижегородской Тульского района; с октября 1950 г. по февраль 1951 г. находился за штатом; с 22 февраля 1951 г. служил священником в ст. Кубанской Апшеронского района [5].

С марта 1943 г. по 1947 г. в селе Успенском служил священник Прокофий Филиппович Мартынов. Мартынов П.Ф. родился в 1883 г. в с. Шебелиновка Змиевского уезда Харьковской губернии; русский; окончил церковно-приходскую школу; женат; не судим; во время оккупации жил в г. Георгиевске Ставропольского края.

С 1899 по 1922 гг. был певчим в церковном хоре г. Армавира; с 1922 по 1930 г. служил диаконом, а затем священником в Свято-Николаевской церкви г. Армавира; с 1930 по 1943 гг. находился за штатом и проживал в г. Георгиевске; с 1943 по 1947 гг. служил священником в сел. Успенском Краснодарского края; затем вышел за штат; с октября 1947 назначен настоятелем в Свято-Ильинскую церковь ст. Дондуковской Гиагинского района Краснодарского края [6].

После начала оккупации псаломщиком в Свято-Успенском приходе служила бывшая воспитанница монастыря Святой Нины Просветительницы Грузии (место нахождения монастыря не указано) Мария Григорьевна Зелинская. Зелинская М.Г. родилась в 1890 г. в селе Натырбово Майкопского отдела Кубанской области и до 1918 года воспитывалась в монастыре, затем жила вместе с родителями в селе Горькая Балка Ставропольской губернии, с 1924 г. служила псаломщиком в местной церкви, а в 1930 году переехала на Кубань и жила в ст. Успенской [7].

В 1947–1949 гг. настоятелем прихода служил священник Николай Дорош. К сожалению, анкета этого священника не сохранилась, но известно, что 28 августа 1947 г., в День Успения Пресвятой Богородицы, т.е. в Престольный праздник Свято-Успенского молитвенного дома, он совершал торжественное богослужение с крестным ходом вокруг храма, причем служба продолжалась до 10 часов утра. 2 сентября 1947 г. о. Николай был вызван в райисполком, где секретарь Володин в грубой форме обвинил батюшку в том, что он 28 августа очень долго совершал богослужение, в то время как по закону он обязан совершать утреннее богослужение с 6 до 7 часов утра.

В декабре 1949 г. настоятелем прихода назначен священник Василий Васильевич Скляр. В.В. Скляр родился 1 августа 1893 г. в с. Апанасенковском Ставропольской губернии; русский; образование низшее; в 1921 г. окончил псаломщические

курсы в г. Ставрополе; вдов; не судим; был в обновленческом расколе, принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви в 1945 г.; в Краснодарский край прибыл из Ставропольского края в 1946 г.; во время оккупации служил диаконом в ст. Невинномысской Ставропольского края.

Сведения о службе: с 1921 по 1929 гг. служил диаконо-псаломщиком и штатным диаконом в Кафедральном соборе г. Ставрополя; с 1929 г. служил диаконом в Свято-Покровской церкви г. Черкесска; с 1934 г. служил диаконом в Свято-Михаило-Архангельской церкви ст. Казанской Кубанского округа Азово-Черноморского края; с 1935 г. на гражданской работе в г. Орджоникидзе (в санитарной инспекции, затем в музыкальной школе, учителем пения); с 1938 г. в г. Черкесске работал плотником на лесопильном заводе; с 1941 г. служил диаконом в г. Невинномысске; с 1942 г. по указу бывшего Митрополита Ставропольского и Северо-Кавказского Василия Кожина служил протодиаконом Свято-Андреевского собора в г. Ставрополе; в 1945 г. Архиепископом Ставропольским и Бакинским Антонием принят в каноническое общение с Московской Патриархией и назначен диаконо-псаломщиком в Свято-Успенскую церковь г. Ставрополя; с августа 1946 г. на службе в Краснодарской епархии, в Свято-Николаевской церкви г. Армавира; 9 марта 1947 г. рукоположен в сан священника и назначен настоятелем Михаило-Архангельского молитвенного дома ст. Николаевской Успенского района Краснодарского края, в котором служил до декабря 1949 г., затем служил в ст. Успенской Успенского района до 1952 г.; в 1950 г. награжден набедренником. С февраля 1957 г. по март 1958 г. служил настоятелем в Свято-Покровском молитвенном доме ст. Ханской Майкопского района Адыгейской АО [9].

В сентябре 1953 г. настоятелем Свято-Успенского молитвенного дома становится священник Василий Самуилович Мелькин. О. Василий родился 1 января 1885 г. в селе Пестровка Самарской губернии; в 1899 г. окончил земское 4-классное училище; в 1926 г. рукоположен в сан священника; не судим; был в обновленческом расколе, принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви в 1947 г.; в

Краснодарский край прибыл из пос. Таласс Ташкентской епархии в 1939 г. В период оккупации (1942) охранял зернохранилище в колхозе села Натырбово Кошехабльского района Адыгейской АО; в это же время, на основании Указа Краснодарского епархиального управления, исполнял требы в с. Унароково.

Сведения о службе: с 1901 по 1906 гг. был послушником Свято-Троицкого монастыря Самарской губернии; с 1906 по 1909 гг. находился на действительной военной службе в г. Киеве; с 1909 по 1914 гг. трудился в монастыре. В 1914 г. призван в действующую армию, участвовал в боях, был ранен и попал в германский плен. С 1921 по 1926 гг. служил диаконом в селе Сосновка Фрунзенской области Киргизской ССР; с 1926 по 1929 гг. служил священником в г. Кустанае Казахской ССР, затем вернулся в Киргизию; с 1939 по 1947 г. служил в селе Натырбово Кошехабльского района, с 1947 г. – настоятель в сел. Коноково; 10 сентября 1953 г. назначен настоятелем в село Успенское Армавирского благочиния и прослужил там до мая 1961 г. [10].

В мае 1961 г. настоятелем Свято-Успенского молитвенного дома становится протоиерей Николай Иванович Соловьев, но уже в сентябре этого же года его сменяет священник Евграф Антонович Петришин, прослуживший там до августа 1962 г. После его ухода настоятель в приход уже не назначался и 8 октября 1963 г. председатель Новокубанского райисполкома¹³ вынес стандартное решение о закрытии православного прихода, объясняя это тем, что «с августа 1962 г. церковная служба в приходе не проводится, молитвенный дом находится в запущенном состоянии, длительное время не ремонтируется и не пригоден для дальнейшего использования».

Прежде чем перейти к освещению дальнейших событий, остановимся на кратких жизнеописаниях священников, служивших в Успенском приходе накануне его закрытия.

1. Священник Соловьев Николай Иванович родился 20 ноября 1877 г. в селе Наумово Даниловского уезда Ярославской

¹³ С 22 апреля 1962 г. по 21 февраля 1975 г. территория Успенского района, включая село Успенское, входила в состав Новокубанского района Краснодарского края (Основные административно-территориальные преобразования на Кубани (1793–1985 гг.). Краснодар, 1986. С. 179).

губернии; русский; в 1898 г. окончил Поливановскую учительскую семинарию (Московская губерния); 1944 г. экстерном держал экзамен на звание священника; женат; не судим; в обновленческом расколе не состоял; в Краснодарский край прибыл из Ярославской области в 1939 г.; во время оккупации служил псаломщиком в с. Воронцово-Дашковском Белореченского района.

Сведения о службе: с 1898 г. служил учителем Новоселебенского земского училища Тульской губернии; с 1899 г. – учителем Сергиево-Посадского училища Московской губернии; с 1900 г. – учителем-псаломщиком там же; с 1903 г. – учителем; с 1906 г. – инспектором Нарофоминского высшего начального училища Московской губернии; с 1918 г. – заведующим в том же училище; с 1920 г. – зав. школой 2-й ступени в сел. Таширово Московской губернии; с 1922 г. – учителем средней школы в г. Загорске Московской области; с 1929 г. – учителем школы в г. Катта-Кургане Узбекской ССР; с 1930 г. учителем кооперативного техникума в г. Кашире Московской области; с 1931 г. – учитель неполной средней школы СОНО (ОГПУ) в г. Москве (так в документе); с 1933 г. – учитель Пестовской школы Ярославской области; с 1934 г. – учителем Ярославской райколхозшколы; с 1936 г. – учитель русского языка и литературы на курсах мастеров социалистического труда Ярославского автозавода в г. Ярославле; с 1937 г. – учитель школы в г. Кизляре Дагестанской ССР; с 1937 г. – учитель 47-й средней школы в г. Ярославле; с 1939 г. – учитель Воронцово-Дашковской неполной средней школы в Белореченском районе Краснодарского края; с 3 апреля 1945 г. служил настоятелем Свято-Троицкого молитвенного дома ст. Воздвиженской Темиргоевского района; с 28 ноября 1947 г. – настоятелем Свято-Покровского молитвенного дома ст. Тбилисской; с 3 октября 1949 г. – настоятель Рождество-Богородицкого молитвенного дома ст. Севастопольской Тульского района; с 15 сентября 1952 г. – настоятель Свято-Георгиевской церкви ст. Казанской Кавказского района Краснодарского края [11].

2. Протоиерей Евграф Антонович Петришин, родился 10 декабря 1887 г. в местечке Дзыговка Ямпольского уезда Каменец-Подольской области; украинец; образование начальное; в 1905 г. окончил ду-

ховное училище в сел. Дзыговке Ямпольского уезда Каменец-Подольской губернии; женат (жена Пелагея Денисовна Чалова, повенчан в 1943 г.); не судим; в обновленческом расколе не состоял; во время оккупации служил в РККА.

В 1951 г. архиепископ Краснодарский и Кубанский Гермоген наградил его набедренником.

Сведения о службе: с 1905 г. – хлебороб и псаломщик в сел. Дзыговке; с 1932 г. работал на чугунно-литейном заводе в г. Запорожье Днепропетровской области в качестве чернорабочего по ремонту железнодорожных путей; с 1934 г. работал в порту г. Мариуполя по обустройству клуба в качестве слесаря-водопроводчика; с 1936 г. работал на заводе «Октябрь» в г. Краснодаре токарем по металлу, затем слесарем в Абрау-Дюрсо (под Новороссийском), в хут. Горно-Веселый, в Баканском винохранилище Крымского района; 30 июля 1942 г. был мобилизован в РККА, служил под г. Туапсе, 24 ноября того же года ранен и уволен из армии как инвалид Отечественной войны 2-й группы; с начала 1943 г. находился в инвалидном доме близ г. Сухума, где прослушал трехмесячные курсы по пчеловодству; в июле 1943 г. выехал на Кубань и поступил псаломщиком в с. Мостовое Краснодарского края; 7 декабря 1943 г. в Свято-Екатерининском соборе рукоположен в сан священника Епископом Фотием, после чего был назначен настоятелем Свято-Михаило-Архангельского молитвенного дома в ст. Зассовской Упорненского района Краснодарского края; 24 июня 1944 назначен настоятелем Свято-Покровской церкви ст. Черниговской Рязанского района; 10 июля 1946 г. назначен настоятелем молитвенного дома хут. Ковалевского Новокубанского района; 11 ноября 1946 г. перемещен в ст. Нижегородскую Тульского района; в 1948 г. – в ст. Костромскую Ярославского района; 7 марта 1950 г. – в ст. Тенгинскую Усть-Лабинского района; 16 июля 1951 г. назначен в ст. Николаевскую Успенского района; в соответствии с указом Архиепископа Краснодарского и Кубанского Алексия от 12 марта 1968 № 5 протоиерей Петришин Е.А. был освобожден от должности настоятеля Свято-Николаевского молитвенного дома ст. Советской и назначен на должность второштатного священника Михаило-Архангельского молитвенного дома г. Крымска [12].

Как уже отмечалось выше, после ухода священника Е.А. Петришина новый священник в приход не назначался, и тогда, выждав положенный срок, Краснодарский крайисполком в письме от 21 мая 1964 г. сообщил в Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР о том, что он поддерживает решение Новокубанского райисполкома, а Совет, в свою очередь, на заседании 11 июля 1964 г. постановил «согласиться» с предложением Краснодарского крайисполкома о снятии с регистрации религиозного общества в селе Успенском Новокубанского района «как прекратившего свою деятельность». Затем, в соответствии с решением Прикубанского райисполкома от 6 августа 1964 года, здание бывшего молитвенного дома в селе Успенском передали местной конторе коммунальных предприятий [13].

В действительности же снятие с регистрации молитвенного дома в селе Успенском не было вызвано тем, что приход, как указано в документе, «фактически прекратил свою деятельность», поскольку известно, что при последнем священнике в воскресные и праздничные дни молитвенный дом посещало 50 и более человек, ежегодно совершалось около 100 крещений, а церковный доход составлял до 8000 рублей пореформенных денег в год. Очевидно, причина была вдругом, о ней хорошо сказал русский поэт Игорь Тальков: «А золотые купола кому-то черный глаз слепили...» [14].

Однако в начале 90-х гг. XX в. настали иные времена и по представлению председателя Краснодарского крайисполкома от 29 января 1990 года на заседании Совета по делам Русской Православной Церкви от 4 апреля 1990 г. было решено вновь зарегистрировать религиозное общество РПЦ в селе Успенском Успенского района Краснодарского края, а 20 июля 1990 г., в соответствии с Указом архиепископа Краснодарского и Кубанского Исидора, в Свято-Успенский молитвенный дом назначен священник Георгий Петров [15].

В настоящее время в селе Успенском по ул. Ноздрачева, 84 действует вновь построенный в 1990-е годы типовой храм [16].

§ 2. Молитвенный дом во имя Покрова Пресвятой Богородицы в селе Коноково

Деревянный, обложенный кирпичом храм во имя Покрова Пресвятой Богороди-

цы в селе Коноково Лабинского отдела построен и освящен в 1902 году. При храме имелась колокольня, расположенная отдельно, на столбах. Накануне событий 1917 г. в храме служил священник Косьма Бочкарев [17].

В 1930-е годы храм был закрыт. Несмотря на то, что точная дата его закрытия не установлена и данные о деятельности прихода в период гитлеровской оккупации отсутствуют, известно, что в августе 1944 г. председателем Успенского райисполкома приход в с. Коноково был закрыт по неизвестной причине, после чего председатель церковного совета П.Д. Климонов сообщил в райисполком о том, что, в связи с закрытием прихода, церковный совет распался, а священник Михаил Григорьевский, бывший на тот момент настоятелем, отказался служить в молитвенном доме, поскольку не имел на то разрешения местных органов власти.

Когда уполномоченный Совета по делам РПЦ при крайисполкоме тов. Кириллов узнал о самоуправстве председателя исполкома тов. Сердюка, он написал ему письмо от 31 августа 1945 г., в котором отмечал, что закрытие молитвенного дома в с. Коноково является незаконным актом, и просил немедленно оказать содействие в предоставлении православной общине помещения для молитвенных целей, а также принять безотлагательные меры к регистрации этой общины. Вскоре просьба уполномоченного была удовлетворена, и 25 декабря 1945 г. председатель Успенского райисполкома тов. Сердюк выслал ему регистрационный материал на православную общину в селе Коноково [18].

Как отмечалось выше, в то время приходским священником Свято-Успенского молитвенного дома был протоиерей Михаил Тимофеевич Григорьевский. О. Михаил родился 21 октября 1875 г. в г. Уразово Воронежской губернии; русский; в 1898 г. окончил Ставропольскую духовную семинарию; был женат (жена Иванова Е.А., брак заключен в 1898 г.); не судим; находился в обновленческом расколе, в 1943 г. епископом Фотием (Топиро) принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви.

В 1922 г. Армавирский епископ Михаил наградил его саном протоиерея, а в 1951 г. архиепископ Краснодарский и Кубанский Гермоген – палицей.

Сведения о службе: в 1898 г. о. Михаил был назначен диаконом в ст. Чамлыкскую Кубанской области; с 1900 г. служил священником в хут. Новопашиковском; с 1905 г. – в ст. Камышеватской; с 1917 г. – в Свято-Троицкой церкви г. Армавира; с 1924 г. – в г. Туапсе; с 1928 г. – в Свято-Николаевской церкви г. Армавира; с 1930 г. – в г. Кропоткине; в 1932 г. вышел за штат и работал счетоводом в Партизанской коммуне г. Краснодара; с 1934 г. работал на Северном Урале в Верхнемуллинском районе Молотовской (ныне Пермской) области учителем средней школы, преподавал физику, естествознание, немецкий язык; с 1943 г. служил священником в сел. Старомихайловском Ставропольского края; с 1944 г. – в хут. Ковалевском Новокубанского района Краснодарского края; с 1949 по март 1953 г. – в ст. Абадзехской Тульского района Краснодарского края [19].

В июле 1946 г. настоятелем прихода становится священник Феодор Феодорович Юрженко. Юрженко Ф.Ф. родился 17 февраля 1857 г. в ст. Есауловской области войска Донского, в 1876 г. окончил Воронежскую гимназию.

Служебная деятельность: в 1877 г. поступил на службу в Русскую Императорскую армию, принимал участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и за боевые отличия в 1877 г. был возведен в первый офицерский чин. В 1892 г. подал в отставку, после чего стал заниматься земледелием в ст. Есауловской; с 1900 г. проживал в ст. Константиновской области войска Донского. В 1914 г. снова мобилизован в Русскую Императорскую армию, воевал на турецком фронте. 14 мая 1917 г. демобилизовался из армии, проживал в г. Москве, работал на Рязанском вокзале столяром, затем вступил в Красную гвардию, в октябре 1917 г. принимал участие в боях с отрядами Временного Правительства в г. Москве, в декабре 1917 г. прибыл в ст. Константиновскую Донской области. В январе 1918 г. вступил в ряды Красной армии и служил командиром 42-й Донской бригады. 1 февраля 1920 г. избран членом окружного ревкома, с 15 мая 1920 года – член окружного исполкома 1-го Донского округа. В 1921 г. уволился со службы и до 1927 г. занимался сельским хозяйством. 1 августа поселился в Ивано-Слюсаревском сельсовете Кушевского района. С 1930 г. работал учетчиком МТФ в колхозе «Политотделец». С 1937 г. состоял

на иждивении кассы взаимопомощи того же колхоза.

В период оккупации проживал в г. Ростове-на-Дону. 1 января 1943 г., в возрасте 85 лет, рукоположен в сан иерея Архиепископом Николаем Ростовским, после чего был назначен настоятелем молитвенного дома в село Алексеевское Кушевского района. 1 июня 1943 г. назначен настоятелем в село Ивано-Слюсаревское; 24 июня 1944 г. Епископом Фотием (Топиро) назначен в ст. Кисляковскую Кушевского района; 4 июля 1945 г. назначен настоятелем в ст. Новопластуновскую Павловского района, а в июле 1946 – в ст. Успенскую. В марте 1947 г. он оставил Свято-Успенский приход, дав обещание уполномоченному, что в десятидневный срок зарегистрирует приход в ст. Старолеушковской и будет там служить. И надо сказать, что свое слово 90-летний батюшка сдержал! Приход в ст. Старолеушковской был зарегистрирован, о чем свидетельствует выписка из протокола № 1 заседания Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР от 17 марта 1947 г., а 1 апреля этого же года священнику Юрженко Ф.Ф. было разрешено приступить к исполнению служебных обязанностей в Свято-Вознесенской общине ст. Старолеушковской Краснодарского края [20].

В марте 1947 г. настоятелем молитвенного дома становится священник Василий Мелькин (см. выше), а в июне 1955 г. – священник Макарий Павленко.

Павленко Макарий Максимович родился 25 июля 1888 г. в с. Ивановка Александровского уезда Екатеринославской губернии; украинец; в 1901 г. окончил начальную земскую школу; был женат (жена Павленко Наталия Ивановна, 1889 года рождения; дочь Павленко Мария Макаровна, 1921 года рождения; сын Павленко Алексей Макарович, 1923 года рождения); не судим; в обновленческом расколе не состоял; в Краснодарский край прибыл из села Ивановка Днепропетровской области в 1939 г.; во время оккупации жил в с. Коноково Успенского района, работал плотником в колхозе им. Ленина.

Сведения о службе: до 1916 г. занимался сельским хозяйством и преподавал пение и музыку в начальном училище в с. Ивановка Александровского уезда Екатеринославской губернии; с 1916 г., по мобилизации, призван в действующую армию; с

1918 г. работал председателем Ревизионной комиссии кредитного товарищества; с 1921 г. служил псаломщиком в сел. Копани Васильковского уезда Екатеринославской губернии; с 1924 г. служил псаломщиком-регентом в сел. Ивановке Днепропетровской области; с 1926 г. служил псаломщиком-регентом в сел. Большая Михайловка Запорожской области, затем диаконом; с 1930 г. преподавал музыку и пение в школах сел. Ивановка Днепропетровской области; с 1933 г. работал раздатчиком вагонного участка станции Иловайское на Донбассе; с 1937 преподавал музыку и пение в начальной школе в поселке Стрелка Темрюкского района Краснодарского края; с 1939 г. преподавал музыку и пение в сел. Коноково Успенского района Краснодарского края; с 1942 г. работал плотником и пастухом в колхозе им. Ленина в сел. Коноково Успенского района; с 1944 г. служил псаломщиком-регентом там же; затем рукоположен в сан священника и в октябре 1945 г. назначен настоятелем в Свято-Покровский молитвенный дом ст. Черниговской Рязанского района; в 1946 г. перемещен в молитвенный дом Архидиакона Стефана ст. Новокорсунской Тимашевского района; в 1949 г. – в Свято-Михайло-Архангельский молитвенный дом сел. Ванновского Тбилисского района; с 1951 г. – перемещен в Свято-Казанский молитвенный дом ст. Темиргоевской; с сентября 1953 г. – настоятель Свято-Михайло-Архангельского молитвенного дома в ст. Константиновской Курганинского района [21].

В октябре 1958 г. настоятелем прихода становится священник Иван Костенко. Иван Андреевич Костенко родился 5 января 1884 г. в слободе Ольшана Лебединского уезда Харьковской губернии, украинец; в 1901 г. окончил 6 классов Купянской мужской гимназии и богословские курсы при Харьковском епархиальном управлении; в 1922 г. окончил бухгалтерские курсы, вдов; не судим, в обновленческом расколе не состоял; во время оккупации жил в с. Новоблагодарном Ставропольского края, работал в колхозе счетоводом.

Сведения о службе: с 1901 по 1905 гг. служил псаломщиком по месту рождения; с 1905 по 1918 гг. служил в Русской Императорской армии; с 1919 по 1925 г. служил в РККА; с 1925 по 1943 гг. служил в гражданских учреждениях г. Ставрополя; с 1943 по 1947 гг. служил псаломщиком в ст. Ни-

колаевской Успенского района Краснодарского края; 10 октября 1947 г. рукоположен в сан священника и назначен в ст. Упорную Краснодарского края; с октября 1950 г. служил настоятелем Свято-Михайло-Архангельского молитвенного дома в ст. Константиновской Курганинского района; с октября 1958 по декабрь 1959 года служил в селе Коноково; с декабря 1959 г. служил в ст. Чамлыкской [22].

В декабре 1959 г. на прежнее место службы вернулся священник Макарий Павленко, который служил здесь вплоть до закрытия прихода в 1961 г.

Расскажем об этом подробнее. 4 марта 1961 г. краевой уполномоченный С.Ф. Бабушкин отправил в Москву на имя председателя Совета по делам РПЦ В.А. Куроедову заключение, в котором просил разрешить ему снять с регистрации православную общину в селе Коноково Успенского района, мотивируя это тем, что община «маломощная», а мнение архиепископа Виктора по этому поводу «неопределенное». При этом «маломощную» общину в 1960 г. по воскресеньям посещало до 40 человек, доход составлял 22,7 тыс. руб., в этом же году было произведено 51 крещение, 1 венчание и 9 погребений, по данным самого уполномоченного. Так или иначе, а 28 марта 1961 года в соответствии с решением Совета по делам РПЦ (протокол № 5) православная община в селе Коноково была снята с регистрации.

В 1990-е годы приход в селе Коноково Успенского района был возрожден [23].

§ 3. Молитвенный дом во имя Архангела Михаила в ст. Николаевской

Новый каменный Михайло-Архангельский 5-главый храм в ст. Николаевской Лабинского отдела Кубанской области был построен и освящен в 1895 году, однако, как отмечал Н.Т. Михайлов, православный приход существовал здесь еще с 1828 года.

Накануне событий 1917 года здесь служили священники Александр Федоренко и Александр Махровский. О священнике А. Махровском в госархиве Краснодарского края имеются некоторые данные [24].

Священник Александр Андреевич Махровский родился ≈ в 1869 году в семье титулярного советника. В 1890 г. окончил

курс духовной семинарии в г. Тифлисе, после чего был определен в ст. Кужорскую на штатное место диаконо-учителя. 18 июля 1893 г. определен на штатное священническое место к Свято-Покровской церкви села Пелагиады Ставропольской губернии, при этом состоял заведующим в местной одноклассной церковно-приходской школе, а с 1895 г. – законоучителем в министерском училище и окружным миссионером. 28 ноября 1895 г. назначен на штатное место священника в ст. Николаевскую Кубанской области, с 1896 г. состоял заведующим мужской церковно-приходской школы в этой же станице и с 1897 г. окружным противосектантским миссионером. С 1898 г. состоял законоучителем в одноклассном училище ст. Николаевской; с 1899 г. – законоучителем двухклассного училища, а с 1913 г. – законоучителем высшего начального училища ст. Николаевской.

Александр Махровский имел следующие награды: на основе повеления Императора Николая II награжден медалью за труды по всеобщей первой переписи населения; по представлению Кавказского отделения Ставропольского епархиального училищного совета награжден набедренником; за особо ревностную службу и полезную пастырскую деятельность награжден набедренником вторично; в 1911 г. награжден фиолетовой скуфьей, кроме того о. Александр имел Серебряную медаль в память царствования Императора Александра III; серебряную медаль в память 25-летия церковно-приходских школ и светло-бронзовую медаль в память 300-летия Царствования Дома Романовых.

Состав семьи: жена, дочь священника, Евгения Андреевна Махровская; дети: Борис, 18 июля 1892 г.р. (в 1914 г. учился в Киевском коммерческом училище), Михаил, 1893 г.р. (в 1914 г. учился в Тифлисской духовной семинарии), Татьяна, 26 дек. 1895 г.р., Николай, 5 дек. 1897 г.р. (в 1914 г. учился в Ставропольской духовной семинарии), Мария, 12 марта 1899 г.р. (в 1914 г. обучалась в Ставропольском женском епархиальном училище), Анна, 27 июля 1901 г.р., Петр, 1903 г.р., Вера, 1908 г.р., Георгий, 1910 г.р. [25].

Во второй половине 1920-х годов (с 1925 по 1929 гг.) в ст. Николаевской служил священник Всеволод Михайловский. Всеволод Филиппович Михайловский ро-

дился 11 февраля 1880 г. в мест. Ляховцы Острогского уезда Волынской губернии; в 1903 г. окончил полный курс Волынской духовной семинарии; был женат (сыновья Владимир, Всеволод, дочери Анна, Нина, внук Владимир); не судим; в Кубанскую область прибыл в 1918 г., служил псаломщиком в Свято-Екатерининском кафедральном соборе г. Екатеринодара; во время оккупации жил в г. Краснодаре, затем был командирован в ст. Мартанскую Горячелючевского района.

Сведения о службе: с 1903 г. состоял учителем в слободе Даниловке Острогского уезда Волынской губернии; с 5 сентября 1905 г. псаломщиком-учителем в м. Ляховцы того же уезда; с 23 марта 1909 г. псаломщиком-учителем в слободе Омельно Луцкого уезда Волынской губернии; 24 января 1910 г. рукоположен в сан диакона и переведен в г. Таганрог, где служил учителем и диаконом при Свято-Митрофановской церкви; с 1918 служил диаконом при Свято-Успенской церкви г. Азова; с 17 января 1920 служил в г. Екатеринодаре в Свято-Екатерининском кафедральном соборе; 26 января 1920 г. рукоположен в сан священника; с октября 1920 г. служил священником в ст. Даховской Майкопского отдела Кубанской области; с 17 марта 1923 г. – священник ст. Новосвободной Кубано-Черноморской области; с 15 сентября 1925 г. – священник ст. Николаевской Армавирского (с 1934 г. Успенского) района Северо-Кавказского края; с 14 мая 1929 г. – священник ст. Ахтырской Абинского района; с 29 ноября 1929 г. – священник ст. Пластуновской; с 16 января 1934 г. – священник ст. Динской; с 30 марта 1934 г. – священник ст. Новорождественской Тихорецкого района; с 23 февраля 1935 г. – священник ст. Воронежской Усть-Лабинского района; с 12 февраля 1940 г. ушел за штат по болезни, жил в г. Краснодаре на иждивении сына; 15 октября 1942 г. временно командирован священником в ст. Мартанскую Горячелючевского района; с 7 января 1943 г. временно исполнял обязанности священника в Свято-Троицкой церкви г. Краснодара; с 11 октября 1943 г. служил священником в Александро-Невской церкви г. Майкопа; с 1 декабря 1943 по болезни не служил; с 27 апреля 1944 г. назначен священником в ст. Хамкетинскую Мостовского района Краснодарского края; с 17 ноября 1945 г. по 31

мая 1946 г. лечился в г. Краснодаре у профессора Демьянова; 20 июня 1946 г. назначен настоятелем Свято-Покровского молитвенного дома в ст. Келермесскую Гиагинского района Адыгейской АО [26].

В 1930-е годы храм в ст. Николаевской был закрыт и разрушен, так что к 1942 г. в станице не оставалось ни здания церкви, ни даже церковной сторожки... Тем не менее в период гитлеровской оккупации в «крестьянском доме» Анохина (имя и отчество не указаны) был открыт православной приход, который, по приглашению верующих, возглавил священник Иоанн Коляда. Священник Иван Семенович Коляда родился в 1890 г. в сел. Фирсовка Ишимского уезда Тобольской губернии; русский; прошел неполный курс в Тобольской духовной семинарии; вдов (дети – Георгий, 1914 г.р., Анатолий, 1917 г.р., Нина, 1924 г.р., Леонид, 1927 г.р., Надежда, 1939 г.р.); не судим; во время оккупации по приглашению верующих служил в ст. Николаевской Успенского района Краснодарского края.

Служебная деятельность: в 1912 г. выдержал экзамен на звание псаломщика и назначен в сел. Графское Тюкалинского уезда Тобольской губернии; с 1916 г. переведен псаломщиком в сел. Ильинское Петропавловского уезда Тобольской губернии и рукоположен в сан диакона; с 1918 г. переведен в с. Ясновское Кокчетавского уезда Акмолинской области; в 1920 г. рукоположен в сан священника; с 1922 г. переведен в сел. Лопушевское Петропавловского района; с 1923 г. – в сел. Островское того же района; с 1927 г. работал счетоводом в учебном комбинате в сел. Покровском Ленинского района Северо-Казахстанской области; в 1937 г. переехал в Дагестан и занимался крестьянским хозяйством в сел. Гребенском Шелковского района; в 1938 г. переехал в ст. Убеженскую Успенского района Краснодарского края, работал весовщиком в Убеженской МТС; в ноябре 1942 г. по приглашению верующих служил священником в ст. Николаевской Успенского района; в марте 1943 г. переехал в с. Успенское, где служил священником; с ноября 1943 г. служил в ст. Николаевской; с 23 мая 1945 – в ст. Тбилисской; 16 июля 1945 г. назначен настоятелем в ст. Камышеватскую Ейского района Краснодарского края [27].

В конце мая 1945 г. настоятелем православной общины в ст. Николаевской ста-

новится священник Стефан Остроухов. Стефан Григорьевич, иеромонах, родился в 1879 г. в ст. Суворовской Баталпашинского отдела Кубанской области; русский; окончил двухклассное училище и Баталпашинское 6-классное училище, по окончании которого зачислен в Лабинскую военнотехническую ремесленную школу; холост; не судим, проживал вместе с сестрой Дарьей Остроуховой.

Сведения о службе: в 1897 г. призван на военную службу в конный Хоперский полк, занимался постройкой седел и хомутов в г. Кутаиси (Грузия) по месту нахождения полка; 20 октября 1901 г., демобилизован, 1 ноября 1901 г. поступил на железную дорогу на станции Минводы старшим рабочим при депо; 1 ноября 1918 г. вступил в армию С.М. Буденного и был зачислен в подразделение командира бронепоезда Юдина, служил в обозе; 20 октября 1920 г. демобилизован; в ноябре этого же года поступил в число братии Ново-Афонского Симоно-Канонитского монастыря; в мае 1925 г. выехал в г. Сталинград, служил псаломщиком при Крестовоздвиженском храме; 19 сентября 1927 г. был рукоположен в сан иеродиакона и назначен на приход в слободу Капустин Яр Ленинского района Сталинградской области; 10.02.1929 г. выехал в г. Сухум; 21 апреля 1929 г. рукоположен в сан иеромонаха Митрополитом Варламом Сухумским и назначен в приход в село Полтаво-Колосурское Цебелдинского района Сухумского округа, где и служил до 1 декабря 1935 г., после чего выехал в Среднюю Азию, в г. Керки Чарджуйского округа, работал сторожем и весовщиком на хлопкоочистительном заводе; в январе 1936 г. был переведен в г. Чарджуй, где занимался садоводством; 13 августа выехал в г. Минводы по состоянию здоровья; в 1939 г. выехал в г. Нефтегорск и поступил сторожем в хлебопекарню; перед приходом гитлеровцев 24 июня 1942 г. выехал в г. Минводы; затем вместе с частями РККА отступил в г. Махачкалу, где занимался частными работами; после изгнания гитлеровцев вернулся в г. Минводы; в 1943 г. выехал в г. Краснодар к Епископу Фотию и 18 ноября этого же года был назначен на приход в ст. Динской Пластуновского района; 10 апреля 1944 г. был перемещен в ст. Бородинскую Приморско-Ахтарского района [28].

Однако о. Стефан недолго пробыл настоятелем прихода, уже в декабре этого же года ему на смену прибыл настоятель о. Николай Антонов.

Антонов Николай Алексеевич родился 1 декабря 1879 г. в с. Елшанка Хвалынского уезда Саратовской губернии; русский; окончил двухклассную церковно-приходскую школу в 1894 г.; женат (жена Антонова Ольга Тимофеевна, дочь Айвазова Татьяна Николаевна, у нее сын Юрий; дочь Федосья Николаевна, у нее сын Олег); осужден по ст. 58-10; находился в ссылке в Архангельской области с 1937 до 1944 г.; был в обновленческом расколе, принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви в 1944 г.; в Краснодарский край прибыл из Архангельской области в 1944 г.

Сведения о службе: с 1894 по 1900 гг. жил при отце, занимался крестьянским хозяйством; с 1900 г. служил псаломщиком в храмах г. Баку; в 1918 г. был переведен в Кубанскую епархию на должность псаломщика Свято-Троицкой церкви г. Армавира; 13 ноября 1918 г. рукоположен в сан диакона-псаломщика; с 1937 по 1944 гг. согласно постановлению «тройки» НКВД находился в ссылке (в трудовых лагерях) в Архангельской области; 20 июня 1944 вернулся в г. Армавир, жил на иждивении семьи; 30 октября 1944 г. назначен диаконом-псаломщиком к молитвенному дому в сел. Новомихайловка Гулькевичского района Краснодарского края; в 1945 г. перемещен к молитвенному дому хут. Ковалевского Новокубанского района; 7 декабря 1945 г. рукоположен епископом Краснодарским и Кубанским Флавианом в сан священника и назначен настоятелем к молитвенному дому ст. Николаевской Успенского района.

21 декабря 1945 г. был заключен договор аренды на муниципализированное здание (бывший дом Анашкина И.П.) для использования его под молитвенный дом сроком на два года, а 13 февраля 1946 г., после долгих мытарств, наконец была официально зарегистрирована православная община Михайло-Архангельского молитвенного дома в ст. Николаевской Успенского района Краснодарского края «с предоставлением этой общине в пользование молитвенного дома, сданного местным Советом в аренду общине». Одновременно с этим была выбрана ревизионная комиссия

общины во главе с председателем Брескиной Агафьей Семеновной и церковный совет (церковный староста Зелинский Федор Иванович) [29].

В марте 1947 г. настоятелем прихода становится священник Василий Складаров (см. выше) [31].

В декабре 1949 г. настоятелем прихода назначается священник Русов Андрей Дмитриевич. А.Д. Русов родился 10 октября 1882 г. в хут. Марьевке области войска Донского; русский; в 1905 г. окончил начальную школу; в 1908 г. окончил 2-классную церковно-учительскую школу; вдов (старший сын инвалид Отечественной войны I группы, младший сын, 1927 г. рождения, учащийся); не судим, в обновленческом расколе не состоял; в 1939 г. приехал из Куйбышевской области в Краснодарский край; во время оккупации жил в ст. Лабинской Краснодарского края, не работал.

Сведения о службе: с 1908 г. служил учителем школы грамоты в Голодаевском районе области войска Донского (так в документе); с 1912 г. служил учителем Свечниковской церковной школы Голодаевского района (так в документе); с 1913 г. – учителем Новопавловской церковной школы Кашарского района Ростовской области (так в документе); с 1923 г. служил священником села Сохрановки Алексее-Лозовского района Ростовской области; с 1933 г. – счетоводом Центрального ветеринарного лазарета в г. Тамбове; с 1936 г. – бухгалтером госстраха Куйбышевского сельского района Куйбышевской области; с 1939 г. – бухгалтером госстраха Лабинского района Краснодарского края; с 25 мая 1946 г. служил настоятелем Свято-Покровского молитвенного дома ст. Владимирской Краснодарского края [32].

В июне 1950 г. приход принял священник Сильванов Иоанн Иоаннович. Сильванов И.И. родился в 1884 г. в сел. Румянцево Нижегородской губернии; русский; окончил 4 класса духовной семинарии; не судим; во время оккупации находился в г. Краснодаре, работал сторожем на бондарном заводе «Красный труд».

Сведения о службе: с 1906 г. служил псаломщиком, с 1920 г. диаконом в ст. Новотитаровской Кубанской области; с 1936 г. – рабочим на бондарных заводах г. Краснодара; с 1945 г. служил священником [33].

В июле 1951 г. в ст. Николаевскую настоятелем был перемещен священник Евграф Петришин (см выше) [34].

В сентябре 1961 года, после ухода священника, служба в Свято-Михайло-Архангельском молитвенном доме прекратилась, а уже в октябре 1962 г. Краснодарский крайисполком запросил у Председателя Совета по делам РПЦ согласие на закрытие православной общины в ст. Николаевской «как прекратившей свою деятельность». 26 октября 1962 г. Совет по делам РПЦ принял решение о снятии с регистрации общины ст. Николаевской [35].

В настоящее время в ст. Николаевской, в небольшом здании, действует Свято-Никольский храм, открытый в 1990-е годы, но это уже другая история [36].

§ 4. Молитвенный дом во имя Архангела Михаила в ст. Убеженской

Михаило-Архангельский храм в ст. Убеженской Кубанской области был построен в 1839 г. тщанием прихожан по храмозданной грамоте, выданной 17 октября 1835 г. Освящен 8 ноября 1841 г. На тот момент здание было деревянным, с такою же деревянною оградой. Но уже в 1901 г. тщанием прихожан в станице выстроили новое кирпичное, на каменном фундаменте здание храма и освятили 6 ноября 1903 г.

В 1916 году здесь служил священник Григорий Быковский [37].

В июне 1937 г., в разгар антирелигиозной борьбы, был организован сход граждан Убеженского станичного Совета, который постановил закрыть Михаило-Архангельский приход, а принадлежащее ему здание передать под размещение культурных учреждений станицы. В июле 1937 г. райисполком, обсудив результаты «схода», подтвердил это решение, после чего, в период с февраля по май 1938 г., был произведен «капитальный ремонт» бывшего церковного здания, в соответствии с которым полностью уничтожили пять куполов с крестами и храмовую роспись. По окончании «ремонта» в здании были размещены сельский клуб, библиотека, читальный зал и кинотеатр.

В августе 1942 г., после прихода гитлеровцев, здание молитвенного дома было занято православной общиной, и богослужения здесь возобновились, однако не

прошло и 20 лет, как в соответствии с решением Совета по делам РПЦ от 20 июля 1960 года его вновь отобрали у верующих (богослужения фактически прекратились в феврале 1961 г.) и передали под спортивный зал средней школы, сама же Михаило-Архангельская община была снята с регистрации по ходатайству Краснодарского крайисполкома от 24 октября 1961, на основании постановления Совета по делам РПЦ от 10 ноября 1961 года.

Но вернемся на 20 лет назад. В августе 1942 г. в ст. Убеженской организовалась группа православных христиан, которая под руководством священника Трубарова (имя и отчество неизвестны) заняла бывший Михаило-Архангельский храм, в то время – сельский клуб, и возобновила в нем богослужения. Через некоторое время после окончания оккупации, 2 декабря 1944 г., на имя заместителя председателя Успенского райисполкома Костикова (имя и отчество не указаны) был заключен договор, по которому здание бывшей церкви официально передавалось общине верующих для совершения богослужений [38].

В 1946 г. настоятелем молитвенного дома в станице становится священник Рафаил Тихов. Рафаил Иванович Тихов родился в 1887 г. (место рождения не указано); сын священника; русский; окончил Краснослободское духовное училище в Пензенской губернии; в 1906 г. окончил Пензенскую духовную семинарию; во время оккупации проживал в ст. Успенской Ильинского района Краснодарского края.

Сведения о службе: с 1906 г. служил псаломщиком в сел. Новодевичий Рукав Краснослободского уезда Пензенской губернии; с 1911 г. служил диаконом в сел. Булаево того же уезда; с 1915 г. служил священником в селе Никольская Саловка того же уезда; с 1929 г. работал рабочим в Пермском леспромпхозе в г. Перми; с 1931 г. работал счетоводом в Али-Байрамлийском сельпо Азербайджанской ССР; с 1932 г. – рабочим на консервном комбинате в ст. Крымской; с 1941 г. – колхозником в колхозах «Красный Перекоп» и «Памяти Ленина» в ст. Успенской Ильинского района Краснодарского края; с 1944 г. служил священником в ст. Мартанской Горяче-Ключевского района [39].

С 27 мая по 5 октября 1946 г. в станице служил священник Феодор Станков. Он родился 1 марта 1885 г. в ст. Платовской области войска Донского; русский; с 1895 по 1897 гг. обучался в приходском училище ст. Платовской; с 1897 по 1901 гг. окончил полный курс духовного училища в г. Новочеркасске; с 1901 по 1905 гг. обучался в Донской духовной семинарии в г. Новочеркасске, в 1905 г. выбыл с 4 курса семинарии; женат; не судим; в обновленческом расколе не состоял; в Краснодарский край прибыл из г. Новочеркаска в 1944 г.; во время оккупации жил в г. Новочеркасске на иждивении родной сестры-врача, не работал.

Сведения о службе: с 1906 по 1928 гг. служил псаломщиком при Свято-Покровской церкви слободы Покровско-Киреевой Сталинской области; с 1928 по 1931 гг. служил диаконом в той же церкви; с 1931 г. работал счетоводом в подсобном хозяйстве Старобешевского райисполкома Сталинской области; с 1937 г. работал бухгалтером в туберкулезном санатории в г. Новочеркасске; с 1 августа по 1 октября 1941 г. служил делопроизводителем в эвакогоспитале № 2096 в г. Новочеркасске; с 1941 по 1943 гг. жил на иждивении сестры в г. Новочеркасске; с 1 января 1943 по 1944 г. работал старшим охранником станкостроительного завода в г. Новочеркасске; 3 мая 1944 г. рукоположен в сан священника; после чего служил священником в Свято-Михаило-Архангельском молитвенном доме в ст. Новомихайловской Краснодарского края; в 1945 г. служил священником в Рождество-Богородицком молитвенном доме ст. Новопетровской Павловского района Краснодарского края [40].

Феодора Станкова сменил иеромонах Виталий Литвиненко. Родился он 24 декабря 1897 г. в слободе Заолешенка Суджанского уезда Курской губернии; украинец; образование незаконченное среднетехническое (учился в г. Николаеве Херсонской губернии с 1911 по 1914 гг.); холост; в 1932 г. осужден тройкой ОГПУ по ст. 58 п. 10 на 7 лет и сослан в лагерь; в обновленческом расколе не состоял; во время оккупации служил священником в церкви Рождества Богородицы в г. Ейске.

Сведения о службе: с 1914 по 1922 гг. – послушник и монах Петропавловского монастыря в Глуховском уезде Черниговской области; в 1922 г., был рукоположен в

иеродиакон; после закрытия монастыря с 1923 г. жил в г. Недригайлове Полтавской области, занимался физическим трудом по вольному найму; с 1929 г., после рукоположения в иеромонахи, служил священником в селе Свердликове Суджанского района Курской области; с 1932 г. по 1939 г. – находился в заключении в трудовых лагерях Сибири; с 1940 г. – рабочий в «совхозконсервтресте» в г. Ейске; с 1942 г. священник в г. Ейске; с 1943 г. – священник в ст. Старощербиновской и Староминской; с 1944 г. – в ст. Стародеревянковской; с 1947 г. – в ст. Убеженской; Новолеушковской и Александро-Невской [41].

Известно также, что в 1952 г. в станице служили священники Феодосий Степыка и Григорий Харибин.

Степыка Феодосий Прокопьевич, священник, родился 25 января 1876 г. в с. Клинок Мглинского уезда Черниговской губернии; украинец; в 1895 г. окончил два класса учительской семинарии в г. Нежине; вдов; не судим; был в обновленческом расколе, принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви в 1945 г.; в Краснодарский край прибыл из Донбасса в 1942 г.; во время оккупации служил псаломщиком в ст. Троицкой Краснодарского края.

Сведения о службе: с 1895 г. служил учителем в с. Буда Воробенской волости Мглинского уезда Черниговской губернии; с 1899 г. занимался домашним сельским хозяйством; с 1902 г. служил псаломщиком в сел. Клинок; с 1919 г. по август 1942 г. служил на гражданской работе конторщиком на Петровском руднике Петровского района Сталинской области; в период гитлеровской оккупации находился в г. Батуме (хут. Новый), не работал; с октября 1943 г. по 1 марта 1944 г. служил псаломщиком и диаконом в Троицкой станице Славянского района Краснодарского края; с 8 марта 1944 г. по 15 мая 1945 г. служил священником в ст. Безводной Тульского района Краснодарского края; со 2 июня 1945 г. назначен священником в ст. Сергиевскую Кореновского района Краснодарского края; с октября 1946 г. служил настоятелем в ст. Костромской [42].

Харибин Григорий Мефодиевич, протоиерей, родился 16 ноября 1889 г. в ст. Урупской Лабинского отдела Кубанской области; русский; в 1909 г. окончил 2-классную

учительскую школу; женат; не судим; был в обновленческом расколе, принят в каноническое общение с Московским Патриархатом Русской Православной церкви в 1945 г.; во время оккупации жил в ст. Удобной, не работал.

Сведения о службе: с 1909 г. работал учителем в ст. Абадзехской Кубанской области; с 1912 г. – учителем в ст. Мостовской; с 1914 г. учился в г. Москве на богословских курсах; с 1915 г. учился при Тбилисской духовной семинарии (г. Тбилиси); с 1916 г. работал учителем в ст. Ярославской Кубанской области; в 1918 г. рукоположен в сан иерея епископом Иоанном Кубанским и Екатеринодарским; с 1918 г. служил священником в ст. Самурской Кубанской области; с 1921 г. – священником в ст. Темижбекской Северо-Кавказского края; с 1933 г. – священником в ст. Краснодонецкой Ростовской области; с 1938 г. работал счетоводом в ст. Апшеронской Краснодарского края; с 1942 г. по болезни находился безработным; с 1943 г. – священником в ст. Надежной; с 1945 г. – священником в г. Темрюке; с 1946 г. – священником в ст. Ново-Рождественской Краснодарского края; с 1947 г. – священником в ст. Ново-Михайловской; с 1948 г по болезни безработный; с 28 декабря 1949 служил священником в Ладомировском районе Воронежской области; 21 мая 1950 г. вернулся на Кубань, был безработным; с 4 октября 1950 г. служил священником в ст. Привольной Краснодарского края; с 29 января 1951 г. служил священником в ст. Степной Приморско-Ахтарского района; с июля 1951 – настоятель Св.-Покровской церкви в ст. Чамлыкской [43].

В 1990-е годы православный приход в ст. Убеженской вновь был восстановлен, но уже в другом здании...

* * *

Из вышеприведенного материала мы видим, что все храмы на территории Успенского района, закрытые в 1930-е годы и возобновленные в период гитлеровской оккупации, вновь были закрыты в период деятельности Н.С. Хрущева и восстановлены только в начале 90-х годов XX века...

Примечания:

1. Храмы и монастыри Ставропольской епархии (1843–1920 гг.): справочник / сост. В.В. Белоконов; Комитет Ставропольского края по делам архивов. – Ставрополь: Бюро новостей, 2012. С. 285–286.
2. Кубанский календарь на 1916 год. Екатеринодар, 1916.

3. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53; Оп. 2. Д. 232. Л. 14–14об.
4. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 395. Л. 3–4.
5. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53; Оп. 2. Д. 272. Л. 36–37об., 46.
6. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 290. Л. 44–45.
7. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 395. Л. 15.
8. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 395. Л. 29.
9. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53; Оп. 2. Д. 266. Л. 32–32об., 45; Д. 344. Л. 77, 78; Д. 395. Л. 52.
10. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 394. Л. 48; Д. 395. ЛЛ. 58–59об.
11. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53; Оп. 2. Д. 304. Л. 62, 63–63об.
12. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 20–28; Оп. 2. Д. 266. Л. 62–63. Д. 266. Оп. 2. Д. 62–63. Д. 273. Л. 13–13об. Д. 327. Л. 44.
13. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 395. Л. 58–59об., 68, 71, 74–83.
14. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 395. Л. 94.
15. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 395. Л. 103.
16. Православная церковь на Кубани в конце XVIII – начале XX в.: Сборник документов. Краснодар, 2001. С. 713.
17. Справочник по Ставропольской епархии. Сост. Н.Т. Михайлов. Екатеринодар, 1911. С. 466; Кубанский календарь на 1916 год. Екатеринодар, 1916. С. 189.
18. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 394. Л. 1–12.
19. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 20–28; Д. 343. Л. 82–84; Д. 394. Л. 1.
20. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 394. Л. 19–20, 38, 39, 68; Д. 483. Л. 15, 40.
21. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53; Оп. 2. Д. 278. Л. 21–22об.; Д. 329. Л. 36–37об.
22. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53; Оп. 2. Д. 338. Л. 24; Д. 445. Л. 122; Д. 329. Л. 29–30об. Оп. 2. Д. 394. Л. 84.
23. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 394. Л. 90, 97–100; Православная церковь на Кубани в конце XVIII – начале XX в. Сборник документов. Краснодар, 2001. С. 699.
24. Справочник по Ставропольской епархии. Сост. Н.Т. Михайлов. Екатеринодар, 1911. С. 299; Кубанский календарь на 1916 год. Екатеринодар, 1916. С. 299; Кубанский календарь на 1916 год. Екатеринодар, 1916. С. 185.
25. ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 4811. Л. 7, 7об., 8.
26. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 291. Л. 28–30.
27. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 266. Л. 3, 11; Д. 299. Л. 17–17об.
28. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 266. Л. 12, 13–15.
29. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 20–28; Оп. 2. Д. 266. Л. 18–21.
30. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 266. Л. 23, 27, 28, 29.
31. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53; Оп. 2. Д. 266. Л. 32–32об., 45; Д. 344. Л. 77, 78; Д. 395. Л. 52.
32. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53; Оп. 2. Д. 253. Л. 21–22об.
33. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 266. Л. 48–49.
34. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 20–28; Оп. 2. Д. 266. Л. 62–63. Д. 266. Оп. 2. Д. 62–63.
35. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 266. Л. 74–83.
36. Православная церковь на Кубани в конце XVIII – начале XX в.: Сборник документов. Краснодар, 2001. С. 704.
37. Храмы и монастыри Ставропольской епархии (1843–1920 гг.): справочник / сост. В.В. Белоконов; Комитет Ставропольского края по делам архивов. – Ставрополь: Бюро новостей, 2012. С. 283; Кубанский календарь на 1916 год. Екатеринодар, 1916. С. 185.
38. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 396. Л. 31, 38, 41–45.
39. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 264. Л. 55–56; Д. 337. Л. 47; Д. 59. Л. 123.
40. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53; Оп. 2. Д. 325. Л. 89–90об.
41. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53. Оп. 2. Д. 242. Л. 78, 79, 79об.; Д. 343. Л. 60–60об.
42. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53. Оп. 2. Д. 242. Л. 12–12об. Д. 337. Л. 28–30.
43. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 81. Л. 29–53. Оп. 2. Д. 264. Л. 80, 85–85об. Д. 310. Л. 44–44об. Д. 445. Л. 47–48.

IV. ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИЗДАТЕЛЬСКОГО И АРХИВНОГО ДЕЛА

В.А. Колесников

**Линейное казачество Кубани
в интеллектуальном наследии
Е.Д. Фелицына**

Интерес к биографии выдающегося исследователя Северного Кавказа Евгения Дмитриевича Фелицына стал проявляться современниками еще при жизни последнего [1], а в XX и наступившем XXI веке научная деятельность и основные жизненные вехи этого незаурядного человека получили неоднократное освещение в различных статьях и даже кандидатской диссертации [2]. В предлагаемой работе хотелось бы обратить внимание всего на один из аспектов оставленного достаточно обширного интеллектуального наследия, а именно на вклад Евгения Дмитриевича в изучение линейного казачества Кубани.

Первые обобщающие сведения по возникновению линейных поселений были обнародованы им на страницах журнала «Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества» (ИКОИРГО), издававшегося в Тифлисе [3]. В кратком очерке Е.Д. Фелицын изложил обстоятельства строительства Азово-Моздокской и Кубанской кордонных линий, упомянув и возникавшие при крепостях казачьи станицы. Бегло охарактеризовав, как и кем заселялась территория будущей Кубанской области, он привел статистические сведения по линейным станицам за разные годы, почерпнутые им в работах предшественников (например, в известном сочинении генерала И.Л. Дебу) и архивах.

Спустя несколько лет Евгений Дмитриевич обращается к более конкретному, «именному» сюжету местной истории, касавшемуся атаманов Черноморского, Кавказского линейного и Кубанского войск, который воплотился в отдельное издание [4]. Повествуя о главных администраторах линейцев исследователь не только воспроизвел сведения об их боевых биографиях и полученных наградах, выявленные в отложившихся в архивах формулярных списках, но и обогатил сами тексты массой всевоз-

можных деталей, во многом позаимствовав их из воспоминаний старших товарищей, казачьих генералов И.С. Кравцова и И.Д. Попко. Так, рассказывая о первом Наказном атамане Линейного войска П.С. Верзиле, были приведены обстоятельства, послужившие причинами снятия с этой должности в 1837 г. самого Петра Семеновича.

Очень неформально оказался представлен генерал-майор Феликс Антонович Круковский, подробно описаны его внешность и характер, действительные заслуги перед рядовым казачеством. Как отмечал Евгений Дмитриевич, «личная храбрость и вообще выдающиеся военные способности создали Ф.А. Круковскому в среде казаков и солдат репутацию отличного военного начальника. По станицам и теперь еще распеваются казаками песни про подвиги Круковского и, в особенности, о героической его смерти».

Как незаурядный администратор проходит в работе Евгения Дмитриевича последний из Наказных атаманов – генерал-лейтенант Н.А. Рудзевич, руководивший войском с 1855 по 1860 гг. Именно при этом атамане был сокращен срок службы с 25-ти до 15-ти лет, линейные офицеры уравнины в правах с армейскими, улучшено материальное состояние казачества. Когда возник вопрос об упразднении Линейного войска, Н.А. Рудзевич попытался отстоять вверенное ему казачье «образование» и выступил с критикой этого проекта, чем заслужил «холодность» со стороны всевышнего главнокомандующего Отдельного Кавказского корпуса князя А.И. Барятинского.

Следует отметить, что сведения, обнародованные Е.Д. Фелицыным по Наказным атаманам кавказских казачьих войск, оказались достаточно исчерпывающими для своего времени, доказательством чего послужили позднейшие труды признанных «кубановедов» (например, В.Г. Толстова и Ф.А. Щербины), в которых они воспроизводились без особых изменений. Даже досадная ошибка, вкравшаяся в сочинение Евгения Дмитриевича (неверная дата смерти атамана С.С. Николаева – 1848 г, а в действительности 1849 г. [5]) благодаря, вероятно,

безупречной репутации исследователя, продолжала повторяться в работах вплоть до недавнего времени [6].

Персональные изыскания Фелицына в отношении выдающихся представителей линейного казачества имели место и в последующие годы. Будучи с 1879 г. на посту редактора неофициальной части газеты «Кубанские областные ведомости» («КОВ»), на страницах печатного войскового органа он открывает широкой общественности имя отставного генерал-майора Ивана Семеновича Кравцова, умершего 13 мая 1888 г. [7] и оставившего после себя весомое историко-литературное наследие. В первом номере «Ведомостей» наступившего 1891 г. Евгений Дмитриевич публикует биографию генерала И.С. Кравцова [8] и в этом же и последующих нескольких выпусках обнаруживает его незавершенную рукопись «Старейшие в Кубанском казачьем войске «Хоперские казаки» [9]. Можно утверждать, что Евгений Дмитриевич дал вторую жизнь талантливому сочинению, насыщенному, помимо массы фактов по истории хоперцев, еще и мемуартивными, персональными и фольклорными «детальными» и, несомненно, способствовал популяризации прошлого этого заслуженного линейного полка Кубани. Явно не без усилий Фелицына сочинение И.С. Кравцова в том же 1891 г. было издано в Екатеринодаре отдельной брошюрой.

Можно предположить, что живое участие в судьбе рукописи генерала И.С. Кравцова, вероятно, разбудило интерес самого Евгения Дмитриевича к прошлому линейного казачества Кубани. В следующем 1892 г. в нескольких номерах тех же «Кубанских областных ведомостей» появляется его новое сочинение, статья «Краткие сведения о Кавказском конном полке Кубанского казачьего войска в доермоловское время (1803–1816 гг.)» [10]. В основу этой работы легли материалы сотника Кавказского полка Н.М. Могилевцева, который щедро их предоставил в распоряжение исследователя. Весьма примечательно, что Фелицын в данной статье обратился к офицерам с призывом писать полковые истории и привел в пример труд казака-энтузиаста Н.М. Могилевцева: «Самыми лучшими источниками для предполагаемой истории Кубанского войска могли бы служить частные истории тех строевых частей, из которых состоит наше войско. Насколько мне

известно, в некоторых конных полках такие истории уже составлены, но до сих пор ни одна из них не появилась еще в печати и, следовательно, они остаются недоступными для пользования. Не имея основания рассчитывать на скорое появление в свет этих историй, окончательная обработка которых и издание потребуют, вероятно, немало времени и труда, я полагаю, что для составления общей истории Кубанского войска было бы весьма полезно иметь хотя бы краткие сведения о каждой строевой части, подобно тому, как это сделано о Кавказском конном полке, предлагаемые здесь сведения о котором извлечены из подробной и прекрасно составленной истории названного полка сотника Н.М. Могилевцева, любезно предложившего мне в распоряжение свой почтенный труд, к сожалению, остающийся пока ненапечатанным» [11].

Возвращаясь к самой опубликованной статье, посвященной ранней истории «кавказцев», отметим, что в ней Е.Д. Фелицын отобразил целый ряд моментов помимо традиционных для казачества военных перипетий и служебных назначений. В частности, было обращено внимание на выплату жалования и снабжение провиантом, роль меновой торговли с горцами (так называемая «сатовка»), вопросы, относившиеся к униформологии и вооружению офицеров и казаков Кавказского полка той эпохи. Несмотря на такой всеобъемлющий подход, данная публикация оказалась несвободна от некоторых ошибок. Так, в частности, сообщалось, что в период 1811–1814 гг. полком командовал майор Н.Т. Потапов, но в действительности в это время «кавказцами» руководили войсковой старшина Я.Я. Усков и есаул А.С. Дадымов [12].

Евгений Дмитриевич принадлежал к сословию кубанских казаков и призывал к активной историко-литературной деятельности казачьих офицеров войска, но сам не претендовал на роль главного «летописца» Кубани, оставляя эту «нишу» для прочих талантливых представителей края. Уже в начале 90-х гг. XIX в. в своих работах он четко обозначил именно архивное направление, связанное с публикацией оригинальных документов. Так, в 1894 г. он вновь обращается к прошлому Кавказского полка и размещает в третьем томе популярного «Кубанского сборника» материалы, относившиеся к появлению на кубанском

правобережье переселенцев, основавших Казанскую, Тифлисскую, Ладожскую и прочие известные станицы [13].

В фокусе внимания кубанского ученого оказываются события 1800–1804 гг., связанные с прошением Казьмы Рудова, ходатайствовавшего от имени однодворцев Слободско-Украинской губернии (бывших казаков Екатеринославского войска) о переселении на Кавказ и возобновлении военной службы на новой границе. В итоге Евгений Дмитриевич публикует бесценные для всех последующих поколений казачеведов сведения, извлеченные из архива Штаба Кавказского военного округа (г. Тифлис), включающие в себя переписку администраторов, данные о времени появления на Кубани бывших «екатеринославцев» и количестве переселенцев, определявшихся в новые станицы, провиантском и фуражном довольствии, полковом штате, первых офицерах и командирах формируемого казачьего подразделения, планировке «заводимых» станиц и прочую информацию.

Насколько полезной и востребованной оказалась эта работа, свидетельствует факт того, что более поздний «хронист» истории Кавказского полка войсковой старшина А.Д. Ламанов в свою объемную рукопись, завершленную в 1919 г., целиком включил факты, сообщенные Евгением Дмитриевичем четверть века назад [14].

Архивный материал, опубликованный Фелицыным относительно прошлого Кавказского полка, оказался дополненным в том же третьем томе «Кубанского сборника» и сведениями по началу переселения на южные рубежи таких линейных полков, как Хоперский и Волгский. Евгений Дмитриевич представил Всеподданнейший доклад князя Г.А. Потемкина об учреждении Азово-Моздокской линии от 24 апреля 1777 г., снабдив сам документ кратким предисловием, основанном на информации, почерпнутой из более раннего труда академика П.Г. Буткова [15].

Прошлому хоперских казаков, официально признанных старейшими на Кубани, Е.Д. Фелицын, в преддверии празднования 200-летнего юбилея войска, посвятил отдельное исследование. В нескольких номерах «Кубанских областных ведомостей» он публикует свою статью-размышление о ранней докавказской истории жителей берегов Хопра [16]. В ней оспаривается тезис,

высказанный покойным генералом И.С. Кравцовым о родстве хоперцев с древними малороссийским казаками. По мнению Евгения Дмитриевича, начиная с 70-х гг. XVI в. на донские земли, в том числе и на Хопер, действительно проникают запорожские и малороссийские казаки, уходя от притеснений польских вельмож. Однако сам полк, образованный в 1775 г., составил все же из коренных обитателей Прихоперья, проживавших в регионе еще с начала XVII в., и его представителей, таким образом, следует полагать просто частью всего верхнедонского казачества.

Несмотря на приведенные в статье аргументы, точка зрения, высказанная Е.Д. Фелицыным на происхождение хоперцев, с позиций современных научных знаний представляется ошибочной. Как явствует, прежде всего, из материалов, обнаруженных в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА, г. Москва), казаки, вошедшие в состав полка в 1775 г. большей частью имели, как в свое время справедливо полагал генерал И.С. Кравцов, малороссийские «корни», но их появление на Хопре при этом имело место не в давнюю пору, а в первой половине уже XVIII столетия.

Эти малороссы в массе своей происходили из слободских казачьих полков (прежде всего – из географически близкого к Новохоперской крепости – Острогожского), которые были упразднены императрицей Екатериной II. В составе хоперцев, последовавших на Кавказ в 1777 г., оказались и приписавшиеся в казаки потомки русских служилых людей с бывших Белгородской и Тамбовской засечных черт, и в самом малом числе обнаруживались «природные» хоперцы, проживавшие в крае до известного восстания К. Булавина 1707–1708 гг. [17].

Рассматривая роль Е.Д. Фелицына в становлении историографии линейного казачества Кубани, нельзя не отметить его значительный вклад в изучение становления Кубанского полка. В четвертом томе все того же «Кубанского сборника» он размещает весьма обстоятельную статью, касающуюся возникновения на Кубани первых линейных станиц в 1794 г. и предшествовавших тому обстоятельств [18]. Опираясь на уцелевшие материалы Георгиевского архива и сочинения известных кавказоведов (П.Г. Бутков и В.А. Потто), Евгений Дмитриевич последовательно описал положение

дел на Кавказской линии в 1792 г.; план генерала И.В. Гудовича по ее новому обустройству; начало волнений среди казаков Войска Донского, не желавших оставаться на постоянное жительство в кубанском крае; сам казачий бунт, охвативший Дон в 1792–1794 гг., и расправу над его участниками. Ему удалось установить, что большую часть переселенцев на Кавказскую линию (1000 семей) взяли из наиболее упорно сопротивлявшихся станиц Есауловской, Пятиизбянской, Кобылянской, Верхне-Чирской и Нижне-Чирской, а меньшую часть составили выходцы из прочих станиц войска, выказавшие нежелание идти на Кавказ.

Из содержания архивных документов Е.Д. Фелицын выяснил, что в течение июля – начале августа 1794 г. первыми были поселены Темнолесская, Усть-Лабинская и Кавказская станицы, а позднее – Григориполисская, Прочноокопская и Воровсколеская. Из уцелевших дел Георгиевского архива Евгений Дмитриевич также извлек информацию по денежному и продовольственному содержанию донских переселенцев, статистические сведения по образованному Кубанскому линейному полку за 1799 и 1802 гг., числе канонерских (артиллерийских) учеников, определенных от полка в 1798 г., первых полковых командирах (Чернозубове и Потапове). Понимая неполноту обнародованных сведений, пытливым регионовед отмечал, что «...в будущем надеюсь пополнить пробелы и недостатки этой заметки документами Московского отделения архива Главного Штаба, в котором хранятся дела Военной Коллегии, заключающие в себе всю переписку об этих событиях» [19].

Как уже отмечалось, Евгений Дмитриевич не стремился аналитически осмыслить и сопоставлять найденную в архивохранилищах информацию, относившуюся к линейным и прочим казакам, – свою миссию он видел в предоставлении как можно большего количества оригинального материала для будущих авторов, что сближало его с большинством провинциальных историков-любителей эпохи. Поэтому наиболее выдающимся творением стала весьма объемная подборка первоисточников, выявленных Фелицыным, прежде всего, в войсковом архиве (г. Екатеринодар), Ставропольском губернском архиве и архиве Управления кавказского наместника (г. Тифлис), с характерным названием «Материалы для истории

Кубанского казачьего войска», которая публиковалась в 1896–1897 гг. на страницах «Кубанских областных ведомостей».

Первые архивные выкладки касались черноморцев, но с 235-го номера газеты за 1896 г. Евгений Дмитриевич посвящает материал линейцам Кубани, начиная со «старейших» казаков Кубанского войска – хоперцев [20]. Помимо сюжетов, связанных с обстоятельствами формирования линейных подразделений и ставших уже традиционными, «Материалы ...» оказались насыщены самой разнообразной статистикой (штаты полков за разные годы, численность казаков по станицам, количество одновременно причислявшихся в ряды линейных казаков различных категорий переселенцев, денежные оклады офицеров и казаков и пр.), сведениями по нумерации и перенумерации полков и бригад, вооружению линейцев и данными по основанию целого ряда станиц.

Так, благодаря изысканиям Е.Д. Фелицына, выясняется, что будущие казачьи поселения Ильинская, Архангельская и Новомалороссийская станицы возникли в 1801 г., причем первые были заселены русскими однодворцами Воронежской и Курской губерний, а последняя малороссами из государственных крестьян Харьковской и Курской губерний [21]. Весьма подробно Евгений Дмитриевич представил процесс устройства нескольких десятков закубанских станиц, приведя соответствующую статистику. Например, большую часть переселенцев в ст. Некрасовскую (1843 г. основания) составили зачисленные в войсковое сословие женатые нижние чины из Тенгинского и Навагинского пехотных полков (380 душ м.п.), а меньшую – казаки Кубанского, Ставропольского, Хоперского, Кизлярского и Кавказского полков (260 душ м. п.), с заметным численным перевесом последнего формирования [22].

Помимо собственно архивной информации пытливым исследователем внес в «Материалы...» и многие Высочайшие распоряжения, относившиеся к линейцам и опубликованные в 1-ом Полном собрании законов Российской империи (ПСЗ). Таким образом, кроме полковой истории были представлены весьма ценные факты по формированию линейных конно-артиллерийских рот (позднее батарей) и команды казаков-линейцев СЕИВ конвоя, обучению фельдшерских учеников Линейного войска,

учреждению Торгового общества на Кавказской линии, определению лекарей в линейные полки, назначению депутатов от казаков в Кавказский областной суд и прочим аспектам [23].

Можно безо всякого преувеличения констатировать, что сегодня любая работа, посвященная линейным казакам Кубани, едва ли может считаться глубоким исследованием, если в ней не присутствуют кропотливо собранные Е.Д. Фелицыным «Материалы для истории Кубанского казачьего войска». В этой связи остается только посоветовать некоторым современным краеведам, «наполняющим» свои произведения вымыслом, собственной фантазией, «мелкими», ни к чему не обязывающими фактами и прочей «пестрой эклектикой» [24], которые по-прежнему остаются в неведении относительно внушительного наследия, оставленного выдающимся офицером-кубанцем.

Вклад Евгения Дмитриевича в историографию линейного казачества Кубани сложно ограничить лишь исключительно специальными исследованиями, поскольку материал, так или иначе относившийся к линейцам, регулярно выходил из-под пера ученого. Благодаря тому, что он ознакомился с уцелевшими остатками Георгиевского архива, поступившими в распоряжение Военно-Исторического отдела Штаба Кавказского Военного округа (г. Тифлис), на страницах «Кавказского сборника» была представлена информация по истории Хоперского полка конца XVIII в.; устройству крепостей, редутов и селений Кавказской линии; участию линейных казаков в Анапской экспедиции 1791 г.; дислокации армейских частей и казачьих полков на Северном Кавказе в 1792 г.; планы генерала И.В. Гудовича по переустройству южной границы империи [25].

Немалым подспорьем в деле реконструкции прошлого линейцев послужили картографические изыскания Е.Д. Фелицына, проливавшие свет на локализацию и даты основания редутов, постов и станиц эпохи покорения Северного Кавказа [26]. Нельзя не отметить и еще одну грань таланта Евгения Дмитриевича. Заложив на много лет вперед источниковую основу для будущих казаковедов, он сам же предложил и программу для составления истории Кубанского войска. Начало истории кубанских линейцев он логично увязал с появлением хоперцев в 1777 г., доведя хронологию от-

дельных полков, наполненную войнами и походами вплоть до упразднения всего Кавказского линейного войска в 1860 г., хотя немалое место в программе заняла политика Московского царства и Российской империи в регионе в течение XVI–XIX вв. и экскурсии в прошлое «старых», самозародившихся казачьих общин [27].

Старая истина гласит: «Не ошибается только тот, кто ничего не делает», что напрямую относится к плодам деятельности видного регионального исследователя, как, впрочем, и ко всем научным творениям прошлого и настоящего. С позиций современных данных, накопленных в отношении линейного казачества Кубани, сведения, публиковавшиеся Евгением Дмитриевичем по прошлому, например, Хоперского, Кубанского и Ставропольского полков, едва ли можно признать достаточными. Учитывая, что круг интересов Фелицына охватывал (причем с не меньшей интенсивностью) соседних черноморских казаков, коренные народы Северо-Западного Кавказа, археологические памятники Кубани и массу куда более частных тем и сюжетов, трудно было довести до полного совершенства одно из направлений.

Выяснение массы детальных подробностей по линейцам требовало времени и средств для посещения не только местных, но и центральных архивохранилищ, что не всегда было возможным для обычного казачьего офицера, пусть и дослужившегося до звания войскового старшины. Подобно многим из своих современников, Евгений Дмитриевич зачастую некритично воспринимал научное наследие своих более старших коллег. Так, в частности, вслед за академиком П.Г. Бутковым [28] он полагал, что в ходе возведения Азово-Моздокской линии крепость Андреевскую устроили в 1778 г., вскоре заменив на Северную; что такие форпосты, как Московская и Донская крепости, были выстроены в 1779 г.; а возле Александровской крепости разместили волжских казаков [29]. Все эти данные не соответствуют исторической действительности. Ошибки и неточности, обнаруживающиеся в трудах Е.Д. Фелицына, конечно, ни в коей мере не умаляют его бесспорных заслуг в региональном казаковедении: оставленные ученым-самородком материалы еще долго будут востребованы теми, кто искренне интересуется прошлым линейцев Кубани [30].

Примечания:

1. Сысоев В.М. Труды почетных членов Н.И. Веселовского и Е.Д. Фелицына // Известия Общества любителей изучения Кубанской области: Под ред. В. Сысоева, А. Дьячкова-Тарасова. Екатеринодар, 1899. Вып. 1. С. 137–142.

2. См. например: Мошкович Г.Г. Евгений Дмитриевич Фелицын (1848–1903). Биобиблиографический очерк // Из истории кубанского казачества. Ученые записки Ейского государственного историко-краеведческого музея. – Ейск, 1992. Вып. 3. С. 77–96. Бойчук С.Г. Общественно-просветительская и научная деятельность Е.Д. Фелицына: Автореферат ... к.и.н. – Краснодар, 2003.

3. Фелицын Е.Д. Краткий очерк заселения Кубанской области // ИКОИРГО. Тифлис, 1884–1885. Т. VIII. № 1.

4. Он же. Кошевые, войсковые и наказные атаманы бывших Черноморского, Кавказского Линейного и Кубанского казачьих войск 1788–1888 гг. Краткие биографические сведения с портретами атаманов. Екатеринодар, 1888.

5. См. Некролог С.С. Николаева, помещенный в газете «Кавказ». 1849. № 13.

6. См., например: Маззин В.А., Роцин А.А., Темиров С.Г. Атаманы Черноморского, Кавказского линейного и Кубанского казачьих войск // Кубанский краевед. 1992. № 3. С. 61–109.

7. ГАКК. Библиотека. Приказы по ККВ за 1888 год. № 147.

8. Фелицын Е.Д. Генерал-майор Иван Семенович Кравцов. Биографический очерк // КОВ. 1891. № 1.

9. Кравцов И.С. Старейшие в Кубанском казачьем войске «Хоперские казаки» // КОВ. 1891. № 1–4.

10. Фелицын Е.Д. Краткие сведения о Кавказском конном полке Кубанского казачьего войска в доермоловское время (1803–1816 года) // КОВ. 1892. № 1, 18–20, 25.

11. Там же // КОВ. 1892. № 25.

12. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 3141. Л. 2об., Д. 3094. Л. 98.

13. Фелицын Е.Д. Переселение на Кубань казаков бывшего Екатеринославского войска и образование из них в 1802 году Кавказского конного полка Кубанского казачьего войска // Кубанский сборник: Труды Кубан. Обл. статист. Комитета / Под ред. В.А. Щербины. Т. 3. Екатеринодар, 1894. С. 1–33.

14. Ламанов А.Д. История Первого Кавказского полка. Кропоткин, 2011. С. 6.

15. Фелицын Е.Д. Материалы для истории Северного Кавказа. Всеподданнейший доклад князя Г.А. Потемкина об учреждении Азовской линии и переселении на Северный Кавказ Волгского и Хоперского казачьих войск // Кубанский сборник: Труды Кубан. Обл. статист. Комитета / Под ред. В.А. Щербины. Т. 3. Екатеринодар, 1894. С. 1–10.

16. Фелицын Е.Д. К вопросу о происхождении хоперских казаков и сформировании из них полка // КОВ. 1895. № 39–42.

17. Колесников В.А. Былое Невинного мыса. К 185-летию переселения Хоперского казачьего полка на Кубань и Куму и основания станицы Невинномысской: Монография. Ставрополь, 2011. С. 57–114.

18. Фелицын Е.Д. Побег с Кубани трех донских полков в 1792 году, бунт на Дону и поселение станиц, вошедших в состав Кубанского конного полка // Кубанский сборник: Труды Кубан. Обл. статист. Комитета / Под ред. В.А. Щербины и А.С. Собринского. Т. 4. Екатеринодар, 1898. С. 1–62.

19. Фелицын Е.Д. Побег с Кубани... С. 62.

20. Он же. Материалы для истории Кубанского казачьего войска. // КОВ. 1896. № 235; 1897. № 107.

21. Он же. Материалы... // КОВ. 1897. № 60.

22. Там же // КОВ. 1897. № 68.

23. Там же // КОВ. 1897. № 74, 77, 79, 91.

24. См., например: Сылко С.В. История станицы Воронежской Усть-Лабинского района Краснодарского края: хронология, факты, события, комментарии. Краснодар, 2004.

25. Фелицын Е.Д. Материалы для истории Северного Кавказа 1787–1791 гг. // Кавказский сборник. Тифлис, 1896. Т. XVII. С. 410–560; Тифлис, 1897; Т. XVIII. С. 382–506.

26. Картографический материал для истории Северного Кавказа и Кубанской области, собранный Е.Д. Фелицыным

// КОВ. 1896. № 275; Военно-историческая карта Северо-Западного Кавказа с обозначением местонахождения несуществующих ныне крепостей, укреплений, постов и главнейших кордонных линий, устроенных русскими войсками с 1774 г. по 1864 г. Составлена Е.Д. Фелицыным. Тифлис, 1898; Две военно-исторические карты Северо-Западного и Северо-Восточного Кавказа. Приложение к соч. В. Толстова «История Хопёрского полка Кубанского казачьего войска. 1696–1896». Тифлис, 1900.

27. Фелицын Е.Д. Программа для составления истории Кубанского казачьего войска // КОВ. 1896. № 63.

28. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. II. С. 48–49.

29. Фелицын Е.Д. Материалы для истории Северного Кавказа. Всеподданнейший доклад князя Г.А. Потемкина ... // Кубанский сборник. Т. 3. С. 4.

30. См., например: Матвеев О.В. К историографии 1-го Кавказского Наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина Таврического полка Кубанского казачьего войска // Кубанский сборник: сборник научных статей по истории края / Под ред. О.В. Матвеева. Краснодар, 2006. Том 1 (22). С. 62–63.

О.В. Матвеев

Станичный учитель и краевед Е.Н. Бутова

В рамках Отраденских историко-краеведческих чтений, которые подвижнически ежегодно проводит районное общество историков-архивстов во имя святого преподобного Нестора Летописца, не раз справедливо поднимались вопросы по истории народного образования в Баталпашинском отделе Кубанской области, отдельным персоналиям местных учителей, их общественной и краеведческой деятельности [1]. Баталпашинскому отделу в какой-то степени повезло. Здесь трудилось немало учителей, которые успешно совмещали преподавание в местных школах с научной, фольклорно-этнографической работой: Е.Ф. Передельский, Ф.А. Арканников, Н.Я. Кириченко, Д.Я. Иванов, И.Д. Горбачевский и др. В этом ряду достойно была бы представлена и известная своими публикациями по традиционной культуре терских казаков Е.Н. Бутова, которая в конце XIX – начале XX вв. работала в начальных училищах станиц Темнолесской, Исправной и Баталпашинской.

Этого незаурядного педагога и собирателя нередко упоминают и ссылаются на её работы в исследованиях по истории традиционной культуры терского казачества [2], но в сведениях о ней авторы не идут дальше повторения скромной подписи под публикациями в «Сборниках материалов для описания местностей и племен Кавказа» –

«учительница Бороздиновского станичного училища Е. Бутова».

Между тем, данные о собирательнице обнаруживаются уже в «Памятной книжке Кавказского учебного округа» на 1880 г. Там сообщается, что в одноклассном училище станицы Ищёрской состоит учительницей Елена Николаевна Бутова, с правом обучения окончившая Моздокское женское училище и имеющая звание учительницы народных училищ. В должности состоит с 1878 г., получает содержание 200 руб. в год [3]. Вполне резонно было обратиться к документам Дирекции народных училищ, окормлявшей терские станицы.

В Центральном государственном архиве Республики Северная Осетия-Алания сохранилось тоненькое дело учительницы, состоящее всего лишь из двух кратких документов. Первый представляет собой свидетельство, выданное полицмейстером г. Моздока 27 сентября 1878 г. о нравственном состоянии и поведении учительницы. Из документа следует, что настоящая фамилия нашей героини – Бут, она происходила из солдатской семьи и к работе в школе могла быть вполне допущена. «Дано сие от Моздокского городского полицейского управления, – писал Моздокский полицмейстер подполковник П.Д. Ницык, – дочери отставного унтер-офицера Николая Бут, Елене Николаевне Бут в том, что она девица вполне достойная; в том подписью с приложением казенной печати удостоверяется» [4]. К сожалению, в документе не указывается возраст Елены Николаевны. Свидетельство было дано, по-видимому, для поступления на службу после окончания Моздокского училища. Звание учительницы начального училища обычно получали девушки 19-22 лет.

Моздокское Александровское женское училище, которое было организовано по программе среднего образования и давало звание народной учительницы, было двухклассным с двухгодичным курсом в каждом. В первый класс принимались девицы всех сословий православного и армяно-григорианского вероисповедания [5]. Среди учениц были русские, осетинки, чеченки, армянки, грузинки, поэтому Леночка Бут довольно рано окунулась в полиэтничный мир Притеречья, познакомилась с традициями и культурными особенностями земляков и соседей русского населения.

«Достойной», по словам полицмейстера, она, очевидно, была не только в плане политической благонадежности, но и в учебе: унтер-офицерская дочь овладела знаниями в области истории, богословия, географии, русского языка, литературы, которые впоследствии помогли ей вести собирательскую работу в казачьих станицах.

Второй документ в деле датирован 12 июня 1891 г. и представляет собой сведения о перемещениях Е.Н. Бутовой по службе, предоставленные инспектору народных училищ Терской области 2-го участка Дирекцией народных училищ Терской области. Согласно ответу на запрос, «г-жа Бутова 16 декабря 1878 г. была назначена на должность учительницы Умахан-Юртовского ст. училища, на каковой должности находилась по 16 сентября 1879 г.» [6]. Преобразование окончания фамилии на русский манер, возможно, было связано с преобладанием в станице старообрядческого населения, которое свысока относилось к местным православным малороссам [7]. Другая причина могла быть в том, что девушка сама встала на ноги, начала служить и, по-видимому, была не чужда модным тогда среди женской молодежи идеям эмансипации.

Станица Умахан-Юртовская располагалась на правом берегу р. Сунжа при впадении в неё р. Белки. Школа здесь была открыта в 1871 г. с трехгодичным обучением, но учеников у Елены Николаевны оказалось немного. Во-первых, большинство казаков станицы были старообрядцами. Как отмечал несколько позже местный учитель В.В. Кикот в описании ст. Умахан-Юртовской, старообрядцы «пренебрегают православными и не отдают обучать своих детей в станичную школу, считая преподавание в ней еретическим. Они имеют свои школы, где исключительно обучают славянскому чтению по старопечатным книгам» [8]. Православные же станичники, «хотя признают пользу школы, и отдают своих детей, но по бедности, часто берут их из школы до окончания курса, как подрастающих работников» [9].

Во-вторых, условия, в которых приходилось трудиться молодой учительнице, также мало соответствовали успешному обучению. В.В. Кикот описывал Умахан-Юртовскую школу следующим образом: «В классе освещение с правой стороны, что вредно ученикам; двор очень мал; квартира

учителя состоит из одной комнаты, длиною в 3½ арш., шириною – 3 арш. Столы очень неудобны, неустойчивы, простой топорной работы; скамьи такие же и сделаны не по росту учеников. Классная доска – одна для трёх отделений, и та очень мала. Пособий для наглядного обучения почти не имеется: есть одни простые счеты» [10]. Не исключено, что всё это вместе взятое заставило девушку после года работы в Умахан-Юртовской просить Дирекцию народных училищ о переводе.

16 сентября 1879 г. Е.Н. Бутову переводят в школу ст. Ищерской [11]. Здесь она познакомилась с богатым миром традиционной культуры потомков волгских казаков, который позже опишет в совместной работе с М.С. Лысенко. Однако и здесь Елена Николаевна не задержалась: 20 августа 1880 г. она вышла в отставку [12]. О причинах отставки можно только гадать, но спустя несколько месяцев Бутова «6 ноября 1880 г. была вновь назначена учительницей в Бороздиновское станичное училище» [13].

Станица Бороздинская (Бороздиновская) находилась в 12 верстах от г. Кизляра и в 3-х верстах от ст. Дубовской, через которую шёл почтовый тракт на Кизляр и далее – к пристани Брянской на Каспийском море.

Станичные школы являлись островками культуры и просвещения населения Терской области. Содержались они на общественные средства, из которых выплачивалось и жалование учителям. Так, Елена Николаевна Бутова получала в 1885 г. 240 руб. содержания, законоучитель священник о. Алексей (Молчанов) – 35 руб. [14], отдельно суммы выделялись станичным обществом на приобретение пособий, наем сторожа, отопление и освещение, канцелярские расходы и на ремонт здания училища. Положение учительницы при этом было незавидным, поскольку ей приходилось буквально выбивать эти средства у станичного схода, униженно просить у станичного атамана и членов правления приобрести книги для библиотеки, наглядные пособия, спортивный инвентарь. Тем не менее в Бороздинской Е.Н. Бутова прижилась надолго, учила детей арифметике и русской грамматике, чистописанию, основам познания окружающего мира. При этом она имела возможность ежедневно наблюдать жизнь станичников, общалась с детьми и их родителями, беседовала со старожилками. Под впе-

чатлением публикаций фольклорно-этнографических материалов в «Сборнике для описаний местностей и племён Кавказа» (СМОМПК), который издавался Управлением кавказского учебного округа, у молодой учительницы, не обремененной семьей, возникает желание попробовать свои силы в этом направлении на местном материале.

Ещё в первом выпуске СМОМПК в 1881 г. Управление Кавказского учебного округа поставило задачу поддержания «духовной деятельности начальных учителей, этих полезных, но большею частью молодых и неопытных в жизни тружеников, обязанных иногда многие годы оставаться в среде сельских обществ» [15]. Управление округа обращало внимание на «всевозможное-всестороннее изучение ими тех местностей, в которых они живут и где сосредоточена их деятельность». Считалось, что это «серьёзное и весьма полезное занятие <...>, имея значение умственно освежающего труда, окажет благотворное влияние и на педагогическую их деятельность» [16].

Для учителей была разработана специальная «Программа собирания сведений о разных местностях Кавказа и племенах, населяющих оныя», которая предполагала привлечение учеников к собиранию статистико-этнографических сведений «с целью возбуждения в них правильной наблюдательности и образования сознательного взгляда на явления, их окружающие» [17]. Методическая часть сопровождалась разъяснениями по руководству собирательской работой («разъяснении способов собирания статистических сведений по этнографии, школоведению, торговле и пр.; в приручении их к производству метеорологических и естественно-исторических наблюдений с надлежащими вычислениями, в составлении планов, рисунков и пр.») [18].

Программа включала вопросы, в том числе, этнографического характера: топонимия селения («происхождение такого названия или по местным особенностям, или по племени, или на основании исторических фактов, или же на основании преданий»), жилище («Жилые дома и храмы в архитектурном отношении. Распределение и назначение внутренних помещений. Материал, из которого они преимущественно строятся, и способы постройки»), традиционные занятия, сведения о сословном, национальном, конфессиональном составе

населения, соционормативной культуре («Авторитет отца семейства. Положение женщины»).

Отдельные пункты Программы были посвящены языковым особенностям: «Язык домашний и язык, употребляемый при взаимных сношениях с другими народностями. Сродство языка, господствующего в местности, с другими языками. Есть ли этот язык родной жителей, или он усвоен ими при переселении в обитаемую ими теперь местность». Программа включала также сбор сведений по фольклору: «Предания, легенды, сказки и песни исторические, бытовые и пр. Песни хоровые и одноголосные. Мифология. Пословицы. Поговорки».

Специально предусматривались разделы о верованиях: «Суеверия и предрассудки. Нет ли в числе обрядов, суеверных предрассудков, предания и легенд, таких, которые бы указали на древний культ, языческий или христианский». Кроме того, были включены вопросы о религиях и сектах, традиционной кухне, одежде, обрядах жизненного цикла, традиционных формах досуга, народному воспитанию [19].

Учительские работы, выполненные по этим программам, предлагалось отправлять в редакцию «Сборника материалов для написания местностей и племён Кавказа». Преподаватели станичных училищ Терской области весьма сочувственно отнеслись к этому призыву. Известный русский фольклорист и лингвист В.Ф. Миллер писал об учительских работах в СМОМПК: «Какой-нибудь скромный учитель, преподающий в аульной или станичной начальной школе, знакомясь с программой, разосланной округом, приходил к убеждению, что и он, в своем захолустье, может сделать нечто полезное для науки, что население, которое он ежедневно видит вокруг себя, его обычаи, песни, поверья, наконец весь несложный строй его жизни могут быть предметом наблюдения и научного описания. Заинтересованный новым делом, он принимается за работу, наблюдает внимательно то, мимо чего прежде проходил равнодушно, выспрашивает, записывает, узнает ближе своих учеников и их родителей, словом, в его однообразное существование проникает луч света, вносится живое дело, столь же интересное для него, как для его учеников и односельчан. А какой подъем духа должен испытывать скромный труженик, когда увидит

свою работу в печати, когда убедится, что работал не бесплодно, а внес свою лепту в дело научного изучения родного края? Думаю, что для многих из этих сотрудников "Сборника" появление их труда на его страницах составит лучшее воспоминание в их однообразной трудовой жизни» [20].

Елена Николаевна взялась за эту работу. Она записывала песни на девичьих «сиденках», давала задание ученикам записать дома сказки, пословицы, поговорки, беседовала со станичниками о вере и верованиях, присматривалась к устройству казачьих жилищ, семейным взаимоотношениям. Постепенно стал накапливаться полевой материал, который надо было классифицировать, выявлять общее и особенное. По видимому, Елена Николаевна продолжала поддерживать связи и со станицей Ищерской, где раньше преподавала, и при случае фиксировала сведения о традиционной культуре ищёрцев. Не исключено, что она переписывалась с местным священником, которого знала по работе в училище: о. Флегонт (Оршанский) служил в Ищерской с 1867 г. [21]. С 1 января 1887 г. в Ищерской стал работать учителем М.С. Лысенко, с которым Елена Николаевна могла познакомиться на собраниях учителей, устраиваемых инспекторами народных училищ. По видимому, ей удалось привлечь ищерского преподавателя к собирательской работе.

Работа по фольклорно-этнографическому описанию станицы Бороздинской между тем шла и постепенно ложилась на бумагу. С нескрываемым волнением, по видимому, Елена Николаевна отправилась в Кизляр, где имелось почтовое отделение, и отправила почти 150-страничную рукопись в Тифлис. Произошло это, судя по дате в конце текста, в 1888 году. Однако лишь спустя год, в 7-м выпуске СМОМПК появилась в свет её работа «Станица Бороздинская, Терской области, Кизлярского округа». Е.Н. Бутова обозначила географическое положение и границы Бороздинской, привела рассказанное ей местное предание о происхождении названия станицы: «Около того места, где полагалось основание станице, была лощина; по краям лощины росли тутовые деревья; лощина эта тянулась на несколько верст, была равна, как проведенная плугом *борозда*, и называлась *Тутовой бороздой*: отсюда-то и произошло название и самого поселения – *Бороздинка*» [22].

Затем учительница сообщила некоторые исторические сведения о станице. Бороздинскую заселили казаки Терско-Семейного казачьего войска в 1736 г. В первой половине XIX в. население станицы пополнили беглые солдаты-мусульмане из казанских татар, выведенных русским командованием из гор, пленные тавлинцы¹⁴, а также из Харьковской губернии. Из-за сильных подтоплений станица несколько раз меняла свое расположение. Е.Н. Бутова указала, что пространство Бороздинской имеет форму почти правильного четырехугольника, вытянутого с юга на север. «Посередине этого четырехугольника, ближе к его восточной окраине, находится довольно просторная площадь, середину которой занимает церковь и её двор, – говорилось в описании. – Улицы, прорезывающие станицу, – или идут параллельно друг другу, или пересекаются другими, под прямым углом; они довольно узки, сорны, а в дождливое время ещё и очень грязны» [23]. Несмотря на то, что земли у бороздинцев было в то время достаточно, дворы устраивались небольшими. «Тесноту дворов и узость улиц объясняют тем, – отмечала Елена Николаевна, – что станица устраивалась в беспокойное время, когда жить теснее, ближе друг к другу, было безопаснее, да и канаву, в таком случае, приходилось рыть вокруг станицы меньших размеров и делать меньше плетня». С одной стороны двора ставился дом, «с другой – *хата* или *сакля*, а в промежутке между ними службы, называемые здесь *кухнями*, из которых одна – *чихирня*, где хранится вино, другая – *мучная*, где находится мука и др. хозяйственные припасы». По длинной стороне дома, говорилось в описании, «всегда тянется терраса, или, по крайней мере, навес, и так называемое крыльцо». В доме устраивались одна или две комнаты, разделенные просторными сенями. Печей в доме большинство бороздинцев не устраивали, «потому-что в домах то и не живут», а хранят хозяйственный скарб и по великим праздникам принимают гостей. Вседневым жилищем, по словам Е.Н. Бутовой, служили турлучные сакли. Автор описывает технологию возведения сакли, внутренне убранство «по-азиатски», посуду, традиционную систему питания бороздинцев.

¹⁴ Тавлинцы – устаревшее наименование горцев Северного Дагестана.

В последней выделена лапша, которая готовилась «едва ли не ежедневно», рис с рыбой – «по местному *плову*», вообще «в станице много употребляют рыбы, которую едят и свежую, и соленую, и копченою». «Делают галушки с чесноком, – сообщала Е.Н. Бутова, – также – *финкалы*; последние приготавливаются так – замесят тесто, тонко его раскатают, порежут квадратиками и спустят в кипяток; когда эти ломтики теста сварятся, их вынимают из воды, обливают коровьим маслом, сливками или простоквашей и толченым чесноком, и кушанье готово. Финкалы варят и с баранины; для этого баранину мелко режут, варят и затем мешают её с финкалами» [24].

Подробно описано питание в постные (плов с сушеным виноградом, похлебка с овощами и квасом, пареная капуста с маслом и др.) и праздничные дни (*куерма* – жареная баранина с подливкой, пышки, пироги с сарацинским пшеном, *панпушки* с толченым маком и медом и др.).

Специальный раздел Е.Н. Бутова посвятила описанию повседневной и праздничной одежды и обуви мужчин и женщин. «Костюмы носят азиатские», – отмечает исследовательница, – однако тут же поправляется и приводит второе название, подчеркивающее казачий маркер: «гребенские»: «такие костюмы начинают носить от ст. Червлёной и носят во всех станицах вниз по Тереку». Страсть к нарядам у бороздинцев доходит до того, что «они предпочитают оставаться несколько дней без пищи, только бы иметь нарядный костюм». В качестве основы мужского костюма называется черкеска из черного или коричневого сукна, бешмет (*халат*) из ситца, рипса, бумазеи дыма, атласа для лета и весны, рипсовые или верблюжьего сукна шаровары, курпейная шапка с синим суконным верхом; женского – рубаха и *распашка* (юбка с лифом и треугольным вырезом на груди), длинный кафтан (бешмет) со множеством сборов у пояса, пояс – из серебряного галуна и серебряными пряжками.

«На голове женщины носят обыкновенно ситцевые, шерстяные или шелковые платки, которые повязывают так, что почти закрывают лоб; на макушке спереди назад образуется углубление (канавочка), которую называют *шириночка*; концы же платка располагают так, что они торчат, точно рожки. Замужние женщины носят на голове

особый убор, именуемый – *сорочка* (нечто вроде *очипка*). Устраивается он так: берется деревянная палочка, обтягивается ватой и обшивается ситцем; затем скручивают из ваты полукруг, который тоже обшивают ситцем; обе эти части потом скрепляются вместе, так, что образуется полукруг, концы которого стягивают диаметром; полукругом надевают к затылку, а прямой палочкой ко лбу. Косы кладут на голове к сорочке и подвязывают *подкосник* (в праздники малиновый-кашмировый, в будни кумачный); сверх подкосника повязывают платок, так, чтобы был виден подкосник», – отмечала Елена Николаевна [25]. Вообще, по её словам, «одеваются бороздинцы довольно красиво и чисто, лучше всех других казаков, кроме гребенских».

Отдельный раздел работы посвящен системе орошения, почвам и особенностям местного климата. Описывает Е.Н. Бутова животный и растительный мир окрестностей станицы, казачьи повинности, промышленные заведения Бороздинской, «физические и нравственные качества» населения. По словам народной учительницы, «бороздинцы народ необразованный, грубый, мало развитый умственно, но в то же время гордый и заносчивый. Уважение к личности у них определяется силою, с которой данная личность может «жать» и давить; если же за личностью нет такой силы, то не ждать ей от бороздинца какого-либо уважения, особенно, если эта личность не принадлежит к казачьему сословию».

Е.Н. Бутова обращает особо внимание на казачье самосознание: к иногородним «у казаков проявляется даже какая-то враждебность или, правильнее, презрение, вытекающее из того, что казак считает себя выше и благороднее всякого другого сословия; по этой же причине казак в редких случаях выдает свою дочь замуж за не-казака, или женит сына на не-казачке. Враждебность казаков к лицам не-казачьего происхождения простирается даже на мертвых. Рассказывают, что когда мать одной казачки погребли вблизи могилы не-казака, дочь подняла страшный вой, приговаривая: "Милая моя матушка! Или тебе лучше места не было! Положили тебя, родимая матушка, рядом с шаповалами" (*шаповалами* называли старые казаки позднейших переселенцев из России. Слово это и до сих пор считается между казаками *бранным*)» [26].

С точки зрения «прогрессивных» взглядов тогдашней учительской интеллигенции и идей феминизма Елена Николаевна оценивает распределение обязанностей в семье, указывая на несправедливость казачек, их загруженность тяжелым трудом, господства физической силы в семейных отношениях и грубость.

Подробно описаны в очерке традиционные занятия бороздинцев: земледелие, луговое хозяйство, скотоводство, садоводство и огородничество, рыболовство, изготовление колёс и *ароб*, бондарное ремесло, изготовление орудий рыбного лова.

Немало места в работе отведено досугу, гуляниям, играм и праздникам казаков ст. Бороздинской. Особый интерес представляет описание игры «держать и брать города», которая устраивалась на Масленицу. На длинную скамейку становились девушки с палками в руках. Против них ополчались мужчины верхом на лошадях «брать город», причем принимали участие в этом действе даже старики и мальчики 8-ми лет. Девушки палками отмахивались от подсаживающих всадников, причем били «без всякой жалости по чему бы ни попало; иной раз так избыют, что и он и лошадь обливаются кровью». «Взявшие город» получали право перецеловать всех находящихся на скамейке девушек, но «достичь этого удовольствия никому в отдельности не удаётся» [27]. Интересно описание шуточного обычая, занесенного, как считала Е.Н. Бутова, первыми переселенцами, когда на второй день Пасхи всякого, кто не был «у заутрени, обливают у колодца холодной водою. Не желая подвергаться довольно неприятной шутке, провинившийся предлагает за себя выкуп, конечно, на выпивку».

Рассказала Бутова и о поминании усопших на Фоминой неделе, завивании венков и пир в складчину с яичницей на Троицу, местном престольном празднике в память Св. Дмитрия Ростовского. Обзорно представлены свадьба, родины и крестины, похоронно-поминальная обрядность станицы Бороздинской.

Отметила исследовательница билингвизм казаков: «Языком населения ст. Бороздинской служит, главным образом, – язык русский, но, благодаря тому, что по соседству находится много ногайцев, с которыми казаки имеют частые сношения, они знают хорошо и язык ногайский; им

они нередко пользуются даже в разговоре между собою» [28].

Всё население станицы исповедовало православие, «сектантов нет» – заметила автор очерка. Однако «влияние священника на паству, несмотря на добросовестное его к своему делу отношение, сравнительно незначительно, чему немаловажной причиной служит грубость и малоразвитость населения, подверженного суевериям и предрассудкам». Здесь Елена Николаевна явно тенденциозна, следуя надуманной задаче выяснить, кто главный хранитель веры: священник или станичники. Сказывается отсутствие у молодой женщины собственного духовного опыта. Она приводит далее 21 пример так называемых «суеверий». Так, чтобы «ведьмы не засасывали детей, продевают длинный кол в ступицу (трубица) колеса и ставят на дворе». Или, чтобы «испортить изменившего в любви, ловят черепаху или змею, убивают ее, раздирают и вешают на дерево, а под деревом, против повешенного гада, кладут кусок хлеба, на который должен капать жир гада, когда пригреет его солнце. Окапанный жиром змеи или черепахи хлеб сушат и трут в порошок, который и всыпают в кушанье или в питье: последнее подносят изменившему любовнику». К счастью для начинающей исследовательницы, она не берется толковать эти тексты, но само определение их как «невежественных суеверий» обнаруживает неважное знание народной религиозности [29].

Затем более 100 страниц работы занимают песни и сказки, зафиксированные Е.Н. Бутовой в станице Бороздинской. Песни, по тогдашней классификации, Елена Николаевна разделила на свадебные, любовные, бытовые, шуточные и исторические. Причем бытовые делятся, в свою очередь, на семейно-бытовые, военно-бытовые, «приуроченные к некоторым моментам в году, важным в каком-либо отношении», в числе которых приведены Троицкие, «колядские» и «великопостные». Среди исторических представляет интерес «Как на реке было, на Камышенке», где вождем гребенских казаков выступает Ермак Тимофеевич, песни о князе Салтыкове и о генерале Паскевиче.

В работе приведены 4 текста сказок: «Жена-спорщица», в которой казак отделился от своей жены, делающей все наперекор; «Про коня-молодца», в которой реали-

зуется идея народных верований о чудесном превращении в птиц и зверей; «Несчастный сад», в которой Иван-царевич разыскивает царских дочерей, использует «сильную» и «бессильную воду», мечкладенец, строит три дворца и разоблачает коварных генералов; и «Незнайка», где главный герой Магометан Магометанович добывает себе коня, царскую дочь и полцарства впридачу.

В целом очерк Е.Н. Бутовой о станице Бороздинской вполне отвечал уровню описательной этнографии второй половины XIX в., хотя и имел очевидные недостатки: культура бороздинцев не осмысливалась как целостная, сложная и динамическая система, играющая важную роль в жизнеобеспечении станичников, а раскрывалась эпизодически, исходя из своеобразного понимания прогресса и долга, которые образованное меньшинство якобы должно нести «невежественному», погрязшему в предрассудках народу. Тем не менее материалы Е.Н. Бутовой совокупно с другими публикациями дореволюционных станичных краеведов позволили более поздним исследователям (Л.Б. Заседателева, Н.Н. Великая, Е.М. Белецкая, А.Ф. Григорьев и др.) проследить динамику традиционной культуры терского казачества, терских казаков, переосмыслить с помощью современной методологии накопленные собирателями факты.

Вдохновленная успехом первой публикации, Елена Николаевна взялась за составление очерка по станице Ищерской, продолжая в то же время накапливать полевой материал по Бороздинской. Спустя 6 лет, в 15 выпуске СМОМПК было опубликовано сочинение «Станица Ищерская, Пятигорского отдела, Терской области», составленное, как следует из подписи, «на основании данных, предоставленных учительницами Бутовой и Лысенко» [30]. Но в публикацию вкралась ошибка: никакой «учительницы Лысенко» в Ищерской никогда не было. Зато 30 декабря 1886 г. сюда был назначен учителем в местную школу М.С. Лысенко.

Михаил Степанович Лысенко родился в 1867 г., происходил из государственных крестьян, окончил в 1885 г. Владикавказское Николаевское городское училище, затем был прикомандирован к тому же училищу «для прохождения педагогики, дидактики и методики», подвергся «испытаниям

на звание учителя городского приходского и начального училища и, выдержав оное, получил свидетельство» [31]. Спустя месяц его назначили в Ищерскую. Здесь он включается в обследование станицы по Программе Кавказского учебного округа. В 1889 г. появляется его первая небольшая заметка по промыслам и ремеслам в станице Ищерской, вышедшая в 8-м выпуске СМОМПК [32].

21 августа 1890 г. Попечитель Кавказского учебного округа «за усердное и успешное исполнение учительских обязанностей» объявил М.С. Лысенко благодарность, и учителю было предложено занять должность письмоводителя в Терской дирекции в войсковой столице – Владикавказе. А 31 августа 1892 г. его назначают заведующим Владикавказским мещанским училищем.

Не исключено, что успехом своей карьеры М.С. Лысенко был обязан Е.Н. Бутовой. Не явились ли их отношения завязкой некой драмы, сказавшейся на репутации учительницы? Мы знаем только то, что весной 1891 г. инспектор 2-го района Терской области запросил в Дирекции сведения о Е.Н. Бутовой [33], а приказом по Терской дирекции «учительница Бороздинского училища Бутова» была уволена по прошению, с 1 июня 1891 г. [34].

Где она находилась вплоть до осени 1894 г., когда поступила на службу в Дирекцию народных училищ Кубанской области? Известно лишь, что в 1893 г. выходит совместное исследование Е.Н. Бутовой и М.С. Лысенко о станице Ищерской, а также работы Елены Николаевны «Песни, поющиеся в станице Ищерской, Грозненского округа» и «Песни, поющиеся в станице Бороздинской, Кизлярского округа». Причем «за статью, вышедшую в XVI выпуске "Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа"» М.С. Лысенко была вынесена благодарность Попечителем Кавказского учебного округа [35]. Карьера Михаила Степановича стремительно растет вверх, создается впечатление, что его направляет какая-то умелая рука. Такое впечатление складывается потому, что стоило Елене Николаевне исчезнуть с горизонта, Лысенко постепенно стал скатываться вниз по служебной лестнице. Приказом по Кубанской дирекции с 1 октября 1894 г. была назначена «имеющая звание учительницы сельского и приходского начального народного училища Елена

Бутова учительницей в Темнолесское станичное училище» [36]. Лысенко же, в результате жалоб на него 21 июля 1897 г. был отправлен в отставку и вынужден был умолять Попечителя Кавказского учебного округа К.П. Яновского «не отказать возратить мне Ваше доверие и дать какое-либо место учителя, и Вы убедитесь в недалеком будущем, что возводимого на меня обвинения я не заслуживаю» [37]. К.П. Яновский, по видимому, помня о былых заслугах Лысенко, назначает последнего помощником классных наставников в Новороссийскую гимназию. Но здесь Михаил Степанович, по словам директора Новороссийской мужской гимназии, «вел не вполне трезвую жизнь». «Его нельзя было совершенно терпеть, – писал директор Попечителю Кавказского учебного округа 19 января 1911 г. Были случаи, что он брал плату за право учения от учеников и не передавал её по принадлежности, подложно засвидетельствовал две повестки с почты и присланное присвоил; в ассигновку, подписанную мною, он внес несколько рублей в свою пользу, наконец, подделал несколько ассигнований, по одной из которых успел получить 250 рублей» [38]. В другом документе отмечалось, что М.В. Лысенко, воспользовавшись «доверием своих сослуживцев, обманным образом присвоил часть содержания их» [39]. В итоге «приговором Судебной Палаты Михаил Лысенко присужден к лишению всех прав и преимуществ и отдаче в арестантское отделение на три года и шесть месяцев с зачетом шести месяцев заключения до суда» [40].

О причинах разрыва с Е.Н. Бутовой можно только предполагать. Известно лишь, что М.С. Лысенко женился на дочери есаула Кубанского казачьего войска Ольге Трофимовне Арканниковой [41].

Статья «Станица Ищерская, Пятигорского отдела, Терской области», опубликованная в 1893 г. под двумя подписями, выполнена в рамках Программы Кавказского учебного округа. Авторы сообщают исторические и географические сведения о станице, приводят зафиксированные здесь предания: «Название своё, как говорят старики, станица получила от пещер, или, как в станице говорят, пещёр, в которых приходилось жить казакам в первое время по поселении» [42]. Станицу основали в 1770 г. волжские казаки. Всеволод Миллер, рецензировавший работу Е.Н. Бутовой и М.В.

Лысенко, особо отметил зафиксированное собирателями предание о Емельяне Пугачеве. «Оказывается, что у ищерцев, – писал фольклорист, сохранилось любопытное предание о Пугачеве, который будто бы приходил к ищерцам и, видя недовольство казаков, предложил им отправиться в Москву к царице хлопотать об улучшении их положения, если они признают его атаманом» [43]. Авторы рассказали об археологических находках на территории станицы, дали характеристику местной флоре и фауне, климату и почвам.

Рассказывая о материальной культуре ищерцев, Е.Н. Бутова и М.С. Лысенко сообщают: «Дома большей частью плетены из хвороста – в две, но чаще в одну комнату. Дома называют здесь *куреньями*. Кроме куреней есть ещё так наз. *столбянки*, в которых летом готовят кушанья. Курень имеет в длину от 10-12 арш., а в ширину 6 арш. Убранство комнаты куреня состоит в следующем: в переднем углу, внизу божнички пелена (кусоч материи 4-угольной формы), сшитая из какой-либо материи; на пелене нашит осьмиконечный крест. Праздничные пелены делаются из парчи или из шелковой материи. На божничке стоит несколько икон, но главным образом, иконы Спасителя, пресвятой Девы и Иоанна Крестителя (эти иконы староверы называют Дейсус), а кроме этих икон в каждом доме есть ещё и распятие; под иконами стоит стол; далее идут лавки, кровать, на которой лежит полст (редко перина) и подушки; над кроватью сделана деревянная жердочка (вделанная одним концом в матку, а другим в стену), на которой висит одежда. Кроме куреня, который строится козырем на улицу, и столбянки, стоящей рядом с куренем или против него, есть ещё амбары, которые строят на довольно высоком фундаменте (на подкладках), сараи, катухи, и почти у каждого баня. Полы, как в столбянках, так и в большей части куреней, земляные; крыши, за неимением камыша, соломенные, иногда смазанные глиной» [44].

Говоря об одежде, авторы описания отмечают, что «женщины ищерские носят европейские костюмы. Моды доходят через станицу Наурскую. Наур для Ищер своего рода Париж. Говорить и петь тоже стараются наурским говором». Мужчины носят «черески черные, серые и коричневые. На работу надевают серые зипуны из толстого

сукна. Носят бешметы, стеганные на вате, на одной подкладке, которые шьют из черного атласу, из кашемира (форменные голубого цвета, ситцевые, репсовые и шерстяные). Носят шапки, летом на работу надевают войлочные шляпы с большими полями. Обувь составляют сапоги, чевяки, поршни». В комплексе женского костюма перечислены «юбки с оборками, кофты "кирасы" и просто круглые, платья ("принцессы"), платки. По будням фартуки по колену; сохранились ещё бешметы старинные, коротенькие, узенькие, не такие, как носят гребенички: около пояса нет ни складок, ни сбор, а есть на боках, к поясу, по одной большой складке; называются эти складки фантами. На верхней части узкого бешмета отвороты из другой материи, называемые закавражками».

В перечне блюд ищерской кухни названы «лапша с адамичами» (помидорами), «щи с говядиной или с рыбой», правда, описанный ассортимент для их приготовления скорее напоминает борщ: «В щи кладут капусту свежую, помидоры, картофель, петрушку, лук». Правда, отмечают краеведы, «некоторые из раскольников перестали есть картофель, который теперь зовут "поганим зельем"; перестали есть вот почему: года два тому назад один старик раскольник посеял картофельные семена, только уродился не картофель, а что-то наподобие табаку. Вот раскольники и бросают есть картофель, но пока не все» [45].

Самое «излюбленное кушанье ищерцев селянка или окрошка из помидоров. Приготавливается так: крошат помидоры, к ним прибавляют свежих или соленых огурцов, порезанных кусочками, луку, перцу, постного масла, иногда и чесноку. Селянку, приготовленную таким образом, едят чуть ли не десять раз в день».

В разделе о «физическом и нравственном состоянии жителей» отмечается, что «население станицы Ищерской – народ рослый и здоровый, но некрасивый, хотя черты лица более или менее правильные. Очень толстых, как и худощавых, между ищерцами встречается мало; большей частью они средней дородности, имеют хорошо развитую грудь, а потому и громкий голос. Зрение развито хорошо. Разговор несколько певучий; часто заменяют звуки – а, е – звуками – я, а, напр., "Ванька, чаго работаете. Купи мне двеандцать яблук и

шеснадцать груш. Один яблоч стоит две копейки". Народ вообще трудолюбивый и гостеприимный» [46].

В то же время между православными и старообрядцами авторы отметили «явно враждебные отношения, что служит причиной больших неурядиц во время общественных сходов». Отмечены также случаи неуживания родителей и детей, жестокое обращение с женщинами.

Описаны в статье традиционные занятия ищерцев, а также времяпровождение в часы досуга. Собрания молодежи авторы называют «сиденками», отмечают ряжение на Святки, печение блинов в складчину на Масленицу, песенные хороводы на Пасху, завивание венков на Троицу. Авторы привели статистические данные о численности, конфессиональном составе станицы, материальном благосостоянии, общественных зданиях.

В целом очерк дает обзорное представление о культуре станицы Ищерской. В чём-то дополняет его работа Е.Н. Бутовой «Песни, поющиеся в станице Ищерской, Грозненского округа», опубликованная в этом же году в XV выпуске СМОМПК. Елена Николаевна описала здесь ищерскую свадьбу с песенными текстами. Представляет интерес описание второго дня свадьбы, когда «все должны собраться на *коровай*. Собираясь на коровай, все гости ещё раз шумными увеселениями дают знать родителям и всему миру о благополучном выходе молодой замуж: берут в руки пучки калины, нарочно заранее развешанные на крыше дома и в доме на полках, растирают в руках ягоды и соком их раскрашивают себе лица, в таком виде танцуют и поют» [47]. Завершение свадьбы представлено обрядом «хоронить концы» с разжиганием костра и прыжками через него, очевидную магическую направленность которого Е.Н. Бутова не объясняет.

Кроме того, в очерке приведены другие песенные тексты, которые Елена Николаевна группирует в троицкие, любовные, бытовые, былевые и исторические. Большой редкостью среди последних были зафиксированная собирателем былинная песня об Алешеньке Догрубнике и Угаринемее, представлявшая вариант русских былин об Алеше Поповиче, песня о генерале Ермолове («И Кавказ отбит на Спас»), о взятии Варшавы.

В этом же выпуске была напечатана работа Е.Н. Бутовой «Песни, поющиеся в станице Бороздинской, Кизлярского округа», которая явилась дополнением к опубликованным в 1889 г. песенным текстам [48].

Станица Темнолесская Кубанской области, в которой оказалась Е.Н. Бутова, до 1904 г. входила в состав Баталпашинского отдела. Здесь Елена Николаевна получала содержание 386 руб. в год. Её коллегами стали Почетный блюститель начального станичного училища Василий Сергеевич Харламов, законоучитель Яков Васильевич Сретенский, учитель военной гимнастики Иван Васильевич Пучков [49].

В 1900 г. Е.Н. Бутова переводится в училище станицы Исправной Баталпашинского отдела [50], в 1902 г. в ст. Баталпашинскую, где становится заведующей женским училищем с жалованием 500 руб. в год [51].

Указом императора Александра II от 30 декабря 1869 года станица была объявлена городом Баталпашинском. Однако ничего для развития городской инфраструктуры здесь практически не делалось, и Баталпашинская оставалась станицей вплоть до советского времени, хотя и была центром отдела. Вопросами народного образования руководство станицы занималось неохотно, спуская их на попечение редких благотворителей и отдельных жертвователей. Е.Н. Бутовой много пришлось хлопотать по преобразованию одноклассного училища в двухклассное. По-видимому, в обустройстве на новом месте, во многих делах ей помогала супруга инспектора городского училища Л.А. Потапова, которая занималась благотворительностью. Однако в июле 1903 г. Любви Алексеевны не стало... С болью в сердце Елена Николаевна писала: «Покойная была редкая женщина по уму, сердечной доброте и по той благотворительной деятельности в оказании ближним помощи, какую она проявляла все года, живя в Баталпашинской. Вся станица проводила бранные останки её в место вечного упокоения с большою горестью и слезами. Общество вспомоществования бедным учащимся, где покойница состояла председательницею, понесло ничем и никогда незаменимую потерю. В память Любви Алексеевны Потаповой нужно бы собранию написать постановление, чтобы Любовь Алексеевна Потапова, положившая столько сил на пользу

меньшей братии, при своём слабом здоровье, что может быть причиной её преждевременной смерти <...>. Кто верит в бессмертие души, тот, сидя в правлении, задаст себе вопрос, как бы поступила покойница, получить ответ и в память её постараться сделать как можно больше добра» [52].

В своей статье, опубликованной в «Кубанских областных ведомостях», Елена Николаевна подвергла резкой критике местное самоуправление: «Общество станицы Баталпашинской за постройкой собора и слишком дорогого иконостаса нажило много долгов. О том, как нужно было проводить эту постройку, чтобы не было долгов, говорить теперь поздно. В настоящее время нужно думать, как и чем жить и как выпутаться из такого положения. Между тем сбор Баталпашинской об этом думает мало, говорит очень много; говорит не к делу и не у места. Где бы в таких обстоятельствах жить как можно ладнее, да почаще советоваться, как помочь беде, слушать бы советов и других лиц, кто мог бы что-нибудь путное посоветовать – сбор, преследуя личные интересы, как будто бы положил себе за правило изживать станичных атаманов» [53].

Е.Н. Бутова привела конкретные, нелицеприятные для местного общества факты: «В январе прошлого года станичного атамана не было, помощник атамана исправлял должность его. Шли выборы атамана. Сколько выборных, столько и кандидатов предлагали. Наконец, избрали атамана. Утвердили. Но выборным скучно без магарычей. Начинают делать неприятности атаману и последний, приняв должность в конце марта, в ноябре уволился. Опять исправляет должность помощник и, наконец, в январе сбежал. Бросил должность. Исполняет должность другой помощник. Выбрали атамана. В марте поступил, в первых числах июня уволился. Служить нет никакой возможности. Оскорбление, сбор баламутов никого и ничего, кроме даровой выпивки не признаёт» [54].

Е.Н. Бутова внесла конкретное предложение. Прозвучавшее на всю Кубань, в областной газете, оно явилось настоящим вызовом местному обществу: «Да самое главное для исправления станицы здесь нужен атаман, назначенный административным порядком. Нужны, хотя и крутые, но серьезные меры. Необходимо лишить года на два право голоса на сборе. Ограничить их власть к их же пользе» [55].

Пожелание Елены Николаевны не могло сбыться, поскольку это было бы нарушением порядка станичного самоуправления, узаконенного специальным Положением об общественном управлении казачьих войск 1891 г. Однако обращение учительницы отразило и кризисные явления в станичном самоуправлении начала XX столетия. Сама замена схода сбором, уменьшение числа выборных участников сбора по Положению 1891 г. позволяли заинтересованным лицам, неофициальным хозяевам станицы, «партиям», как их называли, за «магарыч» проводить необходимые им решения от имени станичного общества.

С горечью Е.Н. Бутова описывала в статье станичные недуги: «Баталпашинская в настоящее время являет очень жалкую и печальную картину. Денег нет, а если есть, то не знают, куда их употребить. Платить ли долги, или проценты, или жалование служащим. Нигде и ни в чём нет порядка. Здания общественные без ремонта разрушаются. Женское училище, особенно квартира, в жалком состоянии: фундамент вывалился, балки подгнили, в полах трещины, двери никуда не годны, мазать снаружи уже давно пора. Жить невозможно, а ничего не поделаешь! Правление течёт – крыша негодная; но на это всё-таки нужны средства, а вот даже кладбище в каком состоянии находится – невозможно и описать эту картину. Там и деньги не нужны, а распоряжение никто не делает. Кладбище – место упокоения. Не хотелось бы попасть на баталпашинское кладбище, несмотря на то, что нелегко живётся. Это значит и в жизни мучиться и после смерти могилу в покое не оставят. Ни сторожа, ни ограды, как следует. По кладбищу вольно гуляют и лошади, и скотина, и свиньи. Кресты и памятники ломают. Тяжкое впечатление, и не в духе христианской православной веры все это делается» [56].

Простить подобного выступления хозяева станицы не могли. По-видимому, решено было нанести ответный удар, причём по самому больному, по делу, которому Елена Николаевна посвятила свою жизнь. В сентябре 1903 г. Е.Н. Бутовой, наконец, удалось открыть двухклассное училище. Для того, чтобы усилить эффект от этого события, было решено устроить торжественный обед. На открытие училища станичное общество выделило 50 руб. Это событие и

решили обыграть в явно заказном газетном фельетоне недоброжелатели новой заведующей. Драматизм ситуации заключался в том, что последние действовали якобы от имени оскорбленных детей. В октябре 1903 г. в «Кубанских областных ведомостях» появляется материал о торжественном обеде в Баталпашинском женском училище, автор которого скрывался под псевдонимом «Пообедавший».

В фельетоне сообщалось, что «15 сентября было открытие школы для девочек, преобразованной в двухклассную. Открытие позднее: в городском училище с 22 сентября началось ученье. Открытие было больше чем странное. Началось оно, как и во всех школах, молебном, после которого учительницей г-жей Б-ой был устроен обед... Не для учениц только. Г-жа Б-ва убедилась каким-то образом станичное общество ассигновать 50 руб.

Наше общество бедно. И сама Б-ва писала об этом в "Куб. обл. вед.". У него и проценты на долги, и долги, и правление, и школы – всё требует денег. На дело более продуктивное нет, мосты поразваливались... А в школе самая плохенькая, тощая библиотека. Сюда бы 50 руб. И вдруг обед... Права, 50 руб. деньги небольшие. Но у кого их нет, это богатство.

И обед странный: не для детей. Конечно, те лица, которые, как атаман отдела, станицы, Попечитель, члены училища, которые так или иначе заботятся о школе – желанные гости, перед ними двери каждой школы широко раскрыты. Но были приглашены люди, непричастные к школе, никогда в неё не заглядывающие, не думающие о ней.

Детей после молебна отправили "не солоно хлебавши". За обедом говорили тосты... Играла музыка...А потом... Началась игра в карты. И это – открытие школы!.. На открытиях школ главное – забота о детях. Школа – для детей, и все, что для нее – для детей. Зачем же, пользуясь случаем, на общественный счет устраивать обед не для детей, как оно следовало, а для своих знакомых? Зачем устраивать в школе карты и танцы в такой торжественный день, который должен быть примерным для всех дней, какие проводят дети в школе. И музыка, и пение, и даже танцы хороши в школе, если они для детей, имеют целью их удовольствие.

Приятно было бы видеть такое открытие школы, где дети, раскрасневшись от

удовольствия и волнения, рассказывают басни и стихи, где учителя живут и картинно читают художественные рассказы, заставляя разевать рты и блистать глазенки детей, где поются песенки, играют, бегают... А в этот раз детей не было. Их выпроводили, чтобы не мешали. Хорошего мало» [57].

Статья очень напоминает зашифрованный донос: заведующая, говоря современным языком, обвинялась в нецелевом расходовании общественных средств, хотя сама недавно жаловалась на станичное общество в газету. Вместо того, чтобы использовать эти деньги на школьную библиотеку или покормить бедных школьников, устраивает на территории училища картежные игры и танцы под патефон, причем не для уважаемых людей, а для своих друзей и знакомых!

Спустя две недели в газете появляется новая статья, написанная в этот раз в жанре дневника одной из учениц. Главный смысл заключался в том, что иллюзии наивной, жаждущей знаний девочки наталкиваются на обман и холодный цинизм Бутовой, а обещания и утопические прожекты заведующей при откровенном игнорировании интересов детей подрывают веру последних в светлое и разумное. Приведем выдержки из этого дневника:

«Вчера, 12 июля, отец мне сказал, что наша женская одноклассная школа теперь будет двухклассной. <...>. Мне хотелось не только быть грамотной, но <...> и заботиться о развитии темного народа, о просветительном влиянии на него. Я захотела учиться на учительницу. Я буду самостоятельной, я буду сеять свет и правду! О! Как хорошо!! Пойду, непременно пойду к учительнице 2-го класса учительнице Бутовой.

22 августа. В городском училище началось ученье. Вероятно, и в двухклассной школе оно скоро начнется. Надо надеяться.

23 августа. Вчера вечером я была у Б-ой. О! Как я рада! Моя заветная мечта исполняется. Учительница сказала, что ученицы нашей школы, окончив курс, будут первыми кандидатками в женскую учительскую семинарию, которая открывается в Армавире. Ей обещал инспектор (народных училищ) – это учительница говорила, так устроит, что все окончившие в нашей школе, будут приняты в семинарию. Как я рада! Как я рада!

30 августа. Была опять в училище с подругами, которые тоже хотят учиться. Учительница говорит, что не знает, когда будет открытие. Ох, как досадно и тяжело ждать!

31 августа. Отец сегодня сказал, что 16 сентября (это ещё через две недели)! Будет открытие школы. Говорил, что учительница Б-ва просила общество ассигновать 100 руб. на угощение детей и на обед должностных лиц и родителей <...>.

14 сентября. <...> Вот интересно, какие подарки будут выданы детям? Фрося говорит, дадут по пирогу, конфет, орехов и по стакану чаю. Ну, я за угощением не гонюсь. Скорей бы учиться, учиться...

15 сентября. Открытие училища. Молебен. Обед. Музыка. А девочкам не было угощения. И дети и родители недовольны: их почему-то обошли. "За что же? – говорил отец. – Ведь обед на общественный счет". Ну, слава Богу, завтра ученье! Я принята! Ура!!!

16 сентября. К учительнице приехал брат, и она уехала с ним, но, вероятно, не надолго.

17 сентября. Вчера и сегодня мы не учились. Молодые учительницы, не получив подробных указаний от Б-ой, не знают, что делать с новым четвертым отделением <...>.

19 сентября. Учительницы Б-ой нету <...>.

20–26. Занятия идут вяло и туго. А шалим целыми часами. Досадно, скучно и жалко! Пропадает дорогое время. А Б-ой нет. Ох, как я зла на неё! Целый класс, не начав, бросить и путешествовать себе! Нехорошо это, нехорошо... Все недовольны: и девушки, и родители.

Б-ва говорила, что она поехала хлопотать о том, чтобы в Бат-ке была открыта гимназия (?). Поехала к Атаману области. Говорят, что ей поручено г. инспектором Л-м. Но все-таки, если это и так, оставлять дело, бросать ученицу без книги, не начавши ученья, не давши направления, мне кажется легкомыслием.

27 сентября. Возвратилась учительница, мы обрадовались. Думали, она привезла книги и охоту с нами познакомиться и заниматься. Напрасная надежда. Книг нет и нет охоты у г-жи нашей наставницы учить нас <...>.

5 октября. Целую неделю г-жа Бутова

хлопочет об устройстве проводов переведенного из Б-ска инспектора городского училища: тут по подписке деньги надо собрать, там позаботиться о самом обеде. Где же заниматься делом! <...> Многие девушки уже бросили. "Бог с ним, с таким учением", – говорят они. А книг нет и нет. Заниматься туго. То диктант, то задачи, то разбор, а больше играем, шалим да смеемся <...>.

8 октября. После проводов "наша наставница" 7 октября отдыхала. А 8 октября укатила куда-то. Вероятно, хлопотать об женских высших курсах, об университете. Зачем же ещё? А мы опять без определения.

18 октября. <...> Сегодня наша учительница в первый раз посвятила все учебные часы нам, своим ученицам. Но не было в классе оживления, интереса и бодрости. Сама учительница была вяла и рассеянна (больше курила, чем говорила), а еще рассеянее, еще несерьезнее были ученицы. Если так будет идти дело, не будем мы кандидатками в учительскую семинарию. Сердце сжимается от страха и досады» [57].

Несмотря на стремление автора вести разговор от имени девочки, «дневник» написан явно не детским языком. Постоянно проскальзывают сарказм, злая ирония над утопиями о гимназии, высших женских курсах, намеки о связи с коллегой из городского училища, откровенный донос на то, что учительница пропускает занятия или ведёт их спустя рукава, курит в присутствии детей и пр. Представляется, что публикации достигли своей цели, по крайней мере их прочитали в Дирекции народных училищ Кубанской области и приняли соответствующие меры. С 1905 г. в «Кубанских календарях» и в других официальных источниках имя Е.Н. Бутова больше не упоминается. Вернулась ли она на родину, уехала ли к упомянутому в дневнике девочки брату, все это еще предстоит выяснить, как и то, где и когда завершила свой земной путь Елена Николаевна.

Пока же отдадим должное её службе почти четверть века на ниве народного просвещения в терских и кубанских станицах, замечательным работам Е.Н. Бутовой о культурном наследии казачества, публикациям уникальных сказочных и песенных текстов, позволяющим сегодня реконструировать духовное богатство наших земляков. Горячая увлеченность собирательской работой, неравнодушное и внимательное

отношение к миру станичников, среди которых жила и учила их детей скромная учительница, заставляют вспомнить глубокие некрасовские строчки:

*Учитель! перед именем Твоим
Позволь смиренно преклонить колени!*

Примечания:

1. *Самовтор С.В.* Сведения о школах и хуторах современного Отрадненского района Краснодарского края в дореволюционный период (по документам Государственного архива Краснодарского края) // Отрадненские историко-краеведческие чтения. Вып. I: Материалы региональной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Сергея Даниловича Мастепанова / отв. ред. С.Н. Малахов; сост. С.Г. Немченко. Армавир: Издатель Шурыгин В.Е., 2013. С. 194–208; *Его же.* Начальные училища МНП в Баталпашинском отделе Кубанской области накануне Первой мировой войны // Отрадненские историко-краеведческие чтения. Вып. III: Материалы международной научной конференции, посвященной 195-летию со дня рождения краеведа Михаила Николаевича Ложкина / науч. ред. С.Н. Малахов, сост. С.Г. Немченко. Армавир: Издатель Шурыгин В.Е., 2015. С. 195–201; *Его же.* Начальные училища министерства народного просвещения в казачьих станицах на территории современной Карачаево-Черкесской республики в дореволюционный период // Отрадненские историко-краеведческие чтения. Вып. IV: Материалы международной научной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения краеведа П.М. Галушко / науч. ред. С.Н. Малахов, сост. С.Г. Немченко. Армавир: Издатель Шурыгин В.Е., 2016. С. 146–160; *Матвеев О.В.* Из истории этнографического краеведения на Кубани: Д.Я. Иванов // Отрадненские историко-краеведческие чтения. Вып. V: Материалы международной научной конференции, посвященной 160-летию основания станицы Отрадной / науч. ред. С.Н. Малахов, сост. С.Г. Немченко. Армавир: Издатель Шурыгин В.Е., 2017. С. 25–35.

2. *Великая Н.Н.* Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов-на-Дону, 2001. С. 12; *Белецкая. Е.М.* История собирания казачьего фольклора на Тереке: итоги и перспективы // Терский сборник. Вып. 1 / отв. ред. О.В. Губенко. М., 2016. С. 150–151.

3. Памятная книжка Кавказского учебного округа на 1880 год. Тифлис, 1880. С. 365.

4. Центральный Государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). Ф. 125. Оп. 1. Д. 161. Л. 3.

5. *Воротникова М.В., Шаламов В.В.* Женское образование на территории Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX вв. // Педагогическое образование в России. 2015. № 2. С. 7.

6. ЦГА РСО-А. Ф. 125. Оп. 1. Д. 161. Л. 4.

7. *Кикот Вл.* Описание станицы Умахан-Юртовской, Терской области, Кизлярского отдела // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК). Тифлис, 1893. Вып. 16. Отд. I. С. 80.

8. Там же. С. 77–78.

9. Там же. С. 78.

10. Там же.

11. ЦГА РСО-А. Ф. 125. Оп. 1. Д. 161. Л. 4.

12. Там же. Л. 4об.

13. Там же.

14. Личный состав Кавказского учебного округа к 1 января 1886 г. // Отчет Попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1885 год. Тифлис, 1886. Прил. III. С. 212.

15. От Управления Кавказского учебного округа // СМОМПК. Тифлис, 1881. Вып. I. С. I.

16. Там же. С. III.

17. Там же. С. V.

18. Там же.

19. Там же. С. VIII–XXIV.

20. *Миллер Вс.* Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Выпуск XV, XVI и XVII. Тифлис, 1898 // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1894. Январь. С. 186.

21. Личный состав Кавказского учебного округа к 1 января 1886 г. С. 215.

22. *Бутова Е.* Станица Бороздинская, Терской области, Кизлярского округа // СМОМПК. Тифлис, 1889. Вып. 7. Отд. I. С. 3.

23. Там же. С. 5.

24. Там же. С. 9.

25. Там же. С. 12–13.

26. Там же. С. 21.

27. Там же. С. 40.

28. Там же. С. 52.

29. *Громько М.М., Буганов А.В.* О воззрениях русского народа. М., 2000. С. 531–532.

30. Станица Ищерская, Пятигорского отдела Терской области / Составлено на основании данных, предоставленных учительницами Бутовой и Лысенко // СМОМПК. – Тифлис, 1893. Вып. XVI. Отд. I. С. 37.

31. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 427. Оп. 2. Д. 950. Л. 14об.

32. *Лысенко М., учитель.* Ищерская // СМОМПК. Тифлис, 1889. Вып. VIII. Отд. I. С. 84–85.

33. ЦГА РСО-А. Ф. 125. Оп. 1. Д. 161. Л. 4.

34. Циркуляр по управлению Кавказским учебным округом (ЦУКУО). Тифлис, 1891. № 12. С. 822.

35. ГАКК. Ф. 427. Оп. 2. Д. 950. Л. 15об.

36. ЦУКУО. Тифлис, 1891. № 12. Декабрь. С. 935.

37. ГАКК. Ф. 427. Оп. 2. Д. 950. Л. 5об.

38. Там же. Л. 18об.

39. Там же. Л. 38.

40. Там же. Л. 44.

41. Там же. Л. 15.

42. Станица Ищерская, Пятигорского отдела, Терской области. С. 37.

43. *Миллер Вс.* Указ. соч. С. 195.

44. Станица Ищерская, Пятигорского отдела, Терской области. С. 42.

45. Там же. С. 48.

46. Там же. С. 46.

47. *Бутова Е.* Песни, поющиеся в станице Ищерской, Грозненского округа // СМОМПК. Тифлис, 1893. Вып. XV. Отд. I. С. 52.

48. *Бутова Е.* Песни, поющиеся в станице Бороздинской, Кизлярского округа // СМОМПК. Тифлис, 1893. Вып. XV. Отд. I. С. 290–301.

49. Личный состав Кавказского учебного округа к 1 января 1895 г. // Отчет Попечителя Кавказского учебного округа о состоянии учебных заведений за 1894 год. Тифлис, 1894. Прил. III. С. 268.

50. Кубанский календарь на 1900 год / Под ред. С.В. Руденко. Екатеринодар, 1899. С. 64.

51. Личный состав Кавказского учебного округа к 1 января 1904 года. Тифлис, 1904. С. 51.

52. *Учительница Бутова.* Стан. Баталпашинская // Кубанские областные ведомости (КОВ). 1903. № 169. 2 августа. С. 1.

53. Там же.

54. Там же.

55. Там же.

56. Там же.

57. *Пообедавший.* Ст. Баталпашинская // КОВ. 1903. № 219. 8 октября. С. 1.

58. *Жаждающая.* Станица Баталпашинская (Двухклассное училище. Из дневника ученицы 4-го отделения 2 класса) // КОВ. 1903. № 238. 1 ноября. С. 2.

А.И. Слуцкий

Периодическая печать как источник изучения истории кубанского книжного дела

Настоящие заметки посвящены одному аспекту источниковедческого изучения (и использования) официальной дореволюционной периодической печати: обзору материалов, которые сегодня позволяют представить, как и какая книговедческая информация публиковалась на страницах региональных периодических изданий, как ее можно использовать, реконструируя историю книжного дела.

Но сначала несколько общих замечаний. О том, что периодическая печать и, в частности, дореволюционные кубанские газеты, являются богатейшим источником информации и для историков, и для специалистов всех отраслей знаний, интересующихся историей своей отрасли, говорено много. Говорил Б.М. Городецкий [1], размышлял один из крупнейших кубанских историков Ф.А. Щербина [2], постоянно пишут современные исследователи А.И. Агафонов [3], Б.А. Трехбратов [4], А.Н. Манукало [5], А.В. Суворова [6] и т.д. Публиковались статьи, посвященные вопросам источниковедческого использования определенных типов или вообще отдельных (конкретных) периодических изданий (Г.А. Озерова [7], Н. Сумцов [8], С.А. Слуцкая [9]).

Периодика (особенно газета) – источник универсального содержания. Исследователь может в ней найти материалы по политике, истории, экономике – собственно, по всем социальным и хозяйственным вопросам. «Именно периодика сохраняет для нас летопись текущих событий своего времени, остроту их восприятия современниками, полемический пафос в обсуждении тех или иных общественных проблем» [10]. Ф.А. Щербина в статье «Темы для изучения Кубанской области» [11] подробно останавливался на возможностях источниковедческого использования периодической печати, подчеркивал, что анализ периодической печати «даёт возможность с достаточной точностью характеризовать как общий размах (общественного. – А.С.) движения, так и характерные его особенности».

Он подчеркивал, что «при потреблении газет со стороны населения в извест-

ных пунктах определяются центры умственного движения; <...> в преобладании газет особого типа и направления – прогрессивных над консервативными или, наоборот, выразятся господствующие в области течения мысли и самосознания; распределением подписчиков на газеты по условиям или общественному положению выяснится руководящая роль известных групп <...>.

Но если из общей физиономии газет перейти к важнейшим их отделам, соединить статистический их учет с описательными приемами, выделить, положим, хотя бы передовые статьи с подразделением их на группы по основным темам газетной публицистики, тогда получится более конкретная и яркая картина тех отдельных звеньев, из которых сложилось все умственное движение» [12].

Непосредственно проблемам источниковедческого использования газетных публикаций в изучении истории книжного дела посвящены публикации О.В. Андреевой [13]. Все чаще появляются статьи, рассказывающие об использовании периодической печати в реконструкции книжного дела отдельных регионов [14].

Изучение периодической печати, возможностей ее источниковедческого использования предполагает, по крайней мере, два подхода. В одном случае «объектом изучения является конкретный периодический орган, взятый в совокупности всех издательских единиц (книг, томов, частей, номеров, приложений к ним) в строгой хронологии их выхода в свет» [15]. В другом объектом изучения становится конкретный текст, напечатанный в конкретном периодическом органе и посвященный тем или иным историко-книжным событиям.

В первом случае нас будет интересовать издание как таковое: его создатель, программа, личность редактора и состав редакционной коллегии, время и периодичность выхода издания в свет, структура издания, тираж, цена, условия подписки, взаимоотношения издания или издателя с цензурой, способы тиражирования и, естественно, насколько это возможно, характеристика читательской аудитории. Причем важно все это проследить в динамике, в хронологии – ибо только такое знание дает возможность говорить о характере связей истории развития провинциальной прессы

с общественным и демократическим движением в провинции. То есть объектом исследования становится сама история периодической печати.

Во втором случае интерес представляет содержание материалов историко-книжной тематики, опубликованных в периодической печати. Чему больше уделялось внимания, как оценивались те или иные события книжного быта, какие журналистские или газетные жанры уделяли больше внимание книжной тематике? Тут объектом исследования становится содержание публикаций, возможность с помощью этих публикаций реконструировать историю книжного дела региона в целом или историю отдельных подотраслей книжного дела (историю библиотек, типографий, книжной торговли и т. д.).

Периодические издания (газета, журнал) включают в себя разножанровые материалы – политические статьи, юридические документы, воспоминания, письма, рекламные объявления. То есть периодическая печать не составляла (не составляет) особого рода письменной традиции, она представляет особую форму издания, а опубликованные в ней тексты требуют различных подходов источниковедческого анализа.

Отдельные исторические периоды, так же как отдельные историографические школы, могут актуализировать интерес к изучению и библиографированию провинциальной периодики в целом и даже отдельных ее жанров. Например, историки повседневности при изучении определенных тем активно используют (как репрезентативный источник) хронику, объявления, редакционную почту. Историки журналистики тяготеют к анализу и библиографированию жанровых особенностей газеты [16].

Каждый отдельный номер, фрагментарность и мозаичность текстов, столкновение разных жанров и авторских стилей, повествовательность и публицистичность могут восприниматься как сиюминутная случайность. Некоторые исследователи вообще определяют газету «как тип текста, принципиально не подлежащий хранению». Но проходят годы, мы начинаем перелистывать пожелтевшие страницы старых газет, и та самая фрагментарность и мозаичность вдруг представляются перед нами панорамой нашей отечественной истории. «Большое видится на расстоянии». Газета оказы-

вается одновременно фиксацией и отражением того, «как живо совершается история Родины» [17]. Мало того, только газета сохраняет возможность прикосновения к мельчайшим деталям и реалиям прошедших лет. Никакой другой исторический источник практически не дает такого «горячего» ощущения времени, как газета. И как бы придиричиво мы сегодня ни анализировали дореволюционную северокавказскую периодику, сколько бы ни пытались дать отдельным изданиям политические или идеологические (порой, взаимоисключающие) оценки, роль периодики в становлении региона, в его политической, научной, культурной жизни переоценить невозможно.

Особенностью Северного Кавказа являлись постоянные изменения границ отдельных административно-территориальных образований. Майкопский и Баталпащинский отделы Кубанской области (в настоящее время самостоятельные республики – Адыгея и Карачаево-Черкесия) до революции 1917 года входили в состав Кубанской области. Это привело к тому, что материалы об Адыгее и Карачаево-Черкесии (в том числе о книжном деле) публиковались преимущественно в кубанских газетах [18]. Вообще следует отметить, что практически все донские и северокавказские газеты были внимательны к событиям (в том числе историко-книжным), происходящим в соседних регионах (например, «Приазовский край», «Северный Кавказа» [19] т.д.).

Сохранность в фондах библиотек и архивов дореволюционной периодики не позволяет сделать фронтальный анализ корпуса всех сохранившихся газет. Анализ требует выборки. В настоящих заметках объектом анализа стали материалы историко-книжной тематики, опубликованные в первой областной официальной газете «Кубанские областные ведомости». Газета выходила сравнительно долго (1863–1917 гг.), ее комплекты представительно сохранились в кубанских архивах и библиотеках.

Ведомости были типичным изданием для всей провинциальной России, создавались «для скорейшего обнародования распоряжений губернского начальства и других известий, следующих ко всеобщему сведению или исполнению» [20]. Издание было официальным, обязательным, рекомендованным Министерством внутренних

дел; его структура, содержание, характер редактирования, порядок цензуры, даже жанровые особенности были изначально определены Законом об «Общих учреждениях губернии» [21].

Согласно законодательству газета состояла из двух отделов: общего и местного (ст. 538). Общий отдел был призван печатать «статьи для всеобщего по государству сведения» (ст. 538); местный делился на официальный (там публиковались распоряжения и приказы местных властей) и неофициальный, «в котором помещались относящиеся до местности сведения и материалы географического, топографического, исторического <...> содержания» [22]. Тематически неофициальный отдел должен был печатать только краеведческие материалы; что касается жанровых особенностей, то ограничения звучали следующим образом: «Сообщаемые в неофициальной части известия, сведения и материалы не должны облекаться в формы таких литературных статей, в которых обыкновенно имеет место вымысел <...>» [23].

Сразу следует подчеркнуть, что все официальные провинциальные (губернские и епархиальные) периодические издания по всей России (естественно, и на Северном Кавказе) выходили по строго определенной программе. Программа предписывала устойчивую тематическую и жанровую структуру содержания изданий на многие годы. Программная универсальность и однообразие, жанровая многосложность, краеведческая направленность предопределяли характер и методику источниковедческого использования (изучения) изданий.

Основой для настоящих заметок стал анализ «Кубанских областных ведомостей» выборочно за три года: 1876, 1887, 1896-й. Предполагался строго десятилетний интервал, но в силу того, что сохранность годичных комплектов «Кубанских областных ведомостей» в Государственном архиве Краснодарского края разная и комплект 1886 года насчитывал всего 30 номеров, было принято решение анализировать год 1887-й. Кроме этого в статье использовались материалы, выявленные в результате фронтального обзора ряда кубанских газет.

При анализе содержания «Кубанских областных ведомостей» использовались методы формализованного анализа (контент-анализ). Была выделена группа содер-

жательных понятий, определяющих различные подотрасли книжного дела (библиотеки, книжная торговля, типографии, книгоиздание, библиография), отдельные элементы этих подотраслей. Степень частоты употребления этих понятий в различные периоды издания газеты и в различных жанрах характеризовали ориентацию редактора, отношение общественности к вопросам кубанского книжного дела, уровень его влияния на общественное сознание. Все это, реконструированное в единое целое, может дать, с одной стороны, представление о формировании книжного и библиотечного дела региона, его инфраструктуры, с другой, – о возможностях источникового использования периодической печати, в частности «Кубанских областных ведомостей», в изучении этих процессов.

Сразу следует констатировать, что в течение всего обследованного периода в газете регулярно публиковались материалы книговедческой тематики. Среди опубликованных материалов информация о книжном деле, в первую очередь, содержалась в большом количестве опубликованных объявлений о выходе в свет тех или иных изданий (центральных, региональных, местных), о подписке на периодические издания, об открытии и деятельности библиотек, типографий, книжных магазинов. Сравнительно часто публиковались, иногда в рекламных, иногда в управленческих целях, всевозможные уставы, правила пользования, регламенты работы учреждений и организаций, представляющих книжное дело. Меньше, но достаточно регулярно печатались отчеты библиотек и типографий, благодарственные письма в редакцию о всевозможных книжных пожертвованиях в различные библиотеки и музеи. Реже всего, но все-таки публиковались статьи на самые разные книговедческие темы. И уж совсем в единичных случаях печатались воспоминания, фрагменты дневников, письма кубанцев, в которых затрагивались книжные темы [24].

Жанровая структура книговедческих публикаций

Год	Всего опубликовано объявлений	Всего опубликовано статей	Объявления, относящиеся к выходу изданий			
			в России	на Кавказе	на Кубани	на Украине
1876	17	4	6	1	10	
1887	47	3	36	6	3	2
1896	444	13	355	28	51	10

Объявления, касающиеся разных областей книжного дела, самый массовый (в количественном отношении) вид публикаций. С 1876 года по 1896 год количество объявлений выросло с 17 до 444. Резкий количественный рост публикаций и объявлений в конце XIX века объясняется увеличением печатных площадей самой газеты «Кубанские областные ведомости», появлением в России и на Кавказе частных газет, социальным расслоением общества и, естественно, читательских ориентаций. Тем более что для газеты (и официальной, и частной) публикация объявлений едва ли не главная статья поступления средств. Частота публикаций объявлений на протяжении года изменялась. В начале года, когда шла подписка на новые издания, и в конце года, когда шла подготовка к ней на следующий год, их число неизменно увеличивалось.

Безусловно, интересна география периодических изданий, которые подписывались на Кубани и объявления которых помещались на страницах кубанских газет. Подавляющее число рекламных объявлений представляют издательства и издания Санкт-Петербурга и Москвы. Достаточно представителен Кавказ, в первую очередь, тифлисская периодика. Во многом это связано с тем, что в Тифлисе находился целый ряд управленческих учреждений Закавказья и Северного Кавказа. Тифлис был постоянным местом командировок; наконец, многие кубанские журналисты считали для себя достаточно престижным печататься в тифлисских изданиях. Значительно реже встречались немногочисленные подписные объявления донских, терских, ставропольских изданий, хотя они (как уже писалось) регулярно на своих страницах обращались к кубанской тематике. Например, «Северный Кавказ». Изредка можно было встретить объявления о подписке на газеты уездных кубанских городов («Ейский телеграф»).

С годами наблюдался рост количества объявлений о выходе в свет кубанских изданий. И это понятно. В середине 70-х годов XIX века в области существовало всего два издания – «Кубанские областные ведомости» и только начавшее выходить издание статистического комитета – «Памятная книжка». Середина 90-х годов представлена значительно большим количеством продолжающихся и периодических изданий, типографий и даже опытов частного

книгоиздательства. То же самое касается вопросов книжной торговли и библиотечного дела. Хлопочут редактора о размещении объявлений о кубанских изданиях в столичных журналах. Сохранилось письмо Е.Д. Фелицына в редакцию журнала «Исторический вестник»: «Посылаю при этом отдельную посылкою по одному экземпляру Кубанского сборника и Кубанской справочной книжки. Покорнейше прошу редакцию почтить своим вниманием эти первые издания Кубанского областного статистического комитета. С тем позволяю себе просить редакцию, если признано будет возможным, поместить на страницах своего журнала прилагаемое здесь (на обороте) объявление о продаже настоящих изданий нашего комитета». Дальше Е.Д. Фелицын указывает петербургские адреса, по которым можно приобрести издания «В книжном складе типографии М. Стасюлевича (С.Петербург, Васил. Остр., 2 линия, № 7) и в книжных магазинах «Нового времени» (С.Петербург, Невский проспект, № 384 и Москва, Кузнецкий мост, дом Третьяковых), а также в газетном агентстве Шавердова (в Тифлисе)» [25]. Слабее прослеживается в объявлениях связь Кубани и Украины, хотя интерес к Украине постоянен и широк. Скажем, такой журнал, как «Киевская старина», имел подписчиков во многих городах и станицах Кубанской области, опубликованных же объявлений о подписке на него практически не встречалось.

Объявления о подписке на газеты зачастую бывали развернутыми, давали возможность говорить не только о характере подписной компании, но и о типе газеты (от серьезных общественно-политических, экономических, литературно-художественных до развлекательных (музыкальных, юмористических)), ее программе, о составе редакционной коллегии, социальной направленности, читательском адресе, содержательной стороне, их тираже и цене. Так, в первых двух номерах «Кубанских областных ведомостей» за 1876 год публикуется объявление о подписке на журнал «Иллюстрированный вестник» («журнал для всех и обо всем с романами занимательного характера», кстати, достаточно популярный среди кубанских подписчиков), о подписке на еженедельную «Иллюстрированную газету», в которой публикуются сведения о «современных событиях общественной жизни,

художествах, личностях, театре, модах...» с двумя бесплатными приложениями: «Романы и повести» и «Парижская мода» в двенадцати номерах. В 11 номере за этот же год небольшая заметка в неофициальном отделе сообщает нам о выходе в Баку новой сельскохозяйственной газеты на татарском языке «Акинчи» (Пахарь). В ней говорится о том, что новая газета принесет «большую пользу для мусульманского населения, для его просвещения...» и перечислены основные рубрики газеты: «Внутренние известия», «О хозяйстве», «Корреспонденция», «Ученые известия», «Стихи местных авторов».

Нужно, очевидно, заметить, что само размещение объявлений о выходе конкретного периодического издания в тех или иных газетах, исповедующих различные политические установки, выходящих на различных территориях, отражает «внешнюю политику» редакций [26] (редакторов). Для понимания редакционной стратегии интересно и то, когда помещались объявления: до выхода в свет того или иного периодического (продолжающегося) издания или после выхода.

Рекламные объявления местных библиотек, типографий, книжных магазинов представляют фактографическую информацию, адресные сведения, раскрывают номенклатуру выполняемых работ, ассортимент предлагаемых изданий, иногда характеризуют уровень технической оснащенности для типографий или наличия литературы для библиотек. Эти публикации чаще всего носят единичный, случайный характер. Но, как уже писалось, «выбранные и объединенные за ряд лет, приведенные в определенную систему, они представляют собой богатый источник для изучения истории, экономики, культуры и быта России» [27]. Естественно, и для изучения истории книжного дела.

Можно более подробно остановиться на ограниченных (казалось бы) возможностях источникового использования объявлений. Но безусловно и другое – объявления традиционно и устойчиво присутствуют, к их особенностям нужно относиться как к данности, четко понимать, какую информацию и как из этого источника следует использовать.

Особую группу публикаций занимают сообщения о книжных и денежных пожертвованиях в библиотеки. В 16 номере за

1896 год опубликована статья о пожертвованиях книг в бесплатные народные читальни. Регулярно печатаются списки книг, подаренных в библиотеки Кубанского областного статистического комитета [28], Кубанского этнографического и естественно-исторического музея. В начале XX века большое количество публикаций посвящено дарениям в Екатеринодарскую публичную библиотеку им. Пушкина. Но вот что стоит отметить: книг дарят много, сообщения печатаются регулярно, а имен дарителей мало. Из номера в номер повторяются одни и те же фамилии. Это «историческая» реальность, за фамилиями просматривается кубанское «сообщество» близких по интересам людей, связанных со становлением северокавказской историографии, культуры и краеведения.

Практически каждый номер газеты публиковал библиографические материалы. В газетах «Кубанские областные ведомости», «Кубанский курьер», «Ставропольские епархиальные ведомости» была постоянная рубрика «Библиография». В рубрике печатались библиографические списки вновь вышедших (не обязательно на Кубани) книг, книготорговая реклама (списки продающихся в тех или иных книжных магазинах или книжных складах изданий) [29]. Наибольший интерес, естественно, был к сочинениям по истории и этнографии Северного Кавказа; регулярно аннотировались книги по истории казачества, выходящие в Украине.

В «Ставропольских епархиальных ведомостях» (Кубань относилась к Ставропольской епархии) регулярно помещались списки рекомендованных книг по Закону Божьему (1873), списки книг для внеклассного чтения для учеников духовных семинарий (1891), рецензии на учебники и религиозную литературу, списки не рекомендованных Синодом книг для общедоступных библиотек. В «Кубанском курьере» была колонка «В мире литературы», в которой печатались аннотации и критические замечания на различные издания и журналы. Естественно, чаще это были рецензии на журналы, близкие редакции по мировоззрению и политически взглядам. Встречались в рубрике и перепечатки из московских и санкт-петербургских изданий. Иногда библиографическую информацию включали в различные объявления.

Много скромнее растет количество статей книговедческой тематики. Но и тут встречаются периоды пиков и спадов. Если объявления по своему содержанию (в большей или меньшей степени) отражали все подотрасли книжного дела (типографии, библиотеки, книжные магазины), то статьи чаще были посвящены библиотечному делу, его организации.

Среди публикаций о библиотечном деле можно выделить несколько традиционных групп: 1) положения, правила, уставы; 2) отчеты о деятельности; 3) обсуждение в печати проблем организации публичных библиотек, их социальной роли в общественной жизни Кубани.

Активное обращение к проблематике общественных библиотек на Кубани, судя по газетным публикациям, имело три временных пика: первый – середину 60-х годов XIX века [30] и, как следствие развернувшейся газетной полемики, организацию сети полковых казачьих библиотек [31]. В 1865 году на страницах «Кубанских областных ведомостей» были опубликованы «Правила для общественных библиотек Кубанского казачьего войска: окружных, бригадных, полковых, утвержденные Наказным атаманом» [32]. Согласно этим правилам библиотеки «должны были способствовать нравственно-духовному образованию всего населения Кубанской области». Полемика конца 80-х – начало 90-х годов завершилась открытием в области двух публичных (Ейской и Майкопской) и нескольких частных библиотек [33]. В ходе этой полемики на страницах «Кубанских областных ведомостей» обсуждались (как пример) вопросы открытия публичных библиотек в других губерниях [34], публиковались (1892) проекты уставов предполагаемых общественных библиотек [35]. Наконец, третий пик (1898–1899 гг.) стал преддверием открытия библиотеки им. А.С. Пушкина. Массив публикаций, в первую очередь, распределился в трех печатных периодических изданиях: в «Кубанских областных ведомостях», в ставропольской газете «Северный Кавказ» и в «Докладах Екатеринодарской городской управы» [36]. Впрочем, проблемы открытия в Екатеринодаре публичной библиотеки активно обсуждала и ейская периодика.

Согласно Уставам и Положениям общественных библиотек обязаны были ежегодно публиковать отчеты о своей деятель-

ности на страницах «Кубанских областных ведомостей». Они позволяли судить о составе и количественных характеристиках фонда, организации работы, о круге чтения, иногда о сословном, образовательном составе читателей, о расходовании средств, о популярности тех или иных авторов. Иногда отчеты носили сугубо статистический характер, иногда их авторы (чаще всего заведующие библиотеками) давали текстовой комментарий к опубликованным количественным показателям.

Например, опубликованный в 173 номере за 1896 год отчет о деятельности Майкопской общественной библиотеки рассказывал историю ее открытия, характеризовал основные направления деятельности. До открытия городской библиотеки в Майкопе существовала частная библиотека г. Петрожицкого. «Между тем, волна все-российского интереса к народному просвещению, возникшего с новой силой, докатилась и до нашего города, – говорилось в отчете. – Навстречу жажде знания выступила городская дума, открывая новые школы, библиотеки, улучшая положение существующих».

В Отчете (кроме материалов по городской библиотеке) была проанализирована деятельность народной библиотеки при городском училище, аргументировалась необходимость для города открытия «правильно организованной» публичной библиотеки. В отчете также были приведены общие цифровые показатели работы майкопской городской библиотеки им. А.С. Пушкина: «всего книг и периодики – 2983 названий, всего подписчиков – 157». Подписчики дифференцировались по социальному положению (чиновники и дворяне, мещане, купцы, крестьяне, казаки и низшие чины, почетные граждане, духовенство) и по образованию (высшее, среднее, учащиеся, низшее, домашнее) [37].

О повышении образовательного уровня населения Кубани свидетельствует увеличение числа статей, посвященных открытию народно-школьных библиотек, библиотек в воскресных школах, народных училищах, появление бесплатных библиотек-читален, библиотек обществ трезвости. Например, в № 206 «Кубанских областных ведомостей» за 1896 год опубликовано объявление об открытии в Армавире публичной библиотеки и читального зала для детей,

несколькими месяцами позже там же Обществом попечения о детях открыта дешевая публичная библиотека-читальня с народными и детскими отделами.

Темы школьных библиотек освещались как в самостоятельных статьях, так и в отчетах о деятельности школ или училищ. В № 23 за 1876 год опубликован «Отчет о состоянии народных училищ Кубанской области за 1875 год». В третьем разделе, который назывался «Учебные книги и пособия, библиотеки», раскрываются вопросы комплектования и финансирования библиотек учреждений просвещения. Тема чаще всего рассматривалась в критическом аспекте, в огорчениях по поводу нехватки средств на комплектование и самих книг.

Сравнительно редко публиковались объявления и правила пользования частных библиотек. В «Кубанских областных ведомостях» (1894, № 12) был опубликован материал об открытии частной библиотеки-читальни госпожи Мамврийской. «Во вторник, 15 февраля предполагается открытие публичной библиотеки читальни Мамврийской (в доме Башмакова, по Красной улице). Нам доставлены о ней следующие сведения: в настоящее время эта библиотека имеет 1500 экземпляров разных книг, большею частью по беллетристике, а затем по истории. Подбор книг составлен известным знатоком библиотечного дела и писателем по этому предмету Н.А. Рубакиным. В состав 1500 экземпляров вошли: все русские классики, выдающиеся беллетристы русские, а также переводы иностранных беллетристов. Книги приобретены в книжных магазинах Петербурга и Москвы, те же, которых в продаже не имеется, – у букинистов и 150 книг у Новака». После преамбулы был напечатан устав библиотеки, плата за пользование (по разрядам), размер залога, условия выдачи книг и журналов [38].

Только в начале XX века в период празднования юбилеев начали появляться статьи, посвященные истории возникновения отдельных (чаще всего официальных) газет, периодических и продолжающихся изданий. Размышляя о судьбах местной периодики, задолго до Б.М. Городецкого, на страницах «Кубанских областных ведомостей» делается попытка дать обзор истории провинциальной периодики. Естественно, более пристально рассматривается периодика Северного Кавказа [39].

Периодически печатались в газете циркуляры главного управления по делам печати [40], выдержки из цензурного законодательства. Больше всего внимания уделялось публикациям регламентирующих документов о цензуре и редактировании неофициальной части губернских ведомостей. Сравнительно редко, но печатались «Списки произведений печати, изъятых из обращения в публичных библиотеках» (1884). В 1887 году было опубликовано синодальное запрещение продажи драматических произведений Льва Толстого.

В историко-книжном контексте (проблема чтения и распространения периодики) следует обратить внимание на публикации материалов, характеризующих подписку населения на те или иные периодические издания.

От случая к случаю «Кубанские областные ведомости» перепечатывали материалы центральной прессы, например, о том, что государь Император подарил Императорской публичной библиотеке фрагмент рукописного греческого Евангелия [41]. Важно, наверное, отметить, что кроме краевой (региональной) информации газета публиковала историко-книжные статьи образовательного характера. В 1891 году в Кубанских областных ведомостях в нескольких номерах печатаются «Очерки истории письма» [42], изредка короткие сюжеты из истории русской книги.

Можно продолжить приводить примеры. Но едва ли следует упрощать проблему. Безусловно, использование информации, опубликованной в газетах, сегодня затруднено высокой степенью ее «рассеянности» по страницам кубанской прессы, физической изношенностью комплектов многих дореволюционных газет, территориальной недоступностью или полной утратой того или иного печатного органа и, что очень важно, практически полным отсутствием библиографической «навигации» по данной теме [43]. Понятно и то, что только газетная информация не дает исследователю возможности системно и монографически реконструировать картину становления книжного дела региона. Понятно, что чем больше видов источников будет в реконструкции использовано, тем глубже и тоньше мы сможем понять историческую реальность. Но в этих заметках нам важно подчеркнуть, что в периодической печати

(в нашем случае, в кубанской периодике) содержится много информации о книжном деле региона как о сложной социальной системе, что в ней можно найти сведения об инфраструктуре книжного дела области, о деятельности различных учреждений, представляющих книжное дело, о формировании книжных фондов региона, о взаимоотношениях власти (гражданской, церковной) и книги, о читателях и дарителях книг в общественных и учебных библиотеки, о тех социальных изменениях в жизни местного общества, которые приводили к открытию библиотек, появлению собственного (кубанского) книгоиздания. Учитывая жесткую организационную, жанровую, содержательную структуру, эти публикации позволят проследить динамику изменений в книжном деле региона. Мы убеждены, что историко-книжная информация, опубликованная в официальной периодической печати, может стать «основой», фундаментом для дальнейших историографических разысканий в области истории книжного дела региона.

Примечания:

1. *Городецкий Б.М.* Кавказ в русских журналах: библиографическом наброске // На Кавказе (Екатеринодар). 1909. № 6. С. 212–214.
2. *Щербина Ф.А.* Темы для изучения Кубанской области // Изв. Общества любителей изучения Кубанской области. Екатеринодар, 1912. Вып. VI. С. 1–6.
3. *Агафонов А.И.* История Донского края (XVI первая половина XIX в. Исторические источники и их изучение). Ростов н/Д., 2001. С. 300–337.
4. *Агафонов А.И.* История Донского края (XVI – первая половина XIX в. Исторические источники и их изучение). Ростов н/Д., 2001. С. 300–337.
5. *Малукало А.В.* Дореволюционные печатные издания как источник для изучения самосознания кубанского казачества: (к постановке вопроса) // Голос минувшего (Краснодар). 1999. № 3–4. С. 77–81.
6. *Суворова А.В.* Краеведческий характер местной периодической печати // Вопросы краеведческой библиографии: сб. науч. тр. / ГПНТБ СО АН СССР. Новосибирск, 1975. С. 61–77.
7. *Озерова Г.А.* Источники краеведческой библиографии: (Губернские ведомости и указатели их содержания) // Труды ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1957. Т. 3 (6). С. 123–141.
8. *Суцков Н.* Губернские ведомости как пособие при изучении русской истории и этнографии // Киевская старина. 1885. № 2. С. 391–399.
9. *Слуцкая С.А.* «Ставропольские епархиальные ведомости» как источник по истории Кубани // Кубанское казачество: проблемы истории и возрождения. Тез. докладов. Краснодар, 1992. С. 104–107.
10. *Михеева Г.В.* Ретроспективная библиография периодической печати в 1917–1921 гг. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2003. № 2. С. 69.
11. *Щербина Ф.А.* Темы для изучения ... С. 1–6.
12. *Щербина Ф.А.* Темы для изучения ... С. 3.
13. *Андреева О.В.* Периодическая печать как историко-книжный источник // e-books/xbook984/01/part-003.htm;
- Фундаминский М.И.* Источниковедческо-библиографические аспекты изучения отечественной дореволюционной прессы (на примере газеты «Санкт-Петербургские ведомости») // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1990. Т. XXI. С. 17–29.
14. *Дорохова Н.Е.* Юбилей Томской государственной научной библиотеки им. А.С. Пушкина в зеркале Томской прессы // Библиотека в контексте истории: Материалы 7-й международной научной конференции (Москва, 3–4 октября 2007 г.). М., 2007. С. 174–179; *Чеботарев А.М.* «Санкт-Петербургские ведомости» – основной канал распространения рекламной информации о книгах в 20-е годы XVIII века // Библиотека в контексте истории: Материалы 8-й международной научной конференции (Москва, 5–6 октября 2009 г.). М., 2009. С. 256–259; *Дудко В.* Оголошення про вихід у світ чисел журналу «Основа» // Відкритий архів. Київ, 2004. Т. 1. С. 593; *Слуцкий А.И., Алиева Н.Э.* Периодические издания как источник по истории книжного дела // Книжное дело на Северном Кавказе: методы, источники, опыт исследований: Сборник статей / КГУКИ; ДГПБ. Краснодар, 2009. Вып. 5. С. 238–249.
15. *Антонова С.И.* Периодическая печать как источник по истории СССР (1895–1917). М., 1966. С. 5.
16. Г.В. Михеева высказывает предположение: о соотношении (удельном весе) текущей и ретроспективной библиографии периодической печати в контексте непосредственно в связи с периодами бурного количественного роста периодических изданий (революции, перестройки и т.д.).
17. *Розанов В.В.* Из припоминаний и мыслей об А.С. Суворине. М., 1992. С. 65.
18. *Слуцкий А.И.* Кубанские областные ведомости: к 150-летию газеты // Памятные даты по Республике Адыгея на 2013 год. Майкоп, 2012. С. 23–30.
19. *Архангелов Н.А.* Библиографический указатель литературы о Кубанской области, Кубанском Казачьем войске и Черноморском округе из ставропольской газеты «Северный Кавказ» за первое десятилетие (1884–1893 гг.) ее издания. Ставрополь-Кавказский: Электронпечатня Вайнבלата, 1910. 79 с. [Отд. отт.].
20. Свод Законов Российской Империи (Св. Зак. Рос. Имп.). Т. 2. Свод губернских учреждений. Изд. 1892 года. СПб., 1912. Ст. 532.
21. Св. Зак. Рос. Имп. Т. 2. Свод губернских учреждений. Изд. 1892 года. СПб., 1912. Ст. 529–559.
22. Св. Зак. Рос. Имп. Т. 2. Свод губернских учреждений. Изд. 1892 года. СПб., 1912. Ст. 541.
23. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 353. Оп. 1. Д. 13. Л. 7.
24. *Слуцкий А.И., Алиева Н.Э.* Периодические издания как источник по истории книжного дела // Книжное дело на Северном Кавказе: методы, источники, опыт исследований: Сб. статей / КГУКИ; ДГПБ. Краснодар, 2009. Вып. 5. С. 241.
25. Российская национальная библиотека (РНБ). Отдел рукописей. Ф. 874. Оп. 1/1. Д. 29. Л. 182–183.
26. *Дудко В.* Оголошення про вихід у світ чисел журналу «Основа» // Відкритий архів. Київ, 2004. Т. 1. С. 593.
27. *Станько А.И.* Русские газеты первой половины XIX века. Ростов н/Д., 1969. С. 131.
28. *Дмитренко И.* Пополнение войсковой библиотеки // Кубанские областные ведомости. 1894. № 16.
29. Список изданий, имеющихся в продаже в типографии Кубанского областного правления // Кубанские областные ведомости. 1896. № 34.
30. *Белоус И.* Будут или не будут у нас в войске общественные библиотеки // Кубанские областные ведомости. 1865. № 11, 12.
31. *Слуцкий А.И.* К вопросу об организации полковых библиотек в Кубанском казачьем войске // Вопросы регионоведения. Краснодар, 2002. С. 23–34.
32. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 351. Оп. 1. Д. 43. Л. 1; Кубанские областные новости. 1865. № 13.
33. Нужна ли нам общественная библиотека? Несколько замечаний по поводу проекта устава предполагаемой библиотеки в г. Екатеринодаре // Кубанские областные ведомости. 1892. № 16; *N.N.* К вопросу об устройстве в г. Екатеринодаре

общественной библиотеки // Кубанские областные ведомости. 1892. № 14.

34. Некоторые данные об общественных библиотеках // Кубанские областные ведомости. 1891. № 13–14.

35. Проект устава Екатеринодарской общественной библиотеки // Кубанские областные ведомости. 1892. № 14; Правила для открытия народных читален в Кубанской области // Кубанские областные ведомости. 1892. № 70.

36. Об учреждении городской б-ки им. А.С. Пушкина (ассигнование, комплектование, правила пользования) // Доклады Екатеринодарской городской управы. 1899. № 17 (ноябрь); Собрание членов комиссии по устройству Пушкинской городской библиотеки в г. Екатеринодаре // Кубанские областные ведомости. 1899. № 211.

37. Майкоп: [О деятельности библиотеки; сведения о популярности русских писателей] // Кубанские областные ведомости. 1897. 21 сент. (№ 205). С. 3.

38. Кубанские областные ведомости. 1894. № 12.

39. *Щепинский И.А.* Страничка из истории провинциальной печати (Печать на Северном Кавказе) // Кубанские областные ведомости. 1891. № 30. 27 июля.

40. Кубанские областные ведомости. 1876. № 14.

41. Кубанские областные ведомости. 1901. № 64.

42. Das Buch von der Welt post. Von O. Veredarius [Очерк истории письма] / Перевод М. Пилецкого // Кубанские областные ведомости. 1891. №№ 12–13.

43. *Морозова В.В.* Библиотека в зеркале прессы: газета как исторический источник // Книжные собрания региональных библиотек как часть культурного наследия страны: Материалы научно-практической конференции (12 ноября 2013 г.). Астрахань, 2013. С. 100.

Н.Г. Соловьева

О традиционном жилище казаков Баталпашинского отдела

Традиционное жилище казаков Баталпашинского отдела в конце XIX – начале XX веков представляло собой дом украинского южнорусского типа, что было связано, в первую очередь, с этногенезом кубанского казачества. У его истоков наравне с другими этносами стоял украинский народ, что определенным образом сказалось на их жилище.

Специфика формирования и развития традиционного жилищного фонда казачества, в частности его региональных характеристик, являются актуальными и перспективными направлениями современного научного исследования. При этом следует отметить, что жилище для казаков являлось не только родовым гнездом, местом, где глава семьи отдыхал от несения военной службы и трудился на благо многодетной семьи, но и крепостью во всех смыслах слова. Самые ранние жилища – землянки, полуземлянки и шалаши соответствовали походному образу жизни казаков. Постоянные жилые постройки конца XIX века имели характеристики традиционного жилища переселенцев-казаков.

Материальная культура казачества Баталпашинского отдела формировалась под влиянием местных природно-климатических условий и межкультурной коммуникации. Наиболее показательным этот процесс наблюдался при строительстве дома, которому придавалось большое значение. Материалы и отделка дома осуществлялись с учетом климата и дальнейших возможностей их использования. Анализ имеющихся построек у местных народов Баталпашинского отдела (горцев и степняков) позволял корректировать строительство казачьих построек, в частности использование строительных материалов.

Традиционно постройкой казачьего дома занимались исключительно мужчины. Некоторые виды отделочных работ осуществляли женщины (побелка, штукатурка и др.). В строительстве каждого дома принимали участие большинство жителей станицы или хутора, а также кровные родственники будущего хозяина усадьбы. Типичным строительным материалом были древесина, камень, глина, камыш и др. У основной массы кубанских казаков, к которым относились и казаки Баталпашинского отдела, преобладали турлучные (на деревянном каркасе), глинобитные и саманные дома.

Турлучный дом строился следующим образом. По периметру в землю закапывались большие и малые столбы – «сохи» и «подсошники». Они переплетались лозой. Это был каркас будущего дома. Затем, при помощи коней, замешивали глину с соломой. Родственники и соседи приступали к первой мазки стен – «пид кулаки»: глину, предварительно смешанную с соломой, забивали кулаками в плетень. Через неделю делали вторую мазку – «пид пальцы», когда глину вминали и разглаживали пальцами в стену. Для третьей, «гладкой», мазки в глину добавляли полову и кизяк.

Существовал целый спектр обрядов при строительстве дома. Так, на место будущей постройки бросали клочки шерсти домашних животных, перья – «чтобы все водилось». «Матку-сволок» – деревянные брусья, на которые настилался потолок, поднимали на полотенцах или цепях. Это делалось, «чтобы в доме не было пусто».

Наиболее распространенным типом дома в XIX – начале XX веках в Кубанском войске были двух- и трехкамерные дома (изба-сени, изба-сени-изба) [1]. Традиционная

усадебка казаков Баталпашинского отдела состояла в обязательном порядке из двух основных жилых помещений – Вэлыкой хаты (Большой хаты) и рядом стоящей Малой хаты (Маленькой хаты), а также целого ряда построек хозяйственного назначения. Большая и Малая хаты часто соединялись переходом, что отвечало удобству и безопасности казачьей семьи. Первоначально окна выходили не на улицу, а во двор. Из малой хаты дополнительно делали выход в конюшню, чтобы в случае необходимости казак мог мгновенно отправиться на службу.

Из Вэлыкой хаты выход считался парадным. Его открывали только по особым случаям – свадьбы, крестин, похорон и др.

В большой хате обычно было две комнаты, разделенные большой печью, по своему строению напоминающую русскую печь. В доме находилась сделанная на заказ мебель: шкаф для посуды («горка» или «угольник»), комод для белья, сундуки и т.д. Центральным местом в доме был «Красный угол» («Божница»). Он оформлялся в форме большого киота. На столе-угольнике располагали одну, а чаще несколько икон, которые украшались рушниками.

Печь топили только в холодное время года. В межсезонье пользовались теплом, идущим из Малой хаты, в которой также находилась печь, только меньших размеров. Печь в Малой хате – кабыца, топилась с большой комнаты все время, так как постоянно шло приготовление пищи, грелась вода для различных хозяйственных нужд, осуществлялся обогрев смежных помещений. Только в летнюю жару ее не топили. В этот период во дворе строили дворовую кабыцу. Над ней имелся теневой навес, что спасало от палящего южного солнца. Здесь кипела хозяйственно-бытовая жизнь казачьей семьи. Воду грели на дворовой кабыце не только для купания и парения в теплом углу (предшественнике бани), но и для стирки, для запаривания корма домашним животным. Она имела большую топку, в которую помещали большие чугуны. Такая топка позволяла топить печь не только дровами, но и хворостом, тростником, кизяком.

Вэлыкая хата являлась «чистым» строением. После рабочего дня и принятия водных процедур в ней собирались для трапезы, общения и сна все члены большой казачьей семьи. Пол здесь был деревянным, в отличие от Малой хаты.

Малая хата была бытовым помещением. В ней выполнялась домашняя работа: приготовление и принятие пищи, прядение и ткачество, стирка и шорные виды работ. Пол в Малой хате был глиняный и периодически перемазывался или, как иногда говорили, доливался («долывка»).

В Малой хате находились: печь, длинные деревянные лавки, стол (сырно). За печью была комната меньших размеров – тёплый угол (теплый угол), в которой осуществлялись водные процедуры. Теплый угол выступал в роли парной и представлял собой небольшое помещение без окон. В противоположном углу от печи – под потолком, делался продух – вентиляция. В этом помещении были две-три лавки. Одна из них была высокой, почти в пояс взрослого человека и предназначалась для пропаривания, мытья другого. Для удобства эту лавку приставляли к стене или же выставляли посередине теплого угла.

В парной часто устанавливалась бочка (кадушка) на 200-300 литров, в которой находился запас холодной воды. Днем в нее носили воду, которую затем использовали для разнообразных хозяйских нужд. Ее грели в чугунах или в баке, который в более позднее время монтировали в печь. В теплом углу были в ходу деревянные ведра, называемые казаками «цебарками». В них запаривали и настаивали веники, отвары трав для купания. Применяли также корыта – ваганы, которые поначалу делали из дерева, а затем из металла. Пол в «бане» был глиняный, с уклоном к наружной стене для стока через отверстие использованной воды. Сверху пол застилался камышовыми циновками, соломой или сеном, так как это покрытие хорошо пропускало воду.

Казаки Баталпашинского отдела для отваров, компрессов и обливаний использовали местные дикорастущие травы: 1) череду (лечили многие заболевания кожи, в частности у детей); 2) ромашку (против угревой сыпи и для улучшения роста волос); 3) пустырник (в качестве успокоительного средства); 4) зверобой (как ранозаживляющее средство); 5) тысячелистник (кровоостанавливающее средство, от чесотки); 6) полынь (средство от паразитов).

Кроме личных домов с усадьбами в станицах и казачьих хуторах в конце XIX – начале XX веков имелись и общественные строения: атаманское правление, школы и

др., которые возводились из кирпича и покрывались железными крышами. Многие из них до сих пор украшают населенные пункты современной Карачаево-Черкесии.

Следует отметить, что у казачества Баталпашинского отдела наравне с Большой и Малой хатами существовало определенное дворовое разделение. Кроме переднего (чистого) двора, обычно было несколько задних (хозяйственных) дворов. Хозяйственные постройки (базы, сарай, ледники, навесы, загородки для скота и др.) чаще всего сооружались из местных строительных материалов – деревьев, ивовой лозы, речной гальки и камней.

Особый интерес вызывает внутреннее устройство казачьего дома. В хате располагалась русская печь – слева или справа от входа, устье которой было обращено к боковой длинной стене. По диагонали от печи находился передний угол со столом. Возле стены стояли лавки, рукомойник с вышитым рушником и посудный шкаф. Особое место в казачьей хате отводилось красному углу, в котором находился иконостас, украшенный рушниками. Традиционным украшением были вышитые занавесы, постельное белье, покрывала и разные по размеру подушки. Часто они декорировались кружевами и бахромой.

Типичным украшением интерьера казачьей избы были рушники. Они присутствовали повсюду. Особенно ценные (свадебные, подаренные родственниками и др.) рушники развешивали на стенах. Они являлись семейными реликвиями и передавались из поколения в поколение.

Основной набор мебели в казачьей хате состоял из широких лавок, узких скамеек на ножках («ослоны»), деревянного дивана («канапеи»). В глухом углу помещалась кровать, рядом с которой находился сундук с одеждой. Кровать обязательно застилалась домотканым цветным рядном с поперечными полосками. Сверху на ней располагалось несколько подушек: одна или две больших, остальные поменьше (около 3-5 шт.). Их укладывали одна на другую, в результате чего получалась пирамида. Под окном обычно стояла прялка. Самодельный дощатый стол застилался белой скатертью с красными полосами по краям. На полу лежали домотканые половики.

В углу возле печки находилась утварь. С одной стороны на подвешенных полках –

«малый мисник», располагалась крупногабаритная посуда: горшки, котелки, кувшины, чугуны. «Большой мисник» представлял собой буфет с двумя отделениями: верхний – для мелкой посуды, нижний – для хранения хлеба. В углу стояли: ухват, кочерга, деревянная лопата для выпечки и др.

Гордостью каждой хаты было зеркало и фотографии в деревянных рамках. На стене также вешали оружие (шашку, огнестрельное оружие) и казачью плетку.

Небольшие фотоателье в кубанских станицах стали появляться уже в 70-е годы XIX века. Фотографировались казаки по особым случаям: проводы в армию, свадьба, похороны. Особенно часто фотографировались в годы Первой мировой войны. В каждой казачьей семье старались сделать снимок на память или получить фотографию с фронта. Фотографии обрамляли в деревянные рамки и вешали на стены, что являлось одним из атрибутов интерьера казачьего дома.

Со второй половине XIX века под влиянием городской культуры размер жилой площади дома увеличился. Отдельными помещениями стали кухня и спальня. У кубанских казаков широкое распространение получили многокомнатные дома с железной крышей и деревянным полом, двумя выходами – с улицы и со двора. Богатые казаки имели кирпичные дома (одно- и двухэтажные) с балконами, галереями и просторными застекленными верандами.

Интерьер дома богатых казаков отличался особой декоративностью. Стены казачьей избы украшали не только оружием и конской сбруей, но и картинами с изображением военных сюжетов, портретами казачьих атаманов и членов царской семьи. Под влиянием интерьера горского жилища у казаков Баталпашинского отдела лавки в хатах часто накрывали коврами, постель полностью убирала в стопу на видном месте.

Следует отметить, что в северокавказском регионе до революции использовалось несколько типов жилищ: турлучный дом, распространенный в равнинных районах; каменный дом с плоской крышей – в горах восточной и центральной части территории; деревянное срубное жилище – у карачаевцев и балкарцев верхней части Баксанского ущелья.

До середины XIX века в домах горцев не было окон. Их заменяли небольшие, сделанные в стенах, отверстия. По мнению

Н. Дубровина, они служили «более для наблюдения за тем, что делается на дворе, чем для освещения комнат. Главный свет проходил через двери, растворенные настежь летом и зимой» [2].

В результате культурного взаимодействия горцев с русским населением, в первую очередь с казачеством, их дома к концу XIX века стали приобретать более благоустроенный вид. При строительстве стали использоваться фабричные материалы, в частности черепица, железо для покрытия кровли. А. Миллер, говоря о черкесских постройках, отмечал, что «дом, выстроенный и обставленный по-городскому, служил теперь предметом гордости князя или дворянина» [3].

Несмотря на то, что традиционное горское жилище, его внутреннее убранство, в горных и предгорных территориях Кавказа еще долгое время сохраняли прежнюю форму планировки и использования, в домах зажиточных слоев населения появились предметы фабрично-заводского производства: большие зеркала, городская мебель, привозная фаянсовая посуда, самовары и многое др.

Укрепление хозяйственных и культурных связей с крупными городами и станицами привнесли много нового в аулы. Так, в домах большинства северокавказских народов появились неизвестные ранее отдельные помещения – кухня, прихожая, коридор, сени и др. Дифференциация помещений производилась путем пристройки новых помещений к первоначальной основе дома. То есть проводилось не новое строительство, а перепланировка уже имеющейся площади. В жилых помещениях появились потолки и полы. Потолки из плетеных матов, обмазанных глиной, поначалу сооружались в домах молодоженов. Только перед Гражданской войной они появились и в других комнатах. Медленнее шло внедрение деревянных полов.

Наиболее наглядно заимствование прослеживалось в строительстве жилищ, во внутреннем убранстве дома, быту в целом. Так, зажиточные карачаевцы в подражание русским домам строили многокамерные жилища с высокими потолками, большими окнами и дверьми. В черкесских жилищах очаг из центра переместился в угол комнаты. Богатые черкесы и карачаевцы стали строить дома из дерева, на каменном фун-

даменте, часто с галереей, с застекленными окнами. Двери стали делать на железных петлях, в домах теперь были деревянные полы. Значительным новшеством было и появление в их домах русских печей.

Под русским влиянием изменилось и внутреннее убранство жилищ. В богатых горских домах появилась европейская мебель – столы, стулья, металлические кровати, шкафы, комоды, зеркала. На окнах стали вешать занавеси и портьеры из фабричных тканей, столы накрывать скатертью, пользоваться постельным бельем. Появлялись у зажиточных и самовары, швейные машины, изредка даже граммофоны и пианино [4].

По русскому образцу изначально строились только общественные здания: аульские правления, больницы, школы. В 1869 году в Карт-Джурте было всего 4 дома русского типа, но вскоре началось строительство и жилых домов русского типа или украинских саманных хат [5]. Новые дома резко отличались от старых типов жилища и вносили определенный диссонанс в облик аулов. В. Тевцов констатировал, что в Карачае и Балкарии «кулаки живут в домах русского стиля с деревянной крышей, окаймленной резьбой, с расписными ставнями, с русской печью и выбеленными стенами» [6]. А. Подоверский отмечал, что «по внешности черкесские селения производят довольно неопределенное, смешанное впечатление: рядом с домами старинной, довольно простой внешности, стоят дома в подражание русским – более прочные, с несколькими окнами со стеклами в рамах, разделенные на две половины» [7]. Несомненно, что украшение орнаментами наличников и ставен окон аульских домов было заимствовано у станичников. Между смежными жилыми помещениями теперь устанавливались двери, что в прошлом в горском доме считалось совершенно недопустимым.

Таким образом, традиционное жилище казачества Баталпашинского отдела начиная с конца XIX и до начала XX веков подвергалось определенным изменениям. При этом характерные элементы его традиционности еще долгое время оставались визитной карточкой кубанского казачества. Они находили отражение и в культуре соседних народов, которые не преминули перенять некоторые из них, в первую очередь в жилищном строительстве, декоре внешнего

и внутреннего убранства дома. Межкультурное взаимодействие народов содействовало смене старого типа традиционного горского жилища на более современный тип жилья с русскими элементами. Сближение строительных форм привело в дальнейшем к формированию единого типа жилища в северокавказском регионе.

Примечания:

1. Сизенко А.Г. Казачество России. Казачьи войска. Знаменитые атаманы. Уклад жизни. Ростов-на-Дону, 2010. С. 374.
2. Дубровин Н. История войн и владычества русских на Кавказе. Очерк Кавказа и народов, его населяющих. Т. I. Кн. I. СПб., 1871. С. 69.
3. Миллер А. Черкесские постройки // Материалы по этнографии России. Т. 2. Пг., 1914. С. 2.
4. Невская А.Т. Связи народов Карачая и Черкесии с русским народом и сближение их материальной культуры (XIX – начало XX вв.) / Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1980. С. 119–120.
5. Невская А.Т. Указ. соч.
6. Тепцов В. По истокам Кубани и Терека // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 14. Тифлис, 1892. С. 120.
7. Переходное состояние горцев Северного Кавказа. Тифлис, 1896. С. 19.

Л.Н. Дорошенко

Выдающийся оперный певец В.П. Дамаев – уроженец станицы Отрадной (К 140-летию со дня рождения)

Щедра Отраденская земля талантами. Одним из выдающихся людей предгорья стал замечательный оперный певец (лирико-драматический тенор) Дамаев Василий Петрович.

Рожденный в станице Отрадной 7 (19) апреля 1878 года в семье, принадлежавшей к крестьянскому сословию, он здесь же закончил одноклассное мужское училище с трехлетним циклом обучения, что для иногороднего подростка было весьма значимо в условиях казачьей станицы. Тогда в одноклассных училищах преподавались согласно статье 3 «Положения о начальных народных училищах» следующие предметы: а) Закон Божий; б) чтение русское; в) чтение церковно-славянское; г) письмо; д) первые четыре действия арифметики; е) церковное пение (там, где преподавание будет возможно). По-видимому, в Отраденском училище преподавание церковного пения было возможно, т.к. Василий Петрович всегда с благодарностью вспоминал учительницу Татьяну Максимовну Сапежко, кото-

рая учила его азам пения и музыкальной грамоты и которая была регентом церковного хора.

Кстати, в это время в Отрадной проживало 5467 человек, из них 1701 – иногородние (См.: Д.Я. Иванов. Станица Отрадная Кубанской области, Баталпашинского уезда).

Родители Василия: Петр Герасимович и Пелагея Захаровна, выходцы из Воронежской губернии, работали по найму в хозяйствах казаков. Вскоре, вместе с взрослыми, стал батрачить и их сын.

Страсть к музыке у мальчика появилась с малых лет. Он самостоятельно научился играть на скрипке, виртуозно играл на пастушьем рожке. Конечно, природный дар музыкального слуха легко позволял ему схватывать мелодии «на лету», но немаловажным фактором была и музыкальная атмосфера в семье. По выходным и праздникам соседи Дамаевых часто слышали церковные песнопения. Все пели хорошими голосами и слаженно. У Петра Герасимовича был красивый лирический тенор, а Пелагея Захаровна имела небольшой голос с прекрасной дикцией. Не отставал от старших и сын, уже носивший в станице прозвище «Васька-соловей».

Абсолютный музыкальный слух, семейное пение, затем пение в церковном хоре под руководством Т.М. Сапежко, формирование из мальчишеского дисканта красивого мужского голоса тенора и активность характера делают Василия замечательной фигурой в станице. Вскоре он организовал из любителей пения хор народной песни (возможно, и казачьей), с которым выезжал в Армавир, Баталпашинскую, Майкоп.

Полученных знаний от Т.М. Сапежко ему хватает для преподавания церковного пения в женском училище. «Его ученики могли самостоятельно пропеть по нотам незнакомую мелодию, найти правильный тон по камертону, записать на доске нотную фразу и т.п., чего к нашему стыду не знают десятиклассники» – писал в 1956 году в газете «Советское казачество» № 122 краевед П.М. Галушко. К сожалению, и через 60 лет, в 2018 году ученики-отраденцы не смогут этого сделать, а в императорской России конца XIX века ученикам такое было по плечу.

В судьбе будущего певца семья Сапезко сыграла большую роль. Уже упоминавшаяся Татьяна Максимовна была дочерью Максима Иоанновича – протоиерея Рождество-Богородицкой церкви (ныне занятой кинотеатром), который ходатайствовал перед архиереем Ставропольским и Кубанским Агафодором о разрешении венчать не достигшего 18-летия Василия Дамаева (срочно заболело тому) и девицы Иулиании (Юлии) Хлупновой. И прошение это Архиерей одобрил. Так Василий Петрович и Юлия Евдокимовна в 1895 году создали новую семью, можно сказать, совсем молодую.

В этом же году родители и молодые переезжают на жилье в Майкоп, где Пётр Герасимович, занимаясь переплётным делом, переходит из крестьянского сословия в мещанское. За добросовестность и усердие в ремесле атаман Майкопского отдела наделяет семью (редкий случай) небольшим клочком земли.

Но хор, оставленный в Отрадной, манит назад заниматься делом по душе. И Василий вместе с женой опять оказывается в станице. Известно, что у отца был брат Влас Герасимович, т.е. дядя Василия Петровича. Остаётся неизвестным, где проживала молодая семья: то ли у дяди, то ли у матери Юлии Евдокимовны, то ли на съёмной квартире. А вскоре пришло и пополнение: дочь Анастасия (1899 г.р.), дочь Александра (1901 г.р.), сын Димитрий (1903 г.р.).

На жизненном пути Василия Петровича продолжают встречаться хорошие люди. Одним из них стал Иван Лукьянович Гар, присяжный поверенный, москвич, большой театрал, случайно попавший в Отрадную, на клиросе услышал дивный тенор певчего В. Дамаева. Иван Лукьянович вручает Василию рекомендательное письмо для знакомой москвички Веры Петровны Козловской с просьбой об устройстве талантливого человека в театр-оперу (А.В. Дамаева. Воспоминания). И глава семейства после недолгих раздумий уезжает в Москву, оставив в Отрадной жену с тремя малолетними детьми. Забегая вперед, надо сказать, что в ближайшие годы еще прибавятся сын Борис (1905 г.р.), дочь Валентина (1907 г.р.), дочь Марина (1909 г.р.).

Кстати, уже в советское время сын Дмитрий Васильевич (1903–1988) станет певцом тенором) Московского театра оперетты (приезжал в Отрадную, встречался с

Ложкиным М.Н.), дочь Марина Васильевна (1909–1982) была балериной Большого театра.

Ну, а пока Василия Петровича в Москве передавали с рук на руки хлопотливые добрые души: певица Козловская, княгиня Оболенская, заведующая драматическим училищем, Ушков, миллионер-меценат, директор филармонического училища, преподаватель Успенский и самый главный благодетель, владелец частной оперы Зимин Сергей Иванович (1875–1942), большой подвижник русского оперного искусства, по сути основатель театрального музея Бахрушина. Работал и умер в СССР.

За гроши существовавшего в это время Дамаева поддерживали и наставляли на путь большого искусства эти люди.

В музыкально-драматическом училище-филармонии Василию Петровичу удалось проучиться в 1904–1905 г.г. (по классу Медведева), а потом, с 1906 года, он стал выступать перед публикой с романсами, небольшими ариями. Тут его и услышал Зимин и немедленно пригласил в свою частную оперу, учуяв в Дамаеве огромный талант. К тому времени Василий Петрович перевёз свою семью из станицы в Москву. Начался период усиленного самообразования, были наняты репетиторы, изучались иностранные языки (через годы он шутил: представляете, в Париже даже извозчики говорят по-французски).

И вот 30 августа 1908 года, частная опера С.И. Зимины, партия Самозванца в «Борисе Годунове» – оглушительный успех! Как писал сам Дамаев: «Лег я спать нищим, а проснулся миллионером» (Журнал «Театр». 1911 г. «Как я сделался артистом»). Итак, гадкий утёнок стал лебедем. «У молодого артиста выдающийся по красоте драматический тенор» (Газета «Ранее утро», 02.09.1908 г.), «Колоссальной силы тенор, отличной свежести и ровности звука» (Газета «Голос Москвы» 02.01.1908 г.).

О следующей опере Серова «Юдифь»: «Дамаев очень эффектный, голос бесподобный, здесь ещё более выдающийся красотами и мощью, чем в Димитрии (газета «Голос Москвы» 04.09.1908).

Покорение российской, а чуть позже и зарубежной оперной сцены отраденским мужиком началось!

Дамаев сказочно быстро готовил партии в операх «Борис Годунов», «Юдифь», «Скоморох», «Аида», «Майская ночь» и др.

Настала пора плодотворной оперной деятельности и материального благополучия. Старших Анастасию и Александру опеределили в Чернявский институт (точнее, Усачёвско-Чернявское женское училище на Девичьем поле, состоявшее под покровительством императрицы Марии Фёдоровны), младшим наняли няню, приобрели дачу в подмосковном Томилино, переехали в семикомнатные апартаменты, помогали родственникам денежными переводами на Кавказ.

В это время началась тяжба Большого театра с Дамаевым, как-то по неопытности подписавшим неудачный контракт. Императорский театр навсегда потерял большого певца, а Зимин приобрел за счет Василия Петровича баснословные сборы.

Кстати, в это время певцу поступили лестные предложения от Синодального хора, приглашение на оперную стажировку в Италию. Но Дамаев остался верен сцене частной оперы Зимина. «Ни у кого не было такого скачка ввысь на вершину славы. Ни у Собинова, ни у Шаляпина».

В апреле 1909 года Зимин дал первый бенефис Дамаеву. «Вчера в театре Солодовникова справлял свои театральные именины модный в настоящее время тенор В.П. Дамаев... Артист имел большой обычный успех и получил много ценных и цветочных подношений» (Газета «Голос Москвы» 21.04.1909 г.).

Через месяц С. Дягилев пригласил Шаляпина и Дамаева принять участие в «Русской опере в Париже». Но без итальянской школы у певцов парижская публика русскую музыку и русское пение восприняла холодно.

Успешная карьера оперного певца, такого баловня судьбы, тем не менее сохраняла в Дамаеве простоту вкусов, умиление русскими обычаями и обрядами. Очень он любил Пасху (в эту ночь спектаклей не было). В «Великую ночь» он всегда восхищался московским колокольным звоном.

В 1910 году в Москву из Майкопа приехали родители – Пётр Герасимович и Пелагея Захаровна (летом Василий Петрович отдыхал у них со всей семьей. Интересно, но не известно, посещал ли он в это время родственников и семью Сапежко в Отрадной?).

Родителям было интересно, за что сыну платят большие деньги. Он их повел в

театр. Посадил в ложу в бель-этаже. Давали оперу «Борис Годунов». Триумф примирил их с «блудным сыном». Они стали смотреть новыми глазами на его призвание.

Прошло несколько лет, и станичный «Васька-соловей» легко вписался в светскую жизнь. Много позже дочь Александра задавала себе такие вопросы: «Откуда столько достоинства в фигуре? Будто всю жизнь он носил фраки, золотые часы, котелок, перчатки? как умело он целовал ручки дам. Откуда чувство меры? По-видимому, это тоже талант? Да, это человеческий талант без чванства и замашек «высочки», которого так не хватает современным нуворишам.

Как-то проездом в дом Дамаевых пришёл дядя Юлии Евдокимовны из г. Коврова Моисей (косвенное подтверждение крестьянского, не казачьего, происхождения супруги Василия Петровича). Зашел случайно «к богачам в хоромы». Заикаясь, заговорил о своих нуждах: пала коровёнка, сына женить надо и т.д. Дамаев спрашивает о необходимой сумме. «Да пожалуй, трешкой не обойдешься». Василий Петрович вручил дяде сотенную банкноту. Ему было приятно доставить радость бедному родственнику.

Читая отзывы в московской прессе столетней давности об успехах и неудачах Дамаева в различных сценических партиях, удивляет тонкость ценителей специфического искусства – оперы. Чувствуется высокая общая подготовка публики, способной разобраться в мелодических выражениях форм и содержания того или иного певца, оркестра и т.п. А ведь пели Шаляпин, Дамаев, дирижировали Рахманинов, Купер, Плотников, режиссировали Пазовский, Оленин. Современному массовому зрителю до этого ох как далеко!

После сезона 1911 года наступила пора гастрольных выездов в Ростов, Курск, Харьков, Одессу, Кисловодск.

Граммофонное общество провело первые записи В.П. Дамаева на пластинки.

Репертуар Василия Петровича непрерывно расширялся: русские, итальянские, немецкие оперы.

Десятые годы прошлого века оперной Москвы – это Дамаев. Воспоминания сына Дмитрия: «После оперы «Садко» публика на улице бросала живые цветы под ноги. Хотели мы сесть на извозчика, но студенты, молодежь, подхватили отца и не давали

долго пройти». И далее: «Шаляпин любил отца, как человека и как певца, и ставил условия Зимину – обязательно чтобы пел Дамаев с ним».

По записям Василия Петровича, за сезон 1912–1913 гг. спето: 20 спектаклей «Садко», 7 – «Паяцев», 9 – «Пиковой дамы», 4 – «Майской ночи», 16 – «Тоски», 3 – «В долине», 3 – «Мазепы», 4 – «Опричника», 3 – «Аиды»; всего – 69 спектаклей.

В конце апреля 1913 года Дамаев пел в Екатеринодаре в опере «Паяцы» (интересно было бы найти отзывы).

При подготовке к очередному бенефису слуга(!) татарин Андрей не впустил в дом Дамаева какого-то военного. Прочитав после визитку, Василий Петрович узнал, что гостем был генерал Брусилов, которому тотчас были посланы два билета на бенефис, чтобы генерал не думал о недоступности, чванстве и зазнайстве. А ведь сколько было психопатов, просителей, не дававших покоя певцу.

На бенефисе 1914 года Дамаев получил (по его словам) самый ценный подарок: фотографическую карточку от Ермоловой с надписью: «Родному таланту от Ермоловой». У него был абонемент в Малый театр, где он просмотрел все пьесы с её участием.

Революция нанесла непоправимый удар по психике и творческой деятельности Василия Петровича.

Театр Зимина продолжал существовать и после переворота. Он стал называться «Театром Московского совета рабочих депутатов». Дамаев пел в лазаретах, на заводах, воинских частях. Выезжал в Серпухов, Подольск, Нижний Новгород. Пел за пайки, привозил муку, крупу, сахар. Соседи это видели. Пошли слухи о запасах, о спрятанном золоте и т.п. Дамаева арестовала ЧК, провели экспроприацию драгоценностей. Только высокое вмешательство Ленина и Дзержинского позволяет ему выйти на свободу.

После Дамаев пел в Кремле народные песни. Ленину понравилось его исполнение.

По-видимому, революцию в таком виде крестьянский мужик (ему только сорок лет), вкусивший богемной жизни, так и не принял.

Да, он отказывался уехать за границу, Да, он судорожно «мотался» с выездными спектаклями по стране, где чаще бывала сборная «солянка» с агитками куплетистов, которым больше рукоплескали и которым давали большие пайки. Да, он еще служил в

каких-то театрах – «Аквариум» и областной передвижной оперы Мосообрабиса (Московского областного профсоюза работников искусств), но... новому государству было не до искусства. А тут ещё болезнь, операция... И, как пишет дочь Александра: «Резкий контраст между вершиной небывалой славы и упадком в 1920–23 гг. вызвал жажду забыться, поэтому к последним годам он позволял себе рискнуть лишней дозой, но нельзя не простить ему этого. Велик был его талант, а возможности всё суживались».

Поистине символической «лебединой» песней стало его последнее выступление в церкви Петра и Павла, где с органом, хором и другими артистами он пел «Реквием» Моцарта. С духовного песнопения в Отрадной он начал свой творческий путь, и им же закончил в Москве.

Умер Василий Петрович 54 лет от роду в должности скромного служащего театрального музея имени Бахрушина в 1932 году. Тело знаменитого отраденца упокоилось на Преображенском кладбище.

Земляки не предали забвению имя выдающегося певца России Дамаева Василия Петровича. С момента открытия в 1957 году станичного краеведческого музея начали сбор материалов о жизни и творчестве певца. Биографические заметки и небольшие краеведческие разыскания в районной газете «Советское казачество» печатал учитель-краевед Пётр Митрофанович Галушко, которого пению в начальной школе обучал до революции тогда ещё никому не известный Дамаев... Поездка в Москву Галигорова Николая Николаевича, одного из организаторов музея, позволила приобрести некоторые вещи, на основе которых в Отраденском музее был открыт небольшой зал, посвященный только В.П. Дамаеву. Здесь посетители могут увидеть предметы Василия Петровича: серебряный ларец – подарок-преподношение на одном из бенефисов; ученическую тетрадку со словами и выражениями из арий, записанных по-итальянски; два столовых прибора, заказанных у Фаберже (ложечка и ножичек); коробочка для грима; бутафорская сабля и царское оплечье – реквизиты к роли Самозванца в опере М. Мусоргского «Борис Годунов», грампластинки с записью арий и т.д.

Детская музыкальная школа в ст. Отрадной носит имя знаменитого земляка.

Отраденский краевед Ложкин Михаил Николаевич встречался с его сыном Дмитрием Васильевичем.

А в честь 135-летия со дня рождения В.П. Дамаева на стене Рождество-Богородицкой церкви (ныне занятой кинотеатром), где его крестили и нарекли Василием и где он позже пел в церковном хоре, ему открыли мемориальную доску от благодарных земляков.

И.Д. Вотченко

**Документы по личному составу –
составная часть
Архивного фонда России
(К 100-летию государственной
архивной службы)**

Вопросы обеспечения сохранности документов по личному составу, принципы их экспертизы и отбора на хранение в архивные учреждения неоднократно рассматривались уполномоченным органом исполнительной власти в области архивного дела в различные периоды его деятельности. Однако долговременный срок хранения основных видов документов данной категории в ведомственных архивах на фоне стабильности существования организаций и предприятий не требовал принятия решений, существенно менявших подходы к организации работы с документами по личному составу. Кардинальные социально-экономические перемены в развитии государства в 1990-е годы значительно повлияли на общие тенденции организации архивного дела и, естественным образом, на роль документированной информации в жизни общества. В частности, существенно изменилась и выросла роль документов по личному составу.

Документы по личному составу отражают взаимоотношения работника и работодателя [1]. Достаточно краткое определение документов по личному составу включает в себя значительный комплекс определенных видов и разновидностей документов, фиксирующих в том числе и отношения, выходящие за рамки понятия трудовых. Термин «документы по личному составу» является весьма обобщенным названием обширного массива документов, которые образуются в процессе документиро-

вания взаимоотношений государства и отдельных граждан.

Информационные потребности настоящего времени отводят документам по личному составу роль исторического источника, являющегося носителем сведений генеалогического, историко-биографического, социально-демографического характера. Однако основное значение данной группы документов в течение установленного долговременного срока их хранения заключается в обеспечении социальных прав граждан. Вместе с тем, в настоящее время существует проблема сохранности документов по личному составу, связанная с изменением форм собственности организаций, предприятий, а также с их массовой ликвидацией.

В этой ситуации возникает необходимость повышенного внимания архивистов к организации обеспечения сохранности документов по личному составу в ведомственных архивах. Главным же образом, учитывая социальное, а также историко-биографическое значение документов, необходимо направить свое внимание на расширение видового состава описей документов по личному составу. Такой подход существенно повысит их социальную функцию и одновременно отразит тенденцию времени, связанную с возросшим интересом пользователя к документам по личному составу.

Документы по личному составу являются наиболее важными документами и требуют особой тщательности и аккуратности при оформлении и обеспечении сохранности на протяжении длительного срока. При работе с документами по личному составу следует учитывать, что персональные данные (сведения о фактах, событиях и обстоятельствах трудовой деятельности и личной жизни) по закону отнесены к категории конфиденциальной информации.

В связи с экономическими реформами, изменением форм собственности большинства предприятий, в результате многочисленных приватизаций большинство документов по личному составу оказалось без правопреемника. Трудно представить себе, чем подобные явления могли обернуться с точки зрения сохранности документов, отражающих трудовую деятельность наших горожан, для людей, причем в основном преклонного возраста. Тем не менее архивистам удалось собрать и сохранить большую часть

документов по личному составу. И сегодня, в связи с перерасчетом пенсий, когда в архивные учреждения хлынул поток запросов социально-правового характера о подтверждении трудового стажа и размеров заработной платы, мы видим, насколько своевременной и необходимой оказалась проведенная в этом направлении работа.

В архивном отделе администрации муниципального образования город Армавир документы по личному составу ликвидированных предприятий занимают особое место. Распоряжением главы администрации Краснодарского края от 20 мая 1992 года № 476-р главам администраций городов и районов было рекомендовано создать архивы для хранения и использования документов по личному составу и выделение в этих целях соответствующих помещений штатной численности и фонда оплаты труда работников [2].

В городе Армавире к 1992 году было ликвидировано значительное количество предприятий розничной торговли, общественного питания, по ремонту одежды и обуви, бытовых услуг и бытовых приборов. По подсчетам директора государственного архива, в ликвидированных организациях на хранении числилось 80 тысяч дел по личному составу [3].

В сентябре месяце 1992 года в городе Армавире был организован объединенный междуведомственный городской архив документов по личному составу. Директором архива была назначена Л.А. Маймулова [4]. Штатная численность архива состояла из 3-х человек. Заработная плата архивистов была невысокой: директор архива – 8700 рублей в месяц, сотрудники – 8000 рублей [5].

На первоначальном этапе создания городского архива по личному составу архив испытывал значительные трудности с необходимым оборудованием: металлическими стеллажами, архивными коробами, пишущими машинками, множительной техникой и др. В достаточном количестве отсутствовала элементарная мебель: столы, стулья, шкафы. Тем не менее самое главное – был решен вопрос о выделении помещения на первом этаже пятиэтажного жилого дома. Все это позволило сохранить основную часть документов по личному составу ликвидированных учреждений, предприятий и организаций, большой массив документов ликвидированных и реорганизован-

ных учреждений, организаций и предприятий города.

В 1993 году площадь помещений, занимаемых объединенным междуведомственным городским архивом документов по личному составу, составляла 128 кв. м, хранилище было оборудовано стеллажами, на окнах были установлены металлические решетки [6]. За 1993 год на хранение в архив поступили документы по личному составу от 9 организаций в количестве 3147 единиц хранения. Архив успешно работал в области использования документов. Так, за вышеуказанный период сотрудниками архива был исполнен 251 социально-правовой запрос, причем 160 из них – с положительным результатом [7].

В настоящее время в архивном отделе администрации муниципального образования город Армавир хранится свыше 52 тысяч дел по личному составу. Среди них – документы крупнейших предприятий города: Армавирского производственного мебельно-деревообрабатывающего объединения, Управления буровых работ, Армавирского завода испытательных машин, комбината искусственной подошвы, Армавирского приборостроительного завода, строительного-монтажного треста № 14 и других.

Специалисты архивного отдела ведут кропотливую работу по наведению архивных справок о стаже работы, заработной плате, льготном стаже и других. Если в начале своего существования городской архив документов по личному составу ежегодно выдавал около 200 справок, то в последние годы, в связи с реализацией Федерального Закона «О государственных пенсиях в РФ» от 21.07.97 г. № 113-ФЗ, предусматривающего ежеквартальный пересчет пенсий с учетом индивидуального коэффициента, значительно увеличилось с мая 2000 г. число обращений граждан за получением архивных справок о зарплате. В настоящее время архив выдает свыше 2000 справок в год, причем из общего количества поступивших запросов социально-правового характера более 90% занимают справки с положительным результатом.

В феврале 1998 года городской архив документов по личному составу был реорганизован и вошел в состав архивного отдела администрации города.

В связи с полной загруженностью архивохранилищ документов по личному

составу в марте этого года администрацией города было выделено дополнительное помещение под архивохранилище по улице Маркова, 343, в котором был проведен текущий ремонт.

Однако условия хранения в помещениях документов по личному составу нельзя было назвать удовлетворительными. Удаленность помещений друг от друга также препятствовало оперативному взаимодействию сотрудников.

В связи с вышеизложенным руководством города в 2009 году было принято решение о перемещении всего комплекса документов по личному составу в помещения Дома бытовых услуг. На условиях софинансирования из средств краевого и местного бюджетов был проведен капитальный ремонт помещений, выделенных под архивохранилище документов по личному составу. В 2010 году документы по личному составу, находившиеся в различных районах города (7-я школа, Черемушки), были перемещены в одно здание Дома бытовых услуг, где значительно улучшились не только условия хранения документов, но и условия труда сотрудников архива. Новое помещение было оборудовано всем необходимым: охранно-пожарной сигнализацией, металлическими стеллажами, архивными коробами, современной мебелью, компьютерной, множительной и другой необходимой техникой.

В настоящее время документы по личному составу являются неотъемлемой частью архивного фонда нашего города. Ежегодно в архив обращаются до 5 тысяч граждан по вопросам социально-правового характера по документам по личному составу. Среди них и значительное количество иностранных граждан. Архивный отдел администрации муниципального образования город Армавир тесно взаимодействует в этом вопросе с управлениями пенсионного фонда в различных регионах России, организациями, предприятиями различных форм собственности.

В заключение следует отметить, что в наши дни происходят качественные изменения в деятельности муниципальных архивов Краснодарского края вообще и города Армавира в частности.

Примечания:

1. Об архивном деле в Российской Федерации: Федеральный закон от 22.10.2004 г. С. 2.

2. Архивный отдел администрации муниципального образования город Армавир (АОАА). Ф. Р-1370. Оп. 4. Д. 3. Л. 3.

3. АОАА. Ф. Р-1370. Оп. 4. Д. 3. Л. 20.

4. АОАА. Ф. Р-1370. Оп. 4. Д. 3. Л. 31.

5. АОАА. Ф. Р-1370. Оп. 4. Д. 1. Л. 12.

6. АОАА. Ф. Р-1370. Оп. 4. Д. 11. Л. 1.

7. АОАА. Ф. Р-1370. Оп. 4. Д. 11. Л. 1.

Н.Н. Петрова-Хорина

Почерк добра и созидания (Слово об А.А. Хагурове)

Айтеч Любович Хагуров – член Союза журналистов (с 1996 г.), член Союза писателей России (с 2002 г.), доктор социологических наук (с 1991 г.), профессор. Лауреат литературной премии имени Епистинии Степановой. Руководитель сектора социологии села Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Института социологии РАН. Награжден Золотой медалью Российского общества социологов и высшей наградой Российской Академии наук за достижения в области социологии – медалью имени выдающегося российско-американского социолога XX века Питирима Сорокина.

А.А. Хагуров родился в 1936 году в Краснодаре в семье служащего и домохозяйки. В 1954 году поступил в Кубанский сельскохозяйственный институт на факультет механизации, а потом пять лет работал инженером-механиком и заочно учился в МГУ на философском факультете; с 1964 г. преподавал на кафедре философии Кубанского госуниверситета (КубГУ); с 1984 г. руководит Краснодарским отделом института социологии Российской академии наук (РАН). С 1991 г. он возглавил кафедру социологии Кубанского государственного аграрного университета (КГАУ). В кубанскую литературу вошел публикацией сборников «Жизнь коротка, как журавлиный крик», «Русский хутор». В краевых журналах были опубликованы рассказы «Опоздание к встрече», «Бабушка Абрека», «Танго забытого Крыма», «Уроки истории в Стамбуле», «Культурологические очерки» и др. В 2014 году вышла очередная его книга – сборник беллетризованных биографических рассказов «Переправа». В 2018-м статьи о литературе в изданной в Москве книге «Человек – это литература».

* * *

Такова примета времени: в литературу сегодня идут люди зрелого возраста – профессионалы в какой-либо области. И

пишут прекрасные вещи. Таков и Хагуров. До сих пор Кубань и Адыгея знала Айтеча Аюбовича как философа, социолога, политолога. Доктор социологических наук, действительный член Академии социальных и гуманитарных наук России, академик Международной адыгейской (черкесской) академии наук, заслуженный деятель Кубани, профессор КГАУ. И вот – писатель.

С 2000 года сначала в Краснодаре, а затем в Москве стали выходить его книги. И в многочисленных журналистских интервью с ним гвоздевым стал вопрос: «Как и почему Вы стали писателем?». А.А. Хагуров отвечает на него то пространно, то лаконично. Мне, например, импонирует ответ, который опубликовал Сергею Додух:

– Я прожил много лет и пережил все невзгоды, выпавшие на долю моего поколения: войну, послевоенную разруху и голод, сталинские времена, арест и осуждение отца на 25 лет, годы оттепели 60-х, застойные метания 70-х, надежды 80-х, шокотерапию 90-х годов. Все это отложилось в памяти и на сердце и просится на бумагу. Я благодарен судьбе, что мне встретился человек, меня в этом понявший и всемерно способствовавший появлению в печати моих рассказов, повестей и публицистики. Это Юрий Григорьевич Макаренко, эрудит, аналитик и мой друг. На жизненном пути встретилось и немало недругов, они причинили мне немало вреда, но не они определяли основную траекторию моей судьбы. Определяли ее хорошие, добрые, мудрые люди, которыми наша Россия до сих пор еще богата.

Да, сегодня наша тема – журналистика, публицистика, литература. Но Айтеча Аюбовича Хагуров – личность многомерная и разноплановая. Изначально он ученый: философ, социолог и педагог-практик, что, несомненно, послужило ему основой, платформой, фундаментом литературного осмысления Жизни.

Его талант преподавателя, идеи, взгляды, творчество оставили яркий след в судьбе и биографии многих его питомцев, которые сегодня сами доктора и кандидаты наук, философы, социологи. Они благодарны своему учителю, разглядевшему в них в свое время «искру божью». Е.И. Егорова (Полякова), советник управления департамента внутренней политики администрации края; социолог, доцент М. Гусарова; канди-

даты наук А. Лугинина и Т. Жукова преподают философские науки в КГАУ. И другие, и другие.

Анна Лугинина:

– Айтеча Аюбовича – учитель по своей природе. Он щедро делится опытом и искренне радуется победам своих учеников. Конечно, всегда хотелось соответствовать этой высокой планке, стыдно было подвести, не оправдать надежд. Когда иду на занятия к студентам, всегда помню его слова: «Вы должны читать лекции так, чтобы вас приходили слушать студенты и с других факультетов, просто потому, что это интересно». Главное: он научил любить своих питомцев и получать удовольствие от дела, которым мы занимаемся. Если мне приходится делиться опытом, то с гордостью говорю: «Этому меня научил Хагуров».

Марина Гусарова, социолог, доцент Российской академии госслужбы:

– Я училась в Кубанском госуниверситете на философском отделении. Помню тот день, когда к нам в аудиторию вошел высокий, элегантный мужчина и стал читать лекцию. Он не был похож на обычного преподавателя, утомленного однообразным учебным материалом и слишком активными студентами. В его глазах горел особый «исследовательский» огонь и любовь к жизни. Как лучшей студентке на 5 курсе Айтеча Аюбовича предложил мне работать преподавателем на кафедре социологии и культурологии в КГАУ. Особо подчеркну: очень сильное влияние на меня оказали литературные и научные работы, написанные моим Учителем, а «Технология исследовательской деятельности» до сих пор является моей настольной книгой с многочисленными пометками и закладками. Удивительно, как человек, в жизни которого было много трудных ситуаций и потерь, не разочаровался в людях – он активный, целеустремленный ученый и писатель.

Татьяна Жукова (Данилова):

– Общение с Айтечем Аюбовичем, чтение его литературных произведений оказало влияние и на мое становление как личности. Признаюсь: окончив философское отделение КубГУ, я собиралась возвращаться в родную станицу и работать в сельской школе. Каково было мое удивление, когда наш декан Борис Степанович Солодкий сообщил, что профессор Хагуров ждет меня работать у него на кафедре в сельхо-

зуниверситете. *Надо ли рассказывать, что я чувствовала? А вскоре слова «Хагуров», «аспирантка Хагурова» открыли передо мной двери научного сообщества Краснодар, Москвы-столицы, Философского конгресса (2005 г.)...*

Согласимся, достаточно и этих мнений, чтобы почувствовать человеческий и педагогический потенциал Хагурова-учителя, его талант распознать харизму своих питомцев, умение приложить усилия и заботу, направленную на «выращивание» кадровой смены в научной и образовательной сфере.

А.А. Хагуров и студенты

Представители средств массовой информации (СМИ) всегда задавали вопросы А. Хагурову, в первую очередь, как философу, как политологу, как социологу, типа: «А скажите, пожалуйста, какая сейчас в мире самая острая социологическая проблема?». Хагуров-социолог считает, что за ответом не надо входить в глубокие рассуждения, ответ дает статистика. Во многих источниках указывается факт: на Земле 1% населения владеет большим капиталом, чем все остальные 99%. Еще один справочник дает такую информацию: в России 500 человек владеет половиной капитала в стране. Это близко к истине. 500 человек – это не один процент населения России, а три тысячные доли процента. Так что в этом вопросе мы впереди планеты всей. Это обстоятельство и надо держать в уме, а потом уже говорить о противостоянии систем, блоков, о терроризме и т.д.

Часто звучат и такие вопросы: «Вы дважды ходили во власть: были советником у губернатора Кубани Николая Кондратенко и президента Адыгеи Хазрета Совмена. Какие впечатления, какой опыт приобрели? Что думаете о коррупции во власти?»

Айтеш Аюбович отвечает: *«Власть, бюрократия – это другой мир, другая культура. У нас, в России, вполне можно говорить о двух культурах. О культуре бюрократии и культуре интеллигенции. Меня «хождение во власть» очень обогатило знаниями конкретных социологических проблем. Одно дело теоретически все это объяснять, и совершенно другое – практика. Тут я и открыл для себя две культуры, кстати, сейчас как раз работаю над книгой, которая так и называется «Две культуры». Так вот во властной среде образ мышления, язык один, и совершенно другой язык, образ мышления в среде интеллигенции. Слова «он неуправляемый», сказанные в управленческой среде, означают смертный приговор твоей карьере, а в интеллигентной среде это означает, что ты свой парень, ты свободен в своих поступках. И таких примеров я могу привести много. Россия давно живет в этих двух культурах, и это очень интересное явление. Естественно, здесь возникает вопрос о диалоге этих культур: власть говорит на своем языке, интеллигенция – на своем. Это проблема. Ученому в этой сфере побывать полезно. Когда я работал в команде Н.И. Кондратенко, предложил Гулькевичскому району: давайте мы, коллектив ученых и команда власти, объединимся и выработаем единый путь к успеху. Ваше видение проблемы и наше видение проблемы приведем к общему знаменателю. К сожалению, эксперимент не получился. Никогда эти две культуры не будут мыслить одинаково. Это – разная система ценностей, разные языки! Но я абсолютно уверен, что власть и интеллигенция обязаны искать диалог и общий язык. Что касается коррупции, то тут все дело в личной культуре чиновника и в его чувстве ответственности. С 1990-х годов волна вынесла в чиновники поколение, лишенное чувства ответственности».*

Мне подумалось, что эта позиция Хагурова, политолога, социолога, философа и писателя, в его этногенетике. С молоком матери горцы впитывают нравственно-правовые навыки адыгского этикета, правила «Адыгэ-хабзэ» (неписанные законы поведения в обществе, в быту под контролем всего этнического сообщества). Порочить свой род недостойным поведением для адыга – позор. Преступившему нормы этикета публично объявляли, что он «не адыг».

и это было равносильно смертной казни. Социолог А.А. Хагуров назвал «остатками неистребимого горского менталитета» сквозные черты, присущие северо-кавказским этносам. В науке их именуют психологическими универсалиями:

традиционализм – строгое следование многовековым нормам этикета, традициям;

регламентированность отношений в соответствии с возрастом, статусом и принадлежностью к клану, роду, семейному дереву;

общинность, или подчиненность группе, т.е. высокая степень мобилизационной готовности к действиям, что делает горцев коллективистами в своей среде;

радикализм как склонность к силовым методам решения конфликтных ситуаций.

Кстати, эти же универсалии мы легко обнаруживаем в непревзойденном по своим художественно-публицистическим качествам историко-этнографическом очерке «Черноморские казаки в их гражданском и военном быту» (СПб., 1858 г.), автором которого был «певец золотого века казачества», генерал ЧКВ-ККВ Иван Диомидович Попко.

Свои же первые впечатления о Хагурове, публицисте и писателе, отношу к 2001 году, когда узнала о презентации его первой книги *«Жизнь коротка, как журавлиный крик»*. Тогда в один из февральских дней в Литературной гостиной Пушкинской библиотеки звучала музыка. Была развернута книжная выставка «Адыгея – Кубань: в новом веке вместе». Его книга собрала, казалось бы, разных людей, зал едва вмещал гостей, именитых и рядовых. В переполненном зале автора удостоили своим присутствием посол Адыгеи И. Тугуз, министр культуры Карачаево-Черкесии С. Темыров, поэты и писатели Ю. Кохов, К. Обойщиков, В. Лихоносов, Н. Краснов, журналисты и редакторы СМИ Ю. Макаренко, П. Придиус, И. Ждан-Пушкин, доктора наук М. Аутлев, К. Сухомлин, В. Щетнев. Друзья, коллеги и студенты. Родственники и земляки. Как редактор газеты «Кубанский университет», я написала читателям КубГУ (№ 1-3, 2001), что все, кто брал слово, тепло и искренне отзывались о книге. Говорили: повесть, рассказы, написанные в жанре «беллетризованной биографии», и даже сказка, собранные в эту книгу, трогают струны души, наполняют добрыми чувствами. Не удержусь и процитирую кон-

цовку своей публикации под рубрикой *«Доброта спасет мир»*: «...Всеми была дана высокая оценка. Профессионалы от литературы и журналистики, просто читатели говорили, что книга написана с позиций двух культур: адыгейской и русской, и в этом подходе – исторические корни и историческая правда. Автор оказался смелым. Он не щадит ни себя, ни других, чтобы сказать все так, как было. И эта позиция Айтеча Аюбовича способствует сохранению исторической памяти и правды жизни. Через судьбы людей философу и социологу А. Хагурову удалось показать душу своего народа. В этом правдивом откровении – любовь к родной земле – Адыгее и Кубани. У него свой взгляд, свое видение, свой творческий почерк. Почерк неповторимости и неподражания. Почерк добра. Почерк созидания. А это и есть главное, что способствует сохранению нашего человеческого и гражданского достоинства».

О книге «Русский хутор»

Это поселение было основано не так уж и давно, в середине XIX века. Считают, что столетия назад через эти места проходил Великий шелковый путь. В зелени гор и ущелий Апшеронского района хутор процветал в условиях советского строя, а сегодня только сиротливо проглядывающие из зарослей бывших садов заброшенные хатки. На многих заборах объявления «продаю». Зимой, когда снег заметает хуторок, чудом уцелевшие люди по-соседски выручают друг друга в быту, по очереди ездят в станцию Темнолесскую за продуктами.

«Раковыми опухолями планеты» называют экологи современные мегаполисы. Может, поэтому много лет назад в этом хуторе А.А. Хагуров купил дом под летнюю дачу, которую превратил в социологическую лабораторию. Каждое лето он и дружная семья его сына Темыра живут здесь. К слову, сын тоже доктор социологических наук, читает лекции студентам КубГУ. Родившиеся в городе дети и внуки, как и сам Айтеш Аюбович, не мыслят свое лето без этого хутора в горах, что за 200 км от Краснодара. Свежий воздух заповедных мест, люди со своими необычными взглядами на жизнь стали поводом для пристального внимания ученого и писателя. Общение с коренными жителями и приезжим народом, наблюдения за бытом,

нравами, социальными проблемами стали поводом для серьезных умозаключений, которые он и изложил в своей книге «Русский хутор».

Герой «Русского хутора» В.И. Колужный, крепкий хозяин, содержал более 30 голов крупного рогатого скота, энтузиаст крестьянского дела. К сожалению, Владимир Иванович уже ушел из жизни.

Профильные специалисты (этнологи, социологи) называют книгу уникальным явлением, опытом этносоциологического исследования сельской глубинки в ходе наблюдений за процессами, которые происходят в этом замкнутом сообществе. Считают, что А.А. Хагуров проявил себя новатором в сельской социологии. Сочетая метод включенного наблюдения, он применил оригинальный метод культурологического анализа. Эмпирическую основу исследования составили разноплановые интервью с жителями Русского хутора, размышления над их биографиями. Все это позволило автору не только зафиксировать значимые события, но и быть активным участником изучаемой реальности.

Мы же, журналисты, жанр книги обозначили бы как физиологический (проблемный) очерк, история явления в его триедином начале, триединых пластах. *Социологическое* – исследовательское начало. *Публицистическое* начало – это стремление автора дать факты в их социальном заост-

рении, актуализировать и выразить свое отношение к ним. Налицо четкое авторское «я», т.е. точка зрения на происходящее, собственные оценки и выводы. *Художественный* пласт – создание автором художественных образов Времени и героев Эпохи. Прощание с деревней – излюбленная тема нашей прозы. Но Айтеш Хагуров убежден: если мы совсем с селом прощаемся, нам придется и с Россией простаться. Ведь он видит и рассматривает не только экономическую значимость сельского образа жизни, но и его способность физически и духовно оздоравливать людей.

А.А. Хагурова часто называют «красным профессором, а он гордится этим «титлом». Говорит, что его так называет бесцветная новоиспечённая профессура, наштампованная в 1990-х годах. Он считает их скороспелыми, бесцветными плодами, и эту бесцветность они компенсируют этакой прозападной позой, в которой декларируют гарвардские мантры о либерализме и рыночных отношениях и говорит: *«Лучше бы занялись актуальной для современности темой «Американский нео-тоталитаризм XXI века» или «Глобальная монополизация рынка». А в эпитете «красный профессор» есть одна истина: история социально-гуманитарной мысли не выстроена в одну шеренгу. Разные школы и их теории не отвергаются, продолжают жить. Мировые финансовые кризисы XXI века вновь актуализировали Маркса и его «Капитал», который стали издавать и в США, и в Европе».*

О книге «Переправа»

В этот сборник, посвященный 70-летию Победы над фашизмом, вошли три повести – «Бургомистр Абадзе», «Переправа», «Мое лето 1945 года», восемь рассказов и эссе «С чего начинается Родина». Повести объединены одной, но очень важной темой Великой Отечественной войны. Это отражено в посвящении, которое стоит целостным эпиграфом на внутреннем титуле: «Маме, брату Аслану, сестре Чупе, всем матерям и их детям, прошедшим суровые годы Великой и страшной войны 1941–1945 годов». На примере семьи повествуется, как матери с детьми, оставаясь в тылу, преодолевали многочисленные беды и невзгоды в трагические для страны и народа годы. Из аннотации к изданию: «События в рассказах происходят как в городе Краснодаре,

так и в адыгейских аулах, что придает повествованиям автора адыге-этнический колорит».

«Переправа» стала заметным явлением в культурной жизни края. Презентация книги состоялась в Литературном музее в 2014-м, а в 2015 году в родовом ауле Кунчуко-хабль состоялась филологическая конференция «*Война и мир в прозе А. Хагурова*». В доме культуры было многолюдно: местные жители, близкие друзья и гости, глава Теучежского района Азамат Хачмамук. Среди тех, кто хотел побывать на его малой родине, писатели и деятели культуры и образования М. Меджаш, А. Куёк, Ф. Хуако, Р. Напцок, Светлана Макарова, А. Ереджибок, Л. Берзегова, Б. Богус, М. Гадагаль, А. Паранук.

Айтёч Аюбович Хагуров и Валерий Петрович Опитц, заслуженный деятель культуры Кубани. Он многие годы преподает в Краснодарском колледже культуры. По рассказу А. Хагурова «Сестренка Чупа и ее судьба» он поставил маленький спектакль, который состоялся в библиотеке станции Северской.

Адыгейские доктора филологии Хуако Ф.Н. и Джамбекова Т.Б., рассматривая «некоторые стилевые и композиционные

особенности художественной прозы современного адыгского автора А.А. Хагурова», пишут о «философском подтексте прозы А.А. Хагурова». Ключевые слова их лингвистического трактата – адыгская литература, жизнь, достоверность, философия, малая проза, новелла, эссе, рассказ, стилевая специфика. *Почтительной благодарностью* называют тональность рассматриваемых произведений А. Хагурова «Судьбоносный Коган», «Моя русская мать Валентина Гавриловна Пестрецова», «Переправа», «Салех и Ганка», «Бабушка Абрека и научно-технический прогресс») и др. Чистые филологи обнаруживают в прозе А.А. Хагурова жанровое свойство новеллы - остроту, напряженность и драматичность сюжета. К примеру, в новелле «Последний танец» и других его произведениях авторская проза часто насыщена философской мыслью, «являющей собой по сути искрящийся философскими гранями самоцвет, искусно влитый в золотую огранку ожерелья отечественной современной адыгской прозы». И с этим утверждением нельзя не согласиться.

– Айтёч Аюбович, вопрос «на засыпку»: какая из муз Вами управляет (владеет) сегодня в большей степени – философия, социология, литература?

– *Сегодня, конечно, литература. Столько видано, слышано, пережито, оно захватывает, не дает покоя, требует выхода к Слову. Мне даже кажется, что литературный опыт влияет на мою социологию, на качественные методы исследования. В мае сего 2018 года в Москве вышла еще одна моя книга «Человек – это литература». В ней – статьи о литературе, объединенные общим мироощущением и восприятием литературы как пути познания и исправления общества и человека.*

V. КАЗАЧИЙ АРХИВ

В.П. Громов

Гражданская война на Кубани в 1918–1920 годах в воспоминаниях есаула Михаила Васильевича Губы

В моем семейном архиве вот уже несколько лет хранится рукопись воспоминаний кубанского казака ст. Черноерковской Михаила Васильевича Губы. Это брат моей бабушки по линии отца. Рукопись представляет собой четыре толстых тетради, исписанные мелким каллиграфическим почерком и озаглавленные: «Страницы из моей жизни. На память моим сыновьям и дочерям». Свои воспоминания М. В. Губа начал писать в 1924 году в эмиграции. Описание событий охватывает огромный период жизни казака. От службы в Первом Таманском полку в 1907–1910 гг., до участия в Первой Мировой войне 1914–1918 гг., а затем и в Гражданской войне. Завершаются воспоминания в 60-е годы прошлого столетия, когда М.В. Губа вместе с дочерьми побывал на Кубани в качестве туриста. Они посетили Краснодар и родную станицу Черноерковскую.

Знакомство с воспоминаниями позволяет окунуться в события столетней давности, лучше узнать и понять те далекие события через судьбу семьи казака М.В. Губы.

В 1991 году, находясь в США по приглашению атамана Кубанского казачьего войска А.М. Певнева, я познакомился с дочерьми М.В. Губы – Марией Михайловной и Ниной Михайловной. Они много рассказывали о своем отце, родных, свои переживания в эмиграции. В 2000 году Мария Васильевна Губа передала мне воспоминания своего отца. К этому времени там уже не осталось никого, кому были бы интересны эти воспоминания. Внуки не говорили по-русски и не интересовались прошлым своей семьи. Умер есаул М.В. Губа в 1974 году и похоронен на казачьем кладбище в штате Нью-Джерси.

Воспоминания есаула М.В. Губы поражают обилием событий, фактов, сражений и встреч, участником которых он был. Еще одна особенность – это достаточно простой стиль изложения событий. Многие события точно датированы, а иные требуют

уточнений. Воспоминания М.В. Губы в оригинальном варианте хранятся в моем личном фонде в Государственном архиве Краснодарского края. Фонд Р-1913.

Интересны воспоминания, относящиеся к периоду Гражданской войны на Кубани в 1918–1920 годах. Во время Первой мировой войны 1914–1918 годов М.В. Губа за неполных полгода участия в боях за отличие и мужество был награжден четырьмя Георгиевскими крестами и медалями и как отличившийся в боях и имевший награды был направлен в школу прапорщиков, которая находилась в Екатеринодаре. Жизнь шла своим чередом в столице Кубани.

В октябре 1916 года в Екатеринодар прибыл Наместник его Императорского Величества на Кавказе и Командующий Кавказской армией Великий князь Николай Николаевич Романов. Он принял парад Екатеринодарского гарнизона на площади у Войскового собора, осмотрел регалии, грамоты и другие награды Кубанского казачьего войска, осмотрел войска, проходившие мимо него церемониальным маршем. Во главе парада шла школа прапорщиков всех казачьих войск. До выпуска оставалось два месяца.

Известие об отречении Николая II от престола произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Общеизвестно, что казачество отнеслось к этому событию достаточно спокойно: не выступило в защиту царя, не делало никаких заявлений. Но все понимали, что грядут перемены, и прапорщики, да и казаки в отдельности были потрясены этим известием и, как отмечает М.В. Губа, подавлены случившимся. В Екатеринодаре рабочие и горожане выходили на митинги, шествия, принимались резолюции. Рабочие ликовали от случившегося в их понимании счастья, как будто были на десятом небе.

В противовес этому М. Губа считал, что именно в эту минуту, когда решается судьба государства, народ должен быть единым без различия классов, политических взглядов, вероисповеданий и сплотиться в единое целое вокруг государя. Надо было довести войну, во что бы то ни стало, до победного конца. А тогда за свои заслуги и труды могли просить или требовать от правительства всего, что было так необходимо – земли и свободы. В митингах,

кроме гражданских, участвовали и военные. На митингах бывал и М. Губа, прислушиваясь к произносимым речам.

Занятия в школе прапорщиков продолжались со всевозможными перерывами и как-то вяло. Среди прапорщиков высказывалось мнение о скорейшем производстве и выпуске. 27 марта 1917 г. состоялся выпуск обучавшихся. С производством поздравил исполняющий обязанности наказного атамана войсковой старшина Гаденко и комиссар Временного правительства К.Л. Бардиж. После производства в прапорщики выпускникам предоставили месячный отпуск.

После отпуска прапорщик М. Губа был направлен в Третий Таманский полк на турецкий фронт в составе командира, трех офицеров и 148 казаков из Таманского отдела. По дороге на фронт неизгладимое впечатление на путников оказало посещение древней столицы Грузии Мцхета. Там, в монастыре Святой Нины, игуменьей была 84 летняя княгиня Баратова, старшая сестра генерала Н.Н. Баратова. Она благословила казаков и вручила им крестики, сделанные из дерева, под которым Святая Нина молилась. Штаб Третьего Таманского полка находился в городе Сабасахар. Полком командовал полковник Е.Ф.Гончаров. М. Губа был назначен младшим офицером в полковую пулеметную команду. Поскольку ожидалось поступление на вооружение полка французских пулеметов “Шаша”, то его направили в г. Урмию для изучения этой системы оружия.

В комиссию для получения пулеметов помимо М.Губы вошел сотник Полтавского полка А. Ермоленко и капитан – француз Дюфуру. И вот здесь, возвращаясь в полк, М. Губа впервые столкнулся с первым проявлением начавшегося разложения в российской армии. Они возвратились поздно ночью на пристань, и негде было остановиться на ночлег. Автомобиль, высланный из полка за ними, захватил начальник Урмийской флотилии со своим штабом. В автомобиле осталось лишь одно свободное место и его предложили французскому офицеру. Но тот категорически отказался, сказав, что едет не один, а их три человека. Так они остались на пристани. Отправившись в поисках ночлега, М. Губа зашел к коменданту пристани. Тот отказал в ночлеге, хотя в его комнате можно было расположить еще несколько человек. М. Губа позвонил в штаб полка и просил

прислать за ними автомобиль, там отказали, сославшись на то, что шоферы не хотят ехать. И еще в двух местах, куда обращался он с просьбой о ночлеге, было отказано. Тогда М. Губа зашел к телеграфистам и попросил найти место для французского капитана, так как было неудобно офицеру союзной армии целую ночь быть на улице. Солдаты, не раздумывая, согласились и предложили ему место в комнате. Тот, поблагодарив за любезность, сказал: «Я от Вас от русских офицеров никуда не пойду. Нет места для них, значит, нет места и мне». Офицер, поблагодарив, добавил: «Я очень тронут Вашим великодушием, что вы – солдаты, дали мне место. Не более часа назад мне в этом отказали русские офицеры. Но я же не один, со мной два русских офицера. А потому я буду спать с ними на улице, так как им нет места». С этими словами он вышел на улицу. Солдаты были этому решению удивлены и вскоре вышли все трое на улицу, дав, нам троим, возможность переночевать. Они уступили нам свои койки, сказав: «Мы как-нибудь устроимся». Утром, поблагодарив солдат за ночлег, члены комиссии отправились в штаб. Этот случай удивил и потряс казачьего офицера М. Губу, и заставил задуматься, что происходит с армией, теперь уже при Временном правительстве.

В штабе Кубанского корпуса сказали, что ввиду того, что Третий Таманский полк через неделю отправится на Кубань, ему не будут выделяться пулеметы нового образца. И действительно, в середине ноября 1917 года полк отправился поездом в Кубанскую область. Теперь уже после Октябрьской революции наступил полный развал на железной дороге. Правительство отправляло казачьи полки с фронта, чтобы удержать ситуацию в казачьих областях, так как дезертирство и самовольное оставление фронта армейскими частями стало массовым явлением. Деморализованная и напичканная большевистскими идеями солдатская масса создавала напряженность по пути следования и переходила на сторону большевиков.

По дороге чуть ли не на каждой станции останавливали эшелон и наводили справки, откуда и куда едут казаки. Были даже случаи, когда командование полка получало телеграммы от какого-то командира выгрузиться из вагонов или даже вернуться обратно. Наступал полный хаос.

Вдоль дороги появились отряды чеченских и ингушских грабителей, которые останавливали поезда и грабили пассажиров. Поэтому казакам надо было быть готовыми дать отпор грабителям. В начале декабря 1917 года Третий Таманский полк наконец-то прибыл в ст. Крымскую, где находился штаб полка. Через два дня нашего полка нельзя было узнать. Он поддавался влиянию большевистских агитаторов. Казаки требовали немедленно распустить полк с лошадьми по домам. Постоянные митинги, в которых участвовали казаки, привели к тому, что полк не был распущен, а казаки разъехались сами по домам. В полку в каждой сотне осталось по 10-15 человек самого молодого пополнения. Числа 20 декабря в Крымскую прибыл из Финляндии Первый Таманский полк. В нем уже все было перестроено на новый лад, все офицеры и казаки были без погон, они возмущались, увидев, что у нас все офицеры и казаки ходили при погонах, и разбежались по домам. В полку остались лишь одни члены казачьего комитета, которые постоянно участвовали в митингах большевиков.

В начале января 1918 года М. Губа также отправился в недельный отпуск, в станицу Черноерковскую. И, как он отмечает, не узнал своей станицы. Постоянно звонили колокола, призывая народ на митинги. Обсуждался вопрос о том, что надо создавать отряд и идти на Екатеринодар уничтожить «Офицерское Кубанское Войсковое правительство и установить советскую власть». И это говорили люди, не имевшие никакого понятия о большевиках. Толпы собравшихся – неистовствовали. В станице начались обыски у сотника М. Борисенко и священника. Искали оружие там, где его не могло быть.

Не дожидаясь окончания отпуска, М. Губа отправился в штаб полка. В ст. Славянской встретил толпу казаков, идущих из Темрюка на Екатеринодар, чтобы разгромить Кубанское правительство, окруженное со всех сторон красногвардейскими отрядами. Особенно отличались полчища разнузданной и дезорганизованной Кавказской армии, которая шла с Кавказского фронта и части которой высадились в Новороссийске. В штабе Таманского полка оставалось несколько офицеров. Остальные тоже разъехались по домам, опасаясь за свою жизнь. Они нигде не появлялись и не знали, что

делать. Теперь митинговала вся станица. В станицах Петровской и Черноерковской та же картина. В начале марта М. Губа, как честный офицер, вновь приехал в полк. К этому времени командир полка находился под арестом. Стало ясно, что служба в полку уже закончилась, и можно было с часу на час ожидать ареста. Было видно, что от полка останутся лишь одни воспоминания. Покидая полк, М. Губа забрал свой послужной список. В это время в полку казаков уже не было ни одного. Полковое знамя Таманского полка было поставлено в церковь ст. Крымской. М. Губа с огорчением отмечает: «Так плачевно завершил свое существование наш славный Третий Таманский полк. Хозяйство полка, казенных лошадей, двуколки, фураж и все запасы казаки забрали с собой по домам».

В станицах установилась советская власть. Друзья сообщали ему, что в станичном совете каждый день вспоминали его. Наконец, 26 марта 1918 года ему вручили повестку сейчас же явиться в совет. Теряясь в догадках, М. Губа пошел туда. Комиссар станицы Черноерковской Л. Грудза сообщил, что накануне совет принял решение пригласить его на службу в совет: «И теперь вы, Михаил Васильевич – член нашего станичного совета. Сейчас будет заседание совета». Так, в силу сложившихся обстоятельств, он стал членом стансовета. Отказываться было опасно, так как сразу же можно было попасть в контрреволюционеры. М. Губа согласился и стал председателем станичного совета. Позже он сам удивлялся превратностям судьбы, еще месяц назад он был офицером, а теперь стал членом большевистского совета. И не просто членом, а его председателем. Хотя в душе оставался беспартийным человеком и ярким противником Советов и большевиков. Но время и обстановка требовали своего и надо было это делать.

Заседания Совета проходили почти каждый день. И он скоро вошел в курс дел, вершимых большевиками. Население станицы Черноерковской было в восторге от позиции большевиков. Но М. Губа не упускал случая показать обратную сторону райских идей. В частности, в том, что нужно взять на учет всех жителей станицы, а затем поровну между всеми имущими и не имущими разделить землю. Тогда казаки кричали: «Та ни! такого нам нэ трэба».

Комиссар станицы Л. Грудза был человеком малограмотным и плохо разбирался в требуемых нововведениях. Он просил назначить ему заместителя. В апреле 1918 года общее собрание станицы намерено было избрать комиссара. М. Губа, узнав об этом, накануне подговорил своих друзей, чтобы не поддержали его кандидатуру. Комиссаром избрали пластуна М.Борисенко. М. Губа остался председателем Совета. Кроме того, он возглавлял земельную комиссию и комиссию народного образования. Председателем финансовой комиссии избрали хорунжего Коваленко, бывшего учителя. Так в совете ст. Черноерковской состояло четыре бывших офицера, которые были противниками Советской власти. Все это свидетельствует о том, что первоначально органы Советской власти формировались из числа авторитетных и уважаемых в станице людей. С грамотными кадрами и тогда была напряженка. Члены Совета, выполняя свои служебные обязанности, не позволяли себе открыто критиковать власть, но защищали интересы населения станицы.

Так, в мае 1918 года из Таманского отдельского комиссариата было получено распоряжение мобилизовать из казаков 20–24 лет отряд, и направить его в ст. Славянскую для формирования красноармейских частей. Вопрос был достаточно сложный. Война всем надоела. А самое главное – куда их потом пошлют? Стояла задача, как выйти из этого положения и не послать в Славянскую мобилизованных.

Члены совета, собравшись на совещание у комиссара для обсуждения этого вопроса, решили: ввиду того, что в Крыму немцы и для охраны побережья Азовского моря нужна военная сила, просить отдельский комиссариат, чтобы им разрешили созданную роту оставить для охраны границы. Общее собрание станицы поддержало предложение Совета. Это был единственный выход удержать людей дома. В Отдельский совет была направлена делегация для решения этого вопроса, в состав которой вошел и председатель Совета. Но там их убеждали: «Если нужно, мы пришлем вам сами роту, а вы своих людей высылайте в Славянскую». И тем не менее рота была сформирована и выставлена на берегу Азовского моря.

Казачество Кубани хотя и не поддержало войскового атамана и правительство,

но внимательно следило за разворачивающимися в области событиями. В том числе знало о «Ледяном походе» генерала Л. Корнилова и его гибели под Екатеринодаром. В начавшейся в стране Гражданской войне события развивались стремительно. Позиции кубанских казаков, ощутивших на себе политику реквизиций и откровенного произвола и репрессий, так же изменялись.

Поэтому, когда в июле 1918 года Добровольческая армия генерала А.И. Деникина начала наступление на Кубань, население области, озлобленное Советской властью, помогало добровольцам. Станицы занимались одна за другой. Добровольческая армия росла за счет восставших и присоединившихся казаков. Добровольческая армия приближалась и 8 августа Черноерковская была занята Белой армией. Еще накануне Отдельский комиссариат прислал предписание немедленно прислать роту красногвардейцев в Славянскую. За невыполнение грозил расстрел комиссара и председателя Совета. Но спустя два дня станица была занята отрядом В.Л. Покровского.

Как отмечает М.Губа: «О нашем настроении и «преданности» большевикам все знали, поэтому никаких арестов не было. Скорее была радостная встреча. Была объявлена мобилизация. Бывший комиссар М. Борисенко, взяв с собой роту, а М. Губа 48 казаков своего призыва с лошадьми, влились в отряд В. Покровского и выступили на ст. Славянскую.

С этого времени М. Губа постоянно участвовал в военных действиях Белой армии. Его отряд 12 августа нашел под ст. Курчанской Второй Запорожский полк, в этом полку была сотня казаков из ст. Петровской. Полк быстро пополнялся казаками. М. Губа был назначен младшим офицером 6 сотни. Полк развивал наступление на ст. Варениковскую, Новороссийск и Анапу.

На первом этапе Гражданской войны на Кубани военные действия велись на различных участках. Белая армия стремилась разгромить разрозненные части Красной армии. Поэтому полк, в котором воевал М. Губа, перебрасывался с одного района на другой. 18 сентября Запорожский полк был поездом переброшен в Усть-Лабинскую. Здесь смотр войск провел атаман Кубанского казачьего войска А. Филимонов. И полк пошел в наступление на Белореченскую и Майкоп. Следует отметить, что при проведении

мобилизации белыми на Кубани сохранился прежний полковой принцип, как это было до революции. Это было продумано, и облегчало работу, обеспечивая формирование полков из тех же станиц, что и прежде. В полку воевали земляки, сослуживцы, однополчане по прежним годам службы, Запорожский полк входил в состав дивизии, которой командовал В.Л. Покровский. Кандидатура В.Л. Покровского рассматривалась на должность командующего Кубанской армией. Этот вопрос должен был обсуждаться на заседании Законодательной Рады Кубанского края.

Для участия в заседании Рады от дивизии было командировано десять офицеров и десять казаков. Причем, в случае избрания В. Покровского командующим Кубанской армией им обещали чины, ордена и тыловую службу. Как отмечает М. Губа, задача была самая неприятная. Все посланные офицеры и казаки были кубанцами, а В. Покровский всего лишь год как приписанный в казаки, не знающий уклада жизни казаков, молодой карьерист, никому на Кубани не известный. Вероятно, эти мотивы были использованы атаманом А. Филимоновым. Прибывшим в Екатеринодар представителям войск объявили, что заседание Рады переносится на неопределенное время.

По возвращении в часть М. Губа был назначен командиром 6-й сотни Запорожского полка и участвовал в упорных боях под Невинномысской в октябре 1918 года, а затем под Ставрополем. Наряду с дивизией Покровского в боях под Ставрополем участвовали части А.Г. Шкуро, в которые входили казаки Баталпашинского отдела и Волгского полка Терского войска. Окруженные в Ставрополе войска отчаянно оборонялись. А затем, прорвав окружение, отступали на Святой Крест. Белые преследовали отступавших. В январе 1919 года белые захватили Святой Крест и в нем более 10 тысяч пленных. Отступающая Таманская армия красных таяла на глазах. К постоянным сражениям добавилась эпидемия тифа. Люди умирали массово.

Лишь изредка сотнику М. Губе удавалось бывать дома. В начале февраля 1919 года, побывав в отпуске, он сформировал отряд казаков-добровольцев в количестве 28 человек и отправился на фронт. Второй Запорожский полк в это время находился в ст. Червленной Терского казачьего войска. И

вновь он возглавил свою сотню. Полностью разгромив Таманскую армию, полк был переброшен в Донскую область. Эпидемия тифа не миновала и сотника М. Губу. После выздоровления он вновь прибыл в свой полк и участвовал в боях под Царицыным, 6 июня 1919 года в районе ст. Котлубань произошел бой между двумя полками кубанских казаков и конной дивизией красного кавалериста Б.М. Думенко. Этот бой запомнился М. Губе своей ожесточенностью. В дивизии Б.М. Думенко кроме кавалерии было 20 пулеметных тачанок. Второй Запорожский полк оказался на грани разгрома, и лишь появление отряда генерала И. Павличенко спасло полк. Здесь, в донских степях под Царицыным, Михаил был ранен в ногу. Медицинская комиссия признала его негодным к строевой службе.

Положение на фронте осложнилось тем, что генерал А.И. Деникин обвинил Законодательную Раду в сепаратизме. Семнадцать депутатов были арестованы генералом В. Покровским. Священника Калабухова повесили на Крепостной площади в форме кубанского казака с дощечкой: «За измену казачеству». Остальные депутаты были высланы за границу. Этот бессмысленный поступок и расправа над избранниками народа возмутила население Кубани. М. Губа справедливо отмечает, что так много Кубань помогала белому движению, и материально и людьми. Ни одна область или губерния не давала такого большого количества казаков на фронт, как Кубанский край. Действия Деникина вызвали возмущение среди казаков на фронте. «Мы воюем, а в тылу разгоняют Раду. Довольно воевать. Идем домой». Кубанцы покидали массово фронт. И фронт катился назад на 100 верст в сутки. И только донские казаки сдерживали на некоторое время красные войска.

В лесах появились бело-зеленые. Это казаки, покинувшие армию Деникина. В некоторых станицах проявлялось враждебное отношение к белым. Положение на фронте все более и более приобретало катастрофический характер. Добровольческая армия отступала. Несмотря на ранение, М. Губа оставался в строю. Так, в декабре 1919 года он был назначен адъютантом коменданта г. Анапы по хозяйственной части. Огромный жизненный опыт помог ему навести порядок в городском хозяйстве. Но уже в январе 1920 года М. Губа был назначен

атаманом своей станицы Черноерковской. Добровольческая армия отступала к Новороссийску, а Кубанская армия отходила к границам Грузии по черноморскому побережью. Это было вынужденное отступление кубанцев. В это сложное и трагическое время, когда фронт трещал по швам. Происходившие события приводили к растерянности и подавленности населения. Каждый задавал вопрос «Что делать? Как дальше поступать?» Паника царила и усугублялась различного рода слухами и домыслами. Под их влияние попал и М. Губа. Так, он верил, что отступление Кубанской армии в Грузию был продуманным, а не вынужденным шагом.

В конце февраля 1920 года армия генерала А.И. Деникина начала эвакуацию в Крым. А М. Губа все еще находился в Анапе. В это время активизировались бело-зеленые. Их было так много, что они захватили город и комендантское правление. Комендант с сотней казаков забаррикадировались в городской гостинице и держали оборону целые сутки. Затем бело-зеленые выдвинули ультиматум, чтобы гарнизон оставил город, и дали гарантию свободного прохода до ст. Тоннельной. Силами гарнизона, осажденного в гостинице, невозможно было удержать город, и они отступили к ст. Тоннельной. Через станцию на Новороссийск в начале марта шла лавина войск. М. Губа так описывает положение в Новороссийске. Транспортных средств для эвакуации войск не хватало. Кавалерия и артиллерия оставляли своих лошадей на произвол судьбы. На пароходы брали лишь людей. Лошади по городу ходили табунами. Белое командование, видя, что до прихода красных всех не удастся эвакуировать, направило некоторые части на Тамань, чтобы оттуда забрать их в Крым.

На Тамань было направлено два полка донских казаков под командованием генерала Гелина. По пути перед ними была поставлена задача освободить от бело-зеленых Анапу. 9 марта полки выступили по направлению к Анапе. Узнав о приближении войск, бело-зеленые оставили город и ушли в горы. Не успели городские власти расположиться по квартирам, как у ст. Анапской появилась красная кавалерия силой в два полка с артиллерией. Только наступившая ночь позволила отряду кавалерии и обозу во главе с комендантом Анапы

полковником Вольховским оторваться от преследования красных по направлению к хутору Джемете. Ночью отряд кавалерии ушел в обход станицы Анапской в сторону Новороссийска. На хуторе остались комендант, М. Губа и писарь Н. Сторчак, так как у них не было лошадей. Полковник Вольховский остался у знакомого доктора под видом брата. М. Губа вместе с писарем Н. Сторчаком за вознаграждение прятались на чердаке у одного из жителей хутора, наблюдая продвижение красных войск к хутору со стороны Витязево. Они искали конный отряд белых и, не обнаружив его на хуторе, пошли на Анапу. Ночью Губа и Сторчак отправились в сторону станицы Гостагаевской, и в поле набрали на скирду соломы, где прятались весь день. А затем, ночью же, двинулись дальше, и пришли к хутору казака ст. Гостагаевской Кацюбы. Узнав, что они казаки, тот пообещал спрятать их: «Я – казак, своих никогда не выдам». В разговоре выяснилось, что в ст. Гостагаевской его дядя Я.Ф. Остришко является комиссаром. Это оказался однополчанин М. Губы.

Комиссар оставил М. Губу у себя жить под видом двоюродного брата, а Н. Сторчак остался на положении работника. Через две недели Я. Остришко выдал им мандаты о том, что они командированы в ст. Петровскую за семенным картофелем. Так они добрались до Черноерковской. В станице большевиков не было. М. Губа устроился в станичную кооперацию заведовать лавкой. В то время многие из офицеров, атаманов находили возможность легализовать свое положение через кооперацию. Это позволяло ездить за товаром в Екатеринодар в областную кооперацию.

В одну из поездок он видел, как прогнали под конвоем массу казаков бывшей Кубанской армии, сдавшихся в плен под Адлером. Всех их разместили на окраине города на кирпичных заводах, а офицеров и членов Рады держали под арестом. С риском для жизни проходил каждый день. К этому времени у М. Губа было четверо детей, которых он из-за постоянных военных действий видел очень редко. Надо было выживать. Его снова избрали в станичный Совет на должность помощника комиссара и даже военным комиссаром. Но проработав недолго, он оставил эти должности и работал в кооперации. Но и здесь не задержался.

6 мая 1920 года М. Губа поехал в Екатеринодар за товаром в областной кооператив. Здесь он встретил одного из своих сослуживцев, у которого были друзья в областном политотделе, от него узнал, что час назад получена секретная телеграмма. Всех генералов, офицеров, чиновников и вольноопределяющихся, служивших в Белой армии, срочно выслать в Ростов в ВЧК. На вопрос, для какой надобности, сказал: «В лучшем случае направят служить в Красную армию, а в худшем на принудительные работы в шахты». Сослуживец предложил уходить к бело-зеленым в леса. М. Губа решил уйти в плавни, так как оттуда можно было в любой момент переправиться в Крым к генералу П. Врангелю.

Как отмечает М. Губа, офицеров в Екатеринодаре было много, а сочувствующих еще больше. И как бы это распоряжение не было секретным, к вечеру о нем знали все, кого оно касалось. Надо было скорее выехать из города. Тем более, что начались аресты офицеров. И их отправляли в Ростов под конвоем. Стало ясно, что спокойной жизни не будет. Рано или поздно арестуют, и неизвестно чем все это завершится.

В то время самым ходовым и востребованным товаром, которого катастрофически не хватало, были спички. В Екатеринодаре их не было. Надо было возвращаться домой. Но в тех условиях это было небезопасно. Поэтому вместе со своими попутчиками, ярыми большевиками, они на подводах выехали в Славянскую. Надо было до вечера добраться до моста через Протоку, так как на ночь могли его закрыть, и тогда пришлось бы ночевать у моста. А можно было попасть под арест.

План дальнейших действий созрел по дороге. В Славянской он объявил своим сослуживцам по кооперации, что встретил своего знакомого, который приехал из Новороссийска. И тот, якобы, рассказал, что в Новороссийске, в одном магазине много дешевых спичек. Хозяин торопится продать, так как боится реквизиции. Знакомый купил две тысячи коробок и дал адрес магазина в Новороссийске, поэтому нельзя упускать случая. Не оставлять же станицу без спичек. Распрощавшись со спутниками, М. Губа вместо Новороссийска отправился в Черноерковскую. Здесь уже трижды за ним приходили. Как и планировал, он ушел в плавни. С мая по август 1920 года он находился в плавнях,

скрываясь там от преследования. В приазовских плавнях было много бело-зеленых, в том числе и из ст. Черноерковской.

14 августа 1920 года в ст. Приморско-Ахтарской был высажен десант войск во главе в генералом С. Улагаем. Врангель рассчитывал, что кубанское казачество вновь поднимется на борьбу против Советской власти. Однако казаки уже не верили в освободительный поход, и пополнение десанта местными казаками было незначительно. Основная часть десанта развернула успешное наступление на Екатеринодар и достигла ст. Тимошевской и Брюховецкой, однако оставили Приморско-Ахтарскую без прикрытия, и база десанта была захвачена Красной армией. 14 августа 1920 года в ст. Черноерковскую пришли четыре сотни из состава десанта. Узнав об этом, М. Губа возвратился домой из плавней. 17 августа отряд получил приказ наступать на Петровскую и Славянскую и покинул станицу. Собранный станичный сбор избрал М. Губу атаманом. Пришлось принимать эту должность помимо своего желания. Сомнения в возможность освободительного похода на большевиков не давали покоя. Как горстка войск, засевших в Крыму, могла освободить всю Россию? А ведь не сделала этого Добровольческая армия, когда занимала половину Европейской части России и вся Сибирь была занята белыми войсками. Как отмечает М. Губа, из-за глупой политики белых генералов народ их не поддержал. Атаман М. Губа собрал однополчан и выставил на ночь сторожевое охранение. Ночью в Черноерковскую пришло известие, что Петровскую занял отряд красноармейцев и устранил охранение десанта. Стало ясно, что окончилось десантное освобождение, и ему необходимо уходить туда, откуда пришел.

М. Губа решает уходить в Крым вместе с десантом. Договорились, что вместе с ним уйдет и жена. Детей решили оставить у сестер. Ночью детей отнесли к сестрам. Старшая дочь Мария рассказывала мне во время встречи в США о том, как мама плакала, расставаясь, и все время повторяла: «Запомните дети, что вы казаки, запомните!» Рассчитывали, что, когда все успокоится, жена вернется из Крыма к детям, а глава семьи уедет за границу и вызовет туда семью. В станице оставался отец Василий Губа, сестры Вера и Саша, брат Алексей.

На берегу Азовского моря собралось более десятка лодок с семьями казаков. В море стояло 20 пароходов, на которые начал грузиться десант. М. Губа с женой и другие черноерковские казаки были приняты на крейсер «Буг». Эскадра направилась в Керчь. Уже в пути капитан корабля предложил М. Губе и другим казакам написать рапорты о зачислении в штат команды корабля, так как людей не хватало. Высадив десант и жену в Керчи, М. Губа нес службу на корабле, который выполнял задачи, поставленные генералом Врангелем.

Большевики разослали по кораблям радиogramму с призывом к морякам арестовать офицеров и идти к ним под красным флагом на соединение. За это обещали амнистию. Среди команды «Буга» были большевики. Получив радиogramму, они не сообщили об этом командиру корабля, а провели собрание и решили арестовать офицеров и идти к красным. Но этому воспротивились пополнившие команду моряки, которые сказали: «Посмотрим, кто кого выбросит в море». Видя такое настроение казаков, радист доложил о радиogramме капитану.

В ноябре 1920 года Красная армия прорвала оборону у Перекопа и устремилась в Крым. Началась эвакуация армии генерала Врангеля. Предвидя такие события, командование четко спланировало эвакуацию. Корабли должны были забрать войска в Евпатории, Севастополе, Феодосии и Керчи. А войска должны быть там сосредоточены. По уровню организации—эта эвакуация 150 тысячной армии не имела равных. Крейсер «Буг» должен был забрать часть войск в Евпатории. Однако, он наскочил на берег и его пришлось экипажу оставить. Экипаж перешел на баржу. Все корабли эскадры, а их было свыше ста, были перегружены людьми. Люди стояли, и лишь по очереди можно было присесть. Не хватало хлеба и воды. Перегруженные корабли, и особенно баржи, могли в любой момент пойти на дно. Вода в море была лишь на четверть ниже бортов. Но стояла спокойная и безветренная погода, и эскадра благополучно дошла до Константинополя. Здесь были тысячи беженцев на кораблях. Команду «Буга» перевезли на пароход «Добыча». На берег никого не пускали. И турки за деньги, золотые предметы, меняли продукты. М. Губа был уверен, что жена осталась в Крыму. Однако подошедший на катере

станичник И. Головкин сообщил ему, что его жена на пароходе «Самара». С большим трудом, уже на берегу в Константинополе, он нашел жену в лагере беженцев. Лагерь охраняли французские солдаты, и супруге удалось бежать.

Вскоре вышел приказ генерала Врангеля о том, что негодные к военной службе и имевшие об этом документы, увольняются из армии и могут сойти с кораблей на берег. Эскадра развезла Армию генерала Врангеля в Галлиполи, а затем на греческий остров Лемнос. С декабря 1920 года М. Губа со своей женой мыкались в Константинополе, зарабатывая средства на пропитание и жилье. Надо было уезжать из Турции. Чисто случайно из газеты М. Губа узнал, что «Союз морских офицеров» организует при поддержке Американского Красного Креста и Лиги нации переезд в США. Имея на руках документы о службе на корабле «Буг», семья М. Губы в январе 1923 года покинула Константинополь и переехала в США. Лишь только в 1929 году туда к родителям выехали, а вернее, были вывезены их дети. Так завершилась Гражданская война, в результате которой тысячи людей погибли, десятки тысяч покинули Родину.

П.Н. Стрелянов (Калабухов)

Троицкое восстание: переписка с Виталием Якубовым

Впервые мы встретились с Виталием в нулевые годы в Москве – он тогда служил и работал в Троице-Сергиевской Лавре. Каждый раз, как только выбирался в столицу, звонил – и мы вновь встречались и говорили. Виталик – коренной лабинец, больше спрашивал, я – лабинец по бабушке и прадедам, никогда в Лабинской не бывавший, рассказывал, что сохранила и передала память бабушки и альбомы семьи Абашкиных, что «нарыл» в архивах и фондах, дарил ему свои книги. Он был очень внимательным слушателем, воспитанным, глубоко верующим. Впитывал все, а когда рассказывал сам – поражался уже я.

Потом он уехал на Кубань, мы стали писать друг другу, звонить. К книгам, вышедшим к тому времени, как воспоминаниям кубанцев-эмигрантов Ф.И. Елисеева, В.Г. Науменко, М.А. Фостикова, А.П. Маслова,

Н.В. Галушкина, так и авторским – требовалось составление биографических справок на сотни офицеров. Биографиями огромного массива простых казаков, а также вышедших в офицеры из нижних чинов, прошедших две, а то и три войны XX века, их справками от рождения до гибели на уже советской родине или смерти в эмиграции – не занимался никто, ни по одному из 11-ти Казачьих Войск России. Первые записи у меня имелись с 90-х гг., теперь началась непрерывная десятилетняя работа, вылившаяся в двухтомник «Казачья Кубанская Войска в Великой, гражданской войнах и эмиграции» с 70 тыс. именами. Виталий, узнав о работе, предложил свою помощь – он тогда всерьез занялся Троицким восстанием. Ниже, из наших писем, можно понять, как шла эта работа. Виталия и меня, знавших настоящих казаков не понаслышке – никак не могло устраивать происходящее на Кубани. Об этом мы тоже писали.

Он совсем немного не дождал до публикации книги, в которой присутствует немалая часть и его труда. Вечная память талантливому исследователю и прекрасному человеку.

6 января 2012 г. Виталий – П.С./К/: ...Пока работаю методистом в отделе православной культуры. Работа очень скромно вознаграждаемая, но и не самая «пыльная». Зато есть возможность продолжать исследовательскую деятельность, пусть и в скромном формате, посещая наш районный архив и городской краеведческий музей. Не теряю бодрости духа и планирую с Вами связаться по телефону в скором времени... Хотелось бы поговорить «вживую», а не через почту, тем более, что необходимо будет направить Вам нашу книжку (170 лет Лабинску). Я лично ужасно недоволен тем, что получилось и даже стыдно перед приличными людьми. Планы были иные!

1 июня. Виталий – П.С./К/: ...У нас завтра очередная скорбная годовщина Троицкого восстания. И красные и белые – готовимся, каждый по-своему. У нас дожди последнюю неделю, в таких случаях говорят, что и природа печалится. В красном лагере суматоха большая, т.к. обещается быть Долуда. В связи с этим решили согнать ко «красному» Кресту до 5.000 душ народа. Все, конечно, обещает быть с элементами шоу. Какие-то там VIP-палатки,

вроде даже собирались делать и выступления народных коллективов (и это на поминках!!! – гениальная идея!) рубка лозы в исполнении молодых казаков, развёртывание куреней (как Вам, черноморские курени устраивают т.н. потомки линейцев? Это мы возрождаем традиции!). Единственное, чему можно порадоваться – освящению или знамени, или хоругви, на которой вышили имена лабинцев, Георгиевских кавалеров. Передать на хранение её планируют в строящуюся у нас в городе казачью (конечно, условно) церковь Александра Невского. Такие вести из одного лагеря.

Другой, малочисленный, планирует начать день Литургией в Покровской церкви Чамлыкской станицы. После, выдвинуться на старое, теперь совершенно заброшенное, бывшее общестаничное кладбище одноименной станицы. Там с 18-го года спят кости белых. На могилах служим заупокойную литию, а если не будет сильного дождя, то панихиду (она длиннее по времени). Возвращаемся в храм, служим днем, вместо вечера, всенощное бдение под праздник Троицы. После этого поминальный обед, чтобы спокойно посидеть до вечера, т.к. ожидают некоторые гости издалека. Все планируем сделать скромно, в приходском доме, благодаря сердечному гостеприимству тамошнего батюшки. Просят меня сказать краткое слово на кладбище. Посмотрю на свое душевное состояние завтра, речи страшно не люблю. Обещал быть и наш общий знакомый Немченко Сергей Гурьевич из Отрадной... Такие наши новости. Вам доброго здоровья, а казакам, о которых будем молиться завтра – ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ!

2 июня. П.С./К/ – Виталию: Книгу получил, все в порядке, спасибо... Про саму книгу говорить не буду, т.к. и предмета для разговора нет (кроме Вашей исторической части). Какая-то советская доска почета с ликами начальников и передовиков и соответствующим текстом...

Прочел описание подготовки к печальной Троицкой годовщине – грустно все это, весь этот «административный энтузиазм».

А в Донском монастыре в этот день будем помянуть жертв Лиенца. Вот как совпало, вечная память им всем.

25 ноября. Виталий – П.С./К/: Отправляю Вам обещанный список наших казаков... Казаки, что были убиты с 5-го по 10-е июня и погребенные в станице 14-го

июня на холерном кладбище. Там были еще списки казаков ст. Чамлыкской, что были похоронены в Лабинской, на том же кладбище. Я их не выписывал, а просто сделал себе пометку. Дорогой Павел Николаевич, *эти выписки только для Вас. Не хотел бы отдавать результаты своей работы посторонним людям. Надеюсь, Вы меня поймете.*

1. Казак Эмилиан Карпович Кательков – 31 год.
2. Жена сотника Антонина Павловна Пахомова – 47 лет.
3. Дочь сотника Ольга Матвеевна Пахомова – 21 год.
4. Приказный Стефан Иванович А (по-лабински – О) беремков – 44 года.
5. Урядник Николай Васильевич Грин(ь)кин – 49 лет.
6. Казак Федор Дмитриевич Жилин – 22 года.
7. Казачка Ефимия Игнatieвна Жилина – 50 лет.
8. Казак Игнат Сергеевич Винников – 44 года.
9. Казак Андрей Матвеевич Дубовиков – 48 лет.
10. Есаул Владимир Стефанович Пулин – 28 лет.
11. Войсковой старшина Петр Родионович Еглевский – 75 лет.
12. Казак Константин Семенович Фролов – 23 года.
13. Есаул Георгий Матвеевич Пахомов – 26 лет.
14. Урядник ст. Костромской Владимир Григорьевич Четверткин – 42 года.
15. Вахмистр Александр Стефанович Алименьев.
16. Прапорщик Дмитрий Ефремович Кононович – права образ. 2 р., н.с.р. Лабинской запасной конной сотни на янв. 1916, ШП (*здесь и далее вписывались известные на то время сведения из моей базы данных для ответа Виталию. – П.С./К/*).
17. Прапорщик Дмитрий Саввич Ефремов – он еще Савельевич, р. 1880, ст. урядник 1-го Лабинского полка, подхорунжий Черкесского конного полка, Георгиевский крест 1 ст. № 2912, 2 ст., 3 ст. и 4 ст., Екатеринодарская ШП 1916, прапорщик того же полка.
18. Урядник Федор Никифорович Якубов (по-лабински – Якуба).
19. Казак Василий Спиридонович

Стрельников – скорее всего, он был ст. урядником 6-го (12-го) Кубанского пластунского батальона, ранен в 1915.

20. Урядник Иван Феодорович Кобцев.
21. Казак Леонтий Феодорович Кобцев.
22. Казак Владимир Никифорович Пашков.
23. Казак Федор Никифорович Винников.
24. Казак Павел Васильевич Салов.
25. Казак Иван Андреевич Спесивцев.
26. Казак Тимофей Андреевич Хрипушин.

...Вот только небольшой список фамилий и имен, но погребали много неизвестных. Например, писали так: 1 человек хорунжий, 1 человек прапорщик или 1 казак в бою (от лихорадки, малярии, от ран, от воспаления легких и т. п.)

26 ноября. П.С./К/ – Виталию: Благодарю Вас за выписки. Казаки из первого списка – убитые в восстании в Лабинском отделе, практически все у меня есть. Очень хорошо, что у половины из них известен возраст.

...Ваши условия мне понятны и нигде, кроме работы, которой сейчас занимаюсь, эти сведения использованы не будут. Непременно поблагодарю Вас в будущей книге.

Прикрепляю дополнения к некоторым казакам из Вашего списка.

26 ноября. Виталий – П.С./К/: Спасибо за ответ, рад послужить доброму делу. Если будет нужна помощь или уточнения, с удовольствием приму участие.

27 ноября. Виталий – П.С./К/: ...*Здесь местные архивно-музейные начальницы не содействуют поисковой работе абсолютно. Даже удивляются: зачем это нужно! ...Придешь поработать, а там заседают: архив не работает! Для них главное отчеты и мероприятия. Абсурд какой-то! Казалось бы, живу на месте, а доступ затруднен. Приходится все терпеть ради результата* (курсив наш. – П.С./К/). Простите, может быть, за излишние откровения.

3 января 2013 г. Виталий – П.С./К/: Накануне Рождества Христова так хотелось сделать Вам подарок. Подумал, что лучшее в таком случае прислать Вам новые имена из архива. В нашем предновогоднем и отчетном угаре кое-что удалось схватить. Простите, что немного.

1. Казак ст. Лабинской Михаил Дмитриевич Жилин, 28 лет, убит 31 дек. 1917 г.

2. Лабинской местной команды солдат Ипполит Баранов, 18 лет, скончался от огнестрельной раны 10 мая 1918 г.

3. Урядник Семен Ильич Меринов, 57 лет, убит большевиками, 5 июня.

4. Гражданин ст. Курганной Михаил Беленко, 60 лет, убит, 5 июня.

5. Гражданин Василий Ильич Блинов, 20 лет, убит, 5 июня.

6. Гражданин Демьян Рунькин, 30 лет, убит, 5 июня.

7. Гражданин Григорий Мамаев, ..., 5 июня.

8. Гражданин Леон Старченко, ..., 5 июня.

9. Гражданин Стефан Тишевский, ..., 5 июня.

10. Гражданин Михаил Прокопиевич Чеченя, 5 июня.

11. Студент электро-технического Петроградского института Борис Александрович Матюшкин, 20 лет, убит, 5 июня.

12. Казак ст. Лабинской Тимофей Данилович Се(и)сюков, 42 года, убит большевиками, 16 июня.

13. Области Войска Донского Донецкого округа села Анна-Рибрекова гражданка Мария Яковлевна Гонтарёва, убита, 5 июня.

14. Казак Корниловского полка Афанасий Любченко, 26 лет, сконч. от огнестр. ран в брюшн. полость, 20 октяб.

15. Казак Стрелкового полка, Григорий Подлесный, (от восп. легк.), 20 октяб.

16. Казак 2-го Запорожского полка, Елеазар Герасименко, (от восп. легк.) 20 октяб.

17. Казак Федор Евстафьевич Ботвинкин, 36 лет, убит на позиции 17 нояб.

18. Сын Аркадий (7 лет) полковника Лейб-гвардии Кекс-Гольмского полка Никанора Аркадьевича Курлова, (от восп. мозга), 7 дек.

Вот еще небольшой список. Думаю, Вы сами разберетесь, кто на какой стороне был.

6 января. Виталий – П.С./К/: Направляю очередную партию участников известных событий...Мне любопытно было бы узнать, случились ли в Вашей работе какие-то маленькие открытия или уточнения в связи с моими письмами? Может быть, есть информация на наших лабинских казаков отправленных Вам в прошлом письме и ранее, кроме той, что я с радостью получил от Вас. Вчера из Краснодара приезжали потомки чамлыкских казаков Ломских (Ламских), а накануне лабинских казаков Дубовиковых. Они немного знают и в поиске, что само по себе похвально! Я, к

сожалению, тоже мало чем могу помочь, но советую какое направление лучше взять. У нас не паханое поле работы по теме, а делателей совсем нет!..

1. Казак ст. Лабинской, Василий Ильич Ивлев, 18 лет, убит 15 июля.

2. Солдат 55-го Подольского пехотного полка из мещан г. Ставрополя, Василий Дамианович Огир, 38 лет, 7 сент.

3. Казак 4-й Кубанской батарее, житель ст. Незамаевской, Антоний Севастианович Косавец, 21 год, (от восп. легк.), 10 окт.

4. Казак ст. Петропавловской Василий Булавинов (от холеры), 10 окт.

5. Казак Василий Алексеевич Паршин (от ран), 12 окт.

6. Казак хут. Синюхинского Тимофей Заводнов (от брюшн. тифа), 12 окт.

7. Казак ст. Ярославской Иван Хрусталёв, 25 лет (от холеры), 13 окт.

8. Казак 3-го Кубанского полка, житель ст. Успенской Тарасий Кузнецов, 22 года (от брюшн. тифа), 13 окт.

9. Казак 3-го Кубанского полка Стефан Сериков (от огнестр. ран), 14 окт.

10. Казак ст. Ивановской (служивший на станции радио-телеграфа) Василий Косач, 25 лет, (от восп. легк.), 14 окт.

11. Казак Корниловского полка Григорий Шарий (от ран) 15 окт.

12. Урядник 2-го Сводного Кубанского полка, Иван Маркович Заярный (22 лет, от катарального восп. легких), 16 окт.

13. Казак 2-го Корниловского эскадрона Иосиф Новицкий (от восп. легких), 16 окт.

14. Казак ст. Дагестанской Иван Казачкин (от брюшн. тифа), 16 окт.

15. Казак Стрелкового полка Владимир Гуров (от брюшн. тифа), 16 окт.

16. Казак 1-го Линейного полка Петр Циганков (от восп. легк.), 17 окт.

17. Казак 1-го Екатеринодарского полка Никита Сидоров (от брюшн. тифа), 21 окт.

18. Казак 2-го Уманского полка Никифор Сахно, 21 окт.

19. Казак 2-го Запорожского полка Федор Шингарий (22 года), 21 окт.

20. Казак 2-го Запорожского полка, житель ст. Шкуринской Иван Дмитриевич Малый, (22 года), 21 окт.

21. Хорунжий 1-го Линейного полка Павел Горсть (от восп. легк.), 24 окт.

22. Прапорщик ст. Лабинской Александр Саввич Евстафьев (23 лет, от ран), 26 окт.

23. Казак ст. Лабинской Федор Казьмич

Гурский (23 лет, убит в бою под ст. Петровской, Ставроп. губ.), 18 нояб.

24. Подпоручик 1-й Конной Стрелковой дивизии Иван Леонтиевич Катков (27 лет, убит на фронте), 28 нояб.

Все, что получилось выжать из церковных книг в графе "о смерти" обеих наших церквей за 1918 год...

15 января. Виталий – П.С./К/: ...отправляю очередную партию имен.

1. Сотник ст. Чамлыкской, Василий Александрович Лукиянов (Лукьянов), 23 лет.

2. Сотник ст. Чамлыкской, Дмитрий Яковлевич Комаревцев, 28 лет.

3. Сотник ст. Чамлыкской Михаил Машков (или Мешков, неразб.), 26 лет.

4. Хорунжий ст. Чамлыкской Василий Тимофеевич Самысько, 30 лет.

5. Прапорщик ст. Чамлыкской Никита Симеонович Сапрыкин 25 лет.

6. Вахмистр ст. Чамлыкской Сергей Александрович Салычев, 28 лет.

7. Вахмистр ст. Чамлыкской Михаил Елисеевич Полежаев, 30 лет.

8. Урядник ст. Чамлыкской Василий Тимофеевич Панасенко, 20 лет.

9. Урядник ст. Чамлыкской Стефан Иванович Попов, 22 лет.

10. Урядник ст. Чамлыкской Симеон Филиппович Засобенко, 28 лет.

11. Урядник ст. Чамлыкской, Яков Никитич (или Никитович) Крутьков, 28 лет.

12. Приказный ст. Чамлыкской Борис Александрович Звягинцев, 38 лет.

13. Казак ст. Чамлыкской Федор Ефремович Панасенко, 20 лет.

14. Казак ст. Чамлыкской Иван Иванович Кириллов, 20 лет.

15. Казак ст. Чамлыкской Павел Александрович Лукиянов (Лукьянов), 19 лет. Его родной брат записан под № 1.

16. Казак ст. Чамлыкской Кирилл Григорьевич Курукалов, 19 лет.

17. Казак ст. Чамлыкской Константин Иванович Кириллов, 22 лет. Его родной брат записан под № 14.

18. Казак ст. Чамлыкской Филипп Федорович Топорко, 23 лет.

19. Казак ст. Чамлыкской Ефрем Иванович Лебедев, 24 лет.

20. Казак ст. Чамлыкской Иван Георгиевич Семенов, 26 лет.

21. Казак ст. Чамлыкской Павел Симеонович Половинов (или Головинов, неразб.), 27 лет.

22. Казак ст. Чамлыкской Афанасий Евгеньевич Рясе(и)нский, 27 лет.

23. Казак ст. Чамлыкской Николай Климентьевич Салычев, 27 лет.

24. Казак ст. Чамлыкской Яков Михайлович Молько, 27 лет.

25. Казак ст. Чамлыкской Исидор Федорович Реутов, 43 лет.

26. Казак ст. Чамлыкской Илья Лукианович Каристов, 3...? – неразб. лет.

27. Казак ст. Чамлыкской, Иван Яковлевич Комаревцев, (возраст от стертости записи не читается). Его родной брат записан под № 2.

28. Казак ст. Чамлыкской, Георгий Петрович (Слет...ов или Слюк...ов – не читается, Синилов?).

29. Казак ст. Чамлыкской, Борис Иванович .....еря –? – запись не читается.

30. Казак ст. Чамлыкской, Василий Павлович Борисенко, 43 лет.

31. Казак ст. Чамлыкской Андрей Матвеевич Бодякин, 19 лет.

32. Казак ст. Чамлыкской Евфимий Григорьевич Кучев, 46 лет.

33. Казак ст. Чамлыкской Федор Дмитриевич Реутов, 28 лет.

34. Казак ст. Чамлыкской Дмитрий Дмитриевич Реутов, 22 лет. Его родной брат записан под № 33.

35. Казак ст. Чамлыкской Иван Филиппович Засобенко, 25 лет. Его родной брат записан под № 10.

36. Казак ст. Чамлыкской Иван Климентьевич Панасенко, 23 лет.

37. Казак ст. Чамлыкской Владимир Иванович Крясин (или Красин, или Крысин?), 22 лет.

38. Урядник ст. Чамлыкской Григорий Федорович Гончаров, 35 лет.

39. Урядник ст. Владимирской Дионисий Иванович Стёлкин – возраст не читается.

40. Казак ст. Владимирской Василий Никифорович Краморов, 44 лет.

41. Казак ст. Владимирской Михаил Федорович Корнилов, 47 лет.

Все вышепоименованные казаки погибли в Лабинской 5-го июня (судя по записи из метрической книги Успенской церкви станицы Лабинской). Но, внесены в неё они были лишь 28 декабря 1918 года. Все эти казаки – активные деятели Троицкого восстания, как братья Комаревцевы, например. Погребены они были вместе с казаками-лабинцами в станице Лабинской

на холерном кладбище. Или, как у нас говорили старики, "на глинищах". Там был глиняный карьер до революции. Теперь на том месте стоит пятиэтажный дом. Когда его строили в середине 70-х годов, то все кости вывезли на свалку и холерных и казаков заодно. Такая их, бедных, посмертная судьбина. ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ!

16 января. П.С./К/ – Виталию: Отправил справки на Лукьянова Вас. А-р, Комаревцева Дм.Як., Салычева Серг. А-ри др.

16 января. Виталий – П.С./К/: Большое спасибо за письмо и информацию о казаках. Скажите, пожалуйста, а где ее можно найти в открытом доступе, чтобы Вас не беспокоить? Может, мне удастся восстановить фамилии тех, кого прочитать не удалось. В этом году очередной юбилей скорбной даты. Не думаю, что получится написать небольшую реконструкцию событий лета 1918. Но, как Вы правильно написали, восстанавливать память надо. К сожалению, пока никого нет на горизонте, кто бы взял на себя ношу раскрутить эту тему. Может быть, придется делать самому, но, как смогу и не сейчас. Однако на перспективу столетнего юбилея, хотя и не люблю юбилейщины, работать надо. *С идеей установки памятного креста на месте расстрелов и захоронений меня сейчас не поддерживает никто. Говорят, там жили застройка, кресты будут смущать неизвестно кого, за ними нужен уход, кругом малолетние бандиты и прочее в том же духе. У самого же нет эмоциональных сил затевать войну с властями всех уровней* (курсив наш. – П.С./К/). А теперь продолжение списка из метрической книги станицы Чамлыкской. Там было две церкви, но книга сохранилась только одна. Все казаки были уничтожены 5-го июня, кроме последних двоих в моем списке.

1. Казак ст. Чамлыкской Никифор Николаевич Шацкий, 42 лет – убит.

2. Казак ст. Чамлыкской Тит Алексеевич Писаренко, 43 лет – убит.

3. Казак ст. Чамлыкской Василий Никифорович Реутов, 34 года – убит.

4. Казак ст. Чамлыкской Василий Никифорович Пугачев, 38 лет – убит.

5. Казак ст. Чамлыкской Петр Яковлевич Прокопцев, 20 лет – убит.

6. Казак ст. Чамлыкской Илья Алексеевич Прокопцев, 30 лет – убит.

7. Казак ст. Чамлыкской Андрей Федорович Молькин (так написано в книге, но я думаю, это Молько – известная в Чамл. каз. семья), 46 лет – убит.

8. Казак ст. Чамлыкской Стефан Карпович Пугачев, 35 лет – убит.

9. Казак ст. Чамлыкской Петр Григорьевич Подпорин, 40 лет – убит.

10. Казак ст. Чамлыкской Зиновий Никитович Ельников, 43 лет – убит.

11. Казак ст. Чамлыкской Павел Филиппович Борисенко, 80 лет – скончался от ран (его сын есть в предыдущем списке).

12. Казак ст. Чамлыкской Андрей Семенович Слюнин, 48 лет – убит.

13. Казак ст. Чамлыкской Стефан Федорович Водяников, 35 лет, скончался от ран.

14. Казак ст. Чамлыкской Василий Васильевич Борисенко, 37 лет – убит 8 июня.

15. Казак ст. Чамлыкской Михаил Филиппович Савинов, 42 года – убит 8 июня.

Это все, кто нашлись в Чамлыкской станице. Погребены были на отведенном кладбище.

17 января. П.С./К/ – Виталию: Такой информации в открытом доступе Вы не найдете, тем более подготовленных (даже небольших) биографических справок.

В моей базе данных казаки, служившие в Великой и гражданской войнах не только в строю, но и во всех Войсковых структурах до писарей, нестроевых военноремесленных школ и т.п. Плюс эмиграция и Вторая мировая.

Приказы, награды и именные списки, списки раненых, б/в пропавших, убитых, списки эвакуационных госпиталей. В гражданской – восстания 1918 и 1920–25 гг. (служивших казаков, т.к. всех восставших и погибших от красного террора учесть невозможно), служба в Добрармии, ВСЮР и Русской Армии, причем не только в казачьих частях, а и в Добровольческих и Горских, эвакуационные списки (из Новороссийска, Крыма и Константинополя), Лемнос и др. острова. Расстрелянные в конце и после гражданской войны, заключенные в концлагеря, высланные и сосланные. Эмиграция – от состояния в кадрах полков, через Вторую мировую и до смерти (если есть некрологи).

К примеру, имеются практически все приказы ККВ на Великую войну. Каждый год войны – это тысячи страниц и еще больше имен. Их надо обработать, дополнить имеющиеся справки или внести новые

имена. Но в приказах не публиковались полные списки казаков той или иной части ни на один период, поэтому, не все в результате соберутся.

Если бы все заключалось в наборе новых фамилий со станицами, частями и Георг. наградами, это было бы просто и требовало бы одного – времени.

Здесь же, по самым разным документам приходится устанавливать человека: с И.О. и частью, но без станицы или с именем и станицей, но без наименования части (при многих однофамильцах и одностаничниках одного полка, батальона); казак с датой рождения на Великую войну может «всплыть» в гражданской без всякого упоминания о службе в Первой войне, а в восстаниях или в эмиграции – без предыдущей службы. И т.д., и т.п.

Поэтому очень полезны списки, что Вы делаете и аналогичные по др. станицам (часть их висит в инете, но там составители часто не делают разницы, на чьей стороне были погибшие – хорошо, хоть красных мажар, китайцев и латышей не записывают). И мне очень жаль, что не смогу использовать в своей нынешней работе казаков возрастом за 40 лет, погибших в восстании, поскольку у меня только служившие. Думаю, Вы их обязательно упомянете в своей работе.

Фамилии неразборчиво написанные (из предыдущего списка) я пробовал сопоставить со своими в базе, не вышло. Рясенский написан в приказе через «е». Молькин не обязательно Молько, казаками Чамлыкской в приказах ККВ записаны Молькин Ник. Кондрат. – ст. урядник 2-го Лабинского полка и Молькин Петр – приказный того же полка, Георгиевский крест 4 ст.

Об установлении поклонных крестов и создании памятных мест нам в «Станицу» (когда она выходила), да и мне, писали много. Что поделаешь – такова ныне Кубань. Кому-то удавалось. Материалы собирать необходимо, они не пропадут. Господь не оставит!

17 января. Виталий – П.С./К/: Большое спасибо за обстоятельное письмо. Мне приятно было получить! Понимаю, какие колоссальные труды Вы несете. Но, не представлял масштабов. Низкий Вам поклон! Теперь вдвойне буду рад своей скромной сопричастности. Но, продолжу. На этот раз, Покровская церковь станицы Владимирской.

1. Казак Иван Иванович Евтушенко, 30 лет – убит.
2. Казак Михаил Александрович Чередин, 50 лет – убит.
3. Казак Иван Михайлович Чередин, 24 года – убит, (сын № 2).
4. Казак Василий Иванович Петров, 37 лет – убит.
5. Казак Иван Максимович Шунин, 41 год – убит.
6. Казак Александр Иванович Самбуров, 44 года – убит.
7. Казак Василий Васильевич Польшаков, 37 лет – убит.
8. Казак Федор Иванович Зиновьев, 43 года – убит.
9. Казак Федор Георгиевич Забазнов, 42 года – убит.
10. Казак Матвей Михайлович Шеховцов, 33 года – убит.
11. Казак Михаил Максимович Филипченко, 21 год – убит.
12. Казак Тимофей Осипович Карпцов, 37 лет – убит.
13. Казачка Марфа Самсоновна Жданова, 85 лет – убита.
14. Казак Михаил Федорович Карнилов, 46 лет – убит. – повтор 15.01
15. Казак Матвей Васильевич Крамаров, 48 лет – убит.
16. Казак Сергей Михайлович Воробьев, 39 лет – убит.
17. Казак Федор Иванович Долгачев, 42 года – убит.
18. Казак Василий Никифорович Бобрышов, 42 года – убит.
19. Казак Антон Григорьевич Батулин, 27 лет – убит.
20. Казак Терентий Иванович Филипченко, 70 лет – убит.
21. Казак Василий Васильевич Подставкин, 45 лет – убит.
22. Казак Яков Васильевич Подставкин, 21 год, (сын – № 21).
23. Казак Леонтий Михайлович Зиновьев, 29 лет – убит.
24. Казак Дмитрий Павлович Гончаров, 42 года – убит.
25. Казак Николай Михайлович Асеев, 20 лет – убит.
26. Казак Федор Зиновьевич Шокин, 39 лет – убит.
27. Казак Семен Стефанович Бредихин, 27 лет – убит.

Все казаки погибли 5 июня, а погребены 7 июня. От № 19-го погребены 9 июня 1918 года.

18 января. П.С./К/ – Виталию: Благодарю Вас за владимирцев. Сижу, работаю, и тут одолели сомнения, правильно ли я Вас понял в отношении предыдущего списка от 16 янв. – 15-ти казаков ст. Чамлыкской и нынешнего ст. Владимирской. Там, под списком, Вы написали: «Это все, кто нашлись в Чамлыкской станице. Погребены были на отведенном кладбище».

Убиты они были в Лабинской или в Чамлыкской? А Владимирцы? Я полагаю, что все погибли в Лабинской, т.к. здесь было самое массовое убийство, а казаки соответствующих станиц затем были внесены в свои метрические церковные книги. Или не так?

19 января. Виталий – П.С./К/: Только что вернулся из Краснодара с очередного бесполезного годового отчета Д. Сбежал, был у Корсаковой Н.А. в музее и немного гулял, благо, сегодня солнечно и +12 градусов. По дороге говорил с нынешним атаманом чамлыкцев. Он рассказал несколько любопытных моментов из семейной истории, относящихся ко времени восстания. Договорился записать его на бумагу. По поводу чамлыкских фамилий, которые мне удалось вспомнить в автобусе; уточнил Молько. Ему тоже известны жители с таким написанием фамилии, но никак не Молькины. Рясинские, Ресинские и Рисинские – это какие-то его предки по одной из линий. Их потомки еще живут в Чамлыкской. Если у Вас есть вопросы по фамилиям, постараюсь узнать у местных, что и как. Конечно, с учетом прошедшего времени. Многие давно вымерли или разъехались. Чамлычане уверены, что они понесли основные жертвы в том восстании. И я осторожно соглашусь с атаманом, что лабинцы не самые пострадавшие в результате того утреннего разгрома. Скорее лабинцы «хлебнули» от последствий. Понятно, что нашим легче было вовремя раствориться на улицах родной станицы. Но это гипотезы, нуждающиеся в анализе. Причем, по персоналиям. Может, удастся этим заняться?! Сегодня, кстати, неожиданно услышал рассказ об обстоятельствах смерти одного из наших станичных офицеров. Вкупе с подробностями убийства моего родственника это составит выпуклую картину зверской расправы тех дней. В Лабинской, среди стариков, с которыми мне удалось говорить, бытовало

выражение, что «чамлычане напали на Лабинскую». Тоже показательное восприятие событий. Проблема, что не сохранились книги второй церкви в Чамлыкской, а были ли записаны там жертвы? И сколько? Только зная это, можно было говорить уверенно. До конца неясна роль владимирцев. Как Вы поймете в дальнейшем, число их жертв много превосходит чамлычан и лабинцев. Неизвестно о масштабах помощи со стороны константиновцев, костромцев, возможно – ярославцев. В Курганинском архиве книг Константиновской станицы не сохранилось. Нам попались костромцы но, возможно, что это из числа тех казаков станицы Костромской, кто постоянно проживали в Лабинской, имея здесь дома. Такое явление было не редкостью тогда, учитывая значение Лабинской, как центра притяжения для зажиточного, образованного и делового казачества всей округи. Теперь отвечу на ваши вопросы:

1. Список, отправленный 16 января, приведен из Метрической книги Николаевской церкви ст. Чамлыкской в разделе; "О смерти". Там из 15 казаков, захороненных в ст. Чамлыкской 13 человек были убиты 5 июня на поле боя (в самой Лабинской или при отходе, теперь неизвестно) и вывезены тела в Чамлыкскую. Два казака, записанные последними в том списке, были схвачены в Чамлыкской 8 июня. Это значит, что они жертвы последовавшей расправы.

2. Список, отправленный 15 января, приведен из Метрической книги Успенской церкви ст. Лабинской в разделе "О смерти". Там из 41 казака 38 из Чамлыкской, а 3 казака из Владимирской. Все они погибли в Лабинской 5 июня, в день восстания. Погребены на холерном кладбище в Лабинской. Это жертвы боя.

3. Список, отправленный 17 января, приведен из Метрической книги Покровской церкви ст. Владимирской в разделе "О смерти". Там из 26 казаков все погибли 5 июня, а это значит, что в бою или в самой Лабинской или при отступлении домой, на Владимирскую в окрестностях наших станиц (уточнить сейчас уже нет возможности). Владимирская ближе Чамлыкской, а теперь почти черта города.

19 января. П.С./К/ – Виталию: Атаману Чамлыкской скажите при случае, что Молькины записаны в приказах ККВ за подписью Бабыча и Начштаба. Конечно, писари, бывало, ошибались, орфография

частенько – та еще, но все же это не ошибки «е»-«и», «а»-«о», «а»-«у», двойные «нн», «сс» вместо одной согласной и наоборот. Окончания фамилий также очень разнообразны, как только казаков не писали, хотя в Войсковой Штаб списки приходили из части, а там, с начала службы, казака должны были записать на основании метрики станичной церкви. Но... все бывало. Имена мирно соседствуют в списках – Никита и Никить.

По документам и воспоминаниям о Троицком восстании задачей казаков ближайших станиц был поход на Лабинскую, захват ее и надежда на восстание против красного гарнизона в самой Лабинской. Не вышло. И здесь Вы правы – наступавших разгромили, лабинцам досталось после боя, их убивали в «мирных» условиях...

Благодарю за уточнения по вопросам, они очень помогли.

Из списка от 17 января известен Забазнов Федор Георгиевич – ... Список от 19 янв. сейчас начну...

19 января. Виталий – П.С./К/: Отправил предыдущее письмо, а теперь терзаюсь мыслью – не получилось ли, что я огульно всех погибших 5 июня приписал к жертвам утреннего боя?! Ведь расправа шла в станице Лабинской, после боя, в течение всего дня! Как и в соседних. Если Вы не имеете особой информации то, думаю, следует учесть этот факт. А еще в списке за 17 число сделал опечатку с нумерацией. Два раза записал № 25. Моя оплошность, которую заметил только сейчас. Теперь продолжу список ст. Владимирской:

1. Казак Григорий Зиновьевич Шокин (или Токин – неразб.), 27 лет – убит.

2. Казак Михаил Зиновьевич Шокин (или Токин –?), 26 лет – убит.

3. Казак Михаил Семенович Кулешов, 22 года – убит.

4. Казак Сергей Яковлевич Хорольцев, 25 лет – убит.

5. Казак Василий Осипович Стрельников, 38 лет – убит.

6. Казак Андрей Васильевич Бобрышов, 18 лет – убит (вероятно, его отец в предыдущем списке под № 18).

7. Казак Никифор Никифорович Краморов, 48 лет – убит.

8. Казак Касьма Иванович Кухтинов, 37 лет – убит.

9. Казак Петр Михайлович Гончаров, 23 года – убит.

10. Казак Борис Иванович ЩигOLEV, 25 лет – убит.

11. Казак Иван Павлович Реутов, 28 лет – убит.

12. Казак Василий Антонович Сидаренко, 34 года – убит.

13. Казак Дмитрий Нестерович Максимов, 39 лет – убит.

14. Казак Василий Никифорович Симон, 36 лет – убит.

15. Крестьянин Стефан Алексеевич Тишевской, 21 год – убит.

16. Казак Иван Тарасович Труфанов, 50 лет – убит.

17. Казак Павел Потапович Жиров, 23 лет – убит.

18. Казак Макар Игнатович Хорольцев, 28 лет – убит.

19. Казак Григорий Иванович Беломестнов, 24 года – убит.

20. Казак Василий Трофимович Певнев, 49 лет – убит.

21. Казак Михаил Ильич Бобрышов, 43 года – убит.

22. Казак Михаил Андреевич Белов, 24 года – убит.

23. Казак Федор Иванович Тазов, 45 лет – убит.

24. Казак Дмитрий Федорович Тазов, 16 лет – убит (его отец № 23).

25. Казак Иван Федорович Белов, 26 лет – убит 7 июня.

26. Казак Василий Павлович Илькевич, 33 года – убит.

27. Казак Василий Петрович Фролов, 49 лет – убит.

28. Казак Терентий Николаевич Стрельников, 60 лет – убит.

Продолжение будет...

21 января. П.С./К/ – Виталию: Не волнуйтесь, без подтверждения я не пишу, что имярек убит в бою.

Спасибо Вам большое за новый список. Из него есть немного данных (по приказам, как и ранее) об...

21 января. Виталий – П.С./К/: Спасибо большое за Ваши пояснения и справки на казаков. Только жалко, что сведений так мало сохранилось. Но, хоть это есть! Ваши слова передам при удобном случае атаману.

А теперь продолжу по ст. Владимирской:

1. Казак Корнилий Власович Карцов, 63 года – убит.

2. Казак Алексей Косьмич Голинцев, 25 лет – убит.

3. Казак Роман Константинович Бобрышов, 38 лет – убит.

4. Казак Дмитрий Никитович Рублев, 47 лет – убит.

5. Казак Андрей Иванович Гончаров, 55 лет – убит.

6. Казак Архип Назарович Гордышов, 30 лет – убит.

7. Казак Матфей Борисович Лунев, 31 год – убит.

8. Казак Андрей Никитович Пивоваров, 40 лет – убит.

9. Казак Стефан Павлович Пивоваров, 36 лет – убит.

10. Казак Алексей Иванович Сергеев, 46 лет – убит.

11. Казак Гавриил Киреевич Цапков, 33 лет – убит.

12. Казак Дмитрий Иванович Слепухин, 30 лет – убит.

13. Казак Даниил Иванович Сопелкин, 25 лет – убит.

14. Казак Андрей Федорович Григоров, 37 лет – убит.

15. Казак Стефан Максимович Коршунов, 55 лет – убит.

16. Казак Сергей Ильич Бобрышов, 26 лет – убит. (родной брат в списке от 19 янв. № 21).

17. Казак Михаил Родионович Сгонников, 37 лет – убит.

18. Казак Андрей Федотович Синилов, 48 лет – убит.

19. Казак Константин Андреевич Слепухин, 27 лет – убит. (его брат № 12.).

20. Казак Стефан Иванович Лушников, 36 лет – убит.

21. Казак Мина Леонтиевич Польшаков (или Большаков – неразб.), 26 лет – убит.

22. Казак Дмитрий Леонтиевич Польшаков (или Большаков –?), 20 лет – убит (его брат № 21).

23. Казак Иван Прокофиевич Босенко, 23 года – убит.

24. Казак Антон Матвеевич Певнев, 35 лет – убит.

25. Казак Николай Стефанович Петренко, 47 лет – убит.

26. Казак Василий Григорьевич Самбуров, 72 года – убит.

27. Казак Андрей Антонович Синяпко, 21 год – убит.

28. Казак Григорий Сергеевич Пабигаилов, 23 года – убит.

29. Казак Василий Николаевич Жиров, 23 года – убит.

30. Казак Василий Никифорович Крамаров, 43 года – убит.

31. Казак Василий Григорьевич Шейкин, 48 лет – убит.

32. Казак Алексей Николаевич Бобрышов, 32 года – убит.

33. Казак Петр Георгиевич Блинников, 51 год – убит.

34. Казак Каллистрат Романович Золотарев, 60 лет – убит.

35. Казак Михаил Ульянович Неупокоев, 60 лет – убит.

36. Казак Тимофей Игнатович Алтухов, 55 лет – убит.

37. Казак Иван Петрович Кофанов, 48 лет – убит.

38. Казак Василий Иванович Кулешин, 28 лет – убит.

39. Казак Василий Игнатьевич Коваленко, 17 лет – убит.

40. Казак Михаил Петрович Ашихин, 23 года – убит.

22 января. П.С./К/ – Виталию: Список от 21 числа обработал... Спасибо Вам за новые имена – это главное, что-то по ним, может, и появится.

27 января. Виталий – П.С./К/: Продолжу список казаков-владимирцев:

1. Казак Александр Владимирович Цапков, 23 года – убит.

2. Казак Иларион Данилович Зайцев, 27 лет – убит.

3. Казак Петр Игнатьевич Краснов, 36 лет – убит.

4. Казак Иван Семенович Горохов, 34 года – убит.

5. Казак Иван Гурьевич Левашов, 18 лет – убит.

6. Казак Василий Ильич Побегайлов, 47 лет – убит.

7. Казак Максим Михайлович Шеховцов, 38 лет – убит.

8. Казак Николай Михайлович Асеев, 37 лет – убит.

9. Казак Михаил Ермолаевич Кофанов, 32 года – убит.

10. Казак Николай Яковлевич Пожарский, 48 лет – убит.

11. Казак Алексей Максимович Пальцев, 47 лет – убит.

12. Казак Алексей Яковлевич Бондарев, 37 лет – убит.

13. Казак Илья Яковлевич Башкатов, 37 лет – убит.

14. Казак Гавриил Васильевич Подставкаин, 43 года – убит.

15. Казак Федор Федорович Иванов, 20 лет – убит.
16. Казак Алексей Матвеевич Певнев, 17 лет – убит.
17. Казак Илья Федорович Рышков, 30 лет – убит.
18. Казак Борис Игнатъевич Хорольцев, 27 лет – убит.
19. Казак Михаил Иванович Коратошко (или Каратошко – неразб.), 20 лет – убит.
20. Казак Петр Георгиевич Калугин, 36 лет – убит.
21. Казак Василий Максимович Макеев, 34 года – убит.
22. Казак Павел Иванович Золотарев, 16 лет – убит.
23. Казак Василий Федорович Ковалев, 19 (38) лет – ? (исправлено неразб.) – убит.
24. Казак Сергей Васильевич Ковалев, 38 лет (19) – убит (вероятно, № 23 – его отец).
25. Казак Николай Иванович Карнилов, 33 года – убит.
25. Казак Иустин Петрович Ашихин, 32 года – убит.
26. Казак Василий Николаевич Рублев, 48 лет – убит.
27. Казак Иван Акимович Хрулев, 50 лет – убит.
28. Казак Алексей Стефанович Иноземцев, 27 лет – убит.
28. Казак Иван Карпович Хорольцев, 44 года – убит.
29. Казак Тихон Афанасьевич Дятлов, 30 лет – убит.
30. Казак Яков Данилович Иващенко, 54 года – убит.
31. Казак Андрей Васильевич Фролов, 24 года – убит.
31. Казак Петр Федорович Корнилов, 30 лет – убит.
32. Казак Михаил Трофимович Фролов, 24 года – убит.
32. Казак Иван Афанасьевич (Фралов – затерто, а рядом четко написано) Илькевич, 37 лет – убит.
33. Казак Федор Тимофеевич Шаталов, 26 лет – убит.
34. Казак Даниил Андреевич Гончаров, 28 лет – убит.
35. Казак Тимофей Герасимович Потеряхин, 24 года – убит.
36. Казак Максим Матвеевич Пальцев, 50 лет – убит.
37. Казак Василий Павлович Толубаев, 25 лет – убит.
38. Казак Иван Яковлевич Карнилов (или Корнилов –?), 60 лет – убит.
39. Казак Семен Самойлович Польшаков, 33 года – убит.
40. Казак Василий Иванович Карнилов, 18 лет – убит (возможно, № 38 – это отец, а № 25 – его брат – ?).
41. Казак Леонтий Иванович Польшаков, 65 лет – убит.
42. Казак Митрофан Данилович Горохов, 30 лет – убит.
43. Казак Константин Иванович Левашов, 48 лет – убит.
44. Казак Стефан Иванович Самбуров, 38 лет – убит.
45. Казак Василий Федорович Толубаев, 40 лет – убит.
46. Казак Михаил Иванович Сергеев, 34 года – убит.
47. Казак Никифор Васильевич Макеев, 29 лет – убит.
48. Казак Василий Харитонович Фролов, 32 года – убит.
50. Казак Иван Трофимович Фролов, 35 лет – убит (его брат № 32).
51. Казак Матфей Дмитриевич Краснов, 29 лет – убит.
52. Казак Владимир Корнеевич Карпцев, 24 года – убит.
53. Казак Максим Евграфович Евтушенко, 35 лет – убит.
54. Казак Филипп Георгиевич Жегулин, 19 лет – убит.
55. Казак Василий Михайлович Астапцов, 33 года – убит.
56. Казак Гавриил Федорович Рышков, 27 лет – убит (его брат № 17).
57. Казак Никит Нестерович Шумков, 33 года – убит.
58. Казак Гавриил Яковлевич Колесников, 51 год – убит.
59. Казак Александр Ермолаевич Кофанов, 27 лет – убит (его брат № 9).
60. Казак Николай Филиппович Жигулин, 19 лет – убит.
- Продолжу список далее:
1. Казак Николай Александрович Толмачев, 55 лет – убит.
2. Казак Трофим Николаевич Толмачев, 35 лет – убит. (сын № 1).
3. Казак Василий Иосифович Агафонов, 28 лет – убит.
4. Казак Платон Трофимович Фролов, 32 года – убит (в предыдущем списке №№ 50 и 32 – его братья).

5. Казак Григорий Федотович Синилов, 40 лет – убит.

6. Гражданин Константин Макарович Леденёв, 55 лет – убит (не известно, почему среди казаков это имя, кто он из большевиков?! ...неизвестно).

7. Казак Петр Косьмин Синицкий, 60 лет – убит.

8. Казак Иван Григорьевич Рвачев, 44 года – убит.

9. Казак Иван Стефанович Хла.ы..нин, (64 – ? года, неразб.) – убит.

10. Казак Гавриил Петрович Потеряхин, 45 лет – убит.

11. Казак Григорий Борисович Горюшин, 20 лет – убит.

12. Казак Сергей Симеонович Труфанов, 24 года – убит.

13. Священник Александр Васильевич Подольский, 53 года – убит.

14. Сословная принадл. не указана. Иван Назарович Пугачев, 35 лет - убит.

15. Казак Михаил Косьмин Голанцев, 20 лет – убит.

16. Казак Иван Николаевич Пивоваров, 38 лет – убит.

17. Казак Иосиф Федорович Ковалев, 43 года – убит (№ 23 в прошлом списке – его брат).

18. Казак Ефрем Иванович Ларин, 45 лет – убит.

19. Казак Григорий Николаевич Колинников, 39 лет – убит.

20. Казак Николай Михайлович Разсоленко, 23 года – убит.

21. Казак Александр Сергеевич Шеховцов, 20 лет – убит.

22. Казак Матфей Федорович Стрельников, 35 лет – убит.

23. Казак Трофим Терентьевич Филиппенко, 30 лет – убит.

24. Казак Иван Сергеевич Побигайлов, 25 лет – убит.

25. Казак Иван Уколович Батулин, 22 года – убит.

26. Казак Михаил Яковлевич Иващенко, 22 года – убит 24 июня (его отец в прошлом списке № 30).

27. Казак Симеон Васильевич Кулешов, 35 лет – убит.

28. Казак Трофим Георгиевич Петров, 23 года – убит.

29. Казак Сергей Дмитриевич Григорьев, 24 года – убит.

30. Казак Иларион Дмитриевич Жемела, 25 лет – убит.

31. Казак ст. Зассовской Дмитрий Михайлович Дуреков, 44 года – убит (зассовцы говорят, что в станице были Дураковы, может, написали ради благозвучия во Владимирской книге – ?).

32. Казак ст. Зассовской Василий Дмитриевич Дуреков, 20 лет – убит.

33. Казак ст. Зассовской Мирон Дмитриевич Дуреков, 17 лет – убит.

Во всех отправленных Вам списках Владимирской станицы даты смерти и погребения уходят далеко за 5 июня. В этой станице до начала июля и позднее есть записи в церковных книгах. Теперь трудно определенно сказать, продолжались ли это расправы над участниками Троицкого восстания или большевики уничтожали подозреваемых в симпатиях. Одно ясно, это жертвы красного террора в здешних местах. Я предполагаю продолжить воспроизводить любопытные записи из церковной книги после некоторых уточнений.

28 января. П.С./К/ – Виталию: Отослал Агафонов Вас. Иосиф., Ашихин Иустин Петр., Кофанов А-р Ермолаев.

Иван Стефанович Хла...нин, (64 – ? года, неразб.) – Хлынины, известная фамилия в ст. Владимирской, в Великой войне в С.Е.И.В. Конвое служили двое представителей этой фамилии, Георгий и Федор. В нашем случае, если принять, что ему на момент восстания не 64 (неразб.), а 24 года, то мы имеем: в мае 1915 г. Иван Хлынин ст. Владимирской на учебных сборах казаков приговорительного разряда в состязании в наездничестве и стрельбе, получил приз за стрельбу из винтовки. И тогда это, возможно, Хлынин Иван (Стефанович) – р. 1894...

Дурековы ст. Зассовской, конечно, Дураковы. Отец Дмитрий – по сведениям, в войну служил в Особой конной сотне (для казаков, уже отбывших все три очереди в строю). Старший сын Василий еле успевает (по возрасту) в войну в 17-м году определиться в полк, а младший Мирон – казак-малолеток. Все убиты...

4 февраля. Виталий – П.С./К/: Продолжу свой список. На этот раз новинкой будет то, что в станицах, окружавших Лабинскую, последствия восстания и общее недовольство большевистской властью продолжалось до прихода добровольцев. Поэтому я решил в последующем указывать месяц смерти казака. Пишу и иногородних иногда, если они идут общим списком.

1. Казак ст. Владимирской Василий Иванович Сергеев, 36 лет – убит.
2. Казак ст. Владимирской Антон Петрович Сергеев, 30 лет – убит.
3. неуказ. сослов. Федор Федорович Цыпкин, 25 лет – убит нач. июля.
4. неуказ. сослов. Василий Федорович Цыпкин, 21 год – убит нач. июля.
5. Казак ст. Зассовской Феохтист Игнатьевич Левченко, 55 лет – убит нач. июля.
6. Казак ст. Зассовской Петр Николаевич Литвенков, 20 лет – убит нач. июля.
7. Казак ст. Владимирской Дмитрий Михайлович Зиновьев, 28 лет – убит июль.
8. Казак ст. Владим. Иван Федорович Белов, 24 года – убит 8 июля.
9. Казак ст. Владим. Максим Игнатович Алтухов, 40 лет – убит июль.
10. Казак ст. Владим. Василий Васильевич Кофанов, 16 лет – убит июль (погребен в авг.).
11. неуказ. сослов. Николай Николаевич Жиров, 21 год – убит июнь (погребен в конце авг.).
12. Казак ст. Тимошевской Стефан (отч. отсут.) Голофатьев, 30 лет – убит окт.
13. Казак 2-го Запорожского полка Харитон (отч. отсутств.) Васильев, 24 года – убит окт.
14. Казак 2-го Запорожского полка (имя, отч. отсутств.) Иващенко, 25 лет – убит 4 окт.
15. Казак ст. Владим. Иван Киреевич Цапков, 24 года – убит окт.
16. Казак ст. Владим. Макарий Николаевич Полиарский, 20 лет – убит окт.
17. Казак ст. Владим. Платон Григорьевич Харланов, 39 лет – убит июнь (погребен в окт.).
18. Казак ст. Владим. Дмитрий Ильич Горюшкин, 27 лет – убит окт.
19. Казак ст. Владимирской Петр Петрович Дометкин, 22 года – убит окт.
20. Сотник ст. Владим. Симеон Павлович Алексеев, 38 лет – убит окт.
21. Казак ст. Владим. Иван Тихонович Гиргашин –? неразб., 27 лет – убит окт.
22. Казак ст. Владим. Василий Афанасьевич Сиротин, 23 года – убит окт.
23. Казак ст. Владим. Иван Стефанович Хорольцев, 27 лет – убит дек.
24. Казак ст. Владим. Андрей Самуилович Мещериков, 24 года – убит окт.
25. Казак ст. Владим. Афанасий Антонович Сидоренко, 28 лет – убит окт.
26. Прапорщик ст. Владим. Андрей Матвеевич Горохов, 24 года – убит окт. (погребен в дек.).

На этом Владимировская церковная книга заканчивается. Была ли в этой станице другая церковь (кроме Покровской. – *П.С./К*), я не знаю. Объемные списки крестьян я не отправляю. Все, кто были убиты в описываемом году, погребены на приходском кладбище станицы Владимирской.

Теперь начну списки из Вознесенской церкви станицы Вознесенской:

1. Казак Константин Георгиевич Безбородов, 33 года – убит июль.
2. Казак Тимофей Михайлович Долженко, 21 год – убит июль.

Это единственные казаки, записанные в июле, а в основном крестьяне и граждане. Далее записи начинаются с 10-го сентября. Там тоже крестьяне из губерний, мещане и граждане. И только:

3. Казак Василий Стефанович Озеров, 33 года – убит 14 сен., погребен 14 окт.!
4. Казак Михаил Денисович Лоскутов, 65 лет – убит 4 окт. от шальной пули во время перестрелки.

Есть любопытная запись о причине смерти четверых крестьян 10-го сентября, написано так: «убиты в гражданской войне» без пояснений. Все погребены на общем станичном кладбище.

Теперь книги Троице-Покровской церкви станицы Вознесенской:

5. Казак ст. Возн. Даниил Григорьевич Рамаза, 62 года – убит 6 июня.
6. Гражд. ст. Возн. Яков Савельевич Копцов, 45 лет – от ран 21 сен. (кто нанес раны, нет записи).
7. Казак ст. Возн. Дмитрий Викторович Полубояров, 27 лет – убит сен.
8. Священник Троице-Покр. церкви ст. Возн. Алексей Ивлев, 67 лет – убит сен.
9. Казак ст. Возн. Гавриил Васильевич Лаптев, 50 лет – убит сен.
10. Казак ст. Возн. Меркурий Денисович Троянов, 68 лет – убит сен.
11. Казак ст. Возн. Иоанн Иосифович Лаптев, 52 года – убит сен.
12. Казак ст. Возн. Георгий Анисимович Калугин, 45 лет – убит сен.
13. Казак ст. Возн. Михаил Ефимович Чечулин, 20 лет – убит сен.
14. Казак ст. Возн. Сергей Карпович Одаренко, 32 года – убит сен.
15. Казак ст. Константиновской Евсей Леонтьевич Камышанов, 30 лет – убит сен. (погреб. в окт).
16. Казак ст. Возн. Николай Митрофанович Гриценко, 34 года – убит сен.

17. Казак ст. Возн. Тимофей Иванович Растворов, 29 лет – убит дек.

18. Урядник ст. Возн. Яков Стефанович Ламонов, 25 лет – убит дек.

19. Казак ст. Возн. Симеон Васильевич Толмачев, 25 лет – убит дек.

Все казаки и погибшие в те дни крестьяне и мещане погребены на приходском кладбище. После убийства большевиками священника Алексея Ивлиева служил в церкви священник Василий Сисоев.

Продолжение будет...

4 февраля. П.С./К/ – Виталию: № 3 и 4 Цыпкины – казаки этой фамилии были в Усть-Лабинской. Могли ли они оказаться во время восстания в Лабинской или поблизости, неизвестно.

№ 8 Белов Иван Федорович, 26 лет в списке от 19 января. Здесь ему 24 года. Ошибка в книге или другой человек?

№ 14 Иващенко без И.О. – Евгений в списке от 25 ноября.

№ 20 Алексеев Симеон Павлович...

№ 26 Горохов Андрей Матвеевич...

В ст. Владимирской на 1910 г. была только одна Покровская церковь, кирпичная, построена в 1904 г. вместо сгоревшей (Справочник по Ставропольской епархии).

Ст. Вознесенская: № 1 Безбородов Константин Георгиевич...

11 февраля. Виталий – П.С./К/: Простите, что сразу не получилось ответить Вам. Сейчас у нас месячник, очередной, военнопатриотический, и приходя домой падаю, не открывая почты. Нас с коллегой двое на весь район, а это 33 школы и дети с 1-го по 11-й класс. Плюс колледжи и два училища. Еще приезжают станицы из соседних районов, близкие к Лабинской. Жду как манна небесная окончания этого ужаса. А теперь выходной, и просматриваю все. *Сегодня же ходил в архив, где начальница показала мне в лицо бумажку, якобы запрещающую использовать информацию из метрических книг 95-летней давности! прибавив при этом, что можно ее использовать только с разрешения родственников?!.. Что за абсурд! Ничего не понимаю!* (курсив наш – П.С./К/). Другая новость, что не сохранились церковные книги станиц Константиновской и Родниковской за 1918 год. Очень жаль за константиновцев, они как никто другой, из современного Курганинского района, исторически близки лабинцам. Говорил и с архивом Московского района. Там есть книги станицы

Костромской за интересующий год, но нет главы «о умерших». Костромцы так же почти родные, наши земельные юрты разделяла Лаба. Как жаль! Не сохранилось книг станицы Ярославской того же района. Просил Сережу Немченко просмотреть, что есть у них в Отрадной, Надежной, Бесскорбной, Спокойной и пр. Позвонил, но настаивать не могу. Он мне сообщил, что этот дурацкий запрет пришел и к ним. *Надо ждать теперь 100 лет. Т.е. еще пять лет. Глупость.* (курсив наш – П.С./К/).

Теперь вернусь к Вашим вопросам.

Насчет Цыпкиных: там братья и все возможно, если спросить у современных владимирцев, есть ли в станице такая фамилия; если есть, значит иногородние, потому что если бы были казаки, то священник знал местных.

Белов 24 лет; день смерти – 8 июля, погребен – 8 июля,

Белов 26 лет; день смерти – 7 июня, погребен – 9 июня. Трудно сказать. Может, и разные люди. Но если учесть, как сумбурно велась книга в этой церкви в тот год... Могли и дважды зарегистрировать. Теперь как поступить, решение надо принять нам.

Иващенко Евгений (в списке от 25 ноября) был погребен в Лабинской 9-го октября, убит 7-го октября, в ограде Успенской церкви. Яков Данилович Иващенко – это казак ст. Владимирской, ему на день смерти 54 года, а убит он был во Владимирской и погребен там соответственно 12-го и 13-го июня 1918 г. Его сын Михаил 22 лет был убит 24 июня, а погребен 25 июня во Владимирской. Другой казак Иващенко того же 2-го Запорожского, что и Евгений, был убит 4-го октября, а погребен 5-го октября в станице Владимирской. Вот они-то, вероятно, братья, если служили в одном полку. При этом Евгений был погребен при Успенской церкви на основании отношения Лабинской больницы от 8 октября 1918 года за №101. Погребение совершил священник Павел Соколов с псаломщиком Сергеем Шатобой в братской могиле. Скорее это братья, погибшие в те дни возвращения добровольцев в боях за освобождение станиц Владимирской и Лабинской.

Спасибо за новую информацию о казаках и справку о церкви. Я поленился посмотреть, теперь знаю от местных, что действительно была одна, и еще получил ее фотографию.

Немного позднее, если компьютер не подведет, начну присылать свежие списки. В нашем архиве я успел переписать все еще до того, как мне показали ту бумажку...

Сведения из книги Рождество-Богородицкой церкви станицы Упорной «о умерших» за 1918 год:

1. Казак ст. Упорной Иван Михайлович Куть, 28 лет – убит июнь.
2. Казак ..... Карп Никифорович Качур, 33 года – убит июнь.
3. Есаул ..... Иван Николаевич Астафьев, 49 лет – убит июнь.
4. Казак ..... Андрей Петрович Тимофеев, 19 лет – убит июнь.
5. Казак ..... Афанасий Тихонович Каротко(а – ?), 40 лет – убит июнь.
6. Казак ..... Мефодий Максимович Негреев, 19 лет – убит июнь.
7. Казак ..... Стефан Васильевич Миненко, 43 года – убит июнь.
8. Казак ..... Яков Захарович Каркошко (Жоркошка –?), 47 лет – убит июнь.
9. Казак ..... Иларион Яковлевич Худиков, 21 год – убит июнь.
10. Казак ..... Василий Иванович Кузнецов, 29 лет – убит июнь.
11. Урядник ..... Иван Алексеевич Худиков (Хубиков –?), 38 лет – убит июнь.
12. Урядника ..... Александра Николаевича Маймулина (сын Михаил), 17 лет – убит июнь.
13. Урядник ..... Еразм Аверкиевич Худиков, 70 лет – убит июнь.
14. Казак ..... Казьма Яковлевич Сибилев, 22 года – убит июнь.
15. Казак ..... Владимир Лаврентиевич Ильин, 37 лет – убит июнь.
16. Казак ..... Яков Максимович Анцупов, (возр. не ук.) – убит июнь.
17. Казак ..... Николай Максимович Потдубный, 34 года – убит июнь.
18. Казак ..... Петр Максимович Потдубный, 24 года – убит июнь.
19. Казак ..... Исидор Феодотович Гуреев, 39 лет – убит июнь.
20. Казак ..... Харитон Епифанович Спивак, 35 лет – убит июнь.
21. Казак ..... Никифор Симеонович Жилин, 32 года – убит июнь.
22. Казак ..... Яков Ануфриевич Купайлов, 72 года – убит июнь.
23. Казак ..... Иосиф Дмитриевич Перепадин, 50 лет – убит июнь.
24. Вахмистр ..... Петр Яковлевич Погрецкий, 37 лет – убит июнь.

25. Казак ..... Андрей Митрофанович Сериков, 20 лет – убит июнь.
26. Казак ..... Моисей Саввич Ярмош, 25 лет – убит июнь.
26. Казак ..... Иван Саввич Ярмош, 27 лет – убит июнь.
27. Казак ..... Иван Емельянович Ярмош, 60 лет – убит июнь.
28. Казак ст. Спокойной Петр Никитович Дикарев, 17 лет – убит июнь.
29. Казак ..... Иларион Трофимович Родионенко, 48 лет – убит июнь.
30. Казак ..... Павел Харитонович Куренски (Куренский –?), 57 лет – убит июнь.
31. Казак ..... Михаил Петрович Рыбаков, 40 лет – убит июнь.
32. Казак ..... Афанасий Петрович Рыбаков, 36 лет – убит июнь.
33. Казак ..... Федот Петрович Рыбаков, 27 лет – убит июнь.
34. Казак ..... Илья Саввич Богомоллов, 68 лет – убит июнь.
35. Казак ..... Федор Казьмич Скориков, 30 лет – убит июнь.
36. Казак ..... Василий Иванович Лабанов, 39 лет – убит июнь.
37. Казак ..... Иван Иванович Лабанов, 33 года – убит июнь.
38. Казак ..... Павел Прокофьевич Л...цынко (возм., Луценко), 55 лет – убит июнь.
39. Казак ..... Лев Петрович Екимов, 36 лет – убит июнь.
40. Казак ..... Григорий Васильевич Качура, 33 года – убит июнь.
41. Казак ..... Георгий Петрович Кнышов, 33 года – убит июнь.
42. Казак ..... Владимир Евфимович Аве...алнов –? Аверьянов, 39 лет – убит июнь.
43. Казак ..... Филипп Яковлевич Аксенов, 38 лет – убит июнь.
44. Казак ..... Константин Назарович Аксенов, 30 лет – убит июнь.
45. Казак ..... Илья Алексеевич Дейнега, 29 лет – убит июнь.
46. Казак ..... Алексей Лукианович Дейнега, 56 лет – убит июнь.
47. Казак ..... Петр Иванович Лучанинов, 43 года – убит июнь.
48. Казак ..... Василий Михайлович Черничка, 21 год – убит июнь.
49. Казак ..... Максим Козьмич Скориков, 29 лет – убит июнь.

50. Казак ..... Филипп Иосифович Жданов, 20 лет – убит июнь.

51. Казак ..... Стефан Иванович Жданов, 47 лет – убит июнь.

52. Казак ..... Андрей Иванович Жданов, 23 года – убит июнь.

53. Казак ..... Иван Яковлевич Апальков, 21 год – убит июнь.

54. Казак ..... Григорий Спиридонович Косьленко (Косьменко?), (возр. неизв.) – убит июнь.

55. Казак ..... Федор Маркович Горбов, 40 лет – убит июнь.

56. Казак ..... Петр Родионович Спесивцев, 27 лет – убит июнь.

57. Урядник ..... Симеон Иларионович Булгаков, 50 лет – убит июнь.

58. Казак ..... Стефан Иванович Казанчеев, (возр. неизв.) – убит июнь.

59. Казак ..... Симеон Иванович Семенов, 64 года – убит июнь.

60. Урядник ..... Константин Стефанович Ярмош, 35 лет – убит июнь.

61. Казак ..... Кирилл Симеонович Семенов, 35 лет – убит июнь.

62. Казак ..... Николай Гаврилович Тупитченко, 46 лет – убит июнь.

63. Казак ..... Илья Николаевич Тупитченко, 19 лет – убит июнь.

64. Казак ..... Иван Евфимович Авер...л...нов (неразб. Аверьянов –?), 30 лет – убит июнь.

65. Казак ..... Иван Иванович Краснокутский, 49 лет – убит июнь.

66. Казак ..... Петр Власьевич Стракул, 19 лет – убит июнь.

67. Казак ..... Авраам Григорьевич Тимофеев, 63 года – убит июнь.

68. Казак ..... Никита Михайлович Акимов, 23 года – убит июнь.

69. Казак ..... Михаил Трофимович Акимов, 30 лет – убит июнь.

70. Казак ..... Прокофий Игнатьевич Филатов, 55 лет – убит июнь.

71. Вахмистр ..... Иларион Михайлович Хахулин (Хажулин –?), 43 года – убит июнь.

72. Казак ..... Василий Максимович Анцупов, 27 лет – убит июнь.

73. Урядник ..... Петр Васильевич Екимов (возм., Акимов), 87 лет – убит июнь.

74. Казак ..... Иван Сергеевич Пересыпкин, 25 лет – убит июнь.

75. Казак ..... Василий Георгиевич Реуков, 25 лет – убит июнь.

76. Казак ..... Иван Иванович Родионов, 50 лет – убит июнь.

77. Казак ..... Николай Иванович Родионов, 25 лет – убит июнь.

78. Казак ..... Петр Самуилович Рыбаков, 65 лет – убит июнь.

79. Казак ..... Максим Павлович Лабанов, (возр. неизв.) – убит июнь.

80. Полковник ККВ, казак ст. Упорной Василий Николаевич Маймулин, 60 лет – убит июнь.

81. Урядник ..... Константин Николаевич Маймулин, 59 лет – убит июнь.

82. Казак ..... Василий Константинович Маймулин, 20 лет – убит июнь.

83. Урядник ..... Елисей Ануфриевич Никитин, 60 лет – убит июнь.

84. Казак ..... Савва Иванович Константинов, 67 лет – убит июнь.

85. Казак ..... Леонтий Назарович Аксенов, 19 лет – убит июнь.

86. Казак ст. Безстрашной Григорий Федотович Нудьг, 25 лет – убит июнь (погребен в июле на Упорн. кладб.).

87. Казак ст. Каладжинской Федор Михайлович Бойко, 36 лет (или 37 – неразб.) – убит июнь (погребен в июле на Каладж. кладб.).

88. Казак ст. Каладжинской Иван Федорович Бойко, 23 года – убит июнь (погребен в июле на Каладж. кладб.).

89. Казак ..... Стефан Иванович Холодов, 26 лет – убит июль.

90. Казак ..... Стефан (отч. отсутств.) Спесивцев, 18 лет – убит июнь (погребен в июле).

91. Казак ..... Иван Федорович Дмитриев, 18 лет – убит июнь (погребен в июле).

92. Казак ..... Алексей Константинович Цокуров, 21 год – убит июнь (погребен в июле).

94. Вахмистр ..... Павел Иванович Лабанов, 40 лет – убит июль.

95. Казак ..... Дмитрий Стефанович Рощупко, 39 лет – убит июль.

96. Казак ..... Петр Михайлович Тимофеев, 39 лет – убит июль.

97. Урядник ..... Симеон Петрович Екимов, 40 лет – убит июль.

98. Казак ст. Каладжинской Федор Михайлович Бойко, 57 лет – убит июнь (погребен в июле). Про Бойко, о котором идет речь выше, ничего определенного сказать не могу. Полные тезки из одной станицы.

Только возраст и места погребения разные. Может, описка псаломщика.

99. Казак ст. Каладжинской Гавриил Николаевич Ильин, 43 года – убит июнь (погребен в июле).

100. Казак ст. Каладжинской Петр Павлович Николаев, 35 лет – убит июнь (погребен в июле).

Эта книга с очень неразборчивым почерком. Будет и продолжение...

14 февраля. П.С./К/ – Виталию: Огромное спасибо за список.

Достается Вам там, в родных местах. Не переделывать уже этих людей, заселивших Кубань вместо убитых и выселенных казаков. Глянул тут в очередной раз официальный сайт ККВ о Троицком восстании. Если набирать в поисковике какую-либо станицу в восстании – как раз можно «патриотически воспитываться». В Чамлыкской мимоходом пишут о погибших в восстании станичниках, а как их убивали, как над ними издевались (то, что подробно описывается в материалах комиссии Деникина) – будто и не было. Везде тема победной соввласти и «пытки белых», затем «банды». Ну, это понятно, почему. Быстро проскочили раскачивание и черные доски, а там опять пытки, уже фашистов. Во! Неважно, сколько людей уничтожили в 20-30-е, практически всех казаков (сами немцы говорят о 10 процентах на Кубани, заявивших себя казаками при них в 1942 г.) – считать не будем, потому как что? – пришла Победа!

На сайте восстания вывешен список 930 погибших: ФИО, сословие или без него – и всё.

Не указано ни единой станицы, ни возраста, ни кем был или где служил человек – т.е. всего того, чем мы с Вами сейчас занимаемся. Список – по материалам архивного отдела администрации Лабинского района (!) И кого по такому списку найдешь? Зато речи Д. с высокого холма в годовщину восстания и др. районных атаманов – непременно, и что «не надо делить на наших и не наших». Вот и не делят, вот и «поминают-празднуют», и воспитывают «подрастающее» на историческом бреде. Как, например, почти в каждой ссылке о восстании пишут о казаках Чамлыкской: «Погибли казаки, которые воевали в составе Кавказской армии белых, и о действиях которых с высокой похвалой отзывался генерал П. Н. Врангель» (!) Но если Кавказ-

ская Добровольческая армия была создана в январе 1919 г., тогда же ее командующим и стал Врангель, то кто же воевал в ней – души убиенных в июне 1918-го?

Интересно, кто из ученых мужей «курует» официальный сайт ККВ...

К нашим вопросам. Беловых я все же разделил, поверим церковным книгам, разница в возрасте и даты смерти в месяц – это много. А полные тезки одной станицы встречаются нередко.

По списку от 11 февраля.

№ 11 Худиков Иван Алексеевич – ...

№ 40 Качура Григорий Васильевич – ...

16 февраля. Виталий – П.С./К/: Спасибо Вам за доброе письмо. *Правда и горько, что живешь дома как в пустыне. И список, что в Интернете действительно составляли те, отбывающие часы. Самая главная из них, между прочим, вступила в новоказачество и как функционер администрации даже решила облачиться в черкеску!?. Комментарии, по-моему, излишни. К сожалению, она открыто не выносит меня, и это мягко сказано. Причина смешная для приличного человека: в той книжке о Лабинской, что я отправил Вам, посмел не упомянуть её особу!.. Теперь на всех общегородских историко-патриотических ту-совках, и к месту и не к месту, рассказывает, насколько автор некомпетент и, больше того, откровенный фальсификатор! Особенно смешно, что родилась она не в Лабинской, а «фальсификатор» – коренной лабинец по отцовской и материнской линиям в восьмом поколении. Восстали бы предки, посмотрели, как мы низко пали! Стыдно писать, но такой невысокий уровень морали у местной власти. Это дети тех, кто еще в начале 80-х кричал: мало мы вас, казачуру, вешали и ссылали!.. Дождетесь, мы вас еще на Соловки загоним! Я был мальчиком, и то помню; хотя и не знал, почему мы казачура. Теперь они – «возродители» традиций (о которых слыхом не слыхивали!), а мы – дилетанты и фальсификаторы. И все бы было так смешно... Недавно ехал на конференцию в машине вместе с городским атаманом и начальником штаба. Оба не местные. Один говорит другому, что это у нас казак N. занимается с молодежью белой пропагандой?.. Корнилов там у них, Деникин, Врангель... что за герои! Ты смотри!.. Надо это дело пресекать! И все это вперемешку с самой черной бранью. Такие*

рисунки с натуры, о нравах современного казачества. Или как это назвать? (курсив наш. – П.С./К/).

А теперь немного о настоящих людях (из книги Рождество-Богородицкой церкви ст. Упорной):

1. Казак ст. Каладжинской Федор Сергеевич Давыденко, 44 года – убит в июне, погребен в июле.

2. Казак ст. Каладжинской Георгий Васильевич Байков, 38 лет – убит в июне, погребен в июле.

3. Казак ст. Каладжинской Иван Федорович Бабич, 53 года – убит в июне, погребен в июле.

4. Казак ст. Каладжинской Михаил Иванович Бабич, 34 года – убит в июне, погребен в июле.

5. Казак ст. Каладжинской Федор Иванович Бабич, 21 год – убит в июне, погребен в июле.

6. Казак ст. Каладжинской Герасим Симонович Трофименко, (возр. неизв.) – убит в июне, погребен в июле.

7. Казак ст. Каладжинской Евфимий Григорьевич Крытов, 32 года – убит в июне, погребен в июле.

8. Казак ст. Каладжинской Александр Андреевич Чечёткин, 45 лет – убит в июне, погребен в июле.

9. Казак ст. Каладжинской Парфирий Александрович Чечёткин, 23 года – убит в июне, погребен в июле.

10. Казак ст. Каладжинской Павел Андреевич Чечёткин, 50 лет – убит в июне, погребен в июле.

11. Казак ст. Каладжинской Петр Иванович Конарев, 24 года – убит в июне, погребен в июле.

12. Казак ст. Каладжинской Павел Космич Каракаев, 52 года – убит в июне, погребен в июле.

13. Казак ст. Каладжинской Гавриил Георгиевич Афонин, 47 лет – убит в июле.

14. Казак ст. Каладжинской Даниил Саввич Скрыпников, 25 лет – убит в июле.

15. Казак ст. Каладжинской Стефан Васильевич Давыдов, 23 года – убит 9 июля.

16. Казак ст. Каладжинской Петр Симонович Зенкин, (возр. неизв.) – убит в июле.

17. Казак ст. Каладжинской Стефан Ильич Терещенко, (возр. неизв.) – убит в июле.

18. Казак ст. Упорной Антоний Георгиевич Аксенов, 23 года – убит (месяц и число не известны) погребен в июле.

19. Прапорщика ст. Упорной Ивана Антоновича Батюка (дочь Раиса 11 мес.) – от слабожизнения в июле (это просто интересная запись).

20. Казак ст. Упорной Власий Никифорович Стракул(а –?), 38 лет – убит в июле.

21. Житель ст. Лабинской, Григорий Аггеев, 35 лет – в октябре (от огнестрельной раны).

22. Житель ст. Лабинской, Яков Никитич Стороженко, 21 год (от ран).

23. Приказный ст. Гиагинской Иосиф Иванович Купин, 26 лет – убит в октябре в бою с большевиками (труп отправлен в ст. Гиагинскую, Майкопского отд., Кубанской обл.).

24. Приказный ст. Кубанской Леонтий Евсеевич Руднев, 24 года, убит в октябре в бою с большевиками (погребен на общем кладбище).

25. Казак ст. Кубанской Петр Родионович Руднев, 24 года (дата смерти и погребения не указаны) убит в бою с большевиками (погребен на общем кладбище).

26. Урядник ст. Упорной Сергей Михайлович Хахулин, 30 лет – убит в июне, погребен в октябре.

27. Казак ст. Упорной Петр Иванович Рычнев, 44 года – убит (месяц не указан), погребен в октябре.

28. Казак ст. Упорной Дмитрий Григорьевич Безгин, 21 год – убит в июне, погребен в октябре.

29. Подпоручик Федор Иванович Бастрычев (Бастрылев –?), 33 года – убит в октябре.

30. Урядник ст. Упорной Петр Яковлевич Дубин, 49 лет – убит в октябре, погребен в ноябре.

16 февраля. П.С./К/ – Виталию: Благодарю Вас за новый список.

«Тетки» или певцы в казаках, с присвоением им чинов и званий – старая история. Совсем ополоумели новоявленные «атаманы». Сидят у кормушки, признают только красных «героев», вместе с администрацией на местах гнобят всех, занимающихся подлинной историей... Радует, что хватает и других, молодых (!) людей, стремящихся докопаться до правды и идущих к ней делами своими.

16 февраля. Виталий – П.С./К/: Продолжу:

1. Казак Полтавской губ., Лубенского уезда, Тарандинцовской волости, с. Гопцо-

ва, Петр Васильевич Кала..и..тан –?, 21 год – убит в ноябре.

2. Приказный ст. Ново-Ивановской, Ейского отд., Куб. обл., Константин Николаевич Иванько, 24 года – убит в бою в октябре.

3. Урядник ст. Упорной Василий Алексеевич Беликов, 55 лет – убит в бою в июне, погребен в нояб.

4. Казак Черниговской губ., Дептовской волости и села, Яков Яковлевич Рыбчунов (Рыбгунов –?), 38 лет – убит в октябре, погребен в декабре.

5. Казак ст. Упорной Роман Дмитриевич Ильин, 26 лет – убит в сентябре, погребен в декабре.

6. Казак ст. Упорной Иван Стефанович Бондаренко, 20 лет – убит в июне, погребен в декабре.

7. Казак ст. Упорной Гавриил Иванович Чемисенко, 24 года – убит в июне, погребен в декабре.

8. Казак Черниг. губ., Глуховск. уезд, с. Дубович Василий Леонтьевич Мельник, 50 лет – убит в дек.

9. Казак Черниговской губ., Конотопского уезда, с. Дептовки Федор Потапиевич-Полосьмак, 62 года – убит в ноябре, погребен в декабре.

10. Казак Черниговской губ., Конотопского уезда, с. Дептовки Мирон Ефимович Новак, 48 лет – убит в ноябре, погребен в декабре.

11. Казак Полтавской губ., местечка Репьёвка Андрей Авкантиевич Пересыпкин, 66 лет – убит в октябре погребен в декабре.

12. Казак ст. Лабинской Андрей Иванович Спесивцев, 22 года – убит в октябре, погребен в дек.

13. Казак ст. Упорной Павел Назарович Аксенов, 22 года – скончался от огнестрельной раны в дек.

14. Казак ст. Упорной Пантелеймон Иванович Жарков, 27 лет – скончался от огнестрел. раны в дек.

Это все, что удалось найти в книгах станицы Упорной. Не отмеченные особо были погребены на общем кладбище в Упорной. Сказать что-то определенное о казаках из Полтав. и Черниг. губерний трудно. Возможно, они были постоянными жителями Упорной, как такое нередко встречалось у нас в Лабинской. Например, моя прапрабабушка Николенко (в девичестве) родилась в Лабинской, а писались казачьей дочерью такого-то из казаков Пол-

тавской губернии. И такие примеры не единичны. Может, и в Упорной было так.

Если у Вас есть свои версии на этот счет, приму с благодарностью.

18 февраля. П.С./К/ – Виталию: Из этого списка точные данные о службе имеются по: Жарков Пантелеймон Иванов – ...

Малороссийские казаки, проживавшие на Кубани и остававшиеся вне ККВ. Почему они не были приняты в Войско – причины самые разные. Еще в последней трети XIX века, если станичный сход не принимал такую семью – не считал их полезным для общества, то для «кандидатов в казаки» наступал долгий и утомительный путь ежегодных прошений с обязательствами «служить, как все» и получения отписок от начальства. Многие не выдерживали и прекращали пустые хлопоты. Хватало и тех, что сами выходили из Войска, не справившись с обязанностями. В войну 1914 года казаки-малороссы мало, но поступали в полки ККВ, хотя никаких казачьих Войск в Малороссии к тому времени не существовало уже более 100 лет, казаками они являлись только по происхождению, и зачислялись на службу охотниками в кубанские полки на время войны с Высочайшего разрешения, «в изъятие из правил». Один из примеров: Литвиненко Александр – казак с. Омельевского, Омельевской волости, Кременчугского уезда, Полтавской губ., 3-го Запорожского полка, Георгиевская медаль 4 ст. № 265555 в 1915.

В Вашем списке по малороссам трудно что-либо сказать определенно – это могли быть как пришедшие с Добрармией, так и местные жители.

19 февраля. Виталий – П.С./К/: Спасибо Вам за справку о «малороссах». Сейчас занят раскручиванием истории о предпосылках восстания и подробностях становления революционной власти. Случайно в руки попались воспоминания участников с красной стороны. Много удалось прояснить по некоторым погибшим лабинским повстанцам. Теперь абсолютно ясны события того утра и первой половины дня. Еще спасибо Вам за информацию о казаках. Продолжу список.

Книги церкви станицы Отважной за 1918 год не сохранились. Отправляю Вам, что выписал за 1919 год... (в основном, убитые в боях. – П.С./К/).

20 февраля. П.С./К/ – Виталию: До-вести анализ восстания до конца Вы «про-сто обязаны». Надо, конечно же, закончить работу.

Выписки за 1919 г. всегда нужны, спасибо! Один казак со службой есть, те-перь справка выглядит так: Калмыков Мих. Павл. – ...

22 февраля. Виталий – П.С./К/: Спасибо за Ваше последнее письмо-напутствие. Я чувствую и сам, что освежить новыми красками давно заезженную и заго-воренную здесь тему восстания необходимо. Но, чем дальше смотрю, тем меньше виден край исследования. Например, как оказа-лось, много, что можно выудить из местной газетки. Там в коммунистические времена «красные партизаны» – так они себя назы-вали, к большевистским юбилеям писали заметки. Вспоминали ушедших товарищей и «годы решающих побед». Сейчас пыта-юсь составить списки тех деятелей. Среди них есть и казаки Лабинской и окружаю-щих станиц. Когда сведу все воедино, по-прошу «пробить» по Вашим базам. Но это только моя нескромная фантазия, не пред-полагающая положительного ответа с Ва-шей стороны. Еще предложил бы для на-сыщения «досье казака», в том исследова-нии, что Вы готовите, указать день смерти и место погребения. Для этого я готов пора-ботать со своими записями еще раз, чтобы максимально «насытить» досье. Достойным потомкам, если таковые отыщутся, важно помянуть предка по-христиански, в день упокоения. Если подобная идея Вам понравится, то ее можно воплотить в жизнь.

К сожалению, пока не имею ответа от П. из Америки. Я отправил туда, месяц то-му назад, имена двоих его родственников из Владимировской, с просьбой уточнить сте-пень родства и прокомментировать извест-ные события восемнадцатого. От него ниче-го!.. Странно!.. Написал хотя бы, что пись-мо получил. Тем более что почтой ведает его сын. Я был у них в доме, за столом, брал интервью, глубоко и долго общались и прочее?.. Как Вы думаете, в чем там дело?

Теперь очередной список:

Казанская церковь х. Ереминского. Видимо, местные казаки раньше называли этот хутор станицей. Там сохранились кни-ги староверской церкви, а может быть, она одна и была на хуторе. Даю информацию за 1918 и 1919 годы.

1. Ст. Ереминской казак, Михаил Петро-вич Ковалев, 70 лет – убит в сентябре 1918 г.

2. Уссурийс. обл., Кустанайск. уезда, сл. Сергиевской казак Петр Иванович Щерба-ков, 43 г. – убит в окт. 1918.

3. Ст. Ереминской казак, Тимофей Ва-сильевич Попов, 30 лет – убит в июне 1919 г.

4. Ст. Ереминской казак, Иван Петрович Данилов, 28 лет – убит в июле 1919 г.

Все погребены на приходском клад-бище.

Теперь Иоанно-Богословская церковь станицы Каладжинской, графа «о умерших» за 1918 год:

1. Казак ст. Каладжинской Ефим Леон-тиевич Ивахненко, 33 года – убит и погреб-ен в октябре.

2. Казак ст. Каладжинской Иван Поли-карпович Дятлов, 42 года – убит (не указано), погребен в окт.

3. Казак ст. Каладжинской Стефан Ва-сильевич Давыдов, 21 год – убит (не указ.), погребен в окт.

4. Казак ст. Каладжинской Андрей Фе-дотович Шавкун, 35 л. – убит (не указ.), по-гребен в октябре.

5. Казак ст. Каладжинской Николай Ва-сильевич Соненко, 19 л. – убит (не указано), погреб. в нояб.

6. Казак ст. Каладжинской Игнатий Пет-рович Шутко, 20 лет – убит (не указано), погребен в нояб.

7. Казак ст. Каладжинской Никифор СаввичПушко, 27лет - убит (не указано), погребен в ноябре.

8. Казак ст. Каладжинской Алексей Ев-лампиевич Оброткин, 40 л. – убит (не указ.), погреб. в нояб.

9. Казак ст. Каладжинской Митрофан Иванович Новомирский, 33 л. – убит (не указ.), погреб. в дек.

10. Казак ст. Каладжинской Симеон Ильич Кретов, 30 лет – убит (не указано), погребен 2 декабря.

11. Казак ст. Каладжинской Антоний Рафаилович Красноплахтов, 28 л. – убит (не указ.), погр. 5 дек.

12. Казак ст. Каладжинской Гавриил Ра-фаилович Красноплахтов, 18 л. – убит (не указ.), погр. 5 дек.

13. Казак ст. Каладжинской Стефан Кондратович Ченский, 35 лет – убит (не указ.), погребен в дек.

14. Казак ст. Отважной Николай Гри-горьевич Скрылев, 45 лет – убит (не указ.), погребен в дек.

Каладжинка, год 1919-й: ... (убитые в боях).

Казаки были погребены на общем кладбище.

23 февраля. П.С./К/ – Виталию: После сведения Ваших материалов, конечно, посмотрю, что есть на этих казаков, переставших быть таковыми.

День смерти я всегда указываю, если таковой имеется, то бишь, если Вы его писали. Жаль, что при наличии таких данных Вы, возможно, ставили только месяц.

С местом погребения сложнее. Биографическая справка (даже короткая) в будущей большой работе не предполагает его, т.к. у огромного большинства людей, и не ясно, где косточки-то лежат, да и сохранились ли они после перепахивания советами всех кладбищ и захоронений. И потом, я вынужден уже сейчас думать, как вообще удастся издать такой мартиролог с десятками тысяч людей, даже если одна справка занимает две строчки (беру min.). Указать еще погребение: глагол, кладбище, повтор станицы, дата – плюс целая строчка. Это увеличивает объем текста на треть. Но, я подумаю.

По Вашему тексту. Еременский – в Кубанском календаре на 1914 г. писался (через «е») хутором, в 1916-м стал станицей. Было два храма: Рождество-Богородицкая церковь и Спасо-Преображенская единоверческая церковь.

Имеющиеся данные о службе: 10. Кретов Симеон Ильич – ...

11. Краснопахтов Антоний Рафаилович – ...

14. Скрылев Николай Григорьевич – ...

24 февраля. Виталий – П.С./К/: Насчет хутора Ерёминского (так говорят у нас) уточню у местных после выходных. По моим данным, из Казанской церкви с ними никак не совместимы Спасо-Преображенская и Рождество-Богородицкая. Я ничего не знаю об этом маленьком хуторе. Постараюсь позвонить в администрацию этого поселения и выпытать все у них. Насчет идеи указания дня смерти... Изначально мне и в голову не пришла такая мысль. Осознание пришло с опытом. Виноват!

1. Давыдов из списков Каладжинской церкви (№ 3) был погребен 14 октября. В книге той церкви псаломщик, проводивший регистрацию, редко указывал день смерти, только день погребения. Возможно, запись

в Каладжинской церкви производилась в октябре со слов родственников. Они вряд ли могли знать о регистрации в Упорненской церкви.

2. Давыдов из списка Упорненской церкви был убит 9-го июля, а погребен 15-го июля. Надо посмотреть у Фостикова, что там было в те дни. Решать теперь нам. Мне думается, с учетом особенностей записей в Каладжинской, это один человек. В Каладжинской в декабре убили еще и крестьянина из Екатеринославской губернии Симеона Михайловича Давыдова 37 лет. Наверное, однофамильцы.

Меня еще смутил Скрылев (№ 14) от 22 февраля. Он погребен 16 декабря 1918 года, а в книге Отваженской церкви, но за 12 января 1919 года, есть убитый казак Скрыль (в моем списке от 19-го февраля № 1). Думаю, это одно лицо. Хорошо было бы знать, что там было.

Запись о погребении Кретова была сделана 2-го декабря. Краснопахтова 5-го декабря (он и его брат).

Теперь новые списки из метрической книги ст. Зассовской, графа «о умерших» за 1918 год:

1. Казак ст. Ивановской Иван Корнеевич Кермен, 32 года – убит в сражении с большевиками (погиб 7-го, погребен 8-го октября).

2. Урядник 2-го Уманского полка, Иван Козлов, 25 лет – убит в сражении с большевиками (погиб 9-го, погребен 10-го октября).

3. Казак Владимир Алексеевич Кривошеев, 25 лет – убит 8-го июня, погребен 16-го июня (а какой станицы, не указано в книге, и причина поздней записи неизвестна, может, и большевик).

Ниже списки казаков станицы Зассовской, внесенные в метрическую книгу этой церкви только в январе 1919 года.

1. Казак ст. Зассовской Георгий Павлович Кондраков, 27 лет – казнен большевиками 7 июня.

2. Казак ст. Зассовской Павел Филиппович Ковалев, 19 лет – казнен большевиками 7 июня.

3. Казак ст. Зассовской Иван Никифорович Петруньков, 52 года – казнен большевиками 7 июня.

4. Казак ст. Зассовской Петр Иванович Петруньков, 21 год – казнен большевиками 7 июня.

5. Казак ст. Зассовской Василий Григорьевич Буланов, 19 лет – казнен большевиками 7 июня.

6. Казак ст. Зассовской Семен Антонович Емельянов, 59 лет – казнен большевиками 7 июня.

7. Казак ст. Зассовской Михаил Макарович Синельников, 52 года – казнен большевиками 7 июня.

8. Казак ст. Зассовской Фома Прокопиевич Горбенко, 28 лет – казнен большевиками 7 июня.

9. Казак ст. Зассовской Иоаким Емельянович Егоров, 31 год – казнен большевиками 7 июня.

10. Отст. В. Ст. ст. Зассовской Василий Михайлович Пегушин, 56 лет – казнен большевиком. 7 июня.

11. Казак ст. Зассовской Георгий Ефремович Андреев, 21 год – казнен большевиками 7 июня.

12. Казак ст. Зассовской Яков Ерофеевич Яндовицкий, 34 года – казнен большевиками 7 июня.

13. Казак ст. Зассовской Евстафий Трофимович Букатин, 31 год – казнен большевиками 7 июня.

14. Казак ст. Зассовской Петр Николаевич Литвиненко, 20 лет – казнен большевиками 7 июня.

15. Казак ст. Зассовской Григорий Семенович Назаров, 42 года – казнен большевиками 7 июня.

16. Казак ст. Зассовской Захарий Пантелеймонович Риндин, 23 года – казнен большевиком. 7 июня.

17. Казак ст. Зассовской Стефан Иоаникиевич Воротников, 21 год – казнен большевиками 7 июня.

18. Казак ст. Зассовской Симеон Иосифович Манюхин, 67 лет – казнен большевиками 7 июня.

19. Казак ст. Зассовской Евфимий Владимирович Скибин, 35 лет – казнен большевиками 7 июня.

20. Казак ст. Зассовской Алексей Елисеевич Скубаков, 30 лет – казнен большевиками 7 июня.

25 февраля. П.С./К/ – Виталию: О церквах х. Ерменского прикрепляю обложку и страницы епархиального справочника.

Давыдов, видимо, один человек, как и Скрылев (Скрыль), Вы правы.

Фостиков в июле воевал под Ставрополем, он нам здесь не поможет.

Кривошеев – зассовская фамилия, вполне подходит для восстания, затем красные с ним могли сделать такое..., что пока

нашли останки, и запись о смерти оказалась поздней. У Вас далее список о смерти людей в июне 18-го, январем 19-го датируется. Или Вы что-то другое подразумевали?

Из списка ном. 16 – Рындин Захарий Пантелеймонович –...

ном. 19 – Скибин Евфимий Владимирович...

3 марта. Виталий – П.С./К/: Кривошеев – действительно зассовец, мои сомнения подтвердит новый список. Насчет Ерменской тоже все верно: и в «Вашем» справочнике, и на деле, но только на период до 60-х годов прошлого века. Директор местной школы провела расследование, и одна долгожительница сказала, что у них, до упомянутой выше даты, действительно существовало две церкви. Как она сообщила: одна – около ДК, другая – за речкой. В начале 50-х женщина там венчалась, но названия храма не помнит. Это почти единственный там старожил в здравой памяти. А местные «грамотеи» из учителей, которые мне помогали, даже этого не знали. Хотя название «Казанская» – им знакомо. Вот и все, и понимай как хочешь! *Так теперь почти в каждой станице. Живут как в гостях. За последний год пришлось немало удивляться, узнавая, на каком высоком бытовом и культурном уровне жили в старое время наши станицы. И не одна Лабинская. Кругом, то там, то здесь встречаешь полуразрушенные кирпичные, под железной крышей, дома, остатки прудов, каменных мостов, тротуаров, фонарей ночного освещения, образцовых садов. А у Солоцких, во Владимировской, почти ботанический сад. Мы деградировали сильно. Пропали с карты целые хутора и экономии. Поселения немецких и эстонских колонистов (курсив наш. – П.С./К/).* При этом проходящие в музей гости отмечают, что мы еще живем зажиточно, а главное – у нас чисто! Что тогда сказать об остальной провинциальной России. *Как плохо, что местные люди инертны, а у меня до всего района, скорее всего, «руки не дойдут». Печально все это!.. (курсив наш. – П.С./К/).*

Новый формат справки, по-моему, великолепен. Дай Вам Боже, многая лета! Затягиваю с окончанием списка только потому, что устроился подрабатывать ночным сторожем у нас в музее. Теперь почти живу там, как экспонат, и дома у компьютера бываю редко. Наше скромное содержание

пока не дает возможности для сносного проживания. Так что еще раз прошу извинить за задержки. Запись о смерти казаков в церковной книге действительно была сделана только после освобождения станиц от красных. Вы все правильно поняли.

1. Казак ст. Зассовской Роман Малафиевич Кобцев, 57 лет – казнен большевиками 7 июня.

2. Офицер ст. Попутной Андрей Андреевич Саввин, 24 года – казнен большевиками 7 июня.

3. Казак Владимир Алексеевич Кривошеев (но в этом списке ему 24 года) – казнен большевиками.

4. Казак ст. Зассовской Иван Филиппович Михайлов, 19 лет – казнен большевиками 7 июня.

5. Казак ст. Зассовской Дмитрий Нефедович Талгучев, 26 лет – казнен большевиками 7 июня.

6. Казак ст. Зассовской Григорий Нефедович Талгучев, 37 лет – казнен большевиками 7 июня.

7. Казак ст. Зассовской Алексей Васильевич Паевский, 27 лет – казнен большевиками 7 июня.

8. Казак ст. Зассовской Гавриил Федорович Запорожский, 24 года – казнен большевиками 7 июня.

9. Казак ст. Зассовской Федор Сильвестрович Запорожский, 63 г. – казнен большевиками 7 июня.

10. Казак ст. Зассовской Никита Адамович Савостьянов, 26 лет – казнен большевиками 7 июня.

11. Казак ст. Зассовской Мирон Дмитриевич Дура(е)ков, 18 лет – казнен большевиками 7 июня.

12. Казак ст. Зассовской Ефим Ермолаевич Глубоков, 34 года – казнен большевиками 6 июня.

13. Казак ст. Зассовской Никита Анисимович Тюрин, 23 года – казнен большевиками 6 июня.

14. Казак ст. Зассовской Петр Данилович Волотко, 56 лет – казнен большевиками 8 июня.

15. Казак ст. Зассовской Андрей Георгиевич Кутькин, 38 лет – казнен большевиками 8 июня.

16. Казак ст. Зассовской Андрей Михайлович Рыбалка, 20 лет – казнен большевиками 8 июня.

17. Казак ст. Зассовской Феоктист Игнатьевич Левченко, 54 года – казнен больш. 8 июня. повтор

18. Казак ст. Зассовской Василий Дмитриевич Дуреков, 21 год – казнен большевиками 8 июня.

19. Казак ст. Зассовской Иван Федорович Запорожский, 29 лет – казнен большевиками 8 июня.

20. Казак ст. Зассовской Сергей Васильевич Михайлов, 25 лет – казнен большевиками 8 июня.

21. Казак ст. Зассовской Гавриил Васильевич Логвиненко, 48 лет – казнен большевиками 8 июня.

22. Казак ст. Зассовской Георгий Дмитриевич Лукьянов, 29 лет – казнен большевиками 8 июня.

23. Казак ст. Зассовской Федор Андреевич Гончаров, 31 год – казнен большевиками 8 июня.

24. Казак ст. Зассовской Федор Савельевич Беседко, 56 лет – казнен большевиками 8 июня.

25. Казак ст. Зассовской Василий Афанасьевич Михальчевский, 26 лет – казнен большев. 8 июня.

26. Казак ст. Зассовской Иван Мартынович Гречка, 27 лет – казнен большевиками 8 июня.

4 марта. П.С./К/ – Виталию: Очень внимательно и с радостью читаю Ваши письма, хотя пишете о «делах печальных» на Кубани современной.

Благодарю за очередной список – Вы очень помогаете мне.

Данные есть по: Запорожский Иван Федорович –...

11 марта. Виталий – П.С./К/: Продолжаю список Зассовских казаков:

1. Казак ст. Зассовской Иван Георгиевич Кутько, 49 лет – казнен большевиками 8 июня.

2. Казак ст. Зассовской Елисей Андреевич Гончаров, 37 лет – казнен большевиками 9 июня.

3. Казак ст. Зассовской Григорий Дионисиевич Щукин, 23 года – казнен большевиками 10 июня.

4. Казак ст. Зассовской Василий Иларионович Коровин, 53 года – казнен большевиками 11 июня.

5. Казак ст. Зассовской Ефим Назарович Мора..нь..ко? Мартыщенко, 39 л. – казнен больш. 11 июня.

6. Казак ст. Зассовской Яков Иванович Туралин, 33 года – казнен большевиками 11 июня.

7. Казак ст. Зассовской Илья Яковлевич Ульянов, 57 лет – казнен большевиками 11 июня.

8. Казак ст. Зассовской Афанасий Григорьевич Антипов, 31 год – казнен большевиками 11 июня.

9. Казак ст. Зассовской Азарий Ефремович Андреев, 48 лет – казнен большевиками 11 июня.

10. Казак ст. Зассовской Афанасий Федорович Скрильников, 61 год – казнен большевик. 11 июня.

11. Казак ст. Зассовской Алексей Семенович Гончаров, 34 года – казнен большевиками 11 июня.

12. Казак ст. Зассовской Иван Яковлевич Краморов, 40 лет – казнен большевиками 11 июня.

13. Казак ст. Зассовской Иван Елизарович Тугачев, 40 лет – казнен большевиками 11 июня.

14. Казак ст. Зассовской Тимофей Иванович Горобец, 31 год – казнен большевиками 11 июня.

15. Казак ст. Зассовской Поликарп Ильич Мартынов, 35 лет – казнен большевиками 11 июня.

16. Казак ст. Зассовской Евграф Ильич Ульянов, 38 лет – казнен большевиками 11 июня.

17. Казак ст. Зассовской Захарий Иванович Николаев, 25 лет – казнен большевиками 11 июня.

18. Казак ст. Зассовской Даниил Федотович Мачалка, 54 года – казнен большевиками 11 июня.

19. Казак ст. Зассовской Владимир Яковлевич Харькущенко, 35 лет – казнен большевик. 11 июня.

20. Казак ст. Зассовской Федор Никифорович Кубарев, 64 года – казнен большевиками 11 июня.

21. Казак ст. Зассовской Василий Васильевич Павлов, 23 года – казнен большевиками 11 июня.

22. Казак ст. Зассовской Иосиф Дионисьевич Гончаров, 28 лет – казнен большевиками 11 июня.

23. Казак ст. Зассовской Потапий Дмитриевич Анютин, 34 года – казнен большевиками 11 июня.

24. Казак ст. Зассовской Алексей Денисович Михайлов, 43 года – казнен большевиками 13 июня.

25. Казак ст. Зассовской Иван Георгиевич Гайдуков, 37 лет – казнен большевиками 13 июня.

26. Казак ст. Зассовской Никифор Семенович Гончаров, 41 год – казнен большевиками 13 июня.

27. Казак ст. Зассовской Тимофей Кузьмич Иванов, 35 лет – казнен большевиками 24 июня.

28. Казак ст. Зассовской Григорий Симеонович Гончаров, 28 лет – казнен большевиками 28 июня.

29. Казак ст. Зассовской Андрей Симеонович Гончаров, 37 лет – казнен большевиками 28 июня.

Следом за этим, идут списки казаков погребенных в 1919 году (убиты в боях):...

Уважаемый Павел Николаевич, вот и все, что удалось выписать из церковных книг, пока чиновницы не закрыли мне доступ к документам. Вечная память ушедшим героям, а Вам Божьей помощи в работе.

Все вышеперечисленные казаки были погребены в церковной ограде Михаило-Архангельской церкви станицы Зассовской. До сего дня ни церковь, ни братские могилы не сохранились. Точнее, они, может быть, и сохранились, но на том месте нынче стадион.

14 марта. П.С./К/ – Виталию: Только что закончил расстановку и сверку казаков из Вашего последнего списка. Задержался с ответом, потому как решил все-таки включить в будущую работу и тех, кто по возрасту не мог служить в Великую войну. По здравому рассуждению эти старики-казаки и выступали зачинателями восстания в своих станицах против красных, их в первую очередь и казнили – обо всем этом вспоминали многие, тот же Ф.И. Елисеев прекрасно написал, как это было.

Поэтому, прошел с самого начала по всем Вашим спискам.

Из последнего служба есть у следующих людей:

№ 5 это, похоже: Мартыщенко Ефим Назарович, № 11 Гончаров Алексей Семенович, № 17 Николаев Захарий Иванович, № 23 Анютин Потапий Дмитриевич, № 24 Михайлов Алексей Денисович, № 26 Гончаров Никифор Семенович...

Помогли Вы мне здорово, за что я Вам очень благодарен. Возможно, и у вас в Лабинской что-то сдвинется – в пользу Вашей работы, не вечны в казенных креслах эти чиновники (говорю об их «службе»).

А связь мы с Вами не потеряем, пишите, пожалуйста, как там, на Кубани, Вы все очень верно замечаете.

26 марта. Виталий – П.С./К/: В течение недели, даже полторы, сильно хворал и только дня два назад начал приходить в себя. Давно прочел Ваше письмо, а вот физических сил ответить на него не было никаких. Я очень доволен, что Вам удалось привести в порядок все списки. Когда сам займусь систематизацией – неизвестно. От души поддерживаю решение о расширении мартиролога за счет «стариков». Все верно, они достойны того, как охранители старины. Знаю то из фактов нашей истории того периода. Абсолютно соглашусь с тезисом, что зачинателями были старики, но еще – офицеры, оставшиеся верными воинской присяге. С рядовыми казаками вышло по-другому.

Как в 60-е годы вспоминал один красный партизан: «Реакционно настроенные офицеры и часть казаков вынуждены были разойтись по домам (в 1918-м, по возвращении наших полков в Лабинскую), но это было, своего рода, их подпольем». Они же рассказывали, что со стороны лабинцев возглавили Троицкое выступление «бывшие» (в разное время): начальник гарнизона, атаман и начальник местной команды. Сравнивая старое и новое время, нередко склоняюсь к грешной мысли, что ведь нынешние «высокопоставленные казаки» (обласканные властью и согретые краевыми субсидиями), случись что (в отличие от старозаветных), с легкостью отрекутся от казачества. Как Вам кажется?

Насколько смог понять, время от времени, бывая на мероприятиях неказачества, для них основа – отчетность и внешний декорум. В Лабинской создали подобие казачье-полицейских патрулей (содержание положили 25 тыс. по местным меркам, целое состояние!) нашли туда 20 казаков по великому благу: сватьёв, братьёв, кумовьёв и послушных олухов. Прости Господи, что тут скажешь! Одна беда, теперь этих казаков надо учить разговаривать с людьми, а то народ удивляется интеллекту «красы и гордости» Кубани. На более чем стотысячное население района не нашлось двадцати казаков, могущих связать в предложение два слова.

Если нужны уточнения по спискам (кстати, у меня в одной из заброшенных папок нашелся старый список лабинцев, из

Успенской церкви, в котором я записывал и возраст, там, где наш родственник среди покойников). Отправлю уточнения (если еще актуально, конечно!).

27 марта. П.С./К/ – Виталию: О нынешних атаманах и казаках Вы пишете все верно. Пустые они внутри... Есть отдельные из них, увлеченные, старающиеся что-то полезное делать – и что любопытно, у них получается.

Уточнения по спискам нужны, буду ждать, когда составите.

17 апреля 2015 г. Виталий – П.С./К/: Спасибо за Ваше письмо... много что произошло, да и новостей особенных нет. У меня весь прошлый год и зима этого были крайне трудными. Там были и скорбные семейные дела, и моя автоавария, и очень серьезная болезнь. Так что в этом году вышел я на работу только в марте месяце. Такие новости, если сказать вкратце. Как Вы живете и движется ли какая-то творческая работа? У меня она в прошлом году приостановилась. Правду сказать, в сборнике, выпущенном к 90-летию района, чудом выскочили две статейки, и те наскоро слепленные и паршивенькие.

Спасибо за то, что помните. Еще раз сердечно поздравляю со Светлым праздником Пасхи Христовой, и желаю крепкого здоровья.

17 апреля. П.С./К/ – Виталию: Прошлый год (да и нынешний) у меня тоже был очень напряженным – говорю о близких и медпроблемах. Продолжаю собирать кубанцев, отвечать на вопросы пишущих мне и т.п.

Всегда рад Вашим письмам. Здоровья Вам.

7 января 2016 г. П.С./К/ – Виталию: поздравил с Рождеством, получил ответ.

Далее переписка о казаках, но не Троицкого восстания.

16 ноября 2017 г. – Виталий умер.

Г.И. Гужвенко

Воспоминания

Публикация В.А. Хлебнова

Предисловие

Передо мной лежит толстая коленкоровая папка зеленого цвета с наклеенной машинописной этикеткой: «Гужвенко Г.И. О том, что было». А под этим названием

приписка: «Воспоминания старого коммуниста». В папке две сотни пожелтевших от времени листов, на которых запечатлена вся жизнь Георгия Ивановича Гужвенко – живого свидетеля эпохи СССР.

Воспоминания – не дневниковые записи, фиксировавшие ежедневные события в жизни автора и страны почти синхронно. Свои мемуары Гужвенко писал десятилетия спустя, писал уже в зрелом возрасте, пытаясь передать потомкам революционный пафос строительства Советского государства в 20-30-е годы минувшего века.

Однозначно ответить на вопрос, что заставило автора взяться за эти воспоминания, пожалуй, не получится. Только ли гордость за причастность к истории своей страны, или же все-таки, что-то угнетало его все эти годы, заставляя где-то в глубине души сомневаться в правоте «гениальных ленинских идей»? Думается, что каждый читатель сделает собственные выводы из прочитанного. Работа над мемуарами была завершена в Уфе в 1978 г.

Сочинение Г.И. Гужвенко попало в фонды Белокалитвинского историко-краеведческого музея из семьи его внука Владимира Цирульникова в конце 90-х годов прошлого века. Для жителей Кубани рукопись интересна тем, что автор дважды побывал в этих краях в разные периоды своей жизни. Первый раз в роли голодного оборванного беспризорника, ищущего куска хлеба для пропитания. А во второй раз, уже будучи распорядителем судеб других людей – партийного функционера, посланного беспрекословно выполнять карательные директивы партии большевиков в отношении казачьего населения. Такая вот социальная метаморфоза – из гонимых в гонители.

Безусловно, среда, тяжелые, подчас жестокие условия жизни сформировали характер автора, а потому и зерна науки классовой вражды нашли благодатную почву в его душе. Повзрослевший и вооруженный марксистско-ленинской догмой Гужвенко становится верным солдатом партии, одним из винтиков репрессивной машины подавления инакомыслия. И если в начале повествования автор, конечно же, заслуживает жалости и сострадания, то в дальнейшем эти чувства вытесняются прямо противоположными. Впрочем, это мое личное восприятие текста.

В любом случае, представленные читателю воспоминания являются интереснейшим документом ушедшей эпохи и позволяют больше узнать о тех событиях, которые происходили в Северо-Кавказском регионе в 1920-х – 1930-х годах. Текст первых двух глав «Воспоминаний» публикуется по машинописному тексту, хранящемуся в фондах Белокалитвинского историко-краеведческого музея.

Директор музея В.А. Хлебнов

Глава 1. Во мгле

Страшное слово «холера», его чудовищно жестокий смысл стал мне до боли ощутим в шестилетнем возрасте. Холера 1910 года отняла у меня родителей, оставили сиротой в то время, когда дети особенно болезненно ощущают отсутствие родительской ласки. Воспоминания об этих страшных днях и сейчас вызывают появление тяжести в груди, ком подступает к горлу, а глаза туманят непрошенные слезы.

Детская память смутно сохранила даже внешний облик отца и матери. Фотокарточек их не было. Они и понятия не имели о существовании фотографии, а изображение человеческих лиц видели только на иконах.

Много позже мои настойчивые расспросы старших брата и сестер, их скудные рассказы помогли мне представить картину поистине многострадального жизненного пути моих родителей. Отец и мать были бедными крестьянами Харьковской губернии. Малоземелье, нищета, полуголодная жизнь, слухи о «привольной жизни на Амуре» заставили отца продать избу, наделенную землю и отправился искать счастья на краю света.

Переселение с двумя детьми в Приамурское раздолье поглотило все вырученные от продажи имущества средства. Не имея возможности купить тягло, орудия труда и семена, отец с матерью пошли батрачить к местным старожилам—богатым крестьянам. Промаявшись в батраках года три, они решили отправиться в обратный путь. Денег на дорогу, конечно, не было. Тогда они двинулись пешком. Десять лет продолжалось их путешествие через всю Сибирь. Это объяснялось тем, что двигались они только зимой, а каждое лето занимались в селах пасти скот. Заработав продуктов и денег, отправлялись в путь.

Однако и зимой они не всегда могли двигаться. Ведь в Сибири часто трещат сильнейшие морозы и путешествие пешком да еще с детьми в сильную стужу, а также в бураны и метели невозможно. Вот почему они так долго шли и не дошли до своей Харьковщины.

На Дон родители пришли уже с четырьмя детьми без всяких средств к существованию. Здесь они занимались пасти хуторские стада коров, и тем кормилась вся семья.

5 мая 1904 года в степи при стаде коров родился я. По рассказу сестры я появился на свет очень слабым, поэтому меня поспешили окрестить на другой день после рождения. Рождение мое произошло на хуторском выпасе хутора Дубового Усть-Белокалитвинской станицы.

Эпидемию холеры и смерть родителей помню смутно. Запомнилась хорошо перемена моего существования. Лишившись родителей, я оказался в бесконтрольной власти жены старшего брата Захара, которая не только не любила меня, но даже почему-то ненавидела. У неё было двое своих детей и лишний рот, конечно, не мог принести радости. Брат всегда был занят заботой о добывании куска хлеба, часто уходил на другие хутора и в станицы на заработки. Он был бондарь и плотник. Мы, дети, оставались на попечении его неграмотной жены.

Бесконечные грубые окрики, сопровождавшиеся подзатыльниками и пинками – вот и вся система воспитания. Но деваться было некуда. Старшая сестра Устинья была замужем, у нее была своя семья. Две другие сестры жили по найму в няньках, а подростки – в прислугах.

Прошло два года, и брат отвел меня в Богураевскую церковно-приходскую школу. Это было очень важное событие в моей жизни. Я стал вторым членом нашей семьи, который посещал школу. Отец и мать были неграмотны. Неграмотными были мои три сестры. Только брат две зимы ходил в школу и научился читать и писать. Мне тоже удалось две зимы посещать школу. Первый класс я окончил в хуторе Богураеве, второй в станице Усть-Белокалитвинской. На этом мое школьное образование оборвалось, так как брат не смог найти лишних три рубля, чтобы уплатить за право обучения в третьем классе.

Десяти лет от роду я начал сам зарабатывать свой хлеб. Брат нанял меня к священнику Богураевской хуторской церкви в работники. Священник был богатый. Кроме церковной службы он занимался сельским хозяйством. В его хозяйстве работало десять-двенадцать батраков. Их руками он ежегодно засеивал от 100 до 120 десятин земли. Имел до 15 пар волов, больше десятка лошадей, конную молотилку и много других сельскохозяйственных орудий.

В мою обязанность входило пасти волов в поле пока взрослые работники нагружали арбы сеном или снопами. Однако работа у священника была непродолжительной. Однажды я погнал волов к реке на водопой. В это время у водопоя находилось хуторское стадо коров с бугаем. В числе моих поднадзорных волов был один драчливый. На водопое он сцепился драться с бугаем. У моего драчуна рога были загнуты внутрь, калачом. Бугай же имел прямые острые рога. Опасаясь, что бугай своими рогами распорет брюхо хозяйскому волу, я бросился с кнутом в руках разгонять дерущихся. Молниеносно был сбит ими с ног и истоптан, сломано два ребра, разбита в кровь голова. Подбежавшие пастухи оттащили меня в сторонку, разогнали драчунов. Отогнали волов священника на его усадьбу, а меня отнесли к нему в дом. Как только я поправился и встал на ноги священник отказал мне: отпустил «с богом» на все четыре стороны без копейки в кармане, объяснив, что заработанных мною у него денег не хватило даже на мое лечение.

Во время моей службы у священника брат переехал на жительство в город Сулин, где находился металлургический завод Пастухова. Без гроша отправился я «зайцем» товарным поездом с Богураевского разъезда на станцию Сулин. Восемьдесят километров ехал пять дней. На каждом разъезде, не говоря уже о станциях, меня снимали с поезда, задерживали пока не отойдет, но дождавшись ночи, я снова влезал на тормозную площадку проходящего поезда и ехал до следующей остановки, там меня опять снимали, но через некоторое время все повторялось вновь.

Преодолев все трудности, добрался я до Сулина. Неприветливо встретили меня в семье брата. Но теперь я чувствовал себя уже «взрослым» и не собирался сидеть «дармоедом» на шее брата. Не прошло и недели после моего появления в Сулине, как я уже нашел себе работу.

Для удовлетворения потребности в угле Сулинский металлургический завод имел три небольшие шахты: Екатерининскую, Сергиевскую и Наследышевскую. Шахты эти тоже принадлежали Пастухову. Однако, по-видимому, добываемого на заводских шахтах угля не хватало заводу. Вокруг него появились шахты-«мышеловки». Это были небольшие шахтенки со стволом 30-40 метров глубины, так как проходились к неглубоко залегающим бедным пластам угля. К стволу примыкали 1-2 неширокие лавы.

Добытый уголь выдавался на-гора в бадье, которая поднималась с помощью барабана, приводимого в движение одной лошадей.

На одну из таких «мышеловок» я и поступил погонщиком лошади, крутившей барабан. Работа легкая, но требующая внимания, так как нужно было следить за меткой на тросе, означавшей, что бадья поднята вверх и нужно остановить лошадь, затормозить привод, повернуть лошадь и тихонько сдать назад, чтобы бадья стала «козу». Так называлась тележка для откатки бадьи от ствола и разгрузки. Все это для одиннадцатилетнего ребенка было нелегким делом. А если учесть, что работа продолжалась весь световой день, во время которого одна лошадь заменялась другой, свежей, а погонщик оставался тот же, то станет ясным, как я уставал к концу рабочего дня. Весь день, за исключением перерыва на обед, приходилось шагать вслед за лошадей по кругу.

После рабочего дня, с наступлением темноты, валился с ног и спал как убитый. В пять часов утра, с первым заводским гудком, нужно было вставать, завтракать и отправляться на работу. С каким нетерпением ждал воскресенья, когда не нужно рано вставать и днем можно было поиграть с ребятами: зимой в бабки, весной в чижики или ручной мяч. Но чаще всего по воскресеньям я читал. Читал без разбора все, что попадалось под руку. Первыми приобретенными в собственность книгами были: сказка о том, как цыган обманул змия и сборник украинских анекдотов «Сто три брехни – хоть вирь, хоть ни». Вскоре я записался в заводскую библиотеку и стал одним из активнейших читателей. Прочитал 75 выпусков романа «Гарибальди», приложение к газете «Копейка», роман Войнич «Овод», и наряду с этим приключенческий

роман из жизни уголовников «Сонька – Золотая ручка». Все это потому, что моим чтением никто не руководил. В библиотеке я брал книги, которые потолще, чтобы на дольше хватило чтения. Так проходило мое детство, которое можно назвать детством только условно, по возрастному признаку.

В 1914 году началась Первая мировая империалистическая война. В начале 1915 года брата призвали на войну и я остался один «мужчина»-кормилец в семье. Трудно нам было жить на мизерное пособие, получаемое женой брата от государства на содержание солдатских детей и на мой заработок.

Ведь до революции труд женщин и детей оплачивался значительно ниже, чем труд взрослых мужчин, какую бы работу они не выполняли. А к тому же прибавилась еще и дороговизна. Цены на продукты питания и предметы первой необходимости росли с каждым месяцем войны. Пособие же оставалось неизменным, а моя зарплата если увеличивалась, то не так заметно. К концу 1915 года мы уже не смогли покупать детям молоко, а мясо на своем столе видели только по большим церковным, так называемым двенадцатым праздникам. Приобрести же какую-нибудь обнову в одежде было не на что. А на детях все как будто горело. Казалось, что хуже ничего быть не может. Однако второй год войны принес ухудшение положения трудового народа. Усилилась инфляция. Исчезла из обращения серебряная и медная монета. В огромном количестве появились бумажные марки различного достоинства. Цены на продовольствие и товары первой необходимости вновь подскочили.

Для нашей семьи 1916 год был особенно тяжел. Возвратился с войны после ранения брат Захар. Назначенная ему пенсия по инвалидности была настолько незначительна, что ее не хватало даже на хлеб. Работать по своей специальности он не мог. Первое время мы кое-как перебивались на моей зарплате и пенсии Захара. Немного оправившись, брат нанялся ночным сторожем к сулинскому купцу охранять мануфактурный магазин. Дети подросли, и жена брата начала стирать белье инженерно-техническим работникам завода и тоже кое-что зарабатывала. Так перебивались, как говорится, «с хлеба на квас».

В субботу 17 марта 1917 года (4 марта по старому стилю), с полочки я купил билет

в народный дом на вечерний сеанс кинематографа. Не помню, какая демонстрировалась картина, но хорошо помню, что зал народного дома и галерка (балкон) были переполнены. В перерыве между частями картины, а в то время киноленты демонстрировались на одном проекционном аппарате, и поэтому между частями был естественный перерыв для установки новой части в аппарат, экран был поднят вверх, занавес раздвинут и на сцену вышли городской голова и командир казачьего полка, расквартированного в Сулине. Городской голова призвал публику установить спокойствие в зале и предоставил слово полковнику для оглашения «государственной важности документов».

Первым был оглашен манифест царя Николая II об отречении от престола за себя и за своего несовершеннолетнего сына Алексея и передачи престола Михаилу. Отречение царя было выслушано в глубоком молчании. Затем была оглашена телеграмма Михаила, в которой он отказывался принять престол и передавал решение вопроса о будущем России «на волю избранного народного представительства».

После прочтения документов в зале некоторое время царило молчание. И вдруг в середине зала на скамейку поднялся рабочий и во весь голос крикнул: «Да здравствует демократическая республика!». Что тут началось! Крики «Ура!» сотрясли зал. На сцену вышли рабочие. Городской голова и полковник были оттеснены в сторону и вскоре совсем исчезли. Откуда-то появился красный флаг. Начался митинг. Выступали рабочие. Говорили о тяжелой жизни трудового человека, о хозяевах-кровопийцах, о страданиях солдат на фронте. Здесь же я впервые услышал непонятные для меня тогда слова: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Затем пели революционные песни, слова которых были в большинстве тоже непонятны. Никто из моих товарищей не мог объяснить, что означают слова: «республика», «пролетарии» и другие, услышанные мною впервые.

Придя домой, я рассказал брату обо всем, что произошло в народном доме, и попросил его объяснить значение этих слов. Но к моему удивлению и сожалению брат тоже не мог толково объяснить этих слов. Он говорил что-то о публике и государстве, а пролетарии по его объяснению были все

бедные, неимущие люди. Теперь мне понятно, что он просто не умел объяснить их ребенку.

После падения самодержавия в России, установления свободы слова, свободы печати, собраний, митингов и демонстраций началось быстрое политическое просвещение широких рабочих масс во всех уголках Российской империи. Социал-демократическая организация сулинского завода вышла из подполья и развернула широкую пропаганду и агитацию среди рабочих и крестьян окрестных сел и хуторов. Вскоре на сулинском заводе возник Совет рабочих депутатов, ставший центром политической жизни города Сулина и окрестных поселков. При Совете рабочих депутатов организовалась народная милиция, которая через некоторое время была переименована в первый Сулинский красногвардейский отряд. Теперь уже не только слова: республика, пролетарий для нас были понятны, но мы узнали и такие как: большевики, меньшевики, эсеры, кадеты, капитализм, эксплуатация и многие другие. Мы распевали «Марсельезу», «Варшавянку», «Смело, товарищи, в ногу» и другие революционные песни.

Летом 1917 года во время выборов в Учредительное собрание мы, рабоче-мальчишки, активно помогали заводским большевикам. Разносили по квартирам рабочих и крестьян прилегающих сел: Скелеватки, Вербенки, Власово листовки с призывом голосовать за кандидатов списка номер 5 (большевистский) и номер 2 (эсеровский) в Учредительное собрание.

Летом же 1917 года произошло изменение и в моей рабочей судьбе. Брат Захар, к тому времени оправившийся после ранения, вступил в ряды народной милиции при Сулинском Совете рабочих депутатов. С его помощью мне удалось получить от Совета справку, удостоверяющую, что я родился в 1903 году. Я был рослым мальчиком и прибавление одного года к моему фактическому возрасту ни у кого не вызвало сомнений. Прибавить один год было необходимо, чтобы иметь право поступить на работу в завод или на заводскую шахту. По законам царского времени, действующим и при Временном правительстве, прием на такие работы подростков разрешался с 14-летнего возраста. Таким образом, первый документ в своей жизни, удостоверяющий мою личность, я получил от Совета рабочих депутатов.

Летом 1917 года я стал подземным рабочим Екатерининской шахты Сулинского металлургического завода. На этой шахте разрабатывался наклонный пласт (градусов 50 наклона) антрацита и такие как я подростки работали в лаве с отбойщиками. В наши обязанности входило проталкивать ногами отбитый уголь вниз к штреку, где он грузился в вагонетки и откатывался к подъемнику. Так как толщина пласта не превышала 5-6 четвертей, т.е. 83–100 сантиметров и двигаться быстро вверх и вниз по отведенному 10-метровому участку лавы мог только человек низкого роста, что с успехом и выполняли подростки. Нас называли катальщиками от «катать» уголь вниз. В лаве работал один отбойщик и три катальщика. Работа была сдельной до полной очистки лавы от угля и оплачивалась сносно.

Начав работать под землей, я стал главным добытчиком в семье брата. Теперь уже его жена не смела ворчать на меня и награждать подзатыльниками. Она усилила заботу обо мне. Я всегда имел плотный завтрак и тщательно завернутый в чистую тряпку обед, который брал с собой в шахту.

В шахте нашел верных друзей и товарищей. Осенью вступил в члены профсоюза металлистов. Нас, рабочих заводских шахт, обслуживал комитет союза металлистов. Вступая в профсоюз, я становился полноправным членом многотысячного рабочего коллектива. Так в неполные четырнадцать лет окончилось мое отнятое детство. Его отняли поп-помещик и капиталист. Я не был исключением. Такова была судьба абсолютного большинства детей рабочих и трудящихся крестьян. У большинства детей трудового народа в то проклятое время не было детства. Его отнимали нужда, подневольный, часто непосильный труд. Судьба детей нашего поколения усугублялась еще и бедствием, вызванным мировой империалистической войной. Огромной тяжестью легла на плечи 12-13-летних ребят забота о семье, оставленной на их руках отцами и братьями, ушедшими на фронт. Рано познали мы горечь подневольного труда. Почти совершенно лишены были детских радостей. Пусть будет проклят тот мир—мир капитализма, в котором и сейчас отнимают детство у детей!

После победы Октябрьской революции город Сулин на некоторое время становится форпостом рабочего Донбасса против казачьей контрреволюции на Дону. Сулин-

ский завод, вокруг которого вырос небольшой город, был построен купцом Пастуховым на земле, принадлежащей Войску Донскому. Землю Пастухов взял в долгосрочную аренду в непосредственной близости от Новочеркасска, столицы области Войска Донского. Со всех сторон он был окружен богатыми казачьими станицами.

Известно, что после Октября казачий атаман Каледин заявил о неподчинении Войска Донского Советскому правительству, объявив Донскую область на военном положении и встав на путь открытой войны против Советской власти. В Сулине же вся власть принадлежала Совету рабочих депутатов. Совет опирался на вооруженных рабочих завода, организованных в отряды Красной гвардии.

Опираясь на верхушку казачества, Каледин в ноябре 1917 года овладел Ростовом, а затем Таганрогом. В этих городах был установлен режим кровавого белогвардейского террора. Каледин намеревался развернуть наступление через Донбасс на центральные области страны. С боями отступали на север к станции Глубокая сулинские и александровско-грушевские красновардейские отряды.

Советское правительство приняло решительные меры для разгрома Каледина. Из Москвы, Петрограда и Донбасса на Дон против Каледина были направлены красновардейские отряды и революционные полки под командованием Антонова-Овсеенко. В среде самого казачества усилилось классовое размежевание, шла ожесточенная классовая борьба. «В январе 1918 года в станице Каменской прошел съезд фронтовых казаков. На съезде присутствовали представители Ростовского подпольного комитета большевиков. Казачий съезд признал Советскую власть, образовал Донской революционный комитет во главе с казаком Ф.Т.Подтелковым и объявил войну Каледину» (См.: История СССР. Эпоха социализма. Учеб. пособие. С. 88).

Ранней весной 1918 года в Сулин вступил отряд черноморских революционных матросов под командованием Мокроусова. Эшелон с революционными моряками прибыл в Сулин после обеда. На станции Сулин находились еще белогвардейцы. Поезд с моряками остановился против кирпичного цеха. С платформы скатили две пушки и открыли стрельбу по отходящему от станции эшелону белых.

Мокроусовцы прибыли в воскресенье. Мы, мальчишки, играли в мяч на поле примитивного стадиона за заводской баней. Таким образом мы оказались рядом с остановившимся эшеленом моряков и смогли наблюдать обстрел отходившего от станции эшелона белых.

Сулин, находясь в окружении казачьих станиц, продолжал оставаться форпостом рабочего Донбасса на Донщине. Время от времени то в одной, то в другой станице поднимало голову контрреволюционное казачество. И тогда по тревожному заводскому гудку рабочие с оружием в руках собирались у заводских ворот и отправлялись на подавление контрреволюционного казачьего мятежа.

Так продолжалось до вторжения с оккупированной Украины на Дон регулярных войск империалистической кайзеровской Германии. Немецкие войска, тесня отступающую с Украины 5-ю армию Ворошилова, к концу апреля подошли к станции Звереве и 3 мая заняли ее. Они охватили армию Ворошилова, отходящую через станцию Лихую на Царицын, полукольцом. На пути дальнейшего продвижения немцев к югу встали сулинские и шахтерские красногвардейские отряды Александрогрушевского. Почти неделю эти отряды героически обороняли Сулин, мешая продвижению регулярных частей немецкой армии.

Спротивление красногвардейских отрядов, оказанное немецким частям под Сулином, несколько ослабило их натиск на станцию Лихая в направлении Усть-Белокалитвинской. Но силы были явно неравные. После упорных боев красногвардейские отряды оставили Сулин и заняли оборону по линии Горная-Несветай. Однако удержаться здесь долго не смогли. С тыла напали белоказачьи сотни и вместе с немцами завершили разгром красногвардейских отрядов. В боях за Сулин погиб командир Сулинской Красной Гвардии Носов. Погибли сотни красногвардейцев и среди них мой брат Захар.

С приходом немцев и установлением на Дону власти контрреволюционного генерала Краснова, Сулинский завод остановился. Погасли доменные и мартеновские печи. Остановились и другие цехи. Рабочие не вернулись на завод. Часть их погибла в боях с белоказаками и немецкими оккупан-

тами, а другая часть, попав в плен к немцам, была увезена в лагерь для военнопленных на оккупированную Украину. Те, кто уцелел, разбрелись по разным шахтам и мастерским восточного Донбасса. В городе остались только старики, женщины и дети.

С остановкой завода прекратили добычу угля и заводские шахты. Только на Наследышевской, расположенной вблизи разъезда Черевково, белым удалось наладить добычу угля, который шел на нужды железной дороги. Я и мои товарищи по работе на Екатерининской шахте остались без работы. Попытка устроиться на работу в Должанске не увенчалась успехом. Правда, мне удалось поступить в рабочую артель на шахте Отто, где работал муж моей сестры, но там я долго не удержался – хозяин заменил всех подростков взрослыми рабочими.

Выброшенный на улицу – вернулся в Сулин. В Сулине меня ждал новый удар. Жена брата с детьми уехала к своим родственникам. Я остался один на улице. Встретившись с двумя мальчиками Еськой Цыганом и Ванькой Бугаеи, потерявших в гражданской войне отцов, я начал свое беспризорное кочевье по Дону, Кубани, Ставропольщине и Кавказу.

Жизнь беспризорников хорошо освещена в нашей литературе и показана в кино. Вряд ли чего нового могут добавить мои воспоминания. Поэтому расскажу только о некоторых, на мой взгляд, наиболее интересных и памятных эпизодах.

Мы, как и все беспризорники, добывали пропитание самыми разнообразными способами. Пение и танцы в поездах под аккомпанемент деревянных ложек, простое попрошайничество, мелкие карманные кражи, а иногда, собравшись ватагой, устраивали набеги на базарных торговках съестным.

Передвигались с места на место по железной дороге. Наша тройка всегда держалась вместе. Иногда же нас собиралось в одну ватагу человек 15–20. Так было на станции Кавказской. Ватаге беспризорников удалось захватить порожний товарный вагон. Чтобы в пути было легче отбиваться от бесчисленных мешочников, кто-то придумал написать на двери вагона «тифозные». А для большей убедительности, приближаясь к станции, укладывались вдоль двери, головами к выходу, человек пять-шесть самых рослых ребят. Хитрость

удалась. Мы ехали с комфортом, а крыши других вагонов ломались от мешочников.

Однако эта выдумка служила нам недолго. Когда на станции Невинномысской большая часть ватаги направилась в набег на базарных торговков, чтобы добыть съестного, мешочники выбросили наших ребят из вагона и заняли его.

Вернувшись из набега, мы были взбешены поступком мешочников и, чтобы отомстить им, насыпали песку в буксы вагона. Ватага распалась. Дальнейший путь мы совершали вдвоем с Бугаем. Когда мы со следующим поездом на крыше вагона проезжали станцию Курсавка, то увидели «наш вагон» отцепленным. Мы были удовлетворены.

Между нами и мешочниками шла ожесточенная война. Мешочники дико ненавидели нас. Мы считали своей обязанностью при первой возможности распотрошить мешок зазевавшегося спекулянта. Если случалось им поймать кого-либо из ребят на месте преступления, то они избивали его безжалостно. Так на станции Армавир был тяжело избит наш товарищ Еська Цыган. Мы подняли крик: «Убивают! Убивают!». Но дежурный по перрону унтер-офицер железнодорожной охраны не спешил на помощь нашему товарищу. Только после того, как мешочники оставили на земле окровавленного Еську, унтер-офицер с санитарями подобрали его и на извозчике отправили в городскую больницу. Мы следовали за ним до самой больницы. Узнав, что Цыган пришел в сознание, мы покинули Армавир. В небольшом городе было трудно кормиться.

После мы возвратились в этот город, но Цыгана в больнице уже не застали. Куда он подался, осталось неизвестным. След его был утерян навсегда. Еська Цыган был самым лучшим другом. Мы сдружились с ним в забое Екатерининской шахты, когда работали катальщиками.

Самым тяжелым для беспризорников временем была зима, она требовала обуви, теплой одежды, а где все это мог достать беспризорник? Только украсть. Мы договаривались со скупщиками краденых вещей и поздно осенью небольшими группами в два-три человека отправлялись в отдаленные станицы, села и хутора за «товаром». Там мы высматривали дворы, в которых сушилось белье или вывешивались для

проветривания вещи. Дождавшись вечера, изучив пути подхода и отхода, мы направлялись к намеченному двору и, если вещи были не сняты хозяйкой, мы забирали их и под покровом ночи быстро уходили с хутора. Разжившись таким образом «товаром», мы возвращались в город, сдавали «товар» скупщику и отправлялись на толчок за покупками. Покупали самое необходимое и самое худшее: так было дешевле и не вызывало соблазна у более сильного завладеть твоим имуществом.

Зимовать в 1918 году мы отправились на берег Черного моря. В причерноморских городах и прибрежным грузинских селениях горожане и крестьяне относились к нам доброжелательно. Охотно подавали милостыню. В селах даже иногда приглашали к столу «откушать, чего бог послал». Мы тоже вели себя корректно. Случаи воровства у местного населения здесь были редки. Мы всегда, прежде чем что-либо попросить, обращались к хозяину или хозяйке с предложением своих услуг помочь по хозяйству и, если находилось для нас дело, то выполняли его добросовестно.

Среди беспризорников были и девочки. Общая судьба, общие условия жизни способствовали установлению между ребятами и девочками подлинного равноправия. Не помню ни одного случая, чтобы кто-то из ребят обидел девочку. Да и трудно было это сделать. Беспризорные девочки были сильные и смелые и сами могли постоять за себя. Они, как и все, участвовали в ватажных набегах на рыночных торговков и были в этом предприятии незаменимы. Разговорами они отвлекали внимание торговков, а в это время ребята очищали их корзины. При походах за «товаром» лучше девочки никто не мог произвести разведку на хуторе или в станице. Беспризорный парень одним своим видом вызывал подозрение у мужиков. Девочка же обычно была и чище одета и вообще выглядела более благопристойно и меньше вызывала подозрения. Как правило, группа, в составе которой была девочка, имела лучший «улов».

С наступлением весны 1919 года мы двинулись в обратный путь, как перелетные птицы, на Север. Лето и осень этого года мы провели в городах Дона и Украины. Чаще всего мы навещали Ростов и Харьков. Это два наиболее крупных города, в которых одновременно кормилась не одна сотня

беспризорников. Иногда мы проникали значительно севернее Харькова. В ноябре мы услышали гром артиллерийской стрельбы, надвигающийся с севера. И с тех пор с нетерпением стали ждать своих, красных. В эту осень мы не собирались «улетать» на зимовку к берегам Черного моря. Правда, наступившие осенние холода все же заставили нас перекочевать несколько южнее, в Ростов и Таганрог. Там и встретили мы Красную Армию.

В Ростове мы с Ваней Бугаем пристали к обозу одной из частей Красной Армии, проходившей через город. Документом нашей благонадежности послужили наши руки с вьевшей навечно угольной пылью в местах пореза кожи. Вскоре мы заменили заболевших тифом ездových. Начальник обоза выдал нам из захваченных в Батайске белогвардейских складов трофейные полушубки и добротные английские ботинки. Правда, нашего размера не нашлось, но мы не унывали. Ходить нам приходилось мало, а намотанные на ноги большие тряпки хорошо предохраняли их от январских и февральских морозов. Вскоре осуществилась наша заветная мечта: приказом командира части нас зачислили ездowymi. Вместо трофейных шапок начальник обоза выдал нам настоящие красноармейские шлемы.

Так с обозом дошли мы до Новороссийска. В апреле 1920 года нас, как несовершеннолетних, отчислили из обоза, выдали летнее обмундирование третьего срока носки и проездные документы до станции Сулин. Вернулись мы уже в город Красный Сулин. За героизм, проявленный рабочими завода в борьбе за власть Советов, после освобождения Сулина от белогвардейцев в 1920 году он был наименован Красным Сулином.

В 1920 году в Красный Сулин с агитпоездом «Октябрьская революция» приезжал председатель ВЦИК М.И.Калинин. Он выступил на митинге в Народном доме с докладом о текущем моменте. Его речь была выслушана с большим вниманием и произвела огромное впечатление на присутствующих. Помню, нас поразил и внешний вид Михаила Ивановича. Простой черный картуз на голове, такой, какие носили в то время мастеровые. Что-то среднее между поддевкой и пальто и простая костюмная тройка. Таковую одежду мог носить только глава рабоче-крестьянского государства.

К этому времени, в надежде на восстановление завода, из центрального Донбасса возвратилась семья моей сестры Евдокии Мельниковой. К ней я и явился, прибыв в город. Твердо решив прекратить вынужденное беспризорное скитание, я искал работу. Но Сулинский металлургический завод стоял. Заводские шахты затоплены водой. Больше в городе никаких предприятий не было. Возвратившиеся рабочие завода хлопотали в Москве о его восстановлении и пуске, но в планах восстановительных работ Совнархоза Сулинский завод не значился. Больше того, начался демонтаж уцелевшего оборудования и отправка его на восстанавливаемые заводы Донбасса. Муж сестры, Сергей Капитонович Мельников, тоже был безработным. Потянулись долгие дни, недели и месяцы полуголодного существования семьи.

За что только мы с Сергеем Капитоновичем не брались, чтобы как-то прокормиться с семьей, вплоть до варки и торговли самогоном. Но это мероприятие тоже не давало необходимых средств к существованию, а только принесло вред семье, так как Сергей Капитонович привык пить самогон и все «барыши» он пропивал и в дальнейшем стал рабом этой привычки.

Чтобы не умереть с голоду и как-то помочь семье сестры, я вновь покинул Красный Сулин и отправился вглубь Донбасса искать работу. Мне было шестнадцать лет от роду, когда я поступил работать вагонщиком на шахту №14 Боково-Антрацитовского рудоуправления. На этом кончается мой тернистый путь во мгле. Загоралась заря новой жизни в рядах славного рабочего класса.

Глава 2. Заре навстречу

День 5 ноября 1921 года на всю жизнь останется для меня светлым и радостным. В этот день комсомольская ячейка шахты №14 на своем собрании приняла меня в члены Российского Коммунистического Союза молодежи.

Что может быть прекраснее юности? А наша юность, помноженная на революционную романтику, неповторима. Это о нас пелось в известной комсомольской песне о паровозе, летящем вперед: «Немало есть у нас ребят, кто шел с отцами вместе, кто подавал патрон, снаряд, горя единой мезтью». Верный помощник партии –

комсомол, в годы гражданской войны окреп, закалился, превратившись в серьезную силу.

Еще в Крыму не был добит барон Врангель, а рабочие Донбасса, по призыву партии, принялись за восстановление его промышленной мощи. Комсомольцы были в первых рядах борцов с разрухой. А разруха была страшная. Сотни заводов и шахт были разрушены белогвардейцами. Почти все шахты затоплены водой. С невиданным энтузиазмом рабочие восстанавливали заводы, «отливали» и ремонтировали шахты, добывали и поднимали «на-гора» уголь, в котором нуждалось народное хозяйство. Это был фронт. Трудовой фронт, на который после разгрома Врангеля, были брошены даже войсковые соединения Красной Армии, переименованные в трудовую армию.

Все работы по добыче угля тогда проводились вручную с помощью примитивных орудий труда. Если бы нам тогда рассказали о современной механизированной шахте, мы не поверили бы, сочли бы рассказ за фантастическую выдумку. Ведь мы тогда о пневматическом отбойном молотке не имели понятия, не говоря уже о врубовой машине, транспортере, угольном комбайне. Зарубка угля производилась обушком. Отбойка—обыкновенным молотком при помощи различной длины железных клиньев. Транспортировался уголь из лавы к штреку на деревянных санках с окованными обручным железом полозьями. Отсюда происходило и название различных шахтерских специальностей: зарубщики, отбойщики, саночники. По штреку к витербе уголь доставлялся в железных вагонетках, а по витербе к стволу вагонетки отвозились лошадьми, которых гонял коногон. Только для подъема вагонеток по стволу «на-гора» применялась паровая лебедка. На шахтном дворе уголь обрабатывался (сортировка, очистка от случайно попавших кусков породы, погрузка в вагон) опять же вручную.

Комсомольцы работали на всех участках. Даже среди зарубщиков, наиболее квалифицированных рабочих, были комсомольцы. Но основная масса их работала саночниками, вагонщиками, коногонами. Работали с энтузиазмом. Лава с лавой соревновались за быстрейшую и доброкачественную очистку, за большую добычу угля. Особенно «узким местом» в то время на шахтах была крепежная стойка. Крепежный лес в Донбасс доставлялся из Белоруссии.

Железные дороги работали тогда плохо. Леса везде не хватало. В этих условиях энтузиасты-комсомольцы после смены оставались в шахте добывать для своей лавы крепежный лес с выработанного поля. Причем это делалось секретно, без ведома шахтного начальства (мы считали все шахтное начальство саботажниками), с опасностью для собственной жизни и без всякой оплаты. Кончилось это «мероприятие» у нас на шахте обвалом и несчастным исходом для «заготовителей». Пострадал и автор этих записок. Был засыпан обвалом. Травмированы крестец позвоночника, левые рука и нога. Только через сутки был извлечен из-под обвала. После этого администрация шахты установила строгий надзор за выработанными полями. Табельщикам было приказано срочно сообщать в контору о всех случаях не сдачи шахтерских лампочек после подъема смены «на-гора». Самозаготовки крепежного леса прекратились.

В тяжелые годы восстановления Донбасса у нас часто проводились коммунистические и комсомольские субботники и воскресники. Они проходили в шахтах по ремонту штреков, откаточных рельсовых путей, очистке водосборных колодцев, канав и других объектов. В зимнее же время, в период снежных буранов, часто работали на очистке подъездных железнодорожных путей, а иногда выезжали и на перегоны.

Вчерашние крестьянские парни, пришедшие на шахту подкормиться, становились сознательными рабочими, выполняли и перевыполняли сменные нормы выработки; принимали активное участие в коммунистических и комсомольских субботниках и воскресниках, которые в 1921 и 1922 годах проводились почти каждую субботу или воскресенье; участвовали в клубной самодеятельности, а лучшие вступали в комсомол.

Активно участвуя в созидательном труде, мы настойчиво овладевали знаниями. Учились в комсомольских школах политического просвещения, занимались самообразованием, повышая общий уровень своего развития. Мне особенно повезло. Малограмотного любителя чтения взял к себе на квартиру старый большевик, машинист подъемной машины шахты № 14 С.К. Циндряков. Семен Константинович начал руководить моим чтением и заниматься со мной

арифметикой, географией и грамматикой русского языка. Работали мы с ним в одной смене. Это позволяло нам лучше использовать свободное время для занятий.

Вскоре ячейка поручила мне в порядке комсомольской нагрузки выдачу и обмен книг в библиотеке шахткома профсоюза горняков. Библиотека была небольшая, штатного работника не имела. Эта нагрузка пришлась мне по душе. По вторникам и четвергам вечером 2-3 часа, по воскресеньям часа четыре работал в библиотеке. Работа в библиотеке вызывала желание прочесть как можно больше книг. Но Семен Константинович, сдерживая мое рвение, умело направлял усилия на постепенное овладение знаниями. Года через полтора напряженной учебы, Семен Константинович объявил, что его знаний уже не хватает для дальнейшего руководства моим самообразованием. Он в детстве окончил городское двухклассное училище и тоже занимался самообразованием. Пришлось обратиться к учителям единой трудовой средней школы, которая имелась на шахте №13, где находилось наше рудоуправление и все кустовые организации. Кустами в то время назывались промышленные районы Донбасса. Рабочих-комсомольцев, желающих повышать свой образовательный уровень, набралось человек тридцать. Кустком комсомола договорился с дирекцией и учителями школы об организации при ней комсомольского общеобразовательного кружка. Занятия в кружке проводились три раза в неделю. В кружке мы познакомились с основами математики, физики, химии, биологии, штудировали грамматику русского языка. Кружок работал два года.

Труд на предприятиях, шахтах, занятия в кружке самообразования, выполнение общественных поручений так заполняли наше время, что на этой почве появился известный комсомольский аскетизм, характерный для комсомольцев двадцатых годов. Комсомольцы и комсомолки не носили никаких украшений. Галстук и шляпа или девичья шляпка считались буржуазными атрибутами. Преследовались танцы. Отношения между полами были выдержанными. Аморальные поступки встречались редко и строго осуждались.

Большую активность проявили комсомольцы в борьбе с пьянством. Как известно, во время первой мировой империа-

листической войны в России была прекращена торговля водкой. Не до нее было в годы гражданской войны. Не возобновилась торговля водкой и в первые годы восстановительного периода. Зато пышным цветом расцвело самогонование. Шахтеров спаивали самогонщики окрестных сел.

Комсомольцы объявили самогонщикам войну. Они стали активными помощниками милиции в борьбе с самогонованием. Создавали «летучие отряды», которые вместе с представителями милиции делали повальные обыски в окрестных селах. Уничтожали найденные самогонные аппараты. Самогон выливали в канавы, били посуду, наполненную самогомом. Самогонщиков отдавали под суд.

Вопросы коммунистической морали, быта всегда стояли в центре внимания комсомольских организаций. Комсомольцы были застрельщиками всего нового. В первые годы НЭПа среди комсомольцев и молодых коммунистов возникло движение за создание молодежных бытовых коммун. Бытовые коммуны размещались в общежитиях. Члены коммуны вносили свою зарплату в кассу коммуны. На общем собрании составлялись сметы расходов на очередной месяц. Смета предусматривала расходы на питание коммунаров, приобретение одежды и обуви по мере необходимости, на приобретение книг, выписку газет и другие нужды. Таким образом, в коммуне осуществлялся принцип «от каждого по способности (различный уровень зарплаты коммунаров) – каждому по потребностям». Разумеется, коммуна не могла удовлетворить всех потребностей коммунаров, в силу ограниченности средств, хотя потребности у нас в то время были очень скромными. Коммуна представляла собой большую семью, организованную не по родственному признаку, а на основе единства идеологических убеждений. Далеко не все комсомольцы и молодые коммунисты жили в бытовых коммунах. Наоборот, в коммуны входило незначительное меньшинство, почти исключительно одинокие холостяки, не имевшие семей. Были в коммунах и женатые, бездетные комсомольцы. Вообще же мы ратовали за крепкую комсомольскую семью. Устраивали торжественные комсомольские свадьбы и октябрины. Бытовые коммуны просуществовали недолго. Это мимолетное увлечение «ультра-идейных» молодых людей

было своего рода неосознанным протестом против НЭПа и вызывалось непониманием новой экономической политики партии.

Однажды, некоторое время, в нашей коммуне жил командированный для работы в кусте Борис Горбатов, впоследствии известный советский писатель. Он уже тогда по своему развитию стоял на голову выше нас. Хорошо разбирался в политических событиях, печатал заметки не только в губернской газете «Кочегарка», но даже в центральных газетах. Знакомство с Горбатовым оказало на меня сильное влияние. Я стал подражать ему во всем, в чем только мог. Это в результате его влияния я сделался активным рабкором газеты «Кочегарка», а в 1924 году даже принимал участие в подготовке Второго Вседонецкого съезда рабочих корреспондентов, в качестве внештатного инструктора губкома и редакции газеты «Кочегарка».

Не без влияния Горбатова попытался даже стать писателем. Правда, когда мой рассказ «Никудышник» напечатали в журнале «Забой», издававшемся в Бахтуме (ныне Артемовск), я с трудом узнал его, так он был переделан редакцией. Было ясно, что редакция «Забоя» напечатала его не потому, что он имел художественную ценность, а для поощрения активного рабкора. С тех пор я оставил мысль стать писателем. Для этого у меня не было ни знаний, ни таланта.

Комсомольская ячейка проводила большую культурно-массовую работу не только среди молодежи, но и среди взрослого населения. В рабочих клубах, которые имелись на каждой шахте, фактическими хозяевами были комсомольцы. Комсомольцы и молодежь были главными участниками различных клубных кружков. Оркестры народных и духовых инструментов были сплошь молодежными, не говоря уж о драматических кружках. В драмкружке нашего клуба состояла почти вся наша комсомольская ячейка шахты. Обычно готовили несколько пьес одновременно с тем расчетом, чтобы каждый месяц шла премьера. При таком порядке все кружковцы всегда были заняты, как правило, каждый в одной пьесе. Иногда обменивались спектаклями с соседними шахтами.

Выбор пьесы определялся, главным образом, числом действующих лиц. Чем меньше действующих лиц, тем больше подходила нам пьеса. Пьесы революционного

содержания ставились все, какие попадались нам в руки, не зависимо от количества действующих лиц.

Работа кружковцев над подготовкой спектакля сводилась к трем-четырем репетициям, изготовлению декораций и сборанию реквизита. Заучивать роли кружковцам было некогда; все мы работали на шахте, изрядно уставали, а народ хотел развлекаться. Кинокартины демонстрировались только в клубе при рудоуправлении, в нашем шахтном клубе киноустановки не было и единственным развлечением рабочим служили наши самодеятельные спектакли и концерты. Репетиции имели целью заучивания артистами порядков движения на сцене и «срабатывания» с суфлером. Суфлер являлся главной пружиной спектакля, поэтому суфлирование поручалось более грамотным ребятам, умеющим выразительно читать. Однако ребята не понимали важной роли суфлера, не хотели сидеть в суфлерской будке, а рвались на сцену. Приходилось прибегать к комсомольской дисциплине, а также устраивать очередность в выполнении суфлерских обязанностей.

Декорации изготовляли свои самодеятельные художники. Холст и краски для декораций, как и грим с париками, приобретались за счет клубных средств, ассигнуемых сметой шахтного комитета профсоюза горняков. Вход на наши спектакли и другие мероприятия, проводимые в клубе, был свободен, поэтому спектакли шли при переполненном зале. Зрители живо реагировали на события, развертывающиеся на сцене, часто подбадривали артистов, громко давали советы, как действовать артисту в той или иной ситуации, особенно в случаях, когда по ходу действия полагалось продемонстрировать пощечину или удар буржуя по спине: «Дай ему, как следует!». При этом совет подавался так настойчиво, что некоторые артисты увлекались и вместо демонстративного удара или пинка отвешивали своим партнерам полновесные оплеухи, а пинки были такие натуральные, что валили с ног несчастного «буржуя». В таких случаях аплодисменты зрительного зала были особенно бурными. Хотя, вообще, наши зрители не скупились на аплодисменты.

Однако, при такой частой постановке премьер пьес не хватало, особенно революционных. Тогда мы прибегали к инсценировкам рассказов или стихотворений.

Лучше всего инсценировались рассказы Чехова. Помню, как удачно мы инсценировали «Лошадиную фамилию», «Талант», «Хирургию». Не менее удачной была инсценировка стихотворения Брюсова «Каменщик».

Особенно большие сценические возможности представились с появлением «Синей блузы». Живая газета «синезеленых» откликнулась на все злободневные вопросы международной и внутренней жизни страны. Так, например, в 1925 году в Москве проходил открытый судебный процесс по делу ЦК и отдельных иных организаций партии социалистов-революционеров, обвинявшихся в вооруженной борьбе против советской власти, организации убийств, вооруженных ограблений и в изменнических отношениях с иностранными государствами. В качестве одного из защитников эсеровских преступников в Москву на процесс прибыл член исполкома Второго Интернационала, бывший министр иностранных дел Бельгии Эмиль Вандервельде. «Синяя блуза» отметила это событие следующей песенкой:

1 куплет:

Едет, едет Вандервельде.
Его встретим веселей.
Из лакеев меньшевистских
Всем лакеям он лакей!

Припев:

Он едет к нам, он едет к нам,
Всемирный хам, всемирный хам.
Конечно, рады мы гостям!
Однако жаль, однако жаль,
Что нам, друзья, что нам, друзья,
Его повесить здесь нельзя!

2 куплет:

Был министром иностранным,
Власть буржуев защищал,
И процесс убийц народных
Его страшно испугал.

Припев.

3 куплет:

Понапрасну, Эмиль, ходишь,
Понапрасну ноги бьешь!
Ты эсерам не поможешь,
И ни с чем домой пойдешь!

Припев.

Что касается прогульщиков, пьяниц и других нарушителей трудовой дисциплины, то они подвергались такой резкой критике и высмеиванию, что в другой раз старались не попадать в «живую газету». «Синяя блу-

за» боролась с бесхозяйственностью, за экономию и бережливость, за повышение производительности труда. Одним словом, это была оперативная, живая не только по названию, но и по содержанию газета.

Часто в клубе читались лекции и доклады о текущем моменте, на антирелигиозные, естественно-научные темы, как например: «Сотворение мира», «Был ли Христос», «Возможен ли всемирный потоп» и другие, причем лекторами и докладчиками чаще всего выступали свои же товарищи.

Проводились тематические вечера, в которых принимали участие все кружки, работавшие в клубе. Вспоминается один из таких вечеров на тему: «Антрацит». К этому вечеру члены изокружка подготовили выставку: «Какая продукция изготавливается из антрацита». Отчетливо помнится длинная картограмма с изображением этой продукции, куда, в частности входили и такие, как духи и сахарин. Начальник шахты прочитал лекцию: «Как образовался антрацит». Драмкружок поставил инсценировку «В забое». Хор исполнил шахтерские песни. Танцевальный ансамбль – хореографическую картинку «Шахтерский труд и отдых». Завершился вечер выступлением «Синей блузы» и веселым дивертисментом.

Много посетителей собирали в клуб вечера вопросов и ответов. Они тоже подготавливались заранее. Для сбора вопросов на шахтном дворе, в «нарядной», около стенной газеты висели красочные объявления о предстоящем вечере и ящики для опускания вопросов. За несколько дней до вечера ящики снимались, вопросы сортировались и вручались специалистам, которые подготавливали на них ответы. Послушать ответы на вопросы приходили и те, кто не задавал никаких вопросов. После ответов на вопросы, силами художественной самодеятельности давался концерт.

Увлекались мы и спортивными играми. Особенно распространенными были городки и футбол. У нас не было тогда специального руководителя по физкультурной работе. Все проводилось в самодеятельном порядке. Активность была высокая. Сейчас, вспоминая то время, удивляешься, как на все это хватало времени и сил. Что значит молодость!

Событие начала 1924 года сразу сделало нас взрослыми. Смерть В.И. Ленина заставила нас повзреть. Она была не-

ожиданна для всех. Судя по регулярно публикуемым бюллетеням, здоровье Ленина стало улучшаться. Все надеялись, что он поправится и вернется к работе. Но эти надежды не оправдались.

Е.В. Брацун

**Из прошлого карачаево-балкарского народа
(По документам Северо-Осетинского государственного архива)**

Предисловие

Центральный Государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А), находящийся в г. Владикавказе, содержит в своих фондах десятки тысяч архивных единиц хранения, содержащих ценную информацию по истории народов Северного Кавказа.

Весомая часть документов посвящена истории карачаево-балкарского народа. Особенно широко представлен период истории XIX – начала XX в.

В ходе проведенных нами в 2017 г. архивных изысканий было выявлено несколько архивных дел, документы из которых ранее не публиковались и оставались малоизвестными даже узкому кругу специалистов по истории карачаевцев и балкарцев. Пользуясь случаем и возможностью, публикуем часть документов из заинтересовавших нас дел.

1. Дело по иску Хусейна Тебердиева к братьям Джаппуевым

Согласно устной традиции карачаевцев и балкарцев, Баксанское ущелье после ухода из него карачаевцев, было вновь заселено выходцами из разных ущелий Балкарии [1]. Согласно фольклорным данным «пионерами» среди переселенцев-балкарцев были князья Урусбиевы, их уздени и крестьяне и некоторые другие близкие к ним фамилии. Это, например, фамилии Джаппуевых, Тиловых, Геккиевых и Курдановых [2]. Прилагаемый ниже документ позволит не только осветить один из рядовых случаев из жизни Баксанского общества конца XIX в., но и осветит представление балкарцев о событиях, связанных с ранней историей:

§ 1-1

Управление Нальчикского округа
Терской области.
Начальнику Терской области.
1 Апреля 1888 г.

Рапорт

Согласно § 61 времен. правил для Горских словесн. судов, честь имею представить на рассмотрение Вашего Превосходительства апелляционное прошение жителей Урусбиевского общества Хачерета, Канбулата, Биазруко и Иналуко Джаппуевых с приложением выписки из настольного журнала и подлинного дела за № 748/85.

Подполковник [ПОДПИСЬ]. [3]

§ 1-2

**Выписка
из настольного журнала временного
отделения Нальчикского
горского словесного суда за 1888 год**

1888 года Марта 1
№ по порядку 261.

Содержание жалоб и просьб, справки, показания: истца, ответчика и свидетелей
Дело № 748/85 г.

Урусбиевец Хусейн Тебердиев в прошении от 18 Апреля 1885 г. и лично в суде объявил, что пять лет тому назад односельцы его Хачирет, Камбулат, Биазурко и Иналук Джаппуевы завладели участком земли, который принадлежит ему, и возводят на этом участке постройки и огороды, и просят о возврате ему этого участка, сославшись в доказательство того, что участок передан был ему и принадлежал односельцу, ныне умершему Чепелеу Урусбиеву на свидетелей односельцев: Шаухал Урусбиева, Мурзабека Тебуева, Кокез Джаппуева, Чара [?] Бадоева, Хасаутовцев Кизил Эфендиева и Туган Гузулова.

Ответчики Урусбиевцы: Хажирет, Камбулат, Биазурко и Иналук Джаппуевы заявили, что они пользуются участком земли, прилегающим к их земле. Это старое русло реки. Они считали его и около пяти лет владеют им и устроили там конюшню и огороды. Они считают это место совершенно свободным и никому не принадлежащим кроме них.

Свидетели Урусбиевцы Шаухал Урусбиев, Марзабек Тебуев и Кокез Джаппуев под присягой показали, что то место,

которое ныне занято ответчиками братьями Джаппуевыми, входило в состав владений, принадлежащих Картлыковым, от которых оно было отобрано Урусбиевыми как собственниками, причем первые два свидетеля утверждали, что указанное место умершим Чепелеу Урусбиевым отдано в пользование братьям Тебердиевым, а третий не подтверждал этого[,] высказал, что место это входило в состав доли одного из братьев Картлыковых, у которого[,] оно не было отобрано Урусбиевыми и на этом основании утверждает, что ни Тебердиев[,] ни ответчики не имеют права пользования. Свидетели заявили об удовлетворении за путевые расходы до Урусбиевского общества, полагая в один путь 80 верст. Подлинное подписал председательствующий [ПОДПИСЬ].

С подлинным верно. Председательствующий во временном отделении [ПОДПИСЬ].

Суд постановил: признать за Урусбиевцем Хусейн Тебердиевым право пользования спорным местом преимущественно перед завладевшими им братьями: Хажирет, Камбулат, Биазурко и Иналуко Джаппуевыми, так как двумя присяжными показаниями удостоверено, что участок этот[,] будучи собственностью Урусбиевых, передан в пользование Тебердиевых, и предложить Джаппуевым очистить таковой для передачи Тебердиевым, если не войдут в соглашение, в продолжение лета, воспретив им пастьбы и устройства огородов на нем. Свидетелей Урусбиевцев Шамхол Урусбиева, Морзабек Тебуева и Кокез Джаппуева удовлетворить за путевые расходы по 5 р. 80 к. каждому за счет братьев Джаппуевых.

Подлинное подписали судьи: Поручик Х. Урусбиев, Юнкер Али Барасбиев и председательствующий [ПОДПИСЬ].[4]

§ 1-3

Г-ну Начальнику Нальчикского округа Жителей Урусбиевского общества Хачерета, Канбулата, Биазруко и Иналуко Джаппуевых

Апелляционное прошение

Односелец наш Хусейн Тебердиев предъявил во Временное отделение Нальчикского Горского Словесного суда иск,

что будто бы мы завладели частью его земли, в чем и указали свидетелей Шаухала Урусбиева и Мурзабека Тебуева, которые при допросе претензию Тебердиева подтвердили, даже присягою; между прочим, означенных свидетелей мы справедливыми свидетелями не признаем: первого по его подкупности, а второго как претендателя наравне с Тебердиевым, живущего в одной с ним местности и даже об нем есть дела в суде; но все-таки суд постановил предъявленную Тебердиевыми землю от построек очистить и передать сему Тебердиеву, если только мы не войдем с ним в соглашение. Решение это мы считаем несправедливым по нижеследующим причинам[,] а именно:

1е) Мы, Джаппуевы, совместно с Урусбиевыми первые основатели Урусбиевского общества, разработали необходимые для нас земли, затем стали прибывать к нам другие фамилии[,] в числе которых прибыл и Тебердиев после 6-ти или более колен Джаппуевых, скитались по разным местам Баксанского ущелья, не приобретя себе нигде собственной земли, каковой и в настоящее время не имеют, кроме арендуемой у Урусбиевых.

2е) претендуемая Тебердиевым земля не имеет никаких удобств, т.е. ни сенокоса, ни пахоты, ни пастьбы, а составляла и теперь составляет сплошную массу камня или, просто сказать, прежнее русло реки Баксан, в настоящее же время осушенная эта местность как общественная и не к чему не удобная по просьбе нашей и других пяти дворов обществом указана нам под постройки кошей, так как тут же неподалеку находятся наши пахотные места и далее отчасти домашние сенокосы; границы каждому двору по определению почетных стариков, в числе которых состояли Чамай Геккиев и Нух Байзулов, и по приказанию сельского старшины были указаны доверенными Бара Курдановым и Хаджимурзою Бекаевым, в чем могут быть свидетели: Адух Тилов, Асланбек Тилов, Тарвай Геккиев, Айдарук Байдаев, Суслий Хуламиев, Якуб Малкаров, Ахмат Анахаев, Джопай Хаджиев и многие другие.

3е) За очистку местности от камня, постройку кошей и укрепление берегов р. Баксана мы израсходовали, кроме нашего физического труда, двести двадцать руб. на наем вольнорабочих каменщиков – Балкарцев, и

этот труд наш продолжается уже восьмой год, несмотря на то, что вся эта местность составляет гораздо менее десятины и притом вымощенной самой природой мостовой.

Обо всем вышеизложенном доводя до сведения Вашего Высокоблагородия и представляя копию постановления Временного отделения Нальчикского Горского Словесного суда от 1 Марта сего года за № 261м покорнейше просим Вашего распоряжения об отмене означенного постановления и о предложении Временному отделению суда разобрать это дело вновь с вызовом всех вышеупомянутых двенадцати свидетелей, вызванных [?] нами от нескольких фамилий. Настоящее прошение подать по адресу мы доверяем Хачерету Джапуеву. В том и подписуемся Канбулат, Биазруко Иналуко Джапуевы, а вместо них неграмотных по личной просьбе расписался Науруз Урусбиев. Хачерет Джапуев [ОТПЕЧАТОК ПАЛЬЦА]

10 Марта 1888 года
сел. Урусбиева [5].

2. Дело о принятии православия корнетом Келеметовым

В статье известного балкарского историка Баразбиева М.И. «Карачаево-балкарские аристократы – ветераны Собственного Его Императорского Величества Конвоя» имеется следующий отрывок:

«Келеметов Исхак Кучукович (1827–?), корнет, из таубиев Чегемского общества Балкарии. В 1847 г. в возрасте 20 лет был аманатом в крепости Нальчик. На службу в Лейб-Гвардию Кавказско-Горский полуэскадрон поступил оруженосцем 21 июля 1848 г. Полуэскадрон покинул в чине корнета 19 августа 1852 г. Можно отметить, что перед поступлением на военную службу у Исхака Келеметова было право выбора между Лейб-Гвардией Кавказско-Горским полуэскадром и Кавказско-конно-горским дивизионом, располагавшимся в Варшаве. По соображениям престижности службы в гвардии, в Санкт-Петербурге таубий Келеметов выбрал Лейб-Гвардию Кавказско-Горский полуэскадрон. В 1856 г. Исхак Келеметов состоял на службе во 2-м Волгском казачьем полку. К сожалению, на данный момент сведениями о дальнейшей судьбе корнета Келеметова мы не располагаем» [6].

По всей видимости, нижеприведенные документы, относятся к биографии именно этого представителя княжеского рода Келеметовых:

§ 2-1

Исправляющему должность
Наказного Атамана
Терского Казачьего войска
Господину Генерал-Майору и Кавалеру
Попандупало
Командира 1-й бригады Полковника
Суходольского

Рапорт

Поданное на Высочайшее Его Императорского Величества имя прошение прикомандированным к вверенной мне бригаде Корнетом Келиметовым с значащимися в оной приложениями и при сем к Вашему Превосходительству представляя, - честь имею покорнейше просить благосклонного ходатайства о переименовании Его в соответствующий казачий чин и зачисления с потомством навсегда в казачье сословие по изложенным в просьбе его причинам, по будущему почтить меня предписанием.

19 Марта 1861 года
Ст. Есентукская. [7]

§ 2-2

По титулу.
Просит прикомандированный к 1й бригаде Терского казачьего войска
Корнет Илья Васильев сын Кеметов о нижеследующем.

На пред сего я имел жительство при отце моем Чеченского [так в тексте, верно «Чегемского»] племени Таубие или перво-степенном уздене Кумухо, отколь в 1848 году поступил на службу ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Лейб-Гвардии в Кавказско-Горский полуэскадрон оруженосцем; в 1850 году Сентября 5го произведен Юнкером в том же Полуэскадроне, а в 1852 г. Апреля 19 произведен в Корнеты с зачислением по кавалерии и, не желая остаться без службы, на основании приказа Господина военного министра от 20 Сентября 1853 года №45 прикомандирован для таковой службы к 7 /ныне 1/ бригады Терского казачьего войска ко 2му Волгскому казачьему полку 1853 г. Августа 15, где и по настоящее время продолжаю оную прикомандированным в числе Азиатских

офицеров; убедясь душевным сочувствием в течение службы моей ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ в существе благочестивых действий Греко-Российской Православной веры, и, чтобы [д]оказать истинное верование в Православие и быть ревностно преданным и слугою Российскому престолу и Отечеству его, я, в 1853 году и принял Христианскую веру, и по Священному обряду ее окрещен священником Кубанского Егерского полка Василием Ивановым; видно из прилагаемого при сем метрического свидетельства за № 50, а в 185[н/ч] году вступил в законный брак с девицею дочерью Пятигорского 3й гильдии купца Ивана Аракчиева Александром; по таком принятии моем Христианской веры и продолжении службы прикомандированным к 1й бригаде более семи лет, на основании приказа Г. Военного Министра состоявшегося по управлению иррегулярных войск от 7 Августа 1860 года № 185, имею ревностное желание продолжать службу Вашего Императорского Величества зачисленным в казачье сословие с потомством навсегда с переименованием в соответствующий казачий чин, в 1-й бригаде в коей ныне состою прикомандированным, поднеся у сего подписку мою и формулярный о службе моей список Всеподданнейше прошу к сему:

Дабы повелено было сие мое прошение мое принять и меня в 1ю бригаду Терского казачьего войска с потомством навсегда зачислить. Ст. Есентукская Февраля 15 дня 1861 года. К поданию надлежит по команде. Прошение сие со слов просителя переписывал писарь полкового правления 1-й бригады Терского казачьего войска урядник Филип Павлов сын Чернов. Прошению прикомандированный к 1-й бригаде Терского казачьего войска, 2 Волгскому полку Илья Васильев Келеметов, а по безграмотству его по личной и рукоданной просьбе писарь полкового правления 1й бригады Терского казачьего войска, урядник Семен Николаев Вастреков руку приложил.

Верно: Старший Адьютант, Есаул [ПОДПИСЬ]. [8]

§ 2-3

Господину Исправляющему должность Наказного Атамана Терского казачьего войска.

Август 1861 г.

Исправляющий должность Дежурного Генерала Кавказской Армии, от 8го Августа за № 2251 сообщил мне, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР по всеподданнейшему докладу ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ ходатайства Г. Командующего Армией, ВЫСОЧАЙШЕ повелеть соизволил: прикомандированного к 2му Волгскому полку Терского казачьего войска, состоящего по Кавалерии Корнета из Азиатцев /названного при крещении Ильею/ Келеметова зачислить в казачье сословие того войска навсегда с потомством и переименованием в Хорунжие, с тем чтобы водворение сего офицера было допущено соблюдением правил изложенных в [н/ч] 3892 части I книги II Свода Военных Постановлений /издан 1859 года/.

О каковой Монаршей воле честь уведомить Ваше Превосходительство, для зависящего распоряжения, впоследствии рапорта Вашего от 17го Апреля сего года № 1559; причем присовокупляю, что о настоящем зачислении Корнета Келеметова в Терское Казачье Войско с переименованием в Хорунжие, будет объявлено в ВЫСОЧАЙШЕМ приказе ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА».

Генерал-майор [ПОДПИСЬ]. [9]

3. Дело о пожаловании участка земли Эфендию Муртазали Алиеву

В документах, приведенных ниже, отображены некоторые обстоятельства пребывания в Карачае эфендием представителя кумыкского народа Муртазали Алиева, который до этого был эфендием в различных воинских подразделениях Императорской армии, Кавказского Конно-Горского Дивизиона и в элитарном Собственном Конвое Его Императорского Величества. Также указаны некоторые возможные обстоятельства пребывания эфендия Алиева в событиях 1855 года в Карачае:

§ 3-1

Начальнику Терской области [н/ч] Февраля 1868 г.

Рапорт

По собранным сведения о происхождении эфендия Муртазали Алиева, обратившегося в 1866 году с просьбою к ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ, Главнокомандующему Армией, о пожаловании ему с семейством участка земли,

оказалось, что Алиев, принадлежа к уроженцам Кумыкского округа, Андреевской деревни, в 1830 году переселился в Кабарду, где проживал до 1838 года, потом поступил на службу в Кавказский Конно-Горский дивизион эфендием, откуда в 1844 году был переведен эфендием же в Собственный конвой Его Императорского Величества, в 1852 году прибыл на жительство в Кабарду и был эфендием, в 1855 году перешел в Карачай, где также был эфендием, в 1860 году поступил законоучителем в Ставропольскую гимназию, исполнял эту должность до 1866 года, а после того возвратился в Кабарду, где и проживает ныне.

Вследствие этого и имея в виду отзыв Правителя Канцелярии Вашей от 18-го Ноября 1866 года за № 3645, в котором было выражено что Ваше Превосходительство не признаете возможным удовлетворить просьбу эфендия Муртузали Алиева как по недостатку свободных земель, так и потому что Алиев не принадлежит к числу жителей Терской области, имею честь покорнейше просить не оставить [без ответа и] сообщить мне, для доклада Главнокомандующему Армией, заключение Вашей о возможности отвода Алиеву участка земли, так как в настоящее время обнаружилось, что Алиев не принадлежит к числу туземцев вверенной Вам области.

Начальник управления,
Генерал-Майор [ПОДПИСЬ] [10]

В рапорте Начальнику Терской области от октября 1868 г. за № 660 кроме вышеприведенной информации указывалось:

«Муртузали Алиев никогда не был в составе Кабардинского общества, а исполнял только духовные обязанности аульного муллы из вознаграждения. Раз назначен был Народным эфендием и по случаю беспорядков между Кабардинцами и нахождение его эфендием в Карачае требует более подробных справок, ибо к тому времени относятся беспокойства в Карачае, участником в которых мог быть и Муртузали Алиев, ибо как известно Председателю, Муртузали Алиев после означенных происшествий выбыл из Карачая, и не видно из справок, где он находился и чем занимался до 1860 года» [11].

Примечания:

1. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX. М., 1974. С. 96–97.

2. Иванов М.А. В ущелье р. Баксана // Известия Кавказского отделения Русского географического общества. Т. 15. № 1. 1902. С. 17.

3. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (далее – ЦГА РСО-А). Ф. 12. Оп. 3. Д. 39. Л.1.

4. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 3. Д. 39. Л. 2–3об.

5. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 3. Д.39. Л. 5–6об.

6. Барзбиев М.И. Карачаево-балкарские аристократы-ветераны Собственного Его Императорского Величества Конвоя // «Нам Богом и Царём, дарованная честь...» (к 200-летию Собственного Его Императорского Величества Конвоя): Материалы VII Международных Дворянских чтений. Краснодар. 2011. С. 59–69.

7. ЦГА РСО-А. Ф. 16. Оп. 1. Д. 35. Л. 1–1об.

8. ЦГА РСО-А. Ф. 16. Оп. 1. Д. 35. Л. 3–4.

9. ЦГА РСО-А. Ф. 16. Оп.1. Д.35. Л. 5–7.

10. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 6. Д. 836. Л. 10–11.

11. ЦГА РСО-А.Ф.12.Оп.6.Д.836. Л. 15об.–16.

В.И. Росликова

Отраденские труженицы

23 января 1943 г. для отраденцев был необыкновенно радостным днем. При тихие улицы в период оккупации в одночасье оживились. Несмотря на двадцатиградусные морозы, народ высыпал на улицы. На площади митинг! В школе торжества! Ликованию не было конца! Наши бойцы без боя вступили на землю, которую они в июле 1942 г вынуждены были оставить. Промерзшие, уставшие, но счастливые бойцы заходили в любой дом и их встречали с бесконечной радостью. Угощали горячим компотом из сухих фруктов, которых было в избытке, а для сладости добавляли солодковый корень. Варили также огромные кастрюли борща из кислой капусты и свиной солонины. Жизнь в станице закипела.

Наши родители, а это были в основном женщины, по весне отправились на свое основное место работы на УЗОС. Там они выполняли разные работы: копали ямы для заготовки силоса из молодых стеблей кукурузы и сами же готовили силос для скота, занимались прополкой различных культур, а иногда и подменяли пастуха. Важной работой являлась и заготовка сена для своих буренок. Совхоз своим постоянным работникам выделял по гектару угодий. Необходимо было скосить, просушить, сделать небольшие копны для окончательной просушки сена, а затем перевезти его домой и уложить в стог. Хорошо, если удавалось заскочить трактористу на этот участок и скосить траву, а в противном случае, приходилось косить самим. Важно отметить,

что обуви не было. Ходить приходилось много. Нашли очень простой выход: из шкуры молодого теленка шили сандалеты («чуни»). Так как шкура была невыделанная и грубая, то носить «обувь» в таком виде было практически невозможно. Приходилось наливать внутрь воду, а по мере ее высыхания, подливать снова. Таким образом спасались и от жары и от неудобства при носке. Но самое примечательное было в том, что к середине дня от «чуней» источался специфический запах, который был очень привлекательным для мух и они роем устремлялись за обладательницей таких необычных «тапочек».

В периоды затяжных дождей женщины шли на «Сушку» – это предприятие где заготавливали сухофрукты. Все производилось вручную. В конце октября, после всех работ на совхозных полях, бригада женщин отправлялась к эстонцам на уборку картошки. Это селение было совсем рядом с совхозом «Урупский». Очень симпатичный хуторок, опрятный, с красивыми палисадами, широкой улицей и стройными рядами пирамидальных тополей. Председателем колхоза была женщина-эстонка. Она знала работающую бригаду женщин и с радостью их принимала. Расплачивалась она картошкой, которую по крутым склонам, с огромными трудностями, на тачке (и дети тоже) перевозили домой. До глубокой осени трудились наши мамы. Долгими зимними вечерами пряли шерсть при «каптилках» (электричества не было): кто на прялке, кто на веретене, как моя мама, вязали носки и отправляли на фронт.

Состав полевой бригады я хорошо помню: Евдокию Добрикову, Полину Гришину, Евдокию Бондаренко, Матрену Бережную, Варвару Черкасову и, конечно же, свою маму Феодосию Росликову. Все женщины были как на подбор. Меня удивляла всегда Варвара Черкасова. Муж ушел на фронт. У нее осталось четверо детей: двое (сын и дочь) – это дети ее супруга от первого брака и двое совместных. Ее изба, двор, огород, дети были в полном порядке. На удивление она выглядела очень молодо. Варвара упорно трудилась в поле, обрабатывала огород, воспитывала детей, была немногословна и без всякого ропота переносила все жизненные невзгоды. Евдокия Добрикова – красивая женщина, пышноволосяя, всегда веселая, с замечательным на-

родным чувством юмора, часто пересыпавшая свою речь разными прибаутками. Полина Гришина выделялась своей статью, необыкновенно большими, синими глазами и густыми очень длинными красивыми ресницами. Муж ее вернулся с фронта инвалидом. Евдокия Бондаренко была особенно близка к нашей семье. У нее был муж, прошедший войну, тоже инвалид. Детей в семье не было, и они взяли ребенка из детского дома. Белокурая красивая девочка, очень похожая на свою приемную маму, пережила ленинградскую блокаду и оказалась очень болезненной. Они ее выносили, а с возрастом стало заметно, что одна ножка у нее тоньше другой и стала укорачиваться. Сколько они предпринимали усилий! Консультации местных врачей, докторов в Армавире, Краснодаре, лечили народными методами, но осилить недуг, видимо, не всегда возможно. Тем не менее, девочка окрепла, окончила нашу отрядненскую школу, а затем в Ставрополе и пединститут, работала в одной из станиц в школе. Она обзавелась семьей и с огромным уважением и почтением относилась к своим приемным родителям.

Все женщины были яркими, интересными без всяких косметических салонов. Единственным кремом, которым пользовались наши мамы, был крем «Метаморфоза» с необыкновенно стойким запахом. Духи «Кармен» в плоских флакончиках с красивой наклейкой самой Кармен были абсолютными фаворитами. А еще у модниц были очень популярны духи «Красная Москва». Вот практически и весь набор косметических средств.

Женщины в бригаде были дружные, веселые и певуньи. В отрядненском Доме культуры – единственное место, где проходили всякие торжества, был хор. И вся полеводческая бригада составляла его основу. Всеми организационными вопросами, видимо, и режиссурой постановок, руководила Лина (отчества не знаю) Монжосова. Это была необыкновенная женщина. Жила она одна на улице Курортная, неподалеку от Петра Митрофановича Галушко. Муж ее ушел на фронт и не вернулся. Небольшого роста, темноволосая, изящная, быстрая, остроумная, добрая, отзывчивая. На сцене она превосходно играла. Помнится спектакль в «Степях Украины» (кажется, автор Корнейчук), где Л. Монжосова исполняла

роль жены председателя колхоза «Смерть империализма». Образ, который она создала, был отточен до мелочей и необыкновенно интересен, что вызывало бурю аплодисментов. Дом культуры был просто забит зрителями. Сейчас, сопоставляя ее игру с игрой великих советских актрис, например, Т. Пельтцер, нахожу общую черту – комедийную жилку. Л. Монжосова была необыкновенным организатором. Женщины полеводческой бригады были веселыми, легкими на подъем и дружили не только на поле, но и в быту. Уже после оккупации в один из зимних рождественских вечеров Лина собрала у себя женщин и предложила им пойти по станице с колясками. Труд особого не составляло: женщины знали эти напевы и отправились в поход. Куда идти? Лина, смелая и отважная, дала команду – «прямым ходом к секретарю райкома партии». Женщины засмутились и отказались идти под предлогом, что как бы не накликать на себя какую беду. Ведь празднование святок в те времена было не в почете. Та настояла на своем. Уже не помню, кто после Иванисова, был на посту первого секретаря райкома (Иванисов вместе с другими руководителями станицы был расстрелян немцами), но под командованием организатора женщины отважились. К величайшему удивлению они попали в гостеприимный дом. Там был накрыт стол и отмечался великий христианский праздник. Все гости и хозяева оживились! От угощений ломился стол и, как полагается, им надали всякой снеди, в том числе, и хорошей марки вино, а это была редкость в те времена! После вечернего похода решили отпраздновать христианский праздник. В каком доме собиралась компания – я не знаю, но праздник удался.

Праздники отмечались довольно часто. В них принимала участие и семья Немченко, которая была почитаемая в станице. Их дом заметно выделялся от окружающих. Самое главное: крыша на нем была железная, что в ту пору считалось большим признаком самодостаточности семьи. Дом большой, добротный, с красивой верандой. Большой двор весь утопал в цветах. Сам Леонид Степанович был ответственным работником прокуратуры, я хорошо его помню. Среднего роста, элегантный, приветливый. Еще учась в начальной школе, я ходила всегда мимо их дома и частенько с ним встречалась. Он все-

гда спрашивал о моих успехах. Помню, я уже окончила университет и где-то, по ту сторону р. Тигинь, у мельницы, мы с ним встретились. Он обрадовался нашей встрече, поздравил меня с окончанием университета и долго расспрашивал меня о моей специальности и планах на будущее. Антонина Мироновна Немченко – его жена, красивая женщина, высокая, стройная, ухоженная. Помню кинофильм «Дубровский», который я смотрела в детстве. Еще в те времена отметила, что тетя Тоня Немченко очень похожа на артистку, которая играла Машу Троекурову. У нее были большие, яркие как угли глаза, и красивые, темные, густые и длинные волосы. Ее отличала приветливая улыбка. Антонина Мироновна не работала в бригаде женщин, но была дружна с ними. Она была прекрасной хозяйкой и заботливой матерью. Выростила четверых детей: двоих сыновей, дочь Татьяну и внука Сережу – сына старшего их сына Гария. Сыновья и дочь окончили отраденскую среднюю школу с медалями и стали известными людьми. Гарий – писатель, обладатель многочисленных престижных не только российских, но и зарубежных премий; младший брат Валерий – заслуженный врач Российской Федерации.

Внук Сергей Немченко в настоящее время проживает в родной станице на той же улице и в том же доме, где жили его дедушка и бабушка. Он обладает незаурядными способностями заражать и привлекать окружающих к познанию новейшей истории и культуры Приурупья. В этой работе принимают участие огромное количество специалистов из различных областей наук: учёных историков, архивистов, писателей, журналистов, заслуженных деятелей науки, юристов, педагогов, служителей церкви, инженеров. Отраденские историко-краеведческие материалы – это целый пласт исследований.

Возвращаясь к организаторским способностям Л. Монжосовой, необходимо отметить еще одну ее важную черту характера – она была артисткой не только на сцене, но и в быту. Весьма интересный случай произошел с нашей соседкой. Эта семья недавно появилась на нашей улице. Она переехала с хуторка, который приютился за мостом через р. Уруп. Соседка была немного странноватой женщиной, и окружающие отмечали это. Она верила в чертей и злых духов. В обеденный перерыв все ходили

доить коров на правобережье Урупа, где они отдыхали в жару. Новая соседка, начинающая доить корову, обязательно крестила себя и корову, причитая что-то. Окружающие замечали за ней и другие странности и тихонько подсмеивались. Прошло немного времени после переезда, и она громогласно, на всю улицу, объявила, что моя тетя Варя колдунья и она заколдовала ее корову, которая в разгар лета перестала давать молоко. Уж соседка и шептала, и крестила, а молока надоить она не могла. Сколько было упреков – не пересказать! Тогда женщины решили обратиться за помощью к Лине Монжосовой – исправить это положение. Та не задумываясь, согласилась разыграть сценку знахарки. Соседку направили по соответствующему адресу. Лина любезно встретила ее и сказала, что она сможет оказать помощь в случившемся. При этом она оговорила, что для этого необходимо предоставить: большую глиняную макитру с узким горлом, новую, бордового цвета, шерстяную шаль с кистями, пшеничные отруби, большую емкость, наполненную ключевой водой. Когда все было подготовлено, знахарка накрыла себя и корову платком и начала массажировать вымя. При этом в полголоса приговаривала смешную ерунду: «... бежала собака через брод и потеряла хвост, а за нею шла корова и замочила бок, бок не высушила...» и все время повторялось слово «Аминь». После часового массажа Лина вручила соседке баночку с «волшебной мазью» для массажа вымени и попросила ее немедленно обвязать весь плетень со стороны «злодейки» (моей тети) красными тряпочками из новой ткани, и приказала не снимать их в течение месяца. Проезжающие мимо останавливались и осведомлялись о символичности плетня в красных тряпках. Это было все очень смешно. Таинственная болезнь коровы объяснялась просто. Соседская буренка никогда раньше не переходила реку, как другие станичные коровы, и просто застудила вымя. Это «омовение» стоило соседке 5 руб. «Знахарство» закончилось тем, что Лина приготовила угощение. В ее небольшом саду накрыла стол и пригласила своих подруг. Пировали женщины с удовольствием. Когда уже приближался конец застолья, Лина отошла от стола поодаль и стала под дерево, а затем объявила: »Женщины, будем считать эту нашу встречу моими поминками. Я живу одна, но кто бу-

дет мне их устраивать после смерти? Выпейте за упокой моей души». Вот так грустно должна была закончиться эта встреча, но женщины восприняли это за очередной артистический сценарий, разыгранный Линой. Выпили за ее здоровье и спели любимую песню «Скакал казак через долину ...». К счастью, Л. Монжосова прожила достаточно долгую жизнь, сделала много добрых дел, и осталась в памяти отраденцев яркой незабываемой личностью.

Необходимо сказать о женщинах, которые занимали в станице другое социальное положение. В первую очередь хочется вспомнить Веру Романовну Солертинскую – жену главного врача – хирурга отраденской районной больницы. Она тоже была известным врачом и работала в больнице. Их две девочки учились со мной в начальной школе, и я с ними была дружна. Однажды после занятий девочки пригласили меня в гости. У них был большой, красивый дом в центре станицы (он и сейчас, наверное, цел и невредим). Вера Романовна симпатичная, среднего роста женщина, с короткими темными, вьющимися волосами, гостеприимно встретила меня. Попасть в гости в такой дом для меня было большой радостью. За обедом, во время разговора, Вера Романовна обратила внимание на мое скромное школьное платьице, которое отличалось изяществом отделки, четкостью строчек и элегантностью кроя. Оказалось, что платье было сшито моей тетей-Варварой Афанасьевной Иващенко. Тетя действительно была мастер на все руки. Она не только была «кутюрье» станицы, но и умела мастерить многое другое. Например, когда сильный ветер со ставропольского нагорья снес часть крыши нашей избы, тетя Варя сама ее починила и поставила даже гребень. Она была и печных дел мастер – сложила печь, делала табуретки, шила мне тапочки из старого портфеля. Что-то купить новое было непростым делом, и тетя шила из старых отцовых рубашек сарафаны, юбочки, вышивала крестом и гладью блузочки. Все это придавало моей одежде особый вид, и я была всегда хорошо одета. Небольшого роста, изящная, подвижная, мужественная, добрейшей души, истинная христианка по складу души, тетя тем не менее не верила в Бога. Этому «помогла» семья священнослужителя, в которой она работала. Шел Великий пост. Несмотря на это

в доме хозяина собрались гости, где стол ломился от всяких яств с горячительными напитками. Повеселевшие священнослужители распевали веселую песенку «один бог без греха». Убирая стол после пиршества, 14 летняя девочка не могла устоять перед соблазном - съесть кусочек мяса. Хозяйка ее не только обругала и назвала «чернью», но хорошо поколотила и надорвала мочку уха. Этот момент в жизни тети оставил тяжелый след.

Возвращаясь в дом Солертинских необходимо заметить, что Вера Романовна попросила меня познакомить ее с тетей, что я незамедлительно и сделала. Вера Романовна стала постоянной ее клиенткой. Мне хотелось бы отметить, еще одну немаловажную черту Веры Романовны – способность организовывать досуг детей. Для друзей (7-8 детей) своих дочерей на новогодние каникулы в доме Солертинских в вечернее время устраивались веселые новогодние праздники. В большом зале стояла красивая, нарядная елка, от которой исходил стойкий смолистый запах, а к нему еще примешивался запах мандарин, что создавало необыкновенно праздничную обстановку. Тем более, таких торжеств, с елкой и мандаринами, наши родители не могли нам устроить. Вера Романовна увлекала нас в веселый карнавал. Стучался в дверь и дед мороз с подарками. Радость была беспредельная. Вечером, отправляясь домой, каждый что-то уносил с елки и еще большой кулек со сладостями. Так как я жила далеко от центра, а кроме того на наших улицах света вообще не было и была полнейшая тьма, то до дома меня сопровождал сам Солертинский (имя и отчества его, к сожалению, не

помню). Как-то под Новый год я заболела и не смогла присутствовать на веселом празднике, однако подарок мне был передан на следующий же день.

Хочу вспомнить и операционную сестру самого Солертинского – Анастасию Ильиничну Жукову – бессменного сотрудника больницы. Мать двоих детей, Тамары и Алексея, которых она воспитывала сама. Добрейшей души человек, профессионал высокого класса и уже, будучи давно на пенсии, регулярно помогала в больнице при вскрытиях и патологоанатомических экспертизах.

Ярким представителем нового поколения отраденских женщин является Валентина Жукова – невестка Анастасии Ильиничны. Всегда в хорошем расположении духа, добрая, отзывчивая, автомобилист-любитель, искусный рыболов, натуралист. Заботливая мама и бабушка. Ни один десяток лет проработала председателем коммунального хозяйства района, депутат, почетный гражданин Отраденского района. Строитель не только по профессии, но по призванию и большой романтик. На ее доме (ул. Ленина) красуется табличка «Дом образцового порядка». В настоящее время ведет большую общественную работу – председатель ревизионной комиссии совета ветеранов Отраденского района.

Вот такие женщины-труженицы жили и живут в нашей станице, а их дети и внуки продолжают трудиться на кубанских просторах. Как замечательно написал в одном из своих стихотворений, посвященном женщинам, Е.Евтушенко: «Лучшие мужчины – это женщины, Это я вам точно говорю!»

VI. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Письма Жигайлова А.Н. Малахову С.Н.

19.V.2000 г.

Сергей Николаевич! Добрый день!

Неожиданно получил Ваше короткое письмо. Спасибо! Во-первых, рад буду получить публикацию генерала с упоминанием моей фамилии. Думаю, что в Святые места ходил мой прапрадед Василий Степанович Жигайлов. Он был казак и урядник. Хотя мой прадед Филипп Васильевич, его брат Николай Васильевич, мой дед Петр Филиппович – все были урядники. По времени (1900 г.) на службе был мой дед. Но вряд ли его, молодого казака, взяли бы в такое путешествие.

Ваше сообщение значительно пополнит информацией мою семейную хронику.

Во-вторых, хреновая погода, до сих пор не даёт возможности побывать в горах. Задержала всех гостей.

За время нашего расставания у меня состоялись две нужные для моего дома встречи. Местный священник приходил ко мне. Обсудили статью. Была сделана лёгкая редакторская правка. Но самое главное во встрече, что он дал ей оценку с точки зрения священника, живущего у древних развалин. Наш отец Анатолий пишет книги, работает над учебником "Закона Божьего".

Он в прошлой жизни был преподавателем музыки. Выпускник Новосибирской консерватории. В один год он потерял 8 человек родственников. Из-за этого произошёл сдвиг в сознании, перешёл в священники...

Вторым визитером в мой дом был директор Карачаево-Черкесского центра стандартов Бойко И.И. Это моя жена продолжает свою работу. Такой приезд обещает для меня поездки на Сентинский и Шаонинский храмы на Кубани и Теберде, посещение Нижнего Архыза. В лето будут гости, которых повезу в те края. Обещал он познакомиться с местными историками. Добыть местную историческую литературу.

В остальном жизнь дала трещину. Гости из Черкесска выставили на стол свой спиртовой напиток на 20 травах. Вот он взвинтил и мне, и жене моей давление за допустимые нормы. Кряхтим в лёжке, сбиваем давление.

Работаю над архивом.

Не могу отловить по телефону "Казакбанк". Главная информация придёт от них. Нужна погода, чтобы приехал сюда ваш мэр города. Можнева И.Ф., видимо, уехал в сторону Москвы.

Сергей Николаевич! Время внесёт свои поправки. Вы обещали мне телефон Кузнецова В.А., напишите. Информировать о своих с ним разговорах-переговорах. Станичный священник молвил, что даже силами церкви можно провести Ложкинские чтения. Они, сказал, нужны.

Пишите, пожалуйста, ответ сразу. Хочу знать, что Вам думается после посещения Передовой.

С уважением, Ваш Жигайлов

19.V.2000

ст. Передовая

P.S. Возможна ли Ваша встреча с благочинным отцом Виктором, который в "Казакбанке"? Вы воодушевите его. Он – вождей финансов!

22.VI.2000 г.

Добрый день, Сергей Николаевич!

Винюсь, что сразу не написал ответ. Бандероль для меня стала больше, чем подарок! Во-первых, в журнале № 1 за 2000 год ("Родная Кубань") на снимке изображён мой прапрадед Жигайлов Василий Степанович (1834-1990 г.). Во-вторых, в публикации генерала во многих местах даётся характеристика ему. Живой и разбитной характер читается через выполнение поручений.

В-третьих, замкнулась информационная цепь. В 1996 году я начал искать сведения на своего деда Жигайлова Петра Филипповича. До сих пор кроме 2-х фактов ничего не нашёл. Зато нашёл то, чего не ожидал. Через родственников нашёл фотографии из 1900 года, когда урядник Жигайлов вернулся из святых земель и запечатлен в кругу семьи.

Мои отдаленные родственники позволили переснять старинные снимки, и мне, как активному поисковику, передали на хранение Георгиевский крест моего прапрадеда.

В-четвертых, с Вашей доброй помощью я нашел ход, через который должен

добраться до архива генерала Венеровского С.А.. На этих днях в районе был П.Е. Придиус. Проявил повышенный интерес к общению, особенно к словам: "Это были все станицы, жителей которых я поселил в горах в 1858–59 гг."

Обещал найти человека, который готовил статью. Как видите, Сергей Николаевич, есть Ваше доброе дело. Спасибо за него! Спасибо за подсказку! Конечно, я набросился на книгу архиепископа Гедеона. Сразу стал сравнивать собственные факты из статьи и его информацию. На первом этапе мне интересно. Пока задержу книгу! Только во времени я стал осознавать, что своей статьей "Забытая христианская цивилизация" я сделал открытие для самого себя.

Как журналист-практик, посчитал, что сделал сенсацию. Но вышло, что создаю шум для людей несведущих.

Специалистам всё давно известно: и учёным, и церковникам, кто повыше рангом. Священники района делают открытия через меня.

23 мая в Краснодаре отраденец отец Виктор делал сообщение об Ильичевском городище, используя мою фактуру. Просил разрешения на это!..

Касательно "Казакбанка". Руководство обсуждало 2 штатные единицы для ученых. Возражений не сделали. Сказали, что надо ещё раз обсудить. Епископ Филарет встретил предложения настороженно. Руководители банка пока поглядывают на него. А что говорит Вам Кузнецов В.А.? Были ли с ним встречи, переговоры? Приглашайте в Передовую!

Жду от Вас известий с нетерпением. Приезжайте в добрую погоду, чтобы побывать в горах! До свидания.

Искренне Ваш, Жигайлов

22.VI.2000

ст. Передовая

P.S. Сообщите телефон Кузнецова В.А. Ждем приезда из США сына белого казака Величко (Роман) П.И. Он прислал своё письмо.

3.03.2001 г.

Сергей Николаевич! Добрый день!

В начале апреля буду в Передовой. Жду всегда. Был у Валерия Сергеевича. Взял 6 и 7 номера альманаха. По паре вручил Людмиле Александровне и Аржанцевой. Перфильева Л.А. попросила передать Вам этот пакет. Оказия быстрая, шлю сразу.

Ищу транспорт, чтобы перебросить в Армавир весь тираж альманаха. Прошу с Иваном Федоровичем Ложкиным найти шофёра-челночника из вашего города. Он обещал заехать, но встреча не состоялась. Через него передам Вам 10 связок альманаха. Будут затруднения, сам привезу. Подробности перескажу при встрече. Иван Иванович Бойко был у Президента КЧР Семенова. Последний назначил мне свидание после приезда. В эти дни обо мне будет сказано генералу Казанцеву в Ростове.

Прицел прежний: создание Центра, подъем на государственный уровень археологов, воссоздание Великого караванного пути.

Сижу за собственным архивом. Начались разговоры-переговоры об издании моего авторского фотоальбома.

Есть новые публикации Лика Христа. Привезу.

С наилучшими чувствами! Обнимаю.
Ваш Алексей Николаевич

3.03.2001

г. Москва

Дорогой Сергей Николаевич!

Пишу вам в надежде, что снимете с моей души вину за публикацию в "Московском комсомольце". Я винюсь за своего сына. Он не проследил за правильностью выхода в свет нашей информации. Мне объясняет, что сотрудник редакции просто современная скотина в облике человека и, самое главное, кандидат филологических наук. Вот его адрес:

123848, Москва, ул. 1905 года, д. 7 ,

"МК", Бычков Сергей Сергеевич

тел. 256 92 40, факс 259 46 39

Наше общение с Ликом у Архыза, его духовность предвещала, что черная сила скоро проявится. И она вскопчила черной молнией между нами.

Не виноват я, Сергей Николаевич!..

Сообщаю Вам другую информацию. Газета "Кубанские новости" /редактор Придиус П.Е./ 14 ноября с.г. делала публикацию "Образ Христа на скалах Кавказа". Отправил ей Вашу большую статью и свое выступление в отраденской газете, плюс снимки. Просил выделить Вас автором текста, а меня фотографом. Опять получилось то, что есть. Меня выровняли с Вами, сделали нас соавторами даже в иллюстрации.

Далее. Журнал "Русский дом" № 1 за 2001 год готовит публикацию о Лике на скалах сразу под тремя фамилиями: Малахова, Жигайлова и Токмаковой. Какую трактовку они сделали, пока не читал. Работал над текстом зам. гл. редактора Воронцов Андрей Венедиктович. Он объяснил, что "видение" журнала находит в информации каждого из нас. Ольга Токмакова выступила со своим материалом в газете "Труд" за 26.X.2000 г. Кто она, я не знаю.

Газета "Аргументы и Факты" /вариация "Северный Кавказ"/ дала свою информацию "...И явился лик Христа" в декабре м-це № 48.

Были еще публикации на ТВ: I.X.2000 – ОРТ, программа "Время"; в конце октября – 6-ой канал, в ноябре – ТВ "Русский дом".

Это цена публикации в "Московском комсомольце". Её подхватили другие органы прессы.

Если хватит у Вас, Сергей Николаевич, терпения, то продолжу свое повествование. Газета "Сельская жизнь" /ст. Отрадная/ на своих страницах восемью кусками опубликовала первую часть моей статьи "Забывтая христианская цивилизация" /по числам: 9.XI, 11.XI, 14.XI, 16.XI, 18.XI, 21.XI, 23.XI, 25.XI/. Сверху Филиппов С.К. поставил в каждой публикации надпись "К 90-летию со дня рождения М.Н. Ложкина" и разместил по одной фотоиллюстрации.

По приезду в столицу я дважды усиленно болел, даже лежал в постели. За рамками этого посетил приемную Патриарха, Владыку Арсения. Он отправил меня в Средненский монастырь, где находится Центр по изучению Плащаницы. Отец Тихон перебросил стрелку на руководителя Центра. Он единожды мне позвонил домой и исчез. Задал вопрос – не смогу ли я выступить у них с докладом. Личной встречи с Патриархом не было. Вновь проделка моего сына. Он передал через пресс-секретаря одну из моих фотографий Спаса Нерукотворного. Слышал, что Святейший вел переговоры с Владыкой Гедеоном.

Из своего общения выявил, что Владыка Арсений даже не слышал о явлении в горах Кавказа Эдесского убруса. Он благодарил, что просветил его. Все заботы и проблемы сразу адресовал епископам, мол, они "хозяева" и "ответчики". Короче говоря, отфутболил...

Интерес у других людей иной, повышенный. Это в кругах журналистов, художников, скульпторов и т.д.

Мой дом посетил кубанский писатель Петр Иванович Ткаченко. Он организовал журнал "Соленая подкова". Усиленно занимается княжеством "Тмутаракань". Я ему передал Ваш адрес. Ищет он архив Мастепанова С.Д. Усиленно интересуется историей Северного Кавказа. Так что приютите его добрым словом.

До сих пор лично нахожусь под впечатлением поездки в левобережье Урупа за хутором Ильич. Что-то пробудили те места. Вижу постоянно гребенку вершин скифских курганов. Зовет к себе Куньша, где еще не бывал.

Майкопский епископ подписал свое согласие на строительство часовни Андрея Первозванного на Ложкином нагорье у Урупа. Деньги, собранные мною на стройку, лежат в "Казакбанке". Ждут весны. В Отрадной сменили голову администрации. Булат, который стал ею, намного лучше прежнего. Думаю, что району повезло, что мы также что-то сделаем в нем, в т.ч. и на Ильичевском городище. О происках армян я рассказал Арсению. Он записал на бумажке для себя пометку. Сказал, что будет звонить в Майкоп. "Возьму на контроль", – были его слова.

Мой приятель, Костя Чернявский /скульптор/, лепит сейчас бюст Калашникова М.Т. У последнего орден Андрея Первозванного за № 1.

В Отрадной венчались родители Калашникова. Он давно собирается в наш район. Высказал ему предложение принять участие в сооружении часовни Андрея Первозванного, приехать на её открытие. Мыслительный процесс пошел. Думает. Скоро он приедет в Москву, чтобы дать сеансы позирования скульптору. Тогда и даст окончательный ответ. Если случится его участие, то к Ильичевскому городищу, к проблеме древней Алании будет привлечено через конструктора оружия самое большое внимание прессы. То, что делаю, называется раскруткой нашей общей затеи: привлечь внимание людей к древнему христианству на Кавказе.

Журнал, конечно, отправлю Вам сразу по его выходу. Во всем остальном остаюсь привязанным сердцем к Сергею Николаевичу Малахову!

Обнимаю, Ваш Алексей Николаевич Жигайлов

Конец 2000 года

30.V.2001 г.

Дорогой Сергей Николаевич! Добрый день!

Я часто мысленно разговариваю с Вами. Подсознание признало мою вину за плохие публикации. Я, оказывается, на пенсии оторвался от коммерческого рынка прессы. Теперь сам факт публикации в ней означает моральную и материальную "награду".

В столице проверял через церковных иерархов Ваше предсказание: пройдут 5-7 лет, пока Православная церковь начнёт удивляться открытию Лица Христа на скалах. Причислению его к Святителям. Посещал Патриархию. Владыка Арсений (канцелярия святейшего) отправил меня к Кавказским владыкам. Это их заботы.

Сама же столичная интеллигенция проявила интереса больше. При канале ТВ ("Время" 6-ой канал, ТВ "Русский дом") после публикации в "МК" за 30.09.2000 г. вызвали лавину соревнующихся в догадках публикаций в газетах ("Труд", "Совершенно секретно", "АиФ", "Красная звезда", "Патриот", "Казачьи ведомости", "Парламентская газета" и др.).

В общей сложности десятки миллионов людей лицезрели его. Вы, Сергей Николаевич, родитель этого потока. Я был среди первых, кто шёл на скалы вослед Вам. Читатели искренне благодарят и ищут дополнительной информации.

Весенними днями (март-апрель) получил сигнал от московского скульптора Константина Чернявского, что ему позирует руководитель Секретариата Председателя Федерального Собрания Михаил Антонович Коробейников. Я вёл съёмку их совместной работы. К тому моменту известный Вам писатель П.И. Ткаченко добыл телефоны Фонда Святого Всехвального Апостола Андрея Первозванного. Я сбегал в него. На пару часов увлёк своими разговорами и фотографиями часть руководителей. Стало ясно, что тема древнего христианства на Сев. Кавказе чего-то стоит. В мастерской скульптора заговорил при госте о посещении Фонда. И вдруг сидящий натурщик заявил, что он лично его "Серый кардинал", что Пред. Федерального Собрания Строев Е.С. является

Председателем попечительского совета Фонда Андрея Первозванного. Сказал, чтобы я написал короткое письмо в его (Строева) адрес. Помните, мы собирались писать в Ростов Казанцеву. 2 апреля с.г. была получена виза: "решительно поддерживать" Жигайлова А.Н.

И разбежались мысли-скакуны, закружилась голова, чтобы оформить наброски Христианского проекта.

Поддержите ли Вы, ученые, эту идею? Нужна ли она в реальной жизни?

По моему суждению, федеральный подход может на целые десятилетия дать работу археологам и историкам Северного Кавказа, если пойти по забытым тропам Андрея Первозванного от перевалов Кавказа в Епископский квартал Севастополя. Позже этот путь приведет в Абхазию.

Что делать нынче? Мне говорят, станьтесь руководителем Нового Христианского Центра Северного Кавказа.

Я же мысленно всё это начал делать под доцента Малахова и профессора Кузнецова.

Коммерческое решение паломничества должно стать одной из программ Федерального правительства. Вот с этими ужасами и фантазиями я жду Вас вместе с Владимиром Александровичем.

В г. Георгиевске живет мой однофамилец Жигайлов. Он хочет впервые приехать ко мне в Передовую, чтобы познакомиться. По пути можно забрать на пару дней Кузнецова, посетить Ложкин город, Нижний Архыз. На обратном пути он вернет профессора домой. В 20 числах июня из Москвы самолетом отправят, скорее всего, в Минводы, нашу внучку. Мы будем встречать её. Вновь буду тогда предлагать Владимиру Александровичу встречу в аэропорту. Лучше встретиться нам в Армавире.

В эту субботу (2.VI) встречаю жену в Ставрополе. На Троицу в Отраденском храме состоится (3.VI) освящение 2-х хоругвей ("Спас Нерукотворный на скалах" и "Божия Матерь Спорительница Хлебов"). Можневу и Долгому сделал наказ приехать туда и Вас привезти.

По своим каналам отыскал и сфотографировал 15 нательных крестиков, которые М.Н. Ложкин относил к VI веку. Есть ли у Вас его брошюра? Если есть, то сделайте ксерокопию. Там об этом информация. Местный родственник Можнева показывал

наконечник копья эпохи скифов и меотов, куски металла. Он назвал место, где они плавил у Урупа металлы. Есть и иная добрая информация. Всё Вам покажем, приезжайте.

Нас зовёт урочище Куньша и всё вокруг него.

Вот такое начало нашего разговора в новом, 3-ем, тысячелетии.

Обнимаю! Ваш А. Жигайлов

30.V.2001

P.S. Фонд Андрея Первозванного собирался провести научно-практическую конференцию "Слава России – XXI век" в г. Ростове. Президент Мельник А.В. хотел пригласить ученых, кто знает древнее Христианство Кавказа. Я не звоню ему, ибо не знаю Вашего отношения к этим вопросам.

ст. Передовая

8-244-95522

03.01.2002 г.

С.Н.!

После нашего поиска Лика Божьей Матери с риском для жизни вышел на тайных гробкопателей. Волосы встали вверх от их сокровищ. Абсолютные подтверждения у них, что между Преградной-Ахметовской и Передовой было гигантское стойбище скифов, что здесь были китайские купцы. Если можно, повторите название наскальной иконы Божией Матери с тремя крестами у ног и локтей. У меня много новой информации. Объявляйтесь.

Ваш А.Н.

03.01.2002

Г.Л. Немченко

Родаки и однофамильцы (Записки бродячего недоучки)

Зачем врать?.. Пиши о том, что было, что ты действительно видел, пережил.

Не надо лжи. Её и так много.

Лев Толстой

1.

Зрел он во мне с давних пор, этот рассказ, а «упал в руку», когда в кубанском выпуске какой-то из столичных газет прочитал: исполняющим обязанности прокурора Краснодарского края назначен некто Бабаев. И в сознании возникло опять: вот оно!..

«Продолжение следует?..»

С одним из Бабаевых, Геннадием, в конце восьмидесятых меня познакомил у себя в кабинете старый отраденский дружок Федя Некрасов, Федор Ефимович.

Долгие годы он оставался одним из самых всесильных станичников: главный врач районной Санэпидстанции... царь и бог!

Это, благодарение ему и светлая память, давало, кроме прочего, Феде возможность нет-нет, да помогать постаревшим да прибалывающим матерям тех, вроде меня, кто не сидел дома, а «как шельма по ярманке», мотался по белу свету. Мы-то, правда, ничего не высматривали, не крали, никого не обманывали, и то, что наше поколение в разных концах Союза построило, растащили потом совсем другие умельцы... просто пошел на поводу образной «отраденской» речи?

Родня так говаривала: ну, и сидел бы дома, а не носился как шельма по «ярманке»!

И «жили бы кучечкой»: мечта мамы.

Так вот, Федя не забывал нашей, уже немощной родни. Доставал дефицитные в ту пору какие-нибудь простенькие лекарства. Кому-то давал отраву для крыс. Кому-то вдруг привозил мешок зерна. Кормить кур.

Мы отдаривались кто так. Лишь иногда поможешь ему устроиться в московской гостинице... Чем еще его удивить? Зато Федя, когда ты еще молодым-зеленым, без году неделя, сибиряком приезжал на «малую родину» в отпуск, мог в любом конце нашего Предгорья устроить тебе такое пышное застолье, что в дымном и голодном своем Новокузнецке ты потом годами о нем рассказывал.

И правда: в станице мы первым делом шли к Феде в санэпидстанцию. Представиться. Как солдаты-срочники – в военкомат. Доложить о прибытии.

И однажды я застал у него в кабинете деликатного, предупредительного человека лет тридцати пяти, о котором сразу подумал: не наш. Кто-то из новых отраденских насельников.

– Да он тут уже давно, просто не было случая вас познакомить, – стал рассказывать Федя, когда тот ушел первым. – Ребята из Краснодара попросили прикрыть. На первых порах... Ну, да теперь он уже и сам кого хочешь выручит. В Райпотребсоюзе на днях станет главным. Слышал же о горских евреях? Вот он как раз из них. Тат. Уже перед самой перестройкой их родню сильно по-

шерстили, в газете «Известия», говорят, большая статья была. Мне тоже интересно, может, потом поищешь?.. Ну, и они, видать, кто куда. Переждать. А он к нам...

Дома в Москве я как раз занимался чем-то таким, из-за чего приходилось бывать в отделе периодики Национальной библиотеки, бывшей «Ленинки». В Химках.

Нашел я статью в «Известиях». Прочитал. Ну, что там – по тем-то беззубым временам?.. Мол, круговая порука. Семейственность. Кумовство. Клановость. Повсюду родственники на теплых местах. На севере и на юге.

Грустно поулыбался, конечно... Вспомнил старого сибирского дружка Рафика Айзатулова. «Стального Рафа». Главного сталеплавильщика нашего Запсиба, после – «генерала». Генерального директора. Которому не раз говорил и «под рюмку чая», и без нее. Ну, ты, татарин, даешь!.. Скольких своих соплеменников на теплые места попристроил! Хоть в первом конверторном, хоть во втором... С кем не разговоришься возле огонька на разливке, и тот «малай», как и ты. Настоящий татарин!.. И этот... Жароустойчивые ребята!

Тут как раз началось это самое «возрождение», которое в пору теперь назвать хорошо спланированным дьявольскими силами «вырождением», и в Отрадную в очередной свой приезд я вернулся – не больше, не меньше! – московским атаманом... Сибиряк-первопроходец с ударной стройки. Достаточно известный в ту пору писатель. Выпивоха, конечно. И, как всякий кубанец, хвостун – как без этого?

Кому еще, как не мне, на эту «амбразуру» было и броситься!

Ну, и уговорили дружки... Нынче думаешь другой раз: подставили?.. А сознательно или нет – дело десятое.

Опять встретились у Федора с Геннадием, и мне пришлось долго объяснять ему, что такое казачество, да с чем его, как говорится, едят, эх...

Да в какое время.

Федя только посмеивался, названивая в какое-то совсем недавно возникшее «ООО». Общество с ограниченной, значит, ответственностью, в котором шулом для районного начальства готовили так искусно, как будто в «полном объеме» только за него и отвечали... А в кавказских глазах у моего собеседника пряталось сомнение и прямо-

таки толпились невысказанные вопросы: зачем теперь-то казаки? В наше время перемени. Ну, зачем?!..

Вскоре этот сакраментальный вопрос взялся задавать себе и я... Но было уже поздно.

«Prosus», по латыни, значит вольный, и через пару лет я окончательно убедился, что одинокое мое дело, русская проза, куда вольней якобы вольного казачества...

Но со страстью застоявшихся жеребцов уже начали казачествовать жившие в Подмосковье мои сыновья.

Старший, подольский атаман, вдруг подарил младшему, атаману звенигородскому, доставшегося ему по случаю породистого коня. Такого буйного, что все мы не знали, куда его девать в крошечном деревенском дворике. Потом до меня, наконец, дошло: нашу «дачную» избу конь хочет раскатать на бревна, чтобы построить себе достойный денник и завести потомство с призывно откликающейся на громкое его ржанье кобылой, которую другой такой же скороспелый, как мои сыновья, атаман томил за несколько верст от нашего Кобякова.

Пришлось позвонить старому знакомцу, известному каскадеру Богородскому. Донскому казаку: выручай, Женя!.. Приезжай со своею коневозкой и заberi за так. Нынче уже отгрыз один угол избы, под другим на метр выбил землю, а что – завтра?

Может, на том бы дело и кончилось, но взамен прежней вдруг появилась новая забота. Сочувствующие казачкам милиционеры, которые тогда еще не были «полицией», а всего-то «ментами», и носили синюю, а не черную форму, вдруг привезли на трейлере нам под двор старую лошадь, которую под Звенигородом сбила машина... а что, сказали сыну, а что?! Выходишь ее, атаман, она тебе еще призы будет брать! Разбогатеешь – поделишься?

Звенигородскому атаману, само собой, было некогда, пропадавал днем и ночью в городской больнице: хирург-травматолог. И жена оставила свои грядки, я – пишущую машинку. Несколько дней она выискивала в заросшем наглухо огороде якобы целебные травы, а я даже пытался косить окрест деревни сенцо, якобы на подстилку... вдруг да отойдет лошадка. Вот только – куда? Отойдет...

И что мы с ней потом, когда копыта отбросит, будем делать?

Тут-то я и вспомнил о своем отрядненском знакомце Гене Бабаеве, давно перебравшемся обратно в Москву. Когда звонил ему по телефону несколько лет назад, рассказал, что все у него в порядке, да. Один из старших братьев подарил двухкомнатную квартиру. Надо теперь самому думать о четырехкомнатной: растут дети!

Как-то потом в «Вечерней Москве» среди прочих городских новостей наткнулся на крошечное сообщение: на собрании акционеров Черкизовского мясокомбината генеральным директором избран имярек Бабаев... Подумал: не родня ли Геннадия?

И в удалой моей башочке «асфальтового» джигита вызрел коварный план избавления от недобитого на звенигородском шоссе старого одра... Возможно родственнику Геннадия отводилась в нем главная, само собой – почетная, роль.

Дозвонился теперь Геннадию, говорили о знакомых станичниках, и я спросил о генеральном директоре «Черкизовского»: не родня ли?

Конечно, брат! Да, один из старших. Тот самый.

И я почти взмолился: выручай, Гена!

Вкратце рассказал историю неистового жеребца, которого едва удалось загнать в коневозку удальца Жени Богородского. А потом стал жаловаться на сердобольных звенигородских ментов: ну, не придумали?! С женой все бросили – кормим недобитую кобыленку!

– Так что надо-то, не пойму? – с готовностью спросил Гена.

– Да как что? Сдать ее на мясокомбинат... Жестоко, конечно, но выхаживать ее мы не в силах. Не откажется брат? Возьмет?

Такого смешанного с удивленьем испуга давно не приходилось слышать, и правда.

– Мол, шутите? – Геннадий спрашивал. – Разыгрываете меня?.. Представьте, что обо мне брат подумает? Ну, был бы это табун! Голов триста. А одна единственная старая лошадь... А что он о вас-то решит? О бывшем московском атамане. Вообще – о казаках?! Обо всем российском казачестве. Придется ведь ему все рассказывать... да нет, нет, это невозможно себе представить!

Мне и тогда неловко за себя сделалось. И стыдно еще и нынче.

Но побывать бы вам, в «лихих девяностых», в моей атаманской шкуре с еще незажившими рубцами!.. Которые кто только на ней не оставил.

Самим есть, считай, нечего. «Гуманидармовой» помощью пытался делиться с нами сосед Петрович, дядя Митя Серебряков, участник трех войн. В Манчжурии, во время событий у озера Хасан. В финской. И – с немцами.

В сельском магазинчике у него имелся персональный стакан и в записке в любое время дня четвертинка: то был звездный час его устных мемуаров.

– Забирай, ё-моё, в ажуре-в темпе! – говорил он моей жене, оставляя на нашем столе очередную порцию унылого, присланного из Германии сухого гороха. – А ты, писатель, мотай на ус, тебе пригодится... Как перед этими войнами всё было. Повестку получил, прихожу. Они в военкомате: ты хорошо плаваешь, Серебряков! Поедешь добровольно в Манжурию? Нет!?! Выйди в коридор и хорошенько подумай!.. Потому – в финскую, точно так же: знаем, что умеешь на лыжах. Опять добровольно – нет? Выйди в коридор!.. Ну, а с немцем и думать нечего. Слава Богу, что я тогда пошел санитаром. Конечно, тяжело было!.. Столько наших из боя вытащить... Зато им без урону. Немцам. А если ба я тогда – с автоматом?.. Или в танке. Тогда и война раньше кончилась, и я ба тебе, Лариса, не горох теперь от них приносил, а колбасу и шнапс, ё-моё!

Шел потом в очередной раз взглянуть на нашего одра:

– На фронте я и раненым коням, было, – первую помощь... этот не жилец, нет!

Все это «мотать на ус» – и в самом деле, крыша поедет. Ну, и хотел я, значит, жестким своим отцовским решением осадить звенигородского атамана: избавиться от подаренного ментами будущего призера...

Извинился теперь перед Геннадием за бестолковую попытку озадачить житейскими мелочами руководящего его брата, сверх меры наверняка занятого, и Гена живо откликнулся. Да, мол, так и есть – на днях ему как белке в колесе пришлось повертеться.

Самой старшей в роду у Бабаевых прабабушке исполнилось девяносто пять, и в Москву съехались все ближние и дальние родственники. Без малого сотня человек. И всех надо разместить, накормить. И всем

соответственно возрасту и степени родства оказать уважение...

Теперь снова возникла эта традиция: собираться родами. Разве не слышал я о ней в Адыгее?..

2.

О моих связях с черкесами он знал. Несколько лет я отдал переводу романа «Сказание о Железном Волке» и в ту пору жил на два дома: больше под Москвой, чем в Москве. И – в Майкопе. Поближе к автору – Юнусу Чуяко. С которым были тогда не разлей вода.

В ту пору мы, русаки, как всегда занимались поиском духовного родства, само собою – всемирного, как иначе. Адыги, за полтора века чего только не пережившие, озаботились теперь кровными связями: где сильно истончившимися, а то и, где-нибудь в Турции либо Йемене, навсегда оборванными...

О, мать-история!

Научишь ли ты хоть когда-нибудь неразумных и строптивых своих детей?

Всех-всех.

Юнус тогда рассказывал, как в ауле за Горячим Ключом, в горах, собрались несколько десятков абадзехов одной и той же фамилии: Чуяко. На месте разоренного когда-то аула врыли в землю традиционную коновязь, сбили почти безразмерный стол. И хоть в этом стоячем, на ногах, поминовении было много печали, была и радость: живы Чуяко! Продолжается род!..

Но большее, может быть, впечатление произвел на меня чуть позже вроде незначительный, каким он мне сперва показался, эпизод с другой адыгской фамилией...

С давних пор мы были в добрых отношениях с Зауром Хуако, окончившим факультет журналистики МГУ двумя годами позже моего. На родине он стал вполне успешным газетчиком. На слуху оставался и в Москве, в общей нашей «альма матер». Раз за разом туда возвращался: защитит кандидатскую диссертацию, потом – докторскую. По истории печати своей Республики.

Не сказать, что заелся или заважничал. Но облик его и речь приобрели соответствующую его положению академическую значительность – этого не отнять.

Мне как раз пришлось быть в Майкопе, когда в «Советской Адыгее», в ту пору давно уже не советской, появилась очень

дельная, умная рецензия на составленный мной и вышедший в Москве сборник северокавказской прозы «Дорога домой». Подпись под рецензией стояла для меня незнакомая: Фатимет Хуако, кандидат филологии.

Вышло так, что буквально через пару часов на улице в центре Майкопа я встретил Заура и чуть ли не восторженно заговорил: мол, это не дочь ли твоя?.. Не сестра?.. Может, другая какая близкая родственница? Или просто – однофамилица?

Тут-то мне и пришлось услышать вроде бы дружеский укор, произнесенный, ну таким беспрекословно поучительным тоном:

– Ты забыл, Гарий, что однофамилицы – это у вас. У нас – только родственники!

Ощущение у меня было такое, словно старый мой добрый знакомец посмотрели на меня через микроскоп...

Так опростоволоситься, а?! Ну, сколько меня, простодыру, можно учить?!

И в Москве, уже после разговора с Геннадием, я приподнял потом пятерню и помахал ею, когда на экране первого канала появился симпатичный телеведущий с фамилией Бабаев:

– О-о, привет, милый! Привет!

Потом эта фамилия вдруг оказалась посреди перечисления отпрысков «новых русских», устроивших в Швейцарии гонки на крутых, круче некуда, «ломбардини» и задержанных полицией где-то под Лозанной или под Цюрихом... И я опять вскинул ладошку.

– Привет, ребятки, привет! – понимающе и как бы даже с сочувствием проговорил им издалека.

А вдруг, думаю, наперегонки устроили проезд по местам «боевой славы» Ильича с Наденькой... Или уже с Инессой Арманд?

Это прежде, чем сказать себе: только это нам нынче и остается! Горько пошучивать...

Что ты, братец, во всех этих неизвестных постороннему человеку делах можешь на самом-то деле разуместь?!

Несмотря на интуицию, на которую грех тебе жаловаться... или с нею живется только печальней?

3.

Поздней осенью старший сын, бывший подольский атаман, занявшийся теперь

в Отрадной строгим архивным делом, забрал нас с женой из богатого, но бесстыдно-прижимистого в отношении пенсионного старичья санатория «Виктория» в Ессентуках, привез в станицу. На родное подворье. Где рядом с отеческим домом построил для гостей небольшую двухкомнатную кунацкую. Или мы – не кавказцы?

Не успели разложить вещи, как он принес мне гору книжек, с которых, по его горячему убеждению, отцу предстояло, ну немедленно, собрать не старую домашнюю пыль, но, как работающей пчеле – сладкую пыльцу... Для не слишком отрадных, так не соответствующих названию нашей станицы, размышлений.

– Остальные можешь потом потихоньку перелистать, а из этой кое-что прочту тебе сразу. Это сюрприз тебе, папа. Слушай!..

Открыл хорошо изданный толстый том, и в голосе у него появилась торжественность:

– Немченко Семен Алексеевич. Родился двадцать восьмого апреля одна тысяча... восемьсот!.. шестьдесят девятого года в станице Павлодольской Терской области. Умер двадцатого октября одна тысяча девятьсот тридцать восьмого года. *Урядник*... Служил в Собственном Его Императорского Величества конвое, позже – у принца Ольденбургского в его имении, где организовал церковный хор. Любитель и исполнитель казачьих песен, записал их двести тридцать четыре. В одна тысяча девятьсот тридцать седьмом году отправил две тетради записей в редакцию белградского журнала «Терский казак»...

Чего только сразу мне в голову не пришло!..

Вот она, может, откуда, моя давняя любовь к песням «линейцев»... дружба с казачьим ансамблем «Братина» из Питера... с Юрой Чирковым, который её создал. И нынче собирает терские распевы на Ставрополе и в Чечне... молодец!

Вот оно все откуда – от общего казачьего корня!

Протянул руку к томику, который сын держал в пятернях:

– Дай-ка... дай!

– Нет, папа... Сказал тебе: сюрприз. Сперва дослушай.

И голос его снова набрал значительности:

– Делегат Войскового Круга Терского казачьего войска третьего созыва. Это... первого-шестого августа тысяча девятьсот семнадцатого года. В тысяча девятьсот восемнадцатом году – член Войскового Круга, затем член Верховного Круга Дона, Кубани и Терека. В эмиграции в Константинополе, затем в Болгарии. Значится в списке... сверхштатных призываемых и... кандидатов на признание в приюте Русского Общества Красного Креста на Шипке. Скончался от гангрены, отказавшись от ампутации ног. Акт о смерти не сохранился. В списке приюта на первое июня тысяча девятьсот тридцать седьмого года указано: семьдесят пять процентов нетрудоспособности, ангионевроз, ожирение сердца... теперь, пожалуйста, папа. Как тебе?..

Поправил бумажную полоску закладки и протянул, наконец, увесистый светлосерый том с черно-белой фотографией православной церкви на обложке.

Вячеслав Бондаренко. «Русский некрополь на Шипке»!..

Пробежал глазами по оглавлению, открыл авторское вступление: «Настоящее издание представляет собой мартиролог той части русской эмиграции, которая после Гражданской войны 1918-1920 гг. оказалась в болгарском селе Шипка, и дает представление о судьбах 467 воинских чинов, гражданских лиц и священнослужителей, проживавших и скончавшихся в действовавших там Русских инвалидных домах и погребенных на местных кладбищах...»

– Откуда она у тебя?

– А вот представь, папа. Подходит ко мне на Лемносе симпатичный белорус лет сорока пяти: ваша фамилия Немченко? Да, отвечаю. А это не ваш ли предок, спрашивает... Автор книги. Слава Бондаренко. Можешь представить?

– Из вашей же группы?.. Сколько вас там... около ста?

– Даже чуть больше. Но все – по делу, как теперь понимаешь. Вот, в руках у тебя – доказательство.

Спасибо доброму человеку, который несколько лет назад в книжном магазине в Москве, уже возле кассы, обратил внимательный взгляд на жадно прижатую к груди стопку книг о казачестве.

– Не скажете? – дружелюбно спросил нашего Сергея. – Откуда этот целенаправленный интерес?

Или положение, как говорится, обязывало?

Леонид Петрович Решетников, отставной генерал-лейтенант, был в ту пору директором Российского института стратегических исследований при президенте Российской Федерации. Пригласил новоиспеченного краеведа из Отрадной на греческий остров Лемнос, где бедовали после Гражданской казаки да черкесы. И вот наш Сергей Гуриевич недавно побывал там уже в третий раз и вернулся, кроме прочего, с книгой о «Русском некрополе на Шипке».

Остается лишний раз убедиться, что судьбы наши predeterminedены изначально?

4.

В 1999-ом году журналистская профессия забросила меня на «большой десантный корабль» «Азов», вместе еще с четырьмя «большими десантниками» шедший с нашими миротворцами в Грецию, до Салоник. Оттуда, уже на своей технике, им предстоял бросок в Косово. В ту самую Приштину.

Турки отказались пропустить через Босфор все суда сразу, и снова вместе они собирались в «точке четырнадцать». В Эгейском море. В виду Лемноса.

«Азов» наш был головным, и я получил неожиданно радостную, но мучившую давней русской тоской возможность: через мощные окуляры командирской рубки почти бесконечно долго всматриваться в таинственный, ставший для казаков мистическим, берег, похоронивший столько несбывшихся надежд...

– Неужели не видите? – дружески подначивал меня Главный штурман ВМФ Евгений Геннадиевич Бабинов, устроивший мне этот «сеанс связи» с давно ушедшими в горный мир соотечественниками. – Хата под соломой... Лошадка. Казак в черкеске... По-моему, даже похож на вас.

Но реальную весть о «похожем казаке» привез потом с Лемноса старший сын. И не кубанские «хаты под соломой» были на любовно собранных фотографиях привезенной им книги – покои инвалидов домов в Болгарии.

Осколки русского мира?

Упавшего почти с небесной, куда вознесен был Господом, высоты!..

5.

Вот и думай теперь: кто он тебе?.. Семен Алексеевич Немченко. Урядник.

То, что сам пел и казачьи песни собирал, конечно же – дорогое душе свидетельство: «наш человек», как говорится.

Но ведь далеко не доказательство того, что – наш родственник...

Кто и что теперь расскажет, что объяснит, если сам я – старший в роду?

«Иных уж нет, а те...»

Да и «тех» уже нет, и – «тех».

Закономерный результат почти бесконечного расширения Империи?

О которой чуть ли не с придыханием говорят нынче потомки разрушивших её иуд...

Наша доверчивость!

Или – наша всемирность?..

Как тут снова не вспомнить маму-покойницу: «И жили бы кучечкой...»

Но умерла, считай, в одиночестве. Прости, мама!

А сколько сделала, чтобы выжили мы!

Отчего-то все чаще вспоминается печальный рассказ, как в коммуне «Плуг и молот», где оставил ее отец, уехавший учиться в Краснодар на «Рабфак», у нее украла ложку, и несколько недель за общим столом она должна была терпеливо ждать, когда соседка напротив поест и неторопливо оближет свою ложку. Прежде чем дать ее маме...

Господи! Да кто же все это для всех нас придумал?!

Может, там-то, в коммуне, как раз в эти мучительные минуты, и закалялся ее перевитой, как корни в земле, такой же скрытный характер? А всю правду о нашей родове знали только её почти не пересылавшие слезы?..

Подпитанное неистребимым духом предков наше жизнелюбие часто оборачивалось для нее не только непониманием – безжалостною насмешкой. Переменчивое время давало для этого столько поводов!

Чего стоит лишь эта, новые слезы вызвавшая история. К ней, выросшей в сиротстве и крайней бедности «подкулацкому отродью», защищенному взявшим ее в жены нашим отцом, верные его «товарищи по партии» в самом начале «перестройки» пришли с деловым, вполне в духе времени, предложением. Вернуть в собственность еще крепкое здание бывшей дирекции районной МТС, машинно-тракторной станции. А что?.. Вон, на каком знатном месте оно стоит!.. На высоком берегу БольшогоТегиня. У самой «ярманки».

Но разве перед этим там не было «постоялого двора» бывшей помещицы Карабитчихи? Разве не «надсажалась» там наша мама с младшим братиком, известным в станице колымским страдальцем... Сколько в детстве обид перенесли от злой мачехи?!

Не правда ли – трогательно?

Это простодушные, без двойного дна, рядовые партийцы, почитая память «съеденного» районными властями несговорчивого нашего отца, решили насолить «демократюгам-прихватизаторам».

Все коммунисты, сказали, подпишутся, все: действуй, Тоня! Давай, Мироновна! Покажи этим гадам ползучим!

Бедная наша, несчастная родина...

6.

Часть родни, с маминой стороны, ушла за границу.

Какие о ней ходили тихие, полусшепотом, рассказы. Какие складывались легенды!

Об Иване Ивановиче Жукове, умершем в Бельгии – чуть ли не в салоне пассажирского самолета, когда решился, наконец, проведать отца-с матерью да хоть одним глазком взглянуть на родную Кубань – достаточно много есть и в моем «Последнем рыцарстве», и в «Заступнице»...

Меньше – об Афанасии Алексеевиче, его дяде. Родном брате нашей прабабушки Тани, вырастившей маму с братиком и успевшей понянчить правнуков, меня – первого.

Благодаря опекавшим его, охранявшим пяти казакам, Афанасий Алексеевич буквально прорубился через красноармейский заслон на многострадальной Красной поляне, где полвека назад перед этим Государь Александр Второй принимал парад в честь окончания Кавказской войны... С кожаной сумкой за спиной, в которой прятал малую дочь-несмышлениша, прорвался к уходившим из Новороссийска кораблям. Обосновался в Турции. А через несколько лет, уже с подросткою Лидой тайными тропами вернулся на Кавказ: невмочь стало жить без родины.

В доме у прабабушки помню его уже после войны: заходил к сестре с немудреными подарками, из которых мне достались войлочные стельки и пара тонких ремешков, ими хорошо было привязывать самодельные деревянные коньки к тряпошным ногвицам.

Бывший боевой урядник жил к тому времени в Баку и спекулировал кожами и полстью. Помнится и его твердая, как будто задубевшая рука. То ли погладил по голове, а то ли дал подзатыльника: «Ну, што, Гурка, што?..»

– Не слушай ты его! – убеждала мама, сглаживая последствия неожиданного визита. – Дедушка Афоня всегда любил пошутить... как придумает! Никакие мы не казаки, никогда казаками не были. *Иногородние*, слышишь? . И никакой ты не Гурка. Ты Гарик, Гарий... папа ж говорил тебе!

Ну, да: Гарий.

Один из первых в Отрадной комсомольцев назвал сына в честь первого пионера Соединенных Штатов Америки Гарри Айзмана.

Хорошо, что не Адольфом: в тысяча девятьсот тридцать шестом, когда я родился, дружили с Германией.

Как бы сказали теперь: нормальный ход!..

Но, может, нынче думаешь, в ином смысле?.. Ход. Больше – в игровом?.. Шахматном. Да только кто и с кем в них играл?!

Кто передвигал фигуры... Кто той или иной из них так запросто жертвовал?

Да не одной – миллионами!

То, что «мы иногородние», вбили мне в башочку настолько, что я, бывший московский атаман, заместитель Верховного атамана Союза казаков России по культуре и внешним связям, для первого выпуска «Казачьей энциклопедии», которую сам с таким трудом пробивал, о себе дал справку: мать – казачка. Отец – иногородний. Ну, не брехать же?!

Наградил, конечно, батя фамилией. Наградил!

То ли дело Недорубовы либо Тюрморезовы...

На крайний случай – Лизогубы. Как девичья фамилия мамы.

А тут?!..

– Ну, признайся, что – самый настоящий еврей? – не однажды начинал Миша Андраша, когда сдружились с ним в голицынском Доме творчества под Москвой.

Известный в ту пору юморист-рассказчик, в этом случае он не шутил, а был серьезен настолько, как будто речь шла о жизни и смерти.

– Признайся, а?!

– Если бы знал это о себе, не стал бы

скрывать, – начинал я наше совместное с Мишей исследование. – Не такой я человек.

– Это я вижу! – искренно подхватывал Андраша. – Тем, понимаешь, это обидней...

– Да откуда ты взял, что я еврей?

И Миша уверенно отвечал:

– Вижу, вот в чем дело. Нюх у меня.

Тут не надо никаких доказательств!

Я настаивал:

– Все-таки попробуй найти. Для меня!

– Во-первых, от тебя всегда – чесночком, – уверенно сообщал он.

Выходит, «нюх» – в прямом смысле?

Не без основания, конечно же, – нет!..

Я принимался рассказывать ему про сибирскую черемшу, про кузнецкую, с ударением на последнем слоге, *колбу* нашу, которую мы с женой уже успели развести в своем Кобяково под Звенигородом. Знающие нас близко друзья пошучивают: какое там теперь Кобяково?.. *К о л б я к о в о!*

– Пойми, с ней такие тесные отношения. С *колбой*: или ем ее – или о ней пишу. Что примерно одно и то же. Я лист из машинки вынимаю, а он уже пахнет, как листок черемши... что мне прикажешь делать?

– Принимается, – вздыхал Миша.

– Ну, а еще, еще?

– Есть в тебе еврейская энергия, понимаешь. И – еврейская гибкость. Умение чужое воспринимать как свое...

Приходилось шутливо возмущаться:

– Хочешь еврейскую монополию объявить? На эти качества. Да это, если хочешь, самые главные казачьи черты. Энергия! И эта самая гибкость, как ты ее называешь.

Так и не нашли мы тогда с Мишей Андраша «общего знаменателя». Спасибо ему, братски поддержал меня в то печальное для меня время, когда другие знакомые евреи, в том числе даже старые товарищи, от меня отвернулись. Ну, еще бы!.. После публикации целой полосы в «Литературной газете». Под крупно набранным заголовком: «ШАШКИ К БОЮ ГОТОВЫ: ОСТАЛОСЬ НАЙТИ ВРАГА!»

Исковерканное, извращенное интервью со мной и – провокационный комментарий. Провокационный – чистой воды, как принято в таких случаях говорить.

Но то была, повторяюсь, «чистая» грязь...

7.

А некоторую ясность в нашу родословную внес теперь архивист Сергей Гу-

риевич. Председатель районного общества историков-архивистов во имя святого предподобного Нестора Летописца.

Пользуясь «общественным» положением, опять же, раскопал, что предки по моей отцовской, по его дедовской, линии прибыли на Кубань, будучи черниговскими казаками... славный Чернигов!

Разве не греет душу?!

Но почему тогда дедушка Стефан Пантелеймонович «погиб в песках» вместе с частями 11-й армии красных?

Или это – тот самый «детский» вопрос?

Почему «на сторону революции» перешел легендарный подьесаул Филипп Миронов, за честное служение Отечеству награжденный перед этим двумя орденами «Святой Анны», орденом «Станислава», «Владимиром» с мечами и бантом? Ставший главным инспектором красной кавалерии и первым получивший в награду «революционное оружие» ... Почему к нему примкнул создатель первой Конной Борис Думенко?.. Почему стал комкором у красных донской казак Валентин Трифонов, отец большого советского писателя, может быть – одного из лучших, Юрия Трифонова?

Да кто, в конце концов, создавал в России первые марксистские кружки и в одном из них лично наставлял Наденьку Крупскую – она потом прямо-таки расточала похвалы хорунжему Михаилу Брусневу. Нашему земляку из Усть-Джегуты...

Всеобщее затмение разума?

Кто его навел?

Для чего?

8.

Терское казачье войско намного старше Кубанского, и, может быть, до черниговских, из Нежина, тогда уже дошли восточки или, по крайней мере, слухи и о богатых землях на Кавказе, где казаки жили еще во времена царя Иоанна Васильевича, Грозного, и, скорее всего, еще очень-очень задолго до него... Если считаться с фактами о древнем походе гиперборейцев на юг, о передвижении ариев по обе стороны от Индии, на восток и на запад. О существовании на Кавказе полумифической Русколани с ее священной горой. Эльборусом.

Не станем ввязываться в этнографические споры, не нами начатые, а нам ныне прямо-таки нахраписто навязанные...

Я – о другом. Весьма конкретном, несмотря на окутывающий его некий полусказочный флер прошлого...

Разве не могли Немченки, которым наверняка уже привычно было числиться «чужими среди своих и своими среди чужих» продолжить свой скифский, славянский свой путь туда – обратно?..

Опять не могу не вспомнить распятую нынче на кресте Югославию!..

Когда собирались туда с женой в конце семидесятых, купил, конечно, русско-сербский словарь. Удивляясь и радуясь, пролистал еще дома, а в Белграде вдруг перестал брать с собой куда бы то ни было... Чего неясного-то?

Если глаза – «оча». Лоб – «чело». А рот – «уста».

С дружеским, сестринским интересом наблюдала за моим превращением в серба наша белградская переводчица. В больших магазинах, где писательская группа сразу растекалась на несколько рукавов, со смехом просила: одна везде не успеваю – помогайте!

И я справлялся. Помогал покупать шмотьё.

Еще не подозревая, что присутствую у истока малого ручья, который вскорости, уже через три-четыре десятка лет, вольется в мировой океан всеобщего Потреблячества.

Но дала тогда Югославия и надежду!

На каком-то строгом пропускном пункте, где наши иностранные паспорта осматривали особенно тщательно, пожилой служащий вскинул брови и уважительно сказал:

– О!.. Неманичи. Наша Черногория?.. То серьезно!

Может, все-таки перезимуем?

В ледяную пору глобализации.

9.

Перелистывал многослойный, со множеством документов и прекрасной авторской прозой, сборник белоруса Вячеслава Бондаренко, в Приложении нашел проникновенную статью Александра Трифоновича Твардовского из «Записей в рабочей тетради». Воспоминание о посещении «не то пансионата, не то богадельни, не то больницы» рядом с Шипкой: «Ради родины можно жить и вне родины, прожить жизнь, состариться и умереть на чужбине, как это было со многими лучшими ее сыновьями,

чьими именами она горда перед всем миром (Герцен с Огаревым и др.), и это не значит, не иметь родины. Но можно потерять ее на ее же земле, говоря на ее языке, вдыхая воздух ее лесов и полей, слушая ее песни и полагая, что ты любишь ее.

Все дело, какую ты хочешь видеть ее, какого пути желаешь ей, чьи интересы, надежды и притязания отстаиваешь ее именем».

Не соглашусь с оценкой роли нанятого Ротшильдами «лесоруба» – «К топору зовите Русь!» – Герцена. Любимого в молодости писателя. Разношерстна компания «и др.» Но о белоэмигрантах – пронзительно!

Еще раз потом вернулся к биографии терского урядника с нашей фамилией, еще раз в нее вчитался...

И вдруг на предыдущей странице, на развороте книги, мелькнула еще одна очень знакомая фамилия... Негоднов!

Текст совсем краткий: «Негоднов Евтихий Пименович (? , станица Микенская, Терская область – 21 июня 1929). Урядник. Скончался от рака печени. Значится в раздаточном списке Русского инвалидного дома Новой Загоры на август 1924. Акт о смерти не сохранился».

Тот ли это Негоднов, не тот?

О котором в самом начале «возрождения» узнал от человека удивительного. От чтившей себя терской казачкой Мелитты Эриховны Кляйненберг. Одной из самых первых приславшей письмо в атаманское правление Московского землячества... да что – письмо!

Вскорости от нее пришел перевод на 100 рублей: «На возрождение казачества». Что мне было с этой денежкой делать? Прямо-таки немалой по тем-то нищенским временам. И следом пришел пухлый конверт с дореволюционными газетами Терской области и несколькими бумагами, твердым почерком писаными черными чернилами. Тоже дореволюционными. С биографией ее дяди по материнской линии, некоего Негоднова.

У сына, в его кунацкой, теперь пришлось рыться в одной и в другой «Казачьих энциклопедиях».

Евтихия Пименовича в них не было.

И здесь, и там был Амос Карпович... конечно, он! Дядя Мелитты Эриховны.

Перепечатаваю из «Энциклопедии казачества», составленной в эмиграции

А.И. Скрыловым и Г.В. Губаревым. В нем биография короче, но, пожалуй, выразительней нежели в «Энциклопедии», вышедшей под эгидой нынешнего Союза казаков: «род. 1875 г., ст. Ищерской, генерал-майор. Прошел курс наук в Аракчеевском Нижегородском кадетском корпусе и поступил в Оренбургское каз. училище. В 1904 г. выпущен хорунжим на службу в 1-й Волгский каз. полк. На фронт Первой мировой войны выступил командиром сотни того же полка, участвовал в боях; на карпатском перевале Ужок ранен, а за ночную конную атаку под местечком Савин, где остановил продвижение германской пехоты, награжден орденом Св. Георгия 1-й ст.

В 1916 г. переведен на службу во 2-й Волгский каз. полк., которым в 1917 г. командовал, и после революции привел с фронта на Терек в полном порядке.

Во время борьбы с большевиками Н. командовал терскими полками, произведен в чин генерал-майора и назначен командиром бригады; с нею отбивался на Свято-Крестовском направлении, но в конце концов принужден был отступить со своими частями в Грузию. Из Грузии попал в Крым, а оттуда с войсками Врангеля в эмиграцию; работал в Париже шофером такси. После Второй мировой войны переехал в Аргентину, где и умер на 81 году жизни».

Были эти два Негодновых родственниками?.. Генерал-майор и урядник. Роднились ли?

Как говорят в нашей Отрадной: *родычались?*

Или только и того общего, что оба умерли вдали от родины...

Милая Мелитта Эриховна!

Царство небесное вам и светлая память на грешной нашей земле.

Отец ее, природный немец, был директором известной «Петершулле» под Ленинградом, там она родилась и выросла, но по матери числила себя терской казачкой станицы Ищерской. Известный на Украине врач, жила в Житомире.

Стала писать мне такие письма, что на них просто невозможно было не откликаться. Встретились потом у ее родственников в Москве, и она принялась рассказывать: «Вы слышите, я заметно грассирую. Ехала в такси, и водитель-кавказец принял меня за еврейку. Взятся рассказывать, как их диаспора

собирает деньги, чтобы покупать должности в Москве. Начал говорить, что у нас общие интересы и нам надо быть вместе... Знаете, что я решила? Сейчас я по документам украинка, но приеду домой и поменяю паспорт. Я казачка, а русским сейчас опять нелегко. Если мне не пойдут навстречу, откажусь от ордена Богдана Хмельницкого...»

Мелитта Эриховна поменяла паспорт и в горний мир ушла русской.

Очень, очень почтенного возраста женщина, как еще она могла поддержать наше «возрождение»?..

10.

В конце 1990-го в Москве, в Колонном зале, проходил первый смотр Казачьей культуры. Сотню, пожертвованную Мелиттой Эриховной «на возрождение казачества» я «торжественно вручил» казачьему хору немцев-сибиряков из-под Омска. Присланные ею газеты и старые бумаги отдал руководительнице хора терских казаков из станицы Архонской. С просьбой передать в Республиканский музей Владикавказа.

Странной душевной связью соединила меня судьба с этим городом!..

Это был первый большой город, куда меня мальчишкой отпустили родители. Погостить у «курортников», летом живших в станице, у соседей напротив.

Уже через много лет, оглядываясь назад, я решил: не потому ли, что в свое время в казачьей артиллерии там служил мой дед, Мирон Иович Лизогуб?..

По тайным семейным преданиям у него был роман с благородной дамой, у них родилась девочка. Когда в 1919-м во время атаки «белых» на станицу от зрелища крови погибла от «разрыва сердца» его молодая жена, моя бабушка Стефанида Иосифовна, эта дама приезжала с дочкой в Отрадную, уговаривала Мирона Иовича переехать вместе с осиротевшими детьми во Владикавказ. Всем соединиться в одной семье.

Своенравный дед отказался. Расчетливый его выбор остановился на хозяйке того самого постоялого двора на высоком берегу Тегиня, из которого сердобольная бабушка Таня за руки увела потом измотанных непосильной работой сирот: маму и ее братика, моего дядю, Георгия Мироновича. Отбывшего потом как бы положенные тогда казаку десятков лет на Колыме. В поселке Ягодном...

А из Владикавказа после «был слух»: осознав, что она – незаконнорожденное дитя, наша юная родственница бросилась в Терек.

Как подумаешь теперь: сколько с тех пор изменилось!.. Для несчастных детишек не хватило бы речек на карте родины...

Когда, уже очень больной, перед смертельно опасной операцией, Мирон Иванович приехал просить у мамы прощения, она не пустила его на порог. В прямом смысле. Затолкала нас в дом. Был день, но закрыла на болты ставни, вставила изнутри в проушины висевшие на шнурах кованые шпильки.

Не смогла в тот неожиданный час простить родного отца.

А после, как водится, – себе не могла этого простить... о, казачьё!

11.

Тогда, пожалуй, мы еще не были знакомы с Жорой Черчесовым, с которым на долгие годы стали потом закадычными друзьями – Черчесовы приехали в Отрадную чуть позже.

Сколько уже об этом писал: как после десятого класса вместе отправились в Москву «поступить»... как...

(Старый литературный мастерюга, и тут не могу не позабавиться игрой слов: разве то был – не *п о с т у п о к*?)

Из глухой, что там ни говори, предгорной станицы на Кубани – поступить в МГУ имени Ломоносова. В «храм науки», по тогдашней, сталинских времен, терминологии).

... как вместе были в Алтайском крае «на целине». Как после выпуска отправились потом покорять кто что. Я – Сибирь. Он – этническую свою родину. Северную Осетию-Аланию. И не думаю, что ему было легче. Во многом – куда трудней.

Но через полтора десятка лет он стал министром культуры Республики. Я заведовал в Москве отделом литературы и искусства журнала «Смена», когда он братски попросил: напиши о наших джигитах Кантемировых – Ирбеку давно пора дать звание «Народного».

Это я-то?.. Обласканный Матушкой-Сибирью певец ударной стройки – о циркачах?!

Потихоньку, как бы «про себя», отсмеявшись, я повел в цирк шестилетнего

сына Митю. Первоклашкой зашибленного потом промчавшимся на недозволенной скорости возле школы трамваем...

Так и не успел сказать потом Жоре Черчесову, что, сам того не ведая, он подарил нам с Митей самый счастливый год в жизни обоих. В неожиданно оборвавшейся в семь лет митиной жизни. И теперь уже в восьмидесятилетней – моей. В которой мальчик продолжает жить в изболевшемся по нему сердце.

И еще.

Это благодаря моему другу-осетину во мне проснулся чуть ли не беспробудно спавший до этого казак. Не мог не проснуться!.. При виде блестящего мастерства и благородства. Удали и соленого пота. Которые неразделимо связывают двоих: лошадь и человека.

И раз, и другой я написал об Ирбеке, о его конной группе «Али-Бек», названной так в честь отца, ее основавшего. Алибека Тузаровича Кантемирова.

Подружился и с младшим из братьев, Мухтарбеком. Подаренная им кожаная, собственноручно сделанная иконка святого Георгия, осетинского Уастырджи, покровителя путников, где только с тех пор со мной не побывала! На «Азове», одолевавшим на пути к Салоникам четыре моря, она потом висела в походном алтаре под образом Николая-Чудотворца из севастопольской церкви на Братском кладбище.

Сопровождавший десантные корабли ее настоятель протоиерей Георгий Поляков каждый день на борту священнодействовал: крестил и мальчишек-морячков, худосочных «птенчиков», все больше деревенских, чьи родители не смогли откупить их от воинской службы. И – миротворцев-контрактников, возрастом куда старше. Давно уже городских оторви-голов, повторявших русскую судьбу «диких гусей». Солдат удачи.

Меня отец Георгий удостоил чести ему сослуживать, я был у него пономарем.

После, когда навестил его в Севастополе, батюшка подарил мне только что вышедшую, прекрасно изданную свою книгу «Русское военное священство». Часто мысленно возвращаюсь и к размышлениям о силе Православия, не раз явленной в роковые годы России. И – об этих, почти беспомощных тогда, недокормленных мальчиках, в двадцать лет уже оставшихся без единого зуба. С цыпками на исхудалых ногах...

Растирая губкой нанесенные батюшкой крестики из миро, я как будто врачевал эти деревенские цыпки... дай, Господи, надежду!

Что сростется на родине одно с другим – так жестоко когда-то разорванное... Высокий дух и народная крепость.

Что перестанет саднить шов на ране, и нынче посыпаемой солью бесчеловечных реформ.

12.

И все-таки...

Чаще, чем куда-либо святой Георгий, аланский Уастырджи, которого осетины в шутку зовут «министром путей сообщения», приводил меня во Владикавказ...

Тамошние горячие головы, которых много в любом краю, самонадеянно скажут: а куда же – как не сюда?!

Но так вышло.

С Жорой Черчесовым мы оба писали прозу. И читали книжки друг друга. И подпитывали их знанием о народах, к которым принадлежим.

Не хочу говорить, что он был трудоголиком – это как бы унижает настоящих, от матери-земли, природных тружеников. Потом уже, когда он надорвался от непосильной, разнонаправленной работы, которой обычно занимаются только истинные сыны своего отечества, люди безбрежно равнодушные, от редактора «Дарьяла» Руслана Тотрова я вдруг узнал, что Георгий не был членом Союза писателей: не пустили ревнители «чистого искусства». Партийный чиновник, мол!

Но мне ли не знать, как он заботился о них обо всех!

Выходит, только – не о себе?

Исходя из высокого кавказского правила никому не досаждать жалобами, не сказал даже старому другу. А я, давно понявший на своей должности в «Советском писателе» истинную цену значкам и званиям, уже не придавал этому значения – Георгия не спросил. Для меня это как бы само собой разумелось, его неоспоримая принадлежность к неподдельному писательскому братству.

Так оно и бывает: вслед за нашим «бровеносцем в потемках», имевшим 247 орденов общим весом 27 килограммов и членский билет Союза писателей, безудержно взялись сами себя награждать и возвеличивать себялюбцы рангом пониже...

А расплачивались, как всегда, рабочие лошадки.

Не с лошадиной, к сожалению, – с тонкою кожей.

Есть такой хорошо известный профессионалам закон творчества: стоит самозабвенно заняться какой-то темой, и к тебе начнет стекаться информация, об источниках которой до той поры ты даже не подозревал. Притягивает, ну будто магнитом!

Только что кинематографисты Киевской «студии Довженко» сняли в Отрадной художественный фильм по моей «казачьей» повести «Брат, найди брата», как почти тут же один за другим на втором телевизионном канале, на РТ, были утверждены три документальных сценария о наших местах. Об отраденском Предгорье с его богатой историей.

Тут когда-то проходил знаменитый «шелковый путь». Тут были построены первые, считай, на Кавказе, по дороге на Русь, христианские храмы. Тут переплетение исторических судеб наложило на многострадальные края такую густую «маскировочную сетку», что заглянуть под нее пытается не одно поколение археологов.

Все три фильма об этом обо всем снимала Северо-Кавказская студия документальных фильмов, и высокопоставленный (прибавить еще и высоту Черных гор и Главного хребта!) мой друг Георгий Ефимович Черчесов, как мальчишка, был рад нашему сотрудничеству с талантливыми осетинскими «киношниками» – режиссером Игорем Икоевым и оператором Валерием Льяновым. Обещал даже приехать на съемки, но дела отпускали только уже на просмотр готовых фильмов. Уже во Владикавказе.

Бывает же такое: вслед за этим две больших передачи для Первой программы – «Земляки» и снова – «Брат, найди брата» (вот в какой цене, несмотря ни на что, тогда было братство!), начали снимать краснодарцы, и я буквально вызванивал Министра из его осетинской столицы: не имеешь права не приехать, ты тут, в станице, рос, ты – один из героев!

Вырваться он так и не смог. Но о настойчивом моем приглашении не забыл. И напомнил через несколько лет, когда страна уже трещала по швам.

Это было в его характере – «юморить» даже в самых серьезных обстоятельствах.

В нашей московской квартире раздался ночью телефонный звонок, и Жора сказал: мол, спорим, что ты-то теперь, и точно, не имеешь права к нам не приехать?!

Спросил его: это почему же?

Наши казаки, ответил, не могут тебе дозвониться. Считай, я – переговорщик. Через три дня у них – первый круг Терского казачества. Они тебя ждут. Надеюсь, успеешь?

Это было первое, такого масштаба, мероприятие в казачьей глубинке. Как я, московский атаман, пусть отчасти и липовый, мог не приехать?!

– А я тебе что говорил?! – рассмеялся мой друг на перроне во Владикавказе. И обернулся к пришедшим вместе с ним двум незнакомцам в бурых черкесках и косматых папах. – Вручаю вам нашего гостя...

13.

Это почему-то осталось в памяти четче многого остального...

В президиуме рядом со мной сидел, при полном параде, средних лет казак из станицы Архонской. Заметно было, что он не привык ни к президиуму, ни к шашке на новенькой портупее. Шашка была как живая. То пыталась податься вперед, и казаку приходилось придерживать ее за рукоять и ставить прямо. То отклонялась вбок и тогда ножны задевали черную рясу соседа, владикавказского благочинного, архимандрита Александра.

В руках у того был орехового цвета посох с навершием из черного серебра, и его соседство с «холодным оружием» отчето-то меня растрогало.

Выбрав минуту, наклонился к благочинному:

– Долгонько они не были вместе, отец Александр!.. Шашка бойца и посох наставника.

Тоже негромко, но с каким пониманием он откликнулся!

– Вы правы: давно пора им быть вместе, давно пора!

Этот символический образ я потом не раз использовал в своих печатных размышлениях. Сам неопит, тогда я прямо-таки мечтал о некоем «усыновлении» казачества православной церковью.

Но оно так и осталось горькой сироткой.

Знаю удивительных священников, вроде протоиерея Бориса Малинки из Майкопа. Там казаки из Братства во имя Архистратига Михаила, в котором сам имею честь состоять, и правда – духовные его чада, а он нам – ну, родной батюшка. Но что могут сделать одиночки?

Если государству казачество явно в тягость. Оно, и правда, как тот чемодан без ручки: бросить нельзя, но как – нести? Куда и зачем?

И открывать не следует. Ни в коем случае!..

По сравнению с томящимися в чемодане шиз-атаманами, старый «джин из бутылки», дедушка с большой бородой, покажется жалким мальчиком!

Мы все больше об охране рубежей, о том, что «казаки создали Россию». Но это парадная сторона медали. Кроме постоянных внешних врагов и тайных внутренних, на протяжении веков не было у нас более остервенелых разрушителей государственности, нежели казаки. Вспомнить только горькую историю некрасовцев, неугомонных «игнат-казаков». Вспомнить Смуту. Не вызывая из прошлого теней Ивана Болотникова, Степана Разина, Емельяна Пугачева.

Сдается, что и нынче казакам только для того и разрешены союзы и общества, чтобы они постоянно – и непременно все! – были под неусыпным призором государева ока. И были наперечет.

Или мысль эта слишком горька?

Хорошо, если бы так думал только я... С самого первого часа неожиданного своего атаманства задавший себе этот стержневой вопрос. Казачье «возрождение» – промысл Божий? Или – происки сатаны?

14.

В разное время и под переменное настроение чаши весов, само собою, колеблются. В ту пору, когда приехал во Владикавказ на Первый круг терцев, всеобщая эйфория не миновала, конечно же, и меня. Но и нынче, когда давненько остыл, нельзя не отдать должное этому самому многострадальному, пожалуй, и самому стойкому казачеству.

...Первая, которая осталась у меня в памяти, книга была далеко не детской: «Чрезвычайный комиссар». На видном месте она лежала в осиротевшем, после того как «забрали» дядю Жору, доме у Лизогубовых.

Он был музыкант, и его труба высовывалась из пузатой «кошелки» с нотами, что висела в сарае повыше яслей, кормушки для коровы, которую держала «мамаша» Карпенчиха. Муж ее, Василий Карпович, наш Вася, работал в НКВД, и это он тогда, как я понял гораздо позже, устроил некий маскировочный обмен. Дяди-Жорины вещи определил над стойлом, куда мало кто, кроме хозяев, заглядывал. А знаковую книгу, которую и сам он навряд ли прочитал, отнес к Лизогубовым. Как некую приподдавшую охранную грамоту: роман о самом Серго Орджоникидзе! О чекистах.

Конечно, я потом вспомнил о ней в Новокузнецке, недавнем Сталинске: нарком тяжелой промышленности долго оставался любимцем города.

Разве не трогательная, и в самом деле, история?

Жестокой зимой тридцать первого года он пригласил в свой персональный вагон ударников «Кузнецкстрой», которые не решались отведать яблок, лежавших в роскошной вазе – только на них поглядывали. На дружелюбный вопрос Серго, в чем, мол, дело, последовала робкая просьба: нельзя ли по яблочку взять с собой?.. Для детишек.

Нарком велел выложить на стол весь фруктовый запас, его рассовали по карманам, а ранней весной в Сталинск прибыл вагон с саженцами яблонь: подарок наркома.

Яблоньки определили и в только что создаваемый тогда, знаменитый и нынче загородный Садопарк, и рассадили на городских улицах. Тридцать годков спустя, жарким летом пятьдесят девятого года, с только что обретенным другом Геннадием Емельяновым, окончившим наш «фак» несколько раньше, мы закусывали залившее тогда город грузинское «саперави» уже неказистыми, почти выродившимися «яблоками от наркома» – Гена первым поведал мне эту вызывавшую умиление историю.

Еще почти тридцать лет спустя, уже в «Советском писателе», редактор Сережа Панасян, земляк и младший душевный друг, светлая ему память, попросил о переиздании книги одного из своих подопечных авторов: «Совсем старичок... жаль его... сам увидишь. Вот его дело: Зиновий Фазин».

В деле значилось: роман «Чрезвычайный комиссар».

Преклонных лет автора, и действительно, было жаль: трясущиеся руки, закисшие, со слезой, глаза...

И все-таки я отправился в «Ленинку», заказал все издания «Чрезвычайного комиссара», разложил рядышком. Насколько они различались! От переиздания к переизданию из текста исчезала нечеловеческая жестокость. В первоначальном варианте откровенно свирепая. В том самом томе с темно-синей обложкой, который лежал на видном месте в глухом от несчастья доме у Лизогубовых.

В роковом 19-ом «красные» части долго не могли взять Владикавказ, обороняемый «белыми» казаками. И Серго, «чрезвычайный комиссар» на Северном Кавказе, затеял иезуитскую игру. Сперва его лазутчики смущали оборонявших город терцев рвущими сердце разговорами: вы, мол, тут неизвестно что защищаете, а в тылу у вас ингуши потихоньку вырезают ваши семьи. Потом «чрезвычайный» встретился с уполномоченными от ингушской «чересполосицы», отделенной от осетин казачьим клином, и за сабельную атаку на Владикавказ пообещал отдать им четыре терских станицы: Троицкую, Сунженскую, Камбилеевскую, Тарскую...

И неизвестно, что потом было яростней: «сабельная атака» ингушей на белый Владикавказ или разгром беззащитных, безоружных станиц...

О непредсказуемый, как погода в горах, вспылчивый характер насельников седого Кавказа!

Еще недавно тут из рук в руки передавали чуть ли не сразу же истертую сотнями пальцев газету, с напечатанной в ней благодарственной телеграммой Государя за «сабельную атаку» германской Железной дивизии, после которой та практически перестала существовать. Ингушей Государь называл в телеграмме братьями. А подписана она была: «Ваш Николай».

Но разве зря рвали глотку на митингах большевистские агитаторы?

Вернувшись с германского фронта, первым делом ингуши извели своих земляков-«золотопогонников»: цвет и гордость блестящего русского офицерства...

Какой жалости было ожидать по отношению к «угнетателям-казакам»?!

Захват четырех станиц почти тут же осудил очередной съезд Горских народов и призвал уцелевших жителей вернуться к родным очагам. Но разве он воскресил убитых пульей или зарубленных? Утешил вдов и сирот?

В станицы почти никто не вернулся...

Уже после Первого круга терцев, жарким летом, мы сидели однажды на берегу Камбилеевки, и я мечтательно вздохнул:

– Искупнуться бы, братцы, что ли?

И холодок ознобил мне затылок, когда один из владикавказских сверстников произнес:

– Тут не принято плескаться в реке...

Говорят, что *тогда* она была красной от крови...

Теперь это называется «двойными стандартами». У всякой покончившей с рыцарством страны был свой носитель этой страшной заразы.

Россию, почти гордясь этим, заразили большевики.

Кажется, уже приходилось писать о малых народах Сибири, которые когда-то назывались «двоеданцами». Еще продолжая отдавать ясак восточным правителям, они уже платили налог Белому царю.

Мы нынче – *д в о е д о н ц ы*. Люди с двойным дном.

Долго ли в таком состоянии, с расколотой душою, продержимся?

15.

Все вспоминается печальный рассказ очень уже пожилой терской казачки о том, как у семей бывших конвойцев Государя отбирали семейные реликвии...

Перед тем, как отпустить всех на Терек, Николай Александрович лично обошел строй пытавшихся держаться молодцами конвойцев. Благодарил за честную службу. Расспрашивал в последний раз о семьях, о доме.

Сдерживал себя, чтобы соблюсти высокое звание шефа казачьих войск, цесаревич Алексей. Еще подросток. Наследник престола. Теперь уже – бывший.

Шедший с ними придворный служитель потихоньку интересовался: кто какой последний царский подарок предпочтет. Серебряный поднос или серебряный самовар?

А потом были и чайные сервизы от императрицы, и дорогие шкатулки, броши, кольца, серьги – для ожидавших дома «четырёх женщин»: матери, сестры, жены, дочери. Многих из которых в царской семье заочно знали по именам.

– Кажный тада пришел домой, ну прямо с богатством! – рассказывала уже совсем старенькая казачка. – А было ешо, што дарили перед энтим самим: и дорогие

кинжалы да наборные пояса. И часы: на крышке – имя-отчество и фамилие. Мы потом уже с бабами мороковали: да у них, должно, были какие-то списки – все до ниточки потом выманили...

– Кто выманил-то?

– Дак, а Бог его знает!.. Приехали из Москвы. После гражданской... Обходительные такие. Увечливые. Там, говорят, музей будет. Вроде для примирения народа. Красных с белыми... И в ём специально такой отдел. Про царский конвой. У их и фатапарат был, дак мы даже попричесались – приоделися... Мужчины почти все тада уже полегли – дак хуть мы останемся детишкам да внучатам на память! У в этом музее...

И отдали они семейные реликвии.

Которыми, и в самом деле, гордились бы и внуки, и правнуки.

Отдали все до одной.

Да, а чего – мы все! – не отдали-то?!

Все, что можно и чего, казалось, нельзя.

Кого-то из нас обобрали кровавым мытьем. Кого – льстивым катаньем...

Пожалуй, последние осколки традиционного быта, из которых прямо-таки исходил еще не отлетевший навсегда запах старины, тащили из дома пионеры моего поколения – земля тебе пухом, американский тезка Гарри Айзман!

Сдавали за копейки в «утиль». А чаще отдавали бесплатно. Лишь бы получить красный вымпел: «Самый трудолюбивый класс»...

Не повторилась бы печальная терская история с разрекламированным нынче не только на Кубани мемориалом «Атамань»!

Казачки-«возрожденцы», и старые и молодые, отдавали сюда последнее: прабабушками сбереженные в сундуках уникальные семейные фотографии. Но на стенах новорожденного музея висят уже их ксерокопии. А родной подлинник, ходит печальный слух, кто-то уже увидел в руках у барыг...

Все, что можно и что нельзя, на всеобщем российском торжище уже давно перераспределено и присвоено...

Осталось приватизировать жалкие остатки непокорного духа?

Последние лики!.. С чертами некогда нестигаемого характера.

16.

Может, начать с Бесскорбной?

Не такой коротенький список некогда

казачьих станиц, разбросанных в нашем Предгорье вокруг самой крупной из них – нашей Отрадной.

Вот он: Бесскорбная. Благодарная. Спокойная. Надежная. Удобная. Передовая. Бесстрашная. Отважная.

Не заповедный ли, и действительно, уголок?

После войны, оправившись от тяжелой контузии, отец стал районным прокурором, но когда начались эти недоброй памяти посадки «за колоски» или «за качан кукурузы», не смог, как понимаю, ответить себе на главный вопрос. Под битье в грудь подвыпивших инвалидов, под рыдающие песни гармонистов в черных очках, звучащий тогда повсюду: за что воевали?!

Хлопнул в прокуратуре дверью и на несколько лет впал в немилость. Только в начале пятидесятых, когда голод послевоенных лет миновал и «жить стало легче», как обозначил это «вождь всех народов товарищ Сталин», «жить стало веселей», отца вернули в номенклатурный ряд и предложили должность «уполминзага»: уполномоченного министерства заготовок.

На утверждение он поехал в Москву и на радостях вернулся вдвоем со столичным гостем, с которым познакомился в доме у земляков, бывших отраденцев. С писателем Михаилом Платошкиным, с Михаилом Николаевичем.

Теперь уже плохо помню его самого, за роман «Начальник цеха» зачисленного потом критиками-леваками в ряды «лакировщиков советской действительности». Но как сейчас вижу полушутливое его дружеское письмо, присланное отцу после визита в нашу кубанскую глубинку.

Спасибо, писал, что дал мне возможность убедиться: в Отрадной живет, и в самом деле, *о т р а д н о*, в Спокойной – *с п о к о й н о*. В Удобной, действительно, жить у д о б н о, а в Надежной народ *б е с с т р а ш е н* и *о т в а ж е н*.

Почему же нынче, через семьдесят лет после Победы, в нашем благодатном Предгорье, забитом теперь новыми насельниками-мигрантами, почти открыто диктующими свои законы и правила давно прогнущемуся пред ними чиновному руководству, над названиями станиц старожилы грустно пошучивают: Безотрадная. Неблагодарная. Беспокойная. Неудобная. Безнадёжная. Страшная.

Не *п р и с к о р б н о* ли?..

17.

...А мы, как в далекой молодости, когда настойчиво позвала нас родина – все на восток да на восток.

Навсегда очарованный некогда Монголией, готов был, как мальчишка, прыгать от восторга, когда от главного редактора любимого «Бийского вестника», свет-Буланичева, узнал, что они там решили выпустить «целевой» номер об удивительной этой стране... ай да Виктор Васильевич, что там – страна!.. Это отдельный континент, Монголия! Это – космос!

Соседствующий с космосом нашего Горного Алтая и такой же, как он, загадочный...

На радостях не стал отягощать содержание дорогого душе будущего номера длиннющим своим рассказом о конструкторе Калашникове. Хотя есть в его знаменитом детище, в «калаше», и монгольский след, есть!..

Но я только попросил Виктора Васильевича поставить мой давнишний коротенький рассказ: «Ночная жизнь в Улан-Баторе 1964 года».

Номер удался славный, сколько можно узнать из него прелюбопытнейших сведений. Я даже принялся звонить незнакомым коллегам в Барнаул и в Горно-Алтайск. Поздравить с мастерской, профессиональной работой: ай, молодцы!..

«Молодцы» в ответ рассказали о нескольких восторженных презентациях «монгольского» выпуска, о том, что интерес к нему уже успели проявить и казахи, и китайцы. И посетовали: мол, что-то столица наша Москва пока помалкивает!

Конечно, я огорчился. Но что поделаешь?

Позвонил в Краснодар старому другу Айтечу Хагурову. Адыгу. А по бабушке еще и ногойцу. Раздвоенному не только в собственной родословной и в собственном имени: для своих он Юра. Раздвоен Юра-Айтеч еще и потому, что он – доктор социологии. Сотрудник не какой-нибудь там придуманной на волне «перестройки», а самой главной Академии: РАН. И заодно – пишущий на русском (так вышло, вырос в интеллигентной русской семье) блестящий прозаик. Автор глубоких философских повестей и рассказов. Несмотря на то, что давно уже член Союза писателей – человек на удивление цельный.

Может, тут как раз стоит свой маленький стих о нем обнародовать?

«Есть государство, а есть отечество./
Понятие иного качества./А он создал для нас единое *А й т е ч е с т в о*: /духовный материк адыгства и русачества».

Кому же, как не такому «дядьке», выражаясь по-кубански, «пожалиться»?

Звоню ему, рассказываю о бедах «монгольского» выпуска, обещаю экземпляр прислать: чтобы прочитал и свой высокий научно-писательский вердикт вынес. А он говорит: а два экземпляра можешь?

Могу, отвечаю. А зачем?

«Фамилия «Ташматова» тебе знакома? – спрашивает. – Галина, да... Как-то еще давно мне рассказывала, как ехала с мужем из Монголии, где они несколько лет работали... Нашла тебя в Москве, чтобы поговорить о родной твоей Отрадной да что о ней пишешь. Но как только произнесла слово «Монголия», об остальном ты тут же забыл. Взялся ее расспрашивать да сам рассказывать – она говорит, твоя Лариса едва-едва ваш с ней монгольский дуэт установила...»

– А где она сейчас? – спрашиваю.

– Есть в Краснодаре такая «Новая газета Кубани». Она там – главный редактор. Никогда в интернете не заглядывал?.. Любопытная газетка, ты загляни...

Может быть, мне стоило «заглянуть» в какой-нибудь другой день? Только – не в этот!

А лучше бы – вообще не заглядывать...

18.

Первое, что увидел на мониторе компьютера – поясной портрет явно блюдущего себя, ухоженного южанина в парадном белом кителе с золотым шитьем на лацканах и на рукавах. Погоны генерал-майора, на груди три награды – все, как говорится, при нем.

Под заголовком «Игорь Бабаев перешел на работу в Генпрокуратуру» коротенькая статья: «Генеральный прокурор Российской Федерации Юрий Чайка подписал приказ о назначении государственного советника юстиции 3 класса Игоря Бабаева на должность начальника управления по надзору за исполнением законов на транспорте и в таможенной сфере Генеральной прокуратуры РФ.

Игорь Бабаев с 1998 г. по 2007 г. занимал должность прокурора Северского района Краснодарского края. В мае 2007 назначен зампрокурора края, а в ноябре того же года – первым заместителем прокурора Краснодарского края. До назначения прокурором края Сергея Табельского Игорь Бабаев исполнял обязанности прокурора региона.

За время службы в органах прокуратуры Игорю Бабаеву было присвоено почетное звание «Заслуженный работник прокуратуры Российской Федерации». Он также награжден нагрудными знаками «За безупречную службу», знаком отличия «За верность закону» 1 степени, отмечен благодарностью Председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ.

Редакция «Новой газеты Кубани» связалась по телефону с Игорем Александровичем, который подтвердил свое назначение. В настоящий момент он уже приступил к выполнению своих обязанностей в должности начальника управления Генпрокуратуры РФ. Мы желаем Игорю Александровичу успехов на новом месте».

Такие пироги...

А на моем-то месте? На моем?!

Разве бы вас не заинтриговали отклики посетителей газетного сайта?.. Земляки!.. О том, как живется «малой родине», чем дышится, наверняка получше моего знают.

Стал читать:

«Бизнес-лузер:

Если в конце 90-х на таможенных творилось невообразимое, то сейчас – и подавно. Особенно с наложением санкций. Поверьте, как человеку, прошедшему медные трубы таможен. Обходные пути есть. И – не бесплатные. Но сделки оправдывают выгоду. Поэтому на рынках не исчезают санкционные продукты. Поздравляю его кресло и тапочки – место ХЛЕБНОЕ. Не растеряется – прирастет численность миллиардеров на Кубани... Не зря же торил путь к Олимпу. Кто знает, тот и у КУРСЕ.»

«Вася:

Наш парень!!!! Фейс настоящего кубанца. Придет час заметут усех подчитую...»

«Я: Он так-то не кубанец вовсе. И фейс не может быть кубанским.»

«Елка: А ЛЮДЕЙ ТАМ СВЕРХУ – НЕТУ?????»

«Сирожка:

Бизнес с помощью офисного места, должности и телефона... Богатый станет богаче, бедный нищим, а судьи будут делать свадьбы за 2 млн долларов... и ничего».

Чем дальше читал почти бесконечные комментарии, тем тягостней становилось на душе...

Что же эти отклики означают? Возросшее гражданское самосознание, о котором у нас якобы так пекутся?.. Или же – откровенный лай из-под закрытой калитки?!

О том, что интернет – одна большая помойка, знаю давно. Обращаюсь исключительно к познавательной его, к щедрой справочной части, где еще властвуют остатки консерватизма. Откуда еще окончательно не ушел как бы даже предосудительный нынче академический дух...

Понимаю, что это недостойное чувство, но куда теперь денешь застарелое, еще с холодной-голодной сибирской стройки, максималистское презрение к разного рода «звездам». Тем более – к «звездюкам». Поэтому-то, может быть, никогда не ворошил компьютерной «мышкой» ни чьего-либо чистого, ни тем более грязного белья: и почивших героев, и ныне здравствующих... так устроен?

А тут чуть ли не впервые!.. Брызнув-шую на белый китель нового назначенца мутную охлеbinу будто ощутил вдруг и на своей щеке...

Как признак разъедающей социум духовной заразы?..

Или уже предвестие грозного массового психоза?

Однажды уже едва не сгубившего Россию...

19.

Как на Кубани говорят: оно мне надо?.. Этот вовсе незапланированный поиск приключений на собственную «пятую точку»...

Но у творчества свои законы, и от них не уйти.

Это я, повторяю, заметил уже давно. Если ты чем-то упрямо интересуешься, в тебе возникает некий «эффект магнита», который из общего информационного поля нашей Матушки-Земли, из ноосферы, чего только нужного для тебя не притянет!

Или, как раньше, когда не знали этих мудреных слов, считалось: размышляешь –

и Бог тебе дает. Не только пищу для размышлений. Еще и – знак.

Мол, ты на верном пути. А как быть дальше, решай!

Прикроешь глаза и на дерьмо вокруг, и – на все обиды и неурядицы?

Не грех?!..

Может быть, помните, был такой иностранский фильм с неподражаемым Бельмондо в главной роли: «Профессионал»?.. О том, как опытный агент прилетает в одну из африканских стран, чтобы убрать крупного насалившего Франции политического деятеля. Пока он там, в Африке, обустроивается, ситуация стремительно меняется. Былой враг становится президентом страны и подает знак о готовности к выгодному сотрудничеству. В доказательство своего согласия соответствующие службы Франции сдают своего агента, и он едва не погибает в каменоломнях, откуда невозможно бежать. Но – только не для настоящего профессионала. Он возвращается на родину как раз в те дни, когда с визитом туда прилетел африканец, которого прежде ему поручено было убрать. Вопреки усилиям бывших коллег, которые теперь тщательно охраняют африканского гостя, профессионал-одиночка стреляет в него чуть ли не во время государственного приема...

Вы мне поручали?.. Я – сделал!

Неужели я один запомнил этот фильм о верности своему пути?

Ведь сдали-то опять, и не в первый раз, – почти всех.

По тем или иным причинам большинство из нас лишены возможности повторить рискованный путь настоящих профессионалов.

Но в том, что нас еще ждут удивительные сюжеты с превращениями одиночек,нисколько не сомневаюсь...

20.

Но о каком знаке речь?..

В юности с философского факультета МГУ я сбежал «на журналистику» и этим малодостойным поступком как бы обеспечил себе некое право на верхоглядство... ну, такие мы, ну, что с этим делать?!

Мое образование довершала большая сибирская стройка, а после – долгие поездки по тем «стальным» городам, где начинавшие в Новокузнецке молодыми спецами старые мои товарищи были уже большими начальниками и руководили созданием

индустриальных гигантов, не меньших чем наш Запсиб...

Но ездил-то я к ним вовсе не затем, чтобы посмотреть на высокаторжественное начало строительства какого-нибудь очередного, непременно крупнейшего в мире, или, на худой конец, самого большого в Европе, огнедышащего монстра... Или – на скромный митинг по случаю его феерического, это в металлургии само собой, но трудного рождения, уж обязательно отягощенного какими-нибудь непредвидимыми обстоятельствами. Нет.

Этими поездками пытался лечить душу, тоскующую по былому сибирскому товариществу. Пока не понял, наконец, что товарищество это обычно остается в ином измерении. В той прошедшей действительности, из которой ты когда-то едва живой вырвался...

В эту пору горьких раздумий и повстречался мне уже порядком уставший, старенький Тлепш, адыгский бог кузнечно-го ремесла. Который уже возвращался на свой Кавказ после многотрудного векового путешествия по белу свету... Такого тяжкого, что высокий посох, кованный им перед дальней дорогой, истерся настолько, что его почти не видать было из-под ладони, а железная шапка до того прохудилась, что опустилась ему на плечи...

«Я обошел почти весь Большой Дунэй и убедился, что нет на нем мест красивей и благодатней наших, – сказал присевший отдохнуть Тлепш. – И понял, что нет мастеров искуснее, чем черкесы... вернись домой, ым?!..»

Видение было настолько ярким, что я, и в самом деле, вернулся...

С такими возникшими вдруг надеждами, что с неожиданной для себя охотой взялся потом в родных местах за дело, которое предложил мне Сергей Филатов, еще недавно бывший главой администрации у Ельцина... с кем не случается?!

Филатов тоже металлург. Более того – «черняк». А кому, как не черняку, знать, что такое «козел». Остынет в печке металл – не только сам намучаешься, намаются все вокруг... Но погасить огонь у «черняка» в душе не так просто. Я даже стал придумывать посвященные Филатову стихи: «Когда мы были молоды,/у власти на отшибе,/ты – на «Серпе и молоте»,/я – на своем Запсибе...»

Не понимал еще, что черной заразной силы во власти куда больше, чем даже у настоящего «черняка» – светлой?..

Один за другим составил для Фонда Филатова (для Фондия Филата, как пошучивает один мой давний дружок) несколько сборников северокавказской прозы. Когда размышлял над третьим, «Лес одиночества», земляк и соратник еще живого тогда Фазиля Искандера передал мне его книгу, в которой были стихи и проза. Я взял из него необходимый для сборника рассказ.

И с первого же прочтения запомнил вроде совсем не нужное – ну, зачем оно, действительно, мне, зачем?! Не такой коротенький стих, посвященный Владимиру Высоцкому:

«Куда, бля, делась русска нация?/Не вижу русского в лицо./Есть и одесская акация,/есть и кавказское винцо./Куда, бля, делась русска нация?../Кричу и как бы не кричу./А может, это провокация?/Поставим Господу свечу!/ Есть и милиция, и рация,/и стая бешеных собак.../Куда, бля, делась русска нация?/Не отыскать ее никак!/Стою один на Красной площади,/а площади почти что нет./Как русских нет. В деревне – лошади./Остался я один, поэт./Эй, небеса, бросайте чалочку!/Любимых нет в родном краю./Вся нация лежит впалочку./Один я, выпимши, пою!»

К дешевому юмору для «Измайловского парка» это никак не отнесешь... Остается наш извечный вопрос: кто виноват?!

Не сами ли, в конце концов, русские?.. Которые сто лет назад принялись истреблять друг друга с такой ненавистью, как будто «германский фронт» непостижимым образом переместился на две, на три, на пять тысяч километров вглубь матушки-России...

«От Москвы до самых до окраин», как пелось потом уже в советской, сталинских времен, песне... Кого, и в самом деле, винить?!

Если даже любимый Государем его конвой в феврале семнадцатого нацепил на черкески красные банты.

Если было забыто не то что дальнейшее родство – кровное братство...

21.

Тут мне придется вернуться к эпиграфу и горячо, искренно воскликнуть:

«Знали бы Вы, многоуважаемый граф, милостивый государь Лев Николаевич, как это нынче у нас в России непросто: следовать Вашему завету, без сомненья прекраснейшему: «Не надо лжи. Ее и так много».

Ведь утопаем во лжи!.. Почти захлебываемся. Как из повсюду хлюпающей хляби-то вырваться?

А надо.

И крута гора, да миновать нельзя.

Иначе уж в такой гибельной трясине окажемся. Если еще не оказались. Мы, русаки. Еще недавно – хребет Державы.

И мне остается только напомнить старому знакомцу Гене Бабаеву о наших общих товарищах. О благословенных, спасительных, и в самом деле, местах отраденского Предгорья... Выразить надежду на понимание. Разве я, кроме себя, кого-нибудь осуждал? Да нет!.. Размышлял. Печалился. И звал соотечественников учиться родству...

Остается также извиниться перед пока незнакомым Игорем Бабаевым... За неделикатное вторжение в его личные «территориальные воды».

Надеюсь, как профессионал, он поймет меня.

Шуточки насчет того, что «таможня, там все можно», дело давно известное. Но двое из моих старых друзей достойно прошли меж «Сцилой и Харибдой» нынешних искушений.

Ставший легендой комсорг Запсиба Вячеслав Карижский, краснодарский уроженец, наш с Вами земляк, был даже одним из самых больших по должности кадровиков Главного таможенного Управления. Другой – генерал-лейтенант Юрий Азаров, тоже кубанский казак – бывший статсекретарь ГТУ. Нынче он – глава нашего кубанского Землячества в Москве...

Как знать, может, по еще недавней традиции, которую нынче называют «совковой», им очень не хватает иногда «третьего»?..

Таможенника имею в виду, таможенника.

Не пенсионера-«лузера», как они теперь – настоящего, действующего генерала.

В нашем Землячестве.

А я, недавно давший, наконец, в станичной Рождество-Богородицкой церкви обет трезвости, хотя бы посижу с вами рядышком...

Ноябрь 2016 – октябрь 2017
Кубань, станция Отрадная –
Подмосковье, Звенигород

Непредвиденное послесловие

Не знаю, почему старший сын решил показать этот еще не опубликованный рассказ известному казачьему историку Павлу Калабухову-Стрелянову. Но сделал он это, как теперь понимаю, не зря.

Вот коротенький отклик Павла Николаевича, который я привожу целиком. С горячей благодарностью и почтением.

«Добрый вечер, Сергей!

Спасибо за записки Вашего папы.

Прочел с огромным удовольствием!

И вдруг всего одна строчка прямо перед разделом 21: " Если даже любимый Государем его конвой в феврале семнадцатого нацелит на черкески красные банты?! "...

Что это? Откуда? Отголоски лжи совпатриотов из Союза писателей? Но, ведь, Г.Л. многих из них сам "продергивал" в своих публикациях? Или та "знаменитая" картина, на которой потерянный Государь идет по шалам мимо казаков Своего Конвоя с красными бантами на груди? Так над той картиной все разбирающиеся историки просто смеялись.

Неужели Вы не давали отцу книгу Н.В. Галушкина "СЕИВ Конвой", она выдержала два издания? Глава 9 "Клевета на Конвой" – там все сказано, с документами. Очень прошу Вас, пусть он как-то прочтет данную главу. А то очень грустно находить такие слова в книгах замечательного писателя.

Простите, писал от печали.

С уважением,

П.С./К/Ф».

Чему, казалось бы, радоваться, если тебя уличают в небрежении либо забывчивости?

Но я бесконечно радуюсь. Побольше бы таких оплошностей в тексте!

Ведь он – о верности. Высокое понятие, о которой все чаще переносится в иные, второстепенные сферы, обедняя смысл самый главный: верность однажды произнесенному слову. Верность присяге. Верность Государю.

А значит – верность Отечеству. Нынче это как никогда еще очевидно.

25 апреля 2018 г. Новокузнецк

Г.Л. Немченко

Необходимость национального этикета

Эти беглые заметки написаны в разное время. В разных краях и о разных людях. Но все объединены размышлениями о кодексе чести горцев и о русском понимании его. И – что, разумеется, главное – о нашем соответствии ему...

1.

Был в майкопском издательстве, забрал свой жалкий гонорар за книжку "Газыри" – спасибо за нее, спасибо друзьям-черкесам!.. А потом зашел посидеть, попить кофейку к главному редактору, Нальбию Куёку.

Посреди разговора вдруг вспомнил, что Нальбий участвовал в здешнем "президентском проекте": писал школьный учебник по адыгскому этикету. Как, спрашиваю, дела? Итоги-то конкурса уже подвели?

Он заулыбался, явно довольный:

– Считаю, что у меня первое место, должен получить двести тысяч. Сын меня уже спрашивает: какую будем брать машину?

И я радостно воскликнул:

– Ну, как хорошо! По нашим-то временам. Благородные деньги за благородное дело – прими самые искренние поздравления!

Это, и правда, большое дело: при всеобщем падении нравов, когда и тут многие стали забывать, что "адыге хабзе" пишется всё-таки через "б", а не через "п", президент Адыгеи Хазрет Совмен выделил миллион рублей на эту программу – создать учебник по "адыге хабзе".

В Майкопе снова кипят политические страсти, потому что по понедельникам он якобы уходит со своего высокого поста, пребывает в должности якобы последние несколько месяцев, а по пятницам опять объявляет о своем решении остаться на второй срок... К причинам, по которым трясет Республику, можно относиться по-разному, по-человечески очень жаль Хазрета, поймавшего на Севере фарт успешного "золотишника", но так до конца скорее всего и не понявшего, что тут, на родине, золотишко не добывают – все больше только выпрашивают или потихоньку крадут.

А в общем, конечно, «достали» адыгского сибирячка. Он и сам небось давно уже не поймет, кто он все-таки: черкес или чалдон?!...

Грустный, очень хорошо мне знакомый, на собственной шкуре испытанный вариант. Да при такой ответственной должности!

Вчера ещё, и в самом деле, пели осанну, а нынче, в преддверии прихода нового президента, чуть не хором кричат известное: "Распни его!"

Каким останется этот неординарный человек в памяти у адыгов и русских - Бог весть. Но за эту попытку ввести "правила игры", когда все давно делается без каких бы то ни было правил, ему, и правда, надо поставить памятник.

Нальбий тоже не знает, его ли это инициатива, самого Хазрета, или подсказка его советника, Юры Хагурова, Айтеча Аюбовича. Доктора социологии и отличного, пишущего на русском, прозаика. Которого в этом случае тоже стоит изобразить на памятнике рядом с Хазретом. Так или иначе, дело это не только доброе - просто необходимое. Никуда не денешься: нынче это вопрос жизни и смерти.

Не могу судить, в течение ли работы над этим учебником – когда ему наверняка приходилось смотреть на дело с разных сторон, думать и так, и этак – до Нальбия дошло окончательно, что без русских адыгам теперь не выжить. Также, как русским без адыгов. И во время нашего разговора он это теперь очень точно и однозначно сформулировал.

Не исключено, что его речь обо мне на недавнем моем «семидесятилетии», по сути дела речь о русских вообще, тоже стала итогом размышлений, что друг без друга нам – никуда.

Но как нам-то, русакам, оправдать эту ставку на нас, если нынче живем по принципу "спасайся, кто может"?

Как нам, как говорится, *с о о т в е т-с т в о в а т ь*?

2.

Когда вернулся в последний раз из Майкопа в Кобяково, на столе в бывшем Жоринском кабинете нашел среди своих бумаг листок с напечатанным на нем крупно заголовком: "Каноны аланской этики".

Скорее всего, для меня оставил Сергей: во-первых, потому, что нынче он ближе, чем Жора, к осетинам, а, во-вторых, Жора от всех – и осетин в том числе –

укрылся теперь в своей Псковской глубинке, и уж если ему нет дела до родителей, то до осетин и подавно.

Сам текст на одну страничку, стоит его перепечатать хотя бы для того, чтобы ещё раз перечитать.

Вот он:

"Помни всегда и везде: ты потомок древнего и благородного народа, а поэтому не имеешь права на недостойные поступки.

Знай и чтить историю своего народа и края. Это знание укрепит твой дух, придаст силы в трудные минуты жизни.

Помни родословную свою от основателя рода. С великим почтением относись к старшим, а более всего к родителям, даровавшим тебе жизнь.

Не считай себя истинным аланом, пока не усвоишь языка, обычаев, песенного и танцевального искусства своего народа.

Как высшую заповедь предков усвой истину – величие человека никогда не измерялось богатством, а лишь мерой мужества и труда, отданного во имя Отечества.

Всегда помни о том, что все хорошее и плохое, что ты делаешь в жизни, обернется тебе сторицей.

Выбирай невесту (жениха) не только по красоте лица и тела, а по наличию ума и чести, по традициям фамилии и семьи.

В разговоре больше слушай, меньше говори и никогда не бахвалься. Среди людей много тех, кто умней и сильнее тебя.

Избегай ссор и скандалов. В ссоре с глупцом ты станешь глупее, а умного собеседника полезнее просто выслушать.

Мужество в бою, уважение к женщине и умеренность в еде и питье – это одни из главных требований аланской этики."

Дальше идут почему-то цифры очердных или, может быть, отдельных параграфов, и я приведу это все как есть:

"1. Опасайся мысли: "чем ты лучше меня?", которая много раз разрушала Аланию. Если ты истинный патриот, докажи это делом и никогда не предавай свое Отечество ради карьеры, денег и сиюминутной славы.

2. Никогда не оскорбляй ничьих национальных и религиозных чувств. Каждый народ – это дар Божий, а разные религии – это различные пути к единому Богу.

3. Будь благородным и честным. Ни голод, ни холод, ни страх смерти не должен сломить твоего духа.

4. Будь во всем человеком Слова. Пустые обещания – это всегда путь к потере чести и уважения.

5. Не озадачивай окружающих своими проблемами. Это не прибавит тебе здоровья и авторитета, но сделает неприятным человеком в обществе.

6. Постоянно работай над своим физическим и духовным совершенствованием. Закаляй тело и укрепляй свой дух. Физические силы соотносятся с духовными как один к десяти, научись использовать мощный потенциал и резервы организма и тогда добьешься самых больших успехов в жизни.

ДА УПАСИ ТЕБЯ ГОСПОДЬ ОТ БЕДНОСТИ И ПОЗОРА".

Еще тогда, в Кобякове, я заметил какую-то еле видную из-за многократного ксерокопирования надпись от руки поперек листка, но не придал ей значения, а сейчас и сам попробовал разглядеть её, и озадачил Ларису. Мы прочитали: "Январь 2002 года – г.Дигора РСО-А. Отдел субсидий Администрации р-на."

И вдруг с улыбкой задумался: а может, и там, в Осетии тоже профинансировали проект, похожий на адыгейский? Не вся Республика, только один район. По вполне понятной бедности – с затратой меньших денег, с более кратким кодексом?

Потом с теплой улыбкой сердца подумал, что Дигора – именно потому, что как раз там было явление святого Георгия, осетинского Уастырджи, который об этом как раз неслышно, но так что услышали и ясно поняли все, кто видел его тогда, предупредил: вы забываете духовный опыт старших – берегите его!

Пока повторял мысленно "аланская этика, аланская", опять невольно вспомнил Алана Черчесова, которого журнал "Дружба народов" только что водворил в ряд кавказских классиков: вслед за Расулом Гамзатовым, Алимом Кешоковым, Багратам Шинкубой, Идрисом Базоркиным... дай, Господи, Алану всегда оставаться в нём не на птичьих пока – на вполне законных правах!

Так вот, что касается "Аланской этики" в личностном смысле...

Я тогда работал в "Советском писателе", нет-нет он захаживал ко мне и позванивал, а потом надолго пропал и когда снова вдруг позвонил, я прямо-таки не узнал его голоса: настолько был тих и слаб.

– Что с тобой, Алан?!

– У меня болит живот, дядя Гарик.
– И что, так сильно болит?
– Очень сильно...
– И давно?
– Четвертый день болит...
– "Скорую" не вызывал?
– Нет, я терплю...
– Да сколько ж можно терпеть?!

– Я осетин, дядя Гарик... Я должен терпеть...

– Осетин он! – прямо-таки прорвало меня. – А ну-ка, давай, осетин, твой адрес!

Он там спросил чуть не шепотом:

– Зачем?

– Давай – без разговоров!

Общее наше счастье, что это был день редакционного дежурства Ани Ёлшиной, Анны Артемьевны, которую с моим заместителем Борей Тихоненко мы звали тогда меж собой: Мата Хари.

Муж Анны был классный водитель МИДа, его то и дело отправляли то в одну страну, то в другую: за семь лет моего пребывания в разных должностях в редакции "русской советской прозы" она уезжала с ним чуть не четырежды и всякий раз потом – "согласно трудовому законодательству" – возвращалась на свое место. Работать с ней было легко, и дело, пожалуй, не столько в её "дипломатическом опыте", сколько в общительном и сердобольном характере. В отличие от мужа, кондового русака, она была наполовину еврейка, наполовину – армянка, взявшая и с той, и с другой стороны, может быть, лучшее.

Открытость, дружелюбие, откровенность.

Но мы пока о необходимой в этом рассказе детали: родной брат Ёлшиной был в те годы парторгом московской "Скорой помощи", и вся редакция знала, в том числе и об этом...

Я вышел позвать Анну, и ещё на обратном пути в свой кабинет сердечно попросил:

– Выручай!

Тон мой, наверное, был уж очень просительный или тревожный, она по-бабьи ахнула:

– Да что у тебя такое стряслось?

Рассказал ей, поближе подсунил листок с адресом Алана в Доме аспирантов МГУ. Она схватила телефонную трубку, стремительно набрала номер и первым делом воскликнула:

– Слава Богу, брат, ты – у себя!

Сперва он отзвонил ей буквально через двадцать минут. Когда Алана только что увезли в больницу. Ещё через час – когда тот был на операционном столе. Снова через пару часов – когда Алана прооперировали.

– Strongly запущенный гнойный аппендицит! – тоном операционной сестры передала мне Анна. – Ещё полчаса, и парня спасти было бы уже невозможно...

– Посиди! – попросил её. – Попробую до отца его дозвониться.

– Это чудо! – говорила она горячо и восторженно, пока я набирал рабочий номер своего старого друга во Владикавказе. – Чудо, что у него всё-таки хватило ума тебе позвонить, что ты был на месте, я с Зойкой над рукописью сидела, с Богуславской, а братик услышал мой звонок и вернулся уже от порога – уезжает в командировку...

Отец Алана успел прилететь поздно вечером, машина из представительства Осетии прямо из Внукова отвезла его к Алану в больницу.

3.

Я поехал туда на следующий день.

Оба в белых халатах, крепко обнялись с Жорой, и тут же он стремительно обернулся к лежавшему на больничной койке слабому, явно измученному Алану, заговорил, как всегда, по-кавказски импульсивно и горячо:

– Посмотри на него! Ты только посмотри! Лежит – еле дышит, а все продолжает твердить, что он – осетин!

– Разве это не так, папа? – еле слышно спросил Алан.

– До настоящего осетина надо ещё дожить! – кипятился мой давний, ещё со школьных времен, верный товарищ. – А ты мог... ты мог...

И пока он, задыхаясь от возмущения, подбирал слова помягче да поделикатней, опять еле слышно заговорил Алан:

– Сам говорил, осетином надо родиться...

– Т-ты посмотри на него! – чуть не кричал Жора. – Т-ты только посмотри!

В этом смысле Алану, конечно же, явно повезло: и родился осетином, и успел теперь стать им – покойный отец так теперь им гордился бы!

Когда десяток лет назад Алан получил первую литературную премию –

престижную премию имени Аполлона Григорьева, я как раз был в Москве. Прочитав заметочку об успехах своего младшего собрата, в "Советском писателе" "окрещенного" – мы поставили тогда в сборник "молодой прозы" один из первых его рассказов – снял трубку и первым делом набрал домашний телефон Ани Ёлшиной.

– Помнишь, Анна Артемьевна, как ты помогла тогда мальчику-осетину? Не только как человек – как бывший редактор можешь теперь гордиться...

– Это спасибо моему братику, – громко начала Анна и вдруг всхлипнула, притихла и внутренним зрением я ощутил, как она там беззвучно, с трубкой в руке рыдает.

– Извини, что напомнил, Аня...

И она сквозь всхлипы воскликнула:

– Как они могли так поступить с ним, скажи?!

Через несколько лет после случая с Аланом, уже в самый разгар перестройки, у брата, прямо на работе, в кабинете, случился острый приступ аппендицита. Боли были – временами терял сознание. Но все машины, как нарочно, оказались на выездах. Ждать пришлось непростительно долго. Потом его почему-то слишком неторопливо везли, нескоро в больнице приняли – вовсе не в той, в какую он, знавший всё и вся, просил его определить.

Умер он на операционном столе.

– Друзья потом говорили: его зарезали, – опять вспоминала Аня сквозь слезы. – Ну, как они могли?.. Если даже были какие-то там профессиональные счёты – как?!

– Светлая ему память, Аня. Потому тебе и звоню.

Посреди времен, когда почти всюду восторжествовали уже не "аланские" – иные "каноны"...

4.

...Этот оставленный на столе в Кобякове листок, конечно же, грел меня: только что я закончил, как мне тогда показалось, и отправил в Осетию рукопись документальной книжки, которая складывалась годами – "Кодекс чести". В подзаголовке значилось: "Записки о современном рыцарстве и осетинском джигите Ирбеке Кантемирове". Первый свой очерк о нём опубликовал тридцать лет назад, в 76-ом, мы подружились, и сколько мне с тех пор потом пришлось написать и о самом этом удивительном че-

ловеке, известном всему миру Наезднике, и о его младшем брате Мухтарбеке, который возглавляет нынче Российскую гильдию каскадеров, и о других, которые, слава Богу, здравствуют ещё на нашей многогрешной земле, хранителях древних традиций. Во все не кавказских, как можно сперва подумать: и в самом деле, *рыцарских* вообще.

Ведь рыцарство, как утверждают теперь специалисты на Западе, прибыло в Европу на скифских, на аланских лошадаках...

Когда пять лет назад Ирбек Кантемиров, Ирбек Алибекович, Юра – для близких друзей, ушел из жизни, мне пришлось ощутить горькое сиротство, которого, может быть, вообще ещё не испытывал, а незавершенность моей работы об осетинских джигитах прямо-таки томила меня... Посреди других дел иной раз вдруг приходило настолько явное ощущение, что Юра, невидимый теперь, вновь где-то рядом, что у меня знобило затылок будто бы от особенного, от *горнего* движения воздуха... но где же ещё и быть, думал я в такие минуты, этому Великому Горцу? Нынче – уже Небесный всадник, путешествует теперь в свите покровителя своего, справедливого и грозного Уастырджи, и вот, пронось в дальнем далеке, приподнял ладонь в мою сторону: что ж ты там, побратим?..

Иной раз я руками разводил, с грустной улыбкой глядя куда-то вверх, посматривая как бы в запредельные дали: вот, извини, мол, Юра, – всё размышляю! И о нас обо всех. И – о тебе.

И разве не продолжаю, дорогой мой старший друг Ирбек, заниматься этим и нынче, уже после того, как, облегченно вздохнув, в рукописи «Счастливой черкески» весною 2006 поставил точку?

5.

Вышло так, что в Москве, когда в набитом автобусе добирался до Востряковского кладбища, где похоронен наш младший, маленький Митя, с которым когда-то давно, в самом начале моего с Кантемировыми знакомства, мы вместе ходили и на представления с участием осетинских джигитов, и на репетиции, после которых "дядя Ирбек" давал нам вываживать своих взмыленных лошадаков, – так вот, по дороге до Вострякова мне попытался уступить место приятный молодой человек "славянской

внешности", недавно сменившей на «боевом дежурстве» у недремлющей нашей прессы уже поприживших к этому времени "лиц кавказской национальности"...

– Спасибо тебе, – негромко сказал я с сердечной ноткой. – Очень хорошо, что уважаешь не только старших – выходит, и самого себя уважаешь... Но я пока держусь, я и сам пока всегда уступаю – и совсем пожилым, и женщинам, и девчатам, и даже маленьким девочкам, перед которыми тоже надо всегда оставаться рыцарем, а, если хочешь, – оставаться мужчиной... Спасибо тебе, сейчас сюда сядет тот, кому это, действительно, нужно, а мы с тобой пока немножко постоим-поговорим... ты не против?

Он откликнулся на душевный тон – дружески улыбнулся и, отпустив поручень, даже слегка руками развел: мол, разве проблема? Коли так считаете...

– Я тоже москвич, – начал я, – но по рождению – кубанский казак, и почти все последнее время провожу на Кавказе. Там очень гордятся своим этикетом... нравственным кодексом, понимаешь? В Осетии это – намыс. У адыгейцев, черкесов и кабардинцев – "адыге хабзе". По сути, это три ветви одного и того же народа, который и зовется – адыге...

Он понимающе спросил:

– Как мы с белорусами и с украинцами?

– Примерно так, да... Но скажи: есть у нас какой-то особый "славянский кодекс", не говоря уже, предположим, о русском?

Он понимающе повел головой:

– Да, с русским нынче!

– Вот видишь! А я только что и раз, и другой перечитал "Каноны аланской этики"... осетинской.

– Да-да – осетинской...

– Хорошо, что ты это знаешь, молодец. И там с первой строчки, в этих "Канонах": "Помни всегда и везде: ты потомок древнего и благородного народа..." Вот бы и нам с этого, предположим, и начинать...

– Да уж! – сказал он с насмешливым сомнением.

– А что, что? Или это не так?

– Так! – охотно согласился он. – Более того, тут недавно передача была. О том, что этруски – это русские...

– Вот, видишь!

– Но попробуй об этом сказать!

– Сам говоришь: передача.

– Это как бы другое дело... там чего только не услышишь. Я даже подумал: а зачем они об этом – зачем?

– А вот, может, как раз для этого? Что-бы мы с тобой в этом автобусе вроде случайно о наших русских делах поговорили...

– Хорошо, что вы понимаете, – подхвалил он меня и тут же вздохнул. – Но если я начну всюду и везде это говорить: помни всегда! Ты потомок... как там дальше?

– Древнего и благородного народа...

– И меня тут же шовинистом назовут... Хорошо, если к "скинам" не причислят – отмазывайся потом!

– Это позорно?

– Не то чтобы позорно... Вбили в голову, что они – недоумки. А кому захочется ходить в недоумках?

– Извини, брат! – сказал я с искренним сожалением. – Моё Востряково... Но ты не забывай! И я буду тоже думать.

– О канонах для русских?

– Будем думать, не забывай!

Пожал ему руку, заторопился к двери и, когда уже вышел, поднял над головой сцепленные ладони: пока! Мол, будем держаться: вот так.

Он там за окном автобуса развел два пальца: мол, все равно победим!

Такой, видать сразу, неспорченный парень!

Но откуда же это его печальное "да уж"?

Настолько нас всех замордовали и разобзили?!

6.

После обеда мне предстояла встреча с давним добрым знакомым Сашей Ужанковым, Александром Николаевичем, бывшим редактором "Совписа", вместе с которым пытались мы в своё время облагородить нашу "русскую советскую прозу"...

Насколько помнится, ещё тогда он размышлял над кандидатской по древней русской литературе и пытался из потока "серятины" выуживать близкие по светлому его разумению и по доброй душе рукописи – этаким наш очень молодой тогда редакционный Дон-Кихот: высокий, худющий, с горящими глазами и остальными книжными приметам известному всему миру гидальго – высокий лоб, чуть вытянутое лицо, усы и борода клинышком.

Теперь он давно уже был доктор филологии, профессор из какого-то университета, в названии которого имелось, по моему, и слово "славянский", перешел в Литературный институт проректором по научной работе.

Не виделись мы давно, оба встрече обрадовались, и как только прошли первые, как бы обязательные вопросы – как, мол, сам, как семья, как твои невесты – у Саши только что родились тогда девочки-погодки – стал ему рассказывать и о "Канонах аланской этики", и о коротенькой беседе с парнем-попутчиком в автобусе.

– Перед тем, как перевести первый адыгский роман. «Сказание о Железном Волке», если не знаешь, – он вышел потом с предисловием Валентина Распутина... Так вот, чего только не пришлось тогда прочитать, во что только не вникнуть, – объяснил ему причину повышенного своего интереса к кавказскому "кодексу чести". – И всё чаще теперь задумываюсь о нашем, назовём его так, *славянском* кодексе... Есть такой? Где он?

– Засиделся ты на Северном Кавказе, Г.Л.! – добродушно укорил меня Саша. – А "Домострой" наш, в свое время оплеванный?.. В нем все это есть.

Мне пришлось хмыкнуть: мол, вон как!

Вспомнил местечко на одной из книжных полок в своей квартире на Бутырской, которую сдаём в наем за малые деньги: благодаря этому и живы, и даже вот в Москве, нет-нет, появляюсь...

– А "Юности честное зеркало"? – с дружеской, чуть насмешливой улыбкой продолжал наставлять меня Александр Николаевич.

И мне пришлось воскликнуть:

– Ах, да!

– А "Поучение Владимира Мономаха"? В нем ведь столько наставлений для младших... погоди! С чего там, говоришь, начинается этот "Аланский кодекс"?.. С упоминания о благородстве, о достоинстве предков? Чуть ли не с этого Илларион начинал свое "Слово о законе и благодати"...

– Но вместе, Саша?.. И – коротко! Кто из молодых полезет нынче и в "Домострой", кто начнет листать "Юности честное зеркало"?

– Свода, конечно, нет...

– Какое поле деятельности, профессор!

– А – сам?

– Да я ведь одинокий джигит, Саша! И так закопался в своих рукописях... А у тебя столько студентов, которые могли бы и перелистать книжки, и сделать выборку, и попробовать все это объединить... А?!

7.

...И вот прошло столько лет.

Весной 2016-го года, перед чемпионатом Мира по хоккею в Москве вышел мой «крайний» к тому времени роман: «Красная Машина». Повествующий, кроме прочего, о чемпионате 1983 года в Германии. Тогда еще – Западной...

В романе есть сцена знакомства с прилетевшими в Дортмунд коллегами-болельщиками из России:

«Увидел актера Льва Дурова и, пожимая руку, сказал:

– У нас с вами есть общие товарищи.

– Радостно! – отозвался он. – Это кто же?

– Это Мухтарбек Кантемиров.

И тут в голосе у него послышалась радость уже неподдельная. И будто произошло преобразование. Дуров, и точно, стал похож на того наставника молодого и горячего горца, на опытного циркового борца-рукопашника, которого он сыграл в картине «Не бойся, я с тобой!» Незадолго перед этим фильм снова прошел по телевидению.

– Миша – наше ясное солнышко! – сказал Дуров. – Давно его знаете?

– Уже давненько. И его, и старшего брата...

– Ирбека?

– Юру, да. Не однажды о них обоих писал, я у них теперь чуть не штатный биограф».

Счастливое то было время, счастливое!..

Но, может быть, Миша-Мухтарбек, богатырь и красавец, тонкий и деликатнейший умница, уже тогда многое предчувствовал?!

Недаром отдал мне несколько листов со своей печальной речью, сказанной им во Владикавказе перед молодыми соотечественниками. Называлась она «Страна умерших героев». И также я потом озаглавил рассказ о нем самом. О каскадерской легенде: «Страна умерших героев».

Сам Мухтарбек Кантемиров стал гражданином этой поистине Великой Страны летом 2017-го года.

В звенигородской электричке я ехал попрощаться с ним в Доме кино. Оттуда

ему предстояло отбыть в Осетию, чтобы рядом со старшим братом, с Ирбеком, упокоиться на Аллее Героев в родном Владикавказе.

Это случается не так часто: в голову приходят уже сложившиеся стихи. Только и того, что тебе остается лишь записать их.

Так случилось в тот скорбный день. Очки и ручка с тетрадкой всегда с собой, я записывал:

Печальна эта дата,
Но спорить ли с судьбой!
Ты нам сказал когда-то:
«Не бойся, я с тобой!»
И смог в тебе раскрыться
Твой редкостный талант:
Ты оставался рыцарь,
Хоть век был – маркитант.
Ты не попался в сети
Бесславного житья –
Тебя спасла Осетия,
Осетия твоя.
Пожив на белом свете,
Оставшись сам собой,
Ты ей шептал: «Осетия!
Не бойся, я с тобой!»
...Был день темнее ночи.
Кругом сплошной обман.
Обманешь кого хочешь,
Но только не алан.
Пророки и мессии
Шли на Кавказ гурьбой.
Но ты сказал: «Россия!
Не бойся, я с тобой!»
Сияет небо синее...
Горит твоя звезда.
Ты, Мухтарбек, с Россией
Пребудешь навсегда!

Народу проводить Мухтарбека в последний путь пришло много. Были старые знакомцы, и те, кого увидел впервые. Среди привычной столичной публики явно угадывались блюдущие даже внешнюю особицу горцы-москвичи и вездесущие теперь казаки... По тону, каким эти разговаривали, можно было понять: ученики и молодые соратники «дяди Миши».

Как они мне мешали!..

Считать свой печальный стих окончательно законченным.

Потому что невольно вызывали, ну будто к самостоятельной жизни еще четыре строки, не вмещавшиеся в мой строгий рекевием:

Примолк и стал потише
Всегда крутой ковбой,
Как крикнул дядя Миша:
«Не бойся, я с тобой!»

Но с другой-то стороны: разве это не так?!

Разве Мухтарбек – «дядя Миша» не давал фору не только самозванным организаторам собственной славы, но и настоящим мастерам своего дела. Жестким западным «профи».

Недаром же ему сперва настойчиво, а потом чуть ли не слезно предлагали итальянское подданство и почетное гражданство в одном из самых старинных европейских городов... Только бы остались дома, не уехали в Москву завоеванные Мухтарбеком призовые доспехи, дотоле, на протяжении веков, никогда не покидавшие общепризнанный оплот всемирного рыцарства!

И как знать: может быть, потому и пишутся эти строки как раз в годовщину пребывания Мухтарбека Кантемирова в Стране Умерших Героев.

И ровно год дожидался своего часа этот рекевием беззаветному Осетинскому Рыцарю...

2006–2018 гг.

Майкон – Звенигород

Е.Л. Решетникова

Царский Крестный ход

В год столетия убийства Царской семьи более ста тысяч верующих прошли крестным ходом от Храма-Памятника на Крови, построенного на месте разрушенного Дома инженера Ипатьева, где была убита Царская Семья и ее верные слуги, до Ганиной ямы – места, где были уничтожены останки Царственных Страстотерпцев. Думается, ни одно современное событие или мероприятие не собирает столько участников. Особую торжественность крестному ходу в этом году придавала знаменательная дата – ровно сто лет назад, в ночь с 16 на 17 июля, расправившись с Царем, темные силы ввергли Россию в пучину беззакония, словно открыв врата ада.

Я никогда на участвовала в крестных ходах, но еще в феврале 2018 года твердо знала, что обязательно приму участие в Царских днях в Екатеринбурге и пройду

скорбный путь до Ганиной ямы. И вот я в составе организованной группы, среди представителей Общества развития русского исторического просвещения «Двуглавый орел» из Москвы, Санкт-Петербурга, Тюмени, Челябинска, Новосибирска, Владивостока. К Царским дням приурочено важное событие – выпуск книг о Николае II. Эти замечательные издания – книги Н. Ирвениной «Николай II и мятежная Россия: иной ракурс» и К. Капкова «Духовный мир Императора Николая II и его семьи» помогают получить правдивое представление о Государе и его семье, развенчивают революционную ложь, навязанную стране в начале XX столетия и до сих пор живущую в умах и отравляющую души. Утром 16 июля на Ганиной яме мы ставим палатку, складываем туда воду и более 800 книг для раздачи участникам крестного хода после его окончания.

Тем временем в город съезжаются паломники со всей России. Прибыла большая группа из Сербии, подтягиваются представители других стран. Часть из них собирается у Храма-Памятника на Крови, часть – на Ганиной яме. С Ганиной ямы нас везет таксист, который живо интересуется – а что вообще происходит? Зачем идти крестным ходом, да еще ночью?

Интересна история самой традиции крестных ходов в нашей стране. Усвоенный по образцу греческой церкви как часть богослужения, крестный ход – это торжественное шествие с крестом, хоругвями и иконами, сопровождаемое благодарственными молитвами или молитвами о милости Божией. Кроме того, крестные ходы совершаются в местах, отмеченных подвигами святых или там, где были явлены иконы. В справочнике «Православные русские обители» за 1910 год было указано, что в 171 монастыре в то время совершалось 505 ежегодных крестных ходов. «Когда вступаешь в крестный ход, помышляй, что идешь под предводительством святых, иконы которых в нем шествуют, приближаясь к самому Господу», – писал в XIX веке святитель Филарет Московский, наставляя участников шествий.

В страшные годы красного террора и богоборчества, казалось, все церковные традиции были не просто уничтожены, но искоренены. Память о последнем русском Царе истреблялась всеми возможными способами

не одно десятилетие. Ни один русский царь не был так оболган, как Николай II. Его Христоподрожательный подвиг и мученическая кончина заставляют бесноваться некоторых и сегодня. Однако стотысячный крестный ход, посвященный памяти последнего русского Царя, его Семьи и верных слуг – мощный ответ всем недоброжелателям. Поразительна история сохранения памяти о Николае II на уральской земле.

16 июля 1989 года на пустыре, оставшемся после сноса Ипатьевского дома (Дома особого назначения), собрались люди, чтобы почтить память Царской Семьи. Самодельные хоругви и чтение канона, изданного Русской Православной Церковью Заграницей, объединили всех, кто в этот день пришел на Вознесенскую горку. 23 сентября 1992 года Архиепископ Свердловский и Курганский Мелхиседек (Лебедев) в сослужении нескольких архиереев совершил закладку Храма-Памятника на Крови во имя Всех святых в земле Российской просиявших. Август 2000 года – Царственные страстотерпцы прославлены в лике святых. В сентябре того же года Екатеринбургскую епархию с Первосвятительским визитом посетил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей Второй. Он освятил строительство Храма-Памятника на Крови, побывал на Ганиной яме. Благословение Предстоятеля Русской Православной Церкви и его молитва на святом месте дали мощный толчок строительству, которое было завершено спустя 3 года. 18 апреля 2010 года – нижний придел Храма-на-Крови во имя святых Царственных страстотерпцев освящен Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом. Алтарь на месте убийства Царской Семьи и ее верных слуг устроен там, где был подвал Дома особого назначения. С июля 1992 года начали совершаться крестные ходы по Царской дороге – пути, по которому в 1918 году везли тела Царственных Страстотерпцев и их слуг от места убийства до места уничтожения останков на Ганиной яме. Поначалу участников шествий было немного. В 2000 году в крестном ходе участвовало около 300 человек, к 2002 году – более 4 тысяч человек, в 2012 – порядка 50 тысяч человек, в 2018 – более 100 тысяч человек.

В июле 1991 г. в урочище Ганина яма попечением писателя В.А. Солоухина был воздвигнут Поклонный крест. В августе

1993 года установлен второй Крест. Несмотря на удаленность святого места от дорог и населенных пунктов, находились люди, которые приходили сюда не ради молитвы, а для того, чтобы сломать Крест или киот с иконой (как в сентябре 1997 года). Но были и те, кто каждый раз восстанавливал святыни. В июле-октябре 1993 года были проведены топографические работы по составлению карт местности на руднике Ганина яма с целью установления точного местонахождения открытой шахты №7, где огнем и серной кислотой уничтожались тела Царственных Страстотерпцев и их верных слуг. На сопоставление точной карты-схемы ушло еще около двух месяцев. Сравнение с картами и схемами, составленными следователем Н. А. Соколовым и генералом М.К. Дитерихсом в ходе расследования 1919 года, подтвердило: место уничтожения святых останков определено верно. В январе 1998 года на Ганиной яме был установлен и освящен третий Крест. В 2000–2003 годы был построен мужской монастырь в честь Святых Царственных Страстотерпцев. Сегодня в монастыре 7 храмов (по числу убитых членов Царской Семьи: царя Николая II, царицы Александры Федоровны, княжон Ольги, Татьяны, Марии, Анастасии и цесаревича Алексея).

Вот уже более десяти лет ежегодно на Царские дни в Екатеринбург приходят, приезжают, прилетают десятки тысяч людей. В ночь на 17 июля плотной стеной они стоят на Божественной литургии у Храма-Памятника на Крови, а после – могучей рекой устремляются крестным ходом до Ганиной ямы. Паломники преодолевают 21 километр за 4-5 часов и приходят поклониться к месту уничтожения останков Царской Семьи и ее верных слуг на Русскую Голгофу, так называют это место на уральской земле.

Ночь на 17 июля 2018 года. На Богослужении плечом к плечу стоят около 15 тысяч человек – больше не вместит небольшая площадь перед храмом. И это не просто – толпа напирает со всех сторон, слева и справа то и дело кто-то протискивается, кому-то стало нехорошо, кто-то отстал от группы. Перед нами сияет белый, освещенный мощными прожекторами Храм-Памятник, над нами – черный бархатный купол неба с мерцающими звездами. Торжественно поет хор. Такое ощущение,

что вся Земля сейчас на этой службе. Патриарх говорит проповедь о невинных мучениках, безбожно убиенных в годы гонений – голос его звенит и возвышается, его слушают в полной тишине, и, кажется, его слова проникают в душу каждого: «Сегодня, спустя сто лет, мы пытаемся понять, что же происходило со страной нашей, с народом нашим, с людьми нашими. Как могло случиться это злодеяние, которое до сих пор берedit нашу совесть, заставляет думать о том, откуда взялась эта жестокость и злоба. Это преступление не может быть случайным. Здесь есть некая коллективная вина всего народа. Был круто изменен ход национальной истории, произошел исторический поворот в жизни Святой Руси, который завел народ в тяжелый и страшный тупик. Почему это произошло? Отход от Бога, потеря духовной связи с Церковью, с многовековой традицией народной, увлечение чужими мыслями, взглядами, мироощущением, которые нашей интеллигенцией стали восприниматься как передовые – все это привело к трагедии в Ипатьевском доме. Народу навязали идею о том, что только кровью можно изменить жизнь к лучшему. Можно ли через насилие построить счастливую жизнь? Невозможно! У нас должен выработаться иммунитет к призывам построить счастливую жизнь через разрушение. Боже, очисти нас, грешных и помилуй нас. Обнови нас, Господи!».

После литургии начинает формироваться колонна. Посланцы Общества «Двуглавый орел» в желтых майках, с высоко поднятыми хоругвями очень выделяются на общем фоне – не потеряешься. «Откуда вы, такие желтенькие?» — спрашивают нас. Вокруг – священники, монахи, волонтеры в ярких красных майках, сербы в национальной одежде, казаки, старики, дети... Паломница из Омска с чувством рассказывает, что их приход с марта начал путешествие по знаковым местам, связанным с Царской семьей – они уже побывали в Могилеве, на станции Дно, в Царском селе, в Тобольске. Теперь они в Екатеринбурге, а на Ганиной яме их паломничество закончится. Паломники из Сербии раздают иконы Святого благоверного князя Сербского Лазаря и поясняют: «Жертвенный подвиг нашего царя Лазаря – это прообраз искупительного подвига вашего Царя Николая II».

Без двадцати минут три колонна начинают движение. Темп изначально задан очень высокий. У меня, как у человека, который впервые участвует в подобном шествии – рой вопросов: а что, если не выдержу и отстану от группы? Сколько мы будем идти? Дойду ли я до Ганиной ямы или сойду где-нибудь в середине пути? А как тогда возвращаться? А Патриарх идет? Да, идет впереди, держит темп, а ведь ему уже 72 года. «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий. Помилуй нас!» – вдруг раздается в толпе и мгновенно подхватывается, разлетаясь во все стороны. Поют по очереди – мужчины и, словно отвечая им, женщины. Распев бодрый, очень похоже на то, как пел о. Анатолий «Покаянную песнь» в фильме «Остров»: «Господи, помилуй, Господи, прости! Помоги мне, Боже, крест свой донести!». С молитвой идти легко. Спать совсем не хочется. Людская река течет, мимо мелькают улицы, площади, мосты. Оглядываюсь – рядом молодая семья катит коляску с ребенком, в изголовье – икона Государя. Другого малыша несет на руках отец. Впереди группа мужчин средних лет в майках «Челябинское общество трезвости». Справа шагает князь Владимир Трубецкой, высоко подняв флаг Общества «Двуглавый орел». Лицо у него удивленное, он тоже впервые на крестном ходе. Смотрит с интересом по сторонам, жадно впитывает происходящее. Как хорошо написал один из паломников: «Такого я не видел, думаю и ни один иностранец не сможет понять душу русского человека, идущего более 20 километров, ради возвращения Бога на землю русскую, ради любви, ради прощения. В какой стране мира возможно, чтобы столько людей сами обременяли себя такими испытаниями? Даже мосты не выдерживали и раскачивались под таким количеством православных паломников!».

В четыре часа начинает светать, и наш крестный ход устремляется на восход. Через два часа половина пути позади. Выходим из города – вдоль дороги встречаются сонные горожане, кто-то с любопытством выглядывает из окон, кто-то залезает на крышу пригородного дома и фотографирует. Не прерываясь, хором поем молитву. Рассвет встречаем в пути, а когда выходим наконец-то из города, яркое солнце начинает бить в глаза. Нелегко тем, кто несет на плечах иконы. Эти группы по 4 или по 6 чело-

век стараются идти в ногу и не отставать. Пот льется ручьем, лица у всех сосредоточенные, светлые. Легкая дымка в лесу, дорога сужается, темп замедляется, и вот появляется указатель «Ганина яма – 5 км». Как, уже? Неужели почти дошли? И вот тут-то ноги начинают прямо-таки катастрофически быстро наливаясь тяжестью и подкашиваться. Приходится идти все медленнее и медленнее. И вот уже группа «Двуглавого орла» где-то впереди, вижу, как удаляются их высоко поднятые хоругви. Рядом идет, взявшись за руки, молодая пара, катят коляски еще несколько семей с детьми. Вот у кого сила духа! Эта картина ломает устойчивые стереотипы о том, что в крестных ходах принимают участие немногочисленные немощные бабушки.

Оказывается, последние километры – самые тяжелые. Кажется, что их не пять, а много больше. 7 часов утра – Ганина яма. Мы добрались! Уже идет молебен на территории монастыря. Из громкоговорителей слышен голос Патриарха:

«Высокопреосвященные и Преосвященные Владыки! Дорогие отцы, братья и сестры! Вознося молитву святым угодникам Божиим, мы просим их быть представителями пред Богом за землю нашу Русскую, за народ наш, за Церковь нашу, дабы Господь оградил Отечество наше и народ, и Церковь от всякой смуты, от разделений, расколов, от всякой человеческой неправды, дабы хранить нам истину веры и благочестие нашего народа. Верим, что если сохраним это, то сохраним и Россию, и будет страна великой и народ будет процветать. Их молитвами да хранит Господь землю Русскую. Аминь».

А вот и наша палатка. Около нее уже выстроилась очередь. Раздаем уставшим паломникам воду и книги в подарок.

Усталые, но счастливые – мы дошли! И вот тут вспомнились слова дорогого Владыки Алексия (Фролова): «Какое самое большое удовлетворение может испытать человек? От чувства выполненного религиозного долга!». Так и есть. Объединенные молитвой, общим духовным чувством, более ста тысяч человек прошли крестным путем Царя-Мученика – это действительно выдающееся событие. Ночной Царский Крестный ход 2018-го года запомнится мне на всю жизнь. Благодарю Бога, что удостоилась быть участницей

этого события. Благодарю всех за единомыслие, дружеское плечо, подбадривающие слова, совместную молитву, за это потрясающее чувство сопричастности и общности, за все, что удалось пережить во время Крестного хода!

И еще. Мы шли скорбным путем, но не было уныния. Было радостное, светлое чувство, ведь день, который мы вспоминали,

– это не только трагическое событие, но и праздник. Праздник потому, что, приняв мученическую кончину, Царская семья была причислена к лику святых и сегодня она вместе с нами в этой молитве и в этом шествии.

«Смерть! Где твое жало? Ад! Где твоя победа?!»

Прости нас, Государь!

VII. MEMORIA

Е.А. Виноградов

Памяти Виталия Васильевича Якубова

Дореволюционная история городов и станиц Кубани насыщена уникальными фактами, непростыми и интересными людскими судьбами и своим неповторимым культурным, казачьим колоритом. Но история эта была практически уничтожена в ходе событий революции и гражданской войны. Лишь отчасти ей удалось сохраниться в государственных и муниципальных архивах, в сундуках, в шкафах и в других укромных местах хат и домов местных жителей и, конечно, в народной памяти. Сегодня с уверенностью можно сказать, что восстановить историю даже отдельно взятой кубанской станицы или города – задача не из легких. Она посильна только настоящим патриотам, искренне любящим свою малую Родину, безусловно, готовым жертвовать своим личным временем. Таким человеком был и наш земляк, историк, краевед, научный сотрудник Лабинского музея Виталий Васильевич Якубов. Во многом благодаря его трудам не «канула в Лету» история дореволюционной Лабинской – одной из красивейших и богатейших станиц Кубани.

Родился Виталий Васильевич 18 апреля 1971 года в городе Лабинске в рабочей семье. С малых лет Виталий проявлял живой интерес к книгам, искусству, музыке и окружающей среде. В формировании и развитии этого интереса ему помогала мама. Сегодня Татьяна Павловна так вспоминает о том счастливом времени: «У нас дома была репродукция известной картины «Джоконда». Как-то я рассказала Виталию о том, кто изображен на этой картине и о том, кто ее написал. А потом, показывая на портрет, спросила у него: «Кто это? Кто изображен на картине?». Виталий мне ответил: «Мона Лиза!». «Сыночек, а как еще по-другому эту тетю можно назвать?» – поинтересовалась я. «Зиконда!» – сказал он. Тогда Виталику было всего три годика. С детских лет он также интересовался классической музыкой, знал, например, что такое увертюра. Сынок был очень любознательным, природу любил. Когда гуляли по городу, я всегда ему рассказывала о том, где какие деревья и цветы растут, как они называются. Словом, к прекрасному он тянулся постоянно».

1 сентября 1978 года Виталий Якубов впервые перешагнул порог Лабинской средней школы № 9. На протяжении всех десяти лет в этой школе он учился усердно и прилежно, на «хорошо» и «отлично». Тогда же, в школьные годы, у Виталия зародился интерес к лабинской истории. На развитие этого интереса, в частности, повлияла встреча школьника с основателем Лабинского музея, педагогом, историком и краеведом Федором Ивановичем Моисеенко. О той знаковой встрече спустя десятилетия Виталий Якубов, будучи уже научным сотрудником городского музея, вспоминал следующее: «Осенью 1980-го года я пошел в 3-й класс. В один из сентябрьских дней, накануне 139-й годовщины со дня образования Лабинска, к нам на урок пришел Федор Иванович Моисеенко. Наша учительница представила нам его как историка, педагога-ветерана нашей школы и директора музея на общественных началах. Федор Иванович начал свой рассказ о том, как возник и расцвел наш город (в то время станица) вокруг Махошевского укрепления. Я тогда впервые узнал, что район, где оно располагалось, в народе получил название

«крепости». Федор Иванович рассказывал нам о том, что люди, которые там живут, часто копают огороды и находят при этом штыки от казачьих ружий, винтовок, пистолеты, кинжалы и пушечные ядра. Эта информация приобретала для нас двойной смысл, так как большая часть нашего класса были именно «крепостьяне». Федор Иванович призывал нас сохранять найденные предметы старины, приносить их в музей, тем самым внося свой вклад в дело сохранения истории своей малой Родины».

В июне 1988 года Виталий Васильевич окончил школу и всерьез занялся своим профессиональным образованием. К этому делу он подошел со всей ответственностью. За период своего обучения В.В. Якубов получил два средних и два высших образования. Так, в 1989-м он окончил Лабинское СПТУ № 14 по профессии электромонтера станционного оборудования телефонной связи, а в 1993-м – Краснодарское кооперативное профтехучилище, став специалистом в области заготовки сельхозпродуктов и сырья. В промежутке между обучением в профтехучилищах, в период с 13 июня 1989 года по 27 мая 1991 года, Виталий Якубов проходил службу в рядах Советской Армии – в ракетных войсках стратегического назначения. Солдатом он был отличным, настоящим специалистом, пользовавшимся уважением у отцов-командиров. Впоследствии, в 1999-м году, Виталий Васильевич окончил полный курс Санкт-Петербургской Духовной семинарии, а в 2000-м – Российский государственный университет туризма и сервиса по специальности «Культурология».

Трудовая биография Виталия Васильевича Якубова началась 20 апреля 1987 года в кооперативе «Здоровье». С того времени он работал во многих организациях, освоил специальности заготовителя, секретаря-референта, менеджера, специалиста коммерческого отдела...

С 16 октября 1999 года по 1 октября 2002 года Виталий Васильевич служил в Свято-Успенском храме города Лабинска в должности чтеца. В течение этих лет он был участником церковного хора, пел на клиросе, преподавал в воскресной школе. К службе в храме Виталий Якубов относился со всей душой. Собственно, поэтому его и уважали многие прихожане и священнослужители. Следует отметить, что к право-

славной вере Виталий был привержен с раннего детства. Дорогу к храму для него открыла бабушка Оля. Она же рассказывала маленькому Виталику о православных обычаях, традициях и праздниках, привлекала к приготовлению пасхальных куличей.

11 марта 2012 года судьба прочно связала Виталия Васильевича Якубова с Лабинским музеем истории и краеведения имени Федора Ивановича Моисеенко. Здесь, на протяжении последующих лет, он работал научным сотрудником, активно участвуя в научно-исследовательской, просветительской и экспозиционно-выставочной деятельности учреждения.

Основной темой научных исследований В.В. Якубова была история станицы Лабинской дореволюционного и раннего советского периодов. Работая над этой темой, он знакомился с архивными документами, встречался со старожилами города Лабинска – участниками и свидетелями местных событий, записывал их воспоминания о станичной жизни, царивших в те далекие времена нравах и традициях. Промежуточные итоги по изучению дореволюционной станицы Лабинской Виталием были подведены еще до того, как он работал в музее. Давно занимаясь краеведением, он накопил большой материал по вышеуказанной теме и стал одним из основных авторов книги «170 лет Лабинску: исторические очерки», вышедшей в свет в 2011-м. В том же году Виталий Якубов принял участие в работе над созданием исторического цикла передач телерадиокомпании «Лаба» под названием «Легенды Лабинска».

Сегодня с уверенностью можно сказать, что Виталий Якубов вытащил из забвения многие, ранее забытые страницы лабинской истории. В своих трудах он описал Лабинскую середины XIX – начала XX века: ее административное устройство, экономику, промышленность, торговлю, транспортную отрасль, общественную, культурную и духовную жизнь, нравы местных жителей. Благодаря Виталию, в частности, стало известно, что в станице до революции был один из лучших провинциальных театров с передовыми техническими достижениями того времени – поднимающимся занавесом, электрическим освещением и сменными декорациями, а также два электробиографа, в которых зрителям демонстрировались самые разнообразные кинокартины. Об этом

и многом другом удалось сохранить память краеведу В.В. Якубову. К тому же непомерным трудом он все-таки напомнил землякам, что Лабинская до революции была «самой крупной и развитой во всех отношениях кубанской станицей».

В 2014 году Виталий Васильевич Якубов принял участие в работе над книгой «Исторические очерки о Лабинском районе». На страницах этого издания были опубликованы две его уникальные научно-публицистические работы: «Лабинцы на фронте и в тылу Первой мировой войны 1914–1917 г.г. Фронтовые будни и вновь открытые герои» и «На ниве духовной», где был дан краткий обзор церковной жизни станицы Лабинской и поселений Лабинского района с момента их возникновения до современности.

Научный сотрудник Лабинского музея Виталий Якубов был участником многих региональных и международных научно-практических и научно-просветительских конференций в области краеведения и православия. Его исследовательские работы по итогам этих конференций публиковались в сборниках Отраденского районного общества историков архивистов во имя святого преподобного Нестора Летописца – «Отраденские историко-краеведческие чтения» и во многих других изданиях.

Виталий Васильевич Якубов – потомственный кубанский казак. Он состоял в Лабинском городском казачьем обществе. Виталий Васильевич активно вел работу на ниве казачьего просвещения. В частности, он принимал активное участие в воспитании и образовании казачат средней школы № 1 города Лабинска, будучи их наставником. А в 2014 году В.В. Якубов принял участие в открытии мемориальной доски на бывшем здании Лабинского станичного правления. Важно отметить, что именно он подготовил справку-основание для этой доски и написанный на ней текст.

Немало усилий научный сотрудник Лабинского музея Виталий Якубов приложил к изучению Троицкого восстания казаков 5 июня 1918 года. Результаты проведенных им исследований этой лабинской трагедии времен Гражданской войны нашли отражение в 2013 году на страницах этнического казачьего журнала «Казарла».

О многих ранее забытых страницах лабинской истории мог бы еще поведать

нам Виталий Васильевич Якубов. У него было немало планов на дальнейшую исследовательскую деятельность. Но судьба распорядилась иначе. 16 ноября 2017 года после тяжелой болезни Виталий Васильевич ушел из жизни. Ему было всего 46 лет. Рано, слишком рано. Родным, друзьям и коллегам до сих пор не верится в то, что он ушел навсегда. Кажется, что пройдет еще немного времени, и Виталий Васильевич вернется из длительного путешествия, отпуска или рабочей командировки. И это не случайно! С такими внимательными, добрыми, отзывчивыми, тактичными и творческими людьми, как Виталий Васильевич Якубов, прощаться на веки очень тяжело. Они навсегда остаются в наших сердцах и душах и, конечно, в народной памяти.

Библиография научных трудов Виталия Васильевича Якубова

1. *Якубов В.В.* Исторические очерки о станице Лабинской / 170 лет Лабинску: исторические очерки, 1841–2011 / В.В. Якубов, Т.М. Гальцова, Ю.Б. Кисленко и др.; фото Т. Гальцова и др. – Краснодар: Кубань-Книга, 2011. – С. 15–84.

2. *Якубов В.* Церковная лампада затеплилась с появлением первых поселенцев. 170 лет назад в ст. Лабинской была построена Свято-Николаевская церковь // Провинциальная газета. – 2012. – 26 мая. – № 85.

3. *Якубов В.В.* Общественная жизнь дореволюционной Лабинской: благотворительность, меценатство, попечительство и христианское милосердие // Вопросы истории Поурупья. Вып. I. Ильичевское городище как памятник средневековой археологии и церковной архитектуры: Материалы краевой научной конференции, посвященной 50-летию открытия и изучения Ильичевского городища (Станица Отрадная, 9–10 августа 2012 г.) / под ред. С.Н. Малахова, С.Г. Немченко. – Армавир: издатель Шурыгин В.Е., 2012. – С. 165–172.

4. *Якубов В.* Богатейте добрыми делами // Провинциальная газета. – 19 января 2013. – № 19.

5. *Якубов В.В.* 95-летию Троицкого восстания казаков посвящается... // Казарла. – Июль. – 2013. – № 4. – С. 8–12.

6. *Якубов В.В.* В тылу Великой войны. К истории общественной жизни в станице Лабинской в 1914–1917 гг. // Отраденские

историко-краеведческие чтения. Вып. II: Материалы межрегиональной научно-просветительской конференции «Казачи и горцы Северного Кавказа в Первой мировой войне (1914–1918 гг.)» / отв. ред. С.Н. Малахов, сост. С.Г. Немченко. – Армавир: Издатель Шурыгин В.Е., 2014. – С. 83–90.

7. *Якубов В.В.* Лабинцы на фронте и в тылу Первой мировой войны 1914–1917 гг. Фронтные будни и вновь открытые герои / Исторические очерки о Лабинском районе. – Краснодар: Издательский дом «Контин-Пресс», 2014. – С. 40–49.

8. *Якубов В.В.* На ниве духовной. Краткий обзор церковной жизни станицы Лабинской и поселений района с момента их возникновения и до наших дней / Исторические очерки о Лабинском районе. – Краснодар: Издательский дом «Контин-Пресс», 2014. – С. 159–166.

9. *Якубов В.* Все как в «Судьбе человека»: воспоминания Павла Яковлевича Ковалева о войне и плене // Отрадненские историко-краеведческие чтения. Вып. III: Материалы Международной научной конференции, посвященной 105-летию со дня рождения Михаила Николаевича Ложкина / Науч. редактор С.Н. Малахов, составитель С.Г. Немченко. – Армавир: Издатель Шурыгин В.Е., 2015. – С. 232–235.

10. *Якубов В.* 102 года назад 1 августа 1914 года России вступила в Первую мировую войну // Официальный сайт муниципального образования Лабинский район (дата обращения: 03.08.2016). – URL: <http://labinskadmin.ru/novosti/obshchie-novosti/11623-102-goda-nazad-1-avgusta-1914-goda-rossiya-vstupila-v-pervuyu-mirovuyu-voynu>.

А.И. Слуцкий

**«Виктор Кириллович Чумаченко,
которого я знаю давно...»**

Мы были знакомы непростительно долго – почти сорок лет... Понятное дело, в отдельные времена знакомство ограничивалось случайными встречами, но бывали периоды, когда сотрудничали плотно и общались едва ли не каждый день. Познакомились (если я не ошибаюсь) в обществе книголюбов на Красноармейской (куда и он, и я заглядывали регулярно), пересекались в КНМЦ департамента культуры, когда он

там работал заведующим редакционно-издательским отделом, потом были многие годы совместного преподавания в стенах КГИК (КГУКИ). Но едва ли это о чем-нибудь говорит. За эти годы было столько разных обстоятельств, коллизий, разговоров, дружеских чаепитий, что вот так сразу вспомнить и рассказать о них просто невозможно...

Так произошло, что в 2014 году я оказался очень далеко от Краснодара. Виктор Кириллович оставался одним из очень немногих (едва ли не единственным человеком), с которым мы сохранили постоянную эпистолярную связь. Мы продолжали не только общаться, мы продолжали сотрудничать. Его письма, записки (иногда длинные, иногда очень короткие) приходили еженедельно, бывало, что по несколько раз в день. Я регулярно обращался с просьбами, просил присылать копии необходимых мне краснодарских материалов. Отвечая на мои вопросы, он всегда был на редкость пунктуален и щедр на информацию.

Работал он постоянно. Круг его научных интересов всегда оставался широк. Последние десятилетия в своей работе он уделял сравнительно много внимания собиранию рукописей (оригинальных и копийных), публикации текстов местных литераторов и историков, занятиям библиографией. Речь идет не только о подготовке многотомных воспоминаний Федора Андреевича Щербини (знаковых для кубанской истории). Виктор Кириллович так же регулярно публиковал тексты забытых деятелей кубанской культуры, не позволял нам забывать их имена, как бы возвращая истории человеческое лицо.

Научное сотрудничество началось где-то в самом начале 90-х годов. Тогда у меня с ним возник общий интерес к деятельности и творчеству одного из первых черноморских литераторов Якова Герасимовича Кухаренко. Для краснодарского издательства я переводил этнографические очерки Кухаренко «Пластуны» и «Овцы и чабаны в Черномории» с украинского на русский язык. Целесообразность перевода вызывала вопросы и споры. Но перевел. Опубликовал. Впоследствии Виктор Кириллович в своих изданиях много раз перепечатывал эти переводы, включал их в свои антологии. Последний раз в 2014 году. Тогда же он – в начале девяностых – пригласил меня к участию

в нескольких организованных им конференций. С тех пор всегда, проводя какие-нибудь исторические (литературные) мероприятия, всегда звал меня участвовать. В Кухаренковских ли чтениях, в Кубанских ли литературно-исторических чтениях? Если он редактировал или состоял в редколлегии какого-нибудь журнала, то торопил с публикациями. Причем, важно заметить, звал не с готовыми материалами, а обязательно что-либо заказывал новое, заставлял работать, просил сделать новые переводы.

Сотрудничали много в самых разных формах. Вместе написали и опубликовали несколько статей. Впрочем, сообщая, сидя за одним столом никогда не работали. Подробно обсуждали, потом он уходил работать над своей частью статьи самостоятельно, я – над своей. В последние годы – обсуждали в письмах. Реже обменивались комплиментами, чаще упреками. Некоторые статьи писались легко, другие – тяжело и медленно. Что-то так и осталось незавершенным. Тяжело и долго складывалась статья о первом краснодарском (екатеринодарском) украинском книжном магазине, основанная на переписке Ю. Тищенко с М. Грушевским для Вестника Донецкого отделения НТШ. Опубликовали ее совсем недавно в 2017 году.

Если я не ошибаюсь, где-то в 1996 году Виктор Кириллович Чумаченко попросил перевести (для журнала, в котором он работал) несколько стихотворений Богдана Бойчука. Я соглашался с оговорками. Я не профессиональный переводчик и поэтому переводил только те тексты, которые мне близки, а поэта Богдана Бойчука я тогда не знал. Кроме того, признаюсь, не очень разделял поэтические привязанности Виктора Кирилловича, и опасался, что предложенные им к переводу тексты будут мне, мягко говоря, чужды. Он принес мне два сборника поэта. Киевское отдельное издание стихотворений «Третя осінь» и антологию украинской модернистской поэзии в диаспоре «Поэза традиції». Тексты мне понравились, я их долго читал и перечитывал, постепенно начал «втягиваться» в перевод, он меня увлек и поэтически, и эмоционально. Эта работа занимала меня в течение нескольких лет. Виктор Кириллович опубликовал переводы в своем журнале, потом мне удалось издать переводы отдельной книжечкой, долгие годы переписываться и однажды

пообщаться в Киеве с Богданом Бойчуком. Впоследствии Виктор Кириллович постоянно меня провоцировал на переводы Н. Воронного, В. Мовы, привлекал к редактированию П. Кирий, но это все как-то обходилось без серьезных последствий. А вот украинских поэтов из американской диаспоры с легкой руки Виктора Кирилловича я продолжал переводить – Богдана Рубчака, Марию Голод, Марию Ревакович, Лидию Палий. Эти переводы были радостным событием моей жизни, и подарил мне это событие Виктор Кириллович...

В конце 2016 года разговор о поэзии в его письмах зазвучал вновь. В далекие времена, поступая в аспирантуру Литературного института, Виктор Кириллович выступал как поэт. Потом долгие годы тема собственной поэзии вслух не звучала (во всяком случае, в нашем общении), поэтических публикаций не было. А уже в 2017 году он с радостью прислал мне в Атланту сканы своих поэтических публикаций в «Родной Кубани» и «Литературной России», а в письмах заговорил о желании издать сборник своих стихов.

В последние пару лет мы мечтали сделать с ним библиографические указатели Кирилла Васильевича Россинского и Ивана Диомидовича Попко. Указателей, к сожалению, так и не подготовили. Наши взгляды на их структуру зачастую не совпадали. Я бы обязательно обратил внимание на то, что у Виктора Кирилловича в его личном архиве накопилось огромное количество рабочих библиографических материалов (не знаю картотек или электронных списков: Я.Г. Кухаренко, И.Д. Попко, Л. М. Мельникова, П.П. Короленко и т.д.), которые по моему глубокому убеждению Кубани следует сохранить и по возможности опубликовать. Много осталось архивных материалов. Вообще тема его взаимоотношений с архивами, его библиофильские разыскания требуют отдельных исследований и публикаций. Я убежден (надеюсь), что еще появится не одна статья, посвященная Виктору Кирилловичу, его научным трудам.

Впрочем, его эпистолярные просьбы (вопросы) не ограничивались только собственными интересами. Он регулярно хлопотал о своих друзьях и корреспондентах. Помогающий всем, он настаивал, чтобы я уточнял, выписывал справки от кого-нибудь из своих знакомых библиографов

в Ростове и Ставрополе с информацией, которая интересовала его эпистолярных визави (о поэтессе Аде Чумаченко, о писателе Павле Горгулове (Поле Бреде), о северокавказском краеведе В.Н. Котовиче, о краснодарских и майкопских изданиях Олексы (Алексея) Кирия и так далее). Он был удивительно открыт для всякого сотрудничества.

И вдруг молчание. Письма перестали приходить. Я даже не сразу ощутил фатальность произошедшего. О преждевременном уходе Виктора (разве бывает уход не «преждевременным»?) мне сообщили сразу, спустя пару часов после того, как город облетела эта печальная весть, но только через несколько дней я понял, что это молчание навсегда. Помимо своей воли я продолжал ожидать писем от него. Память услужливо (и на первый взгляд совершенно бессистемно, собственно, как всякая ассоциативная память) продолжала все время напоминать о каких-нибудь наших совместных обстоятельствах и начинаниях, которые мы с Виктором Кирилловичем затевали. По утрам, выкуривая на балконе первую сигарету, я ловил себя на том, что продолжал вести с ним разговор, отвечал на его письма. В моей жизни образовалась какая-то пустота. Появились неожиданные разрывы, лакуны, зоны молчания. Остались только папки электронных писем.

Однажды Ирина Ивановна Горлова (ректор университета) потребовала, чтобы я в течении трех месяцев защитил диссертацию. В КГУКИ наши кабинетики (Виктора Кирилловича и мой) располагались рядом. Я зашел к нему, рассказал о требовании и он, не раздумывая, предложил мне свое руководство. Потом, в предисловии к публикациям каких-то моих стихотворений несколько иронично и очень добро рассказал об обстоятельствах этого руководства. Сотрудничество продолжалось. Мне регулярно приходилось оппонировать и консультировать его аспирантов, соискателей, дипломников. Когда в 2014 году в Краснодаре в «Кубанской библиотеке» должна была публиковаться большая подборка моих стихотворений (я уже был в Атланте), Виктор Кириллович не только охотно сам предложил написать небольшую вступительную заметку, но и взял на себя (вместе с Юрием Сергеевичем Гречко) все хлопоты по редакторской и корректорской подготовке. Не-

сколько раз жена (моя) уезжала к детям, я оставался дома сам, и Виктор Кириллович тотчас брал меня под свою опеку. Как только начинался обеденный перерыв, он появлялся в кабинетике и требовал, чтобы я с ним шел в столовую. Сдобу он любил.

Иногда (особенно поздней слякотной осенью, в сумерки, когда Виктор шел тяжелой медленной походкой из университета короткой дорогой домой, где его ожидала капризная и любимая кошка) он мне представлялся человеком одиноким, но только до того момента, когда ему в руки попадала какая-нибудь рукопись или книжный раритет. В этот момент тотчас забывались все жалобы на здоровье, возраст, исчезал ворчливый тон, ирония оказывалась не нужна, начиналась жизнь, начиналась история. Был щедр. Спокойно одалживал все, кроме... Разве что кроме книг и всяких архивных находок.

Как только кто-нибудь из знакомых ехал в командировку, Виктор Кириллович тотчас торопился нагрузить поручениями: уточнить библиографическое описание, сделать выписки из архивного дела, отсканировать документ... В какое-то время я регулярно бывал в Киеве и, естественно, целыми днями просиживал в институте рукописей Национальной библиотеки Украины, все больше в фондах журналов «Основа» и «Киевская старина». Тут же нашлось поручение: срочно сделать фотокопию (тогда еще не сканировали) рукописи очерка Я.Г. Кухаренко «Вороной конь». Какие-то подарки вез в Воронеж и из Воронежа... Собираясь в Прагу, естественно, получил задание от Виктора Кирилловича, на копирование различных документов в Славянской библиотеке. Тут повезло больше: ксерокопии – ксерокопиями, но возникла фантастическая возможность привезти «живые» книги – пражские издания Кухаренко и Ф.А. Щербины, том «Ста русских литераторов» с гравюрами Т. Г. Шевченко... Как он радовался? Никакие слова не опишут... Я тоже радовался, что на стеллажах его библиотеки появлялись подаренные мной книги. Выставка в Литературном музее Кубани к 60-летию Виктора Кирилловича называлась «С книгой по жизни». Совсем недавно в Facebook'e он вывесил страничку (полочку) «своих раритетов», в которой рассказывал о своих любимых книгах.

– Я не был библиофилом, коллекционером, – вспоминал он однажды, – для этого я слишком беден. Но вот в Ахметовке (станция, в которой Виктор родился) была лучшая библиотека среди окрестных станиц. Дореволюционный благоустроенный дом какого-то богатея. Потом в нем сделали библиотеку. И благодаря тому, что там работал старый интеллигент, библиотекарь – Павел Сергеевич Ушанев – там практически сохранились собрания сочинений всех русских классиков, было много ценных изданий, русская дореволюционная периодика, периодика 20-х – 30-х годов уже XX века. Была еще подсобка, где стояли книги, которые не позволяли выставлять в открытый доступ. В подсобку доступ был мне открыт, поскольку именно в помещении подсобки Павел Сергеевич пытался создать кружок переплетного дела. И я сроднился с книгами...

В последние годы он любил вспоминать. Чаепития, как правило, сопровождались рассказами о знакомых, друзьях, о событиях из биографии, книжных находках. Тому подтверждение его недавние публикации в Facebook'e. Он умел дружить и дорожил дружбой. Недавно написал и опубликовал в журнале «Спадщина» трогательные страницы о несвоевременно (опять «несвоевременно») ушедшем своем близком знакомом, прекрасном украинском ученом Викторе Ивановиче Дудко. И название придумал то какое теплое – «Путешествие в Страну Герани...»

В нахлынувших воспоминаниях не бывает сюжета, они кажутся мозаичными и случайными, но сегодня я вдруг для себя понял, сформулировал, что знакомство и дружба с Виктором Кирилловичем во многом определили обстоятельства и моей жизни – характер и круг научных привязанностей, благодаря ему (с его подачи, по его настоянию) я написал и опубликовал, наверно, десятка два статей и рецензий, устойчивым и многолетним стал мой интерес к украинской проблематике в истории кубанской культуры и книжного дела, в течение нескольких лет я запоем переводил украинских поэтов. Это и есть наша жизнь... Уходят близкие люди – и нашей жизни становится меньше. В другой момент, я может быть об этом и не задумался.

Я не умею придумывать названий к своим текстам. Когда-то давно (уже больше десяти лет тому) в юбилей Виктора Кирил-

ловича я написал небольшое эссе, а названия придумать не смог. Показал ему, он предложил «Виктор Кириллович Чумаченко, которого я знаю давно...». Пусть и сегодня остается это название. Я не хочу менять глагольных времен... Светлая ему Память и долгая жизнь его трудам...

С.Н. Лукаш

Памяти

Евгении Васильевны Бондаревской

Ставшие уже традиционными Кубанско-Терские международные научные конференции «Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа» последние десять лет не обходились без активного участия в них академика РАО, доктора педагогических наук, профессора, заведующего кафедрой педагогики Южного Федерального университета (Ростов-на-Дону) Евгении Васильевны Бондаревской (1 января 1931 – 28 мая 2017).. И вот, Евгении Васильевны не стало... Чуть более года назад она ушла из жизни в возрасте 86 лет после болезни, продолжая до конца своих дней трудиться на ниве науки и просвещения.

Евгения Васильевна Бондаревская мой любимый Учитель! Мне очень повезло в жизни, что я в свое время, в середине 80-х годов прошлого столетия, был причислен ею в состав ее многочисленных и талантливых учеников, с гордостью называвших себя участниками прославленной научно-педагогической школы академика Бондаревской.

Бондаревская Евгения Васильевна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Южного федерального университета, действительный член Российской академии образования, заслуженный учитель Российской Федерации, иностранный член Академии педагогических наук Украины, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования, в течение 35 лет возглавляла кафедру педагогики Ростовского государственного педагогического университета (позже ЮФУ).

Научно-педагогическое наследие Е.В. Бондаревской широко известно в России, в постсоветском славянском пространстве, а ее автор по праву может считаться продолжателем гуманистических традиций в

педагогике. Е.В. Бондаревская писала и доказывала, что Педагогика – это и наука, и культура, и искусство и технология. Как наука она выявляет закономерности образовательно-воспитательных процессов, как культура – создает среду, питающую развитие личности ценностями и смыслами, как искусство – рождает творческие педагогические произведения, как технология – соединяет науку, культуру и искусство в целостной педагогической деятельности учителя – воспитателя.

Период ее научно-педагогической деятельности с 60-х годов прошлого века ознаменовался разработкой академиком Е.В. Бондаревской и ее научно-педагогической школой новых идей и подходов в нравственном воспитании, связанных с педагогической поддержкой моральных возможностей и способностей человека; исследованием внутренних механизмов нравственной саморегуляции поведения, что, в конечном счете, консолидировалось в дальнейшем в теорию и технологию личностно ориентированного образования культурологического типа.

В постсоветский период начался новый период педагогического творчества Е.В. Бондаревской, основная проблема которого состояла в методологическом обосновании, теоретическом моделировании и практической проверке нового типа образования, отвечающего тенденциям развития открытого, демократического общества, в котором человек и его личностное развитие являются главной ценностью и целью. В 90-х годах XX столетия в стенах Ростовского государственного педагогического института (ныне ЮФУ) под руководством Е.В. Бондаревской формируется известная в нашей стране и за рубежом научная школа «Личностно ориентированное образование и духовно-нравственное воспитание учащихся и студентов», успешное функционирование которой способствовало укоренению личностно-развивающего подхода в российском образовании, основанного на принципах гуманизма, демократического подхода к воспитанию, опоры на нравственный потенциал личности.

В коллективных монографиях и учебных пособиях, созданных под руководством Е.В. Бондаревской в этот период («Введение в педагогическую культуру» (1995), «Личностно-ориентированный образовательный процесс: сущность, содержание,

технологии» (1995), «Ученик в структуре личностно-ориентированного образования» (1997), «Теория и практика личностно-ориентированного образования» (2000), а также в ряде авторских работ и статей, опубликованных в журнале «Педагогика»), на основе трактовки детства, как самостоятельного периода жизни человека, конструируются новые педагогические подходы, закладываются основы того направления педагогической науки, которое можно определить как педагогику личности, педагогику человека культуры.

Евгения Васильевна со свойственной ей добротой и гуманностью живо откликнулась на проблемы геополитического характера, связанные с военными конфликтами на Северном Кавказе и Приднестровье, обусловившими значительный поток беженцев, переселенных людей, прибывающих в города и села Юга России. В этой связи новой проблемой в научной школе Е.В. Бондаревской, разрабатываемой в парадигме личностно-ориентированного воспитания, становится проблема мигрантской педагогики, исследование воспитательных возможностей поликультурного образовательного пространства, к которому приобщаются дети беженцев и вынужденных переселенцев. На практическом уровне эта проблема решается составлением социально-педагогического портрета детства в условиях миграции и эмиграции, обоснованием концепции единого образовательного поликультурного пространства Северного Кавказа как среды социально-педагогической защиты и реабилитации трудного детства.

В этот же период Е.В. Бондаревская, как истинный патриот России, определяет методологические и культурологические основания развития русской школы в условиях этнической неоднородности социума Южного региона. Позволим процитировать ее позицию по отношению к главенствующей роли русской культуры в образовании: «Культур «хороших» и «плохих» нет. Единственно приемлемой формой их сосуществования и взаимодействия является диалог. Но чтобы вести диалог, культуру надо узнавать, знать и понимать, надо быть укорененным в нее. Задача национальной школы состоит в том, чтобы помочь всем учащимся как гражданам России узнать, понять и полюбить русскую культуру без какого-либо противопоставления ее

другим культурам. При этом естественной будет помощь со стороны школы родителям и детям других национальностей в создании на российской почве «оазисов» своей национальной культуры ...» [Бондаревская Е.В. Ценностные основания личностно-ориентированного воспитания // Педагогика. 1995. № 4. с. 30].

Личностно ориентированное образование культурологического типа, целью воспитания которого является человек российской культуры, по Е.В. Бондаревской не было бы завершённым процессом, если бы ее автор не обратился к региональным особенностям нашей страны, исторически развивающейся в культурологической парадигме многонациональности и поликонфессиональности. Е.В. Бондаревская, призывая педагогов-практиков обратиться к национальному самосознанию, отмечает, что развитию воспитательного потенциала образовательного региона будет способствовать возрождение историко-культурных и этнокультурных образовательных традиций, определяющих его уникальность и самобытность [Бондаревская Е.В. Воспитание как встреча с личностью (Избр. педагогич. труды в двух томах). Т. 2. Ростов-на-Дону, 2006. С. 58–59]. Принципы этнизации и региональной социально-исторической специфики проживания русского населения на Юге России, теоретически обоснованные научно-педагогической школой Е.В. Бондаревской, способствовали теоретическому осмыслению воспитательного потенциала культуры казачества как субэтноса русского народа, исторически населявшего юго-восточные границы России.

В рамках деятельности научно-педагогической школы Е.В. Бондаревской в двухтысячных годах происходит становление педагогики казачества – социокультурной концепции воспитания, основанной на традициях и инновациях культуры русского казачества, имеющей народные корни, базирующейся на ценностях свободного, высокостатусного развития личности [Лукаш С. Н. Казачество Юга России: от традиций к инновациям: монография. 2-е изд., перераб. и доп. Армавир: РИО АГПА, 2014. 344 с.]. Педагогика казачества трактуется в этой связи как некий духовно-исторический исток концепции личностно ориентированного воспитания культурологического типа, обретающей, помимо своего мощного инновационного направления, традиционный культурно-исторический характер.

На событиях 2010 года, связанных с защитой мною докторской диссертации по педагогике казачества остановлюсь особо. С уверенностью можно сказать, если бы не авторитет и настойчивость моего научного консультанта по докторской Е.В. Бондаревской, защиты просто бы не состоялось. Уж очень много было противников первой (и пока единственной) в истории России докторской диссертации по педагогике казачества. Удивляться здесь нечему: феномен казачества до сих пор воспринимается в социально-политических и научных кругах очень неоднозначно, желающих потоптаться по молодой поросли педагогики казачества даже сегодня хоть отбавляй. Тем не менее безграничная вера моего Учителя в меня как ученого, способного поднять воспитательный потенциал педагогики казачества на высокий научно-практический уровень, расчистить идеологические завалы феномена казачества, копившиеся столетиями в историко-культурном пространстве России, окрыляла меня, давала мне силы в научном споре с моими оппонентами. На защите докторской, которая проходила в стенах Южного Федерального университета почти пять часов, скептики и недоброжелатели быстро исчерпали свои аргументы, в то время как два моих официальных оппонента полностью стали на сторону соискателя, а их выступления в мою поддержку закончились аплодисментами членов диссертационного совета. После оглашения итогов голосования (все члены совета проголосовали белыми шарами) я дарил охапки цветов и кланялся в ноги моему Учителю, вместе с которым мы одержали такую долгожданную научную казачью Победу!

Е.В. Бондаревская была не только известным педагогом-исследователем, но и талантливым организатором науки. Она являлась неизменным руководителем и соруководителем международных, всероссийских, межвузовских и региональных форумов, конференций, научных чтений, проводимых в Южном регионе. Среди них – международный педагогический форум «Воспитание гражданина, человека культуры и нравственности – основа социальной технологии развития современной России», международный конгресс «Славянский педагогический собор», получившие широкое признание в нашей стране и странах содружества.

С начала 80-х годов прошлого века при непосредственном участии Е.В. Бондаревской и представителей ее научной школы проводились ежегодные Северо-Кавказские психолого-педагогические чтения «Развитие личности в образовательных системах Южно-Российского региона», а в 90-е годы они совпадали с годичными собраниями Южного отделения РАО. В данных форумах, которые проводились в ведущих вузах юга России (Ростов-на-Дону, Волгоград, Майкоп, Ставрополь, Карачаевск, Армавир, Нальчик, Элиста и др), принимали участие как ведущие ученые страны, региона, так и начинающие исследователи, которые обсуждали актуальные социально-педагогические проблемы, результаты проведенных исследований, знакомились с передовым опытом. Неизменно на пленарном заседании по самой злободневной и интереснейшей проблеме делала доклад академик Бондаревская Е.В., создавая особую научно-творческую атмосферу.

Профессор Е.В. Бондаревская, как ученый-исследователь и организатор педагогической науки и практики, внесла огромный вклад в подготовку научно-педагогических кадров высшей квалификации в Южном регионе. Под руководством Е.В. Бондаревской сложилась широко известная научно-педагогическая школа, вырастившая 40 докторов наук и более 250 кандидатов педагогических наук, в исследованиях которых развивается новое направление педагогики – педагогика личности. Почти все ученики и последователи Е.В. Бондаревской отмечают, что научное руководство всегда носило творческий характер, предполагало и духовное обогащение, сотрудничество и магическое влияние умной, харизматичной, образованной, яркой и интересной личности на их собственное развитие. Кафедра педагогики, возглавляемая Е.В. Бондаревской – это творческая мастерская, а РГПУ как головной педагогический вуз Северо-Кавказского региона, становится центром психолого-педагогических исследований, научно-культурным центром Юга России.

Исследования, проводимые в научной-педагогической школе Е.В. Бондаревской, всегда были непосредственно связаны с практикой. Евгения Васильевна была научным руководителем инновационной деятельности городского управления образо-

ванием, возглавляла экспертный совет по инновациям, осуществляла руководство опытно-экспериментальной работой в образовании, являлась членом двух диссертационных советов: Ростовского-на-Дону государственного педагогического университета и Волгоградского государственного педагогического университета.

В 2003 г. ей и группе ученых Ростовского государственного педагогического университета, Волгоградского государственного педагогического университета и Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко присуждена премия правительства РФ в области образования за совместное исследование проблем личностно ориентированного образования, цикл монографий и научно-методических разработок по внедрению образования нового типа в общеобразовательную и высшую школу.

В последнее десятилетие творческого и жизненного пути академика РАО Е.В. Бондаревской ее научно-исследовательская деятельность была направлена на разработку метатеории педагогического образования университетского типа, основной идеей которой является фундаментальное университетское образование, духовно-нравственное воспитание и качественная профессиональная подготовка новой генерации педагогов, осознающих себя достойными гражданами, людьми культуры и нравственности. Практическая часть исследовательских работ связана с разработкой стандарта университетского педагогического образования опережающего типа, модернизацией его содержания и технологий на основе идеи превращения педагогического образования в систему строительства будущего, ориентированного на воспитание поколения новаторов, способных обеспечить лидерство нашей страны в мировом цивилизационном процессе.

В 2015 году выходит в свет последняя монография Е.В. Бондаревской «Концепция и опережающая стратегия системной модернизации педагогического образования в федеральном университете. Образовательный метапроект: монография / Е.В. Бондаревская; Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2015. 216 с.», в которой автор представляет разработанную ею концепцию модернизации педагогического образования, основанную на

системно-эволюционном, смысло-деятельностном, культуротворческом, опережающем подходах, ориентированную на триединый результат: преодоление кризиса педагогического образования, выращивание в университете педагогов новой формации, создание инновационной модели опережающего педагогического образования университетского типа.

Вклад Е.В. Бондаревской в модернизацию и развитие отечественного образования отмечен правительственными наградами – Орденом Трудового Красного знамени, медалями, в том числе медалью К.Д. Ушинского, почетными знаками Правительства РФ. Жизненный и творческий путь Евгении Васильевны Бондаревской это пример бескорыстного служения своему Отечеству; это образец преданности педагогической науке; это достижения, вписанные золотом в анналы советской и российской педагогики. Научная школа Е.В. Бондаревской, признанного лидера педагогической науки на Юге России, представляет собой уникальное явление, во многом обусловленное личностью ее руководителя – ученого, имеющего высочайший научный статус, способного улавливать общественные потребности в развитии новых типов образования, генерировать идеи, концептуально мыслить, организовывать и направлять деятельность научного сообщества на разработку принципиально новых проблем и теорий, опережающих свое время.

Предстоящая в октябре 2018 года XI Кубанско-Терская международная научно-практическая конференция «Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа» будет посвящена светлой памяти Евгении Васильевны Бондаревской, столь много сделавшей для науки Юга России и педагогики казачества, в частности.

Л.Г. Орёл

Литературовед В.Н. Орёл: память сквозь годы

В этом году исполняется 90 лет со дня рождения известного кубанского литературоведа, журналиста, краеведа Василия Николаевича Орла. Чем больше я прикасаюсь к его наследию, архиву, переписке с учеными, писателями, краеведами и даже

семейной, тем больше открываю для себя этого неординарного человека.

Своими исследованиями и публикациями он, несомненно, внес значительный вклад в изучение истории и литературы Кубани, заполняя белые пятна на карте кубанской литературы и межнациональных литературных связей.

Учитель по образованию, настоящее свое призвание Василий Николаевич нашел в журналистской, а позднее в краеведческой и литературоведческой работе.

Творчество его многогранно. Об этом говорит вся его деятельность, в том числе многочисленные публикации в периодической печати в стране и за рубежом, рассказы, очерки, научные статьи и художественные произведения на самые различные темы, участие в научных конференциях, благотворительная и подвижническая работа.

Впервые библиография его работ была помещена в книге автора «В поисках истины», вышедшей в Краснодаре в 2008 году, затем в библиографическом словаре-справочнике Б.А. Трехбрата «Кто есть кто в кубановедении», в обоих изданиях в 2007 и 2014 годах.

Максимально полный биобиблиографический указатель В.Н. Орла вышел в Краснодаре в издательстве «Традиция» в 2015 году по решению библиографической комиссии и Ученого совета Южного филиала Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (директор – И.И. Горлова), сост. Л.Г. Орел, научный редактор В.К. Чумаченко, насчитывающий более одной тысячи работ автора и о нем.

В.Н. Орел до кончиков ногтей был интернационалистом. Им были опубликованы многочисленные статьи: о дружбе между народами, о взаимопроникновении культур разных народов, в том числе русской, украинской, осетинской, адыгейской и многих других. Он очень тепло и уважительно пишет в своих произведениях о людях, обычаях и культуре Дагестана, где ему посчастливилось жить и работать после окончания Краснодарского педагогического института. Здесь Василием Николаевичем написан цикл рассказов под названием «Дагестанская тетрадь» («Мелодия», «Баркала», «Верблюжье молоко» и др.).

Через все его творчество красной нитью проходит героическая тема. В статьях и

очерках о Великой Отечественной войне В.Н. Орел подчеркивает, что подвиги во имя освобождения от фашистов нашей страны, в том числе городов и сел Украины, а также других стран Европы, совершали сыновья разных народов Советского Союза (это очерки: «Ленинградский рейд», «Десант в бессмертие», «Последний огненный рубеж», замечательная повесть о мальчишках военных лет «За взлетной полосой» и др.).

Василий Николаевич с большой теплотой писал о подвиге татарского поэта Мусы Джалиля, погибшего в застенках гестаповцев, работавшего во время Великой Отечественной войны в газете «Отвага» Второй ударной армии корреспондентом вместе с кубанским поэтом и журналистом Емельяном Розуменко.

Василию Николаевичу был близок по духу осетинский поэт и публицист, основоположник осетинской литературы, Коста Леванович Хетагуров. Исследованию жизни и творчества этого замечательного певца Осетии Орел посвятил около трех десятков статей и до последних дней жизни работал над книгой о Хетагурове. В 1981 году в издательстве «Ир» г. Орджоникидзе вышла книга Василия Николаевича «Коста Хетагуров и Украина».

Но, пожалуй, одной из самых важных тем в творческой жизни Орла стала тема поиска и восстановления имен, стоящих у истоков истории и литературы Кубани.

Он считал это своим гражданским долгом.

Первым, о ком Василий Николаевич начинает собирать материалы, был Яков Герасимович Кухаренко – основоположник Кубанской литературы, историк, писатель, драматург, этнограф, наказной атаман Кубанского казачьего войска.

Живя в станице Отрадной, а затем на Украине, он почти каждый свой отпуск работает в Краснодарском Краевом архиве, собирая и записывая все, что относится к личности, службе, творчеству Якова Герасимовича, его окружению, переписке.

Свои первые находки о Кухаренко в архиве Василий Николаевич записал в тетрадку 6 июля 1964 года (а вообще, имеющиеся в архиве газеты он просмотрел за 100 лет).

И в дальнейшем В. Орел собирает по крупицам сведения и материалы, разбросанные по разным источникам, в том числе

в музеях, архивах, библиотеках Москвы, Ленинграда, Киева, Чехословакии и др. Ряд статей Орлом опубликовано о 20-летней дружбе кубанского писателя с великим украинским Кобзарем – поэтом и художником. Т.Г. Шевченко, об их переписке. Шевченко посвятил своему кубанскому другу поэму «Солдатов колодец», посылал Кухаренко на суд свои произведения, высоко оценил пьесу Кухаренко «Черноморский быт на Кубани», пытаясь помочь в её публикации.

После смерти Орла в 1994 году была издана книга «Атаман Кухаренко и его друзья» под научной редакцией В.К. Чумаченко. Рукопись этой книги была обнаружена мною в домашнем архиве под названием «Поэт и генерал».

В настоящее время благодаря Орлу и другим краеведам, литераторам и ученым, среди которых профессор В.К. Чумаченко, стали известны на Кубани поэт Мова Лиманский, историк Федор Щербина, поэт и драматург Алексей Кирий, Яков Жарко, Евгений Фелицын, Митрофан Дикарев. Они по праву заняли достойное место в истории и литературе Кубани.

А тогда, в начале 60-х годов двадцатого столетия, нужно было иметь большое мужество и смелость, чтобы поднимать из небытия эти имена. Но Орел говорил: «Как же так, ведь целый пласт литературы выпал из истории Кубани».

Сейчас ежегодно на краевом уровне проводятся Кухаренковские, Фелицынские, Щербиновские, Дикаревские научные конференции и чтения, на которых краеведы, ученые, молодые исследователи делятся своими находками, открытиями о жизни и творчестве, наследии зачинателей кубанской культуры, проложивших дорогу последующим поколениям.

Но это далеко не весь круг интересов В. Орла. Виктор Андреевич Жадан, известный кубанский краевед, в статье «Любил Кубань сыновней любовью» писал: «В архиве Краснодарского края сохранились бланки заказов дел, которые раскрывают круг поиска литературоведа, это: История Кубанской области, Лев Толстой на Кубани, Развитие литературы и печати на Кубани, Кубанцы в Харькове, Яков Кухаренко и литература XIX века, публицистика Коста Хетагурова и др.

Постоянная серьезная работа позволила ему стать признанным знатоком истории родной Кубани, способствовать сближению народов России и Украины.

В многочисленных публикациях Василий Николаевич писал о кубанской истории и культуре, о развитии многонациональных литературных связей, о воспитании любви и бережного отношения к памятникам старины».

Действительно, круг интересов Василия Николаевича неисчерпаем. Его интересовала история русского и украинского театра, героика гражданской войны. Им написаны десятки статей и очерков на эти темы, в том числе о командаре пятой кубанской дивизии Якове Балахонове и политработнике Назаре Трофимовиче Шпилько, уроженце Отраденского района, которого Василий Николаевич знал лично.

Среди героев гражданской войны, чьим подвигом гордится наш народ, стоит имя кубанской учительницы Т.Г. Соломахи. Её именем, идя на смерть, с гордостью назвалась легендарная героиня Великой Отечественной войны Зоя Космодемьянская.

Василий Орел писал и о А.С. Пушкине, Л.Н. Толстом, А.П. Чехове. Ряд статей опубликовано о его земляке, талантливом оперном певце Василии Петровиче Дамаеве, выходеце из станицы Отрадной. Вообще, отраденская страница в творчестве Василия Николаевича – это особая страница. Именно в станице Отрадной он начинал свою журналистскую деятельность в местной газете «Советское казачество». Здесь же им сделаны первые шаги в краеведческой и научной работе, по началу поиска материалов о Я.Г. Кухаренко.

И куда бы ни забрасывала жизнь Орла, где бы он не жил и не работал, всё свое творчество он связывал с Кубанью. В письме к ученому Евгению Шаблювскому Василий Николаевич писал: «Сейчас оказался в Николаеве, уже несколько лет живу на Украине, но связей с Кубанью не прекращаю и не прекращу, пока дышу...»

Несомненный интерес представляет его эпистолярное наследие, оно огромно.

Благодаря переписке можно проследить не только его жизненный путь, исследовательскую работу, гражданскую позицию, но и узнать о его бескорыстной помощи музеям, школам, краеведам-единомышленникам.

На протяжении многих лет В.Н. Орел вел деловую переписку с десятками адресатов, в том числе с кубанцами – Г. Чучмаем, В. Бардадымом, Е.Неподобой, В. Веровенко, А. Коломийцем, М. Башмаком (держателем архива Щербины в Чехословакии), М. Ложкиным и многими другими.

Дружил и переписывался с клубами интернациональной дружбы, советами в школах, помогал ребятам рекомендациями и материалами, в том числе музею лейтенанта Шмидта П.П. в г. Севастополе, КИДу «Факел» СПТУ № 9 в г. Орджоникидзе, поисковому отряду «Снежный десант» Казанского университета, студенты которого занимались поиском сотрудников газеты «Отвага», где работал поэт Муса Джалиль. Сохранилась его знаменитая «Моабитская тетрадь» с мужественными стихами.

В. Орел был человеком огромного трудолюбия, неумной энергии и инициативы, у него была просто потребность делать добрые дела, делиться своими знаниями, документами и т.д.

Музей Т. Г. Шевченко, созданный под его руководством в станице Малотенгинской Отраденского района, где Василий Николаевич работал завучем школы, был его детищем и гордостью.

Работа музея была направлена на воспитание у ребят уважения к таланту великого поэта братской республики, воспитание интернационализма, сближение народов Украины и России, изучение культуры и традиций другого, близкого нам народа.

Василий Николаевич очень много читал. Покупая новинки, непременно писал рецензии на понравившуюся ему книгу. Он говорил: «Пусть порой рецензия носит популяризаторский характер, свое доброе дело она делает» (т.е. кто-то заинтересуется хорошей, полезной книгой и прочитает).

Главной мечтой Василия Николаевича было открытие в Краснодаре в доме Кухаренко Литературного музея.

И он не просто мечтает, а будучи на Украине, посылает для будущего музея книги, газеты, другие материалы, собранные им по истории и литературе Кубани. Ведет переписку с научным работником историко-археологического музея им. Е. Фелицына Е.Н. Неподобой, которая занималась сбором материалов и подготовкой к открытию музея, даёт советы, предлагает концепцию экспозиции музея и т.д.

К великому сожалению, музей был открыт только в 1988 году, через год после ухода из жизни Василия Николаевича.

В 1990 году я переехала с Украины на родину, в Краснодар, и перевезла огромный научный архив В.Орла.

Большую часть документов по просьбе работников передала в Краснодарский государственный архив, где был образован личный фонд В.Н. Орла, насчитывающий почти 150 дел.

В историко-археологическом музее-заповеднике им. Е. Фелицына также имеется большая коллекция материалов из личного архива В.Н. Орла по истории и культуре Кубани.

По просьбе Отрадненского общества историков-архивистов (председатель Немченко С.Г.) я также часть материалов из семейного архива передала на ответственное хранение в Отрадненский районный архив (заведующая Плотникова В.А.), где образован личный фонд Василия Николаевича.

Свою мечту мне удалось воплотить в жизнь, собрав воедино мои статьи и очерки о Василии Николаевиче – о его жизни, деятельности, взаимоотношениях со своими коллегами, единомышленниками, о его любви к родной Кубани, разбросанные в различных сборниках и журналах, и издать отдельной книгой.

Так родилась книга «И это все о нём» – краеведческие очерки.

К 90-летию со дня рождения Василия Николаевича (10 января 2018 года) и 70-летию его творческой деятельности в издательстве «Экоинвест» под научной редак-

цией профессора В.К. Чумаченко (составитель Л.Г. Орел) вышла очередная книга В.Н.Орла «Перстень митрополита» (повесть и очерки).

В Литературном музее Кубани состоялась презентация этой книги в рамках празднования юбилея писателя.

А 10 января 2018 года, в день рождения В.Н. Орла, в Отрадненской межпоселенческой библиотеке состоялась литературно-тематическая композиция, посвященная 90-летию со дня рождения писателя и 75-летию его творческой деятельности. Собрались почитатели творчества своего земляка, обществу Отрадненского района.

Работниками библиотеки была организована выставка, на которой были представлены произведения юбиляра и материалы о нем. С рассказом о жизни и творчестве Василия Николаевича выступили участники встречи, в том числе работник библиотеки И.М. Зуева, директор районной библиотеки С.А.Топорец, краевед Л.Н. Дорошенко, краевед Немченко С.Г. и другие. Были прочитаны отрывки из произведений В.Н. Орла.

В конце мероприятия С.Г. Немченко, популяризатор творчества В.Н. Орла, вручил участникам встречи каравай с надписью: «К 90-летию В.Н. Орла».

Литературно-тематическая композиция была организована совместно с председателем Отрадненского районного общества историков-архивистов имени преподобного Нестора Летописца С.Г. Немченко, начальником архивного отдела Администрации МО Отрадненский район В.А. Плотниковой, краеведом Л.Н. Дорошенко.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКАК – Акты Кавказской археографической комиссии

АОАОР – Архивный отдел администрации муниципального образования Отраденский район

АОАМР – Архивный отдел муниципального образования Мостовской район

ВС – Военный сборник

ВМЖ – Военно-медицинский журнал

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края

ГАСК – Государственный архив Ставропольского края

ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина

ДонНУ – Донецкий национальный университет

КК – Кавказский календарь

КОВ – Кубанские областные ведомости

МВД – Министерство внутренних дел

НА – Научный архив

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

РГИА – Российский государственный исторический архив

РМС – Российские медицинские списки

СЕВ – Ставропольские епархиальные ведомости

ЦДНИКК – Центр документации новейшей истории Краснодарского края

ЦГА РСО-А – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреев Алексей Олегович – главный специалист ГКУ КК «Государственный архив Краснодарского края», заслуженный работник государственной архивной службы Кубани (г. Краснодар). E-mail: aleksey.an2011@yandex.ru.

Антоний (Малинский), иеромонах – председатель комиссии по канонизации святых Армавирской епархии, член Союза журналистов России (г. Армавир). E-mail: priest-anatoly@mail.ru.

Аракелян Артур Артурович – магистрант 2 курса магистратуры исторического факультета ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет».

Бабич Александр Владимирович – главный специалист отдела информационно-поисковых технологий и использования архивных документов КГУ КК «Государственный архив Краснодарского края», член Отрадненского районного общества историков-архивистов во имя святого преподобного Нестора Летописца (г. Краснодар).

Брацун Егор Васильевич – кандидат исторических наук, независимый исследователь (г. Краснодар). E-mail: e-bratsun@mail.ru.

Виноградов Евгений Александрович – директор Лабинского музея истории и краеведения им. Ф.И. Моисеенко (г. Лабинск).

Винокуров Владимир Васильевич – историк-краевед, старший хранитель музея ст. Бриньковской, председатель общества историков-архивистов Приморско-Ахтарского района (ст. Ново-Джерелиевская).

Вотченко Игорь Дмитриевич – специалист 2 категории архивного отдела администрации муниципального образования город Армавир. E-mail: vid_2007@mail.ru.

Гетманская София Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ГБНТУК КК (Государственное бюджетное научно-творческое учреждение культуры Краснодарского края) «Кубанский казачий хор» (г. Краснодар). E-mail: ribkosn@mail.ru.

Громов Владимир Прокофьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры дореволюционной истории КубГУ, депутат Законодательного собрания Краснодарского края, атаман ККВ (1990–2007), Герой труда Кубани, казачий генерал (г. Краснодар).

Дорошенко Лев Николаевич – краевед, член Отрадненского районного общества историков-архивистов во имя святого преподобного Нестора Летописца (ст. Отрадная).

Дюкарев Андрей Викторович – кандидат исторических наук, преподаватель ИНСПО КубГУ (г. Краснодар). E-mail: mr.dk72an@yandex.ru.

Емельянов Никита Олегович – магистрант 2-го курса Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург).

Емельянов Олег Борисович – кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного института (филиал в г. Георгиевске).

Казанков Владимир Иванович – краевед, член Отрадненского районного общества историков-архивистов во имя святого преподобного Нестора Летописца (ст. Бескорбная). E-mail: vl.kazankov56@mail.ru.

Карданова Ася Хусиновна – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник славянского отдела (Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почёта» институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР (г.Черкесск).

Кияшко Никита Витальевич – историк, секретарь Комиссии по канонизации святых Екатеринодарской епархии Русской Православной Церкви. E-mail: kiyashkonv@gmail.com.

Колесников Владимир Александрович – кандидат исторических наук, доцент ГБУ ДПО «Ставропольский краевой институт развития образования, повышения квалификации и переподготовки работников образования» (г. Ставрополь).

Корсакова Наталия Александровна – старший научный сотрудник Краснодарского историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына (г. Краснодар).

Лукаш Сергей Николаевич – доктор педагогических наук, профессор кафедры теории, истории педагогики и образовательной практики ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир).

Малахов Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института истории и археологии РСО-Алания.

Матвеев Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры дореволюционной отечественной истории КубГУ, главный научный сотрудник НИЦ традиционной культуры Государственный научно-творческого учреждения «Кубанский казачий хор» (г. Краснодар).

Немченко Гарий Леонтьевич – русский писатель (г. Москва).

Немченко Сергей Гариевич – краевед, председатель Отрадненского районного общества историков-архивистов во имя святого преподобного Нестора Летописца (ст. Отрадная).

Орёл Лариса Гавриловна – краевед, независимый исследователь (г. Краснодар).

Панарин Андрей Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир).

Панарина Елена Владимировна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет» (г. Армавир).

Пелих Алексей Леонидович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета (г. Армавир). E-mail: pelich1976@mail.ru.

Тёр Евгений Викторович – кандидат исторических наук (ст. Ленинградская). E-mail: ter_75@inbox.ru.

Пьянков Алексей Васильевич – ведущий научный сотрудник ООО «Западно-Кавказская археологическая экспедиция» (г. Краснодар). E-mail: a.v.pyankov@rambler.ru.

Пономарёв Виктор Петрович – педагог дополнительного образования Дома детского творчества (г. Абинск). E-mail: kgiamz@mail.kubannet.ru.

Решетникова Елена Леонидовна – координатор проектов НБФ «Наследие» (г. Москва).

Росликова Валентина Ивановна – доктор географических наук, главный научный сотрудник Института водных и экологических проблем Дальневосточного отделения РАН, заслуженный деятель науки РФ (г. Хабаровск).

Русанов Константин Викторович – краевед, независимый исследователь (г. Харьков, Украина). E-mail: kokamoka51@gmail.com.

Седов Олег Александрович – аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет».

Соловьева Наталья Георгиевна – кандидат исторических наук, доцент, и.о. зав. славянского отдела КЧИГИ (РГБУ Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР). E-mail: soloviova_n31@mail.ru.

Слуцкий Аркадий Иосифович – кандидат педагогических наук, ассоциированный старший научный сотрудник сектора исследований истории культуры народов Юга России филиала Российского научно-исследовательского института культуры и природного наследия им. Д.С. Лихачева (г. Атланта, США).

Стрелянов (Калабухов) Павел Николаевич – военный историк (г. Москва).

Хлебнов Валентин Анатольевич – историк-краевед, директор МБУК «Белокалитвинский историко-краеведческий музей» (г. Белая Калитва Ростовской области).

Цокур Ирина Васильевна – научный сотрудник ООО «Ирида» (г. Краснодар).

Отраденские историко-краеведческие ЧТЕНИЯ

Выпуск VI

*Научный редактор С.Н. Малахов
Составитель С.Г. Немченко*

Издательско-полиграфическое предприятие:
ИП Шурыгин Виталий Евгеньевич
г. Армавир, ул. Каспарова, 7.
Тел.: (86137) 7-56-96, (928) 2954-928.

Подписано в печать: 05.08.2018 г. Формат 60x90/8.
Гарнитура Times. Бумага офсетная. Тираж 250 экз.
Печать трафаретная цифровая. Усл.печ.л. 37,8. Уч.изд.л. 37,3.